
Сказки англов, бриттов, скоттов

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-ФАКТОРИЯ
АСТ
ХРАНИТЕЛЬ
Москва

УДК 398
ББК 82.3(3)
С42

Серия «Bibliotheca mythologica»
Составитель В. Харитонов
Перевод с английского Н. Шерешевской,
М. Клягиной-Кондратьевой, М. Литвиновой

С42 Сказки англов, бриттов, скоттов / пер. с англ. Н. Шерешевской, М. Клягиной-Кондратьевой, М. Литвиновой. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. — 560 с. — (Bibliotheca mythologica).

ISBN 978-5-9757-0287-6 (ООО «Агентство прав «У-Фактория»)
ISBN 978-5-9713-7503-6 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-6452-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

В сборник вошли сказки британских народов — потомков древних англов, бриттов, скоттов — кельто-германских племен, заселивших когда-то Британские острова. В этих сказках древние мифологические представления, переплетаясь с христианской традицией, создали потрясающе причудливый мир волшебства, очаровывающий читателей и вдохновляющий авторов жанра фэнтези.

УДК 398
ББК 82.3(3)

© ООО «Агентство прав «У-Фактория»,
2008

Ирландские сказки

Черный вор

Кони короля Конала

В давние времена правил в Эйре¹ король, который взял себе в жены королеву, прекрасную и добрую. Она была такой доброй, что все люди в стране любили ее, особенно бедняки, и не проходило дня, чтобы они не появлялись в королевском замке со своими просьбами. У короля и королевы росло три славных сына, и не было никого счастливей их во всем королевстве Ирландском до того самого дня, пока королева не слегла от неведомой болезни. Она почувствовала, что смерть ее близка, и позвала к себе короля, и сказала ему:

— Если я умру и вы женитесь еще раз, обещайте мне отослать моих трех сыновей в самую отдаленную часть королевства, чтобы они не оказались под властью чужой женщины. Пусть они живут там, пока не станут взрослыми.

Король поклялся, что исполнит желание королевы, и она спокойно умерла.

Король горько оплакивал ее год, а то и два, и даже не думал брать себе новую жену, пока советники не сказали ему, что для блага государства ему следует жениться. Тогда он приказал выстроить в самой отдаленной части королевства замок и отослал туда своих трех сыновей со слугами и учителями, чтобы они ухаживали за детьми. А потом женился и был опять счастлив, пока новая жена не подарила ему сына.

И вот как-то вскоре после рождения сына король уехал на охоту, а молодая королева вышла погулять в окрестностях замка. Когда она

¹ Эйре — древнее национальное название Ирландии.

проходила мимо хижины полувывившей из ума старой птичницы, она услышала, как старуха жалуется, что новая королева совсем не заботится о бедных.

— Тебе-то нет дела до бедняков и горемычных людей, что живут у самых стен твоего богатого замка, — кричала ей вслед старуха. — Не то что славной, доброй королеве, которая была женой нашему королю до тебя. Недаром говорят, что благородная леди готова была снять со своих плеч плащ и отдать его любому, кто больше в нем нуждался.

Услышав эти слова, молодая королева остановилась и решила расспросить птичницу о покойной королеве. Она пообещала старухе сотню пестрых коз, сотню овец и сотню коров, чтобы та ей все рассказала, и услышала от нее про трех королевских сыновей, живущих в уединенном замке в самой отдаленной части королевства.

— А когда они вырастут, — закончила старуха, — твоему собственному сыночку негде будет и головы приклонить, словно птичке небесной.

Рассказ старой птичницы встревожил молодую королеву, она испугалась за судьбу своего сына, но старуха успокоила ее:

— Послушайся меня, и я научу тебя, как отделаться от сыновей короля. Заставь короля пригласить их в гости, сюда в замок, а пока они будут гостить здесь, попроси их сыграть с тобой в шахматы. Я дам тебе заколдованную доску, и ты выиграешь. Когда ты выиграешь у всех троих, скажи, что в наказание ты велишь им отправиться за тремя скакунами короля Конала, потому что хочешь трижды объехать на них границы королевства. Они поедут, и ты их больше не увидишь, ведь уж немало героев отправлялось на поиски коней короля Конала и никто из них не вернулся назад. А твой сын станет королем, когда придет время.

Королева пошла домой и в тот же вечер, как только король прискакал с охоты, спросила его, почему он прячет от нее своих сыновей.

— Верни их в замок, — попросила она, — и ты увидишь, что я люблю их не меньше, чем своего родного сына.

И вот король вернул своих трех сыновей и велел в их честь приготовить великий пир. И все люди в королевстве ликовали, потому что снова видели их в королевском замке.

После пира королева вызвала каждого брата одного за другим сыграть с ней в шахматы. С каждым она играла трижды: два раза выигрывала, а на третий нарочно проигрывала.

Вечером старший из братьев пришел к ней и спросил:

— Какое наказание будет мне и моим братьям за то, что мы проиграли вам?

— Я требую от вас клятвы не спать дважды под одной крышей и не есть дважды с одного стола, пока вы не приведете ко мне трех скакунов короля Конала, потому что я хочу трижды объехать на них границы королевства.

— Но где, скажи, о королева, искать нам коней короля Конала? — спросил старший принц.

— Обойдите четыре части света, — ответила королева, — и в одной непременно найдете их.

— А теперь я назначу наказание вам, — сказал старший брат, — за ту партию, что вы проиграли мне: я беру с вас клятву подняться на крышу замка и стоять там и смотреть, ни разу не спускаясь вниз, до тех самых пор, пока мы не вернемся со скакунами.

— Отмените ваше наказание, и тогда я отменю свое! — воскликнула королева.

— Если человек в молодости уваливает от первого же наказания, которое назначили ему, то ничего путного из него не получится, — сказал принц. — Мы отправляемся за конями!

На другой день три брата распрощались со своим отцом и отправились на поиски замка короля Конала. И вот, пропутешествовав много дней и не найдя даже следов этого замка, они повстречали какого-то хромого человека в черном колпаке на голове.

— Кто вы такие? И что вас завело в эти края? И куда вы так спешите? — спросил человек в черном колпаке, остановившись перед ними.

— Мы сыновья ирландского короля, — ответил старший из братьев, — и мы ищем трех скакунов короля Конала, чтобы привести их к нашей мачехе.

— Пойдемте со мной, — сказал хромой незнакомец, — проведем вместе ночь, а завтра я отправлюсь с вами и покажу дорогу к замку короля Конала.

Уже смеркалось, братья пошли за незнакомцем и провели ночь в его хижине. А на другое утро раним-рано человек в черном колпаке разбудил их и сказал:

— Немало отважных героев пытались уже достать коней короля Конала и поплатились за это жизнью. Но, — добавил он, — я вам помогу, и, может быть, вам это удастся. А без меня вам бы ни за что их не найти.

И вот четверо опять пустились в путь и еще засветло добрались до замка короля Конала. Однако они дождались полночи и только тогда пошли на конюшню за конями. Велика же была их радость, когда они увидели, что вся стража крепко спит.

Три брата и человек в черном колпаке воспользовались этим, и каждый выбрал себе коня. Но едва они дотронулись до них, как скакуны бешено взвились на дыбы и стали так громко ржать, что подняли на ноги весь замок. Стражники бросились на трех братьев и вмиг схватили их и человека в черном колпаке. А потом отвели пленников к королю Коналу.

Король Конал сидел в главном зале своего замка на большом троне из чистого золота. По обеим сторонам от него и позади трона стояла стража с обнаженными мечами. А перед ним на жарком огне в огромном котле кипело и пузырилось масло.

— Что такое! — воскликнул король Конал, увидев перед собой человека в колпаке. — Если бы Черный Вор не умер, я бы сказал, что это он и есть!

— Я и есть Черный Вор, — сказал человек в черном колпаке.

— В самом деле? — сказал король. — Ну, мы это еще проверим. А кто эти трое молодых?

— Мы сыновья ирландского короля, — ответили трое братьев.

— Что ж, — молвил король Конал, — начнем с младшего. Только сначала размешайте-ка огонь под котлом, а то масло все выкипит!

Потом король повернулся к Черному Вору и спросил:

— Ну что, разве этот юноша не близок сейчас к смерти?

— Однажды я был ближе его, — ответил Черный Вор, — и спасся.

— Расскажи-ка, — говорит король, — и если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он сейчас, я дарю ему жизнь.

— По рукам, — сказал Черный Вор и начал свою историю.

Три заколдованные девушки

В молодости у меня были земли и несметные богатства. Жизнь моя текла в полном покое и довольстве, пока не явились три ведьмы и не разорили меня дотла. Тогда я вышел на большую дорогу и стал знаменитым разбойником, самым знаменитым во всем Ирландском королевстве, — Черным Вором.

Так вот, эти три ведьмы были дочерьми короля, который правил в то время в Эйре. Днем это были самые прелестные девушки во всем коро-

левстве, а ночью по заклинанию злого волшебника они обращались в трех мерзких ведьм.

И так получилось, что, еще до того, как мне потерять все свое имущество и выйти на большую дорогу, я отдал приказание моим слугам запасти торфа на целых семь лет — нарезать его и принести ко мне. Возле дома моего выросла огромная куча, такая большая, словно настоящая черная гора. И вот однажды ночью — это случилось после полуночи — возвращаясь с пирушки домой и что вижу: три страшных ведьмы хватают из моей кучи торф, бросают его в три корзины, взваливают корзины на спины и уносят его. Так они в ту зиму и таскали мой торф, пока весь не перетаскали.

На другой год я снова сделал запас торфа на семь лет, но ведьмы явились опять и принялись его растаскивать. Тогда как-то ночью я подстерег их, подождал, пока они наполняют корзины, и пошел за ними следом до самых холмов. Я заметил, как они спустились в подземную галерею под скалами на глубине ста двадцати футов. Заглянув вниз, я увидел, что там пылает огонь и ведьмы варят в огромном котле целую тушу вола. Я огляделся по сторонам, чтобы найти, чем бы запустить в них, и, заметив возле самого входа в подземелье огромный валун, стал толкать и катить его, пока он не свалился прямо на ведьм. Валун разбил горшок и расплескал по золе весь бульон.

Я пустился бежать, но три ведьмы вскоре нагнали меня. Чтобы спастись от них, я влез на высоченное дерево, но они меня заметили, остановились внизу и стали разглядывать меня сквозь ветви. Старшая из трех ведьм превратила среднюю в острый топор, а младшую в свирепую гончую собаку. Потом схватила топор и стала подрубать подо мной дерево.

С первого удара ведьма перерубила ствол дерева на целую треть. Она ударила топором во второй раз и перерубила еще на вторую треть. Наконец замахнулась для третьего, и последнего, удара... но тут как раз прокричал петух, и у меня на глазах топор превратился в хорошенькую девушку, ведьма, которая рубила дерево, в другую хорошенькую девушку, а свирепая гончая — в третью. Сестры взялись за руки и пошли прочь, счастливые и невинные с виду, как любые три девушки в королевстве Эйре.

— Ну, — сказал Черный Вор королю Коналу, — разве я не был тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Пожалуй, был, — согласился король. — Ну что ж, вместо него пойдет его брат! Масло как раз кипит, так что не стоит откладывать.

— И все же, — сказал Черный Вор, — однажды я был к смерти ближе, чем он в эту минуту.

— Послушаем твою историю, — молвил король Конал, — и если ты и в самом деле был ближе к смерти, чем он, мы отпустим на свободу и второго молодца.

И Черный Вор начал свою вторую историю.

Тринадцать заколдованных котов

После того как я разбил трем ведьмам, укравшим у меня торф и весь мой скот, их горшок, они перерезали у меня всех кур, потоптали посевы, в общем, довели меня до такой нищеты, что мне пришлось выйти на большую дорогу, чтобы прокормить жену и всю семью.

Как-то ночью гнал я домой старую клячу и коровенку, чтоб было чем накормить детей, и так устал, тащась вслед за ними, что сел в густом лесу под деревом передохнуть. Было холодно, а так как в кармане у меня лежал кремь, я высек огонь, чтобы согреться. Недолго я просидел у костра, как вижу — из темноты со всех сторон, крадучись, появляются тринадцать большущих и жутких котов! Таких больших и страшных, каких свет еще не видывал: двенадцать котов ростом со взрослого мужчину, а тринадцатый, их вожак, еще того больше. Огромный, свирепый, с дикими зелеными глазами, так и загоревшимися и засверкавшими, когда он уселся у огня и уставился на меня. Остальные расселись по шести с обеих сторон от него и все вместе принялись мурлыкать, да так громко, словно гром загремел в тихой ночи. Немного погодя главный, рыжий, кот встает, поднимает морду и, глядя на меня через огонь, говорит:

— Не желаю я больше голодать! Дай мне сейчас же чего-нибудь поесть!

— Но у меня ничего нет, кроме вон той белой клячи, которая привязана к дереву позади тебя.

Рыжий кот прыгнул на лошадь и, разодрав ее пополам, одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Те живо расправились с нею и даже обглодали все косточки.

Потом все тринадцать вернулись на свои места к огню и уселись вокруг меня, облизываясь и мурлыча так громко, хоть уши затыкай.

Немного погодя главный кот заговорил опять и сказал:

— Мне опять хочется есть. Дай чего-нибудь еще!

— Но у меня ничего нет, кроме этой безрогой коровы, — ответил я.

Рыжий кот набросился на корову и разделил ее пополам, как раньше лошадь. Одну половину съел сам, а другую оставил своим двенадцати друзьям. Пока коты-чудовища жрали корову, я снял с себя плащ и обмотал его вокруг пня, а наверх нахлобучил мой колпак. Я хотел, чтобы получилось похоже на меня, потому что хорошо знал, что эти чудовища сделают, когда покончат с коровой. Потом сам влез на дерево.

Коты очень быстро покончили со старой коровой, вернулись на свои места и опять расселись вокруг огня. Вскоре рыжий кот взглянул на пень, который я оставил вместо себя, и сказал:

— Есть у тебя еще чего-нибудь? Я умираю от голода!

Пень, конечно, не ответил, тогда вожак котов перескочил через кустер прямо на него и давай его терзать и рвать когтями. Но очень скоро он заметил, что ошибся.

— Ага, — сказал он, — значит, ты удрал! Ну ничего, мы тебя быстренько найдем, куда бы ты ни запрятался!

И он приказал своим двенадцати котам обойти хоть все королевство Эйре, но найти меня. Шесть котов должны были искать меня под землей, а шесть на земле. Сам же он уселся под деревом. Вскоре коты вернулись, облазив всю землю снизу доверху и не найдя даже моих следов.

И тут рыжий кот случайно посмотрел вверх на дерево и увидел меня.

— Ага, — сказал он. — Вот ты где! Ничего, скоро ты у меня оттуда слетишь. А ну-ка, — приказал он двенадцати котам, — подгрызайте это дерево!

Двенадцать котов тут же окружили дерево и принялись подгрызать ствол. Не успел я и глазом моргнуть, как они перегрызли его и свалили на землю прямо перед своим вожаком. Но когда дерево падало, я успел перепрыгнуть на ветки соседнего. Тогда коты стали подгрызать это дерево, и только в последнюю минуту, перед тем как ему упасть, я спасся на третьем дереве.

Так они преследовали меня всю ночь, подгрызая каждое дерево, на котором я прятался, пока я не добрался до самого последнего дерева в этом лесу. Они принялись и его подгрызать, и я просто не знал, как же мне от них теперь улизнуть. Они перегрызли уж полствола, как вдруг, откуда ни возьмись, появляются тринадцать страшных волков: стая из двенадцати волков и один огромный, свирепый — их вожак.

Волки напали на котов, и между ними завязалась кровавая и жестокая битва, пока наконец двенадцать котов и двенадцать волков не оказались замертво распростертыми на земле. И только два вожака продолжали сражаться. Но вот вожак волков нанес рыжему коту ужасный удар; рыжий кот успел лишь схватить волка за голову и за хвост и разорвать его пополам, и оба свалились мертвыми друг на друга.

Тут я спокойно мог сойти с дерева на землю и отправиться домой. И когда я начал спускаться, дерево так и скрипело, так и качалось подо мной — ведь коты почти совсем успели подгрызть его.

— Ну, — спросил Черный Вор, — разве в тот раз я не был ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— И в самом деле, был, — ответил король Конал. — И я дарю ему жизнь, так как своего слова нарушать не собираюсь. Но остается еще третий брат, так что подбавьте-ка жару под маслом, чтобы оно было горяченькое! — И добавил: — Ну, был ты когда-нибудь ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Еще бы! — отвечал Черный Вор.

— Расскажи-ка, — молвил король Конал, — и если и вправду был, я отпущу его на свободу вместе с его братьями.

И Черный Вор поведал королю Коналу третью историю.

Вероломный ученик

После того как я уже некоторое время занимался своим ремеслом, я овладел им в таком совершенстве, что взял к себе несколько учеников, чтобы обучить их тому же, — начал свой рассказ Черный Вор. — Среди них был один, молодой, который отличался умом от всех прочих, — с ним я занимался больше всех. Он был очень сообразительный, и ученье давалось ему легко. Довольно скоро я обучил его всему, что знал, и он стал еще более искусным вором, чем я сам.

Это было в те времена, когда на другом конце нашего королевства в каменной пещере жил великан. А так как этот великан обирал и грабил окрестную знать, всем было известно, что его пещера битком набита золотом и разными прочими богатствами. Вот мы и надумали с моим учеником отправиться туда в один прекрасный день и набрать всяких драгоценностей побольше, сколько сможем унести. Отправились мы

в путь-дорогу и, пропутешествовав много дней, добрались до пещеры великана, которая находилась в горах.

Это была подземная пещера, спрятанная в скалах. В нее вел лишь один ход — глубокая, темная расселина. Несколько дней мы наблюдали за великаном. Обычно он каждое утро уходил, а вечером возвращался с мешком за плечами, наполненным — мы могли поклясться в этом — золотом и драгоценностями.

И вот в одно утро, когда великан ушел, я обвязал моего ученика веревкой вокруг пояса и начал спускать его в дыру между скалами, ведущими в пещеру великана. Но когда он был уже на полдороге, то вдруг как закричит, как завопит, чтобы я его вытянул обратно наверх. Я вытянул его, и он признался, что боится спускаться вниз.

— Спускайся сам, — говорит, — а я подержу веревку и вытащу тебя наверх.

Я спустился и, когда добрался до пещеры великана, увидел огромные желтые груды золота и сверкающие белые кучи серебра и драгоценных камней. Я развязал мешок и насыпал в него всякого добра, сколько под силу поднять одному человеку, а потом отправил мешок на веревке вверх, к моему ученику. После этого я крикнул ему, чтобы он спускал веревку для меня. Сначала ответа не было, потом, слышу, он кричит мне:

— Больше я не буду у тебя учиться! Хватит! Я уже стал вором по-лучше тебя. Будь здоров! Надеюсь, ты проведешь приятный вечер с великаном.

И больше я ничего от него не услышал. Тогда я огляделся, чтобы найти хоть какой-нибудь выход из пещеры великана, но выбраться оттуда было невозможно, даже муха и та не сделала бы ни шагу по крутым и скользким скалам. И тут в одном из углов кухни я заметил целую грудку мертвых тел. Я залез под них, так как больше спрятаться было негде, и растянулся во весь рост, будто и сам мертвый.

Вечером великан вернулся, неся еще трех мертвецов. Он бросил их в общую грудку, как раз рядом со мной, и принялся в другом конце кухни разжигать огонь. Когда очаг запылал, он повесил над ним огромный черный котел¹ с водой. Потом взял большую корзину, вернулся

¹ В кельтской мифологии образ котла был очень важен, и все его многочисленные виды (котел изобилия, котел мудрости, котел воскрешения) восходят к котлу Дагды — одного из бога Племен богини Дану, известного также как Эохайд, «отец всех», божества потустороннего мира. Чаша святого Грааля — тоже своеобразный вариант кельтского котла.

и наполнил ее мертвецами. Я оказался первым, а на меня он набросал еще шестерых. Подтащил корзину к котлу и опрокинул, так что шесть мертвецов упали в кипящую воду, а мне удалось уцепиться за дно корзины. Потом великан забросил корзину вместе со мной в дальний угол кухни. Так, ненадолго, я был спасен...

Великан поужинал, потом уселся в кресло и захрапел. Я улучил минуту и вылез из-под корзины. Потом подошел к выходу из пещеры и что же вижу — вот подвезло, так подвезло! — великан забыл повернуть к стене свою лестницу. Лестница была выдолблена в стволе дерева, и, когда великан уходил из пещеры или возвращался в нее, ему стоило лишь повернуть лестницу ступенями к стене, и никто уж не мог ею воспользоваться, разве только такой же силач, как он сам. Я полез вверх по лестнице и мигом очутился на земле.

— Ну, как вы считаете, был я тогда ближе к смерти, чем этот юноша сейчас?

— Клянусь, ты был достаточно близко! — сказал король. — И я помилюю его, как помиловал и его братьев. А теперь твоя очередь! Теперь уж ты сам угодишь в горшок, и делу будет конец. Да-а, наверно, никогда ты не был так близко к смерти, как сейчас!

— Что и говорить, ближе некуда, — молвил Черный Вор. — И все-таки однажды я был еще ближе.

— Когда это? — спросил король. — Расскажи, и, может быть, я отпущу тебя на волю вместе с остальными.

И Черный Вор рассказал историю, как он спасся от трех людоедов.

Три людоеда

Как-то раз, — начал Черный Вор, — я устал в дороге, да и есть захотелось, вот и подошел к какому-то дому попросить чего-нибудь поесть. Вхожу и вижу молодую женщину, а на коленях у нее младенца. В руках у женщины нож, и она то занесет его над ребенком, словно собирается его убить, то отведет. И при этом горько плачет, а милый ребенок так и смеется, так и заливается от радости.

— Зачем ты все замахваешься ножом на ребенка? — спросил я у женщины. — И почему так горько плачешь?

Тут она мне рассказала свою историю:

— В прошлом году, когда я была с отцом и матерью на ярмарке, вдруг, откуда ни возьмись, налетели на людей три великана. Никто и опомниться не успел: у кого в руках кусок был, не успел его в рот положить, а у кого во рту — проглотить. Всех дочиста обообрали великаны, а меня схватили и увели от отца с матерью вот в этот дом, а потом сказали, чтоб я стала женой старшему великану. Но я упростила его не жениться на мне, пока мне не минет восемнадцать лет. А мне будет восемнадцать уже через несколько дней, и тогда нет мне спасенья, если до этого кто-нибудь не убьет трех людоедов.

— Но зачем же ты хочешь зарезать этого ребенка? — спросил я.

— Вчера они принесли этого мальчика и сказали, что он — сын короля. Они отдали его мне и велели приготовить из него паштет, и чтобы паштет был готов сегодня к ужину.

— Не убивай мальчика! — сказал я. — У меня тут есть поросенок, можно из него приготовить паштет, они и не спохватятся — ведь молочный поросенок такой же нежный, как ребенок. А у ребенка мы отрежем кончик мизинца и запечем в паштете. Если людоеды станут сомневаться, ты им покажешь его.

Девушка так и поступила, как я посоветовал ей, и приготовила паштет из поросенка. Три людоеда съели паштет с превеликим удовольствием и только приговаривали, что очень вкусно, да маловато. Потом старший людоед, — он все еще не наелся, — послал младшего брата в погреб, чтобы тот отрезал кусок от какого-нибудь мертвеца и принес наверх. Тот спустился в погреб и, схватив меня, отрезал порядочный кусок от моей ноги чуть повыше колена. Этот кусок пришелся так по вкусу старшему людоеду, что он сам спустился в погреб, чтобы забрать меня и поджарить на огне. Он поднял меня, перебрал через плечо, но не сделал и нескольких шагов, как я вонзил свой нож прямо ему в сердце. И он замертво рухнул на землю.

Потом в погреб спустился средний брат, тоже чтобы найти чего бы поесть. Он, как и тот, взвалил меня на спину, но я его тоже заколол и уложил на землю рядом с братом.

А младший брат ждал-ждал за столом, когда принесут подкрепление, наконец разозлился и тоже спустился посмотреть, что это так задержало его братьев. Он нашел их расprostертыми на земле, стал тормошить их и обнаружил, что они оба мертвые. Он с удивлением огляделся по сторонам и заметил меня. Размахивая над головой огромной железной дубинкой, великан бросился на меня. Он нацелился мне в голову и опустил дубинку с такой силой, что она на три фута вросла в землю. Но я успел

увернуться, и ни один волос не упал с моей головы. Пока великан старался вытащить дубинку из земли, я подбежал к нему и трижды всадил ему в бок свой нож.

Он занес дубинку еще раз, прицелился в меня, но я опять увернулся и опять, пока он вытаскивал свою дубинку, трижды ударил его ножом в живот. Но он замахнулся на меня в третий раз, и коварный сучок его дубинки впился в меня и просверлил большую дыру в моем боку. Тут великан свалился на землю и испустил дух. Однако я тоже был очень слаб, кровь так и хлестала из моего бока. И я уж совсем было приготовился закрыть навеки глаза, как тут в погреб сбежала по ступенькам девушка. Увидя ее, я приподнялся на локте и крикнул ей:

— Скорей беги за мечом великана, он висит возле его кровати на гвозде, и отруби ему голову!

Она выбежала и тут же вернулась с мечом в руках. Бесстрашно, не хуже любого мужчины, она размахнулась и отрубила людоеду голову.

— Теперь я умру с легким сердцем, — сказал я.

— Нет, ты не умрешь, — сказала она, — я отнесу тебя в соседний погреб, где стоит котел с живой водой, и твои раны сразу заживут, и ты встанешь как ни в чем не бывало.

И она тут же взвалила меня к себе на спину и поспешила в другой погреб, где хранился котел с живой водой. Она подняла меня к краю котла, но тут я совсем потерял сознание. Тогда она погрузила меня в живую воду, и не успела вода коснуться моей кожи, как я уже снова был здоров и полон сил.

— Ну что, близко к смерти я был тогда? — спросил Черный Вор короля Конала.

— Конечно, — ответил король, — но если бы и не был, я все равно не бросил бы тебя в котел, а подарил бы тебе жизнь, как и остальным, потому что, не будь тебя, я бы не был сегодня здесь — ведь я и есть тот самый ребенок, которого должны были запечь в паштете людоедам на ужин.

И тут король протянул свою левую руку, чтобы все увидели, что у мизинца не хватает кончика.

— Мой отец знал, что жизнь мне спас Черный Вор, — молвил король, — и он обыскал весь свет, чтобы найти тебя и наградить, но так и не нашел. Поэтому милости просим к нам, будешь дорогим гостем, и в честь твою я прикажу приготовить великий пир.

Ну вот, попиروвали, а потом король одарил Черного Вора и золотом, и серебром, и чем только можно, а трем сыновьям короля Эйре дал трех коней, чтобы они отвели их и показали своей мачехе.

— Когда она объедет на них все королевство, — сказал король Конал, — отпустите коней, и они прискачут обратно ко мне.

И вот три брата привели в королевство Ирландское трех коней короля Конала и явились к мачехе, которая с того самого дня, как они ушли, стояла на крыше замка и ждала, пока они вернутся.

— Вы привели скакунов? — удивилась мачеха.

— Да, привели, — ответили братья. — Но мы не собираемся отдавать их вам насовсем. Ваше задание было: отправиться за скакунами короля Конала и привести их сюда. Мы это выполнили!

И с этими словами они отпустили коней. Как ветер, помчались скакуны назад к королю Коналу.

— Могу я теперь спуститься в замок? — спросила мачеха.

— Пока еще нет, — сказал младший из братьев. — Ведь еще я не назначил вам свое наказание за партию, которую выиграл у вас до нашего отъезда.

— А какое твое наказание? — спросила злая королева.

— Оставайтесь на этом месте до тех пор, пока не найдется еще трех королевских сыновей, которые согласились бы отправиться за конями короля Конала.

Как только королева услышала это, она замертво свалилась с крыши замка.

Про короля, про святого и про гусыню

Вы слышали когда-нибудь про доброго короля О'Тула, который жил в давние времена в Ирландии и которому на старости лет выпала неожиданная радость? Да, так вот, когда король О'Тул был еще молодым, во всей Ирландии не нашлось бы юноши отважней его. Любимым занятием короля была охота, и с восхода солнца до темного вечера он только и знал, что скакал по болотам, подшпоривая своего коня да науськивая собак.

Жизнь его текла славно и весело, пока король совсем не состарился и не сгорбился. Теперь он уже не мог охотиться целыми днями, будь то лето или зима, будь то дождик или солнце. И пришел день, когда единственное, что осталось бедному старому королю, — это ковылять с палочкой по саду. «Жизнь кончена, — думал он, — если нет больше ни радостей, ни утех».

И вот, чтобы как-то утешить себя и развеселить, король завел себе гусыню. Хотите верьте, хотите нет, но гусыня оказалась добрым другом бедному старому королю.

Какое-то время они совсем неплохо развлекались вдвоем — король О'Тул и гусыня, — и не смейтесь, ничего смешного тут нет. Куда бы она ни залетала, как только он звал ее, она тут же возвращалась и могла хоть весь день ковылять за ним, если ему этого хотелось.

А по пятницам — вы же знаете, что пятница, по священным законам, постный день и мяса добрым христианам есть не положено, — так вот, по пятницам она заплывала подальше в озеро и приносила своему хозяину на обед нежную, жирненькую форель.

Да, это доброе создание было единственной радостью и утехой бедного старого короля О'Тула. Но увы, ничто не вечно на этом свете! И королевская гусыня тоже состарилась, и настал день, когда крылья отказали ей, так же как старому королю ноги, и бедняжка при всем своем желании не могла уже больше развлекать своего хозяина. Что поделаешь!

Король О'Тул был безутешен.

В один прекрасный день старики — мы хотели сказать: старик король и старушка гусыня — сидели на берегу озера и грустили. Король держал гусыню на коленях и с нежностью глядел на нее, а в глазах у него стояли слезы. «Нет, уж лучше умереть или утонуть в этом озере, чем влачить такую жалкую, унылую жизнь», — думал он.

Он выпустил из рук гусыню, и она заковыляла к прибрежным камышам поискать добычи. А король все сидел и думал о своей безрадостной жизни.

Вдруг он поднял голову и увидел перед собой незнакомого юношу, на вид такого скромного и симпатичного.

— Приветствую тебя, король О'Тул! — сказал скромный юноша.

— Вот те на, откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился король.

— Это неважно. Я еще кое-что знаю, — отвечал юноша. — А смею я спросить тебя, добрый король О'Тул, как поживает твоя гусыня?

— Откуда ты знаешь и про мою гусыню тоже? — спросил король.

Ведь гусыни-то в это время видно не было: она охотилась в камышах.

— Я все про нее знаю. А откуда — это неважно, — улыбнувшись, ответил юноша.

— Но кто же ты такой? — спросил король.

— Честный человек, — ответил юноша.

— А чем ты зарабатываешь на жизнь? — поинтересовался король.

— Старое делаю новым.

— А-а, значит, ты лудильщик? — решил король.

— Нет, поднимай выше! Что бы ты, например, сказал, если бы я сделал твою старую гусыню опять молодой?

— Опять молодой?! — переспросил король, и его старое лицо так и засияло от радости: о лучшем он и мечтать не мог.

— Ну да, опять молодой, — кивнул в ответ юноша.

Король О'Тул свистнул. Тут же из камышей показалась старушка гусыня и заковыляла к своему сгорбленному старику хозяину. Что и говорить, старушка была верна ему как собака.

Юноша поглядел на гусыню и сказал:

— Даю слово, я сделаю ее молодой, если хочешь.

— Клянусь здоровьем! — воскликнул король, в свою очередь бросая взгляд на старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости. — Коли ты сделаешь это, я буду считать тебя самым умным юношей во всех семи приходах моего королевства!

— Подумаешь, одолжил, — смеясь, сказал юноша. — А что ты мне все-таки дашь за это?

— Все, что попросишь! — сказал король. — И это будет только справедливо.

— Ты отдашь мне все земли, какие облетит твоя гусыня в тот день, когда я сделаю ее снова молодой?

— Отдам! — сказал король.

— А на попятный не пойдешь? — спросил юноша.

— Не пойду! — сказал король.

Тогда юноша подозвал к себе старушку гусыню, от которой остались лишь кожа да кости, подхватил ее на руки, расправил ей крылья и подбросил вверх. Да не только подбросил, но и подул под крылья, чтобы ей легче было взлететь. И — клянусь вам! — старушка взвилась в воздух ну точно орел. И кружилась, и ныряла, и резвилась, словно ласточка.

На старого короля одно удовольствие было смотреть: от удивления он даже рот открыл и радовался, глядя на свою старушку гусыню, которая порхала в небе ну точно жаворонок.

Да, так вот, гусыня сделала большой круг — сначала скрылась из глаз, потом вернулась — и наконец опустилась у ног своего хозяина. Он погладил её голову и крылья и убедился, что она и в самом деле стала опять молодой и здоровой, и даже еще лучше, чем была.

— Нет, лучшей гусыни свет не видел! — похвалил он ее.

— А что ты хочешь сказать мне? — спросил его юноша.

— Что ты самый умный юноша, какой только ступал по земле ирландской, — ответил король, продолжая любоваться своей гусыней.

— А еще что?

— Что я тебе буду век благодарен.

— А ты сдержишь слово и отдашь мне все земли, какие облетела сейчас гусыня?

— Сдержу и отдам, — сказал король, — и буду всегда рад приветствовать тебя на своей земле, даже если у меня останется всего один акр.

— Я вижу, ты честный и добрый старик, — говорит тогда юноша. — Счастье твое, что ты сдержал слово, не то гусыне твоей больше б никогда не летать!

— Ах, да кто же ты такой? — спрашивает король юношу, уже во второй раз за это утро.

И слышит ответ:

— Я святой Кевин.

— О Господи! — восклицает король и падает на колени, конечно с великим трудом, так как старые кости его уже не слушались. — Стало быть, выходит, я все утро разговаривал тут и вел беседу с самим святым?

— Ну да, — говорит святой Кевин.

— А я-то подумал, что говорю с простым, скромным парнем!

— Я переоделся, — говорит святой, — вот ты меня и не узнал. А пришел я, король О'Тул, чтобы испытать тебя. И я убедился в это утро, что ты честный и добрый король, потому что ты сдержал слово, данное простому лудильщику, за которого ты меня принял. И за это я тебя награжу: пусть твоя гусыня останется молодой!

Вот такая история приключилась со старым королем О'Тулом, хотите верьте, хотите нет.

Поле ромашек

В один солнечный денек — то был не простой денек, а праздник, самый любимый в Ирландии весенний праздник — благовещение, — вдоль живой изгороди по солнечной тропинке прохаживался молодой паренек. Звали его Том Фитцпатрик. Гуляя по полю, он вдруг услышал негромкое тук-тук, тук-тук, где-то у самой земли за изгородью.

«Неужели каменка щелкает? — подумал Том. — Для нее будто бы рановато!»

И Тому захотелось взглянуть на раннюю пташку, чтобы своими глазами убедиться, правильно он угадал или нет. Вот он подкрался на цыпочках к изгороди, раздвинул кусты и... И увидел, но только не пташку, а огромный, прямо с ведро, бурый глиняный кувшин.

Однако самое удивительное было другое: рядом с кувшином сидел маленький-премаленький, совсем крошечный старичок. На нем был замусоленный, затасканный кожаный фартук, а на голове красовалась маленькая треуголка.

У Тома на глазах старичок вытащил из-под себя деревянную скамеечку, встал на нее и маленьким кувшинчиком зачерпнул в большом кувшине, потом поставил полный кувшинчик рядом со скамеечкой, а сам сел на землю возле большого кувшина и начал прибивать каблук к башмаку из грубой коричневой кожи — тук-тук, тук-тук.

Это и было то самое «тук-тук», что слышал Том.

«Силы небесные! — воскликнул про себя Том. — Лепрекон! Ей-ей, лепрекон! Слышать-то я про них слышал, но вот не думал, что они на самом деле встречаются!»

Бы уж, наверное, догадались, что Том имел в виду веселого эльфа-сапожника, которого в Ирландии называют лепрекон. Но самое интересное, что лепреконы умеют шить башмак только на одну ногу — или на правую, или на левую, — так, во всяком случае, о них говорят.

«Мне удача! — подумал Том. — Только теперь нельзя с него глаз спускать, а не то он исчезнет, словно его и не бывало».

И Том подкрался к лепрекону поближе тихо-тихо, словно кошка к мышке, а сам глаз с него не спускал.

— Бог в помощь, соседка, — сказал он, а сам уж руку протянул к маленькому сапожнику.

— Спасибо на добром слове, — ответил лепрекон, поглядев на Тома.

— Вот только дивлюсь я, чего это вы в праздник работаете! — говорит Том.

— Это уж мое дело, — отвечает старикашка.

— А не будете вы так любезны сказать, что у вас в этом большущем кувшине?

— Отчего ж не сказать, — говорит старичок с ноготок. — В нем прекраснейшее пиво.

— Пиво? — удивился Том. — Гром и молния! Где это вы его раздобыли?

— Где я раздобыл его? Сам сделал! А из чего, угадай!

— Ну, ясно из чего, — говорит Том. — Из хмеля да из солода, из чего же еще.

— А вот и промахнулся! — говорит старичок с ноготок. — Из вереска!

— Из вереска? — удивился Том еще больше, да так и прыснул со смеху. — Ты, видно, за дурака меня принимаешь, так я и поверил, что из вереска!

— Не хочешь — не верь, — говорит старичок. — Но я тебе правду сказал. Ты разве не слышал историю про датчан?

— Ну слышал, а что, собственно, про них слышать-то? — спросил Том.

— Когда датчане в старину жили на нашем острове, они научили нас варить пиво из вереска, и с тех пор моя семья хранит этот секрет.

— Ну и умный вы народец! — воскликнул Том. — А попробовать твое пиво можно? — спросил он.

Но маленький старикан глянул на него сердито и, нахмурившись, ответил:

— Лучше вам, молодой человек, беречь отцовское добро, чем приставать к честным людям с глупыми вопросами! Оглянись-ка! Не видишь разве, в твой овес забрались коровы и весь его потоптали. — И с этими словами старичок указал пальцем на что-то у Тома за спиной.

Том от неожиданности чуть было не обернулся. Да хорошо, вовремя спохватился, протянул руку — и хват мальшку лепрекона.

Да вот беда: впопыхах он опрокинул кувшин с вересковым пивом, а стало быть, ему уж не отвратить его никогда в жизни! Том ужасно рассердился на старичка лепрекона и пригрозил, что отомстит ему за такие шутки, если лепрекон не покажет, где прячет свои сокровища.

Том был уверен, что у каждого лепрекона, так же как у всех эльфов — в Ирландии их называют еще дини-ши¹, — зарыт где-нибудь в укромном месте кувшин с золотом.

— Ну, так где же твое золото? — очень грозно спросил Том.

Малютка сапожник притворился испуганным и сказал:

— Через два поля отсюда. Идем, я провожу тебя туда, раз уж так все получилось.

И Том зашагал через поле, не выпуская лепрекона из рук и не спуская с него глаз ни на секунду, хотя ему приходилось и через изгороди перелезать, и прыгать через канавы, и огибать болота.

Уф, наконец-то он добрался до широкого ромашкового поля, и лепрекон, указав на высокую ромашку, сказал со вздохом:

— Рой здесь и найдешь большой кувшин. В нем полным-полно золотых гиней.

Но вот досада, в спешке Том позабыл захватить с собой лопату. Что же теперь делать?

Подумав, он решил, что не остается ничего другого, как бежать домой за лопатой. А чтобы не ошибиться, где потом копать, он достал из кармана красную ленточку и обмотал стебель той ромашки, на которую указал лепрекон. Но тут у него родились кое-какие сомнения, и он сказал лепрекону:

— Покажись, что не снимешь мою ленточку с этой ромашки!

¹ Дини-ши (daoine sidhe) — в кельтской мифологии всевозможные духи, соответствующие английскому *faery people* — «волшебному народу», фейри. Ши (сиды) — божественные существа, обитавшие под землей в холмах (которые тоже назывались сидами), пещерах, на чудесных островах. В ирландской мифологии много сюжетов о взаимодействиях сидов и людей.

Лепрекон поклялся верой и правдой, что пальцем не тронет ее, и спросил очень вежливо:

— Надеюсь, я больше не нужен вам?

— Нет. Дело сделано, теперь можешь идти. Скатертью дорожка, желаю удачи.

— Будь здоров, Том Фитцпатрик, — сказал лепрекон. — Пусть на пользу пойдет тебе мое золото, когда ты его откопаешь.

Том опустил маленького сапожника на землю, и тот отправился во-свояси.

А Том, как вы сами можете себе представить, кинулся со всех ног домой, нашел лопату и вернулся тут же на ромашковое поле.

Но что это? Что увидел он, вернувшись на поле?

Лепрекон свое слово сдержал: красной ленточки Тома он не трогал, что верно, то верно. Но зато обвязал точно такой же красной ленточкой стебель каждой ромашки на поле!

Бедняга Том! Что же ему теперь оставалось — перекопать все поле? Но это было невозможно. В поле было не меньше добрых сорока ирландских акров!

Пришлось Тому возвращаться домой с пустыми руками и с лопатой на плече.

Надменная принцесса

Жил некогда на свете весьма достойный король, и была у него дочь-раскрасавица, другой такой и не сыщешь. Но зато уж гордячка похуже Люцифера: ни одного короля или принца не соглашалась себе в мужья выбрать. Отец просто устал от нее и решил в последний раз пригласить во дворец всех знакомых и незнакомых королей, принцев, герцогов и графов. Они явились все как один и на другой же день после завтрака выстроились на лужайке, чтобы принцесса прошла перед их строем и сделала наконец свой выбор.

Один был толст, и она сказала:

— Зачем мне этот Пивной Бочонок!

Другой был худ и тощ. Ему она сказала:

— Мне не нужен Шомпол!

Бледнолицему она сказала:

— К чему мне Бледная Немочь?

А краснощекому заявила:

— Зачем мне этот Петушок?

Только перед последним она задержалась на мгновение: он был слишком хорош и лицом и осанкой. Ей хотелось отыскать в нем хоть какой-нибудь недостаток, но она не нашла ничего приметного, кроме полукруга выходящих каштановых волос под подбородком. Она залюбовалась им, но виду не подавала.

— Мне не нужны Бакенбарды!

Ну, все уехали ни с чем, а король очень рассердился и сказал:

— Вот я проучу тебя, привереда! Первому же нищему или бродячему певцу отдам! Кто первый зайдет, тому и отдам!

И все так и случилось. На другое утро возле дворца появился парень — весь в отрепьях, с волосами до плеч, с густой рыжей бородой, которая закрывала ему почти все лицо, и запел под окнами.

Когда он кончил, двери приемной распахнулись, певца пригласили войти, позвали священника, и принцесса была обвенчана с Бородой. Она кричала и угрожала, но отец не обращал на нее никакого внимания.

— Вот тебе пять гиней, — сказал он жениху. — Забирай свою жену долой с глаз моих, и чтоб я вас обоих больше не видел!

И жених увел принцессу, убитую горем. Единственным утешением для нее были ласковый голос и благородные манеры ее мужа.

— Чей это лес? — спросила она, когда они проезжали через лес.

— Короля, которого вы вчера называли Бакенбардами.

Тот же ответ она услышала и о лугах, и о полях, и, наконец, о прекрасном городе.

«До чего ж я была глупа, — подумала принцесса про себя. — Он был совсем недурен, и я могла выйти за него замуж».

Наконец они добрались до убогой хижинки.

— Зачем вы меня сюда привели? — спросила бедная принцесса.

— Этот дом был раньше только моим, а теперь он и твой!

Она ударилась в слезы, однако вошла в дом, так как очень устала и захотела есть.

О боже! Ни накрытого стола, ни пылающего огня в хижине. Пришлось ей помочь мужу развести огонь и сварить обед, а потом еще и со стола убрать.

А на другой день он велел ей надеть грубое платье и простой платок. Когда она прибралась в доме и справилась с остальными делами, он притащил охапку ивовых прутьев, содрал с них кору и показал ей, как плести корзины. Жесткие ветки ранили ее нежные пальцы, и она заплакала. Что ж, тогда он попросил зашить ему одежду, но иголка уколола ей пальчик, пошла кровь, и она опять ударилась в слезы.

Он не мог видеть ее слез, а потому принес ей корзину с глиняной посудой и послал на базар продавать. Это оказалось самым тяжелым испытанием. Но она выглядела такой хорошенькой и печальной — словом, казалась такой милашкой, что все плошки, кувшины и тарелки были распроданы еще до полудня.

Единственным знаком ее бывшей гордости оказалась пощечина, которую она влепила какому-то щеголю, когда тот предложил ей зайти и распить с ним бутылочку.

Что ж, муж остался очень доволен и на следующий день послал ее с другой корзиной посуды. Но увы! Удача изменила ей. Какой-то пьяный егерь наехал на корзину, его конь прошелся прямо по посуде и перебил всю вдребезги. Принцесса с плачем вернулась домой, и на этот раз муж остался совсем недоволен.

— Как видно, ты не годишься для дела, — сказал он. — Пойдем, я устрою тебя при дворце судомойкой. Повариха мне приятельница.

Пришлось бедняжке еще раз поступиться своей гордостью. Она работала не покладая рук. Старший лакей бесстыдно полез было к ней целоваться, но она так закричала, что повариха как следует наподдала ему метлой, чтоб в другой раз не повадно было.

Каждый вечер принцесса возвращалась домой к мужу и приносила в карманах завернутые в бумагу остатки с кухни.

Через неделю после того, как она поступила работать на кухню, там поднялась ужасная суматоха. Готовилась свадьба короля, но никто не знал, кто невеста. И вот вечером повариха набила принцессе карманы холодным мясом да кусками пудинга и говорит:

— Подожди уходить, давай сначала поглядим на пышные приготовления в большом зале.

И только они подкрались к двери зала, чтобы заглянуть в щелочку, как вдруг оттуда выходит сам король, — красавец, глаз не отведешь, — и не кто иной, как сам король Бакенбарды.

— Твоей хорошенькой помощнице придется расплачиваться за любопытство, — говорит он поварихе. — Пусть станцует со мной джигу!

И, не спрашивая, хочет она или нет, король взял принцессу за руку и повел в зал. Заиграли скрипки, и он начал с ней танцевать. Не успели они сделать нескольких па, как из ее карманов полетели мясо и ломти пудинга. Все громко рассмеялись, а принцесса со слезами на глазах бросилась к двери. Но король ее тут же нагнал и отвел в небольшую гостиную.

— Разве ты не узнаешь меня, дорогая? — спросил он. — Ведь и король Бакенбарды, и твой муж — уличный певец, и пьяный егерь — это я. Твоему отцу было все про меня известно, когда он отдавал тебя мне. Просто ему хотелось укротить твою гордость!

О, она не знала, куда деваться от испуга, от стыда и от радости. Но любовь победила, принцесса склонила голову к мужу на грудь и заплакала, как ребенок. Потом служанки увели ее и помогли ей одеться со всем совершенством, на какое способны женские руки и булавки. А тут и родители ее приехали. И пока все сгорали от любопытства, чем же все кончится у короля с хорошенькой девушкой, он сам со своей королевой, которую в нарядном платье они и не узнали сначала, и еще один король с королевой вошли в зал, и тут началось такое веселье и ликование, какое вам вряд ли посчастливится когда-нибудь увидеть.

Зачарованный Геройд Ярла

легенда

В далекие времена в Ирландии среди знаменитых Фицджеральдов был один великий человек. Звали его просто Джеральд. Однако ирландцы, относившиеся к этому роду с особым почтением, величали его Геройд Ярла, то есть Граф Джеральд. У него был большой замок у самого Маллимаста, или, вернее, надежная крепость, устроенная внутри холма, окруженного земляным валом. И когда бы правители Англии ни нападали на его родную Ирландию, именно он, Геройд Ярла, всегда выступал на ее защиту.

Он не только в совершенстве владел оружием и всегда шел первым в сражениях, но был также силен и в черной магии и мог принимать чей угодно облик. Его жена знала об этом его искусстве и много раз просила мужа открыть ей хотя бы одну из его тайн, но тщетно. В особенности же ей хотелось, чтобы он предстал перед ней в каком-нибудь диковинном образе, однако он все время откладывал это под тем или другим предлогом.

Но она не была бы женщиной, если бы в конце концов не настояла на своем. Только Геройд предупредил ее, что, если она хоть сколько-нибудь испугается в то время, как он изменит свой обычный облик, он уж не обретет его вновь, пока не сменятся многие и многие поколения.

Что! Да разве она достойна быть женой Геройда Ярла, если ее так легко испугать! Пусть только он исполнит ее прихоть, тогда увидит, какой она герой!

И вот в один прекрасный летний вечер — они как раз сидели в это время в гостиной — Геройд на миг отвернулся от жены, пробормотал

несколько слов, и не успела она и глазом моргнуть, как он вдруг исчез, а по комнате закружил красавец щегол.

Госпожа и в самом деле оказалась храброй, как и говорила, но все же чуть испугалась, хотя прекрасно овладела собой и оставалась спокойной, даже когда щегол подлетел к ней, уселся ей на плечо, встряхнул крылышками, притронулся своим маленьким клювом к ее губам и залился чарующей песней. Щегол кружил по гостиной, играл с госпожой в прятки, вылетал в сад, возвращался обратно, усаживался к ней на колени и притворялся спящим, потом опять вспархивал.

И вот когда обоим уже надоели эти забавы, щегол в последний раз вылетел на вольный воздух, но тут же вернулся и бросился к своей госпоже прямо на грудь, — за ним следом летел злой ястреб.

Жена Геройда Ярла громко вскрикнула, хотя нужды в том не было никакой: ястреб влетел в комнату с такой стремительностью, что очень сильно ударился о стол и тут же испустил дух. Госпожа отвела глаза от трепыхавшегося ястреба и посмотрела туда, где только что находился щегол, но уж больше никогда в своей жизни она не увидела ни щегла, ни самого Геройда Ярла.

Раз в семь лет по ночам граф объезжает на своем скакуне низменность Карра, что в графстве Килдэр. В тот день, когда он исчез, серебряные подковы его скакуна были толщиной в полдюйма. Когда же подковы эти станут тонкими, словно кошачье ушко, Геройд Ярла снова вернется к жизни, выиграет великую битву с англичанами и будет верховным королем Ирландии целых двадцать лет — так рассказывает легенда.

А пока Геройд Ярла и его воины спят в глубокой пещере под скалой Маллимаста. Посредине пещеры, во всю ее длину, вытянулся стол. Во главе стола сидит сам граф, а по обеим сторонам от него один за другим в полном вооружении все его воины. Их головы покоятся на столе. Боевые кони их взнузданы и оседланы и стоят позади своих хозяев, каждый в своем стойле.

Но придет день, когда сын мельника, который родится с шестью пальцами на каждой руке, затрубит в рог и кони забьют копытами и заржут, а рыцари проснутся и вскачат в седла, чтобы ехать на войну.

В те ночи, когда Геройд Ярла объезжает низменность Карра, случайный путник может увидеть вход в эту пещеру. Около ста лет назад один барышник оказался таким вот запоздалым путником, к тому же он был подвыпивши. Он заметил в пещере свет и вошел. Освещение, полная

тишина и вооруженные воины так потрясли его, что он тут же протрезвел. Руки у него задрожали, и он уронил на каменный пол уздечку. Легкий шум гулким эхом разнесся по длинной пещере, и один из воинов — тот, что сидел к барышнику ближе других, — приподнял голову и спросил охрипшим голосом:

— Уже пора?

Но барышник догадался ответить:

— Пока еще нет, но уже скоро.

И тяжелый шлем снова упал на стол.

Барышник постарался поскорее выбраться из пещеры, и с тех пор никто больше не слышал, чтобы кому-нибудь еще привелось в ней побывать.

Белая форель

конгская легенда

Давным-давно, в далекую-предалекую старину жила в замке над озером прекрасная девушка. Говорили, что она помолвлена с королевским сыном. Они должны были уж обвенчаться, как вдруг совершилось убийство: жених был убит (Господи, помилуй нас!) и сброшен в озеро. И конечно, он уже не мог сдержать своего обещания и жениться на прекрасной девушке. Что ж, тем хуже...

История рассказывает нам, что бедная девушка, потеряв королевского сына, лишилась рассудка — слишком нежное у нее было сердце (да простит ей Господь, как нам прощает) — и от тоски по нем стала чахнуть. Больше ее никто и не видел. Поговаривали, будто ее унесли феи.

И вот послушайте! Через некоторое время в том озере появилась белая форель. Люди не знали, что и думать об этом, потому что никогда прежде в глаза не видывали форели. Проходили годы, а белая форель оставалась все на том же месте, где вы ее можете увидеть и поныне. Это случилось так давно, что мне и рассказать вам трудно, во всяком случае, даже самые древние старики в деревне уже слышали о ней.

В конце концов люди решили, что это не форель, а русалка. А как же иначе? И никто никогда не трогал белую форель и не причинял ей вреда, пока не появились в тех местах забуддыги солдаты. Они принялись потешаться и насмехаться над людьми, что те так думают, а один из них (будь ему неладно — да простит мне Господь такие слова!) даже поклялся, что поймает белую форель и съест на обед, — вот негодяй-то!

Ну что бы вы сказали про такое злодейство? Само собой, солдат этот словил белую форель, отнес домой, поставил на огонь сковородку

и бросил на нее бедняжку. Как закричит она человеческим голосом, а солдат — вы только подумайте! — за бока держится от смеха. Ну и разбойник в самом деле!

Когда он решил, что один бочок у форели уже подрумянился, он перевернул ее, чтобы зажарился и другой. И, представьте себе, огонь даже не тронул ее, ну нисколько, а солдат подумал, что это какая-то странная форель, которая не поджаривается вовсе.

— И все же мы ее еще разок перевернем, — сказал этот балагур, не ведая, что ждет его впереди.

Так вот, когда он решил, что другой бочок уже поджарился, он снова перевернул форель, и — вот так дело! — другой бочок ее подрумянился не больше первого.

— Вот неудача! — сказал солдат. — Да ладно. Попробую-ка еще разок перевернуть тебя, моя милочка. Хитри не хитри!

И с этими словами солдат перевернул бедную форель еще раз, потом еще, но никаких следов от огня так и не появилось на ней.

— Ну, — молвил этот отчаянный негодяй.

Конечно, сами понимаете, хоть и был он отчаянный негодяй, такой, что хуже некуда, все же мог бы он понять, что поступает дурно, раз видел, как все его попытки кончались неудачей! Так вот.

— Ну, — молвил он, — а может, ты, моя маленькая веселенькая форелька, уже достаточно прожарилась, хоть на вид ты и не готова? Может быть, ты лучше, чем кажешься, так что даже пальчики оближешь, а?

И с этими словами он берется за нож и вилку, чтобы отведать форели. Но что это! Только он воткнул нож в рыбу, как раздался душераздирающий крик, — душа в пятки уйдет от такого, — форель соскочила со сковороды и упала прямо на пол, а с того самого места, куда она упала, поднялась прекрасная девушка — такая прекрасная, что глаз не отведаешь, прекрасней он в жизни не видывал, — одетая во все белое и с золотой лентой в волосах, а из руки ее струей текла кровь.

— Смотри, куда ты поранил меня, негодяй, — сказала она и показала ему на руку.

У него аж в глазах потемнело.

— Разве ты не мог оставить меня в покое? — сказала она. — Зачем ты меня потревожил и выловил из воды? Зачем оторвал от дела?

Тут он задрожал, как собака в мокром мешке, потом наконец пробормотал что-то и взмолился о пощаде:

— Простите меня, миледи! Я не знал, что вы были заняты делом, а то бы не стал вам мешать. Ведь я же настоящий солдат и уж такие-то вещи понимаю!

— Конечно, я была занята делом, — сказала девушка. — Я ждала моего верного возлюбленного, который должен был приплыть ко мне. И если он приплыл, пока меня не было, и я по твоей вине не увижу его, я превращу тебя в лосося и буду преследовать до скончания века, пока трава растет, пока воды текут!

Ага, у солдата душа ушла в пятки, когда он подумал, что его превратят в лосося, и он взмолился о прощении. На что молодая леди ответила:

— Отрекись от своей дурной жизни, негодяй, не то раскаешься, да будет поздно. Стань добрым человеком и, смотри, никогда не пропускай исповеди. А теперь, — молвила она, — отведи меня обратно и опусти снова в озеро, откуда ты меня выловил.

— О миледи, — воскликнул солдат, — разве у меня нет сердца, что я буду топить такую прекрасную девушку, как вы?

Но не успел он вымолвить и слова, как девушка исчезла, а на полу он увидел маленькую форель. Что ж, он положил ее на чистую тарелку и бросился бежать со всех ног: он боялся, что возлюбленный девушки придет без нее. Он бежал и бежал, пока не достиг снова той же пещеры, и бросил форель в озеро. И в ту же минуту вода в том месте покраснела, — верно, из раны все еще текла кровь, — но вскоре течение смыло все. А у форели и по сей день на боку маленькое красное пятнышко в том самом месте, куда попал нож.

Да, так вот было бы вам известно, с того дня солдат этот стал другим человеком, он исправился, начал аккуратно ходить на исповедь и три дня в неделю соблюдал пост, хотя рыбы в эти дни он не ел: после страха, какого он натерпелся, рыба у него в животе и не ночевала, — вы уж извините меня за грубое выражение.

Во всяком случае, он стал, как я уже говорил, другим человеком. С течением времени он оставил армию и под конец даже превратился в отшельника. Рассказывают, что он все время молился о спасении души Белой Форели.

Нокграфтонская легенда

В плодородной долине Эхерлоу у самого подножия хмурых Голтийских гор жил некогда один бедный человек. На спине у него был такой большущий горб, что казалось, будто ему на плечи посадили другого человека. А голова у него была такая тяжелая, что, когда он сидел, подбородок его покоился на коленях, как на подпорке. Крестьяне даже робели при встрече с ним в каком-нибудь уединенном месте. И хотя бедняга был безобидным и невинным, как младенец, выглядел он таким уродом, что его с трудом можно было принять за человека, так что даже некоторые дурные люди рассказывали про него всякие небылицы.

Говорили, будто он хорошо разбирается в травах и умеет ворожить. Но что он действительно хорошо умел делать, это плести из соломы и тростника шляпы да корзины. Этим он и зарабатывал себе на жизнь.

Лисий Хвост — так прозвали его, потому что он прикалывал к своей соломенной шляпе веточку «волшебной шапочки», или лисохвоста, — всегда получал лишний пенни по сравнению с другими за свои корзины, и, может, именно поэтому некоторые завистники рассказывали про него всякие небылицы.

Как бы там ни было, а в один прекрасный вечер возвращался он из городишка Кахир по направлению в Каппаг, и, так как коротышка Лисий Хвост шел очень медленно, — ведь на спине у него был большущий горб, — уже совсем стемнело, когда он добрал до старого Нокграфтонского холма, расположенного по правую сторону от дороги.

Он устал и измучился, а тащиться надо было еще очень далеко, всю бы ночь пришлось шагать, — просто в отчаянье можно было прийти от

одной мысли об этом. Вот он и присел у подножия холма отдохнуть и с грустью взглянул на луну.

Вскоре до его слуха донеслись нестройные звуки какой-то дикой мелодии. Коротышка Лисий Хвост прислушался и подумал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь восхитительной музыки. Она звучала как хор из нескольких голосов, причем один голос так странно сливался с другим, что казалось, будто поет всего один голос, и однако же все голоса тянули разные звуки. Слова песни были такие:

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт.

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник.

Затем коротенькая пауза, и опять с начала все та же мелодия.

Лисий Хвост затаил дыхание, боясь пропустить хоть одну ноту, и внимательно слушал. Теперь он уже явственно различал, что пение доносилось из холма, и, хотя вначале музыка так очаровала его, постепенно ему надоело слушать подряд все одну и ту же песню без всяких изменений.

И вот, воспользовавшись паузой, когда «Да Луан, Да Морт» прозвучало три раза, он подхватил мелодию и допел ее со словами:

Агуш Да Дардинн
И Среда.

И так он продолжал подпевать голосам из холма — Понедельник, Вторник, а когда снова наступила пауза, опять закончил мелодию со словами: «И Среда».

Эльфы Нокграфтонского холма — а ведь это была песня эльфов — пришли просто в восторг, когда услышали добавление к своей песенке. И тут же решили пригласить к себе простого смертного, который настолько превзошел их в музыкальном искусстве. И вот коротышка Лисий Хвост с быстротой вихря слетел к ним.

Восхитительная картина открылась его глазам, когда он, подобно легкой пушинке в кружащемся вихре, спустился внутрь холма под звуки

дивной музыки, лившейся в такт его движению. Ему воздали величайшие почести, так как сочли его лучшим из лучших музыкантов, и оказали сердечный прием, и предлагали все, что только ему угодно, окружили его заботливыми слугами — словом, так за ним ухаживали, точно он был первым человеком в стране.

Вскоре Лисий Хвост увидел, как из толпы эльфов вышла вперед большая процессия, и, хотя приняли его здесь очень любезно, ему все же сделалось как-то жутко. Но вот от процессии отделилась одна фея, подошла к нему и молвила:

Лисий Хвост! Лисий Хвост!

Слово твое — к слову,

Песня твоя — к месту,

И сам ты — ко двору.

Гляди на себя ликуя, а не скорбя:

Был горб, и не стало горба¹.

При этих словах бедный коротышка Лисий Хвост вдруг почувствовал такую легкость и такое счастье — ну хоть с одного скачка допрыгнет сейчас до луны. И с неизъяснимым удовольствием увидел он, как горб свалился у него со спины на землю. Тогда он попробовал поднять голову, но очень осторожно, боясь стукнуться о потолок роскошного зала, в котором находился. А потом всё с большим удивлением и восхищением стал снова и снова разглядывать все предметы вокруг себя, и раз от разу они казались ему все прекраснее и прекраснее; от этого великолепия голова у него пошла кругом, в глазах потемнело, и наконец он впал в глубокий сон, а когда проснулся, давно уже настал день, ярко светило солнце и ласково пели птицы. Он увидел, что лежит у подножия Нокграфтонского холма, а вокруг мирно пасутся коровы и овцы.

И первое, что Лисий Хвост сделал, — конечно, после того, как прочел молитву, — завел руку за спину — проверить, есть ли горб, но от того не осталось и следа. Тут Лисий Хвост не без гордости оглядел себя — он стал таким складеньким шустрым крепышом. И, мало того, он еще обнаружил на себе совершенно новое платье и решил, что это, наверное, феи сшили ему.

¹ Перевод Р. Кушнирова.

И вот он отправился в Каппаг таким легким шагом да еще вприпрыжку, словно всю свою жизнь был плясуном. Никто из встречных не узнавал его без горба, и ему стоило великого труда убедить их, что он — это он, хотя, по правде говоря, то был уже не он, во всяком случае по внешности.

Само собой, история про Лисий Хвост и его горб очень быстро облетела всех и вызвала всеобщее удивление. По всей стране, на много миль вокруг, все — и старый и малый — только и знали, что говорили об этом.

И вот в одно прекрасное утро, когда довольный Лисий Хвост сидел у порога своей хижины, к нему подошла старушка и спросила, не укажет ли он ей дорогу в Каппаг.

— Зачем же мне указывать вам туда дорогу, добрая женщина, — сказал Лисий Хвост, — если это и есть Каппаг. А кого вам здесь нужно?

— Я пришла из деревни Дис, — отвечала старушка, — что в графстве Уотерфорд, чтобы повидаться с одним человеком, которого зовут Лисий Хвост. Сказывают, будто феи сняли ему горб. А видишь ли, у моей соседки есть сын, и у него тоже горб, который будто доведет его до смерти. Так вот, может, если б ему попользоваться тем же колдовством, что и Лисий Хвост, у него бы горб тоже сошел. Ну, теперь я все тебе сказала, почему я так далеко зашла. Может, про это колдовство все разузнаю, понимаешь?

Тут Лисий Хвост все в подробностях и рассказал этой женщине, — ведь парень он был добрый, — и как он присочинил конец к песенке нокграфтонских эльфов, и как его горб свалился у него со спины, и как в придачу он еще получил новое платье.

Женщина горячо поблагодарила его и ушла восвояси, счастливая и успокоенная. Вернувшись назад в графство Уотерфорд к дому своей кумушки, она выложила ей все, что говорил Лисий Хвост, и вот они посадили маленького горбуна на тележку и повезли его через всю страну.

А надо вам сказать, что горбун этот с самого рождения был дрянным и хитрым человечком.

Путь предстоял длинный, но женщины и не думали об этом, только бы горб сошел. И вот к самой ночи они довели горбуна до старого Нокграфтонского холма и оставили там.

Не успел Джек Мэдден — так звали этого человека — посидеть немного, как услышал песню еще мелодичней прежней, которая

доносилась из холма. На этот раз эльфы исполняли ее так, как сочинил им Лисий Хвост.

Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Да Луан, Да Морт,
Агуш Да Дардинн.

Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник,
Понедельник, Вторник
И Среда, —

пели они свою песню без всяких пауз. Джек Мэдден так спешил отделаться от своего горба, что даже не подумал дожидаться, пока эльфы закончат песню, и не стал ловить подходящего момента, чтобы подтянуть их мотив, как сделал это Лисий Хвост. И вот, прослушав их песенку семь раз подряд, он взял да и выпалил:

Агуш Да Дардинн,
Агуш Да Хена.

И Среда,
И Четверг, —

не обращая внимания ни на ритм, ни на характер мелодии, не думая даже, к месту или не к месту будут эти слова. Об одном он только думал: раз один день хорош, значит, два лучше, и если Лисий Хвост получил один новенький костюм, то уж он-то получит два.

Не успели слова эти сорваться с его губ, как он был подхвачен вверх, а потом с силой сброшен вниз, внутрь холма. Вокруг него толпились разгневанные эльфы, они шумели и кричали, перебивая друг друга:

— Кто испортил нашу песню? Кто испортил нашу песню?

А один подошел к горбуну ближе остальных и произнес:

Джек Мэдден! Джек Мэдден!
Слово твое — не ново,

Речи — песне перечат,

И сам ты — нехстати.

Был ты бедный, стал богатый,

Был горбат, стал дважды горбатым¹.

И тут двадцать самых сильных эльфов притащили горб Лисьего Хвоста и посадили его бедному Джеку на спину, поверх его собственно-го. И он так крепко прирос к месту, словно искуснейший плотник прибил его гвоздями. А затем эльфы выкинули беднягу из своего замка. И когда наутро мать Джека Мэддена и ее кумушка пришли посмотреть на своего человечка, они нашли его полумертвым у подножия холма со вторым горбом на спине.

Можете себе представить, как они посмотрели друг на друга! Но ни словечка не промолвили, так как побоялись, как бы не вырос горб и на их плечах. С мрачным видом они повезли неудачливого Джека Мэддена домой, и на душе у них было тоже так мрачно, как только может быть у двух кумушек. И то ли от тяжести второго горба, то ли от долгого путешествия, но горбун в скором времени скончался, завещая, как они рассказывали, свое вечное проклятие тому, кто впредь станет слушать пение эльфов.

¹ Перевод Р. Кушнирова.

Души в клетках

Джек Догерти жил в графстве Клэр, на самом берегу моря. Джек был рыбаком, как и его отец и дед. Как и они, он жил совсем один, не считая жены, и всегда на одном месте. Люди не переставали удивляться, отчего это семья Догерти так цепляется за этот дикий участок, расположенный вдали от населенных мест и затертый меж громадных источенных скал, откуда виднеется лишь бескрайний океан. Но у Догерти были на то свои веские причины.

На всем побережье это был единственно пригодный для жилья участок. Здесь находилась удобная бухточка: лодка могла укрыться в ней так же уютно, как птичка-топорок в своем гнезде. Гряда подводных скал выходила из этой бухты прямо в открытое море.

Когда в Атлантическом океане разыгрывался шторм — а это бывало частенько — и в сторону берега дул сильный западный ветер, немало богатых судов разбивалось на этих скалах. И тогда на берег выбрасывало целые кипы прекрасного хлопка, или табака, или тому подобного, большие бочки с вином или ромом, бочонки с коньяком и с голландским джином. Словом, бухта Данбег для всех Догерти являлась как бы небольшим, но доходным имением.

Это не означает, что они не проявляли человечности и доброты к потерпевшим морякам, если кому-нибудь из них выпадало счастье добраться до берега. И в самом деле, сколько раз Джек пускался в своей утлой лодчонке — правда, та не могла сравниться со спасательным парусником честного Эндрью Хеннеси, хотя морские волны она разрезала не хуже

какого-нибудь глупыша¹, — чтобы протянуть руку помощи потерпевшей кораблекрушение команде. Если же судно разбивалось вдребезги и команда погибала, стоило ли бранить Джека, что он подбирал все, что ему попадалось?

— Разве кто-нибудь страдает от этого? — говаривал он. — Король? Да храни его бог. Но ведь все знают, что он и так достаточно богат и как-нибудь обойдется без того, что выбрасывает море.

И все же, хоть Джек и жил таким вот отшельником, он был славным и веселым парнем. Никто другой, уж будьте уверены, не сумел бы уговорить Бидди Махони покинуть уютный и теплый отцовский дом в самом центре Энниса и отправиться за столько миль, чтобы жить среди скал, где самые близкие соседи — тюлени да чайки. Но Бидди знала, что для женщины, желавшей покоя и счастья, лучшего мужа, чем Джек, и не надо. Не говоря уж о рыбе, Джек снабжал половину всех благородных семейств в его округе еще и своими находками, которые заплывали в его бухту. Так что Бидди не ошиблась в своем выборе. Ни одна женщина не ела, не пила и не спала так сладко, как миссис Догерти, и не выглядела такой гордой на воскресном богослужении.

Немало видов перевидал Джек и чего только не наслушался, а, представьте себе, остался неустрашим. Водяных и русалок он не боялся ни капельки, напротив — первым и самым горячим желанием его было встретиться с ними с глазу на глаз. Джек слышал, будто с виду они очень похожи на людей, но что знакомство с ними к добру не приводит.

Да, так вот, ему никогда не доводилось хотя бы мельком увидеть русалок, когда те покачиваются на морской глади, окутанные дымкой тумана: почему-то лодку его всегда относило в противоположную сторону. Немало упреков выпало на долю Джека от Бидди, — без шума, как умела она одна, — за то, что он целые дни пропадает в море, а возвращается домой без рыбы. Но откуда было бедняжке Бидди знать, за какой рыбкой гонялся ее Джек!

А Джеку было обидно: жить в таком месте, где водяных и русалок — что омаров в море, и ни разу не видеть их. И уж больше всего злило его то, что и отец его, и дед частенько с ними встречались. Он даже помнил, как еще в детстве слышал про своего деда, — тот первым в их семье поселился в этой бухте, — будто у него такая дружба завязалась

¹ Глупыш — морская птица.

с одним водяным, что, если бы не страх перед гневом священника, он бы усыновил его.

В конце концов судьба смиростивилась над Джеком, решив, что будет только справедливо, если он познает все, что было открыто его отцу и деду. И вот в один прекрасный день, когда он греб вдоль берега на север и зашел чуть подалее обычного, не успел он обогнуть какой-то мыс, как вдруг увидел нечто не похожее ни на что, виденное им прежде. Оно восседало совсем неподалеку на скале, выдававшейся в море. Тело его казалось зеленым, насколько можно было разглядеть на таком расстоянии. И Джек мог бы поклясться, хотя это и представлялось невероятным, что в руках у него была красная треуголка.

Джек битых полчаса простоял там, все глаза проглядел, никак не мог надивиться, а тот за все время не шевельнул ни рукой, ни ногой. Наконец у Джека лопнуло терпенье, и он ну свистеть и звать его. Но водяной — а это был, несомненно, он — поднялся, надел себе на макушку красную треуголку и бросился вниз головой со скалы в море.

После этого Джека заело любопытство; он то и дело направлял свои шаги к тому месту, но больше ни разу не видел сего морского джентльмена в красной треуголке. И в конце концов он решил, что все это ему просто пригрезилось.

Но вот как-то в один ненастный день, когда морские валы вздымались выше гор, Джек Догерти надумал взглянуть на скалу водяного — прежде он выбирал для этого ясную погоду — и вдруг увидел это странное существо. Оно то взбиралось на самую вершину скалы, то бросалось с нее вниз головой, то снова взбиралось вверх и опять бросалось вниз.

Теперь Джеку стоило лишь выбрать подходящий момент, то есть понастоящему ветреный денек, и он мог любоваться водяным сколько душе угодно. Однако этого ему показалось мало, теперь ему уже хотелось завести близкое знакомство с водяным.

Он и в этом преуспел.

В один ветреный день только Джек добрался до места, откуда мог разглядеть скалу водяного, как разыгрался шторм, да с такой неистовостью, что Джеку пришлось укрыться в одной из пещер, которых так много на побережье. И там, к величайшему удивлению, он увидел своего водяного: нечто с зелеными волосами, длиннющими зелеными зубами, красным носом и свиными глазками. У водяного был рыбий хвост, ноги в чешуе и короткие руки вроде плавников. Одежды на нем не было, только

под мышкой он держал красную треуголку. Казалось, он о чем-то глубоко задумался.

Несмотря на всю свою храбрость, Джек слегка оторопел, но тут же решил: сейчас или никогда! Смело подошел к задумавшемуся водяному, снял шляпу, отвесил низкий поклон и промолвил:

— К вашим услугам, сэр!

— И я к твоим услугам, Джек Догерти, с превеликим удовольствием! — ответил водяной.

— Вот так дело, откуда же ваша честь знает, как меня зовут? — удивился Джек.

— А как же мне не знать, друг ты мой, Джек Догерти? Ведь я был знаком с твоим дедушкой еще задолго до его женитьбы на Джуди Риган, твоей бабушке. Ах, Джек, Джек, я так любил твоего дедушку! В свое время он был достойнейшим человеком. Ни до него, ни после ни на земле, ни под землей никто не умел, как он, тянуть коньячок прямо из раковины. Я надеюсь, дружище, — молвил старикашка, весело подмигнув Джеку, — надеюсь, ты окажешься достойным внуком своего деда!

— За меня не беспокойтесь! — отвечал Джек. — Если бы моя матушка вскармливала меня на одном коньяке, я бы до сих пор не прочь был оставаться сосунком.

— Вот это дело! Рад слышать речи мужа. Нам с тобой следует поближе познакомиться, хотя бы в память о твоём дедушке. Должен сказать, Джек, что отец твой был слабоват, голова у него была не очень-то крепкая.

— Я думаю, — говорит Джек, — что, так как ваша честь проживает под водой, вам приходится крепко выпивать, чтобы согреться в таком сыром, неуютном и холодном месте. Я сколько раз слышал, как говорят: пьет, словно рыба. А где, осмелюсь я вас спросить, вы достаете спиртное?

— А сам ты где его достаеть, Джек? — спрашивает водяной, зажимая его красный нос между своими большим и указательным пальцами.

— Бу-бу-бу! — завопил Джек. — Теперь я знаю где! И я полагаю, сэр, ваша честь имеет там внизу сухой и надежный погреб, чтобы хранить его?

— Мой погреб пусть тебя не волнует, — с усмешкой говорит водяной, подмигивая Джеку левым глазом.

— Ну разумеется, сэр! — И Джек продолжает: — Вот бы взглянуть на него.

— Отчего же нет? — говорит водяной. — Если мы встретимся вот здесь в следующий понедельник в этот самый час, мы с тобой еще потолкуем об этом.

И Джек с водяным расстались лучшими друзьями на свете.

В понедельник они встретились, и Джек несколько не удивился, заметив у водяного две красные треуголки: под одной рукой и под другой.

— Не будет ли с моей стороны нескромно, сэр, спросить вас, — сказал Джек, — зачем ваша честь захватила сегодня с собой две шапки? Уж не собираетесь ли вы одну отдать мне, чтобы я мог успокоить мое любопытство?

— Нет, нет, Джек! Не так-то легко достаются мне эти шапки, чтобы раздавать их направо и налево. Но я приглашаю тебя спуститься на дно и отобедать со мной. Для того, собственно, я и принес эту шапку, чтобы ты мог со мной отобедать.

— Господи, спаси нас и помилуй! — воскликнул Джек в изумлении. — Неужели вы хотите, чтобы я спустился на соленое, мокрое дно океана? Да я захлебнусь и задохнусь в этой воде, не говоря уж о том, что могу утонуть! Каково тогда придется бедняжке Бидди без меня-то? Что она на это скажет?

— Ну какое тебе дело, что она скажет, молокосос ты? Кого трогает воркотня твоей Бидди? В былое время вот и дед твой вел такие же разговоры. А сколько раз натягивал он себе на голову вот эту самую шапку и смело нырял вниз вслед за мной! Немало отменных обедов и раковин, наполненных добрым коньяком, отведали мы с ним там внизу, под водой.

— Вы правду говорите, сэр? Без шуток? — спрашивает Джек. — О, тогда пусть я не знаю печали всю мою жизнь и еще один день, если окажусь хуже моего деда! Пойдемте, но только уж без обмана. Эх, где наша не пропадала! — воскликнул Джек.

— Ну вылитый дедушка! — умилился старикашка. — А теперь пойдем, и делай все, как я.

Оба покинули пещеру, вошли в воду и немного отплыли, пока не достигли скалы. Водяной взобрался на вершину, Джек за ним. По ту сторону скала была отвесна, как стена дома, а море под ней казалось таким глубоким, что Джек чуть было не струсил.

— Внимание, Джек! — сказал водяной. — Надень на голову эту шапку и помни: глаза ты должен держать все время открытыми. Хватайся за мой хвост и следуй за мной, а там будь что будет!

И он нырнул, а Джек смело нырнул следом за ним. Они уносились все дальше и дальше, и Джеку казалось, что этому конца не будет. Ох, как бы ему хотелось сидеть сейчас дома, возле очага, вместе с Бидди! Но что было толку мечтать об этом, когда он проделал уже столько миль под волнами Атлантического океана? И он продолжал цепляться за хвост водяного, такой скользкий.

Наконец, к величайшему удивлению Джека, они выбрались из воды, и он обнаружил, что очутился на сухой земле на самом дне океана. Они вылезли на сушу как раз напротив хорошенького домика, искусно выложенного устричными раковинами. Водяной обернулся к Джеку и пригласил его войти.

Джек словно онемел: то ли от удивления, то ли от усталости после столь стремительного путешествия под водой. Он огляделся, но не увидел ни единого живого существа, за исключением разве что крабов да омаров, которые целыми толпами спокойно разгуливали по песку. Над головой было море, похожее на небо, а в нем, подобно птицам, кружили рыбы.

— Ты что молчишь, старина? — спрашивает водяной. — Осмелюсь думать, ты и не предполагал, что у меня здесь такое уютное заведение, а? Ты что, захлебнулся, задохнулся или утонул? Или о своей Бидди беспокоишься?

— О, только не это! — говорит Джек, показывая в веселой усмешке все зубы. — Но кто бы мог подумать, что увижу здесь что-либо подобное?

— Да ладно, пойдем-ка лучше посмотрим, что нам приготовили поест.

Джек и в самом деле был голоден и очень обрадовался, заметив тонкий столб дыма, подымавшийся из трубы: значит, приготовления шли полным ходом. Он проследовал за водяным в дом и увидел там прекрасную кухню, в которой чего только не было.

В кухне стоял великолепный стол с полками для посуды, а на них целая гора горшков и сковородок. Готовили две молоденькие русалочки. Отсюда хозяин провел Джека в скупобластавленную комнату. В ней не было ни стола, ни стульев, ничего, кроме пней и досок, чтоб сидеть на них и есть. Однако в очаге пылал настоящий огонь, и это несколько успокоило Джека.

— Пошли, я покажу тебе, где храню сам знаешь что, — сказал водяной, лукаво поглядывая на Джека.

Он открыл маленькую дверцу и ввел Джека в роскошный погреб, уставленный всевозможными бочками: большими, средними и маленькими.

— Что ты на это скажешь, Джек Догерти? А? Не так уж плохо живет здесь под водой?

— Я никогда в этом и не сомневался! — ответил Джек, явно предвкушая удовольствие и искренне веря тому, что сказал.

Они вернулись в комнату и обнаружили, что обед их уже ждет. Никакой скатерти на столе, конечно, не было, но что за дело? Разве дома у Джека она всегда бывала? Зато обед сделал бы честь лучшему дому в стране в праздничный день. Изысканнейшая рыба! А что в этом удивительного? Палтус, осетр, косорот, омары, устрицы и еще двадцать сортов были разложены на досках. А к ним всевозможнейшие заморские крепкие напитки. Вина, пожаловался старикан, не согрели его.

Джек напился, наелся до того, что уж кусочка в рот больше взять не мог, и тогда, подняв раковину с коньяком, промолвил:

— За ваше здоровье, сэр! Вы меня извините, конечно, но это чертовски странно, ваша честь, что мы с вами так давно знакомы, а я, собственно, не знаю, как вас зовут.

— Твоя правда, Джек! — согласился водяной. — Я как-то об этом не подумал, но лучше поздно, чем никогда. Зовут меня Кумара.

— Какое удачное имя, сэр! — воскликнул Джек, наполняя еще одну раковину. — За ваше здоровье, Куу, желаю вам прожить еще полсотни лет!

— Полсотни лет? — повторил Кумара. — Нечего сказать, одолжил! Если б ты пожелал мне пятьсот лет, тогда еще было б о чем говорить.

— Силы небесные! — воскликнул Джек. — Ну и долго вы живете здесь под водой. Да-а, ведь вы знали моего дедушку, а он вот уже больше шестидесяти лет как помер. Наверно, у вас здесь не жизнь, а малина.

— Да уж будь уверен! А теперь на-ка, Джек, отдавай вот этого, возбуждающего.

Так они опустошали раковину за раковиной, однако, к своему необычайному удивлению, Джек обнаружил, что выпивка нисколько не ударяет ему в голову. Скорей всего это было потому, что над ними находилось море, которое охлаждало их разум.

Старик Кумара чувствовал себя в своей стихии и спел несколько песенок. Но Джек, даже если б от этого зависела его жизнь, больше одной запомнить не смог.

Рам фам будд буу,

Рипл дипл нитти доб;

Дамду дудл Куу,

Рафл тафл читибу!

Это был припев к одной из них. И, сказать по правде, никто из моих знакомых так и не сумел уловить в нем хоть какой-нибудь смысл. Что ж, такая же история и с большинством наших современных песен.

Наконец водяной сказал Джеку:

— А теперь, дружок, следуй за мной, и я покажу тебе мои диковинки!

Он открыл малюсенькую дверь, ввел Джека в большущую комнату, и тот увидел целую уйму всяких безделиц, которые Кумара подбирал на дне морском. Но более всего внимание Джека привлекли какие-то штучки, вроде панцирей от омаров, выстроенные в ряд вдоль стены прямо на земле.

— Ну, Джек, нравятся тебе мои диковинки? — спрашивает старик Куу.

— Клянусь, сэр, — говорит Джек, — это достойное зрелище! А не будет с моей стороны дерзостью спросить, что это за штучки, вроде панцирей от омаров?

— Ах эти? Клетки для душ, что ли?

— Что, что, сэр?!

— Ну, эти вот штучки, в которых я держу души?

— О-о! Какие души, сэр? — Джек был поражен. — Я полагаю, у рыб нет душ.

— Ну конечно нет, — ответил совершенно спокойно Куу. — Это души утонувших моряков.

— Господи, спаси нас и помилуй! — пробормотал Джек. — Но где же вы их достаете?

— Нет ничего проще! Когда я замечаю, что надвигается хорошенький шторм, мне нужно лишь расставить пару дюжин этих панцирей. Моряки тонут, души отлетают от них и попадают прямо в воду. Каково-то приходится бедняжкам в непривычном холоде? Тут и погибнуть недолго. Вот они и укрываются в моих панцирях. А когда душ набирается достаточно, я отношу их домой. Им здесь и сухо и тепло. Разве это не удача для бедных душ — попасть в такие прекрасные условия, а?

Джек просто оторопел и не знал, что и сказать. Так ничего и не ответил. Они вернулись в столовую и выпили еще коньячку. Он оказался превосходным. Но было уже поздно, да и Бидди могла начать волноваться, а потому Джек поднялся и сказал:

— Я думаю, мне пора уже двинуться в путь.

— Как хочешь, Джек, — сказал Куу. — Выпей-ка перед дорогой прощальную. Тебе предстоит холодное путешествие.

Джек был воспитанным человеком и знал, что от прощальной рюмки не отказываются.

— Интересно, — только заметил он, — сумею ли я найти дорогу домой?

— Да что ты волнуешься, — сказал Куу, — ведь я провожу тебя.

И они вышли из дома. Кумара взял одну из треуголок и надел ее Джеку на голову задом наперед, а потом посадил его к себе на плечи, чтобы легче было подбросить его в воду.

— Ну вот, — сказал он, подбрасывая Джека вверх, — теперь ты вынырнешь в том самом месте, откуда нырял. Только не забудь, кинь назад мою шапку.

Он еще подтолкнул Джека, и тот взлетел вверх, словно пузырь, — буль, буль, буль — все вверх, вверх сквозь воду, пока не достиг скалы, с которой прыгал. Там он нашел удобное местечко и вылез, а потом уж бросил вниз красную шапку. И та пошла ко дну, словно камень.

В это время на прекрасном вечернем небе заходило летнее солнце. Сквозь облака, мерцая, проглядывал месяц. Одинокая звезда и волны Атлантического океана горели в золотом зареве заката. Заметив, что уже поздно, Джек поспешил домой. Однако дома он ни словом не обмолвился Бидди о том, где он провел день.

Джека очень тревожило положение бедных душ, запертых в омаровых панцирях. Он голову себе сломал, думая, как бы их освободить оттуда. Сперва он хотел было переговорить обо всем со священником. Но чем священник мог им помочь? И какое дело Кумаре до какого-то там священника? Да и, кроме того, Кумара был славным парнем, он вовсе и не думал, наверное, что причиняет кому-нибудь зло. К тому же Джек в нем уже души не чаял. Правда, если бы узнали, что он обедает с водяным, чести бы ему это не прибавило.

В общем, Джек решил, что самое лучшее будет пригласить Куу к себе обедать, напоить его, — если это удастся, — а потом стащить у него шапку, спуститься на дно и опрокинуть все панцири. Однако для этого,

в первую очередь, надо было убрать с дороги Бидди: Джек был достаточно предусмотрителен, чтобы не доверять тайну женщине.

И вот он сделался вдруг ужасно набожным и заявил Бидди, что во имя спасения их душ ей не мешало бы навестить источник Святого Иоанна, что возле Энниса. Бидди согласилась с этим и наконец в одно прекрасное утро, на рассвете, тронулась в путь, строго наказав Джеку присматривать за домом.

Когда берег опустел, Джек отправился к скале, чтобы подать Кумаре условленный сигнал, а именно: бросил здоровый камень в воду. Не успел Джек бросить, как наверх всплыл Куу.

— С добрым утром, Джек, — сказал он. — Что тебе от меня надо?

— Да пустяки, не о чем и говорить-то, — отвечает Джек. — Вот решил пригласить вас к себе пообедать, если не сочтете это слишком большой вольностью с моей стороны. В общем, милости просим!

— С удовольствием, Джек, отчего же нет! А в котором часу?

— В любом, какой вам больше подходит, сэр. Ну, скажем, в час, чтобы вы могли вернуться домой засветло, если захотите?

— Есть! Жди, — сказал Куу. — Не робей!

Джек вернулся домой, приготовил роскошный рыбный обед и вытащил побольше лучших своих заморских вин — вполне достаточно, чтобы спойть двадцать человек. Куу явился минута в минуту, со своей красной треуголкой под мышкой. Обед был готов, они сели и принялись есть и пить, как подобает настоящим мужчинам.

Джек не переставал думать о бедных душах, заточенных в клетки на дне океана, и то и дело подливал старине Куу коньяку, надеясь свалить его под стол, и все уговаривал его спеть. Но бедняга Джек забыл, что над их головами не было моря, которое охладило бы ему разум. Коньяк ударил ему в голову и сделал свое дело. А Куу, держась за стенку, пошел домой, оставив своего хозяина немым, как треска в страстную пятницу.

Джек так и не очнулся до другого утра. А утром до чего же грустно ему стало!

— Нечего и думать, будто можно спойть этого старого пьяницу, — сказал он. — Но как же тогда я освобожу из омаровых панцирей бедные души?

Он размышлял над этим почти весь день, и наконец его осенило.

— Нашел! — сказал он, хлопая себя по колену. — Могу побиться об заклад, что Куу никогда за всю свою долгую жизнь не пробовал нашего

потина¹. Вот это по нем! Стало быть, и хорошо, что Бидди еще целых два дня не будет дома. Попробую-ка еще разок его спить.

И Джек опять позвал Куу. Куу посмеялся над ним, что у него некрепкая голова, и сказал, что он своему дедушке и в подметки не годится.

— А ты испытай меня еще раз, — предложил Джек. — Ручаюсь, что напою тебя допьяна, потом отрезвлю, а потом опять напою.

— Весь к вашим услугам, — ответил Кумара.

Теперь уж во время обеда Джек следил, чтобы его рюмка была всегда хорошенько разбавлена, зато Кумаре он наливал только самый крепкий коньяк. А под конец и говорит:

— Послушайте, сэр, а вы пили когда-нибудь потин? Настоящая горная роса!

— Нет, — говорит Куу. — А что это такое? Откуда?

— Секрет! — говорит Джек. — Но уж напиток что надо. Считайте меня болтуном, если он не лучше в сто раз какого-нибудь коньяка или рома. Братец моей Бидди прислал пару глотков в подарок, в обмен на коньяк, и я сохранил его специально, чтобы угостить вас, старинного друга нашей семьи.

— Ну что ж, посмотрим, каков он, — говорит Кумара.

Потин оказался и в самом деле хорош. Первый сорт. А какой запах! Куу был в восторге. Он пил и тянул: «Рам бам будд буу», и опять, и еще раз. И хохотал, и пританцовывал, пока наконец не свалился на пол и не захрапел. Тут Джек, — ведь он очень старательно следил, чтобы самому остаться трезвым, — подхватил красную треуголку — и бегом к скале. Нырнул и очень быстро добрался до обиталища Кумары.

Кругом было тихо, как в полночь на кладбище. Ни одной русалки — ни молоденькой, ни старухи. Джек вошел и опрокинул все панцири, но ничего не увидел, услышал только что-то вроде легкого свиста или щебетания, когда опрокидывал их один за другим.

Он был очень удивлен, но потом вспомнил, как священники часто говорили, что никто живой не может увидеть душу, так же как ветер или воздух. Сделав все, что было в его силах, Джек расставил панцири, как они были, и пожелал бедным душам счастливого плавания, куда бы они ни плыли. А потом стал подумывать о возвращении назад. Надел, как надо, шапку, то есть задом наперед, и вышел. Но тут он обнаружил,

¹ Потин — ирландский самогон.

что вода находится слишком высоко над ним и добраться до нее нет никакой надежды: ведь под боком не было Кумары, который подбросил бы его.

Джек обошел кругом в поисках лестницы, но не нашел ее; и ни единой скалы не было видно поблизости. Наконец он заметил местечко, над которым море повисло ниже всего, и решил попробовать здесь. Только он подошел туда, как какая-то огромная треска случайно опустила вниз хвост. Джек подпрыгнул и ухватился за него. Удивленная треска рванулась вверх и потащила Джека за собой.

Как только шапка коснулась воды, Джека понесло прочь, и он взлетел вверх, как пробка, увлекая за собой бедную треску, которую забыл выпустить из рук. Вмиг он очутился на скале и без промедления бросился к дому, радуясь доброму делу, которое совершил.

А тем временем у него дома творилось вот что. Не успел наш друг Джек уйти на это свое душеосвободительное предприятие, как домой вернулась Бидди из своего душеспасительного путешествия к святому источнику. Как только она вошла в комнату и увидела на столе сваленные в беспорядке бутылки и прочее, она воскликнула:

— Миленькое дело! Вот негодяй! И зачем только я, несчастная, выходила за него замуж! Распивает здесь со всякими бродягами, пока я хожу молиться за спасение его души. Батюшки, да они выпили весь потин, который прислал ему мой родной брат. Да и все спиртное, которое ему доверили продать.

Тут она услышала какие-то странные звуки, вроде мычания. Она поглядела вниз и увидела свалившегося под стол Кумару.

— Да поможет мне святая Дева Мария! О Господи! Я столько раз слышала, как человек превращается в зверя от пьянства! Боже мой, боже мой! Джек, голубчик мой, что же я буду с тобой делать? Или, вернее, что я теперь буду делать без тебя? Разве может приличная женщина жить с таким зверем?

И с этими воплями Бидди выбежала из дома и бросилась сама не зная куда, как вдруг услышала хорошо знакомый ей голос Джека, напевающего веселую песенку. Ну и обрадовалась Бидди, когда увидела его целым и невредимым и поняла, что он не превращался в черт-те кого.

Пришлось Джеку выложить ей все начистоту. И хотя Бидди все еще была в сердцах на Джека, что он не сказал ей об этом раньше, она согласилась, что он сослужил бедным душам великую службу.

И они рука об руку отправились домой. Джек разбудил Кумару и, заметив, что тот еще не в себе, просил его не унывать, сказал, что это часто случается с порядочными людьми, а все оттого, что он еще не привык к потину, и посоветовал, чтоб полегчало, опохмелиться. Но Кумаре, как видно, уже и так хватило. Он поднялся, едва держась на ногах, и, не сумев выдать из себя ни одного путного слова, соскользнул в воду, чтобы путешествие в соленом море слегка охладило его.

Кумара так и не хватился своих душ. Они с Джеком по-прежнему оставались лучшими друзьями на свете. И, судя по всему, Кумара ни разу не заметил, как Джек освобождает из чистилища души. Тот придумывал сотни предлогов, чтобы незамеченным проникать в дом под морем, и каждый раз опрокидывал панцири и выпускал души на волю. Его только злило, что он так и не увидел их. Но он знал, что это невозможно, и этим довольствовался.

Их дружба тянулась несколько лет. Но вот в одно прекрасное утро, когда Джек, как обычно, бросил вниз камень, ответа не последовало. Он бросил еще один, и еще, но ответа все равно не получил. Он ушел и вернулся на другое утро, но все напрасно. А так как красной шапки у него не было, он не мог спуститься и посмотреть, что случилось со старым Куу, и решил, что старик, или старая рыба, — словом, кто бы он там ни был, либо помер, либо убрался из их краев.

Господин и слуга

Билли Мак Дэниел, наверное, тоже был когда-то молодым и подавал надежды: лихо отплясывал на святом празднике, мог запросто осушить пинту или две, умел ловко работать дубинкой. Боялся он только одного — а вдруг нечего будет выпить? И заботился лишь об одном — кто заплатит за выпивку? И не думал ни о чем, кроме веселья.

Пьян он был или трезв, у него всегда находилось крепкое словцо и меткий удар, — кстати, лучший способ завязывать и кончать спор.

Плохо только, что боялся, заботился и думал этот самый Билли Мак Дэниел лишь об одном, а потому попал в дурную компанию. И уж будьте уверены, нет ничего хуже хороших людей, попавших в дурную компанию!

Так случилось, что в одну ясную, морозную ночь, вскоре после Рождества, Билли возвращался домой один. Светила круглая луна. И хотя стояла такая ночь, о какой можно только мечтать, он совсем продрог.

— Право слово, — стуча зубами, говорил он, — глоток доброго вина не помешал бы погибающему от холода человеку. Я бы не отказался сейчас даже от целой кружки лучшего вина!

— Что ж, дважды тебе не придется просить, Билли! — сказал маленький человечек в красной треуголке, обшитой золотым галуном, и с большущими серебряными пряжками на башмаках, такими огромными, что казалось просто чудом, как он мог передвигаться в них.

И он протянул Билли стакан с собой ростом, наполненный таким прекрасным вином, какое вряд ли вам удавалось видеть или пробовать.

— За ваши успехи, мой маленький дружок! — сказал Билли Мак Дэниел, несколько не смутившись, хотя прекрасно знал, что человек принадлежал к нечистым. — За ваше здоровье! И почтеннейше благодарю. Эка важность, кто платит за выпивку. — Он подхватил стакан и осушил его до дна одним глотком.

— Успехи так успехи, — сказал человек. — И я сердечно рад тебя видеть, Билли. Только не думай, что тебе удастся провести и меня, как других. Доставай, доставай свой кошелек! Расплачивайся по-джентльменски.

— Что? Я должен тебе платить? — возмутился Билли. — Да я могу взять и засунуть тебя к себе в карман, как какую-нибудь смородину.

— Билли Мак Дэниел, — сказал маленький человек, очень рассердившись, — ты будешь моим слугой семь лет и один день! Вот как мы с тобой поживаемся. Так что готовься следовать за мной.

Услышав это, Билли уже начал жалеть, что так дерзко разговаривал с человеком, и, сам не зная отчего, вдруг почувствовал, что должен всюду следовать за ним. Целую ночь напролет без единой передышки он шагал за ним вверх и вниз, через изгороди и канавы, по болотам и зарослям. А когда начало светать, человек обернулся к Билли и сказал:

— Сейчас ты можешь отправляться домой, но берегись, Билли, если посмеешь не явиться сегодня вечером на крепостной вал. Только попробуй, вот увидишь, тебе же хуже придется! А будешь мне хорошим слугой, и я тебе буду добрым хозяином.

Билли Мак Дэниел отправился домой. И хотя он устал и вконец измучился, он так и не сомкнул глаз, все думая о человеке. Однако он побоялся не выполнить его приказания и к вечеру поднялся и отправился на крепостной вал. Только он туда добрался, как маленький человек подошел к нему и сказал:

— Сегодня ночью, Билли, я собираюсь совершить длинное путешествие. Так что оседлай-ка мне коня. Для себя тоже можешь взять скакуна, ты поедешь со мной, а то после вчерашней ночной прогулки небось устал.

Билли подумал, что это очень мило со стороны его господина, и в ответ поблагодарил его.

— Но простите, сэр, — сказал он, — что я осмеливаюсь спросить вас, а где ваша конюшня? Поблизости я не вижу ничего, кроме этого вала, какого-то старого боярышника там, в углу поля, ручейка, протекающего у подножия холма, да вот этого болота напротив нас.

— Не задавай вопросов, Билли! — сказал человек. — Отправляйся к болоту и принеси мне два самых крепких тростника, какие найдешь.

Билли подчинился, а про себя с удивлением подумал: зачем это человеку? Срезал два самых толстых тростника, какие сумел найти — у каждого сбоку на стебле торчала коричневая цветущая головка, — и принес их своему господину.

— Влезай, Билли! — сказал человек, беря у него один тростник и усаживаясь на него верхом.

— Но куда, ваша честь, я должен влезать? — спросил Билли.

— На коня, вот как я, куда же еще, — ответил человек.

— Вы меня, наверное, совсем за дурака принимаете, — сказал Билли, — коли заставляете сесть верхом на какой-то тростник. Уж не хотите ли вы меня уверить, что этот тростник, который я только что сорвал вон на том болоте, и есть конь?

— Влезай! Влезай! Без разговоров, — сказал человек, глядя очень сердито. — Лучший конь, на каком тебе доводилось ездить, и в подметки этому не годится.

Что ж, Билли подумал, что это шутка, но побоялся рассердить хозяина и уселся верхом на тростник.

— Боррам! Боррам! Боррам! — трижды выкрикнул его господин, что на человеческом языке означает «расти», «увеличиваться».

Билли повторил вслед за ним. Тростники начали расти, расти, наконец превратились в великолепных коней и понеслись во весь дух. И тут Билли обнаружил, что сидит на коне задом наперед, потому что, когда он усаживался на тростник, он просто не думал, что делает. Довольно-таки неудобно было сидеть носом к конскому хвосту, но конь сорвался с места так стремительно, что перевернуться было уже невозможно и оставалось только покрепче держаться за его хвост.

Наконец путешествие кончилось, и они остановились у ворот богатого дома.

— А теперь, Билли, — сказал человек, — делай все в точности, как я, и следуй за мной. А так как ты не сумел отличить голову коня от хвоста, помни, ты не должен вертеть головой, пока не сможешь точно сказать, стоишь ты на голове или на ногах: учти, то старое вино может заставить говорить даже кошку, но также может сделать немым человека.

Тут человек произнес несколько чудных словечек, которые Билли не понял, но тем не менее умудрился повторить следом за ним. И оба

пролезли в замочную скважину сначала одной двери, потом другой, пока наконец не очутились в винном погребе, в котором хранились всевозможные вина.

Маленький человечек напился до чертиков. Билли ни в чем не хотел от него отставать и тоже выпил.

— Вы лучший господин на свете, ей-ей! — говорил Билли человечку. — Кто будет следующий — наплевать. Мне очень нравится служить у вас, если вы и дальше станете давать мне как следует выпить.

— Ни в какие сделки я с тобой не вступал, — сказал человечек, — и не собираюсь. Подымайся и следуй за мной!

И они убралась восвояси через замочные скважины. Каждый взобрался на тростник, оставленный у входной двери, и не успели сорваться с их губ слова: «Боррам, Борр-рам, Боррам!» — как оба уже неслись галопом, расшвыривая перед собою облака, будто снежные комья.

Когда они вернулись к крепостному валу, человечек отпустил Билли, приказав ему явиться на то же место и в тот же час на следующий вечер. Так они и разъезжали: одну ночь туда, другую сюда, когда на север, когда на восток, когда на юг, пока во всей Ирландии не осталось ни одного достойного винного погреба, в котором бы они не побывали. Более того, они теперь знали букет всех вин, какие хранились в этих погребах, пожалуй, лучше самих дворецких.

И вот как-то вечером, когда Билли Мак Дэниел, как обычно, встретился с человечком на крепостном валу и направился было к болоту за конями для очередной поездки, его господин сказал ему:

— Билли, сегодня мне понадобится еще один скакун: может случиться, что возвращаться мы будем в большей компании, чем едем туда.

И Билли, который теперь уже прекрасно знал, что задавать вопросы не следует, не стал ждать приказаний своего господина, а взял да принес еще один тростник. Ему не терпелось узнать, кто же все-таки будет возвращаться в их компании.

«Может, мой брат слуга, — думал Билли. — Тогда уж он будет ходить на болото за конями каждый божий вечер. А я ничем не хуже своего господина, по-моему, я такой же истинный джентльмен, как он».

Так-то вот. И они отправились. Билли вел третьего коня, и в дороге они не остановились ни разу, пока не добрались до приглядного фермерского домика в графстве Лимерик. Он стоял чуть пониже старого Карригоганиельского замка, который был выстроен, как говорят, самим ве-

ликим Брианом Бору. В доме шел настоящий пир горой, и человечек на минуту остановился у двери послушать. Потом вдруг повернулся к Билли и сказал:

— Знаешь, Билли, завтра мне стукнет ровно тысяча лет!

— Да что вы? Ну, дай бог вам доброго здоровья, — говорит Билли.

— Никогда не повторяй этих слов, Билли! — испугался старичок. — Иначе я пропад, и все по твоей милости. — И он продолжал: — Послушай, Билли, раз уж завтра исполняется тысяча лет, как я живу на этом свете, я думаю, мне пришла самая пора жениться, а?

— Я тоже так думаю, — согласился Билли. — Вне всяких сомнений даже, если только вы и в самом деле намерены жениться.

— За этим я и притащился сюда в Карригоганиель, — сказал старичок. — Сегодня вечером в этом самом доме молодой Дарби Райли собирается жениться на Бриджет Руни. Она высокая и миленькая, к тому же из хорошей семьи, и я решил поэтому сам на ней жениться и забрать ее с собой.

— А что скажет на это Дарби Райли? — спросил Билли.

— Молчи! — сказал человечек и очень строго поглядел на него. — Я привел тебя сюда не для того, чтобы ты задавал мне вопросы.

И без дальнейших объяснений он забормотал те самые чудные словечки, с помощью которых пролезал в замочную скважину легко, будто воздух. А Билли считал себя чудо каким умным, что ухитрился повторять их следом за ним.

Они оба проникли в дом, и, чтобы получше разглядеть гостей, человечек вспорхнул, словно воробей какой-нибудь, на толстую балку, которая проходила через весь потолок над головами пирующих. Билли последовал его примеру и уселся на другую балку к нему лицом. Но, так как он не очень-то привык сидеть в подобных местах, ноги его неуклюже болтались в воздухе, и было совершенно ясно, что в этом деле он не ухитрился точно следовать примеру маленького человечка — тот сидел, согнувшись в три погибели. Будь он портным хоть всю свою жизнь, ему бы не устроиться удобней, чем вот так, подогнувши под себя ноги.

Так они и сидели там, господин и слуга, и глядели вниз на пирующих. А под ними расселись священник с вольнщиком, отец Дарби Райли с двумя братьями Дарби и сыном его дяди. Сидели там и отец с матерью Бриджет Руни. Эта парочка очень гордилась в тот вечер своей дочкой. Что ж, у стариков было на это полное право! Потом четыре сестры невесты в новеньких, с иголки лентях на шляпках и ее три брата — такие

умытые и умненькие на вид, ну прямо три мальчика из Манстера. Еще дяди, и тетки, и кумушки, и всякие там двоюродные — в общем, хватало, дом был набит битком. А стол просто ломился от еды и питья. Даже если б вдвое больше набралось народу, и то хватило бы каждому.

И вот в тот самый момент, когда миссис Руни с благоговением приступила к первому куску пороссячьей головы с белой капустой, невеста вдруг возьми да чихни. Все сидевшие за столом вздрогнули, но ни один не сказал: «Дай бог тебе доброго здоровья!» Каждый подумал, что это сделает священник, как и следовало бы ему по долгу службы. Никому не хотелось разевать рот, чтобы вымолвить хоть словечко, потому что, к несчастью, все рты были заняты пороссячьей головой и зеленью. И через минуту уже за свадебным столом продолжались шутки и веселье. Обошлось без святого благословения.

Однако Билли и его господин с высоты своего положения не остались безучастными наблюдателями к этому происшествию.

— Ха! — воскликнул маленький человечек и от радости задрывал одной ногой, которую вытаскивал из-под себя.

Глазки его так и забегали, так и загорелись странным огоньком, а брови поднялись и изогнулись наподобие готического свода.

— Ха! — сказал он, злорадно поглядывая то вниз на невесту, то вверх на Билли. — Наполовину она уже моя! Пусть только еще два разочка чихнет, не погляжу ни на священника, ни на псалтырь, ни на Дарби Райли — моя, и все тут!

Красотка Бриджет опять чихнула, но так тихо и при этом так покраснела, что, кроме маленького человечка, почти никто этого не заметил или сделал вид, что не заметил. И уж никто и не подумал сказать ей: «Дай бог тебе доброго здоровья!»

А Билли все это время не сводил с бедной девушки глаз, и на лице его была написана глубокая печаль. Он все думал: как это ужасно, что такая вот симпатичная молоденькая девятнадцатилетняя девушка, с огромными голубыми глазами, нежной кожей и с ямочками на щеках, пышущая здоровьем и весельем, должна выйти замуж за маленького уродца, которому стукнуло без одного дня тысячу лет!

Как раз в эту решающую минуту невеста чихнула в третий раз, и Билли, что было мочи, выкрикнул:

— Дай бог тебе доброго здоровья!

Почему вырвался у него этот возглас — то ли потому, что он пожалел невесту, то ли просто в силу привычки, — он и сам не мог толком

объяснить. И только он произнес это, маленький человечек вспыхнул от ярости и разочарования, прыгнул с балки, на которой сидел, и, выкрикнув пронзительно, словно испорченная волынка: «Я тебя увольняю, Билли Мак Дэниел, а в награду получай!» — дал бедному Билли такого здоровенного пинка в зад, что злополучный слуга растянулся лицом вниз, руки в стороны на самой середине праздничного стола.

Уж если Билли удивился, то можете себе представить, каково было изумление пирующих, когда его так вот бесцеремонно сбросили прямо на них. Но он рассказал им свою историю, и отец Куни отложил в сторону нож и вилку и тут же, не сходя с места и не теряя времени, обвенчал молодых.

А Билли Мак Дэниел отплясывал ринку на их свадьбе, да и выпил немало, что, на его взгляд, было лучше танцев.

Дурное место

легенда

Кое-кто, наверное, и слышал о знаменитых приключениях Дэниела О'Рурка, но немного найдется таких, которые знают, что причиной всех его злоключений над землей и под водой было лишь одно: он заснул под стенами башни пака¹.

Я хорошо знал этого человека. Он жил у подножия Худого Холма, как раз по правую руку от дороги, если вы идете в Бэнтри. Он был стариком, когда рассказал мне свою историю, да, уже стариком с седой головой и красным носом.

Услышал я эту историю из его собственных уст 25 июня 1813 года. Он сидел под старым тополем и потягивал из своей трубки. Вечер был на редкость хорош.

— Меня часто просят рассказать об этом, — начал он, — так что вам я буду рассказывать уже не первому. Видите ли, до того, как стало слышно о Бонапарте и всяком таком прочем, молодые господа часто ездили за границу. Вот и сын нашего лендлорда вернулся из чужих стран, из Франции и Испании. И, само собой, по этому случаю был дан обед, для всех без разбору: для знатных и простых, богатых и бедных.

Что и говорить, в старину господа действительно были господами, вы уж извините меня за такие слова. Конечно, они могли и побранить

¹ Пак — дух в облике животного: лошади, осла, быка, козла, иногда орла. Живет среди безлюдных гор или в заброшенных развалинах. Охотно помогает людям, но и любит пошалить. Может притвориться бродячим огоньком.

вас слегка и, может, даже дать кнута разок-другой, да что мы теряли от этого, в конце-то концов? Они были такими покладистыми, такими воспитанными. У них всегда был открытый дом и тысячи гостей. Рентой они нас не донимали. И вряд ли нашелся бы хоть один из арендаторов, кто бы не испытал на себе щедрость своего лендлорда, да и не единожды за год. Теперь уж все не то... Ну, дело не в этом, сэр. Лучше я вам буду рассказывать свою историю.

Так вот, у нас было все, что только душе угодно. Мы ели, пили и плясали. И молодой господин наш пошел танцевать с Пегги Бэрри из Бохерин, — это я к тому, о чем только что говорил вам. Хорошенькой парочкой они были тогда, оба молодые; а сейчас уж совсем сгорбились. Да, так, короче говоря, я, видимо, сильно подвыпил, потому что до сих пор, хоть убейте, не могу вспомнить, как я выбрался оттуда. Хотя выйти-то я оттуда вышел, это уж точно.

Так вот, и, несмотря на это, я все-таки решил про себя: зайду-ка к Молли Кронохан, знахарке, перемолвиться словечком насчет замороженного теленка. И начал переправляться по камням через баллишинохский брод. Тут я возьми да и заглядишь на звезды, да еще перекрестился. Зачем? Но ведь это же было на Благовещенье! Нога у меня поскользнулась, и я кубарем полетел в воду.

«Ну, конец мне! — подумал я. — Сейчас пойду ко дну». И вдруг я поплыл, поплыл, поплыл, из последних сил своих, и сам даже не знаю, как прибил к берегу какого-то необитаемого острова.

Я бродил и бродил, сам не ведая где, пока меня не занесло наконец в большое болото. Так наяривала луна, что было светло, точно днем; она сверкала, как глаза у вашей красоти — простите, что я заговорил о ней. Я глядел на восток, на запад, на север и на юг — словом, во все стороны, и видел лишь болото, болото и болото. До сих пор не могу понять, как же я туда забрался? Сердце у меня заledenело от страха, так как я был твердо уверен, что найду там свою могилу. Я опустил на камень, который, по счастью, оказался рядом со мной, почесал в затылке и запел сам себе отходную.

Вдруг луна потемнела. Я взглянул вверх и увидел, как нечто словно движется между мною и луной, но что, решить я не мог. Нечто камнем упало вниз и заглянуло мне прямо в лицо. Вот те на, да это оказался орел! Самый обыкновенный орел, какие прилетают из королевства Керри. Он поглядел мне в глаза и говорит:

— Ну, как ты тут, Дэниел О'Рурк?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр, — отвечал я. — Надеюсь, и вы тоже. — А сам про себя удивляюсь, как это орел заговорил вдруг по-человечески.

— Что занесло тебя сюда, Дэн? — спрашивает он.

— Да ничего! — отвечаю ему. — Хотел бы я снова очутиться дома целехоньким, вот что!

— А-а, ты хотел бы выбраться с этого острова, не так ли, Дэн?

— Именно так, сэр, — говорю я.

Тут я поднимаюсь и рассказываю ему, как хватил лишнего и свалился в воду, как доплыл до этого острова, забрел в болото и теперь вот не знаю, как из него выбраться.

— Дэн, — говорит он, подумав с минуту, — хотя это и очень нехорошо с твоей стороны — напиваться на Благовеещение, но в общем-то ты парень приличный, непьющий, аккуратно посещаешь мессу и никогда не швыряешь камнями в меня или в моих собратьев, не гоняешься за нами по полям, а поэтому — я к твоим услугам! Садись верхом ко мне на спину, да обхвати меня покрепче, а не то свалишься, и я вынесу тебя из этого болота.

— А ваша светлость не смеется надо мной? — говорю я. — Слышанное ли дело, кататься верхом на орле?

— Слово джентльмена! — говорит он, кладя правую лапу себе на грудь. — Я предлагаю серьезно. Так что выбирай: или принимаешь мое предложение, или помирай с голоду здесь в болоте! Да, между прочим, я замечая, что от твоей тяжести камень уходит в болото.

И это была истинная правда, потому что я и сам заметил, как камень с каждой минутой все больше оседал подо мной. Выбора не оставалось. Я всегда считал, что смелость города берет, о чем и подумал тогда, и сказал:

— Благодарю вас, ваша честь, за такую сердечность. Я принимаю ваше любезное приглашение!

Затем взобрался орлу на спину, крепко обнял его за шею, и орел взмыл в воздух, подобно жаворонку.

Тогда я и не предполагал о ловушке, которую он готовил мне!

Выше, выше и выше, бог знает как высоко залетел он.

— Пойдите, — говорю я ему, думая, что он не знает верной дороги к моему дому, конечно очень вежливо, потому что кто его разберет — ведь я был целиком в его власти. — Сэр, — говорю я, — при всем моем глубочайшем уважении к мудрым взглядам вашей светлости, я хотел бы, чтобы вы спустились немного, так как сейчас вы находитесь как раз над

моей хижинкой и можете меня туда сбросить, за что я буду бесконечно благодарен вашей милости.

— Ай да Дэн! — воскликнул он. — Ты что, за дурака меня считаешь? Погляди-ка вниз на соседнее поле, разве ты не видишь двух людей с ружьями? Это не шуточки, ей-ей, когда тебя вот так возьмут да пристрелят из-за какого-то пьяного болвана, которого тебе пришлось подхватить с холодного камня на болоте.

«Черт бы тебя побрал», — подумал я про себя, но вслух ничего не сказал: что пользы было в этом?

Вот так-то, сэр, а он все продолжал лететь вверх и вверх. Через каждую минуту я снова просил его спуститься вниз, но тщетно.

— Скажите, ради бога, сэр, куда вы летите? — спросил я его.

— Попрдержжи-ка свой язык, Дэн, — говорит он мне. — Займись лучше своими делами, а в чужие не вмешивайся!

— Вот те на, я полагаю, это как раз мое дело! — сказал я.

— Помалкивай, Дэн! — крикнул он.

И больше я ничего не сказал.

Наконец мы прибыли, — вы только представьте себе куда, — на самую луну! Сейчас вы уже не можете этого видеть, но тогда, то есть еще в мое время, на боку у луны торчало что-то вроде серпа.

(И Дэниел О'Рурк концом своей палки начертил на земле фигуру, похожую на серп.)

— Дэн, — сказал орел, — я устал от такого длинного полета. Вот уж не думал, что это так далеко.

— А кто, милостивый государь, — говорю я, — просил вас так далеко залетать? Я, что ли? Не просил я вас разве, не умолял и не упрашивал остановиться еще полчаса назад?

— Теперь говорить об этом поздно, Дэн, — сказал орел. — Я до чертиков устал, а потому слезай-ка с меня! Можешь сесть на луну и ждать, пока я отдышусь.

— Сесть на луну? — говорю я. — Вот на эту маленькую кругленькую штучку? Да я тут же свалюсь с нее и расшибусь в лепешку. Вы просто подлый обманщик, вот вы кто!

— Вовсе нет, Дэн, — говорит он. — Ты можешь крепко ухватиться за этот серп, что торчит сбоку у луны, и тогда не упадешь.

— Нет, не хочу, — говорю я.

— Может, и не хочешь, — говорит он совсем спокойно. — Но если ты не слезешь, мой дружок, я сам тебя стряхну и дам тебе разок крылом,

так что ты живо очутишься на земле и уж костей своих не соберешь, они разлетятся, как росинки по капустным листьям ранним утречком.

«Ну и ну, — сказал я себе, — в хорошенькое положение я попал. Зачем только я увязался за ним!»

И, послав в его адрес крепкое словцо — по-ирландски, чтобы он не понял, — я скрепя сердце слез с его спины, ухватился за серп и сел на луну. Ну и холодное это сиденье оказалось, скажу я вам!

После того как он вот таким образом благополучно ссадил меня, он оборачивается ко мне и говорит:

— Доброго утра, Дэниел О'Рурк! Я думаю, теперь мы в расчете! В прошлом году ты разорил мое гнездо (что ж, он сказал сущую правду, только как он узнал об этом, ума не приложу), и за это ты теперь сидишь здесь вволю. Хочешь не хочешь, а будешь торчать здесь на луне, как пугало огородное.

— Значит, все кончено? — говорю я. — Ты что же, так вот меня и оставишь здесь, негодяй? Ах ты, мерзкий, бессердечный ублюдок! Так вот как ты услужил мне! Будь же проклят сам со своим горбатым носом и со всем твоим потомством, подлец!

Но что было толку от этих слов? Он громко расхохотался, расправил свои огромные крылья и исчез, словно молния. Я кричал ему вдогонку: «Остановись!» — но с таким же успехом я мог бы звать и кричать хоть весь век, он бы не откликнулся. Он улетел прочь, и с того самого дня и поныне я его больше не видел, — пусть беда всегда летает вместе с ним!

Я оказался в безвыходном положении, уверяю вас, и в отчаянье рыдал так, что не мог остановиться. Вдруг в самой середине луны открывается дверь, да с таким скрипом, словно ее целый месяц не отворяли, хотя, я думаю, ее просто никогда не смазывали, и выходит из нее... Ну, кто бы вы думали? Лунный человек, я сразу узнал его по волосам.

— Приветствую тебя, Дэниел О'Рурк! — сказал он. — Как дела?

— Очень хорошо, благодарю, ваша честь, — ответил я. — Надеюсь, и у вас тоже.

— Как тебя занесло сюда, Дэн?

Тут я ему рассказал, как хватил лишнего в доме хозяина, как был выброшен на пустынный остров и заблудился в болоте и как мошенник орел обещал меня вынести оттуда, а вместо этого занес вот сюда, на луну.

— Дэн, — говорит лунный человек, когда я кончил, и берет понюшку табаку, — тебе не следует здесь оставаться.

— Уверяю вас, сэр, — говорю ему, — я сюда попал совершенно против своей воли. Как же я теперь назад вернусь?

— Это твое дело, Дэн, — говорит он. — Мое дело сказать тебе, что здесь ты оставаться не должен. Так что выметайся, да поживее!

— Я вам ничего плохого не делаю, — говорю я, — только вот держусь за серп, чтобы не упасть.

— Вот этого ты и не должен делать!

— Ах, простите, сэр, — говорю я, — а нельзя ли мне узнать, большая ли у вас семья? Может, вы дали бы приют бедному путнику? Я полагаю, вас не часто беспокоят такие вот гости, как я. Ведь путь-то сюда неблизкий.

— Я живу один, Дэн, — ответил он. — А ты лучше отпусти этот серп!

— Клянусь, сэр, — говорю я, — с вашего разрешения, я не отпущу его! И чем больше вы будете просить, тем крепче я буду держаться. Так я хочу!

— Лучше отпусти, Дэн, — опять говорит он.

— Раз так, мой маленький приятель, — говорю я, измеряя его взглядом с головы до ног, — в нашей сделке будут два условия: вы уходите, если желаете, а я с места не сдвинусь!

— Ну, мы еще посмотрим, как это получится, — сказал лунный человек и ушел обратно к себе, но, уходя, так хлопнул дверью, что я подумал: сейчас и луна, и я вместе с нею рухнем вниз. Было ясно, что он здорово рассердился.

Так вот, я уж внутренне подготовился помериться с ним силами, как тут он снова выходит с острым кухонным ножиком в руках и, не говоря ни слова, ударяет им два раза по ручке серпа, за которую я держался, — клянт! — она разламывается пополам.

— Эй, Дэн, доброго утра! — крикнул этот злобный и подленький старикашка, когда увидел, как я полетел прямо вниз, ухватившись за остаток ручки. — Благодарю за визит! Гладенькой дорожки, Дэниел!

Я не успел ему ответить, так как меня крутило, и вертело, и несло вниз со скоростью гончей собаки.

— О господи! — воскликнул я. — Хорошенькое это занятие для приличного человека, да еще глухой ночью, если бы кто увидел! Ну и влип я!

Но не успел я выговорить эти слова, как вдруг — взззз! — над моей головой пролетела стая диких гусей, которая направлялась не иначе как

с моего заветного болота в Бэллишенефе, а то как бы они узнали меня? Старый гусак, вожак их, обернулся и крикнул мне:

— Это ты, Дэн?

— Я самый, — ответил я, несколько не удивившись, что он заговорил, потому что к тому времени я уж начал привыкать ко всякой такой чертовщине, а кроме того, с ним мы были старые знакомые.

— С добрым утром, Дэниел О'Рурк, — сказал он. — Как твоё здоровье сегодня?

— Прекрасно! — ответил я. — Сердечно благодарю! — А сам тяжело вздохнул, потому что как раз его-то мне и не доставало. — Надеюсь, и твоё тоже.

— Я имею в виду твоё падение, Дэниел, — продолжал он.

— А-а, ну конечно, — ответил я.

— Откуда это ты несёшься так? — спросил гусак.

Тут я ему рассказал, как я напился и попал на остров, как заблудился на болоте и как обманщик орел занес меня на луну, а лунный человек выпроводил меня оттуда.

— Я тебя спасу, Дэн, — сказал гусак. — Протяни руку и хватай меня за ногу. Я отнесу тебя домой.

— Твоими бы устами да мед пить! — сказал я, хотя про себя все время думал, что не очень-то доверяю ему.

Но помощи ждать было неоткуда, поэтому я схватил гусака за ногу и полетел вместе с остальными гусями со скоростью ветра. Мы летели, летели и летели, пока не очутились прямо над океаном. Я это сразу понял, потому что справа от себя увидел Ясный Мыс, торчащий из воды.

— Милорд, — сказал я, решив на всякий случай выражаться как можно учтивее, — пожалуйста, летите к земле!

— Что ты, Дэн, — ответил он, — пока это никак невозможно. Ведь мы летим в Аравию.

— В Аравию! — воскликнул я. — Так это же где-то далеко-далеко, в чужих землях. Ах, что вы, мистер Гусь, неужели в вас нет сострадания к бедному человеку?

— Тш-ш, тш-ш ты, глупец, — сказал он, — попридержи-ка свой язык! Уверю тебя, Аравия очень приличное место и как две капли воды похожа на Западный Карбери, только там чуть побольше песка.

И как раз когда мы с ним переговаривались, на горизонте показалось судно, гонимое ветром, — ну просто заглядишься.

— Послушайте, сэр, — говорю я, — сбросьте меня, пожалуйста, на это судно!

— Но мы находимся не точно над ним, — ответил он, — и если я тебя сейчас сброшу, ты плюхнешься прямо в воду.

— Нет, что вы, — говорю я, — мне же виднее, оно сейчас точнее-хонько под нами. Выпустите же меня скорее!

— Выпустить так выпустить, дело твоё, — сказал он и разжал лапы.

Увы, он оказался прав! Конечно, я плюхнулся прямо на соленое морское дно. Очутившись на самом дне, я совсем уж было распрощался с жизнью, как вдруг ко мне приблизился кит, почесываясь после ночного сна, заглянул мне в лицо и, не произнеся ни единого слова, поднял свой хвост и ещё разок окатил меня холодной соленой водой, так что сухого места на мне не осталось. И тут я услышал — причем голос мне показался очень знакомым:

— Вставай ты, пьяный бездельник! Убирайся отсюда!

Я открыл глаза и увидел перед собой мою Джуди с полным ушатом воды, которую она выливала на меня.

Дело в том, что, хотя, в общем, Джуди была хорошая жена, — дай бог ей доброго здоровья, — она совершенно не выносила, когда я напи-вался, и тут уж давала волю рукам.

— Подымайся-ка! — сказала она опять. — Худшего места ты не мог себе найти во всем приходе? Ишь разлегся под самыми стенами старой башни пака! Могу представить, как спокойненько ты отдохнул тут!

Что и говорить, разве я отдыхал? Все эти орлы, и лунные человечки, и перелетные гуси, и киты, которые переносили меня через болота, заносили на луну и сбрасывали оттуда на соленое морское дно, чуть с ума меня не свели.

Но теперь я твердо знал: будь я ещё хоть десять раз пьян, когда б это ни случилось, я уже никогда не лягу на дурное место.

Душа-бабочка

легенда

В старину в Ирландии были превосходные школы. Чего только не проходили в них. И даже самый последний бедняк владел тогда большими знаниями, чем в наше время какой-нибудь джентльмен. Что же касается священников — в науках они превосходили всех, и этим Ирландия прославилась на весь мир. Многие чужеземные короли посылали в Ирландию своих сыновей, чтобы те получили воспитание в ирландских школах.

И как раз в одной из таких школ учился тогда юноша, совсем еще мальчик. Он всех поражал своим необыкновенным умом. Родители его были простые труженики и, конечно, бедняки. Но хотя он и был еще мал и очень беден, в знаниях с ним не мог бы сравниться ни сын лорда, ни короля. Даже учителям приходилось иногда краснеть перед ним: когда они пытались чему-нибудь научить его, он вдруг сообщал им нечто такое, о чем они никогда и не слышали, и изобличал их невежество.

Но совершенно непобедим он оказался в споре. Он мог с вами спорить и спорить, пока не доказывал, что черное — это белое, и тут же, когда вы уступали, — побить его в споре не мог никто! — он утверждал обратное и доказывал вам, что белое было черным.

Родители так им гордились, что твердо решили сделать из него священника, хоть и были очень бедны. И наконец они этого добились, правда, чуть не умерли с голоду, пока копили для этого деньги.

Что и говорить, в те времена Ирландия не знала другого столь же ученого мужа, и он так и остался самым великим спорщиком: никто не

мог перед ним устоять. Пытались беседовать с ним даже епископы, но он тотчас доказывал им, что они ровным счетом ничего не смыслят.

В те времена школьных учителей еще не было, и обучением занимались священники. А так как этот человек считался самым умным в Ирландии, все чужеземные короли посылали своих сынков именно к нему, лишь бы хватило для них комнат в колледже. И постепенно он загордился и даже стал забывать, с какого дна он поднялся, и — что было хуже всего — стал забывать даже Бога, который и сделал его таким умным.

Гордыня так овладела им, что от одного спора к другому он дошел уже до того, что доказывал, будто нет ни чистилища, ни ада, ни рая, ну а значит, и Бога, и, наконец, даже, что нет и души у человека, что человек все равно как собака или корова — коли умер, так и нет его.

— Разве кто-нибудь видел душу? — спрашивал он. — Если вы сумеете мне ее показать, я поверю в нее.

На это ему, конечно, никто ничего не мог ответить.

В конце концов все рассудили так: если нет того света, значит, каждый может делать на этом свете все, что ему вздумается. Сам священник подал первый пример, взяв себе в жены молоденькую девушку. А так как невозможно было достать ни священника, ни епископа, чтобы обвенчать их, он сам для себя отслужил службу. Это был неслыханный позор, но никто не осмелился сказать ему хоть слово, потому что на его стороне были все королевские отпрыски: они прикончили бы любого, кто попробовал бы помешать их разгульной жизни.

Бедные юноши! Они все верили в него и полагали, что каждое слово его — истина.

Таким образом, его идеи стали распространяться все шире и шире. Мир катился к гибели. И тогда как-то ночью с неба спустился ангел и объявил священнику, что жить ему осталось всего двадцать четыре часа. Священника бросило в дрожь, он стал умолять хоть немного продлить ему жизнь.

Но ангел был неумолим и сказал, что это невозможно.

— Зачем тебе жизнь, ты, грешник? — спрашивал он.

— О сэр, сжалятесь над моей бедной душой! — молил священник.

— Нет, нет! А разве у тебя есть душа? Скажи пожалуйста! И как же ты это обнаружил?

— Она бьется во мне с той минуты, как ты появился, — ответил священник. — И каким же я был дураком, что не подумал о ней раньше.

— Набитым дураком, — согласился ангел. — Чего стоило все твое учение, если оно не подсказало тебе, что у тебя есть душа?

— Ах, милорд, — вымолвил священник, — если мне суждено умереть, скажите, скоро я попаду в рай?

— Никогда, — был ответ ангела. — Ты же отрицал рай.

— О милорд, а в чистилище я попаду?

— Чистилище ты тоже отрицал. Ты отправишься прямо в ад! — сказал ангел.

— Как, милорд, но ведь я отрицал и ад! — возразил священник. — Стало быть, и туда вы не можете меня отправить.

Ангел был слегка озадачен.

— Ну хорошо, — молвил он. — Я тебе скажу, что я могу для тебя сделать. Выбирай: или ты останешься жить на земле хоть до ста лет и наслаждаться всеми земными радостями, но потом полетишь на веки вечные в ад, или через двадцать четыре часа умрешь в ужасных мучениях, но зато потом попадешь в чистилище и останешься там до Страшного суда. Правда, это будет возможно, только если ты сумеешь найти верующего, и тогда его вера послужит залогом твоего прощения, и твоя душа будет спасена.

Не прошло и пяти минут, как священник принял решение.

— Пусть я умру через двадцать четыре часа, — сказал он, — лишь бы только душа моя была спасена.

Тогда ангел дал ему все указания, как поступать, и улетел.

Священник тут же вошел в большой зал, где сидели все его ученики и королевские сыновья, и обратился к ним:

— Скажите мне правду, и пусть никто из вас не побоится противоречить мне! Скажите, вы верите, что у человека есть душа?

— Учитель, — отвечали они, — когда-то мы верили, что у человека есть душа, но, следуя твоему учению, мы в это больше не верим. Нет ни ада, нирая, ни Бога! Вот что нам известно, потому что ты учил нас этому.

Священник побледнел от страха и выкрикнул:

— Послушайте! Я учил вас ложно. Бог есть, и человеческая душа бессмертна! Теперь я верю во все, что я раньше сам отрицал.

Однако голос священника потонул во взрыве смеха, так как ученики решили, что он испытывает их умение вести спор.

— Докажите это, учитель! — закричали они. — Докажите! Разве кто-нибудь видел Бога? Разве кто-нибудь видел душу?

И весь зал сотрясся от смеха.

Священник поднялся, чтобы ответить им, но не мог выдать ни слова. Все его красноречие, вся сила его доводов покинули его. И он не нашел ничего лучшего, чем воздеть к небу руки и возопить:

— Бог есть! Бог есть! Господи, прости мою грешную душу!

Но все стали потешаться над ним и повторять его же слова, которым он их научил:

— Покажи нам его! Покажи нам твоего Бога!

И он бежал от них в смертельном страхе, убедившись, что никто из них больше не верит. Как же ему теперь спасти свою душу?

Тут он вспомнил о жене. «Она-то уж верит, — решил он. — Женщины никогда не отказываются от Бога».

И он пошел к ней. Но она сказала, что верит только тому, чему он ее учил, что хорошая жена должна верить только своему мужу, ему одному и никому больше ни на небе, ни на земле.

Тогда его охватило отчаянье, он бросился вон из дома и стал спрашивать каждого встречного, верят ли они. Но ответ был все тот же: «Мы верим только тому, чему вы нас учили», — ведь его учение разошлось по всей стране.

У него чуть не помутился рассудок от страха, потому что истекали последние его часы. И он бросился на землю в каком-то пустынном месте и принялся громко рыдать от ужаса, что так быстро приближается час его смерти.

В это время мимо него прошел маленький мальчик.

— Да поможет тебе Господь Бог! — сказал мальчик.

Священник так и вскочил.

— Ты веришь в Бога? — спросил он.

— Да, я пришел из дальних стран, чтобы все о нем узнать, — ответил ребенок. — Не окажете ли вы мне услугу, направив в лучшую здешнюю школу?

— И лучшая школа, и лучший учитель здесь рядом, — сказал священник и назвал свое имя.

— О нет, только не он, — возразил ребенок. — Ведь мне говорили, что он отрицает Бога, и небо, и ад, и даже человеческую душу, потому что она невидима. Однако я в два счета могу опровергнуть его.

Священник поглядел на ребенка с серьезностью.

— Но как? — спросил он.

— Да очень просто, — ответил ребенок. — Я бы попросил его показать мне его жизнь, если он верит, что она существует.

— Но он бы не мог этого сделать, дитя мое, — сказал священник. — Жизнь человека нельзя увидеть. Она существует, но только невидимой.

— Тогда если человеческая жизнь существует, хотя мы ее и не видим, может существовать и человеческая душа, пусть невидимая, — ответил ребенок.

Когда священник услышал такой ответ, он упал перед ребенком на колени и заплакал от радости, потому что он знал — теперь его душа спасена. Наконец-то он встретил человека, сохранившего веру. И он рассказал ребенку всю свою историю — о своей испорченности и гордыне, о преступном богохульстве и о том, как к нему спустился ангел и поведал ему о единственном пути его спасения.

— А теперь, — сказал, он ребенку, — возьми вот этот нож и ударь им меня в грудь, и терзай мою плоть, пока не увидишь на моем лице бледности смерти. И тогда, — если я умер, от моего тела должно отлететь нечто живое, — это знак для тебя, что душа моя предстала пред Богом. И когда ты это увидишь, беги скорее к моей школе и созови всех моих учеников, чтобы они пришли и убедились, что душа их учителя покинула его тело, а все, чему он учил их, была ложь, ибо Бог есть и он наказует грешника, и рай есть, и ад, и у человека есть бессмертная душа, которой суждено либо вечное счастье, либо вечные муки.

— Я помолюсь, — сказал ребенок, — чтобы набраться смелости исполнить вашу просьбу.

И он опустился на колени и начал молиться. Потом встал, взял нож и вонзил его священнику прямо в сердце, и еще раз, и еще, пока не растерзал его плоть. И все равно священник еще жил, хотя страдания его были ужасны. Но пока не истекли двадцать четыре часа, он не мог умереть.

Наконец мучения кончились, и покой смерти отразился на его лице. И тогда ребенок увидел прелестное живое существо с четырьмя белоснежными крылышками, которое поднялось в воздух от мертвого тела и запорхало над головой мальчика.

Он бросился за учениками. И только они увидели это существо, как сразу поняли, что это душа их учителя. Они с удивлением и трепетом следили за ней, пока она не скрылась из глаз за облаками.

Это была первая бабочка, которую увидели в Ирландии. А теперь люди знают, что бабочки — это души умерших, которые ждут, когда их выпустят в чистилище, чтобы через муки обрести чистоту и покой.

Да, но после этого случая школы Ирландии совсем опустели. Люди рассуждали так: стоит ли отдавать детей в ученье, если даже самый ученый человек в Ирландии всю жизнь заблуждался?

Мунахар и Манахар

Давным-давно жили на свете Мунахар и Манахар. Много воды утекло с тех пор. А коли сказано, что они жили давным-давно, стало быть, теперь их уж нет на белом свете.

Мунахар и Манахар всегда ходили вместе рвать малину. Но сколько бы Мунахар ни набрал, Манахар все съедал. И Мунахар наконец сказал, что пойдет срежет хворостину, чтоб проучить негодную «скотину»: это он про Манахара, который съел всю его малину, всю до одной ягодки.

Вот пришел Мунахар к хворостине.

— Да поможет тебе Бог! — сказала хворостина.

— Да помогут тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе хворостины, — говорит хворостина, — пока не достанешь ножа, чтоб срезать меня.

Пошел Мунахар к ножу.

— Да поможет тебе Бог! — сказал нож.

— Да помогут тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за ножом, ножом, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе ножа, — говорит нож, — пока не достанешь точило, чтоб заострить меня.

Пошел Мунахар к точилу.

— Да поможет тебе Бог! — сказало точило.

— Да помогут тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за точилом, точилом, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе точила, — говорит точило, — пока не достанешь водицы, чтоб смочить меня.

Пошел Мунахар к воде.

— Да поможет тебе Бог! — сказала вода.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за водицей, водицей, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе водицы, — говорит вода, — пока не достанешь оленя, чтоб переплыть меня.

Пошел Мунахар к оленю.

— Да поможет тебе Бог! — сказал олень.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за оленем, оленем, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе оленя, — говорит олень, — пока не достанешь собаку, чтоб поймать меня.

Пошел Мунахар к собаке.

— Да поможет тебе Бог! — сказала собака.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за собакой, собакой, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе собаки, — говорит собака, — пока не достанешь масла, чтоб умаслить меня.

Пошел Мунахар к маслу.

— Да поможет тебе Бог! — сказала масло.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за маслицем, маслицем, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе маслица, — говорит масло, — пока не достанешь кошку, чтоб наскребла меня.

Пошел Мунахар к кошке.

— Да поможет тебе Бог! — сказала кошка.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за кошкой, кошкой, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе кошки, — говорит кошка, — пока не достанешь молочка, чтоб напоить меня.

Пошел Мунахар к корове.

— Да поможет тебе Бог! — сказала корова.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за коровой, коровой, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе молочка, — говорит корова, — пока не принесешь мне охапку сена вон от тех косарей.

Пошел Мунахар к косарям.

— Да поможет тебе Бог! — сказали косари.

— Да поможет вам Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот к вам за охапкой сена, сена, чтоб отнести корове, корове, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе охапки сена, — говорят косари, — пока не достанешь для нас у мельника формы для кекса.

Пошел Мунахар к мельнику.

— Да поможет тебе Бог! — сказал мельник.

— Да поможет тебе Бог и Дева Мария!

— Куда идешь?

— Иду вот за формами для кекса, чтоб дать их косарям, косарям, чтоб дали мне охапку сена, сена, чтоб отнести корове, корове, чтоб дала молочка, молочка, чтоб напоить кошку, кошку, чтоб наскребла маслица, маслица, чтоб умаслить собаку, собаку, чтоб поймать оленя, оленя, чтоб переплыть водицу, водицу, чтоб смочить точило, точило, чтоб заострить нож, нож, чтоб срезать хворостину, хворостину, чтоб проучить скотину Манахара, который съел всю мою малину, всю до одной.

— Не видать тебе форм для кекса, — говорит мельник, — пока не принесешь мне воды в решете вон из той речки.

Взял Мунахар решето и пошел к реке. Наклонился, зачерпнул решето воды, но не успел поднять его, как вода вся вытекла. Опять зачерпнул — опять вся вода вытекла.

Так бы ему и черпать не перечерпать до нынешнего дня, кабы не ворон, пролетававший над его головой.

— Грязь! Грязь! — крикнул ему ворон.

— А, ей-богу, неплохой совет, — согласился Мунахар.

Взял на берегу красной глины и замазал у решета дно — ни одной дырочки не осталось. Теперь уж решето не выпускало воду, и Мунахар отнес мельнику полное решето воды, и мельник дал ему формы для кекса, и он отнес формы для кекса косарям, и косари дали ему охапку сена, и он отнес охапку сена корове, и корова дала ему молока, и он отнес молоко кошке, и кошка наскребла масла, и масло умаслило собаку, и собака стала охотиться за оленем, и олень поплыл по воде, и вода намочила точило, и точило заострило нож, и нож срезал хворостину, хворостину, чтоб проучить... — но Манахара и след простыл, уж будьте спокойны!

Ленивая красавица и ее тетушки

Жила когда-то на свете бедная вдова, и была у нее дочка — красивая, как день ясный, но ленивая, что ваша хрюшка, — вы уж простите меня за такое сравнение.

Во всем городе не было другой такой труженицы, как бедная мать. А уж как она искусно пряла! И заветной мечтой ее было, чтобы и дочка у нее выросла такой же искусницей.

Но дочка вставала поздно, усаживалась завтракать, даже не помолвившись, а потом весь день слонялась без дела. За что бы она ни бралась, все словно жгло ей пальцы. А уж слова она тянула, как будто говорить ей было трудней трудного, а может, язык у нее был такой же ленивый, как она сама. Немало горя хлебнула с нею бедная матушка, но ей все как с гуся вода — знай себе хорошеет.

И вот в одно прекрасное утро, когда дела шли хуже некуда, только бедная вдова раскричалась по поводу налогов на муку, как мимо ее дома проскакал сам принц.

— Ай-ай-ай, голубушка! — удивился принц. — У тебя, наверное, очень непослушное дитя, если оно заставляет свою мать так сердито браниться. Ведь не могла же эта хорошенькая девушка так рассердить тебя!

— Ах, что вы, ваше величество. Конечно нет! — ответила старая притворщица. — Я только пожурела ее за то, что она слишком усердно работает. Поверите ли, ваше величество, она может за один день испрясть три фунта льна, на другой день наткать из него полотна, а в третий нашить из него рубах.

— О небо! — удивился принц. — Вот девушка, которая пришлась бы по душе моей матушке. Ведь моя матушка — лучшая прядильщица в королевстве! Будьте так любезны, сударыня, оденьте, пожалуйста, на вашу дочку капор и плащ и посадите ее сзади меня на коня! Ах, моя матушка будет так восхищена ею, что, быть может, через недельку сделает ее своей невесткой. Право слово! Конечно, если сама девушка не будет иметь ничего против.

Так-то вот. Женщина не знала, что делать от радости и смущения, да и от страха, что все раскроется. Она не успела еще ни на что решиться, как юную Энти уже усадили позади принца, и он усакал со своей свитой прочь, а у матери в руках остался увесистый кошелек. Долго после этого она не могла прийти в себя, все боялась, как бы с ее дочкой не приключилась беда.

Принцу трудно еще было судить о воспитании и об уме Энти по нескольким ответам, которые он еле вырвал у нее. А королева так и обомлела, увидев на коне позади своего сына крестьянскую девушку. Но когда она разглядела ее хорошенькое личико и услышала, что Энти умеет делать, королева решила, что девушке просто цены нет! А принц улучил минутку и шепнул Энти, что, если она не прочь выйти за него замуж, она должна во что бы то ни стало понравиться матери-королеве.

Так-то вот. Вечер подходил к концу. Принц и Энти чем дальше, тем больше влюблялись друг в друга. Только неотступная мысль о пряже то и дело заставляла сжиматься ее сердце. Когда настало время сна, королева-мать отвела Энти в нарядную спальню и, пожелав ей спокойной ночи, указала на большую охапку превосходного льна и молвила:

— Ты можешь начать завтра же утром, во сколько захочешь, и я надеюсь, что к следующему утру мы увидим славную пряжу из этих трех фунтов льна!

В эту ночь бедная девушка почти не сомкнула глаз. Она плакала и сетовала на себя, что не слушала советов матушки.

Наутро, как только ее оставили одну, Энти с тяжелым сердцем принялась за работу. И хотя ей дали прялку из настоящего красного дерева и лен, о каком можно только мечтать, у нее каждую минуту рвалась нитка. То она получалась тонкая, точно паутина, то грубая, словно бечевка для плетки. Наконец она отодвинула свой стул, уронила руки на колени и горько заплакала.

И в этот самый момент перед ней выросла маленькая старушонка с удивительно большими ступнями и спросила:

— О чем ты, красавица?

— Да вот, я должна весь этот лен к завтрашнему утру превратить в пряжу. А у меня и пяти ярдов тонкой нити из него не получается.

— А ты не постыдишься пригласить на свою свадьбу с молодым принцем нищую Большеногую Старуху? Пообещай пригласить меня, и, пока ты сегодня ночью спишь, все три фунта льна превратятся в тончайшую пряжу.

— Конечно, я приглашу тебя, и с удовольствием, и буду заботиться о тебе всю мою жизнь!

— Вот и прекрасно! Ты пока оставайся в своей комнате до вечернего чая, а королеве можешь сказать, чтобы она приходила за пряжей завтра утром, хоть на заре, если ей угодно.

И все случилось, как старушка пообещала. Пряжа получилась тонкая и ровная, ну словно тончайшая леска.

— Вот молодец девушка! — сказала королева. — Я велю принести сюда мой собственный ткацкий станок из красного дерева. Только сегодня тебе больше не надо работать. *Поработать и отдохнуть, поработать и отдохнуть* — вот мой девиз! Ты и завтра успеешь выткать всю эту пряжу. А там кто знает...

В этот раз девушку мучил страх еще больше, чем в прошлый: теперь она очень боялась потерять принца. Но все равно она ведь не умела даже приготовить основу ткани и не знала, как пользоваться челноком. И она сидела в великом горе, как вдруг перед ней выросла маленькая и совершенно квадратная старушка: такие широкие у нее были плечи и бока. Гостья сказала, что ее зовут Квадратной Старухой, и заключила с Энти ту же сделку, что и Большеногая Старуха.

Ну и обрадовалась королева, когда ранним-рано поутру нашла готовое полотно — такое белое и тонкое, словно самая лучшая бумага, какую вам только доводилось видеть.

— Ах, какая милочка! — сказала королева. — А теперь развлекись с дамами и кавалерами. И если завтра ты из этого полотна нашьешь славных рубах, одну из них ты сможешь подарить моему сыну. И хоть тут же выходи за него замуж!

Ну как было не посочувствовать на другой день бедной Энти: вот-вот и принц будет ее, а может, она потеряет его навеки! Но она набралась терпения и ждала с ножницами и ниткой в руках до самого полудня. Прошла еще минута, и тут она с радостью увидела, как появилась третья старушка. У старушки был огромный красный нос, и она тут же сообщила

Энти, что потому ее так и зовут — Красноносая Старуха. Она оказалась ничуть не хуже других, и, когда на другой день королева пришла со своим ранним визитом к Энти, дюжина славных рубах уже лежала на столе.

Что ж, теперь дело оставалось лишь за свадьбой. И уж будьте уверены, свадьбу устроили на широкую ногу. Бедная матушка тоже была среди прочих гостей. За обедом старая королева не могла говорить ни о чем, кроме славных рубашек. Она мечтала о том счастливом времени, когда после медового месяца они с невесткой только и станут, что прясть, ткать да шить рубахи и сорочки.

Жениху были не по душе такие разговоры, а невесте и подавно. Он хотел уж было вставить свое слово, как к столу подошел лакей и сказал, обращаясь к невесте:

— Тетушка вашей милости, Большеногая Старуха, просит узнать, может ли она войти?

Невеста вспыхнула и готова была сквозь землю провалиться, но, к счастью, вмешался принц:

— Скажите миссис Большеногой, что всем родственникам моей невесты и я и она всегда сердечно рады.

Старушка с большими ногами вошла и уселась рядом с принцем. Королеве это не очень понравилось, и после нескольких слов она довольно злобно спросила:

— Ах, сударыня, отчего это у вас такие большие ноги?

— Э-э, матушка! Верите ли, ваше величество, почти всю свою жизнь я простояла у прялки. Вот от этого!

— Клянусь честью, моя любимая, — сказал принц невесте, — ни одного часа я не позволю тебе простоять у прялки!

Тот же самый лакей опять объявил:

— Тетушка вашей милости, Квадратная Старуха, хочет войти, если вы и прочие благородные господа не возражаете.

Принцесса Энти была очень недовольна, но принц пригласил гостью войти. Она уселась и выпила за здоровье каждого присутствующего.

— Скажите, сударыня, — обратилась к ней старая королева, — отчего это вы так широки вот тут, между головой и ногами?

— Оттого, ваше величество, что всю свою жизнь я просидела у ткацкого станка.

— Клянусь властью! — сказал принц. — Моя жена не будет сидеть у станка ни одного часа.

Опять вошел лакей.

— Тетушка вашей милости, Красноносая Старуха, просит позволения присутствовать на пиру.

Невеста еще гуще покраснела, а жених приветливо сказал:

— Передайте миссис Красноносой, что она оказывает нам честь!

Старушка вошла, ей оказали всяческое уважение и усадили рядом с почетным местом за столом. А все гости, сидевшие пониже ее, поднесли к носу кто бокалы, кто стаканы, чтобы спрятать свои улыбки.

— Сударыня, — обратилась к ней старая королева, — не будете ли вы так добры рассказать нам, отчего это ваш нос такой большой и красный?

— Видите ли, ваше величество, я всю свою жизнь склоняла голову над шитьем, и оттого вся кровь приливала к носу.

— Милая, — сказал принц Энти, — если я когда-нибудь увижу в твоих руках иголку, я убегу от тебя за тысячу миль!

А ведь по правде говоря, мальчики и девочки, хотя эта история и забавная, мораль в ней совсем неправильная. И если кто-нибудь из вас, озорники, станет подражать Энти в ее лени, сами увидите, вам уж так не повезет, как ей. Во-первых, она была очень, очень хорошенькая, вам всем далеко до нее, а во-вторых, ей помогали три могущественные феи. Теперь фей нет, нет и принцев или лордов, которые проезжают мимо и прихватывают вас с собой, трудолюбивые вы или ленивые. И в-третьих, еще не известно, так ли уж счастливы были принц и она сама, когда на них свалились всякие заботы и пришла старость.

Графиня Кэтлин О'Шей

легенда

В далекую старину объявились однажды в Ирландии два неизвестных купца. Никто о них прежде не слышал, и, однако, они прекрасно изъяснялись на языке этой страны. Черные волосы их перевивала золотая лента, их одежды отличались редким великолепием. Оба казались примерно одного возраста: они выглядели лет под пятьдесят, так как лоб им избороздили морщины, а бороду уже тронула седина.

В гостинице, где остановились эти важные купцы, попытались было разузнать об их намерениях, но тщетно, — те вели скрытный и уединенный образ жизни. Занятий у них не было никаких, и они целыми днями только и делали, что считали да пересчитывали золотые монеты, которые хранили в больших денежных мешках: через окна их комнаты можно было увидеть желтый блеск этих монет.

— Господа, — сказала им в один прекрасный день хозяйка гостиницы, — как же так получается, вот вы такие богачи и могли бы, кажется, поддержать людей в беде, а ни одного благочестивого дела не сделали!

— Прекрасная хозяйюшка, — молвил один из них, — мы не хотели предлагать милостыню честным беднякам, боясь, что нас обманут всякие притворщики. Но пусть нужда постучится к нам в дверь, и мы откроем ей!

На другой день, когда разнесся слух, что богатые незнакомцы приехали, чтобы раздавать всем свое золото, их дом осадила толпа людей. Правда, оттуда все выходили с разным видом: у одних на лице была написана гордость, у других — стыд.

Оказывается, эта парочка бродячих торговцев скупала для дьявола человеческие души.

Душа пожившего человека стоила двадцать золотых, и ни пенни больше: у Сатаны было достаточно времени, чтобы узнать ей цену. Душа женщины стоила пятьдесят, если та была хороша собой, и целых сто, если уродлива. Ну, а уж за душу молоденькой девушки поднимай цену выше! За свежие, чистые цветы платят дорого.

В те времена жила в этом городе графиня Кэтлин О'Шей, ангел красоты. Все ей поклонялись, а для бедняков она была единственной надеждой. Как только услышала она, что эти злодеи, воспользовавшись народной бедой, — в городе в это время был голод, — крадут у Бога человеческие души, она тотчас позвала к себе дворецкого.

— Скажи, Патрик, — обратилась она к нему, — сколько золотых монет в моих сундуках?

— Сто тысяч.

— А сколько драгоценностей?

— На ту же сумму, что и золота.

— А что стоит все имущество в моих замках, мои леса и земли?

— Вдвое больше, чем у вас денег и драгоценностей.

— Что ж, прекрасно, Патрик. Продай все, кроме золота, конечно, и принеси мне, что выручишь. Я хочу сохранить только этот дом.

За два дня приказания благочестивой Кэтлин были выполнены, и все богатства ее были розданы беднякам соответственно их нужде.

Однако это не входило в расчеты дьявола, — как передает нам предание, — ведь для него не осталось душ, которые он мог бы скупить. И вот с помощью неверного слуги эти купцы-нечистые проникли в покои благородной дамы и похитили последние остатки ее богатства. Напрасно она изо всех сил боролась, чтобы спасти содержимое своих сундуков: жулики Сатаны были сильнее. Конечно, если бы Кэтлин смогла перекреститься, добавляет легенда, она бы обратила их в бегство, но она защищалась, и поэтому руки у нее были заняты. Кража совершилась.

И когда вскоре бедняки обратились к ограбленной Кэтлин за помощью — увы, это оказалось бесполезно. Она более не могла уж поддерживать их в нужде. Ей пришлось предоставить их искушению дьявола.

А между тем должно было пройти восемь дней, пока хлеб и прочая провизия в изобилии прибыли бы в город из восточных стран. Эти

восемь дней были целой вечностью! Восемь дней требовали огромных денег, чтобы спасти всех от голода. Беднякам предстояло либо погибнуть голодной смертью, либо, отвергнув заповедь святого Евангелия, совершить низкую сделку и запродать свои души — лучший дар щедрой руки всемогущего. А у Кэтлин уже не было ничего, даже свой последний дом она отдала страждущим.

Двенадцать часов провела она в слезах и стенаниях, бия себя в лилейно-белую грудь. А затем в порыве отчаяния поднялась решительно и отправилась к продавцам человеческих душ.

— Что вам угодно? — спросили те.

— Вы покупаете души?

— Да, кое-что еще удастся купить, несмотря на ваши старания, си-неглазая святая. А что скажешь?

— Сегодня я пришла заключить с вами сделку, — ответила она.

— Какую же?

— У меня есть душа для продажи, но она стоит дорого.

— Разве это имеет значение, если она драгоценная? Душа, как бриллиант, ценится по чистоте.

— Это моя душа.

Сатанинские посланники так и задрожали, даже коготки свои выпустили под лайковыми перчатками. Серые глазки их так и загорелись. Душа самой Кэтлин, чистая, незапятнанная, непорочная, — вот это добыча!

— Сколько же ты просишь, красавица?

— Сто пятьдесят тысяч золотом.

— Изволь! — ответили торговцы и протянули Кэтлин пергамент с черной печатью, который она, содрогнувшись, подписала.

Денежки ей были тут же отсчитаны.

Вернувшись домой, она сказала дворецкому:

— Вот, раздай это! На эти деньги, что я даю тебе, бедняки протянут оставшиеся восемь дней, и больше ни одна душа не попадет к дьяволу!

Потом она закрылась в своих комнатах и приказала никому ее не тревожить.

Прошло три дня. Она никого не звала и сама не выходила.

Когда же дверь открыли, то нашли ее холодной и недвижимой. Она умерла от печали.

Но Бог объявил торг этой души — столь прекрасной в своем милосердии — недействительным: ведь она спасла своих сограждан от вечных мук.

Спустя восемь дней множество кораблей доставили голодающей Ирландии несметные запасы зерна. Голод кончился.

Что же касается тех торговцев, то они исчезли из гостиницы, и никто так и не узнал, что с ними случилось. Правда, блэкуотерские рыбаки поговаривают, будто по приказу Люцифера их заточили в подземную тюрьму до тех пор, пока они не сумеют снова заполучить душу Кэтлин, которая на этот раз ускользнула от них.

Волынщик и пак

Давным-давно жил в Данморе, что в графстве Голуэй, один придурковатый паренек. Он страсть как любил музыку, а выучить больше одной песенки так и не сумел. Песенка эта называлась «Черный бродяга». Разные господа часто приглашали его для увеселения, и он получал за это немалые денежки.

Как-то раз поздно вечером волынщик этот возвращался из дома, где происходили танцы. Он был порядком навеселе. Поравнявшись с мостиком, от которого было рукой подать до материнского дома, он нажал на свою волюнку и заиграл «Черного бродягу».

Тут сзади к нему подкрался пак и перебросил его к себе на спину. У пака были длинные рога, и волынщик крепко ухватился за них.

— Сгинь, гнусная скотина! — крикнул он. — Отпусти меня домой! У меня в кармане десятипенсовик для моей матушки. Ей нужен нюхательный табак.

— Наплевать мне на твою мать, — сказал пак. — Держись лучше! Если упадешь, свернешь себе шею и загубишь свою волюнку. — А потом добавил: — Сыграй-ка мне «Шан Ван Вохт»!

— Но я не умею, — отвечал волынщик.

— Не важно, умеешь или нет, — говорит пак, — начинай, и я тебя научу.

Волынщик задул в свою волюнку, и такая мелодия у него получилась, что он и сам удивился:

— Ей-богу, ты замечательный учитель музыки! Ну а куда ты меня тащишь, скажи?

— Сегодня ночью на вершине Скалы Патрика в доме банши¹ большое торжество, — говорит пак. — Вот я туда тебя и нес, чтоб ты нам поиграл. И поверь моему слову, тебе неплохо заплатят за труды!

— Вот здорово! Значит, ты избавишь меня от путешествия, — сказал волынщик. — А то, видишь ли, отец Уильям наложил на меня эпитимию: велел совершить паломничество к Скале Патрика, потому что на последний Мартынов день я стащил у него белого гусака.

Пак стрелой пронес его над холмами, болотами и оврагами, пока не достиг вершины Скалы Патрика. Тут он трижды топнул ногой, тотчас растворилась огромная дверь, и они вместе прошли в великолепную комнату.

Посреди комнаты волынщик увидел золотой стол, вокруг которого сидело чуть ли не сто старых банши. Они все разом поднялись и произнесли:

— Сто тысяч приветствий Ноябрьскому Паку²! Кого это ты с собой привел?

— Лучшего волынщика во всей Ирландии, — ответил пак.

Одна банши топнула ногой, тотчас в боковой стенке открылась дверь, и волынщик увидел... кого бы вы думали? Да того самого белого гусака, которого он стащил у отца Уильяма.

— Но ей-богу же, — воскликнул волынщик, — мы с моей матушкой до последней косточки обглодали этого гуся! Только одно крылышко я дал Рыжей Мэри. Она-то и сказала пастору, что это я украл гуся.

Гусак прибрал со стола, а пак сказал:

— Сыграй-ка этим дамам!

Волынщик начал играть, и банши пошли танцевать. Они отплясывали, пока у них не подкосились ноги. Тогда пак сказал, что нужно заплатить музыканту, и каждая банши вытащила по золотому и вручила волынщику.

— Клянусь зубом святого Патрика, — сказал волынщик, — теперь я богат, точно сын лорда!

— Следуй за мной, — сказал пак, — я отнесу тебя домой.

И они тут же вышли. Только волынщик приготовился усестись верхом на пака, как к нему подошел белый гусак и подал ему новую волынку.

¹ Банши (bean sidhe) — «женщина из сидов», в ирландской мифологии дух, стоны которого предвещают смерть.

² Согласно преданиям, только в ноябре пак имел обыкновение заговаривать с запоздалыми путниками и давать им советы.

Пак быстренько донес волынщика до Данмора и сбросил его возле мостика. Он велел ему сразу отправляться домой и на прощанье сказал:

— Теперь у тебя есть две вещи, которых не было прежде, — это разум и музыка.

Волынщик дошел до материнского дома и постучался в дверь со словами:

— А ну,пусти-ка меня! Я теперь разбогател, словно лорд, и стал лучшим волынщиком во всей Ирландии!

— Ты просто пьян, — сказала мать.

— Да нет же, — говорит волынщик, — и капли во рту не было!

Когда мать пустила его, он отдал ей все золотые монеты и сказал:

— погоди еще! Послушай, как я теперь играю.

И он задул в новую волынку, но вместо музыки у него получилось, будто все гусыни и гусаки Ирландии принялись гоготать разом. Он разбудил соседей, и те принялись потешаться над ним, пока он не взялся за свою старую волынку и не исполнил им мелодичную песенку. А потом он рассказал им, что с ним приключилось в эту ночь.

На другое утро мать пошла полюбоваться на золотые монеты, однако на их месте она увидела лишь сухие листья, и больше ничего.

Волынщик отправился к пастору и рассказал ему всю историю, но пастор ни одному слову его не захотел верить, пока он не взялся за новую волынку, из которой полилось гоготанье гусаков и гусынь.

— Прочь с глаз моих, воришка! — возопил пастор.

Но волынщик и с места не сдвинулся. Он приложил к губам свою старую волынку — чтобы доказать пастору, что он рассказал ему чистую правду.

С тех пор он всегда брал только старую волынку и исполнял на ней мелодичные песенки, и до самой его смерти не было в целом графстве Голуэй лучшего волынщика, чем он.

Озеро исцеления

легенда

— Вы видите это озеро? — спросил мой собеседник, устремляя свой взгляд на утес, возвышавшийся над Лох-Лейгом¹. — Хотя вам это и покажется невероятным, но, несмотря на всю свою непривлекательность, — вон как оно заросло ирисом и всякой другой травой, — озеро это считается самым знаменитым во всей Ирландии, вы уж поверьте мне! Млад и стар, богач и бедняк, — словом, всякий из близка и далека идет к нему, чтобы излечить цингу, язвы и прочие недуги. Как будто сам Всевышний позаботился, чтобы все члены наши были целыми и невредимыми, ибо это великое несчастье, когда они отказываются служить нам. Да вот, лишь на прошлой неделе побывал здесь у нас один очень важный француз. Припелся он сюда на костылях, а домой к себе вернулся здоровехоньким, как огурчик, даю вам слово! Правда, он и расплатился с Билли Рейли недурно за то, что тот вылечил его.

— Скажите пожалуйста! А как же это Билли Рейли вылечил его?

— Как-как! Так и вылечил! Взял шест подлинней да сунул его в озеро до самого дна, а потом вытащил на нем столько глины, сколько хватило бы и на тысячу болячек.

— Какой такой глины?

— Ну, какой? Черной, конечно! Ведь на дне озера полным-полно этой черной грязи, которой можно вылечить хоть целый свет.

— Да, стало быть, это и впрямь знаменитое озеро...

¹ Лох — по-ирландски озеро.

— Еще бы, конечно знаменитое! — согласился мой собеседник. — Но не только потому, что оно исцеляет, нет-нет. Всем известно, что на дне его находится прекрасный город, в котором живет добрый народец, как две капли воды схожий с христианами. Ей-ей, истинную правду вам говорю! Шамас-а-Снейд сам видел их, когда отправился за своей пестрой коровенкой, которую у него украли.

— А кто же украл ее?

— Сейчас я вам все расскажу! Шамас — это бедный паренек, который жил со своей старой матерью в жалкой лачуге на самом гребне холма. Они перебивались кое-как, но так или иначе сводили концы с концами. Был у них клочок земли, который приносил немного картошки, да еще вот Пеструшка давала им глоток молока. Словом, по тем временам им приходилось не так уж туго. К тому же Шамас был мастером на все руки и, когда пас корову, срезал вереск и вязал веники. А мать продавала их в базарный день и приносила домой табаку, соли и всего прочего, без чего трудно обойтись даже бедняку.

Но вот как-то раз Шамас поднялся в горы выше обычного — он искал вереск подлинней, так как горожанки не очень-то любят низко наклоняться, а потому предпочитают веники с длинными ручками. Пеструшка его была умна, что любой из нас, грешных. Она следовала за Шамасом по пятам, словно комнатная собачонка, так что присматривать за ней почти и не надо было. В тот день она отыскала на круглой лужайке сочный мох, зеленый, как лук, и спокойно паслась. А Шамаса порядком разморило, что могло случиться со всяким в такой безоблачный летний денек, и он прилег на траву отдохнуть, — вот как мы с вами сейчас отдыхаем на этих камнях.

И что же! Не успел он немножко полежать, как вдруг увидел, что вокруг него разыгрались... Кто бы вы думали? Пыхтуны! Целая толпа пыхтунов. Это эльфы такие: они никогда не вынимают трубки изо рта и очень любят ухаживать за девушками, когда те пасут в уединенных долинах коров или овец.

Одни пыхтуны подбрасывали мяч, другие поддавали его ногой, а третьи подскакивали, словно кошка, и ловили его на лету. Все они были такие ловкие и проворные, что Шамас с восхищением следил за их игрой. Но больше всех ему понравился маленький загорелый пыхтунчик в красной шапочке, который всех подряд сбивал с ног, словно расшвыривал поганки. Раз ему даже удалось завладеть мячом, наверное, на целых полчаса. Тут уж Шамас не удержался и крикнул:

— Браво, мой маленький игрок!

Но не успел он рта закрыть, как — шлеп! — мяч попал ему прямо в глаза, так что искры из них посыпались. Бедняга Шамас решил, что ослеп, и завопил:

— Тысяча проклятий!

Но в ответ услышал лишь громкий смех.

— С нами крестная сила! — пробормотал он. — За что?!

Тут он протер себе хорошенько глаза и почувствовал, что как будто полегчало: он уже смог различить солнце и небо. Постепенно он видел уже все — все, кроме своей коровы и проказников пыхтунов. Должно быть, они растворились в утреннем тумане. Но куда вот девалась Пеструшка? Шамас искал ее и там и сям, но он мог бы проискать ее и до сегодняшнего дня и все равно не нашел бы, и в этом нет ничего удивительного — ведь эльфы-то утащили ее за собой.

Однако Шамас-а-Снейд ничего этого не знал и отправился домой к матери.

— А где корова, Шамас? — спросила старушка.

— Да шут с ней, с коровой, матушка, — ответил Шамас. — Не знаю я, где она!

— Разве так отвечают несчастной, старой матери, ты, олух!

— Ох, матушка, не подымайте вы шума по-пустому! — сказал Шамас. — Цела она, наша старая Пеструха, никуда не делась, право же. Вот если б глаза у меня были на палках, я бы увидел, где она сейчас. Да, кстати вот, о глазах. Ну и повезло же мне! Еще немножко, и нечем бы мне стало присматривать за нашей Пеструшкой.

— О господи! Что же такое случилось с твоими глазами?

— Да все эти пыхтуны, Господь спаси нас и помилуй. Засадили мячом мне прямо в глаза! Битый час я не видел ничего, ну ничегошеньки.

— Так, может, они утащили и нашу корову? — спросила мать.

— Не-ет, черта с два! — сказал Шамас. — Корова наша хитра, что твой судья, на то и воля Божья. И не такая она дура, чтобы идти за пыхтунами, когда я нашел для нее сегодня не траву, а просто объеденье!

Так мать с сыном и проговорили всю ночь про свою корову, а утром отправились ее искать. Обыскав все вершины и низины, Шамас вдруг заметил, что из болота торчат... Эге, да никак рога его Пеструшки?

— Матушка! Матушка! — закричал он. — Я ее нашел!

— Где же, мой мальчик? — кричит старушка.

— Да вот, в болоте! — отвечает Шамас.

Тут бедная старушка как завопит не своим голосом. Со всей округи сбежались соседи и вытащили корову из болота. Побожиться можно было, что это та самая Пеструшка. А все ж не та! Вот вы скоро и сами это увидите.

Шамас и его мать отнесли мертвую скотину домой, содрали с нее шкуру, а тушу повесили над очагом. Конечно, то, что они остались без капли молока, было очень тяжело, и, хотя теперь они получили вдоволь мяса, все равно навеки его не хватило бы. Да к тому же еще соседи косо поглядывали на них: мол, что это они собираются есть дохлятину?

Но хуже всего было то, что они и в самом деле не могли есть это мясо, потому что, когда его сварили, оно оказалось жестким, как мертвечина, да еще черным, словно торф. Вы с таким же успехом могли бы вонзить зубы в дубовую доску, как в это мясо, только потом вам пришлось бы усесться подальше от стены, чтобы не разбить об нее свою башку, стараясь выдрать из этого мяса зубы. Так что в конце концов им пришлось бросить это мясо собакам. Но даже те от него отвернулись. И вот оно было выкинуто в канаву, где и сгнило.

Эта неудача стоила бедняге Шамасу много горьких слез — ведь теперь ему приходилось работать с двойным усердием. И он с зари до зари пропадал в горах за вереском.

В один прекрасный день он проходил со связкой веников на спине мимо вот этих самых холмов и вдруг увидел свою Пеструшку! Ее пасли два рыжих человечка.

— Ба, никак это корова моей матушки? — говорит Шамас-а-Снейд.

— Никак нет! — отвечает один из человечков.

— Да конечно она! — говорит Шамас, бросая веники на землю и хватая корову за рога.

Тогда — что бы вы думали! — рыжие человечки изо всех сил гонят корову вот к этому самому обрыву. Один толчок — и она летит кувырком вместе с Шамасом, который словно прирос к ее рогам. Один всплеск, и воды озера сомкнулись над ними, и Шамас вместе с коровой пошел ко дну.

Но только Шамас-а-Снейд подумал, что пришел ему конец, как вдруг увидел перед собой великолепнейший дворец из драгоценных камней и самоцветов. И хотя он был совершенно ослеплен великолепием этого дворца, все же у него хватило ума не выпускать из рук рога своей

коровенки. Мало ли что с ней могли еще сделать? А когда его пригласили зайти во дворец, он отказался.

Но вот раздался страшный шум, двери замка растворились, и оттуда вышли сто прелестнейших леди и джентльменов.

— Что нужно этому смертному? — спросил один из них, казавшийся господином.

— Мне нужна корова моей матушки! — ответил Шамас-а-Снейд.

— Но это ведь не корова твоей матери, — сказал господин.

— То есть как так! — вскричал Шамас-а-Снейд. — Да я ее как свои пять пальцев знаю!

— А где ты ее потерял? — спрашивает господин.

Тут Шамас подходит к нему и выкладывает все: как он отправился в горы, увидел там пыхтунов, которые играли в мяч, как мяч попал ему в глаза и как пропала его корова.

— Пожалуй, ты прав, — говорит господин и вытаскивает кошелек. — Вот тебе за двадцать коров, получай!

— Э, нет! — говорит Шамас. — Меня на мякине не проведешь. Отдавай мою корову — и баста!

— Ну и чудак человек, — говорит господин. — Лучше оставайся здесь, поживи во дворце!

— А мне и с матушкой неплохо живется.

— Дурак! Да оставайся здесь, будешь жить во дворце.

— А мне и в матушкиной хижине хорошо, — говорит Шамас.

— Будешь гулять здесь по садам, фрукты рвать, цветочки.

— По мне, уж лучше вереск в горах рвать.

— Будешь есть сладко.

— Хм, да раз Пеструха опять у меня, картошка с молоком всегда уж будут.

— Ой-ой-ой! — закричали вокруг него леди. — Неужели ты забереешь корову, которая дает нам к чаю молока?

— А что же? Моей матушке молоко нужно побольше вашего. И она получит его! Так что хватит мне зубы заговаривать. Отдавайте-ка мою корову!

Тут они окружили его и стали предлагать целые горы золота за корову, но Шамас наотрез отказался. Тогда, убедившись, что он упрям, как осел, они принялись его тузить.

Но все равно он до тех пор не выпускал из рук рога коровы, пока наконец резкий порыв ветра не вынес его из дворца. И вмиг он очутился со

своей Пеструшкой на берегу озера. Вода была совсем спокойной, будто ее не тревожил никто с самого детства Адама, — а это было давненько, сами понимаете.

Так-то вот. Отвел Шамас-а-Снейд свою корову домой, а уж как матушка ей обрадовалась! Но только она промолвила: «Боже мой, никак наша скотинка!» — коровенка тут же развалилась, словно сухой брикет из торфа. Таков был конец Пеструшки Шамаса-а-Снейда.

— А сейчас, — сказал мой собеседник, подымаясь с камней, — пойду-ка погляжу на мою коровенку, а то, неровен час, утащат ее пыхтуны!

Я заверил его, что ничего подобного не случится, и на этом мы расстались.

Завороженный пудинг

Руки и шея у нее по цвету не уступали волосам. А такого премиленького приплюснутого и красного носа вы уж наверное ни у кого не встречали. Да и кулаки — ведь Бог наградил ее еще и кулаками — очень сильно смахивали на большущие брюквы, покрасневшие на солнце.

И — чтобы уж до конца говорить только правду — по нраву она была тоже огонь, как и ее голова, и ничего в этом удивительного нет, ну, горячая, так ведь кто не испытал на себе сердечной теплоты всех Раферти? А так как Бог ничего не дает напрасно, то здоровые и красные кулачищи Молли, — если только все, что мы сказали о них, была правда, — служили ей не для украшения, а для дела. Во всяком случае, имея в виду ее бойкий характер, можно было не опасаться, что они изнежатся от безделья, и на это уж имелись верные подтверждения.

Ко всему она еще и косила на один глаз, правда, в некотором роде это даже шло ей. Но ее будущему бедняге мужу, когда бы она завела его, следовало бы на всякий случай вбить себе в голову, что она видит все даже за углом и уж, конечно, раскроет все его темные делишки. Хотя ручаться, что это именно потому, что она косая, я не стану, чтоб не соврать вам.

Ну вот, и с Божьего благословения Молли Роу влюбилась. Так случилось, что по соседству с нею жил врожденный бродяга по прозвищу Гнус Джилспи, который страдал даже еще большей красотой, чем она сама. Гнус, да хранит нас Всевышний, был, что называется, проклятым пресвитерианцем и не желал признавать сочельника, — вот нечестивец-то, — разве что только, как говорится, по старому стилю.

Особенно хорош Гнус был, если разглядывать его в темноте, впрочем, как и сама Молли. Что ж, так ведь доподлинно известно, если верить слухам, что именно ночные свидания и предоставили им счастливый случай уединиться от всех людей, чтобы обрести друг друга. А кончилось все тем, что вскоре обе семьи стали уже всерьез подумывать о том, что же делать дальше.

Брат Молли, Пэдди О'Раферти, предложил Гнусу два выхода на выбор. Говорить о них, может, и не стоит, однако один поставил-таки Гнуса в тупик, но, хорошо зная своего противника, Гнус довольно быстро уступил. Так или иначе, свадьбы было не миновать. И вот решили, что в следующее же воскресенье преподобный Сэмюел М'Шатл, пресвитерианский священник, соединит влюбленных.

А надо вам сказать, что за все последнее время это была первая свадьба между проклятым иноверцем и католиком, ну и, конечно, с обеих

Молли Роу Раферти была отпрыском — я имею в виду дочь — того самого старика Джека Раферти, который прославился тем, что всегда носил шляпу только на голове, а не наоборот. Да и вся семейка его была со странностями, что уж верно, то верно. Так все считали, кто знал их хорошенько. Говорили даже, — хотя ручаться, что это истинная правда, я не стану, чтоб не соврать вам, — будто если они не надевали башмаков или там сапог, то ходили разутые. Правда, впоследствии я слышал, что, может, это и не совсем так, а потому, чтобы зря не оговаривать их, лучше не будем даже вспоминать об этом.

Да, так, значит, у Джека Раферти было два отпрыска, Пэдди и Молли. Ну, чего вы все смеетесь? Я имею в виду сына и дочь. Все соседи так всегда и считали, что они брат с сестрой, а правда это или нет, кто их знает, сами уж понимаете; так что с Божьей помощью и говорить нам тут не о чем.

Мало ли какие еще безобразия про них рассказывали, даже и повторять тошно. Вот будто и старый Джек и Пэдди, когда ходят, сначала одной ногой шагают вперед, а потом уж только другой, все не как у людей.

А про Молли Роу говорили, что у нее престранная привычка, когда спит, закрывать глаза. Если это и в самом деле так, тем хуже для нее, ведь даже ребенку ясно, что когда закроешь глаза, то ничего ровным счетом не видно.

В общем-то, Молли Роу была девушка что надо: здоровая, рослая, упитанная, а миленькая головка ее горела словно огонь — это из-за огненно-рыжих волос. Потому ее и прозвали Молли Роу, то есть Рыжая.

сторон посыпались возражения. Если бы не одно обстоятельство, этой свадьбе никогда не бывать. Правда, дядя невесты, старый колдун Гарри Конноли, мог бы успокоить всех недовольных с помощью средства, известного ему одному, но он вовсе не желал, чтобы его племянница выходила замуж за такого парня, а потому всеми силами противился этому браку. Однако все друзья Молли не обращали на него внимания и стояли за свадьбу. И вот, как я уже говорил вам, было назначено воскресенье, которое навсегда бы соединило влюбленную парочку.

Долгожданный день настал, и Молли, как ей и подобало, отправилась слушать мессу, а Гнус — в молитвенный дом. После этого они должны были снова встретиться в доме Джека Раферти, куда после обедни собирался заглянуть и католический священник, отец М'Сорли, чтобы отобедать с ними и составить компанию пресвитеру М'Шатлу, который и должен был соединить молодых.

Дома не осталось никого, кроме старого Джека Раферти и его жены. Ей надо было состряпать обед, потому что, по правде говоря, несмотря ни на что, ожидался пир горой.

Быть может, если бы знать все наперед, этому самому отцу М'Сорли следовало, помимо обедни, совершить еще обряд венчания, — ведь друзьями Молли все-таки не очень устраивало, как освящает брак пресвитер. Но кто бы стал об этом заботиться: свадьба тут — свадьба там?

И вот что я вам скажу: только миссис Раферти собралась завязать салфетку с большущим пудингом, как в дом вошел разъяренный Гарри Конноли, колдун, и заорал:

— Громом вас разрази, что вы тут делаете?!

— А что такое, Гарри? Что случилось?

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна вошла и вон уж куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и трижды перекреститесь во имя четырех великомучениц! Вы разве не знаете, как говорит пророчество: «Скорее наполни горшок до краев» (он, наверное, хотел сказать: не переполняйте чаши терпения). Вы что, каждый день видите, как наше светило проваливается в тартарары? Выходите скорее, говорю я вам! Взгляните на солнце — и увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

О господи, тут Джек как бросится к двери, и жена его поскакала, словно двухгодовалая кобылка. Наконец оба очутились за домом, возле перелаза через изгородь, и принялись высматривать, что не так в небе.

— Послушай, Джек, — говорит ему жена, — ты что-нибудь видишь?

— Лопни мои глаза, ничего, — отвечает он. — Разве только солнце, которое скрылось за облаками. Слава богу, ничего как будто не стряслось.

— А если не стряслось, Джек, что же такое с Гарри, ведь он всегда все знает?

— Боюсь, это все из-за свадьбы, — говорит Джек. — Между нами, не так уж благочестиво со стороны Молли выходить замуж за проклятого иноверца, и если бы только не... Но теперь уж ничего не поделаешь, хотя даже вот само солнце отказывается смотреть на такие дела.

— Ну, уж что до этого, — говорит жена, заморгав глазами, — раз Гнусу подходит наша Молли, то и слава богу. Только я-то знаю, в чьих руках будет плетка. И все-таки давай спросим Гарри, что это с солнцем.

Они тут же вернулись в дом и задали Гарри вопрос:

— Гарри, что же такое стряслось? Ведь ты один во всем свете можешь знать, что случилось.

— О! — сказал Гарри и поджал рот в кривой усмешке. — У солнца колики, его всего скрючило, но не обращайтесь внимания. Я только хотел вам сказать, что свадьба будет еще веселее, чем вы думали, вот и все. — И с этими словами он надел шляпу и вышел.

Что ж, после такого ответа оба вздохнули свободно, и, крикнув Гарри, чтобы он возвращался к обеду, Джек уселся со своей трубкой и хорошенько затянулся, а его жена, не теряя времени, завязала салфетку с пудингом и опустила его в горшок вариться.

Какое-то время все так вот и шло, спокойно и гладко. Джек попыхивал своей трубкой, а жена готовила, стряпала, словом, торопилась, как на охоте. Вдруг Джеку, — он все еще сидел, как я и сказал, устроившись поудобнее у очага, — почудилось, будто горшок шевелится, словно пританцовывает. Ему это показалось очень странным.

— Кэтти, — сказал он, — что за чертовщина у тебя в этом горшке на огне?

— Обыкновенный пудинг, и больше ничего. А почему ты спрашиваешь?

— Ого, — говорит он, — разве горшок станет ни с того ни с сего танцевать джигу, а? Гром и молния, погляди-ка на него!

Батюшки! И в самом деле горшок скакал вверх, вниз, из стороны в сторону, такую джигу отплясывал, только держись. Но любому было

сразу видно, что он танцует не сам по себе, а что-то там внутри заставляет его выписывать подобные кренделя.

— Клянусь дырками моего нового пальто, — закричал Джек, — там кто-то живой, иначе горшок никогда бы не стал так подпрыгивать.

— О господи, ты, наверно, прав, Джек. Тут дело нечисто, кто-то забрался в горшок. Вот горе-то! Что же нам теперь делать?

И только она это сказала, горшок как подпрыгнет, точно прима-балерина какая-нибудь. И от такого прыжка, который утер бы нос любому учителю танцев, с горшка слетела крышка, из него собственной персоной выскочил пудинг и ну скакать по комнате, словно горошина на барабане.

Джек стал божиться, Кэтти креститься. Потом Джек закричал, а Кэтти завопила:

— Во имя всего святого, не подходи к нам! Тебя никто не хотел обижать!

Но пудинг направился прямо к Джеку, и тот вскочил сначала на стул, а потом на кухонный стол, чтобы улизнуть от пудинга. Тогда пудинг поскакал к Кэтти, и она во всю глотку стала выкрикивать свои молитвы, а этот ловкий пройдоха пудинг подскакивал и пританцовывал вокруг нее, как будто забавлялся ее испугом.

— Если б только достать мне вилы, — заговорил Джек, — я б ему показал! Я бы всю душу из него вытряс!

— Что ты, что ты! — закричала Кэтти, испугавшись, что в этом деле замешано колдовство. — Давай поговорим с ним по-хорошему. Мало ли, на что еще он способен. Ну, успокойся, — обратилась она к пудингу, — успокойся, миленький. Не трогай честных людей, которые даже не собирались тебя обижать. Ведь это не мы, ей-ей не мы, это старый Гарри Конноли заворожил тебя. Гоняйся за ним, если тебе так уж хочется, а меня, старуху, пожалей. Ну, тише, тише, голубчик, не за что меня так пугать, вот те крест — не за что.

Что ж, пудинг, казалось, внял словам женщины и поскакал от нее опять к Джеку. Но тот, убедившись вслед за женой, что пудинг и впрямь заколдован, а стало быть, разговаривать с ним лучше помягче, решил, подобно жене, обратиться к нему с самыми нежными словами.

— Верьте, ваша честь, — сказал Джек, — моя жена говорит сущую правду. Клянусь здоровьем, мы были бы чрезвычайно благодарны вам, если бы ваша честь немного успокоились. Конечно, мы прекрасно понимаем, не будь вы истинным джентльменом, вы вели бы себя совершенно

иначе. Гарри, старый негодник, вот кто вам нужен! Он только-только прошел по этой дороге, и если ваша честь поспешит, вы его вмиг нагоните. Однако, клянусь моим отпрыском, учитель танцев не зря тратил на вас время! Всего хорошего, ваша честь. Гладенькой вам дорожки! Желая вам не повстречаться со священником или ольдерменом!

Когда Джек кончил, пудинг, казалось, понял его намек и не торопясь поскакал к выходу, а так как дом стоял у самой дороги, пудинг сразу же свернул к мосту по тому самому пути, которым только что прошел старый Гарри.

Само собой, конечно, Джек и Кэтти выбежали следом за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет, а так как день был воскресный, то, само собой, конечно, по дороге шло народу больше, чем обычно. Что верно, то верно. И когда все увидели, как Джек и его жена бегут за пудингом, вскоре, наверно, целая округа увязалась за ними.

— Что случилось, Джек Раферти? Кэтти, да скажите наконец, что все это означает?

— Ах, это все мой праздничный пудинг! — ответила Кэтти. — Его заворожили, и вот теперь он спешит по горячим следам за... — но тут она запнулась, не желая произносить имени своего родного брата, — за тем, кто его заворожил.

Этого оказалось достаточно. Встретив поддержку, Джек снова обрел отвагу и говорит Кэтти:

— Ступай-ка ты назад! И, не мешкая, приготовь новый пудинг, да не хуже того, первого. Кстати, вот и Бриджет, жена Пэдди Скэнлена. Она предлагает тебе варить его у них дома. Ведь на своем очаге тебе придется готовить остальной обед. А сам Пэдди одолжит мне вилы, чтобы преследовать нахального беглеца до тех пор, пока с помощью моих верных соседей я не подколю его.

Все согласились с этим, и Кэтти вернулась готовить новый пудинг. А тем временем Джек и добрая половина всех жителей пустились в погоню за тем, первым, прихватив с собою лопаты, заступы, вилы, косы, цепи и прочие орудия, какие только бывают на свете. Однако пудинг неслся вперед, делая почти что шесть ирландских миль в час — неслыханная скорость!

Католики, протестанты, пресвитерианцы — кто только не гнался за ним, — и все вооруженные до зубов, как я уже говорил вам. И если б бедняга не так спешил, ему бы плохо пришлось. Но вот он подскочил, и кто-то хотел уже посадить его на вилы, да только пудинг подпрыгнул

еще выше, и какой-то проныра, желая отломить от него кусок с другого боку, получил вместо пудинга вилы себе в бок. А Большой Фрэнк Фареелл, мельник из Бэллибултина, получил удар в спину, от которого так завопил, что слышно было, наверно, на другом конце прихода. Кто-то отведал острой косы, кто-то тяжелого цепа, а кто и легкой лопаты, от которой искры из глаз посыпались.

— Куда он идет? — спрашивал один. — Клянусь жизнью, он направляется в молитвенный дом на собрание. Да здравствуют пресвитерианцы, если только он свернет на Карнтолу.

— Душу вынуть из него надо, если он протестант, — орали другие. — Если он повернет налево, на блины раскатать его мало! Мы не потерпим у себя протестантских пудингов!

Ей-богу, добрые соседи вот-вот готовы были из-за этого уже передраться, как вдруг, на их счастье, пудинг свернул в сторонку и стал спускаться по узенькой боковой тропинке, которая вела прямо к дому методистского проповедника. Ну, тут уж все партии принялись единодушно поносить методистский пудинг.

— Да он вовсе методист! — закричало несколько голосов. — Но все равно, кто бы он ни был, а в методистской церкви ему сегодня не бывать. Вот мы ему сейчас покажем! Вперед, ребята, берись-ка за вилы!

И все очертя голову бросились за пудингом, но не так-то просто было схватить его. Они уж думали, что прижали его к церковной ограде, как пудинг вдруг ускользнул от них, махнул через ограду, прыгнул в реку и стал быстро-быстро уплывать, прямо у них на глазах, легкий, будто скорлупка.

А надо вам сказать, что пониже этого места, вдоль самой воды, по обоим берегам речки высилась ограда владений полковника Брэгшоу. И как только преследователи натолкнулись на такое препятствие, они тут же разошлись по домам, все до одного, и мужчины, и женщины, и даже дети, не переставая, однако, ломать себе голову, что это за пудинг такой, куда он идет и что у него на уме.

Конечно, если б Джек Раферти и его жена вздумали поделиться с ними своим мнением, что это Гарри Конноли заморозил пудинг, — в чем они нисколько не сомневались, — бедняге Гарри пришлось бы худо от разпаленной страстями толпы. Но у них хватило ума оставить это мнение при себе — ведь старый холостяк Гарри был верным другом семьи Раферти. И вот, само собой, поползли разные толки: одни говорили одно, другие другое; партия католиков утверждала, что пудинг ихний, а партия

пресвитерианцев отрицала это и настаивала, что нет, он их веры, и все в таком роде.

А тем временем Кэтти Раферти была уже дома и, боясь опоздать к обеду, быстренько приготовила новый пудинг, точь-в-точь такой же, как тот, первый, что убежал. Потом отнесла его к соседке, в дом Пэдди Скэнлена, опустила в горшок и поставила на огонь вариться. Она надеялась, что пудинг будет готов вовремя: ведь они ожидали в гости самого пастора, а тот, как истинный европеец, совсем не прочь был отведать добрый кусок теплого пудинга.

Словом, время летело. Гнус и Молли стали мужем и женой, и более влюбленной парочки вы, наверно, не встречали. Друзья, приглашенные на свадьбу, прогуливались перед обедом, разделившись на дружественные маленькие кружки, болтали и смеялись. В центре всеобщего внимания был пудинг; все стремились установить его личность, потому что, говоря по правде, о его приключениях толковал, наверно, уже весь приход.

Обед между тем приближался. Пэдди Скэнлен сидел с женой у огня и, устроившись поудобнее, ждал, когда закипит пудинг. Вдруг к ним врывается взволнованный Гарри Конноли и кричит:

— Громом вас разрази, что вы тут делаете!

— А что такое, Гарри? Что случилось? — спрашивает миссис Скэнлен.

— Как что случилось? Ведь солнце-то скрылось совсем, а луна вон уже куда подскочила! Вот-вот начнется светопреставление, а вы тут сидите как ни в чем не бывало, словно просто дождь идет. Выходите скорее на улицу и поглядите на солнце, говорю я вам! Вот увидите, в каком ужасном оно положении. Ну, живей!

— Постой-ка, Гарри, что это у тебя торчит сзади из-под куртки, а?

— Да бегите скорей! — говорит Гарри. — И молитесь, чтоб не было светопреставления, ведь небо уж падает!

Ей-богу, трудно даже сказать, кто выскочил первым: Пэдди или его жена — так напугал их бледный и дикий вид Гарри и его безумные глаза. Они вышли из дома и принялись искать, что такого особенного в небе. Смотрели туда, смотрели сюда, но так ничего и не высмотрели, кроме яркого солнца, которое преспокойно садилось, как обычно, да ясного неба, на котором не было ни облачка.

Пэдди и его жена тут же повернули со смехом обратно, чтобы распечь как следует Гарри, — тот и в самом деле был большой шутник, если что взбретет ему в голову.

— Чтоб тебе пусто было, Гарри... — начали было они.

Но больше ничего не успели сказать, так как в дверях столкнулись с самим Гарри. Он вышел, а за ним следом из-под куртки тянулась тонкая струйка дыма, словно из печи.

— Гарри, — закричала Бриджет, — клянусь моим счастьем, у тебя горит хвост куртки! Ты ведь сгоришь! Разве не видишь, как из-под нее дым идет?

— Трижды перекрестись, — проговорил Гарри, продолжая идти и даже не оглядываясь, — ибо пророчество говорит: скорее наполни горшок до краев...

Но более ни слова до них не долетело, так как Гарри вдруг начал вести себя как человек, который несет что-то слишком горячее, — так, во всяком случае, можно было подумать, глядя на поспешность его движений и на странные гримасы, которые он строил, удаляясь от них.

— Что бы такое он мог унести под полой куртки, черт возьми? — гадал Пэдди.

— Батюшки, а не стянул ли он пудинг? — спохватилась Бриджет. — Ведь за ним водятся и не такие еще делишки.

И оба тут же заглянули в горшок, но пудинг оказался на месте — цел и невредим. Тогда они еще больше удивились: что же такое, в конце концов, он унес с собой?

Но откуда им было знать, чем был занят Гарри Конноли, пока они глазели на небо!

Так или иначе, а день кончился. Угощение было готово, и уже собралось избранное общество, чтобы отведать его. Пресвитер встретился с методистским проповедником еще по дороге к дому Джека Раферти. В предвкушении еды у него разгорелся дьявольский аппетит. Он прекрасно понимал, что может позволить себе такую вольность, а потому даже настоял, чтобы методистский проповедник обедал с ним вместе. Что ж, в те времена, слава богу, священнослужители всех вероисповеданий жили в мире и согласии, не то что теперь, ну да ладно.

И вот обед уже подходил к концу, когда сам Джек Раферти спросил Кэтти про пудинг. И не успел спросить, как пудинг тут же явился, большой и важный, как походная кухня.

— Господа, — обращается ко всем Джек Раферти, — надеюсь, никто из вас не откажется отведать по ломтику пудинга. Я имею в виду, конечно, не того плясуна, который пустился сегодня путешествовать, а его славного, добропорядочного близнеца, которого приготовила моя женушка.

— Будь спокоен, Джек, не откажемся! — отвечает пресвитер. — Ты положи-ка вот на эти три тарелки, что у тебя под правой рукой, по хорошему ломтю и пришли сюда, чтоб уважить духовенство, а мы уж постараемся, — продолжал он, посмеиваясь, потому что был большой весельчак и любил поострить, — мы уж постараемся показать всем хороший пример.

— От всего сердца примите мою нижайшую благодарность, господа, — сказал Джек. — Могу поручиться, что в подобных делах вы всегда показывали и, надеюсь, будете показывать нам самый лучший пример. И я только хотел бы иметь более достойное угощение, чтобы предложить его вам. Но мы ведь люди скромные, господа, и, конечно, вам вряд ли удастся найти у нас то, к чему вы привыкли в высшем обществе.

— Лучше яичко сегодня, — начал методистский проповедник, — чем насадка...

«Завтра» — хотел он кончить, но запнулся, потому что, к его великому изумлению, пресвитер вдруг поднялся из-за стола, и не успел проповедник отправить в рот первую ложку пудинга и сказать: «Джек Робинсон»¹, как его пресвитерианское преподобие пустился отплясывать пререселую джигу.

В эту самую минуту вбегает в комнату соседский сын и говорит, что к ним идет приходский священник, чтобы поздравить молодых и пожелать им счастья. И только он сообщил эту радостную весть, как священник уже появился среди пирующих. Однако сей святой отец не знал, что и подумать, когда увидел пресвитера, кружащегося по комнате, словно обручальное колечко. Правда, особенно размышлять ему было некогда, потому что не успел он сесть, как тут вскакивает и методистский проповедник и, сделав руки в боки, таким залихватским манером пускается вслед за его пресвитерианским преподобием.

— Джек Раферти, — говорит католический отец (да, между прочим, Джек был его арендатором), — что это все означает? Я просто удивлен!

— И сам не знаю, — говорит Джек. — Отведайте вот лучше этого пудинга, ваше преподобие, чтоб молодым было чем похвастать: мол, сам святой отец угощался у них на свадьбе. А ежели вы не будете, то и никто не станет.

¹ То есть не успел и глазом моргнуть.

— Ладно уж, ладно, — соглашается священник, — разве чтоб уважить молодых. Только совсем немного, пожалуйста. Однако, Джек, это настоящий разгул, — продолжал он, отправляя себе в рот полную ложку пудинга. — Что же получается, уже все напились?

— Черта с два! — отвечает Джек. — Сдается мне, эти джентльмены успели хватить где-то раньше, хотя дом мой полон вина. Куда-нибудь уже заглянули. А что я могу поделаться...

Но не успел Джек закончить, тут вдруг сам святой отец, — а он был человек такой прыткий, — как подскочит на целый ярд; и не успел никто глазом моргнуть, как уже все три священнослужителя отплясывали, да так старательно, словно их нанял кто.

Ей-ей, у меня не хватает слов, чтобы описать, что сделалось с добрыми прихожанами, когда они увидели подобные дела. Некоторые давились от смеха, другие отводили в недоумении глаза; большинство считало, что преподобные отцы просто спятили, а все остальные полагали, что они, наверное, прикидываются, как это частенько с ними бывает.

— Вон их! — кричал один. — Можно со стыда сгореть, глядя на таких служителей церкви. Богохульники! Еще совсем рано, а они уже ни на кого не похожи!

— Вот так чертовщина, да что это с ними? — удивлялись другие.

— Можно подумать, их заворожил кто. Святой Моисей, вы только поглядите, какие прыжки выделяет методистский проповедник! А пресвитер-то, пресвитер! Кто бы мог подумать, что он умеет так быстро работать ногами! Ей-богу, он выкидывает колени и отбивает чечетку не хуже самого учителя танцев Пэдди Хоретана! Смотрите-ка, и священник туда же! Ах, будь ему неладно, ведь не хочет отстать от этих заводил. Да еще в воскресенье, тьфу! Эй, господа, вы что, шуты разве? Пфф, тогда пожелаем успеха!

Но тем было не до шуток, сами понимаете. Представьте же себе, что они почувствовали, когда вдруг увидели, как и сам старый Джек Раферти тоже пустился вприпрыжку вместе с ними, да еще так лихо начал отплясывать, что даже их за пояс заткнул. Право слово, ни одно зрелище не могло бы сравниться с этим. Со всех сторон только и слышались, что смех да подбадривающие крики, все хлопали в ладоши как безумные.

Ну а когда Джек Раферти бросил резать пудинг и вышел из-за стола, его место сразу же занял старый Гарри Конноли: для того, конечно, чтобы и дальше посылать по кругу пудинг. И только он сел, в комнату вошел — ну кто бы вы думали? — сам Барни Хартиган, вольтерьянчик.

К слову сказать, за ним посылали еще днем, но тогда его не застали дома, а потому он не получил вовремя приглашения и не смог прийти раньше.

— Ба! — удивился Барни. — Раненько вы начали, господа! К чему бы это? Но, черт подери, вы не останетесь без музыки, пока есть воздух в моей вольтерьянке!

И с этими словами он исполнил для всех «Рыбью джигу», а потом «Поцелуй меня, красотка», — в общем, старался как мог.

Веселье разгоралось дальше — больше, ведь старый плут Гарри оставался все время у пудинга, и этого забывать не следует! Быть может, он нарочно не спешил обносить пудингом всех сразу. Первой он предложил невесте, и не успели бы вы ахнуть, как она уже отплясывала рядом с методистским проповедником, а тот, чтобы не отстать от нее, так бойко подпрыгнул, что все просто со смеху покатались. Гарри пришлось это по вкусу, и он решил тут же подобрать партнеров и остальным. Не теряя ни секунды, он роздал всем пудинг, и вот, кроме него самого да вольтерьянчика, во всем доме не осталось ни одной пары каблучков, которая не отплясывала бы так старательно, как будто от этого зависела сама жизнь.

— Барни, — не удержался Гарри, — попробуй и ты кусочек этого пудинга! Клянусь, ты в жизни не ел такого вкусного пудинга. Ну же, голубчик! Возьми вот хоть столечко. До чего ж хорош!

— Конечно, возьму, — сказал Барни. — Вот еще, от добра отказываться, не на такого напали. Только не тяни, Гарри! Ведь сам знаешь, руки у меня заняты. Разве это дело, оставлять всех без музыки? Все так хорошо под нее пляшут. Вот спасибо, Гарри! И в самом деле, знаменитый пудинг. Ай, батюшки-светы, что это...

Не успел он это выговорить — и вдруг как подскочит вместе со своей вольтерьянкой, как кинется в самую гущу танцующих.

— Ура! Вот это веселье, черт возьми! Да здравствуют жители Бэллибултина! А ну, еще разок, ваше преподобие, поверните-ка вашу даму! Так, на носок, теперь на пятку. Красота! Еще разок! Так! Ура-а-а! Да здравствует Бэллибултин и ясное небо над ним!

Более прискорбного зрелища, чем это, свет еще не видал и, наверное, не увидит. Так я полагаю. Однако худшее их ожидало еще впереди. Когда веселье было в самом разгаре, вдруг посреди танцующих появился — ну кто бы вы думали? — еще один пудинг, такой же проворный и веселенький, как тот, первый! Это было уж слишком. Все, в том числе

и священники, конечно, слышали о странном пудинге, а многие даже видели его и знали уж наверное, что он был заморожен.

Да, так вот, как я сказал, пудинг протиснулся в самую толпу танцующих. Но одного его появления оказалось достаточно: сначала три преподающих отца, приплясывая, поспешили прочь, а за ними и все свадебные гости вприпрыжку, скорей, скорей, каждый к своему дому. И все продолжали плясать, нипочем не могли остановиться, хоть убей их.

Ну, право же, разве не грешно было смеяться над тем, как приходский священник приплясывал по дороге к своему дому, а пресвитер и методистский проповедник вприпрыжку скакали в другую сторону.

Словом, все в конце концов доплясали до своего дома и даже не запыхались. Жених с невестой доплясали до кровати. А теперь и мы с вами давайте спляшем.

Только перед тем, как сплясать, чтобы уж все было ясно, я хочу рассказать вам, что, когда Гарри пересекал в Бэллибултыне мост, тот, что на две мили пониже ограды владений помещика Брэгшоу, он вдруг увидел плывущий по реке пудинг. Что ж, Гарри, конечно, подождал его и, как сумел, вытащил. Пудинг выглядел совершенно свеженьким, сколько вода ни старалась. Гарри спрятал его под полу своей куртки и, как вы уже, наверное, догадались, весьма ловко подсунил его, пока Пэдди Скэнлен и его жена разглядывали небо. А новый пудинг заколдовал так же просто, как и первый, — напустил на него колдовские чары, и все тут, — ведь всем хорошо было известно, что этот самый Гарри на короткой ноге с бесами.

Что ж, вот я вам и рассказал про приключения спятившего пудинга из Бэллибултына. А что произошло с ним дальше, я, пожалуй, рассказывать не стану, чтоб не соврать вам.

Сказки о мудрых женах

Строитель Гоб

Вот вам старинная история про Гоба-строителя.

Когда великий Гоб-ан-Шор, самый искусный строитель, каких знала древняя Ирландия, да к тому же умнейший во всей Ирландии человек, за исключением, правда, его жены, — кстати, не забыть бы, что я должен кое-что рассказать вам о ней, — так вот, когда Гоб отправился в те далекие времена во Францию строить тамошнему королю дворец, он прихватил с собой и своего юного сына.

Был жаркий летний день, и оба очень устали, особенно мальчик: он был слабее и не привык путешествовать.

В полдень они достигли Круах Горма, и Гоб сказал мальчику:

— Сын мой, перенеси своего старого отца через горы!

Удивленный малыш возмутился:

— В своем ли вы уме, отец! Не могу же я выполнить невозможное, сами знаете!

— Что ж, тогда вернемся домой, — сказал Гоб.

И они повернули домой.

На другое утро Гоб сказал сыну:

— Сегодня мы двинемся опять, да поможет нам бог!

И они пошли.

Было жарко, и, как и накануне, когда они достигли подошвы Круах Горма, оба страшно устали. И Гоб сказал сыну:

— О сын мой, перенеси меня через горы!

Мальчик ответил:

— Отец, но вы и впрямь потеряли весь ваш разум. Мне самому-то, бедному, не подняться на эту гору, а еще вас переносить!

— Ну, тогда мы снова вернемся домой, — сказал Гоб.

И они опять повернули домой.

В эту ночь, когда Гоб уже лег, мать спросила сына:

— Вот уже два утра подряд вы с отцом отправляетесь во Францию, но каждый вечер возвращаетесь назад. Что это значит?

— Мама, — отвечал сын, — мне кажется, наш отец совсем сошел с ума. Каждый раз, когда мы достигаем Круах Горма и я просто валяюсь с ног от усталости, этот человек, ты только представь себе, просит меня, слабого и маленького, перенести его через горы!

— О мой мальчик, — говорит ему мать, — прежде чем ты сможешь выйти в большой мир, тебе надо еще многому научиться. Завтра утром твой отец опять тронется с тобою в путь, и произойдет опять все то же самое, лишь только вы достигнете Круах Горма. И когда он попросит тебя перенести его через горы, ты начни ему рассказывать «Лесную кукушку», или «Королеву Одинокого острова», или «Принцессу с Холма-на-краю-света» — словом, любую из прекрасных ирландских сказок, какие я по вечерам рассказывала тебе. Рассказывай и продолжай идти: увидишь, что будет!

Сын пообещал матери исполнить все, как она посоветовала. И когда на другой день они подошли к Круах Горму и Гоб опять попросил: «О мой сын, перенеси меня через горы!» — мальчик, словно не расслышав его просьбы, спросил:

— Отец, вы когда-нибудь слышали сказку про трех сыновей ирландского короля, которые решили украсть дочь арабского шейха?

— Слышал, — ответил старик, — но мог бы слушать еще много раз.

И мальчик стал рассказывать ее с начала и до конца, эту милую-милую сказку, с тем же упоением, с каким рассказывала когда-то его мать. И когда он произнес последние чудесные слова этой длинной-предлинной истории, старый отец поднял глаза и посмотрел сначала вперед, потом назад, потом вверх и вниз: Круах Горм был уже позади!

— О мой мальчик! — воскликнул Гоб. — Ты сын своей матери! Сегодня ты так легко перенес нас обоих через горы.

Что ж, по правде говоря, и меня самого наши чарующие старинные сказки не раз переносили через горы, иногда такие неприступные!

И вас, мои читатели, кому добрую половину своей жизни приходится ломать стену житейских трудностей, я приглашу, когда к вам придет очередная бессонница, на трехнедельные каникулы в зачарованные холмы и долины тех самых магических гор, которые сделали меня новым человеком, — в страну наших сказок, страну королей и королев, поэтов и пророков, ученых и колдунов, умных жен и глупых мужей, а может быть, даже и фей, и привидений, и говорящих птиц и зверей (которые говорят куда умнее, чем иные люди). Чтобы скоротать время, я, быть может, нет-нет да исполню для вас улаждающие душу стихи и непременно расскажу вам с полсотни восхитительных сказок.

Наверное, вы и не знаете, что среди всевозможных духов встречаются такие, которых зовут у нас ухажерами. В облике простого смертного, притом весьма недурного собой, ухажер поджидает на пустынном вересковом болоте хорошенькую девушку и начинает за ней ухаживать. И если она, неразумная, позволит ему себя поцеловать, ее ждет вечное проклятие и смерть, а душа ее улетит за возлюбленным в его волшебную страну.

Мойра Манахан, сейчас уже увядшая, сторбленная и седая, но когда-то носившая прекрасное имя — Цветущая Ветка Долины Эйни, Мойра в дни своей цветущей молодости повстречала вот такого ухажера, но по Божьей милости избежала рокового поцелуя. И все же, когда он ухаживал за ней («Ах, ни один ирландский парень не шептал мне на ушко таких сладких и обольстительных слов!» — вздыхала она потом), он снял с пальца кольцо и дал ей взглянуть через него на зачарованный мир. И она увидела танцующих и резвящихся эльфов и шестьдесят прекрасных юношей, играющих в пятнашки посреди дивной зеленой долины.

«Ах! — воскликнула в восторге Мойра, рассказывая мне свою историю. — Ах! После того, что я там увидела, ни одно зрелище у нас на земле уже не радовало меня!»

Без всякого злого намерения или пагубных последствий я дам и вам поглядеть через это волшебное кольцо, и когда вы хоть краешком глаза увидите волшебную страну народной фантазии, она вас покорила куда больше, чем все улады вашей светской жизни. А если я ошибаюсь,

я прокляну того гуся, чьим пером написал здесь это обещание, и поджарю его на костре, чтобы отомстить за вас.

Так слушайте!

Умная жена

На протяжении всей истории Ирландии — длинной, бурной и удивительной — не было, мне думается, женщины, равной по уму жене Гоб-ан-Шора, кроме, пожалуй, одной, имя которой Сав, жены самого О'Доннела.

Да, это была необыкновенная женщина.

Про жену Гоба я вам расскажу позже, только б не забыть.

Сам О'Доннел, принц Донеболский, по-своему тоже был очень умен. Как-то раз на пасхальной неделе он принимал у себя при дворе именитого испанского гостя, и не хватило вдруг яблок. Он тотчас послал слугу в ближайшее аббатство, однако скупая братия ответила, что, увы, от старых запасов ничего не осталось и, пока не поспеет новый урожай, яблок у них не будет.

Тогда О'Доннел приказал отправить монахам в подарок связку свечей. И посланец, который отнес их, вернулся обратно с корзиной чудеснейших яблок.

О'Доннел тут же сочинил на гэльском языке остроумное двустилие и отослал его с выражением своей благодарности в аббатство: мол, он потрясен открытием, что свечи помогают яблокам созревать раньше времени.

Да, только начали-то мы с вами говорить о его жене Сав, еще более умной, чем он. История о том, как он нашел ее, дочь бедняка из бедняков, и пленился ее мудростью, уже сама по себе превосходна, и, может быть, я поведаю вам ее, когда будет веселей у меня на душе. А сейчас я хочу рассказать вам, как Сав перехитрила своего любимого мужа.

Когда он впервые был пленен ее ясным умом и думал удивить эту босоногую девушку известием, что собирается на ней жениться и сделать ее хозяйкой своего сердца и своего дома, то удивляться пришлось ему самому, так как она наотрез ему отказала. Как только он успокоился, он спросил ее о причине такого безрассудства. И Сав ответила:

— Ослепленный любовью, вы сейчас не замечаете ни моего положения, ни моей бедности. Но придет день, когда, если я осмелюсь разгне-

вать великого О'Доннела, он забудет, что я ничем не хуже его, если не лучше, и ввергнет меня снова в ту нищету, из какой поднял.

Клятвы О'Доннела, что этого никогда не случится, не поколебали ее. Он просил ее, и умолял, и преследовал день за днем, с понедельника до воскресенья, и опять день за днем, пока наконец Сав — подобно Сэлли Данлейви, когда та согласилась выйти замуж за большого и неуклюжего Мэнни Мак Граха, чтобы отделаться от него, — не согласилась стать его женой.

Но она потребовала от О'Доннела клятвы, что, если придет день, — а он наверное придет, — когда О'Доннел пожалеет о совершенной им глупости, станет ее попрекать и прикажет убираться назад, ей разрешено будет забрать из его замка все, что она сама выберет и сумеет унести у себя на спине за три раза.

Счастливый О'Доннел громко смеялся, соглашаясь на это ее чудное условие.

Они поженились и были счастливы. У них рос уже сын, в котором оба души не чаяли. И в течение целых трех лет О'Доннел сдерживал свой буйный нрав и не обижал ту, которую нежно любил, хотя его частенько подмывало на это, когда ей удавалось, и весьма умело, расстроить вероломные планы этого самодержца.

Но однажды она зашла слишком уж далеко, и это позволило королевским придворным посмеяться над былым величием короля.

У короля шел прием. Его жена сидела с ним рядом и с беспокойством наблюдала, какой страх он внушает всем, даже когда удовлетворяет просьбы одного просителя за другим. Вдруг какой-то босоногий монах дерзко шагнул прямо к королю. Быть может, ему и следовало вести себя поскромнее, но он был явно обижен.

— Ты кто такой? Что у тебя за просьба? — О'Доннел замахнулся плеткой, чтобы поставить раба на место.

Но человек этот не оробел, напротив — еще более дерзко и вызывающе он ответил:

— Посланник Бога я, О'Доннел! Господь прислал меня, чтобы потребовать от тебя исправить все зло, какое ты совершил.

Королева сдержала удар, который О'Доннел готов был обрушить на голову этого безумца. Она рукой остановила своего мужа и очень спокойно ответила разгорячившемуся монаху:

— Мы слышали много хорошего о твоём господине. Передай ему, чтобы он ничего не боялся и приходил сюда сам. Пусть смиренно сложит

к нашим ногам свою обиду, и тогда он узнает, как добр и милостив великий О'Доннел.

В тот день при дворе вспыхнули беспорядки.

Взбешенный О'Доннел тут же явился в покои жены и сказал:

— Ах ты, шлюха! Но так мне дураку и надо! Что хорошего мог я ожидать, женившись на нищенке, дочери нищего! Долой из моего замка и с глаз моих! Навсегда!

— Прекрасно, — ответила спокойно Сав. — Но я заберу с собой самые большие ценности, какие только захочу.

— Забирай что угодно! — крикнул он. — Все равно я еще дешево от тебя отделался!

И все же он с болью смотрел, как она собирает все редчайшие и самые ценные украшения, какие делали его замок предметом всеобщей зависти. Но в гордыне своей он не промолвил ни слова. В полном молчании наблюдали он и весь его двор, как она перенесла свою ношу через разводной мост и, сложив ее на той стороне, вернулась назад.

— Что последует за этим? — храбро спросил он, стоя рядом с дивившимся на все это сыном и держа его за руку.

Повернувшись к нему спиной, Сав сказала:

— Посади ко мне на плечи нашего сына!

На мгновение О'Доннел остолбенел. Но он тут же вспомнил о прославленной неустрашимости всех О'Доннелов и не моргнув глазом оторвал частицу своего сердца — сына своего, посадив его на плечи этой жестокой.

Она перенесла сына через мост и опустила на мешок с бриллиантами, золотом и прочими драгоценностями, а сама вернулась опять.

— Ну, а теперь?

О'Доннел был тверд, как скала, и, как гранит, был тверд его вопрос: «Ну, а теперь?»

— А теперь, — ответила эта необыкновенная женщина, — самое ценное. Теперь ты садись ко мне на спину, моя самая тяжелая ноша!

В старину говорили:

Очень мудро поступил наш Колм (Колумба), когда еще в шестом веке, основав в Йоне свою знаменитую школу и поселение монахов и ученых, он запретил брать с собой корову. «Куда привели вы корову, — всегда говорил этот мудрый человек, — туда за ней последует и женщина. А куда пришла женщина, туда последуют и неприятности».

Жена Гоба

Было бы просто стыдно, рассказав вам, как я это сделал недавно, о великом Гобе, не вернуться к нему опять, чтобы доказать вам: каким бы мудрым он ни был, все равно он оказался не умнее своей жены. За истинную мудрость и чтут ее память.

Отец Гоба, еще до того, как тот прославился своей мудростью, решил с его матушкой, что юноше пришло время жениться. И он отправился вместе с самим Гобом вокруг Ирландии, чтобы найти девушку, которая не уступала бы по уму представителям семьи, в какую должна была потом войти.

Каждой избраннице старик задавал три вопроса, чтобы проверить и оценить ее ум.

Как отличить верхний конец ободранного ивового прутика от нижнего, если сам прутик всего двенадцати дюймов в длину и с обоих концов одинаковой толщины?

Кто сумеет отвести на ярмарку в Бэллинслое целое стадо овец и вернуть обратно и стадо, и его стоимость?

Если я велю вам катить меня на колеснице из Коннахта ко двору верховного короля в Таре, насколько вы приблизитесь к краю пропасти в Круханских горах, но так, чтобы никто из нас не испытывал беспокойства?

Все девушки гордо заявили, что первые два вопроса неразрешимы, и не дали заманить себя в эту ловушку. Что же касается третьего, то каждая старалась превзойти остальных в искусстве управлять колесницей и называла, в скольких дюймах от пропасти она сумеет проехать: кое-кто из них всего в полдюйма или даже в четвертой доле, а одна — она уже считала себя победительницей — заявила, что станет насвистывать джигу, когда будет проезжать от пропасти на расстоянии всего в полволоска!

И только одна-единственная девушка, мудрая и остроумная, ответила на все три вопроса. Она-то и стала женой Гоба.

Она распознала концы прутика, бросив его в реку: нижний, более тяжелый конец, лег по течению, а верхний, более легкий, смотрел в обратную сторону.

Она отвела на ярмарку в Бэллинслое стадо овец, продала их рунно, — ведь это главная их ценность, — и вернула хозяину и овец, и их стоимость.

Ну а колесницей она управляла умнее всех: объезжала каждую пропасть как можно дальше, сколько позволяла ей ширина дороги.

— Ты будешь достойной женой моему сыну, — молвил старик.

И в самом деле, она оказалась достойной, что сумела доказать не один раз. Вот как она перехитрила самого короля испанского.

Это случилось в то время, когда сей правитель, самый тщеславный из всех правителей на земле, решил воздвигнуть дворец, который бы затмил все другие дворцы на свете. А для этого в Испанию пригласили единственного человека, который сумел бы осуществить его замыслы, — великого Гоб-ан-Шора.

Не доверяя королям и их затеям, жена Гоба не хотела его отпускать. Но Гоб, польщенный и гордый такой честью, не дал себя задержать. Тогда она сказала ему:

— Раз ты все-таки уезжаешь, я тебя очень прошу, запомни: когда ты прибываешь ко двору великого человека, заводи сразу же близкую дружбу с женщинами, живущими там. Не пренебрегай даже судомойкой! И ты будешь частенько получать полезные сведения. Если ты знаешь, о чем думает судомойка, ты узнаешь и то, о чем думает ее господин. Ночью король рассказывает свои секреты королеве. Утром королева рассказывает их своей прислужнице. Та, не теряя времени, передает их поварихе. И вот еще не настала новая ночь, а уже все великие секреты становятся тайной любой женщины в пределах одной мили от замка.

Гоб запомнил наставление жены и, еще до того, как работа его дошла до середины, он уже знал от придворных служанок, что в ту самую минуту, когда он полностью закончит новый дворец, его ждет смерть. Король хотел быть уверен, что Гоб никогда не построит другому королю дворец, который превзошел бы его собственный. Но Гоб помалкивал, пока новое здание — самое величественное, какое ему приходилось когда-либо воздвигать, — не было завершено до последнего камешка.

— Готово? — спросил король.

— Готово, — ответил Гоб.

— Ну как, удалось? — спрашивает король.

— Величайшая удача в моей жизни! — отвечает Гоб. — Только вот малость...

— Что такое? — спрашивает король.

— Подойдите сюда и взгляните, — говорит Гоб, приглашая короля подойти вплотную к стене, у которой стоял сам. — Вы замечаете, что на-

чиная с середины и дальше вверх эта стена имеет наклон? Ваш каменщик оказался небрежен.

— Клянусь небом, вы правы! — воскликнул король, и немудрено: попробуйте встать вплотную к любому высокому строению и посмотреть вверх, вам тоже покажется, что оно наклонилось. — И ведь этого не исправить, не разрушив всего здания!

— Исправить я могу, — говорит Гоб. — К счастью, незадолго до приезда сюда я изобрел инструмент как раз для такого вот случая. Завтра же утром я отправляюсь за ним к себе в Ирландию!

— Только не вы сами! — говорит осторожный король. — Ваша жизнь слишком драгоценна для всего мира и человечества, и я не могу вам позволить рисковать ею в бушующем море в такую погоду. Я пошлю моего слугу!

— Но инструмент этот очень ценный, и моя жена не доверит его ни одному слуге! — возразил Гоб.

— Тогда я пошлю главного начальника моей личной охраны, — говорит король.

— Все равно она отдаст его только мне, — говорит Гоб.

— Я вас не выпущу, клянусь небом! — воскликнул король.

— Только мне! — И вдруг Гоба осенило: — Мне или сыну самого короля.

— Тогда поедет мой собственный сын и наследник! — молвил король. — Назовите мне этот инструмент, который сын мой — радость моего сердца — должен попросить у вашей жены.

Подумав всего секунду, Гоб ответил:

— Инструмент, который он должен попросить у моей жены, называется Кор-ан-агойд-хэм.

Это название — Кор-ан-агойд-хэм — Гоб только что сам придумал. Если перевести его с гальского, оно означало «крюк-и-веревка» и годилось не только для названия инструмента, которым можно было выполнять эту работу, но и намекало на темные замыслы короля. Гоб надеялся, что его умная жена поймет, когда услышит его просьбу, что в ней кроется загадка, и разгадает ее.

Когда к жене Гоба вошел не ее муж, а сын испанского короля, у нее сразу зародилось подозрение. А как только она услышала, что муж ее ждет крюк и веревку, у нее и вовсе не осталось сомнений, что он попал в западню.

И она решила отплатить вероломному королю тем же.

— Ну что же, принц, — сказала она, поднимая крышку большого сундука, стоявшего в кухне, — наклонитесь — и на дне этого сундука вы найдете то, за чем прислал вас мой муж.

И когда он перегнулся через край сундука, она взяла его за ноги и толкнула вниз, потом захлопнула крышку и заперла сундук. А в Испанию отправила весточку, что они получают назад в трепетные объятия своего возлюбленного наследного принца в тот самый час, когда вернется домой ее муж.

И конечно: и ее муж, и их принц благополучно оказались на своих местах в самом скором времени.

В старину говорили:

Когда ищешь себе жену, глаза можешь оставить дома, но уши прихвати с собой.

Сказки о Темном Патрике

Ученый Фиоргал

Когда я читаю теперь о замечательных ученых, которые удивляют все человечество; я спасаюсь от чувства благоговения, обращаясь к воспоминаниям о заветном местечке у камина в доме Туатала О'Сливина в те далекие времена, когда я был молодым и самодовольным школьным учителем в Глен Куах и полагал, что я — кладезь премудрости, с которым по учености не сравниться никому от самой границы Карн-на-Уин до морского побережья у Банлах и от ущелья Барнес Мор до утесов Слав Лиг, — да, так я вспоминаю заветное местечко возле пылающего очага в доме Туатала и его рассказ об ученом Фиоргале, поведенный, пожалуй, не без умысла, в чем я тогда не сумел разобраться.

Много воды утекло со времен ученого Фиоргала: кто жаловался тогда на зубную боль, вот уже целая тысяча лет, как и думать о ней позабыл. В те дни ученых Ирландии знали и чтили во всем белом свете. Постигнув всю земную премудрость, знаменитые ирландские ученые так заносились в своей славе, что отправлялись в путешествие на восток и на запад и вызывали на спор самый затейливый, какой только можно было придумать, любого из прославленных мудрецов.

Когда объявлялось такое вот необыкновенное состязание в учености между двумя великими самодовольными учеными мужами, доктор бросал своего пациента, хотя тот еще не успел отдать богу душу, жених бросал невесту, а часовой — свой пост, хотя и видел вторгающуюся

армию, король — свой трон, а нищий — суму, — словом, каждый готов был расшиться в лепешку, только бы увидеть, кто кого положит на обе лопатки. Все просто с ума посходили из-за этих споров, и страна начала приходить в полный упадок, а ни старый, ни малый и не чаяли этого, пока находилось еще достаточно дураков, с кем бы можно было поспорить о том, кто из всех ученых Ирландии наимудрейший.

Когда же это неистовство достигло высшей точки, — ученые были увенчаны славой, а страна оказалась на краю гибели, — на родину из странствий вернулся ученейший из ученых, имя которого, кроме всех его званий, было Фиоргал Ученый. Сей муж, овладев всеми знаниями, какие только можно было получить у себя в Ирландии, затем утер нос всем колледжам в Европе и в Азии, вызывая там на спор и на состязание величайших философов и каждый раз выходя победителем, да к тому же обогащая свои великолепные познания в каждой новой стране, какую он посещал. Имя его и слава прогремели на весь свет, и вот Фиоргал снова в Ирландии, в своем родном Керри.

Весть о его возвращении повергла в страх всех ирландских мудрецов.

Прибыв в Керри, Фиоргал не ел, не пил, пока не отправил в Тару к верховному королю Ирландии вызов сильнейшим из сильных его ученых, которых король имел обычай содержать при своем дворе в немалом числе. Это был вызов на последнее состязание на мировое первенство, причем в споре этом словами объясняться запрещалось — только знаками. Фиоргал назначил день и месяц своего прибытия в Тару. В тот день и должно было решиться — вечная слава этому городу или вечный позор.

А надо вам сказать, что король ирландский был человеком весьма здравомыслящим и прекрасно знал, что его приближенные готовы в любую минуту поднять против него народ и с позором лишить его короны. Поэтому, просыпаясь утром, он первым делом хватался за голову: на месте ли его корона...

Вызов Фиоргала Ученого озадачил короля, как никого в его королевстве, — правда, виду он не показал. Придворные же его очень обрадовались — все, кроме ученых, конечно. Королевские мудрецы прославились на весь свет, ибо до того дня они не знали поражений и всегда и во всем выходили победителями. Однако теперь они поняли, что перед Фиоргалом Ученым им не устоять, — ведь он разбил наголову и опозорил всю Европу, а уж их разобьет и опозорит и подавно.

Чем ближе подходил день великого спора, назначенный ученым Фиоргалом, тем хуже чувствовали себя мудрецы короля; скорбь и уныние

царили среди них. И наконец они толпою явились к королю и взмолились любым путем спасти их и королевский двор от бесчестия в глазах всего света.

И что ж, королевское сердце было тронут, да и каменное сердце смягчилось бы при виде их скорбного состояния. Не откладывая в долгий ящик, король тут же стал ломать себе голову: что же предпринять.

И вот послушайте! Время от времени до короля доходили разговоры о некоем черноусом человечке, на редкость умном, по имени Темный Патрик. Жил он среди Донеболских холмов, и, хотя нога его не ступала ни в один колледж, а книги не приходилось ему даже в руках держать, всем вокруг было известно о его ясном и трезвом уме. Немало удивительных загадок разгадал он, когда его просили об этом, но остался столь же скромным, сколь и бедным. Он мирно жил в маленькой хижине, возделывал свой клочок земли и не желал ничего лучшего, чем уважение своих соседей, таких же бедняков, как и он сам.

Король отправил в Донебол гонца за Темным Патриком, чтобы тот явился во дворец в Тару. И когда Патрик прибыл, король рассказал ему все и спросил, чем он может помочь.

А Темный Патрик покачал головой, да и говорит:

— Не знаю. Ученость, — говорит, — это штука мудреная. Но я постараюсь сделать, что сумею, только не поручусь, что это поможет.

— Ладно, — молвил король, покорившись судьбе.

Темный Патрик постарался разузнать, кто при дворе самый бестолковый: белое от черного не отличит. И все в один голос сказали — Джонни Одноглазый, сын торговца яблоками. Глупее его не только при дворе, но и во всей Ирландии не найти, хоть обыскать ее из конца в конец.

— Ну, — сказал тогда Патрик, — стало быть, Джонни Одноглазому и побить Фиоргала Ученого.

Придворные умники так и взбунтовались: неужели, вопрошали они короля, его величество позволит, чтобы какой-то деревенский шут, этот Темный Патрик из Донебола, навлек вечный позор на его величество, на них самих и на всю страну?!

Но Темный Патрик сказал:

— Мой повелитель, быть может, кто-либо из твоих ученых сам хочет встретиться с Фиоргалом и нанести ему поражение? Коли так, доброе имя твое вне опасности, и я тебе вовсе не нужен, а потому пожелаю тебе всего наилучшего и двинусь обратно на север.

И он обвел взглядом толпу мудрецов, желая увидеть, кто из них хочет выступить против Фиоргала. Но ученые мужи лишь переглядывались между собою, однако ни один не осмелился посмотреть королю в глаза и сказать: «Я встречаюсь с ним!»

— Раз так, — молвил король, — раз ни один из вас не осмеливается выступить против Фиоргала, по какому праву вы мешаете этому доброму человеку делать то, что он хочет?

Что верно, то верно.

Наконец прибыл сам великий Фиоргал, а с ним и его грозная свита из сильнейших ученых Манстера. Фиоргал едва поклонился королю — столь велик и надменен он был. Он прошествовал в большой зал, приготовленный специально для состязания — для него и его спутников, являвших самый цвет учености, — и уселся на трон по одну сторону помоста на глазах у изумленной толпы зевак, ученых и знати, заполнивших зал до отказа. Затем он вызвал противника, чтобы начать состязание.

На королевских ученых лица не было, в то время как остальные зрители, а их были тысячи, еле сдерживались, чтобы не прыснуть со смеху при виде Джонни Одноглазого в профессорской мантии, когда его вводили в зал, помогали подняться на помост и усесться на троне напротив знаменитого Фиоргала.

Фиоргал с кривой усмешкой на губах разглядывал героя, который осмелился выступить против него. Презрительный взгляд, которым наградил его в ответ Джонни Одноглазый, привел в восторг весь зал и вселил радость в королевское сердце.

Когда король увидел, что все готово, он позвонил в колокольчик. Это означало: противники могут начинать состязание — самое славное из всех, какие знала Ирландия!

Начал Фиоргал Ученый. Он поднял один палец перед своим противником, и в тот же миг Джонни показал ему два пальца. На что Фиоргал поднял три пальца. Тогда королевский герой погрозила ему кулаком. Фиоргал достал темно-красную вишню и съел ее, Джонни Одноглазый — зеленый крыжовник.

Зрители в неистовом возбуждении тут же решили: что бы все это ни значило, а дело оборачивается против Джонни, так как он даже потемнел лицом от гнева.

Фиоргал быстро вынул из кармана яблоко и поднял его. Тогда Джонни поднял полбуханки хлеба, которую вытащил у себя из-за пазухи. Он

был просто в бешенстве — это видели все, — в то время как Фиоргал оставался спокоен, словно форель в озере.

Фиоргал поднес яблоко ко рту и откусил от него. В тот же миг Джонни поднялся с хлебом в руке и запустил им Фиоргалу прямо в голову, так что даже сшиб его с ног!

Тут королевские ученые повскакали со своих мест с намерением прогнать Джонни Одноглазого и четвертовать его, но не успели они и рта раскрыть, как Фиоргал Ученый, вскочивший с места раньше их, пересек помост, схватил руку Джонни в свои и пожал ее. А затем повернулся к немевшим зрителям и произнес:

— Господа! По доброй воле и громогласно я признаю, что впервые за долгие годы своей славной жизни Фиоргал Ученый побежден!

Всех как громом поразило.

— Я изъездил весь свет, — продолжал Фиоргал, — побывал во многих знаменитых колледжах, вступал в спор с величайшими учеными мира, но мне суждено было приехать в Тару к ученым верховного короля, чтобы встретить наимудрейшего и удивительнейшего ученого, который благодаря своей всепостигающей мудрости во всем превзошел меня и побил в этом споре. Но я не разбит, — сказал он, — я горд, что судьба принесла мне поражение от неповторимого гения!

Тут поднялся король и молвил:

— Будьте любезны, объясните собравшимся здесь господам, что произошло между вашей ученой светлостью и моим ученым героем.

— Сейчас объясню, — сказал Фиоргал. — Я начал с того, что поднял один палец, и это означало: Бог один. На что сей ученейший муж справедливо заметил, подняв два пальца, что, кроме Бога Отца, мы поминаем еще двоих: Сына и Святого Духа. Тогда, думая, что я ловко поймал его, я поднял три пальца, что должно было означать: «А не получается ли у тебя три бога?» Но ваш великий доктор и тут нашелся: он тотчас сжал кулак, отвечая, что Бог един в трех лицах. Я съел спелую вишню, говоря, что жизнь сладка, но великий мудрец ответил, проглотив зеленый крыжовник, что жизнь вовсе не сладка, но тем и лучше, что она с кислинкой. Я достал яблоко, говоря, что, как учит нас Библия, первым даром природы человеку были фрукты. Но ученый муж поправил меня, показав хлеб и заявляя этим, что человеку приходилось добывать их в поте лица своего. Тогда, призвав на помощь весь мой разум, знания и вдохновение, я надкусил яблоко, чтобы сказать: «Вот ты и попался. Объясни-ка, коли сумеешь». Но тут — подумать

только! — этот благородный и неповторимый гений бросает в меня свой хлеб и, не дав опомниться, сшибает меня с ног. И этим, как вы сами понимаете, напоминает, что именно яблоко было причиной падения человека. Я побежден! Вечный позор мне и бесчестье. Одного лишь прошу я — отпустите меня с миром и предайте вечному забвению.

Так ответил королю Фиоргал Ученый.

И вот со стыдом и позором Фиоргал Ученый и его свита поджав хвосты покинули королевский замок. А вокруг Джонни Одноглазого, который прослушал речь Фиоргала разинув рот, собрались все великие доктора и ученые короля. Они подняли его к себе на плечи и трижды три раза совершили с ним полный круг по двору королевского замка. Затем они опустили его наземь и заставили короля собственноручно увесить Джонни всеми значками, медалями и учеными орденами, какие только имелись в королевстве, так что у бедняги даже согнулась спина от тяжелой ноши.

— А теперь, — молвил король, подымаясь с трона, — я напому вам, что имеется еще один человек, которого мы забываем, но которого нам грех не помнить и не чтить. Я говорю о Темном Патрике из Донегола. Пусть он отзовется и выйдет вперед!

Из дальнего угла комнаты, из-под хоров поднялся черноусый человек и поклонился королю.

— Темный Патрик, — обратился король к черноволосому человечку из Донегола, — мне хотелось бы оставить тебя при моем дворе. Я дам тебе любое жалованье, какое ты назовешь, и вся работа твоя будет — находиться всегда у меня под рукой, чтобы в любое время я мог получить от тебя совет. Так назови же свое жалованье, и, каково бы оно ни было, оно — твое!

— Ваша светлость, — отвечал Темный Патрик, — примите от чистого сердца нижайшую благодарность за вашу снисходительность и доброту ко мне, недостойному. Но простите меня, если, прежде чем ответить на ваше предложение, я осмелюсь воспользоваться правом каждого ирландца задать один вопрос.

— Говори, — молвил король.

И Темный Патрик повернулся к совершенно опешившему Джонни Одноглазому, который весь сгорбился под тяжестью своих медалей, и, указывая на него, произнес:

— Мой вопрос будет вот к этому ученому мужу, восседающему на помосте. Фиоргал Ученый, — обратился он к Джонни, — милостиво

сообщил всем собравшимся здесь свое толкование немого спора, который проходил между вами и в котором вы, с помощью вашего гения, победили первого в мире ученого. Не могли бы и вы оказать честь всем присутствующим и рассказать, что вы сами думаете об этом?

— Отчего ж не рассказать, расскажу! — ответил Джонни, то есть, простите, ученый муж. — Нет ничего проще. Этот самый парень, которого вы выставили против меня, да бесстыднее бездельника я в жизни своей не встречал, к счастью. Так вот, сперва ему потребовалось задеть мою личность: задрал вверх палец, чтоб подразнить, что я одноглазый. Ну, я взбесился и показываю ему два пальца: мол, мой один глаз стоит твоих двух. Но он дальше — больше надсмехается и показывает три пальца, чтоб и вам захотелось потешиться: вот, мол, перед вами три глаза на двоих. Я показал ему кулак, чтоб он знал, что ждет его, если не уймется. Но тут он съел вишню и выплюнул косточку, говоря, что ему наплевать на меня. А я съел зеленый крыжовник: мол, и мне наплевать на тебя со всеми твоими потрохами. Когда же этот негодяй вынул яблоко, чтобы напомнить мне, что я всего-навсего сын мелкого яблочного торговца, я вытащил двухпенсовый хлеб, который нес домой к обеду как раз о ту пору, как меня схватили и приволокли вот сюда. Да, так я вытащил хлеб, — ничего тяжелее под рукой не нашлось, — чтоб он знал, что, если не одумается, я ему сейчас голову разможжу. Но охальник сам накликал себе конец: поднял яблоко ко рту и откусил от него, — мол, когда ты был юнцом, ты частенько воровал яблоки у своей бедной хромой старой матери и убегал с ними, чтобы съесть потихоньку. Это было последней каплей! Я запустил буханкой этому нечестивому прямо между глаз и пришиб его. Вот вам и великая победа, — закончил Джонни.

— Величайшая победа! — повторил Темный Патрик. — И я, — обратился он к Джонни, — поздравляю вас, ваше ученое степенство, и всех ученых мужей, присутствующих здесь, со столь удивительной победой!

— И в самом деле, огромная победа, — молвил король, взяв понюшку табаку. — И я приказываю вам, ученые господа, — продолжал он, — отвести вашего ученого главу в самые пышные покои нашего славного замка и впредь оказывать ему всевозможный почет и уважение. Ну, а что же будет с тобой, Темный Патрик? — спросил король.

— Как раз об этом я и собираюсь сейчас сказать, — ответил Темный Патрик. — К сожалению, я вынужден отказаться от вашего милостивого предложения, ваше величество. Такому темному и бедному горцу, как я, не подобает оставаться при вашем дворе, где пребывают столь великие

ученые мужи, каких я имел честь наблюдать. Ученость, как я уже смел заметить, — мудреная штука! Я от всего сердца и смиренно благодарю вас, ваше величество, — он низко поклонился королю, — и желаю вам здравствовать! А мне сейчас самая пора отправиться в путь-дорогу к маленькой хижине среди донеголских болот.

Его величество и так и эдак пытался удержать Темного Патрика, но безуспешно. Патрик привязал к палке, с которой всегда путешествовал, свой узелок, и любой, кто бы вздумал поглядеть ему вслед, увидел бы, как этот человечек одиноко, но бодро шагает по дороге на север.

В старину говорили:

Дом без ребенка, собаки или кошки — дом без любви и радости.

Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира

В кончике мизинца простого бедняка с Донеголских гор, жившего в давно прошедшие времена, было больше мудрости, нежели сейчас у большинства наших самых известных юристов или философов.

Звали этого бедняка Темный Патрик.

Не солидные фолианты в дорогах переплетах сберегли для потомков его историю и образцы его мудрости. Нет, их сохранили сердца людей.

Лучше всех и с удивительной достоверностью рассказывал истории о Темном Патрике, как я знаю, Фиоргал О'Галлехор. Тот самый Фиоргал О'Галлехор, который всю свою жизнь провел под шум ревушего, рычащего, бурлящего, бегущего, ниспадающего, несущегося, бешеного водопада Хвост Серой Кобылы, что стремглав падает с высоты в тысячу футов в долину Эйни из трех горных озер Лугэй Мора. Вы могли бы услышать от него и замечательную историю о суде Темного Патрика.

Однажды, — а случилось это давным-давно, еще во времена Темного Патрика, — вся Ирландия словно раскололась надвое по случаю самого обыкновенного спора, возникшего в Дублине. Начался он между двумя закадычными друзьями, каких только знал этот славный город, — между почтенным лорд-мэром и почтеннейшим хозяином трактира «Голова».

Бывало, силком не вытащишь лорд-мэра из трактира «Голова» от его друга Неда — хоть водой их разливай — ни ночью, ни днем, ни утром.

А уж самым заветным временем дня, которого лорд-мэр ни за что бы не пропустил, было время обеда: запахи кухни знаменитого повара «Головы», как он любил говорить почтеннейшему хозяину трактира, были ему милее волшебных ароматов райской кухни.

Но, как это часто бывает, закадычные друзья повздорили, и, чтобы досадить, хозяин трактира потребовал судом от своего новоиспеченного врага плату за запахи от обедов в течение трех лет!

Это было невиданное доселе судебное дело, пожалуй самое щекотливое, какое когда-либо имели удовольствие разбирать верховные судьи Дублина. По этому случаю они разделились на два лагеря. Затем на две буйные партии раскололся и весь Дублин. И вскоре эти безумные волнения охватили всю Ирландию: одна половина населения стояла за хозяина трактира и требовала, чтобы почтенный лорд-мэр выплатил все по чести, другая же половина объявила почтеннейшего хозяина «Головы» просто разбойником с большой дороги, да еще самым опасным среди них. Более того, они угрожали почтенному лорд-мэру, что вздернут его, если он уступит хоть один медный грош этому отъявленному жулику.

В плачевное состояние впала бедная Ирландия, — население так увлеклось решением, кто прав, кто виноват в этом великом споре, что все позабыли и про свое поле, и про скотину, про дом и про жену; все шло к гибели и разорению.

И тогда мудрый бедняк с Донеголских гор, Темный Патрик, до глубины души опечаленный грозящей его стране бедой, бросил свою лопату, начистил башмаки и отправился в Дублин.

Когда Темный Патрик прибыл туда и дублинцы узнали, что какой-то бедный простачок горец собирается рассудить дело, которое оказалось не под силу умнейшим головам страны, это вызвало столько веселья и насмешек, что в них чуть было не потонула вся вражда и не закончилось это дурацкое дело.

Недолго пришлось дублинским насмешникам убеждать судей прекратить потасовку и мордобой и предоставить кресло судьи бедному простачку с гор: то-то будет праздничек, долгожданный для дублинцев, говорили они, самый шумный и необыкновенный за последние сто лет.

И в самом деле, это оказался редкий денек для дублинских весельчаков, когда на судебское кресло сел маленький чернобородый горец и принялся выслушивать враждующие стороны, свидетелей и защитников, с вытянутыми лицами выкладывающих ему суть дела.

Темный Патрик терпеливо выслушал всех до конца, а потом спросил хозяина трактира, который предъявил иск в триста фунтов стерлингов за запах от тысячи обедов, сколько бы стоили эти обеды человеку, который не только бы их нюхал, но и ел.

— Полная цена их один фунт за один обед, а за все — тысяча фунтов, — ответил хозяин «Головы». — Хотя на самом деле, — продолжал он, — запах настоящего обеда стоит и всей половины его, но, так как всю мою честную и благородную жизнь я славился щедростью, добротой и любезностью, я требую с этого негодяя даже меньше одной трети, то есть всего триста фунтов — ничтожный счет. Ну да ладно! Доброта для меня превыше всего.

Затем Темный Патрик обратился к почтенному лорд-мэру и попросил его послать домой своего слугу за мешком с тысячей соверенов¹.

— Но я их все равно не возьму! — сказал благородный хозяин трактира. — Никто на свете не заставит меня взять больше, чем триста фунтов, хоть на один золотой!

— Тш-шш-шш! — успокоил его Темный Патрик.

Недоумевающей толпе оставалось лишь удивляться и ждать, пока слуга почтенного лорд-мэра обернется с поручением. Затем Темный Патрик предложил главному судье подойти и самолично пересчитать на глазах у всех соверены, потом опустить их обратно в мешок и вручить лорд-мэру. И в то время как все в зале суда сидели затаив дыхание и гадали, что же будет дальше, он велел лорд-мэру приблизиться к хозяину трактира и протянуть ему мешок с деньгами.

— Вы видите этот мешок? — спросил Темный Патрик у хозяина «Головы».

— Вижу, конечно, — ответил хозяин трактира.

— И вы знаете, что в нем?

— Знаю, конечно, — ответил хозяин трактира.

— Подойдите ближе, — сказал Темный Патрик почтенному лорд-мэру, — и потрясите мешок над ухом этого господина.

Лорд-мэр выполнил это.

— Что вы слышите, почтеннейший хозяин? — спросил Темный Патрик.

— Звон тысячи золотых, — отвечал хозяин трактира.

¹ Соверен — золотая монета в один фунт стерлингов.

И тогда, обращаясь к суду, Темный Патрик объявил свой приговор:

— Согласно заявлению этого господина, один обед в трактире «Голова» стоит один фунт стерлингов. Следовательно, звон тысячи золотых сполна покрывает запах тысячи обедов. И будьте добры, — обратился он уж теперь к хозяину трактира, — выдать сему почтенному господину лорд-мэру расписку с печатью и подписью, что вами получено все сполна.

Как только удивленные зрители справились с чувством стыда, а затем и с приступом безудержного веселья, они подхватили бедного горца на руки и, хотя тот сопротивлялся, с триумфом пронесли его по всем улицам Дублина, а потом на коленях умоляли его остаться у них и стать самым-самым верховным судьей. Но Темный Патрик вежливо поблагодарил их и решительно отказался, сказав, что столь ответственную должность может занимать лишь ученый человек, а что ему, бедному и темному горцу, до этого далеко, еще как далеко. А главное, как сказал он, его ждет не дождет крохотное картофельное поле на склоне Карнауинских гор в Донеголе, которое надо прополоть.

И он выскользнул из толпы, которая окружила его, и пошел прямо к маленькой хижине в глухом закоулке, где и провел ночь. Заплатив шесть пенсов за постой и завтрак, он завязал свои вещички в красный платок, перекинул его на терновой палке через плечо и зашагал по дороге на север.

В старину говорили:

Такой уж он человек: докажет, что сам папа римский — протестант.

Повелитель ворон

Мне опять вспомнился Фиоргал О'Таллехор из местечка, прозванного Хвост Серой Кобылы, с его хроникой времен Темного Патрика, и я решил привести вам еще один пример мудрости этого маленького человечка.

Расскажу о том случае, когда он спас коннахтского короля от сумасшествия и не допустил, чтобы все его королевство превратилось в один огромный сумасшедший дом.

Король Коннахта был добрый король, но у него было три беспутных сына, которые и накликали на него беду. А вышло все из-за того, что они сыграли презлую шутку с очень опасным человеком: самим повелителем ворон — Кромахи.

Кромахи был древним колдуном. Он жил в маленькой хижине в самой чаще леса, впрочем, не так уж далеко от королевского замка. На верхушках деревьев, что нависли над его хижинкой, гнездились вороны. На самом деле это были не вороны, а бесы — это уж всякому известно, — и служили они своему дьяволу — повелителю Кромахи. Если кто осмеливался разгневать их повелителя и тем заслуживал его проклятие, одна из ворон покидала свое гнездо и всюду следовала за проклятым до его рокового часа.

И вот подобно многим, у кого всего вдоволь, а занятий никаких, три королевских сына — Диклан, Дармид и Дати — решили в один прекрасный день сыграть над стариком Кромахи просто так, скуки ради, одну из своих шуточек: засадили ему в дымоход каменную плиту. Ну и колдун чуть не задохнулся от дыма.

Взбешенный Кромахи гнался за ними до самого замка и там в присутствии отца, у которого чуть сердце не разорвалось от горя, проклял их и предрек, что первый сын станет вором и так всю жизнь свою и проживет воровством; второй делается убийцей и всю жизнь свою будет заниматься убийствами; а младший превратится в нищего и проживет всю свою жизнь подаянием. А потом он проклял и отца, который потакал сыновьям и сделал из них таких вот мошенников, и предрек, что он будет жить, чтобы видеть, как злая судьба постигнет одного за другим всех его сыновей; будет жить и жить, чтобы смотреть, каким миленьким делом занимаются всю свою жизнь его чада, пока не пробьет их последний час.

Бедный отец, убитый горем, сразу слег. И в тот же миг в его спальню влетели четыре ворона Кромахи и расселись на четырех столбах его кровати. И не успели рассестись и взглянуть на мечущегося в постели больного, как тут же принялись злоежко каркать:

— Карр! Карр! Карр!

Несчастный зарылся с головой под одеяла, но вороний крик разносился по всему замку, проникал в каждую комнату, приводя в отчаяние всех смертных, кто находился под крышей замка.

И с каждым днем становилось все хуже.

Днем или ночью, в понедельник ли, в воскресенье, утром, в полдень или в полночь, четыре черных дьявола ни на секунду не закрывали свои глотки, не прекращали свое мерзкое карканье.

Чего только не делала армия докторов, епископов, философов и великих ученых, призванных по этому случаю в замок, но дьяволы все равно не

сдавались. И не только у одного короля расшаталось здоровье и помутился разум, страдали все грешные, кто жил в замке или возле него; отчаянье охватило все королевство, всем казалось — близок конец света.

Положение стало уже безнадежным, когда эти дурные вести выбрались за пределы Коннахтского королевства и проникли в Донебольские горы. Они дошли и до ушей Темного Патрика на его картофельном поле. Грустно сделалось у него на душе, и вот он захлопнул дверь своей хижины и зашагал в Коннахт.

Когда этот бедняк представился в замке и попросил отвести его в королевскую спальню, слуги хотели было напустить на него собак. Но королева услышала шум и спросила, что случилось. А так как сердце ее разрывалось от горя и отчаяния и она готова была испробовать любое, даже самое нелепое средство, она сказала:

— Раз уж никто из наших величайших докторов и ученых не сумел нам помочь, этот темный бедняк хуже все равно нам не сделает. Введите его, и будь что будет!

И Темный Патрик очутился в спальне короля, окруженного толпой философов, архиепископов и им подобных. И все они тут же стали смеяться, что умнее: оскорбиться и покинуть королевский замок или остаться в своих креслах, держась за бока от смеха. Однако из уважения к королеве они решили остаться безучастными, что и исполнили.

Темный Патрик вошел и поклонился им всем, как настоящий придворный, а потом попросил изложить все дело, что и было исполнено. Он поглядел на четырех ворон, рассеявшихся на четырех столбах кровати, и велел позвать трех принцев.

Он спросил первого, старшего, принца, как его звать.

— Меня зовут Диклан.

— А какое проклятие наложил на тебя нечистый?

— Он сказал, что я стану вором и всю жизнь мою буду воровать.

Темный Патрик повернулся к королеве, стоявшей рядом с ним и дрожащей от страха, и сказал ей:

— Тотчас отошлите Диклана в лучшую школу законов в Ирландии. Пусть станет судьей, и ни один законник к нему не придерется!

И в тот же миг ворона, что сидела в изголовье на левом столбе кровати, испустила пронзительный крик, от которого у всех мороз пробежал по коже, расправила крылья и вылетела в открытое окно.

Темный Патрик обратился ко второму принцу:

— А как тебя зовут?

— Мое имя Дармид.

— Какое ты заслужил проклятье?

— Я стану убийцей и всю мою жизнь буду совершать убийства.

Темный Патрик повернулся к трепещущей королеве и приказал:

— Немедленно отошлите Дармида в лучшую медицинскую школу.

Пусть учится и станет врачом, и ни одну смерть ему не поставят в вину!

И тут ворона, что сидела в ногах кровати на правом столбе, издала пронзительный крик, от которого у многих замерло сердце, раскинула крылья и вылетела в окно.

Темный Патрик обратился к младшему принцу:

— Как твое имя?

— Дати.

— На какое проклятье обрек тебя Кромахи?

— Я буду нищим и всю мою жизнь буду жить подаянием.

Темный Патрик повернулся к задыхающейся от волнения королеве.

— Не теряя драгоценного времени, — сказал он, — отошлите этого юношу в лучшую семинарию. Пусть станет священником, и Бог не осудит его за даровой хлеб!

Мерзкий ворон, сидевший на левом столбе в ногах кровати, издал пронзительный крик, расправил крылья и убрался в окно.

Радость, постепенно заполнявшая королевское сердце, заставила его подняться в постели и закричать от счастья. И в тот же миг четвертый, и самый злоеущий, ворон испустил душераздирающий крик, который наверняка уж разнесся на все четыре стороны коннахтского королевства, и тоже вылетел в окно.

Темный Патрик скромно отказался от всех почестей, которые король и королева на радостях предлагали ему. Он отказался и от поста главного советника, который все епископы, ученые и философы следом за королем и королевой просили его принять. Он сказал им, что он простой и темный горец и не привык жить при дворе, в замке, среди великих ученых мужей, что может быть счастлив только в своей жалкой хижине в Донеголе, возделывая свое крошечное поле — всего два акра на склоне горы.

И, перебросив через плечо узелок, он тронулся в путь. Тысяча завистливых глаз следили за ним, пока его одинокая фигурка виднелась на дороге, ведущей на север.

В старину говорили:

Не радуйся легким дарам.

Ученые Мангрета

Я уже поведал вам несколько историй о мудрости Темного Патрика, правда, как-то поспешно и не всегда полностью. Зато уж одну историю об изумительной сообразительности этого человека я приведу во всех подробностях. Расскажу ее в точности, как услышал от Туатала О'Сливина: его мысли и слова искажать я не стану.

В давно прошедшие времена, тысячу лет тому назад, Ирландия могла по праву гордиться своими прославившимися на весь мир школами, а в особенности школой в Мангрете, которая считалась самой лучшей, самой серьезной.

Но английский король решил обойти Ирландию и собрал в Оксфорде весь цвет мировой учености, и Мангрету пришлось уступить — Оксфорд взял верх.

Но случилось так, что, когда король Манстера посетил Англию и Оксфорд, он во время большого обеда, который давали в его честь, похвастал, что ученые Мангретского университета превосходят всех ученых мира глубиной и возвышенностью познаний. Опровергая это, глава Оксфордского университета так бил кулаком по столу, что перебил все чашки и блюда. Манстерский король тоже разгорячился и, забывшись, бросил оксфордцам вызов: предложил прислать в Мангрет пять самых известных ученых Оксфорда для встречи с пятью мангретцами, чтобы в ученом споре раз и навсегда решить этот вопрос.

Однако, бросив вызов, он тут же подсадовал на себя. Но еще больше подсадовали на него ученые Мангрета, когда узнали об этом. А глава Оксфордского университета обрадовался, что можно будет окончательно посрамить Мангрет, и вещал об этом состязании всем — и ученым, и простым смертным. И все просто сгорали от нетерпения поскорее увидеть, как умрет слава знаменитой Мангретской школы.

Мангретцы повесили голову: они-то знали, что Оксфорд сильнее. Один винил другого, и все вместе винили манстерского короля. Профессоров пришлось привязать к постелям, чтобы они не бродили по городу и не пугали всех своим унылым видом.

Постепенно волнение из Манстерского королевства перекинулось на всю Ирландию. И чем ближе подходил страшный день, тем плачевнее становилось положение всей страны, пока наконец горе и печаль,

угнетавшие сердце каждого, не стали прискорбной очевидностью. Но скорбь самого манстерского короля была ужаснее всех.

И вот в Мангрете появился небольшого роста крепкий человек — черноволосый и черноусый, по прозвищу Темный Патрик, родом из Донегола, которого соседи все знали и чтит за мудрость и светлый ум, и напрямик направился к университету. Для того он, собственно, и поспешил из своего дома, прихватив с собой только маленький красный узелок, когда услышал, что произошло и как худо все обернулось.

Никто не обращал внимания на этого темноволосого человечка, лишь указывали ему, как пройти, если он спрашивал. Да и он тоже ничего не говорил ни о себе, ни о том, зачем он пришел.

То был канун великого состязания.

Темный Патрик добрался до школы как раз в самый момент, когда безысходное отчаяние охватило решительно всех: и в самой школе, и за ее стенами слышны были лишь вопли и стенания. Он пробрался через толпу, которая мешала ему пройти, и попросил отвести его к главе университета.

Когда Темного Патрика ввели к нему, тот спросил:

— Кто ты, добрый человек? Откуда пришел? И что я могу для тебя сделать? Только поспеши с ответом, — отрезал он тут же, — ибо для тебя у меня нет достаточно времени.

И Темный Патрик ответил:

— Не важно, кто я и откуда, хотя мне не стыдно признаться, что я из Донегола. И не думаю, — продолжал он, — что вы можете мне в чем-либо помочь. Однако все равно я благодарю вас. А пришел я, услышав о беде, в которую попали вы, и ваши коллеги, и все здешние люди. Пришел посмотреть, может, мне, простому смертному, удастся вас выручить.

Великий профессор поглядел на Темного Патрика и на его маленький красный узелок, привязанный к палке, которую он положил на землю возле себя, да как захочет — то был первый смех, который вырвался у него за последние тринадцать недель. И когда люди слышали, что глава школы громко смеется, они тут же ввалились все в большой зал, где велась беседа с Патриком, чтобы узнать, что случилось. А когда поняли, зачем явился к ним этот человек, они тоже покатались со смеху, так что стены задрожали.

Их смех достиг ушей манстерского короля, и тот прибежал, чтобы выяснить, какое свершилось чудо. Патрик отвесил королю положенный

поклон, но остался невозмутим, словно форель в омуте, потупился в землю и не вымолвил ни словечка.

Великие профессора представили его королю и объяснили цель его прихода: спасти доброе имя и славу Мангретского университета — честь Ирландии. И тут же снова разразились смехом, чуть животы себе не надорвали. Однако король не рассмеялся, нет. Он послушал-послушал, как они смеются, а потом и спросил, какая причина у них для веселья.

— Конечно, вы не можете этого допустить, — молвил он, — и все же есть люди, которые и в глаза не видели вашей школы, но тоже кое-что смыслят, а иногда так тонко во всем разбираются, что могут удивить даже вас своими поступками.

Затем повернулся к Патрику и обратился к нему с вопросом так вежливо и с таким уважением, что уязвленные профессора рты разинули.

— Какой план предлагаете вы, — спросил король, — чтобы спасти доброе имя и славу нашей школы в Мангрете — честь Ирландии?

— Сперва мне хотелось бы узнать, когда вы ожидаете этих пятерых английских профессоров?

— Завтра к двенадцати!

— Хм... А могу я выбрать трех ученых университета, которые понадобятся мне ровно за два часа до этого срока?

— Да, конечно! Хоть тридцать три, если желаете!

Патрик остался доволен и сказал:

— Ну что ж, утро вечера мудреней.

И он был единственным человеком во всей Ирландии, кто спал в эту ночь.

А утром по приказу короля все профессора выстроились в ряд. Тогда пригласили Патрика и предложили ему сделать выбор.

Сначала он попросил выступить на шаг вперед знатока латыни, лучшего из лучших. Затем лучшего знатока греческого языка. И наконец первейшего знатока языка сверхученой премудрости.

Просьба его была выполнена.

Тогда он велел принести самую драную одежду, в какую можно было бы нарядить разве только огородное пугало, а также три здоровых молота для дробления камней.

Очень скоро все, что он попросил, лежало перед ним на земле, и Патрик сказал, протягивая отвратительную одежду трем великим профессорам:

— Вот, получайте! Можете уединиться и, не теряя времени, сбросьте с себя все лишнее и облачитесь в эту одежду.

Три великих профессора позеленели от злости, и не то чтоб подчиниться, а готовы были послать Патрика к дьяволу или еще похуже, да только заметили на себе строгий взгляд короля.

— Отправляйтесь же, господа! — сказал король громко и грозно. — Выполняйте просьбу этого джентльмена!

И они ушли переодеваться, а когда вернулись, вот это была картина! Но никто не осмелился даже улыбнуться, в страхе перед королем. Да, зрителям было над чем посмеяться.

Патрик подхватил три молота для дробления камней и сказал трем почтенным старцам:

— Пошли за мной!

И вот в сопровождении трех великих ученых, разодетых, как мы только что описали, Патрик вышел на дорогу, ведущую в Дублин, по которой с минуты на минуту должны были проехать оксфордские профессора.

В миле от университета они остановились у перекрестка. Здесь на груде камней всегда сидел какой-нибудь старик и дробил камни для починки дороги. Патрик велел старику сойти вниз, всунул молот в руки великому знатоку языка сверхученой премудрости и приказал ему поднаться на камни и дробить их, как это делают истинные каменотесы из Ньюри. К тому же он дал ему несколько секретных указаний, от которых у того просветлело лицо.

И пошел дальше с двумя остальными. А у следующего перекрестка, который был в трех милях от университета, он вручил молот ученому греческого языка и тоже велел ему взобраться на груду камней и дробить их. И ему на ухо он дал какие-то указания.

С третьим ученым, великим знатоком латыни, он шел, пока не дошел до третьего перекрестка — в шести милях от университета. И ему тоже всунул в руки молот, усадил на груду камней и также велел дробить их, шепнув какие-то указания.

И вот слушайте! Не успел сей ученый муж усесть на груду камней, как мимо катит карета с пятью оксфордскими старцами, величайшими и знаменитейшими учеными во всем свете. Достигнув перекрестка и не зная, какой дорогой следовать, они останавливают карету, чтобы все выяснить. И, заметив оборванного старика, дробящего камни, решают между собой:

— Вот этот старик каменотес и укажет нам дорогу, если только мы сумеем подобрать достаточно простые слова, чтобы он понял нас.

Они здороваются со стариком каменотесом и спрашивают, выбирая самые простые слова, не будет ли он так любезен показать им верную дорогу в Мангретский университет. Старик каменотес в свою очередь приветствует их и дает точнейшие указания, как вернее всего добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшей латыни!

У пятерых мудрецов так и перехватило дыхание. Они откинулись назад в карету, и впервые с момента вызова на состязание их смелость поколебалась.

Но они были храбрыми молодцами, не испугались бы самого дьявола. И как только кучер тронул вперед, они вынули свои записные книжки, куда заносили путевые заметки, и записали: «В шести милях от Мангретского университета обыкновенные дорожные каменотесы объясняются исключительно на латыни».

Что верно, то верно.

Когда они подъехали к следующему перекрестку, они опять стали гадать, какая же из четырех дорог им нужна. Выглянули из кареты и увидели еще одного старого каменотеса, усердно дробящего камни. Один из ученых мужей окликнул его, поздоровался и спросил, не укажет ли он верную дорогу в Мангретский университет. Старый каменотес оторвался от своей работы, приветствовал их и точно объяснил, как добраться до университета в Мангрете, — и все это на чистейшем греческом языке!

Пятеро мудрецов даже сразу осунулись как-то. Они не позволили кучеру ехать дальше и стали советоваться, как умнее поступить: ехать вперед или бежать без оглядки в дублинскую гавань и оттуда домой. Двое проголосовали, чтобы ехать вперед, двое — чтобы возвращаться, решение осталось за последним. Но он оказался храбрецом — так просто его не запугаешь — и проголосовал в конце концов за то, чтобы ехать вперед.

И вот они двинулись дальше и по дороге внесли такую запись в свои книжки: «В трех милях от великого университета Мангретского обыкновенные дорожные каменотесы объясняются только на греческом языке».

К этому времени у бедняг англичан душа ушла уже в пятки, и они могли лишь мучительно жалеть, что вместо них это дело не поручили пятерым их злейшим врагам в Оксфорде!

Так слушайте дальше! В миле от Мангрета им попадает третий перекресток. Карета останавливается, один из них высовывается из окошка

и опять видит на груде камней старика каменотеса, который что есть мочи бьет по камням. Они все его приветствуют и спрашивают, не может ли он указать им дорогу, ведущую в Мангретский университет. Старик каменотес поднимает голову от работы, отвечает им вежливый поклон, произносит сначала свое приветствие, а затем указания, как вернее добраться до университета в Мангрете, — и все это на языке сверхученой премудрости!

Пять прославленных профессоров все как один высовываются из окошка кареты и кричат кучеру:

— Немедленно заворачивай лошадей и что есть духу гони в Дублин! — откидываются назад и падают без сознания в объятия друг другу.

Когда они, придя в себя, поняли, что находятся в безопасности на корабле по пути в Англию, они вытащили свои записные книжки и записали: «В одной миле от бесподобного и величайшего университета в Мангрете даже дорожные каменотесы не желают объясняться иначе, как на языке сверхученой премудрости. Таким образом, мы, совершив своевременное бегство, спасли от вечного позора чистое имя и славу нашей гордости — университета Оксфордского».

В старину говорили:

Хорошая песня может быть и немногословна.

Сказки о Рафтери

Воскрешение Рафтери

Выполняю мое давнишнее обещание, — вот вам первый пример искусства шанахи¹. История моя будет про знаменитого Рафтери, одного из достославных бродячих артистов Коннахта, по праву считавшегося самым удивительным шанахи во всем Кривине, в чем мне самому удалось убедиться.

Только, чур, перескажу я вам эту историю, как моей душе угодно.

Так вот...

Рафтери был не только скрипачом — он был человеком. Первейшим человеком и лучшим скрипачом, какой когда-либо ступал по земле в кожаных башмаках. Свет не знал сердца более мужественного, чем у него.

О! В его скрипке слышались и завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот и красота небес, свист черного дрозда и песня жаворонка, легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Его напев, подобно ветру среди камышей, то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей, которые всегда окружали его. И самая черная душа светлела, гордость уступала кротости, а суровость таяла, как снег в мае.

¹ Шанахи — бродячий сказитель и музыкант в Ирландии.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы послушать его. Каждая пядь земли между четырьмя морями ведала о его славе. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, оказавшись во власти его музыки. Звуки его скрипки отдавались в каждом уголке человеческого сердца. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потрепанная куртка.

Деньги он презирал. Любовь! Только любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете.

Только любовь — улада его сердца — могла вывести его из могилы и привести на свадьбу Динни Макдермота и Мэри.

И только любовь, одна лишь любовь, была их богатством — отважного Динни и красотики Мэри в ту ночь, когда они поженились. В четыре пустые стены вернулись они из церкви: холодная вода да ночной мрак за окном — вот и все.

Но что им было за дело до этого, раз поженились они по любви? Мэри отказала самому скряге Макгленахи из Хилхеда со всеми его коровами, пастбищами и рыбалками. А Динни смело отвернулся от Нэнси Мур из Мервах с ее ста фунтами, семью телятами и двумя сундуками с приданым из чистого льна, которые он получил бы — помани только пальцем. Но он взял в жены Мэри.

И вот они оказались одни-одинешеньки в своей жалкой лачужке в свадебную ночь, вместо того чтоб пировать, как это обычно полагается. Одни-одинешеньки — да, да! Ведь все рассудительные люди просто возмутились, что оба упустили случай разбогатеть и поправить свои дела — случай, посланный самим небом, — эти телята и денежки Нэнси Мур и рыбалки, пастбища да еще двадцать коров в придачу того скряги.

А? Упустить такие прекрасные предложения, как будто это так, пустяки! И пожениться сломя голову, как дурачки какие-нибудь, не имея за душой ни полушки.

Но всем этим умникам было не понять — куда им! — что Динни и Мэри просто бежали от искушения поддаться всеобщему благоразумию и обвенчаться с золотом, — вот они и поженились по любви. Ну и конечно, все почтенные люди отвернулись от них и оставили влюбленную парочку одну, в полном одиночестве, но зато полную любви друг к другу в эту первую ночь после их свадьбы.

Но вот поднялась щеколда и к ним в дом вошел сгорбленный старичок со скрипкой под уже почерневшей зеленой курткой. Он пожелал

доброго вечера и присел на стул, который Динни придвинул для него поближе к огню.

— Ну и длинный путь я проделал, — сказал скрипач. — И голоден же я! Если б, добрые люди, вы дали мне чего-нибудь к ужину, я бы спасибо сказал вам.

— Ха! Ха! Ха! — рассмеялись оба дружно. — Ужинать? Так знаете, хотя мы только сегодня сыграли свадьбу, на ужин у нас ничего, кроме любви. Право же! Будь у нас хоть что-нибудь, чем можно было бы набить желудок, мы с радостью и от чистого сердца отдали бы большую долю вам или какому-либо другому гостю.

— Как! — воскликнул гость. — Вы поженились только по любви? И у вас нечего даже бросить в горшок?

— Конечно! — ответили оба. — Ха! Ха! Ха! И теперь мы за все расплачиваемся.

— И это не такая уж дорогая цена, — говорит Мэри.

— Совсем недорогая! — говорит Динни.

— Да благословит вас Господь! — промолвил скрипач, который все это время наблюдал за ними исподлобья. — Коли так, вы не останетесь в накладе. — И спрашивает: — Доводилось вам слышать историю про Рафтери?

— Рафтери? Еще бы! Или ты смеешься над нами? Только глухие или мертвые не слышали про великого Рафтери.

Тут старый скрипач кладет скрипку и смычок к себе на колени и говорит:

— А ну, пошлите-ка весточку соседям, чтобы приходили да приносили свадебные подарки. И не какие-нибудь, а самые лучшие, мол, на свадьбе будет играть сам Рафтери.

— Рафтери? — воскликнули оба, когда речь вернулась к ним.

— Ну да, Рафтери — это я, — говорит скрипач, снова беря свою скрипку.

Так и подпрыгнуло сердце у обоих от радости, и все мирские заботы рассеялись, как туман с гор.

Новость, подобно лесному пожару, облетела всю округу: сам Рафтери, великий Рафтери, о котором наслышано даже дитя в колыбели, но кого редким счастливым удалось видеть, будет играть на свадьбе у Динни Макдермота! Все словно голову потеряли, побросали работу и, позабыв про жадность, похватили лучшие подарки для новобрачных и поспешили к их дому.

Барни Броган принес копченую свиную грудинку, а Джимми Макдой баранью ногу. Эамон Ог пришел, согнувшись в три погибели под тяжестью целого мешка картошки, а миссис Макколин, как гора, — полные руки постельного белья. С полотном, которое принесла Молли Маккардл, могла соперничать лишь фланель Сорхи Руа. Но им не уступали и бочонок масла Пэдди, прозванного Привидением, да и овсяные лепешки Ройсин Хилферти, которые могли пригодиться и впрок. Даже Баках Боог притащил свой подарочек: сахар и чай. К всеобщему изумлению, появился и знаменитый скряга Матта Мак-а-Нирн, еле волоча корзину с кричающими утками и гогочущими гусями.

О, большущий сарай потребовался бы, чтобы схоронить все богатство, какое привалило в эту ночь Динни и Мэри, — целые груды добра и всякой всячины, эти их свадебные подарки. И Рафтери простым кивком головы благодарил за них каждого мужчину и каждую женщину. А они думали про себя: будь они хоть трижды богаты, все равно оставаться им в неоплатном долгу перед Рафтери. Они боялись даже громко чавкать на этом свадебном пире, — а пир получился и впрямь на славу, лучший пир во всей округе, так уж все тогда и решили, — чтоб не пропустить хоть словечко или шутку, которые Рафтери то и дело отпускал со своего почетного места за столом. Его шуточки кололи, и жалили, и уязвляли, и все же они заставляли смеяться даже тех, кому он прямо-таки наступал на любимую мозоль.

Ну и гордилась наша парочка, Динни и Мэри, своим свадебным ужином, самым лучшим, самым богатым, самым веселым-развеселым, какие только видели зеленые горы Ирландии! Да, им и было чем гордиться. Больше того, каждый ребенок тех гостей, которые побывали у них в ту ночь, рассказывал детям своих детей, кто украшал почетное место за столом на свадьбе у Динни Макдермота в ту ночь.

А когда пиршество закончилось и всё прибрали, Рафтери поставил свой стул прямо на стол, в углу, сел, вскинул на плечо скрипку и провел по ней смычком. Все, кто были там, затаили дыхание: им послышалось в скрипке завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. Красота небес и одиночество болот звучали в ней, и свист черного дрозда, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой затаивших дыхание слушателей. И самая черная душа свет-

лела, гордость уступала кротости, а суровость таяла, как снег в мае. И не было никого среди них, кто, хоть раз услышав его музыку и подпав под ее сладостные чары, не пожелал бы навсегда остаться в их власти.

Но вот настала минута платить скрипачу за услуги, и тут Рафтери взял свою шапку и прошелся с нею по кругу — ни один скрипач не делал этого прежде.

И что же: кто, покоренный его игрой, поклялся себе дать шестипенсовик, подавал шиллинг, а кто решился дать шиллинг, расщедрился на целую крону. И когда Рафтери обошел всех в доме, шапка оказалась полным-полнехонька, даже с верхом.

А после все до одного, — конечно, то еще действовали волшебные чары музыки, — трясли Динни руку, целовали Мэри в губки, просили Господа Бога благословить их брак и убирались восвояси. А за ними и Рафтери сунул свою скрипку под старую, уже почерневшую, зеленую куртку, пожал руку оторопевшему Динни, расцеловал Мэри и, поручив Богу беречь их счастье, двинулся в путь. Оба лишь рты разинули, вытаращили глаза и не могли вымолвить ни словечка.

И только шапка старика, доверху набитая серебром, которая так и осталась на столе, вернула Мэри дар речи.

— Он забыл свою шапку с деньгами! — закричала она.

— погоди, я сейчас его окликну! — сказал Динни, бросаясь к дверям.

Но не успел он там очутиться, как дверь раскрылась, и в дом вошел Пэт-коробейник со словами:

— Бог в помощь!

— Бросай свой мешок, Пэт, — кричит ему Динни, — скорей верни этого старика со скрипкой, которого ты только что встретил!

— Какого черта еще? — спрашивает Пэт.

— Да Рафтери! Рафтери! Ты сейчас встретил самого великого Рафтери! Он играл на нашей свадьбе и забыл свою шапку с деньгами. Беги за ним!

— Рафтери, — повторяет Пэт. — Ты что, спятил? Да его, Рафтери, могилу я помогал закапывать еще три недели назад, в графстве Голуэйском. Бедный скиталец! Да, Рафтери... — повторяет он про себя, печально качая головой, пока Динни и Мэри как громом пораженные застыли посреди комнаты. — Рафтери, нищий богач, который мог бы умереть миллионером, а ушел на тот свет с тремя полупенсовиками в кармане, без целой рубахи на плечах. Рафтери! Тьфу, пропасть!

Что и говорить, Рафтери был не только скрипачом, — он был человеком, лучшим из лучших! Человеком и скрипачом. Никто, равный ему, не ступал еще по земле в кожаных башмаках, не было еще на свете сердца более мужественного, чем у него.

О! В его скрипке слышались завывание ветра, и дыхание моря, и шепот банши под ивами, и жалоба бекаса на вересковой топи. В ней звучали одиночество болот, и красота небес, и песня жаворонка, и легкая поступь тысяч и тысяч фей, топот их маленьких ножек в ночной пляске до самой зари.

Подобно ветру среди камышей, его напев то падал, то убегал, увлекая за собой слушателей. И самая черная душа светлела, гордость сникала, а самое жесткое сердце становилось мягким, как воск.

Со всех концов Ирландии стекались люди, чтобы услышать его скрипку, — слава его облетела каждую пядь земли между четырьмя морями. Люди забывали голод и жажду, жару и холод, пока звучала его чарующая музыка. В каждом уголке человеческого сердца отдавались звуки его скрипки. И хотя он легко мог бы сделаться самым богатым в своем краю, лучшей его одеждой так и оставалась потертая куртка.

Деньги он презирал. Только любовь. Любовь — единственное, что он знал и чему поклонялся. Для него она была всем на свете. Музыка, Красота и Любовь — вот его богатство, которое он оставил, уходя в могилу. Да, с тремя полупенсовиками в кармане и в драной рубашке на плечах, он умер миллионером, наш Рафтери...

В старину говорили:

Восхвалять Бога достойно, но мудрый не станет клясть и дьявола.

Как удалось перехитрить
самого Рафтери

Я уже говорил вам про закон гостеприимства в старину.

В давным-давно прошедшие времена, — а это и в самом деле было давненько, — когда знаменитый шутник Рафтери держал в благоговейном страхе весь Коннахт, потребовался незаурядный женский ум, чтобы обойти нерушимый закон гостеприимства. Этой женщине удалось без единого упрека и безнаказанно выставить из своего дома столь необык-

новенного музыканта, сочетавшего к тому же в себе ум и независимость истинного поэта.

Как и многие его предшественники-поэты, Рафтери частенько злоупотреблял своими привилегиями, чересчур даже, а в особенности когда заигрывал со своей второй возлюбленной — бутылкой.

Однажды он остановился на ночлег в хижине у бедной вдовы. И такою она спины не разгибала и сердце свое надрывала в заботах о целой куче голодных ребятишек, а тут еще музыкант этот живет себе целых тринадцать недель! И тащи ему все, и угождай. Все ему в доме прислуживай. Наконец стало ясно, что сей великий человек не намерен убираться из дома, пока его не вынесут оттуда на катафалке.

Соседки, которые считали себя поумнее вдовы, советовали ей нарушить старинный обычай и вышвырнуть старичка вон. Но она только головой покачала в ответ на такое позорное предложение и продолжала терпеливо сносить все невзгоды.

Так тянулось до сенокоса, когда косари на лугах ждут подмоги от своих хозяек. Среди тысячи домашних дел женщина должна еще ухитриться заготовить им связла — копны вязать. И для этого в углу кухни им оставляют охапку соломы — вить из нее веревки.

Вдова позвала на помощь Рафтери — до сих пор его не просили даже палец о палец ударить — и велела ему взять веретешко и крутить. Она подает ему из охапки понемногу соломы, а он вьет веревку.

Но ведь вам известно, что когда вьешь веревку, то шаг за шагом пятишься назад от соломы, которая так и бежит сквозь пальцы. Веревка становится все длиннее, а вы отступаете все дальше и дальше.

Так Рафтери и пятился, — веревка тянулась, а он пятился, — сначала от очага, у которого стояла вдова, подавая ему солому, а потом и за порог, на свежий воздух, в широкий божий мир, из которого он целых тринадцать блаженных недель был добровольным изгнанником. И тут он услышал, как захлопнулась и защелкнулась дверь, через которую он только что вышел сам, никто его не выпроваживал, не выставлял и не выгонял.

Вот как удалось женскому уму без промаха обойти семью семьдесят раз священный закон ирландского гостеприимства и выставить за дверь самого великого Рафтери.

В старину говорили:

Когда хочешь подарить штаны, не срежай пуговиц.

Сказания о Кухулине

Бой Кухулина с Фердиадом

Герой из героев, славный воин древнего Ульстера, первый среди воинов Красной Ветви короля Конхобара, бесстрашный уладский пес — так называли Кухулина его друзья и враги¹.

И был еще только один воин в пяти королевствах древней Ирландии, или, как тогда говорили, — в Эрине, который мог сравниться с Кухулином в отваге и боевом искусстве.

То был Фердиад, сын Дамона.

Эти два славных героя — Кухулин и Фердиад — были названными братьями и друзьями. Они вместе росли, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной воительницы Скатах на острове Скай. Там прошла их юность, там они познали любовь и возмужали, отсюда рука об руку отправились на ратные подвиги в чужие, далекие страны.

Их преданность и верную дружбу скрепила кровь, пролитая во многих опасных битвах, боях и сражениях. Но случилось так, что, рассердившись на злого и коварного короля Конхобара, Фердиад вместе с другими

¹ Кухулин («пес Кулана») — один из главных персонажей ирландских мифов («Похищение быка из Куальнге»), сын бога Луга и Дехтире — Сетанта. В детстве Сетанта убил чудовищного пса кузнеца Кулана, а потом вызвался быть сторожем вместо собаки — отсюда его прозвище. Повзрослев, стал могучим героем Улада (Ульстера). Обладал способностью к перевоплощению и сам был побежден только с помощью волшебства.

воинами Красной Ветви покинул Ульстер и ушел на службу к гордой и жестокой коннахтской королеве Мав¹.

Как раз в ту пору Мав задумала идти войной на королевство Ульстер. Ей давно хотелось показать королю уладов Конхобару, что не он самый сильный король в Эрине.

Она собрала всех своих славных воинов и сама повела их на север в Ульстер. Время для войны она выбрала удачное — короля Конхобара и его воинов одолел тяжкий недуг. Это случилось с ними к началу каждой зимы — в наказание за то, что однажды король Конхобар надсмехался над богиней войны Махой.

И вот когда все уладские воины обессилели от недуга, королева Мав покинула Коннахт и подошла со своим воинством к самой границе Ульстера — к Северному Проходу.

Узнав, что на Ульстер идет могучее войско королевы Мав, Кухулин послал своего возницу Лойга к богине Махе с великой просьбой, чтобы она сняла свое проклятье с уладов. А пока силы к ним еще не вернулись, Кухулин один вышел защищать Северный Проход от врага.

Проклятье богини Махи его не коснулось: когда с уладами только случилось это несчастье, Кухулин еще не родился.

Не проходило дня, чтобы от руки Кухулина пало меньше ста воинов королевы Мав. Недаром шла о нем слава героя из героев, бесстрашного бойца, победителя во многих битвах.

Мало того, по ночам Кухулин незаметно подбирался к самому лагерью гордой королевы и камнями, метко пущенными из пращи, разгонял всю ее стражу. Так что никому не было от него покоя не только днем, но и ночью.

Тогда надумала королева Мав направить к Кухулину гонцов и послов. Гонцы бегали от нее к палатке Кухулина и обратно, передавая ее вопросы и его ответы. И было решено между ними, что не станет больше королева Мав продвигаться в Ульстер форсированным маршем, а будет каждый день посылать к Кухулину по одному воину для встречи в славном поединке. Условились они, что пока он будет биться в поединке, она может идти со своим войском вперед, но как только воин ее будет убит — коли это случится, — она остановится до следующего дня.

¹ Легендарная королева Мав (Медб), повелительница Коннахта совместно со своим супругом Айлилем, имеет ярко выраженные черты Великой богини — очень стойкого образа в кельтской мифологии (воплотившегося в целой череде жестоких и свирепых богинь: Маха, Морриган, Бадб, Немайн).

«Лучше уж я буду терять в день по одному воину, чем по сто», — думала коварная Мав.

Но шел день за днем, и Кухулин убивал в честном поединке одного за другим лучших ее воинов. И настал день, когда королева Мав не знала, кто бы еще мог сразиться и выдержать бой с Кухулином.

Пришлось ей созвать большой совет мужей Эрина. Стали мужи Эрина думать и, подумав, сошлись на одном:

— Фердиад, сын Дамона! Ибо в битве, в бою и в сражении он один равен храбрейшему герою Кухулину. Вместе росли они, вместе обучались приемам боевой силы и мужества у грозной Скатах.

— Удачный выбор! — одобрила королева.

И послали гонцов и послов за Фердиадом. Но Фердиад отказался, отверг, отослал назад гонцов и послов королевы. Не пошел он на ее зов, ибо знал, чего хотят от него: чтобы вступил он в единоборство с милым другом своим, названным братом и советником.

Тогда Мав послала к Фердиаду друидов и злых певцов, чтобы они спели ему три цепенящих песни и три злых заклинания — на позор, посмеяние и презрение, — если Фердиад откажется к ней прийти.

На этот раз Фердиад пошел, ибо легче, казалось ему, пасть от копья силы, ловкости и отваги, чем от стрел стыда, позора и поношения.

Мав сама вышла к нему навстречу и приняла его с честью и приветом. Потом созвала своих вождей и военачальников и приказала им устроить в честь Фердиада пир.

За столом Фердиад сидел от нее по правую руку. А с другой стороны рядом с ним Мав посадила свою дочь Финдабайр и наказала ей подливать герою лучшие вина, чтобы его кубок никогда не оставался пустым.

Фердиад быстро захмелел и развеселился. Тогда королева стала восхвалять его отвагу, мужество и геройские подвиги и посулила ему несметные богатства, новые земли и свою дочь Финдабайр в жены, если он вступит в единоборство с Кухулином.

Собравшиеся за столом громко приветствовали такие слова королевы.

Все, кроме Фердиада.

Он один сидел молча. Горько было ему даже думать о бое со своим другом, товарищем и побратимом. Он сказал королеве:

— Твои дары поистине щедры и прекрасны, гордая Мав! Но я недостойн их. Никогда я не приму их в награду за бой с милым моим другом Кухулином.

Еще он так сказал королеве:

И сердца наши бились рядом,
И в лесах мы сражались рядом,
На постели одной спали рядом,
Устав, обессилев в жестоком бою...

И поняла тогда Мав, что такую преданность и любовь не разрушить ни лестью, ни подкупом. И задумала она иной план.

Когда Фердиад кончил песню об опасных делах, какие они свершали вместе с Кухулином, она, сделав вид, будто не слышала, что он только что говорил, обернулась к своим воинам и советникам и спокойно заметила:

— Пожалуй, теперь я готова поверить тому, что говорил о Фердиаде Кухулин.

— А что Кухулин говорил обо мне? — спросил Фердиад.

— Он сказал, что ты слишком опаслив и осторожен, чтобы выступить против него в поединке, — ответила Мав.

Фердиад охватил гнев, и он воскликнул:

— Не следовало Кухулину так говорить обо мне! Не мог он, положив руку на сердце, сказать, что хоть раз я был трусом или выказал недостаток храбрости в наших общих делах. Клянусь моим славным оружием, завтра же на рассвете я первый вызову его на бой, который мне так ненавистен!

И, не прибавив больше ни слова, Фердиад, печальный, вернулся в свою палатку.

В ту ночь не слышно было ни музыки, ни песен среди верных воинов Фердиада. Они видели, как вернулся с королевского пира их начальник и господин, и шепотом вели беседу, с тревогой вопрошая друг друга, что же будет. Они знали, что Фердиад искусен и неустрашим в бою, но они знали, что не менее искусен и столь же неустрашим Кухулин.

Как им было не знать, что когда встречаются в честном поединке два таких бесстрашных героя, одному из них суждено погибнуть!

Фердиад отдыхал до рассвета, а потом велел запрячь колесницу — он хотел явиться на место поединка раньше Кухулина.

Возница вывел коней, запряг колесницу и вернулся в палатку к Фердиаду. Он попытался уговорить своего господина не идти в бой

на Кухулина. Фердиад не скрыл от него, как тяжело ему выступать против своего побратима, но уж коли он дал слово королеве Мав, он его сдержит.

Лучше б он не давал ей слова!

Печаль и гнев не оставляли Фердиада при мысли об этом. Он пришел в палатку уладских воинов и, повысив голос, громко сказал, чтобы слышали все:

— Пусть лучше мне погибнуть от руки славного Кухулина, чем ему от меня! А если падет от моей руки Кухулин, не жить и королеве Мав и многим из ее славных воинов. Виною тому обещание, какое она вырвала у меня, когда я был пьян и весел у нее на пиру. Верьте мне!

Потом Фердиад взошел на колесницу и устремился к броду через реку на место поединка. Там он заставил возницу распрячь коней и, разобрав колесницу, велел поставить для себя шатер и накрыть его шкурами. Землю застлали пледами, набросали подушек, и Фердиад лег спать до прихода Кухулина.

А пока он спал, верный Кухулину Фергус тайно покинул палатку коннахтских воинов и отправился к Кухулину, чтобы сказать ему, с кем ему предстоит биться в грядущий день.

— Клянусь жизнью, — воскликнул Кухулин, услышав эту весть, — не такой разговор хотелось бы мне вести с моим другом и побратимом! Не из страха перед ним, но из любви и нежной привязанности. Но раз уж так случилось, лучше мне погибнуть от руки этого славного воина, чем ему от меня!

И Кухулин лег спать и спал долго. Не хотел он рано вставать, чтобы коннахтские воины не сказали, что ему не спится от страха перед Фердиадом. Солнце стояло уже высоко, когда он наконец поднялся на свою колесницу и поехал к броду через реку на место поединка.

Фердиад уже ждал его и, как только Кухулин сошел с колесницы, приветствовал своего друга.

— Ах, Фердиад, — горестно сказал ему в ответ Кухулин, — раньше я верил, что ты приветствуешь меня как друг. Но теперь этой веры больше нет! Как мог ты променять нашу дружбу на лживые обещания вероломной женщины?

Уязвленный упреками Кухулина, Фердиад воскликнул:

— Не слишком ли затянулся наш разговор? Пора вступить в беседу нашим копьям!

И вот, сблизившись, славные воины стали метать друг в друга легкие копья. Словно пчелы в ясный летний денек, летали между

врагами острые дротики, и горело солнце на их крыльях — наконецниках.

Так бились они целый день, время от времени меняя оружие. Но и в защите, и в нападении их искусство было равно, и какое бы оружие они ни выбирали, ни разу оно не обагрилось их кровью. Когда же спустилась ночь, они решили, что на сегодня поединок закончен и пора отдохнуть.

Побросав оружие своим возницам, отважные воины кинулись друг другу на шею и трижды по-братски нежно расцеловались.

Потом возницы приготовили для них постели из свежего камыша, для каждого на своем берегу реки: для Фердиада — на южном, для Кухулина — на северном.

Из Ульстера прискакали гонцы и привезли Кухулину целебные травы и снадобья, чтобы поднять его силы и избавить от боли и усталости его натруженное тело. Кухулин разделил все травы и все лекарства поровну и отослал половину Фердиаду.

А коннахтские воины принесли из лагеря для Фердиада еду и питье. Фердиад разделил тоже все поровну и отослал половину Кухулину.

Ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Наутро, как только засветило солнце, бойцы снова встретились у брода. На этот раз они сражались на колесницах, пуская в ход тяжелые копья. Бой шел весь день, и каждый получил немало жестоких ударов, прежде чем настала ночь и они решили передохнуть. На этот раз оба были так тяжело изранены, что птицы могли влетать в их раны с одной стороны и вылетать с другой.

Но и эту ночь их кони провели в одном загоне, а возницы — вместе у одного костра.

Когда же наутро они встретились у брода, чтобы продолжать поединок, Кухулин увидел, что Фердиад уже не тот, что был прежде: и взгляд его стал мрачен, и не мог он уже прямо держаться, а шел согорбившись, еле волооча ноги.

Великая печаль охватила Кухулина. Он перешел вброд реку и, приблизившись к Фердиаду, сказал ему:

— Друг мой, товарищ и побратим, вспомни, как мы любили друг друга, как вместе проливали кровь в жестоких битвах, боях и сраженьях. Послушай своего младшего брата: откажись от единоборства у брода!

На это Фердиад ниже опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Кухулину, и сказал с грустью, что не может он нарушить свое слово, данное

в злую минуту королеве Мав, и будет биться с Кухулином, пока один из них не победит.

На этот раз они вместе выбрали оружие, и бой начался.

Весь длинный день в полной тишине они метали тяжелые копья, сшибались на острых мечах, рубили, кололи, резали и наносили прямые удары. Только темный вечер заставил их кончить единоборство.

Все так же молча побросали они оружие своим возницам и, не обнявшись, не сказав друг другу доброго слова, мрачно разошлись по своим палаткам.

Ту ночь их кони провели в разных загонах, а возницы — каждый у своего костра.

Рано утром Фердиад поднялся первым и надел свои самые прочные, самые тяжелые, непроницаемые боевые доспехи, чтобы защитить себя от ужасного рогатого копья — Га-Бульги, каким славился Кухулин в поединке у брода.

Вскоре вышел к реке и Кухулин, и бой разгорелся, свирепый и беспощадный.

Удары их копий были так сильны, что щиты бойцов прогнулись внутрь. Шум битвы их был так велик, что испугнул всех демонов неба и заставил их носиться в воздухе с громкими криками. Так тяжела была поступь бойцов, что они вытеснили реку из берегов.

Уже близился вечер, когда Фердиад неожиданным выпадом жестоко ранил Кухулина, вонзив свой меч в его тело по самую рукоять, и кровь рекой полилась из раны и затопила брод.

Кухулин не успел ответить, а Фердиад следом за первым ударом нанес второй и третий.

Только тогда крикнул Кухулин своему вознице Лойгу, чтобы подал он рогатое копье Га-Бульгу. Прицелившись, он метнул его двумя пальцами ноги, и Га-Бульга, пробив тяжелые доспехи Фердиада, смертельно поразило его.

— Вот и пришел мне конец, мой Кухулин, — произнес Фердиад и рухнул на землю.

Увидев, как падает на землю его друг и названный брат, Кухулин отбросил страшное свое оружие и кинулся к Фердиаду. Он склонился над ним, поднял его на руки и с осторожностью перенес через брод на северную сторону реки — сторону славных уладов. Не хотел он оставлять друга своих юных лет, своего названного брата, соратника в грозных битвах на земле врагов, на южном берегу реки.

Кухулин опустил Фердиада на землю, склонился над ним и стал горько его оплакивать. Забывшись в горе и не думая об опасности, Кухулин долго просидел так возле убитого друга, пока его возница Лойг не посоветовал ему уйти подальше от брода, где в любую минуту на него могли напасть коварные воины королевы Мав.

На слова Лойга Кухулин медленно поднял голову и сказал тихо, печально:

— Друг мой Лойг, знай и запомни: отныне и впредь любая битва, любой бой или сражение покажутся мне пустой шуткой, забавой, игрошкой после поединка с милым моему сердцу Фердиадом.

И такую песню сложил Кухулин, оплакивая убитого друга:

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В ученье у Скатах мы были рядом —
У грозной наставницы юных лет
Вместе прошли мы науку побед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть.
В боях жестоких мы бились рядом,
И каждому щит был от Скатах в дар —
За первый успех, за верный удар...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Милый мой друг, мой светоч, брат мой,
Гроза героев, славный герой,
Без страха ты шел в последний бой...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
О лев свирепый, лютый и мудрый,
О вал морской, что о берег бьет,
С пути все сменяя, ты шел вперед...
И вот у брода ты встретил смерть.

В играх, забавах мы были рядом,
Пока у брода не встретил ты смерть,
Любимый друг мой, отважный Фердиад,
Все смерти стоят твоей одной.
Вчера высокой ты был горой.
Сегодня у брода ты встретил смерть.

Мудрая Унах

Как вы уже знаете, жил когда-то в Ирландии герой-великан по имени Кухулин. И еще один герой, такой же задиристый вояка, только ростом поменьше, по имени Финн¹.

Каких только историй не рассказывали про этих двух героев, про их свирепые битвы и смелые дела! Но мы-то вам поведаем совсем иную историю. Скорей всего, это не очень правдивая история, а просто сказка про великанов, какую придумали, устав рассказывать про их геройские дела и желая над ними посмеяться.

Да, так вот, Финн жил в большом доме на самой вершине крутой горы. Нельзя сказать, чтобы это было такое уж удобное место для жилья: откуда бы ни дул ветер, на вершине горы всегда было очень ветрено. К тому же, когда Финна не было дома, его жене, Унах, приходилось самой ходить за водой, а для этого надо было спуститься к подножию крутой горы, где протекал ручей, и потом с полными ведрами лезть наверх. Не так-то это легко, как вы сами себе можете представить.

И все-таки в одном отношении место, где стоял дом Финна, было очень удобное: с вершины горы Финну были видны все четыре стороны — и север, и юг, и запад, и восток. Поэтому, когда кому-нибудь из его врагов приходило в голову нанести ему визит, он знал об этом заранее. А Финн был не из тех, кто любит неожиданные визиты и всякие сюрпризы.

Правда, он мог и другим путем узнать, что его ждет. Для этого ему достаточно было засунуть в рот палец, нащупать последний зуб с правой стороны, и он тут же узнавал, что вскоре должно произойти.

¹ Финн («светловолосый») — предводитель фениев — воинов, вокруг которых группируется так называемый цикл сказаний о Финне Мак Куле, в XVIII веке послуживший основой для литературной мистификации Дж. Макферсона «Поэмы Оссиана».

И вот в один прекрасный день, когда Финн и его жена Унах мирно сидели за столом, Финн невзначай засунул палец в рот и тут же побелел, точно снег в январе.

— Что случилось, Финн? — спросила его жена Унах.

— О горе мне и погибель! Он идет сюда, — ответил Финн, как только вынул палец изо рта и смог заговорить.

— Кто идет сюда? — удивилась Унах.

— Ужасное чудовище Кухулин! — ответил Финн, и при этом вид у него стал совсем унылый, точно дождливое воскресенье.

Унах прекрасно знала, что, хоть муж ее и был настоящим великаном, ростом с хорошую башню, однако Кухулину он и в младшие братья не годился. Меньше всего на свете хотел бы Финн встретиться с таким противником! Все окрестные великаны побаивались Кухулина. Когда он сердился и топал ногой, весь остров содрогался. А однажды он так хлопнул кулаком по шаровой молнии, что в лепешку ее превратил! И с тех пор всегда носил ее в кармане, чтобы показать любому, кто полезет с ним в драку.

Спорить не будем, с любым другим великаном Финн мог бы выступить на равных, но только не с Кухулином. В свое время он расхвастался, что пусть, мол, Кухулин только сунется, он ему покажет! И вот теперь — о горе ему и погибель! — Кухулин близко, и встречи с ним не избежать.

— Если я спрячусь от него, — сказал Финн, — я стану посмешищем у всех великанов. А драться с чудовищем, которое может одним ударом кулака превратить шаровую молнию в лепешку, — нет уж, увольте! Уж лучше как-нибудь его перехитрить. Но только вот как?

— А далеко он сейчас? — спрашивает у Финна жена.

— Около Данганона, — отвечает Финн.

— А когда он должен быть здесь? — спрашивает Унах.

— Завтра к двум часам дня, — отвечает Финн и со стоном добавляет: — Мой большой палец говорит мне, что от встречи с ним на этот раз мне не уйти.

— Ну, ну, дорогой! Не унывай и не вешай носа, — говорит Унах. — Посмотрим, может быть, мне удастся выручить тебя из беды.

— Выручай, голубушка! Ради всех святых выручай! А не то он меня или зажарит, как зайца, или осрамит перед всеми нашими великанами. О, бедный я и несчастный!

— Стыдись, Финн! — говорит Унах. — Хватит ныть да причитать. Видали мы таких великанов! Молнию в лепешку, ты говоришь? Ну что

ж, мы его тоже лепешкой угостим, от которой все зубы у него заболят! Не зови меня больше своей верной Унах, если я не обедаю вокруг пальца это грозное чудовище.

С этими словами Унах вышла из дому и вскоре вернулась с грудой большущих плоских сковородок — на таких железных сковородках обычно пекут ячменные лепешки или плоские хлебы.

Унах замесила побольше теста, чтобы хватило на все сковородки. Однако очень странные лепешки она испекла. Во все лепешки, кроме одной, самой большой, величиной, наверное, с колесо от телеги, она сунула в середину по железной сковороде и так запекла их. А когда лепешки остыли, спрятала их в буфет. Затем приготовила большой сливочный сыр, сварила целую свиную ногу, поставила ее студить и бросила в кипящую воду один за другим с дюжину вилок капусты.

Уже настал вечер — вечер накануне того дня, когда должен был прийти Кухулин. И вот последнее, что сделала Унах, — она разожгла яркий костер на одном из соседних холмов, что стоял ближе к дороге, засунула по два пальца в рот и три раза громко свистнула.

Это означало, что для странников дом Финна гостеприимно открыт — такой обычай был у ирландцев еще с незапамятных времен. И Унах хотела, чтобы Кухулин услышал ее.

На другой день с самого утра Финн стоял уже на страже, и когда он увидел в долине своего врага Кухулина, высоченного, как церковная колокольня, он бросился бегом домой и влетел в комнату, где сидела Унах, блее сливочного сыра, который она приготовила для высокого гостя.

— Он идет! — дрожащим голосом сообщил Финн.

— Ах, право, Финн, ну что ты так разволновался, — с улыбкой сказала Унах. — Пойдем-ка со мной! Видишь эту колыбель? Наши дети давно уже выросли из нее. Вот тебе моя ночная рубашка и чепец — они вполне сойдут за детские. Надевай их и ложись в колыбель, подожми ноги, и как-нибудь ты уж уместись в ней, а я накрою тебя одеялом. Только смотри лежи и помалкивай, что бы ни случилось. Сегодня ты должен разыгрывать роль грудного младенца.

Финн послушно все выполнил, но когда в дверь его дома раздался громкий стук, он так и задрожал, лежа в своей колыбели.

— Заходи и будь желанным гостем! — крикнула Унах, открывая дверь чудовищу ростом вдвое больше, чем ее Финн.

Как вы уже, наверное, догадались, это был великан Кухулин.

— Мир дому сему, — сказал он громовым голосом. — Это здесь проживает знаменитый Финн?

— Ты угадал! — сказала Унах. — Входи, располагайся как дома, добрый человек.

— А вы, часом, не госпожа Финн будете? — спрашивает Кухулин, входя в дом и усаживаясь на широкий стул.

— Ты опять угадал. Я жена славного и могучего великана Финна.

— Знаем, знаем, о нем давно идет слава знаменитого великана Ирландии. Что ж, а перед тобой сейчас тот, кто пришел сразиться с ним в честном бою!

— Ах ты господи! — всплеснула руками Унах. — Вот досада, а он сегодня еще на рассвете покинул дом. До него дошла весть, что огромное чудовище, по имени Кухулин, ждет его у моря на северном берегу, ну, знаешь, там, где ирландские великаны строят плотину, чтобы посуху добираться до Шотландии. Клянусь небом, не хотела бы я, чтобы этот бедный Кухулин встретился сегодня с моим Финном. Он сегодня в такой ярости, что сотрет его в порошок!

— Да будет тебе известно, что Кухулин — это я. И я пришел к Финну, чтобы сразиться с ним, — сказал Кухулин, хмурясь. — Вот уже двенадцать месяцев, как я гоняюсь за ним, и не он меня, а я его сотру в порошок!

— О господи! Наверное, ты никогда не видал моего Финна? — сказала Унах, покачав головой.

— Как же я мог видеть Финна, — сказал Кухулин, — если он всякий раз удирает у меня из-под носа, точно бекас на болоте?

— Это кто же — Финн удирает у тебя из-под носа, несчастная ты малявка! — говорит Унах. — Да клянусь честью, то будет самый черный день в твоей жизни, когда ты повстречаешься с Финном! Остается только надеяться, что буйное настроение его к тому времени немного утихнет, а не то придется тебе распрощаться с жизнью. Можешь сейчас отдохнуть здесь, но когда ты уйдешь, клянусь всеми святыми, я буду молиться за тебя, чтобы никогда тебе не встретиться с моим Финном!

Тут Кухулина начало разбирать сомнение: не зря ли он пришел в этот дом? Они помолчали немного, потом Унах заметила:

— Ну и ветер сегодня! Дверь так и хлопает, и очаг дымит. Вот жалко, Финна нет дома, он бы помог мне, как всегда в такую погоду. Но раз уж его нет, может быть, ты мне окажешь эту маленькую услугу?

— Какую услугу? — спросил Кухулин.

— Да всего-навсего повернуть дом лицом в другую сторону. Финн всегда так делает, когда дует сильный ветер.

Тут Кухулина одолели еще большие сомнения. Однако он поднялся и вышел следом за Унах из дома. Но сначала он трижды потянул себя за средний палец правой руки — в этом пальце таилась вся его сила! — а потом, обхватив дом руками, повернул его, точно как просила Унах.

Финн, лежа в колыбели, чуть не умер от страха, потому что на самом деле ни разу за все годы, что он был женат на Унах, она не просила его ни о чем подобном.

Унах улыбнулась Кухулину и небрежно поблагодарила его, точно повернуть дом было все равно что закрыть дверь.

— Раз уж ты настолько любезен, — сказала она, — может, ты еще одну услугу мне окажешь?

— Какую же? — спрашивает Кухулин.

— Да ничего особенного, — говорит она. — Из-за сильной засухи мне приходится очень далеко ходить за водой, к самому подножию горы. Вчера вечером Финн обещал мне, что раздвинет горы и перенесет источник сюда поближе. Но он в такой спешке покинул дом, бросившись тебе навстречу, что совершенно забыл об этом. Если бы ты хоть чуточку раздвинул скалы, я бы мигом достала воды и приготовила тебе обед.

Кухулину не очень-то по вкусу пришлось такая просьба. Он поглядел на горы, трижды потянул себя за средний палец правой руки, потом опять посмотрел на горы и опять трижды потянул себя за средний палец правой руки. Но этого оказалось мало.

Взглянув в третий раз на горы, он в третий раз трижды потянул себя за средний палец правой руки — итого девять раз! — и только тогда ему удалось проделать в горе большую трещину, в милю длиной и в сорок футов глубиной.

Эта трещина сохранилась и по сей день — она называется Ламфордское ущелье.

— Большое тебе спасибо, — сказала Унах. — А теперь пойдем в дом, и я мигом приготовлю обед. Финн никогда не простит мне, если я отпущу тебя без обеда. Хотя вы с ним и враги, но нашей скромной трапезой ты не должен пренебрегать.

И Унах выложила на стол холодную свиную ногу, свежего масла, сняла с огня готовую вареную капусту и наконец достала из буфета большие круглые лепешки, которые испекла накануне.

— Милости прошу, не стесняйся, — сказала она Кухулину.

Кухулин начал со свиной ноги, потом взял вареную капусту и наконец большую круглую лепешку. Разинув пошире рот, чтобы отхватить кусок побольше, он свел челюсти и тут же взревел не своим голосом:

— Сто чертей и одна ведьма!

— Что такое? — спросила Унах.

— Такое, что двух лучших зубов моих как не бывало! Что за хлеб ты мне подсунула?

— О, — сказала Унах, делая вид, что она очень удивлена, — обыкновенный хлеб! Не только Финн, но даже его дитя в колыбели ест такой хлеб!

С этими словами Унах взяла со стола самую большую лепешку, в которой, как вы помните, не было железной сковороды, подошла к колыбели и протянула лепешку Финну.

Кухулин внимательно следил за ней и увидел, как дитя в колыбели откусило от лепешки огромный кусок и принялось жевать его.

— Попробуй теперь другую лепешку, дорогой Кухулин, — предложила Унах, покачав сочувственно головой. — Может, она будет мягче.

Но и в другой лепешке тоже была запечена сковорода. Кухулин взревел еще громче прежнего. Так громко, что Финн в колыбели задрожал от страха и даже застонал.

— Ну вот, ты испугал ребенка! — сказала Унах. — Если тебе не по зубам этот хлеб, сказал бы тихонько, зачем же так кричать?

Но Кухулину было не до ответов. Он подумал о странных порядках в этом доме, который надо поворачивать то в одну, то в другую сторону; о горах, которые надо раздвигать, и об этом странном ребенке, который из колыбели еще не вышел, а уже как ни в чем не бывало жует железный хлеб!.. И сам задрожал от страха. Похоже, ему и впрямь повезло, что он не застал Финна дома. Выходит, значит, все, что говорила ему Унах, была правда!

И Кухулин, не попрощавшись и не сказав даже спасибо за обед, спустился вниз с крутого холма, на котором стоял дом Финна, и бежал без оглядки, пока и зеленые горы, и Ламфордское ущелье не остались далеко позади.

А Финн вылез из колыбели, и они с Унах прекрасно поужинали всем, что осталось от обеда, который мудрая Унах приготовила для Кухулина.

Мудрость Кормака

Когда в эпоху, давно минувшую, газеты потчевали нас шутивными историями о королях, благополучно отцарствовавших когда-то, я каждый раз мысленно возвращался к королю Кормаку¹ и к правдивым старинным летописям, которые сообщали мне и о нем, и о том раннем времени.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — каковы были твои обычаи в юности?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. —

Я слушал лес,
я глядел на звезды,
я избегал тайн,
я молчал в толпе,
я говорил с людьми,
я был кроток на пирах,
я был горяч в бою,
я был нежен в дружбе,
я был великодушен со слабыми,
я был тверд с сильными.

.....

¹ Кормак Мак Арт — внук Конала (Конна Ста Битв), первого из великих королей-объединителей Ирландии, и отец барда Койрбре, возможно, реально существовавший король Ирландии III века.

Я не был высокомерен, хотя был силен;
я не обещал ничего, хотя был богат;
я не хвастал ничем, хотя был искусен во многом;
я не говорил плохо о том, кто отсутствовал;
я не поносил, а восхвалял;
я не просил, но давал,
ибо только эти обычаи делают юношу мужем и истинным воином.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а каким обычаям следовать мне?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак, — если следовать учению:

Не смейся над старым, если ты молодой;
и над бедным, если ты богатый;
и над хромым, если ты проворный;
и над слепым, если ты зрячий;
и над больным, если ты здоровый;
и над тупым, если ты способный;
и над глупым, если ты мудрый.

.....

Не будь слишком умен и не будь слишком глуп;
не будь слишком самонадеян и не будь слишком застенчив;
не будь слишком горд и не будь слишком скромн;
не будь слишком разговорчив и не будь слишком молчалив;
не будь слишком суров и не будь слишком добр.
Если ты будешь слишком умен, от тебя будут ждать слишком многого;
если ты будешь слишком самонадеян, тебя будут избегать;
если ты будешь слишком скромн, тебя не будут уважать;
если ты будешь слишком болтлив, на тебя не будут обращать внимания;
если ты будешь слишком молчалив, с тобой не будут считаться;
если ты будешь слишком суров, от тебя отшатнутся;
если ты будешь слишком добр, тебя растопчут.

— О Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а какие обычаи хороши для короля?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. — Для него лучше всего: твердость без гнева, настойчивость без спора, вежливость без

надменности; пусть он охраняет древние науки, вершит правосудие, вещает истину, почитает поэтов, поклоняется всевышнему Богу. Ему следует спрашивать совета у мудрого, следовать учениям древности, блюсти законы, быть честным с друзьями, быть мужественным с врагами, изучать искусства, постигать языки, слушать старейших, оставаться глухим к клевете. Пусть он будет нежен, пусть он будет суров, пусть он будет страстен, пусть он будет милостив, пусть он будет справедлив, пусть он будет терпим, пусть он будет упорен, пусть ненавидит ложь, пусть любит правду, пусть не помнит зла, пусть не забывает добро, пусть за столом его будет людей много, а на тайном совете мало, пусть союзы его будут тверды, пусть налоги его будут легки, пусть суждения его и решения будут быстры и ясны. Ибо именно по этим качествам и узнаются истинные короли.

В старину говорили:

Неловко начать ухаживать за вдовой еще до того, как она вернулась домой с похорон мужа.

Английские сказки

Источник-на-краю-света

В доброе старое время — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время и не твое время, да и ничье то время, — жила на свете девушка. Звали ее Розмари. Девушка она была добрая, хотя не очень умная, и веселая, хотя и не очень хорошенькая. Но все бы ничего, да попалась ей злая-презлая мачеха.

И вот, вместо того чтобы наряжаться в новые платья, есть сладкие пышки да болтать с подружками, как делают все девушки, Розмари приходилось с утра до ночи хлопотать по хозяйству. То мачеха заставляла ее мыть каменный пол, и Розмари ползала на коленках и терла его щеткой. То велела ей стирать, и Розмари засучивала рукава повыше и стояла весь день у корыта.

Но чем лучше Розмари работала, тем хуже обращалась с ней мачеха и только пуще ее ненавидела. Если девушка вставала рано, мачеха ворчала, что ей не дают спокойно поспать. Когда Розмари готовила обед, мачеха говорила, что его есть нельзя.

Бедняжка Розмари! Весь день она трудилась, и все было плохо.

А в один прекрасный день мачеха надумала и вовсе от нее избавиться. Подозвала она Розмари к себе и говорит:

— Возьми решето и ступай к Источнику-на-краю-света. Набери в решето воды, да смотри принеси его сюда полнехоньким, не то тебе плохо придется!

Мачеха думала, что девушке ни за что не найти Источник-на-краю-света. А если и найдет, то разве донесет она воду в решете?

Так-то вот. И девушка отправилась в путь и каждого встречного спрашивала, где найти Источник-на-краю-света. Но никто не знал, и она думала да гадала, как же ей быть.

Наконец она увидела какую-то чудную, сгорбленную старушку с сучковатой палкой в руках. Согнувшись в три погибели, старушка что-то искала палкой в дорожной пыли.

— Что вы потеряли? — спросила ее Розмари.

— Два пенса!

— Дайте я помогу вам! — сказала Розмари и тоже принялась искать монетки.

Глаза у нее были молодые и зоркие, и она тут же нашла две монетки, по одному пенни каждая.

— Очень тебе благодарна, — сказала старушка. — Сама бы я никогда не нашла! А куда ты путь держишь? И зачем тебе это решето?

— Я ищу Источник-на-краю-света, — ответила Розмари. — Да, наверное, такого и нет вовсе. Мачеха велела мне принести решето воды из Источника-на-краю-света, а не принесу — мне плохо придется.

— Я знаю этот Источник, — молвила старушка, — и покажу тебе туда дорогу.

И старушка рассказала девушке, как найти Источник-на-краю-света, а та поблагодарила ее и побежала скорей дальше.

Вот пришла она к Источнику-на-краю-света, опустилась возле него на одно колено и зачерпнула решетом студеной воды. Но только подняла решето, а вода вся убежала. Пробовала набирать еще и еще, но каждый раз случалось то же самое, так что под конец бедняжка села на пенек и залилась горячими слезами.

Вдруг из-под папоротника выпрыгнула большая зеленая лягушка, села против Розмари, уставилась на нее большими выпученными глазами и спросила:

— Что случилось, милая?

— Ах я бедная, бедная! — ответила Розмари. — Моя мачеха велела мне принести решето воды из Источника-на-краю-света, а я не могу!

— Что ж, — сказала лягушка, — обещай исполнять все мои приказания целую ночь с вечера до утра, и я научу тебя, как набрать воды в решето.

Розмари с радостью согласилась, а лягушка сказала:

Глиной обмажь его, выложи мхом

И отнесешь в нем воды в свой дом.

А потом — прыг-скок и плюхнулась прямо в Источник-на-краю-света.

Розмари нашла мох, выстлала им дно решета, сверху обмазала глиной, а потом зачерпнула решетом воды из Источника-на-краю-света. И на этот раз вода не убежала. Розмари собралась было уходить домой, но тут лягушка высунула голову из Источника-на-краю-света и сказала:

— Так помни, что обещала!

— Помню, — ответила Розмари.

А про себя подумала: «Что плохого может мне сделать какая-то лягушка!»

И вот вернулась она домой с решетом, полным воды из Источника-на-краю-света. Как увидела ее мачеха, так чуть не лопнула от злости, однако ни слова не сказала.

В тот же вечер Розмари услышала тихий стук в дверь — тук-тук-тук — и чей-то голос:

Открой мне дверь, не боясь беды,

Исполни, мой друг, обещание.

Ты помнишь, о чем у холодной воды

На зеленом лугу говорили мы?

— Что это значит? — вскричала мачеха.

И Розмари пришлось рассказать мачехе обо всем, а также и о своем обещании, которое она дала лягушке.

— Девушка должна выполнять свои обещания! — сказала мачеха. — Ступай сейчас же, открой дверь!

Она была рада-радешенька, что падчерице придется повиноваться какой-то мерзкой лягушке.

Розмари встала, открыла дверь и видит — на пороге сидит лягушка из Источника-на-краю-света. Прыг-прыг, скок-скок — лягушка подскочила к ней и сказала:

На колени теперь, не боясь беды,

Возьми меня, дорогая.

Ты помнишь, о чем у холодной воды

На зеленом лугу говорили мы?

Розмари не хотелось сажать к себе на колени лягушку, но мачеха приказала:

— Сейчас же возьми ее, дерзкая девчонка! Девушка должна выполнять свои обещания!

Ну, пришлось Розмари посадить лягушку к себе на колени. А та посидела-посидела и говорит:

Подай мне обед, не боясь беды,
Исполни, мой друг, обещание.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Что ж, эту просьбу Розмари выполнила охотно — принесла хлеба, кувшин молока и накормила лягушку. А лягушка наелась и сказала:

Спать уложи, не боясь беды,
Меня в постель, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

— Ни за что! — воскликнула Розмари. — Ты такая холодная и скользкая, мне противно даже брать тебя в руки!

Но тут мачеха опять вмешалась:

— Выполняй, что обещала, милочка! Девушка должна держать свое слово! Делай, о чем тебя просят, или убирайся отсюда вместе со своей лягушонкой!

Розмари взяла лягушку в постель, но положила ее как можно дальше от себя. А когда занялся день, лягушка вот что сказала ей:

Бери топор, не боясь беды,
И голову мне руби, дорогая.
Ты помнишь, о чем у холодной воды
На зеленом лугу говорили мы?

Розмари сначала не хотела исполнять эту просьбу — ведь она помнила, как лягушка помогла ей у Источника-на-краю-света. Но лягушка повторила просьбу, и тогда Розмари взяла топор и отсекала лягушке голову.

И вдруг — о чудо! — пред нею предстал прекрасный юноша. Он поведал Розмари о том, как злой волшебник заколдовал его, и добавил:

— Расколдовать меня могла только та девушка, что согласилась бы исполнять все мои приказания целую ночь, с вечера до утра, а утром отрубил бы мне голову.

Ну и удивилась мачеха, когда вместо мерзкой лягушки увидела красивого юношу! И уж поверьте мне, не по душе ей пришлось, когда юноша сказал, что хочет жениться на ее падчерице — за то, что она освободила его от злых чар. Но они все равно обвенчались и уехали от мачехи навсегда.

Дочка пекаря

Вы знаете, почему сова так сердито кричит по ночам: «Уух, уух!»? Если нет, мы вам расскажем.

В былое время — то было не мое время, и не ваше время, да и ничье то время — в Англии водилось много всякой нечисти. Всякие там эльфы, паки, великаны, говорящие жабы и прочее. И конечно, феи, которые были всесильны и всемогущи. Они часто принимали образ людей и вызвали все людские секреты. Но больше всего феи любили наказывать людей за дурные поступки и награждать за добрые.

Как-то вечером одна такая могущественная фея пришла в деревню, что в графстве Харфордшир, под видом простой нищенки и постучалась в дом пекаря. Дверь оказалась незаперта, и фея вошла в лавку. Там было довольно темно, пахло свежеевыпеченным хлебом, а в глубине полыхала жаром огромная печь. Перед печью хлопотала хорошенькая, опрятная девушка — дочка пекаря. Рядом с ней на большом низком столе грудой лежали свежие, хрустящие хлеба.

Фея залюбовалась на девушку, глядя, как она ловко вынимает из пылающей печи готовую партию хрустящих хлебов и отправляет в огонь новую. По готовым хлебам девушка постучала костяшками пальцев, чтобы проверить, хорошо ли они пропеклись, и тогда уже выложила их на низкий стол.

— Подайте кусок хлеба бедной женщине! — попросила дрожащим голосом фея, переодетая старой нищенкой.

Дочка пекаря продолжала заниматься своими хлебами, едва удостоив старушку взглядом. Немного погодя, не сказав старушке доброго слова, девушка оторвала кусок сырого теста и бросила ей.

— Но у меня в хижине нет огня, чтобы испечь его, — сказала старушка, подняв с пола этот кусок теста. — Разреши мне положить его вместе с твоими хлебами в печь.

Дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы отвечать какой-то там нищей старушонке. Однако, когда пришла пора отправлять в печь новую партию хлебов, она разрешила старушке положить на деревянную лопату и ее кусочек теста.

Когда же хлебы подрумянились и девушка вытащила их из печи, оказалось, что из маленького кусочка получился самый большой и самый румяный хлеб. Нищенка протянула к нему руку, но девушка оттолкнула ее.

— Уходи, грязная попрошайка! — крикнула она. — Это не твой хлеб!

И сколько старушка ни просила, девушка ни за что не хотела отдать хлеб, а вместо этого бросила фее кусочек сырого теста, даже меньше первого. Но когда старушка сунула его в печь, он тоже превратился в большой и румяный хлеб, еще больше и румяней первого.

Да только девушка опять не позволила старушке взять этот хлеб и опять хотела прогнать ее, но старушка попросила дать ей последний, третий кусочек теста, чтобы попытать счастья. И девушка бросила ей совсем крохотный комочек, даже не взглянув на старушку. А напрасно...

Как мы уже говорили, дочь пекаря была слишком большая гордячка, чтобы глядеть на какую-то там старушонку. А если бы она поглядела, когда в третий раз вынула из печи большущий румяный хлеб, что получился из крохотного комочка теста, который она бросила нищей старушонке в третий раз, она бы не оттолкнула ее и не крикнула, заикаясь от злости: «Уух... уух... уходи!», а заметила бы необычайную перемену, какая вдруг произошла в старой нищенке.

Из сгорбленной старушки она превратилась в высокую молодую женщину, вместо рваного тряпья с ее плеч спускалась блестящая мантия, а кривая клюка превратилась в сверкающую волшебную палочку.

Но девушка вовремя не поглядела на нее, а вынув из печи большой, румяный хлеб, грубо оттолкнула фею и крикнула, заикаясь от злости:

— Уух... уух...

Но не успела закончить, как превратилась вдруг в серую сову и с громким «уух, уух!» вылетела в окно.

Вот, теперь вы знаете, отчего совы так сердито кричат: «Уух! Уух!».

Волшебный рог

В давние времена жил в Англии один рыцарь. На щите у него был изображен страшный крылатый дракон, но, как вы сейчас сами увидите, это ему не помогло. Однажды этот рыцарь охотился вдали от Глостера и заехал в дремучий лес, где водилось много кабанов, оленей и других диких зверей. В лесу посреди поляны стоял невысокий холм. На нем всегда отдыхали усталые рыцари и охотники, когда их мучила жара и жажда.

Но место это было не простое, а волшебное. И уж так повелось, что путник мог подняться на этот холм только в одиночку. Свою свиту он должен был оставлять внизу.

Когда рыцарь с крылатым драконом на щите ехал по лесу, ему повстречался дровосек. И дровосек посоветовал рыцарю:

— Поднимись на холм и скажи, будто перед тобой стоит кто: «Хочу пить!» И тотчас пред тобой предстанет виночерпий со светлым челом, в богатой темно-красной одежде. Он протянет тебе большой рог, украшенный золотом и самоцветами — так в древности украшали рога наши предки. Рог будет до краев полон неведомым душистым напитком. Стоит лишь отведать его, как жажда и усталость покинут тебя, и ты снова сможешь отправиться в путь. А когда ты осушишь рог, виночерпий протянет тебе полотенце, чтобытереть рот, и, не дожидаясь ни вопросов, ни благодарности, исчезнет.

Рыцарь с крылатым драконом на щите только посмеялся рассказу дровосека.

«Найдется разве такой глупец, — подумал он, — что, завладев однажды столь прекрасным рогом, сам, по своей воле расстанется с ним!»

Но когда в тот же день он, усталый, возвращался с охоты домой и его мучили жара и жажда, он вспомнил про чудесный холм и волшебный рог. Он отослал своих спутников и один отправился на то место. Он сделал все, как научил его дровосек: поднялся на холм и громко сказал:

— Хочу пить!

И тотчас пред ним появился, как и предсказывал дровосек, виночерпий в темно-красной одежде. В руке он держал большой рог, усыпанный драгоценными камнями.

Так и разыграла в рыцаре алчность, как увидел он этот рог. Он схватил его и пригубил нежнейший напиток — тот будто зажег ему кровь. Но, не сделав и глотка, рыцарь решил: вот только осушит рог и похитит его.

Он выпил весь напиток до капли и вместо того, чтобы вернуть рог виночерпию — так подобало бы поступить благородному рыцарю, — спустился с холма и бросился бежать.

Теперь слушайте, какая судьба постигла этого рыцаря, что носил на своем щите крылатого дракона, но потерял рыцарскую честь и украл чудесный рог!

В те времена у волшебного холма имел обычай останавливаться граф Глостерский, — чтобы утолить жажду из волшебного рога и отдохнуть. И вот он узнал, что бесчестный рыцарь нарушил этот добрый обычай. Граф напал на нечестивца в его же замке и в честном бою убил его. А потом забрал чудесный рог. Но увы! Граф не вернул рог волшебному виночерпию, а отдал его своему государю и повелителю королю Генриху Старшему.

И с тех пор вы можете хоть весь день простоять на волшебном холме и повторять: «Хочу пить!» — вам уж не придется отведать из волшебного рога.

Ночная погоня

Жила-была на свете женщина. Как-то раз, ложась спать, она подумала: «Завтра я должна встать ни свет ни заря, чтобы вовремя поспеть на базар».

Она собиралась продать на базаре яички и масло.

Спать она легла рано и проснулась, когда еще было совсем темно. Часов у нее не было, узнавать время по луне и по звездам она не умела, а потому решила, что уже пора вставать, хотя еще и полночь не пробило.

И вот в эту странную темную пору вывела она из конюшни сонного коня, приладила ему на спину две плетеные корзины — с маслом и яичками, — накинула себе на плечи плащ, села верхом на коня и отправилась в путь. Путь ее в город лежал через Вересковую Пустошь — странное местечко, совсем не подходящее для ночных прогулок¹.

Не успела она далеко отъехать, как вдруг услышала громкий собачий лай и при свете звезд — к счастью, в ту ночь небо было ясное и звезд высыпало видимо-невидимо — увидела бегущего зайца.

¹ Вересковые пустоши — постоянное место встречи с нечистой силой в кельтской мифологии (ср. у Шекспира в «Макбете» ведьмы встречаются на вересковой пустоши). Далее в сюжете сказки находит своеобразное преломление предание, изложенное в XII веке Гиральдусом Камбрэнсисом: «С давних времен и по сей день ходит много слухов о том, что некоторые уэльские, а также шотландские и ирландские ведьмы принимают облик зайцев, чтобы сосать вымя у коров и красть молоко у людей». Поэтому существовал обычай 1 мая поджигать заросли вереска и дрока, чтобы изжарить спрятавшихся там ведьм, обернувшихся зайцами.

Заяц бросился прямо к ней и, чуть не добежав до нее, вскочил на живую изгородь, всем своим видом словно говоря: «Подойди, возьми меня и спрячь!»

Женщина эта вообще недолюбливала охоту, поэтому не стала себя долго упрашивать, сняла с изгороди дрожащего зайца, спрятала его в одну из своих корзин и как ни в чем не бывало поехала дальше.

Однако очень скоро она опять услышала собачий лай и тут же увидела чудного всадника на лошади — ох, вы только представьте себе! — на лошади без головы. Всадник был весь черный, и голова — слава богу, на месте! — тоже черная, а на макушке из-под жокейской шапочки торчали рожки. Хуже того, глянув вниз, она увидела, что в стремени он вдел вовсе не ноги, обутые во что-нибудь там, а раздвоенные копыта!

Черного всадника на лошади без головы со всех сторон обступили большие черные псы, сбежавшиеся, верно, на запах зайца. Псы были тоже совсем необычные. На голове у них были маленькие рожки, а когда они вертели хвостами, во все стороны так и сыпались искры, и, принявшись, женщина почувствовала запах серы. Страх, да и только!

Но она была женщина храбрая, и если уж решила спасти зайца и спрятать в свою корзину, то уж ни за что его не выдала бы. К тому же она знала, что хоть черт и умен, а все-таки не волшебник! Не мог он догадаться, куда девался заяц.

И вправду, черт поклонился ей и очень вежливо спросил, не видала ли она, в какую сторону побежал заяц. Она покачала головой: мол, не видела и не знает. И он затрубил в рог, пришпорил коня без головы и поскакал прочь с Вересковой Пустоши, а черные псы за ним, и скоро все скрылись из глаз, чему женщина была очень рада, как вы и сами можете догадаться.

Не успела она опомниться, как вдруг крышка корзинки, в которой, как она полагала, сидел полумертвый от страха заяц, откинулась, и из корзины поднялась прекрасная молодая леди, одетая во все белое.

— Я восхищена вашей храбростью, матушка, — сказала прекрасная леди. — Вы спасли меня от жестоких мучений. Когда я была обыкновенной женщиной, я совершила ужасный грех и была за это наказана. На земле и под землей меня преследовали злые духи, и был только один путь спастись от них — оказаться позади них, когда они преследуют меня.

Сколько лет мне не удавалось это сделать! Теперь вы мне помогли, и я за это награжу вас. Отныне все ваши наседки будут нести по два яйца сразу, ваши коровы будут давать молоко круглый год, а ваш муж ни разу не победит вас в споре!

И с этими словами добрая фея исчезла. Больше женщина ее никогда не видела, но все вышло точно, как обещала фея.

Три желания

Все это случилось давным-давно. Жил в дремучем лесу бедный дровосек. Каждый день он ходил в лес валить деревья. Вот как-то раз собрался он, как всегда, в лес. Жена наполнила его котомку едой и повесила ему через плечо полную бутылку, чтобы дровосек мог перекусить и выпить в лесу.

В этот день дровосек хотел свалить могучий старый дуб.

«Немало крепких досок получится из него», — думал он.

Вот подошел он к старому дубу, вытащил топор да так замахнулся, будто одним ударом надеялся повалить могучее дерево. Но не успел ударить, как вдруг послышался из самого дуба жалобный голосок, и перед ним появилась фея. Она попросила дровосека пощадить старый дуб. Ну и удивился дровосек, даже испугался! И рта не смог открыть, чтоб вымолвить хоть словечко.

Наконец очнулся и пробормотал:

— Ну что ж, я выполняю твою просьбу.

— И для тебя так-то лучше будет, — сказала фея. — Я вас с женой отблагодарю за это: пусть исполнятся ваши первые три желания!

Тут фея исчезла, а дровосек отправился домой, с котомкой за плечами и с бутылкой на боку.

Путь у него был дальний, и всю дорогу он не переставал удивляться тому, что с ним случилось. Когда он добрался наконец до дому, на уме у него было лишь одно: посидеть бы сейчас да отдохнуть. Может, это были опять проделки феи, кто знает? Так или иначе, уселся он у огня и только сел, как почувствовал страшный голод, хотя до ужина было еще далеко.

— Нет ли у тебя чего поесть, моя хозяйшюка? — обратился он к жене.

— Часа через два будет, — ответила жена.

— Эх, — вздохнул дровосек, — вот бы мне сейчас кольцо кровяной колбасы, да потолще!

И не успел он это вымолвить, как вдруг — шлеп! — в камин упало целое кольцо кровяной колбасы, да такой, что пальчики оближешь.

Подивился дровосек, а жена его втрое больше удивилась.

— Это что такое? — говорит.

Тут дровосек вспомнил, что с ним приключилось утром, и выложил всю историю жене — с начала и до конца. Но чем дальше он рассказывал, тем мрачнее становилась жена, а как дошел до конца, так и совсем взорвалась:

— Ах ты, дурак этакий! Набитый дурак! Чтоб твоя кровяная колбаса к носу твоему приросла!

И не успели они оба глазом моргнуть, как кровяная колбаса выскочила из камина и приросла к носу дровосека.

Он дернул за колбасу — не отрывается; жена дернула — не отрывается. Дергали-дергали, а колбаса все не отрывается — приросла крепко-накрепко.

— Что же теперь делать? — спрашивает дровосек.

И тут он смекнул, что у него ведь осталось еще одно желание — третье, и последнее! И он, не теряя ни секунды, пожелал, чтобы кровяная колбаса отскочила от его носа.

— Шлеп! — и колбаса уже лежала перед ним на столе.

И если дровосеку и его жене так и не довелось кататься в золотой карете да одеваться в шелк и бархат, — что ж, зато на ужин им досталась такая вкусная кровяная колбаса, что пальчики оближешь.

Черри из Зеннора

Черри Притти жила в Зенноре вместе с отцом и матерью, братьями и сестрами. Хижина у них была совсем маленькая, а клочок земли такой каменистый и неудобный, что, сколько они ни трудились на ней, родила она всего-навсего немного картошки и чуть-чуть зерна. Еще была у них коза, но бедняжка едва находила травы, чтобы утолить голод, и молока давала — кот наплакал.

Кормились они рыбой и моллюсками, которых собирали на прибрежных скалах. А хлеб ели только по большим праздникам.

Несмотря на такую бедность, все дети росли крепкими и здоровыми. Но лучше всех была Черри — ладная, работающая, быстроногая. Бывало, затеют бегать вперегонки, она всегда прибежит первая.

Исполнилось Черри шестнадцать лет, и стала она печалиться. Другие девушки ходят нарядные, рассказывают, как веселились на ярмарке в соседнем городке, а Черри еще ни разу на ярмарке не была; и хотя матушка все обещала ей сшить новое платье, денег на него всегда не хватало.

Вот и решила Черри покинуть родительский дом и наняться к кому-нибудь в услужение. Попрощалась с отцом и матерью, завязала в узелок свои немудрящие пожитки и, обещав найти место поближе к дому, отправилась куда глаза глядят.

Шла она, шла, дошла до развилки, села на придорожный камень и горько заплакала, так ей стало одиноко и грустно. Совсем было решила вернуться домой, вдруг — откуда ни возьмись — хорошо одетый джентльмен.

Очень удивилась Черри: она и не заметила, как этот джентльмен подошел к ней. Но еще больше удивилась, когда он обратился к ней по имени:

— Доброе утро, Черри! Куда путь держишь?

— Ищу место служанки, сэр.

— Вот как мы удачно встретились, Черри. Мне как раз нужна помощница в дом, девушка прилежная и аккуратная. Жена моя умерла, и остался маленький сынок. Если ты любишь детей и умеешь доить коров, место — твое.

Черри очень обрадовалась и согласилась пойти с добрым джентльменом. Она и не вспомнила, что обещала отцу с матушкой не уходить далеко от родных мест.

— Ну тогда идем, Черри, — сказал новый хозяин, и они пошли.

Дорога показалась Черри совсем незнакомой. По сторонам пестрели душистые цветы, плакучие деревья навевали прохладу, а в одном месте тропу пересекал прозрачный ручей. Хозяин обнял ее одной рукой и перенес на другой берег, так что Черри и ног не замочила. Постепенно тропа становилась все уже, темнее, и Черри поняла, что они куда-то спускаются. Сначала Черри испугалась, но хозяин взял ее за руку, и ей стало так хорошо, что она могла идти за ним хоть на край света.

Наконец они подошли к высокой ограде. Хозяин отпер калитку и ласково сказал:

— Входи, милая Черри. Вот тут мы и живем.

Черри вошла и остановилась в изумлении. Она и не знала, что бывают такие красивые сады. Кругом благоухали яркие цветы, на ветках зрели плоды и ягоды, над головой порхали диковинные птицы, оглашая воздух веселым пением. Навстречу им выбежал маленький мальчик.

— Папа! Папа! — кричит.

Мальчик был совсем маленький, а лицом как есть недобрый старик. Выскочила откуда-то уродливая старуха и увела его в дом.

Черри опять испугалась, а хозяин успокоил ее, сказал, что это его свекровь Пруденс: как только Черри совсем освоится, уедет старая карга, откуда приехала.

Вошли в дом, в комнатах было так красиво, что у Черри немного отлегло от души.

Сели за стол ужинать, отведала Черри всевозможных яств и совсем забыла про свой страх. После ужина отвела Пруденс девушку наверх в комнату внука, показала ее постель и не велела ночью глаз размыкать,

а то, не ровен час, поблазнит. Запретила со внуком разговаривать, а утром наказала встать пораньше, отвести мальчишку на родник, умыть его родниковой водой и еще глазки протереть зельем из хрустального пузырька, что стоит рядом на большом камне. Велела затем подоить корову и напоить мальчишку парным молоком. Вот и вся работа.

— Только смотри, — прибавила старуха, — не прикасайся этим зельем к своим глазам, худо тебе будет.

Слушала Черри старуху и дивилась: видно, неспроста все это — кроется тут какая-то тайна. Вот бы в нее проникнуть. Попыталась Черри выведать у мальчишки, а он нахмурился и обещал бабке пожаловаться.

Утром пошли на родник. Умыла девушка хозяйского сынка и глазки зельем протерла, как было велено. Потом подоила корову и отнесла молоко в дом.

Позавтракали, и Пруденс опять принялась за свои поучения: из кухни не выходить, в комнаты не заглядывать, запертые двери не отпирать, словом, не совать носа куда не следует.

На другой день Робин, так звали хозяина, послал за Черри — пусть идет в сад, поможет ему. Обрадовалась Черри — хоть ненадолго избавится от докучливой старухи. Окончили они работу, хозяин, довольный ее старанием, поцеловал девушку, и Черри всем сердцем полюбила его.

Спустя немного дней кликнула старуха Черри и повела ее по длинному темному коридору. Шли они, шли и уперлись в запертую дверь. Приказала старуха девушке снять башмаки, отперла дверь, отворила створки, и вошли они в большую залу, пол у которой был как будто стеклянный. Огляделась Черри, а зала полна каменных изваяний — дам и кавалеров.

Черри от страха слова не могла вымолвить. Старуха рассмеялась хрипло, дала девушке небольшую шкатулку и велела изо всех сил тереть. Стала Черри тереть, а старуха стоит рядом и велит тереть все сильнее. Устала Черри и уронила шкатулку на пол. Раздался такой страшный, неземной звон, что бедная девушка потеряла сознание.

Услышал хозяин шум, вбежал в залу. Увидел, в чем дело, сильно рассердился на старуху и велел ей немедленно убираться из его дома. Потом поднял Черри на руки, отнес на кухню, побрызгал на нее водой, и она сразу пришла в себя.

Убралась старуха куда-то, и хотя стала Черри полновластной хозяйкой в доме, счастья ей от этого не прибавилось. Робин был всегда добр

и приветлив, но запертые комнаты не давали ей покоя. Запрется он в зале с каменными людьми, и доносятся оттуда веселый смех и громкие голоса. В доме было столько таинственного — Черри просто сгорала от любопытства.

Каждое утро протирала она хозяйскому сыну глаза зельем из хрустального пузырька. Они начинали чудесно блестеть, и Черри казалось, что мальчишка видит в саду что-то ей незримое. Вот однажды не выдержала Черри и плеснула зельем себе в глаза. В тот же миг вспыхнуло все вокруг ослепительным светом, глаза точно огнем опалило. Испугалась Черри, нагнулась над родником зачерпнуть холодной родниковой воды и видит: бегают на дне крошечные человечки, а среди них такой же крошечный ее хозяин. Подняла Черри голову, огляделась кругом: что это? Весь сад кишит маленькими эльфами: одни высунулись из бутонов, другие качаются на ветках, третьи бегают взапуски по зеленым лужайкам.

Вечером Робин вернулся домой, высокий и статный, как обычно. Отужинав, он пошел в залу к каменным людям, и Черри могла поклясться, что слышит оттуда прекрасную музыку. Приблизилась она тихонько к запертой двери и глянула в замочную щелку. Робин стоял в окружении прекрасных дам. Одна была одета как королева. Хозяин подошел к ней и поцеловал. Бедняжка Черри чуть не умерла от огорчения. Бросилась к себе в комнату, упала на постель и залилась слезами.

На другой день Робин опять позвал ее в сад — в саду ведь всегда работы хоть отбавляй. Когда Черри подошла к хозяину, он улыбнулся и поцеловал ее. Не совладала с собой Черри.

— Целуй своих эльфов! — крикнула она.

Печально поглядел на нее Робин.

— Милая Черри, — сказал он, — зачем ты нарушила запрет? Зачем плеснула себе в глаза волшебное зелье? Завтра ты навсегда покинешь мой дом и вернешься к отцу с матерью.

Утром разбудил он ее до свету и велел собираться. Подарил ей платья и другие подарки и дал много денег.

Увязала Черри вещицы, а сердце у нее так и разрывается.

Вышли за калитку. Робин нес в одной руке ее узелок, в другой — фонарь. Обратный путь показался Черри таким долгим. Они шли по темным тропам через густой, темный лес и все вверх, вверх. Наконец тропа привела их на ровное место, и Черри узнала знакомую развилку.

Робин был так же печален, как и Черри; поцеловал ее на прощание; глаза у Черри застили слезы, и она не заметила, как он ушел. Исчез так же тихо и таинственно, как появился здесь год назад. Долго сидела Черри на придорожном камне и плакала. Потом встала и медленно, понуро побрела домой в Зеннор.

Мать с отцом давно уж оплакали ее, думая, что дочери нет в живых. Она рассказала им свою странную историю, и они сначала не поверили ей. Потом, конечно, поверили, но Черри с тех пор сильно изменилась. Соседи говорили, что она повредила в уме. Каждую лунную ночь выходила она к развилке и долго бродила там в ожидании Робина, но он так и не пришел за ней.

Волшебная мазь

Тетка Гуди была няней. Она ухаживала за больными и нянчила маленьких детей. Однажды ее разбудили в полночь. Она спустилась из спальни в прихожую и увидела странного косоглазого старичка. Он попросил тетку Гуди поехать к его жене — та была слишком слаба, как он объяснил, и не могла сама нянчить своего грудного ребенка.

Тетке Гуди не понравился странный посетитель, но дело есть дело. И вот она наскоро оделась и вышла с ним из дома. Он тут же усадил ее на черного как смоль скакуна с горящими глазами, и они понеслись куда-то с невиданной быстротой. Боясь упасть, тетка Гуди изо всех сил вцепилась в косоглазого старичка.

Они мчались и мчались, пока не остановились наконец у дверей небольшого домика. Тут они слезли с коня и вошли в дом. Хозяйка лежала в постели, а младенец — чудесный, здоровый малыш — рядом с ней. Вокруг играли дети.

Тетка Гуди взяла ребенка на руки, а мать протянула ей баночку с мазью и велела намазать ребенку глазки, как только он их откроет.

Через некоторое время ребенок приоткрыл глазки, и тетка Гуди заметила, что он тоже косит, как и отец. Она взяла баночку с мазью и намазала ребенку веки.

«Для чего бы это?» — ломала себе голову тетка Гуди. В жизни она не видывала, чтобы младенцам мазали веки. И вот она улучила минутку, когда никто на нее не смотрел, и легонько помазала свое правое веко.

Не успела она это сделать, как все будто изменилось вокруг. Убранство в комнате показалось роскошным. Женщина в постели пре-

вратилась в прекраснейшую леди, раздетую в белый шелк. Младенец выглядел еще милее, чем прежде, а пеленки его сделались прозрачными и сверкающими, словно серебряная кисея. Зато его братишки и сестренки, что играли у постели, превратились в бесенят с приплюснутыми носами, острыми ушками и длинными волосатыми лапками. Они строили друг другу рожи, царапались, таскали за уши больную мать — словом, чего только не вытворяли. И тут тетка Гуди поняла, что попала в дом к бесам.

Но она ни слова об этом не проронила. А как только женщина поправилась и могла сама нянчить ребенка, тетка Гуди попросила хозяина отвезти ее домой. Он подвел к дверям черного как смоль коня с горящими глазами, и они поскакали так же быстро, как в прошлый раз, а может, еще быстрее, пока не достигли дома тетки Гуди. Косоглазый старик снял ее с коня, весьма вежливо поблагодарил и расплатился с нею так, как ей никогда еще не платили за подобные услуги.

На другой день — это был базарный день — тетка Гуди отправилась за покупками. Ведь она надолго отлучалась из дома, и ей кой-что понадобилось для хозяйства. Вот стала она приценяться к товарам и вдруг увидела того самого косоглазого старичка, что возил ее на черном как смоль коне! А что, вы думаете, он делал на базаре? Он ходил от прилавка к прилавку и с каждого брал что-нибудь: с этого фрукты, с того яйца... И никто как будто не замечал этого.

Тетка Гуди полагала, что не ее дело вмешиваться. Однако она решила, что не следует упускать такого щедрого клиента, не перемолвившись с ним словечком-другим. Вот подходит она к нему, отвечает поклон и говорит:

— Добрый день, сэр! Надеюсь, ваша жена и малыш чувствуют себя так же хорошо, как...

Но не успела она закончить, как странный старичок отпрянул от нее с удивлением и воскликнул:

— Как, вы меня сейчас видите?!

— Вижу вас? — переспросила она. — Ну конечно! Так же ясно, как вижу солнце в небе. И даже более того, — прибавила она, — я вижу, что вы очень заняты... выгодными покупками.

— Вот как? Значит, вы слишком много видите, — сказал он. — А ну, скажите-ка, пожалуйста, каким глазом вы все это видите?

— Правым, конечно, — ответила она, довольная тем, что уличила его.

— Мазь! Мазь! — вскричал старый бес-ворюга. — Получай же за то, что суешься не в свои дела! Больше ты меня не увидишь!

Тут он ударил ее по правому глазу, и она тотчас перестала его видеть.

Но что хуже всего, с этого часа она окривела на правый глаз, да так и осталась кривой до самой своей смерти.

Джек и бобовый стебель

Жила когда-то на свете бедная вдова. У нее был один-единственный сын по имени Джек да корова по прозвищу Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре — этим и жили. Но вот вдруг Белянка перестала доиться, и они просто не знали, что и делать.

— Как же нам быть? Что же делать? — в отчаянье повторяла мать.

— Не унывай, мама! — сказал Джек. — Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ты ведь уже пробовал наниматься, но никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на эти деньги открыть лавку.

— Что ж, хорошо, мама, — согласился Джек. — Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

И Джек повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался со смешным-пресмешным старичком, и тот сказал ему:

— Доброе утро, Джек!

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а про себя удивился: откуда старичок знает, как его зовут.

— Ну, Джек, куда ты идешь? — спросил старичок.

— На базар, продавать корову.

— Так, так! Кому и торговать коровами, как не тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько у меня бобов?

— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек, видно, малый не промах.

— Верно! — сказал старичок. — Смотри, а вот и эти бобы! — и старичок показал Джеку какие-то диковинные бобы. — Раз уж ты такой смысленный, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — даю эти бобы за твою корову!

— Иди-ка своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то оно лучше будет!

— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.

— Да ну? Правда? — удивился Джек.

— Истинная правда! А если нет — забереешь свою корову обратно.

— Идет! — согласился Джек, отдал старичку Белянку, а бобы положил к себе в карман.

Повернул Джек обратно домой, и так как далеко от дома он отойти не успел, то еще не стемнело, а он уж был у своих дверей.

— Как, ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу, Белянки с тобой нет, значит, ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Никогда не угадаешь, мама! — отвечал Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну, уж двадцать-то не дадут!

— Я говорил — не угадаешь! А что скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что? — вскричала мать Джека. — Да неужто ты оказался таким простофилей, что отдал мою Белянку, самую удойную корову во всей округе, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы полетят за окно. Так-то! Теперь живо спать! И есть не проси, все равно не получишь — ни кусочка, ни глотка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатку, грустный-прегрустный: и мать рассердил, и сам без ужина остался. Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, комната показалась ему очень странной. Солнце освещало только один угол, а вокруг все оставалось темным-темно. Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Какое-то диковинное дерево! А это его бобы, что мать накануне выбросила из окна в сад, проросли и превратились в огромное бобовое дерево. Оно тянулось все вверх, вверх и вверх до самого неба. Выходит, старичок-то говорил правду!

Бобовый стебель вырос как раз за окном Джека и поднимался вверх, будто настоящая лестница. Вот Джеку и оставалось лишь отворить ок-

но да вспрыгнуть на дерево. Так он и сделал. Полез Джек по бобовому стеблю и все лез, лез и лез, лез, лез и лез, пока наконец не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге и все шел, шел и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, позавтракать!

Ведь накануне Джек остался без ужина, вы же знаете, и был теперь голоден как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж великан и людоед, и ничего на свете он так не любит, как мальчиков, зажаренных в сухарях.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. И не все ли равно: зажарят меня или я с голоду умру.

Что ж, жена людоеда была, в конце концов, совсем неплохая женщина. Вот отвела она Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин парного молока. Но не успел Джек покончить и с половиной всего этого, как вдруг — топ! топ! топ! — весь дом даже затрясся от чьих-то шагов.

— О господи! Да это мой старик! — ахнула великанша. — Что делать? Скорей, скорей, прыгай вот сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как в дом вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был на самом деле! На поясе у него болтались три теленка. Он отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это пахнет?

Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут.
Мертвый он или живой,
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек! — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это пахнет тем барашком, что так пришелся по вкусу тебе

вчера за обедом. Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, и Джек уже хотел было вылезти из печи и броситься наутек, но женщина не пустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — Он всегда любит вздремнуть после завтрака.

И вот великан позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся пересчитывать монеты. Считал-считал, наконец стал клевать носом и захрапел так, что весь дом опять затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо спящего людоеда, схватил один мешок с золотом и давай бог ноги! — прямо к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, к себе в сад, а сам начал спускаться по стеблю, все ниже и ниже, пока наконец не очутился дома.

Рассказал Джек обо всем матери, показал ей мешок с золотом и говорит:

— Ну что, мама, правду я сказал насчет этих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

— Не знаю, каковы эти бобы, — отвечала мать, — но что до людоеда, думаю, это тот самый, что убил твоего отца и разорил нас!

А надо вам сказать, что когда Джеку было всего три месяца, в их краях появился страшный великан-людоед. Он хватал кого попало, но особенно не щадил людей добрых и щедрых. А отец Джека, хотя и был сам небогат, всегда помогал беднякам и неудачникам.

— Ах, Джек, — закончила мать, — подумать только, что людоед и тебя мог съесть! Не смей никогда больше лазить по этому стеблю!

Джек пообещал, и они зажили с матерью в полном довольстве на те деньги, что были в мешке.

Но в конце концов мешок опустел, и Джек, забыв про свое обещание, решил еще разок попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока не очутился наконец на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, уж не тот ли ты юнец, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день муж мой не досчитался одного мешка с золотом.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Правда, кое-что я бы мог насчет этого рассказать, но мне так хочется есть, что пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу выговорить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека в дом и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать медленно-медленно. Но вдруг — топ! топ! топ! — услышали они шаги великана, и добрая женщина опять спрятала Джека в печь.

Все случилось, как и в прошлый раз. Людоед вошел и сказал: «Фи-фай-фо-фут...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, и он сказал курице: «Несись!» — и курица снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и в два счета оказался за дверью. Но тут курица закудаhtала и разбудила людоеда. И как раз когда Джек выбегал из дома, он услышал за собой голос великана:

— Жена, оставь в покое золотую курочку!

А жена в ответ:

— Да что это ты, голубчик!

Вот и все, что Джек успел расслышать. Он со всех ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул: «Несись!» — и курица снесла золотое яичко.

С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей: «Несись!» — курица несла по золотому яичку.

Мать пожурела Джека за то, что он ослушался ее и опять ходил к людоеду, но курочка все же пришла к ней по душе.

А Джек, неугомонный парень, через некоторое время решил опять попытать счастья на верхушке бобового стебля. Вот в одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель. Лез и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он поступил осторожней и не пошел прямо в дом к людоеду, а подкрался

потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша вышла с ведром за водой, и — шмыг в дом! Залез в медный котел и стал ждать. Недолго ждал, вдруг слышит знакомое «топ! топ! топ!», и вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фо-фут, дух британца чую тут! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, стало быть, это тот сорванец, что украл твое золото и курицу с золотыми яйцами. Наверное, он в печке сидит.

И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не там спрятался!

— Вечно ты со своим фи-фай-фо-фут! — проворчала жена людоеда и принялась готовить мужу завтрак.

Людоед уселся за стол, но успокоиться все не мог и то и дело бормотал:

— А все-таки могу поклясться, что...

Он вскакивал из-за стола, обшаривал кладовую, и сундуки, и буфеты...

Все уголки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался. Наконец кончил завтракать и крикнул:

— Эй, жена, принеси-ка мне золотую арфу!

Жена принесла арфу и поставила ее на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела и пела, пока людоед не заснул и не захрапел так, будто гром загремел.

Вот тут-то Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и дополз на четвереньках до самого стола. Вскрабкался на стол, схватил арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и тут же увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек помчался сломя голову, а великан за ним. Ему ничего не стоило поймать Джека, но Джек первым кинулся бежать, и потому ему удалось увильнуть от великана. Да к тому же он хорошо знал дорогу. Когда он достиг бобового дерева, людоед был от него всего в двадцати шагах. И вдруг Джек пропал. Людоед туда, сюда — нет Джека! Наконец догадался взглянуть на бобовый стебель и видит: Джек из последних своих силенок старается, ползет вниз. Боязно стало великану спускаться по шаткому стеблю, но тут арфа опять позвала:

— Хозяин! Хозяин!

И великан прямо-таки повис на бобовом стебле, а тот весь затрясся под его тяжестью.

Спускается Джек все ниже и ниже, а великан за ним. Но вот Джек уж над самым домом. Тут он как закричит:

— Мама! Мама! Неси топор! Неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю да так и застыла от ужаса: из облаков торчали огромные ножищи великана.

Но вот Джек спрыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель качается и трясется, и остановился поглядеть, что случилось. Тут Джек как ударит топором еще раз и совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею.

Джек отдал матери золотую арфу, и они стали жить не тужить. А про великана и не вспоминали.

Джек — Победитель Великанов

В царствование доброго короля Артура в графстве Корнуэлл, на мысе Лэндсэнд, жил крестьянин, и был у этого крестьянина единственный сын по имени Джек. Джек был ловкий парень с таким быстрым и живым умом, что никто и ни в чем не мог с ним потягаться.

В те дни на острове, именуемом Корнуэллская гора, обитал страшный великан — Корморен. Ростом он был с хороший дом или замок, в обхват толще самого толстого дерева, а лицом — страшилище да и только. Был он так свиреп и грозен, что все окрестные города и села дрожали перед ним. Жил Корморен в пещере, в самом сердце горы, а когда ему хотелось есть, он брел по воде на большую землю и хватал все, что попадалось под руку. Завидев его, люди покидали свои дома и разбегались кто куда. Великан ловил их скот — ему было нипочем утащить на спине полдюжины быков зараз, а овец и свиней он просто нанизывал себе на пояс, как связку сальных свечей. Многие годы он был грозой всего Корнуэлла.

Но вот в городской ратуше созвали совет, чтобы решить, как бороться с великаном. И туда зашел Джек. И Джек спросил:

— А какую награду получит тот, кто убьет Корморена?

— Все сокровища великана! — ответили Джеку.

— Тогда поручите это дело мне! — сказал он.

Раздобыл он себе рожок, кирку и заступ и, как только спустился темный зимний вечер, добрался до Корнуэллской горы и принялся за работу.

Не успело настать утро, а Джек уже вырыл яму, в которой мог поместиться целый дом с курятником. Потом покрыл ее длинными ветка-

ми и соломой, а сверху еще землей присыпал, чтобы казалось, будто это ровное место. Уселся Джек на край ямы, подальше от жилища великана, и, когда занялся день, приложил к губам свой рожок и заиграл веселый галоп. Великан проснулся и с криком выбежал из пещеры:

— Ах ты негодяй! Как ты посмел нарушить мой покой? Я этого не потерплю! Вот погоди, поймаю тебя да изжарю себе на завтрак!

Но не успел великан выкрикнуть эти угрозы, как бухнулся в яму, отчего Корнуэллская гора даже вздрогнула.

— Что, великан, попался? — крикнул ему Джек. — Ну а как же теперь насчет того, чтобы изжарить меня на завтрак? Может, лучше что другое съешь? Зачем тебе бедный Джек?

Поиздевавшись над великаном, Джек ударил его со всего размаху тяжелой киркой по макушке и убил наповал. Потом засыпал яму землей и отправился искать пещеру Корморена. Нашел пещеру, а в ней — груды сокровищ!

Городской магистрат узнал о подвиге Джека и объявил всем, что отныне Джека следует величать: Джек — Победитель Великанов. И пожаловал Джеку меч и пояс, на котором были золотом вышиты слова:

Сей корнуэллский отрок смел —

Он Корморена одолел.

Весть о победе Джека вскоре разнеслась по всей Западной Англии. Дошла она и до другого великана, Бландебора, и тот поклялся при первой же встрече отомстить Джеку. Бландебор владел заколдованным замком, что стоял посреди дремучего леса.

И вот месяца четыре спустя Джек отправился в Уэльс и проходил по опушке этого леса. Он очень устал и присел отдохнуть возле веселого ручейка, да и заснул крепко. А пока он спал, к ручью пришел за водой сам Бландебор, увидел Джека, прочитал надпись на его поясе и сразу узнал, что это Джек — Победитель Великанов. Недолго думая великан взвалил Джека на плечи и потащил в свой замок.

Дорогой пришлось ему пробираться через чащу, и шум ветвей разбудил Джека. С ужасом Джек понял, что попал в лапы великана. Но самое страшное было впереди!

Бландебор дошел до своего замка, отнес бедного Джека в огромную комнату и запер там, а сам пошел за другим великаном — своим братом, который жил в том же лесу, — чтобы вместе с ним полакомиться юношей.

Джек подождал-подождал, потом подошел к окну и увидел вдали двух великанов.

«Ну, — подумал Джек, — сейчас я либо умру, либо спасусь!»

Тут он заметил, что в углу комнаты лежат крепкие веревки. Вот Джек взял две веревки, завязал на конце каждой надежную петлю и, пока великаны отпирали железную дверь замка, накинул им петли на шею, а концы веревок перебросил через балку и что было силы потянул вниз. Великаны и задохнулись. Джек отпустил веревки, выхватил свой меч и пронзил обоих братьев. Потом взял ключи Бландебора и отпер все комнаты замка. В комнатах он нашел трех девушек.

— Прекрасные леди! — сказал им Джек. — Я умертвил чудовище и его жестокого брата. Вы свободны!

Тут Джек вручил девушкам все ключи и пошел своей дорогой в Уэльс.

Джек спешил и шагал очень быстро, но заблудился. Ночь застала его в дороге, а жилья поблизости не было. Наконец он забрел в какую-то ложбину и увидел большой дом. Собрался с духом и постучал в ворота. И тут, к его изумлению, из дома вышел громадный великан о двух головах. Однако он казался не таким свирепым, как другие великаны. Это был уэльский великан, и людям он причинял зло исподтишка, прикидываясь их другом. Джек попросился переночевать, и великан отвел его в спальню. А посреди ночи Джек услышал, как его хозяин бормочет в соседней комнате:

Хоть ты и лег на мою кровать,
С нее тебе уже не встать —
По ней дубинка пойдет плясать.

— Так вот что ты задумал! — прошептал Джек. — Узнаю твои уэльские шуточки! Но я тебя перехитрю!

Тут Джек вскочил с кровати, положил вместо себя бревно, а сам спрятался в углу. Глухой ночью уэльский великан вошел в комнату и принялся молотить тяжелой дубиной по кровати. Он был уверен, что перемолол Джеку все кости, но Джек наутро вышел из своего угла и, усмехаясь, поблагодарил хозяина за ночлег.

— Хорошо ли отдохнул? — спросил его великан. — Может, тебя что-нибудь беспокоило ночью?

— Да нет! — ответил Джек. — Вот только крыса какая-то раза два задела меня хвостом.

Подивился великан. Потом повел Джека завтракать и поставил перед ним пудовую миску мучного пудинга. Джеку не хотелось признаться, что ему столько не съесть. Вот он сунул себе под куртку большой кожаный мешок и, пока ел, незаметно перекладывал туда пудинг, а после завтрака сказал великану, что сейчас покажет ему чудо. Взял нож и распорол мешок — пудинг-то весь и вывалился.

— погоди, погоди! — вскричал великан. — Такое чудо и мы можем тебе показать!

Схватил нож, вспорол себе брюхо и тут же упал замертво.

А случилось это как раз в те дни, когда единственный сын короля Артура попросил у отца кучу денег: он хотел попытать счастья в княжестве Уэльском, где жила красавица, одержимая семью злыми духами. Король всячески отговаривал сына, но тщетно. Наконец пришлось ему уступить, и принц тронулся в путь с двумя конями — на одном сам ехал, а на другом мешок с деньгами вез.

Через несколько дней принц въехал в один уэльский город и увидел на площади большую толпу. Он спросил людей, зачем они собрались, и те ответили, что стерегут покойника — не дают его хоронить, потому что он при жизни задолжал им большие деньги. Подивился принц жестокосердию этих людей и сказал:

— Ступайте похороните его, а потом приходите ко мне — я выплачу все его долги сполна.

Тут принца осаждали столько людей, что к вечеру у него осталось всего два пенса.

А в это время через город проходил Джек — Победитель Великанов. Щедрость принца пришлась ему по душе, и Джек попросился к нему на службу. Принц согласился взять Джека, и наутро они тронулись в путь вместе. Когда они выезжали из города, принца окликнула какая-то старуха. Она сказала:

— Вот уже семь лет, как покойник взял у меня в долг два пенса. Прошу вас, заплатите мне, как платили другим!

Принц сунул руку в карман, вытащил последние свои деньги и отдал их женщине. У Джека еще оставалось несколько монет, но путники в тот же день истратили их на обед, и оба оказались без гроша.

Перед самым заходом солнца королевский сын сказал:

— Где же нам ночевать, Джек? Ведь денег-то у нас нет.

На это Джек ответил:

— Ночлег найдется, господин мой! В двух милях отсюда живет огромный, страшный великан о трех головах. Ему нипочем сразиться одному с пятьюстами воинами сразу и разогнать их, как мух!

— Ну, — сказал принц, — тогда нам у него делать нечего! Великан проглотит нас одним махом. Да что там! Ведь мы с тобой в дупле его гнилого зуба уместимся!

— Пустяки! — возразил Джек. — Я пойду вперед и подготовлю тебе встречу. Оставайся здесь и жди, пока я не вернусь!

И Джек во весь опор поскакал дальше. Подъехал к воротам замка и застучал так громко, что стук его отдался от всех окрестных холмов. А великан заревел в ответ, словно гром загремел:

— Кто там?

Джек ответил:

— Это я, твой племянник, разве не узнаешь?

Великан спросил:

— Какие вести принес, мой племянничек?

— Плохие, дорогой дядюшка! — ответил Джек.

— Но-но! — сказал великан. — Разве можно приносить мне плохие вести? Ведь я — трехголовый великан. Я, как ты знаешь, выхожу сражаться против пятисот воинов в доспехах, и они разлетаются от меня во все стороны, как солома по ветру.

— Да, но сюда идет королевский сын с целой тысячей вооруженных воинов! — сказал Джек. — Они хотят убить тебя и уничтожить все твое имущество!

— Вот как, племянник! — молвил великан. — Ну это и впрямь плохие вести! Я побегу спрячусь, а ты запри меня на замок, на засов и на задвижку да держи ключи при себе, пока принц не уберется отсюда.

Джек запер великана и поехал за принцем. В замке путники повеселились всласть, а великан лежал и трясся в подземелье.

Наутро Джек спозаранку запасся золотом и серебром для своего господина и посоветовал ему уехать на три мили вперед — ведь за три мили великан не мог учуять принца. Потом Джек вернулся и выпустил великана из подземелья.

— Чем тебя наградить за то, что ты спас мой замок от разграбления? — спросил великан.

— Да что там! — ответил Джек. — Ничего мне не надо. Вот разве отдай мне свою поношенную куртку, шапку да еще старый ржавый меч и ночные туфли, что валяются у тебя под кроватью.

— Ты не знаешь, чего просишь! — сказал великан. — Ведь это самые драгоценные мои сокровища. Стоит тебе надеть куртку, и ты сразу станешь невидимым. Шапка расскажет обо всем, что ты захочешь узнать. Меч изрубит на куски все, что ты им ударишь. А туфли в один миг унесут тебя, куда только пожелаешь. Но уж так и быть! Ты мне хорошо послужил. Дарю тебе от чистого сердца все, что ты просишь!

Джек поблагодарил великана, забрал подарки и ушел.

Он быстро нагнал своего господина, и они вместе вернулись ко двору короля Артура. Там Джек за все свои подвиги был посвящен в рыцари Круглого стола. Но спустя некоторое время он снова отправился на поиски великанов. Не успел он далеко отъехать, как увидел пещеру. У входа в нее на деревянном чурбане сидел великан с узловатой чугунной палицей на боку. Выгаращенные глаза великана горели огнем, уродливое лицо его было свирепо, щеки походили на свиные окорока, а борода топорщилась, словно железные прутья. Волосы падали на его могучие плечи, как извивающиеся змеи, как шипящие гадюки.

Джек соскочил с коня, накинул куртку-невидимку и пошел к великану, бормоча про себя:

— Ага, вот ты где! Ну, ты и глазом не моргнешь, как я схвачу тебя за бороду!

Великан не видел Джека — ведь тот был в куртке-невидимке. И вот Джек подкрался к чудовищу и вогнал ему свой меч в спину по самой рукоятку. Великан мертвым повалился на землю. Тут Джек отрубил ему голову и отослал ее вместе с головой другого великана — его брата — королю Артуру. А потом и сам туда прибыл.

По этому случаю в королевском замке устроили большой пир. Но вдруг в самый разгар веселья гонец принес весть, что двухголовый великан Тандерделл услышал о смерти своих родичей и прибыл из северных долин, чтобы отомстить Джеку; он сейчас уже всего в одной миле от замка, и все окрестные жители бегут от него кто куда. Но Джек ничуть не испугался.

— Попробуй он сюда сунуться, я ему все зубы пересчитаю! А вас, господа, прошу выйти в сад и посмотреть, как будет убит великан Тандерделл!

Замок стоял на островке, окруженном глубоким и широким рвом. Ров был залит водой, и переходили через него по разводному мосту.

И вот Джек позвал слуг, чтобы те обрубili мост с боков почти до самой середины.

Потом надел куртку-невидимку и выступил против великана с острым мечом в руках. Великан не видел Джека, но учуял его по запаху и закричал:

Фи-фай-фо-фут,
Дух британца чую тут!
Мертвый он или живой,
Попадет на завтрак мой!

— Ах вот как! — молвил Джек. — Ну и обжора ты!

А великан снова закричал:

— Так это ты, негодяй, погубил моих родичей? Вот я сейчас растерзаю тебя зубами, высосу из тебя кровь, а кости твои сотру в порошок!

— Сначала поймай-ка меня! — ответил Джек и сбросил свою куртку-невидимку, чтобы великан его увидел.

Потом надел туфли-скороходы и побежал прочь. А великан погнался за ним, и чудилось, будто это какой-то замок сдвинулся с места, и сама земля трясется под каждым его шагом.

Джек долго заставлял великана гоняться за собой — хотелось ему позабавить дам и кавалеров. Потом решил, что пора кончать игру, и легко взбежал на мост. Великан во весь дух мчался за ним с дубинкой в руках. Но не успел он добраться до середины, как мост провалился под тяжелым грузом, и великан рухнул вниз головой прямо в воду и стал ворочаться и барахтаться в ней, словно кит. А Джек стоял возле рва и потешался над ним. Но как ни злился великан, слыша насмешки Джека, как ни метался в воде, не удалось ему выбраться из рва, чтобы рассчитаться с врагом.

Наконец Джек схватил вожжи, накинул их великану на головы и с помощью упряжки лошадей вытащил его на берег, потом отрубил своим острым мечом обе головы и преподнес их королю Артуру.

Некоторое время Джек провел в празднествах и развлечениях, а потом опять покинул прекрасных дам и рыцарей и отправился на поиски приключений. Через много лесов пробирался Джек, пока наконец не подошел к подножию высокой горы. И там, уже поздней ночью, увидел одинокий дом. Он постучал в дверь, и ему открыл старик, с волосами белыми как снег.

— Отец, — сказал ему Джек, — пусти переночевать! Я заблудился, и ночь застала меня в дороге.

— Входи! — ответил старик. — Добро пожаловать в мою убогую хижину.

Джек вошел, они уселись рядом, и старик повел такую речь:

— Сын мой, я вижу по надписи на твоём поясе, что ты великий победитель великанов. Так слушай же, сын мой! На вершине этой горы стоит заколдованный замок. Им владеет великан Галлигантюа. С помощью одного старого колдуна великан заманивает к себе рыцарей и дам и волшебными чарами превращает их в разных тварей. Но особенно меня печалит судьба дочери герцога. Они схватили ее в отцовском саду и унесли по воздуху в горящей колеснице, запряженной огнедышащими драконами. В замке ее заперли и превратили в белую лань. Многие рыцари пытались рассеять волшебные чары и освободить девушку, да никому это не удалось — у ворот замка сидят два страшных грифона, они уничтожают каждого, кто к ним приблизится. Но ты, сын мой, пройдешь мимо них невидимо. А на воротах замка ты увидишь высеченную крупными буквами надпись. Она подскажет тебе, как рассеять колдовство.

Джек поблагодарил старика и обещал, что утром попытается освободить дочь герцога, хотя бы ему это стоило жизни.

Наутро Джек поднялся, надел куртку-невидимку, волшебную шапку, туфли-скороходы и приготовился к битве.

Едва он поднялся на вершину горы, как тотчас увидел огнедышащих грифонов. Но он без страха прошел мимо них — ведь он был в куртке-невидимке. На воротах замка на серебряной цепи висел золотой рог, а под ним были высечены слова:

Кто в золотой рог заиграет,
Тот замок разрушит, но страха не узнает.
Колдуна и великана он победит
И всех воскресит. А король его наградит.

Как только Джек прочел эти строки, он задул в рог, и огромный замок затрясся до самого основания, а великана и колдуна охватило великое смятение. Они принялись кусать локти и рвать на себе волосы, чуя, что скоро придет конец их злой власти!

Великан нагнулся за своей палицей, и тут Джек одним ударом снес ему голову, а колдун поднялся в воздух, и вихрь унес его прочь.

Злые чары рассеялись. Все, кто был превращен в птиц и зверей, снова стали людьми, а замок исчез в клубах дыма.

Джек, как всегда, отправил голову великана ко двору короля Артура, а на другой день и сам поехал туда вместе с рыцарями и дамами, которых он освободил.

В награду за верную службу король уговорил герцога отдать свою дочь за честного Джека.

Они обвенчались, и все королевство веселилось на их свадьбе. А потом король подарил Джеку великолепный замок с богатыми угодьями, и Джек прожил там с женой остаток дней своих в любви и согласии.

Малышка Том и великан Денбрас

Вот вам одна из самых старинных сказок, какие рассказывали в Корнуэлле. Их еще называли там дурацкими сказками. А любил ее рассказывать старый веселый жестянщик из Леланта.

В далекие времена, когда в Корнуэлле было еще полным-полно великанов, неподалеку от залива Маунтс-Бей жил в деревне славный паренек, которого звали Малышка Том.

Славный-то он был славный, а вот работать не очень-то любил. Работал когда вздумается, а постоянным делом не хотел заниматься.

Правда, Том был невелик ростом — мы имеем в виду для тех старинных времен, когда, как говорят, все мужчины в Корнуэлле были один другого выше, — так, примерно футов восьми. Зато плечи у него были широкие, спина крепкая, а руки и ноги словно из железа.

Его старушка мать часто говорила ему, чтобы он нашел настоящее дело и зарабатывал хотя бы себе на пропитание. Потому что, надо вам сказать, ел он всегда за двоих.

И вот однажды поутру, чтобы доставить удовольствие своей матушке, а может, потому что как раз в это время он ухаживал за одной красоткой из Кроласа, Малышка Том отправился в Маркет-Джу поискать там работы. Сами понимаете, не мог же он сделать предложение девушке, если сам ничего не зарабатывал. Первым делом Том зашел к одному человеку по имени Хонни (это сокращенное от Ганнибала), — тот был жестяных дел мастером, а кроме того, еще держал и трактир, чтобы любой мог зайти и выпить с ним по кружке доброго эля.

— Нужен вам сильный, молодой и покладистый работник? — спросил его Том.

— Очень сожалею, — ответил Хонни, — но постоянной работы у меня, пожалуй, сейчас не найдется. Но послушай! Мне надо отправить в Сент-Ивз воз с бочонками пива, и ты бы мог сослужить мне хорошую службу, а я тебе за это щедро заплачу. Ну как, по рукам?

Они тут же столкнулись. Том вывел четыре парные воловь упряжки, хозяин сам помог Тому погрузить на повозку бочонки с пивом, да в придачу положил еще один бочонок для Тома, чтобы он не скучал в дороге и угощал бы добрых попутчиков, какие ему встретятся.

И, крикнув волам: «Эй-о-о!», Том выехал со двора.

Ехал он, ехал и вдруг — стоп! Прямо посреди дороги выросла высоченная каменная стена с широкими, крепкими воротами на запоре. Ни пройдешь, ни проедешь!

— Ах негодные великаны! Не иначе, это их рук дело! — рассердился не на шутку Том. — Ну где это слыхано — строить стену на проезжей дороге! Должно быть, это тот великашка Денбрас! Великан из великанов, сила из силачей! Э-э, да я тоже парень не промах. Еще посмотрим, кто кого!

И Том изо всех силенок приналег на каменные ворота и одним ударом распахнул их.

— Эй-о, пошли! — крикнул Том волам. — Эй-о!

И воз с пивом скрипя покатился по каменным плитам двора прямо к замку великана.

А надо вам сказать, что великан Денбрас к тому времени уже начал стареть и стал глуховат. Никогда бы в жизни он не услышал скрипа повозки, если бы не его собачонка: она подняла такой лай, что и мертвый бы проснулся.

Денбрас сел на кровати, потянулся, протер глаза, а потом вышел во двор. Сначала ни Тома, ни его повозки он не увидел, потому что ему и в голову не пришло смотреть себе прямо под ноги. И пока он озирался по сторонам, Том успел хорошенько рассмотреть великана.

Старый Денбрас был не меньше пятнадцати футов росту и, конечно, широк в плечах, но толстоват. Виною тому — обжорство и безделье, вот к старости у него и появилось брюшко. Космы на голове великана торчали, словно пучки сухого вереска, а зубы его сточились почти до самых десен — все оттого, что он жрал овец прямо с шерстью и костями!

Однако Малышка Том ничуть его не испугался, хотя и повстречался с Денбрасом в первый раз.

— Хелло! — заревел-зарычал-заорал Денбрас, увидев наконец Тома. — Ты кто такой, жалкая малявка? Как посмел ты явиться сюда со своей скрипучей повозкой? А-а, никак это пиво? Ты привез его мне? Вот не ожидал!

— Можешь отведать глоток, — сказал Том, — но пиво это я везу не тебе, а в Сент-Ивз. А еду я через твой двор, потому что он стоит на проезжей дороге!

— Ах ты дерзкий щенок! — рассердился Денбрас. — Убирайся отсюда, пока цел, не то как наломаю прутьев да отхлестаю тебя!

— Ку-ка-реку! Не рано ли распелся, старый петух? — ответил ему Том.

Тут великан сделался темнее тучи от злобы и, не говоря больше ни слова, обхватил здоровенный вяз, вышиною в двадцать футов, и вырвал его прямо с корнями из земли.

Но пока он зачищал ствол от мелких веток и сучьев, чтобы получилась настоящая гладкая дубинка, Том сбросил с повозки все пивные бочки, снял одно колесо — и у него получился прекрасный щит; снял большую дубовую ось — и у него тоже получилась крепкая гладкая дубинка. Великан еще долго копался, зачищая свой «прутик», а Том уже ждал его наготове.

— А ну поторапливайся, — подгонял Том великана Денбраса. — Я жду тебя! Вот мой щит, а вот мой меч! — И он потрясал колесом и дубовой осью от телеги.

Наконец противники сошлись.

Но великан оказался совсем неповоротлив, да к тому же дубинкой он размахивал не целясь, как попало, из чего Том заключил, что он вдобавок еще и подслеповат. А сам Том был куда проворней. Он так ловко работал своей дубинкой, что бедный великан совсем запыхался.

Том давно уже мог ранить Денбраса острым концом дубовой оси, но всякий раз ему становилось жалко старика. И он лишь отражал своим колесом удары двадцатифутовой дубинки великана. Бедняга Денбрас то и дело бил мимо, а иногда, промахнувшись, грохался плашмя на землю.

Но Том благородно подавал ему руку, чтобы старику легче было подняться, и подносил даже бочонок с элем, чтобы подкрепить его силы.

Однако, увидев, что солнце клонится к закату, Том решил чуть пощекотать старика великана, чтобы заставить его двигаться побыстрей. И он, как ему показалось, легонько ткнул Денбраса своим копьём.

Но — о горе! — Малышка Том сам не знал, какая у него сила, и сделал выпад слишком резко. Дубовая ось проткнула великана насквозь, и он опрокинулся на землю, словно поваленное дерево.

Том был в отчаянии. Он опустился рядом с великаном на колени и пытался подбодрить его словами.

— Не унывай, дружище! — говорил Том. — Ты скоро поправишься. Я нечаянно! Разве я хотел тебя обидеть? Кто бы мог подумать, что у тебя такая нежная кожа!

Но великан только стонал в ответ. Том осторожно вынул дубовую ось из раны и покрепче заткнул рану кусками дерна, который тут же нарезал. Старому Денбрасу немного полегчало. Тогда Том сбегал к повозке, вышиб дно у одного бочонка с пивом и поднес его великану ко рту словно кружку.

— Пей, голубчик, пей! — уговаривал он великана.

Наконец Денбрас заговорил.

— Теперь уж мне ничто не поможет, сынок! — чуть слышно произнес он. — Конец! Крышка!.. Но я умер в честном бою, верно?

— Верно, — чуть не плача, отвечал Том.

— А ты молодец! Настоящий корнуэллец. Ты честно сражался, и за это я люблю тебя. Это была славная и честная битва... Силы покидают меня. Наклонись ниже, сынок, я скажу тебе мою последнюю волю...

И старый Денбрас сказал Тому, что, раз у него нет никого родных, он делает Тома своим наследником и велит ему забрать все сокровища, какие он спрятал в пещере под замком.

— А теперь помоги мне подняться на вершину холма, — попросил он Тома.

Они с трудом взобрались на холм, и великан сел на свое любимое каменное ложе, прислонившись спиной к широкой плоской скале.

— Похорони меня честь по чести! — сказал он Тому. — Здесь, где я сижу сейчас. По законам стариков нашей страны. Вот камни, которыми ты окружишь меня. Большой койт¹ я давно приготовил. Похорони меня с честью и будь ласков к моей собаке!

— Я все сделаю, старый дружище, только не умирай!

Но великан покачал головой и испустил дух.

Том загородил Денбраса со всех сторон большими камнями, сложил ему руки на коленях — словом, сделал все честь по чести. А потом он

спустился во двор замка, поставил на место колесо и дубовую ось, на что много времени ему не потребовалось, вывел на дорогу волов с повозкой, запер покрепче ворота замка и отправился в Сент-Ивз. Благополучно вручил пиво, кому было велено, и уже по другой дороге вернулся на следующий день в Маркет-Джу.

То был праздник — канун Иванова дня, — и на всех холмах жгли костры.

В Маркет-Джу на улицах танцевали под волынку и барабан. Хонни, хозяин трактира, веселился со всеми вместе. Он очень обрадовался, что Том вернулся и с повозкой, и с его быками в полном здравии.

— Молодец! — сказал он ему, когда Том закусил с дороги и выпил. — Оставайся у меня на год работать, я тебе положу хорошее жалованье.

— Не могу, — ответил Том, — хотя лучшего места мне не сыскать.

— Тогда почему же ты говоришь «нет»? — удивился Хонни. — Ты же только вчера просил у меня работы.

Но Том не хотел рассказывать, что у него вышло с великаном Денбрасом, и ответил:

— Видишь ли, за это время у меня умер дедушка, который жил в горах, и оставил мне в наследство землю и деньги. Я должен скорее пойти туда и похоронить старика честь по чести.

Под этим предлогом Том покинул гостеприимного хозяина и поспешил к своей возлюбленной в Кролас. Ей он все рассказал без утайки; они поженились и зажили в замке великана припеваючи.

¹ Койт — каменное кольцо, которым древние британны накрывали могилу.

Молли Ваппи

Жили на свете муж с женой, и было у них так много детей, что прокормить их всех они не могли. И пришлось им отвести трех дочерей в лес и оставить там. Девушки бродили-бродили по лесу, проголодались, а уж стало смеркаться. Наконец видят — впереди огонек затеплился, и пошли на него. Добрались до какого-то дома и постучали в дверь. Из дома вышла женщина и спросила:

— Что вам надо?

Девушки ответили:

— Позвольте нам переночевать у вас и дайте нам поесть!

— Не могу, — сказала женщина. — Муж у меня великан. Вернется домой и убьет вас.

Девушки стали ее упрашивать:

— Впустите нас! Мы хоть немножко посидим. А уйдем раньше, чем он вернется!

Ну, женщина впустила девушек, усадила их перед огнем и дала им хлеба и молока. Но только они начали есть, как раздался громкий стук в дверь, и кто-то сказал страшным голосом:

Фи-фай-фо-фам,

Дух человека чую там!

Кто это у тебя, жена?

— Да это три бедные девушки, — ответила та. — Продрогли, проголодались. Они скоро уйдут. Уж ты их не трогай, муженек!

Великан ничего не ответил, сел за стол, наелся до отвала, а девушкам приказал остаться ночевать. Спать их уложили на одной кровати с тремя дочерьми великана.

Младшую гостью звали Молли Ваппи, и была она очень умная девушка. Когда они уходили спать, великан надел на шею ей и ее сестрам соломенные шнурки, а своим дочерям — золотые цепочки. Молли Ваппи заметила это, смекнула, что дело нечисто, и решила держаться на чеку. Подождала, пока все не заснуло крепким сном, а тогда выскользнула из постели, сняла с себя и сестер соломенные шнурки, а с дочерей великана золотые цепочки. Потом надела соломенные шнурки на дочерей великана, а золотые цепочки на себя и на сестер и опять улеглась.

Посреди ночи великан поднялся, взял в одну руку тяжелую дубину, а другой нащупал в темноте соломенные шнурки. Потом ударил дубиной своих собственных дочерей и убил их, а сам опять улегся и заснул довольный — ведь он был уверен, что убил чужих девушек.

Тут Молли Ваппи подумала, что пора бежать, да подальше. Разбудила сестер, велела им не шуметь, и все три выскользнули из дома и — наутек. Бежали-бежали до самого утра, пока не увидели перед собой дворец. А был это дворец самого короля, и Молли вошла туда и рассказала королю обо всем, что случилось. На это король ей и говорит:

— Ну, Молли, ты девушка умная: самого великана перехитрила. А попробуй-ка схитрить получше! Стащи у великана меч, что висит на спинке его кровати, и я выдам твою старшую сестру за моего старшего сына.

Молли сказала, что постарается. Вот вернулась она обратно, прокрадась в дом великана и спряталась под его кроватью.

Ввалился домой великан, наелся до отвала и улегся спать. Молли подождала, пока он не захрапел, и выбралась из-под кровати. Перелезла через великана и сняла его меч. Но когда она перетаскивала меч через кровать, он зазвенел, и великан тут же вскочил. Молли с мечом в руках бросилась бежать вон из дома.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до Моста-тонкого-как-волосок. Она-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах, всего два разочка мне по мосту надо пройти! — ответила Молли и убежала.

Так Молли достала королю меч великана. И старший сын короля женился на ее старшей сестре.

Тут король и говорит Молли Ваппи:

— Молодец, Молли! Ловко ты все это проделала! Но попробуй схитрить еще ловчей. Стащи кошелек, что лежит у великана под подушкой, и я выдам твою вторую сестру за моего второго сына.

И Молли опять сказала королю, что постарается. Вот отправилась она к великану, прокралась в его комнату и спряталась под кроватью. А когда великан поужинал и захрапел, вылезла, засунула руку под подушку и вытащила кошелек. Но не успела она выбежать из дому, как великан проснулся и бросился за ней.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до Моста-тонкого-как-волосок. Молли-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах, лишь один разочек мне по мосту надо пройти! — ответила Молли и убежала.

Так Молли достала королю кошелек великана. И второй сын короля женился на ее второй сестре.

Тут король и говорит Молли Ваппи:

— Умная ты девушка, Молли! А если окажешься еще умней и стащишь у великана кольцо, я выдам тебя за своего младшего сына!

Молли сказала королю, что постарается. И вот она опять пошла к великану и спряталась у него под кроватью. Великан вскоре вернулся домой, наелся до отвала, завалился спать и захрапел на весь дом.

А Молли вылезла, взобралась на кровать, взяла великана за руку и стала снимать кольцо. Вертела, вертела его, наконец сняла, но тут великан как вскочит да как схватит ее.

— Наконец-то я тебя поймал, Молли Ваппи! — вскричал он. — Ну, говори: если б я тебе так досадил, как ты мне, что бы ты со мной сделала?

— Я бы посадила тебя в мешок вместе с кошкой и собакой, — ответила Молли, — а еще сунула бы туда нитки, иголку и ножницы. Потом повесила бы мешок на стену, а сама пошла бы в лес за палкой потолще. Выбрала бы самую толстую дубинку, а дома положила бы мешок на пол и принялась бы тебя молотить, пока бы ты дух не испустил.

— Ну что ж, Молли, — сказал великан, — так я и сделаю!

Достал великан мешок, посадил в него Молли, сунул туда кошку с собакой, да еще нитки, иголку и ножницы, повесил мешок на стену, а сам пошел в лес за дубинкой.

Вот сидит Молли в мешке и напевает:

— Ах, если б вы только видели то, что вижу я!

— А что ты там видишь, Молли? — спрашивает ее жена великана.

Молли ей ни слова в ответ — все только поет-распевает:

— Ах, если б вы только видели то, что вижу я!

— Дай мне посидеть в мешке вместо тебя, Молли! — попросила великанова жена. — Я хочу посмотреть, что ты там видишь.

Молли прорезала ножницами дырку в мешке, взяла иголку с нитками и выпрыгнула вон. Потом помогла жене великана залезть в мешок и тут же накрепко зашила его.

Жена великана посидела-посидела в мешке, ничего не увидела и стала проситься на свободу. Но Молли ее и не слушала — спряталась за дверь и стала ждать.

Вот вернулся домой великан с целым деревом в руках, снял со стены мешок и давай молотить по нему изо всех сил. Жена кричит ему:

— Да ведь это я, муженек!

Но тут собака залаяла, кошка замыкала, и великан не узнал жениного голоса. Тем временем Молли выскользнула из-за двери, а великан заметил ее и пустился вдогонку.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до Моста-тонкого-как-волосок. Молли-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах, да на что, разиня, теперь мне сюда идти? — ответила Молли и убежала.

Вот принесла Молли королю волшебное кольцо и вышла замуж за младшего принца. А великана они больше в жизни не встречали.

Воду заперли

Давным-давно на ферме возле Тавистока работали две девушки, Бет и Молли. А вы, наверное, знаете, что в давние времена во всем Девонширском графстве вряд ли нашелся бы хоть один дом без своего домового, или, как их еще звали, брауни¹.

Встречались еще разные паки, эльфы и водяные, но они не очень-то походили на домовых. А помните хилтонского брауни? Вот вроде него!

Бет и Молли были девушки прехорошенькие, и обе очень любили потанцевать. Но вот что было странно: у других девушек, например, час-тенько не хватало денег даже на цветную тесьму или на новые ленты и гребешки для волос. Бывало, они из-за этого нет-нет да и всплакнут укладкой. А у Бет и Молли всегда находился лишний пенни, и они что хотели, то и покупали у деревенского коробейника.

И никто не мог у них выпытать, откуда они берут на это денежки. Это был их секрет! А выдать секрет — значит вспугнуть удачу; уж кто-кто, а они хорошо это знали.

Каждый вечер, перед тем как идти наверх спать, они ставили перед каминной решеткой в кухне низкое деревянное ведро с водой. Наутро ведро оказывалось пустое, а вместо воды на дне его лежала серебряная монетка. Только, конечно, никто, кроме них, не знал про это.

¹ Брауни — кельтские домовые, живущие по соседству с людскими жилищами; по ночам помогают людям: ткут, готовят, прибирают, ухаживают за инструментами, стерегут кур. Если их не обижают, они никому не вредят.

Как-то раз девушки вернулись с танцев очень поздно и сразу легли спать. Вдруг Бет услышала шум, словно кто-то колотил маленькими кулачками в кухонную дверь. Она села на кровати и прислушалась. Стук раздался снова, и она различила громкие высокие голоса:

— Воду заперли! Воду заперли!

— Проснись, Молли! — зашептала Бет, тряся Молли за плечо. — Это, наверное, наши брауни. Мы забыли оставить им воду.

Но Молли в ответ только повыше натянула на голову одеяло и сказала, что ни за что на свете не вылезет из теплой постели даже ради всех брауни со всего Девоншира.

Бет посидела, послушала, как брауни стучат в дверь и кричат, и наконец сама встала с постели и спустилась вниз.

В кухне она никого не увидела, но по углам кто-то шуршал и шептался тоненькими голосками. Она сняла крышку с большой бочки и стала переливать из нее воду в низкое деревянное ведро. А пока переливала, все время прислушивалась, о чем шепчутся по углам брауни. Оказывается, речь шла о том, как наказать Молли за то, что она не захотела вылезать из теплой постели «даже ради всех брауни со всего Девоншира».

Один сказал, что ее надо за это несколько раз ущипнуть побольней. Другой захотел, чтобы она ослепла на один глаз. Брауни долго спорили и наконец сошлись на том, что самое худшее для Молли наказание — чтобы она больше не могла танцевать!

И они решили сделать ее хромоножкой на семь лет. Через семь лет с нее можно будет снять это наказание, но для этого потребуется трава со странным названием «кискиласкибрысь».

Так все и сказали, громко и по слогам:

— Киски-ласки-брысь!

Услышав, какое ужасное наказание грозит Молли и какое длинное название у травы, которая поможет снять это наказание, Бет очень испугалась. Она испугалась, что тут же забудет это длинное и странное слово и тогда не сумеет помочь бедной Молли.

Поэтому она скорее побежала наверх, в спальню, все время повторяя про себя это слово, и стала будить Молли, чтобы сказать это слово ей. Но Молли не хотела просыпаться. И чем больше Бет трясла ее за плечо, тем выше Молли натягивала себе на нос одеяло.

А когда утром Бет проснулась, она не могла вспомнить ни одной буквы из этого слова.

Так бедная Молли стала хромоножкой.

Прошло семь лет, и однажды Молли гуляла одна далеко от дома в поле. Вдруг она увидела посреди поля большой гриб. Она наклонилась, чтобы сорвать его, но гриб подпрыгнул и обернулся чудным маленьким человечком. Человечек выкрикнул какое-то чудное длинное слово, которое Молли никогда раньше не слыхала, и стегнул ее по больной ноге какой-то чудной длинной травой.

— Кискиласкибрысь! — выкрикнул человечек, и Молли тут же перестала хромать и побежала домой бегом.

С того дня они с Бет опять стали ходить на танцы.

Домовой из Хилтона

Давным-давно жил в Хилтон-Холле один брауни, то есть домовой, — самый проказливый из всех домовых на свете. По ночам, когда слуги расходились спать, он все переворачивал вверх дном. Сахар насыпал в солонки, в пиво бросал перец, опрокидывал стулья, столы ставил ножками вверх, выгребал горячие угли из каминов — словом, пакостил, как мог. Но порой он приходил в хорошее расположение духа, и вот тут-то!..

Постойте, а кто это — домовой? — спросите вы.

Домовой, он вроде нечистого духа, только не такой коварный, как черт... Да неужто вы не знаете, что такое «нечистый дух» и «черт»? О господи! Чего только не творится на белом свете! Так знайте же, домовой — это смешное крохотное существо, получеловек, полуэльф, весь волосатый и с острыми ушками.

На чем же я остановился? Ах да, я начал рассказывать, как домовой из Хилтон-Холла вытворял бог знает что. Но если служанки оставляли ему миску сливок или медовую лепешку, домовой в благодарность убирал за них со стола и приводил в порядок всю кухню.

Вот как-то поздно ночью служанки долго не ложились спать и вдруг услышали шум в кухне. Заглянули туда, видят — домовой раскачивается на цепочке вертела и приговаривает:

О, горе мне! горе!
Не упал с ветки желудь,
Что станет дубочком,
Что пойдет на люльку,

Где заснет ребенок,
Что станет мужчиной,
Что меня уволит!
О, горе мне! горе!

Служанки сжалились над беднягой и спросили птичницу, как им «уволить» брауни, то есть сделать так, чтобы он смог уйти из этого дома.

— Проще простого, — ответила птичница. — Подарите домовому за труды что-нибудь добротное, прочное, и он тут же исчезнет.

Вот сшили служанки из лучшего зеленого сукна плащ с капюшоном и положили его у камина, а сами стали ждать, что будет. И вдруг смотрят: подошел домовый к камину, увидел плащ с капюшоном, надел его на себя да как примется скакать по комнате на одной ножке. Сам скачет, сам приговаривает:

Плащ с капюшоном я беру,
И он отныне будет мой.
Теперь не станет помогать вам
Хилтонский домовый.

Сказал это домовый и пропал. И больше его никогда не видели.

Джип и ведьма из Уолгрейва

Давным-давно в веселом, светлом лесу, который начинался сразу за деревней Уолгрейв, что в Нортгемпшире, жили-были эльф и ведьма.

Ведьму звали Хаулит; жила она в покосившемся домике под соломенной крышей на северной опушке леса, и был у нее кот по имени Чернулин. Кот мыл, подметал, убирал и стряпал, а в награду получал одни пинки и тычки, потому что ведьма Хаулит была жестокая, жадная и сварливая. Все в Уолгрейве боялись ее и старались держаться от нее подальше.

Эльфа звали Джип; жил он один на южной опушке леса в дупле старого дуба, которому было лет двести, если не больше. Это был бойкий маленький человечек с веселым лицом, зелеными лучистыми глазками и соломенными волосами. Носил он ярко-зеленый камзолчик под цвет глаз и красный колпачок, который шел ему.

Ты спрашиваешь, хороший он был или плохой? На этот вопрос не легко ответить. Встанет он с той ноги — и весь день добр и услужлив. Заколдует, например, топор Виля-дровосека — и наколет Виль дров вдвое больше обычного, а устанет — вдвое меньше. Или научит старика Роба волшебному слову: коснется тот киркой огромного камня — камень и рассыплется в щебенку: бери и мости дорогу.

Ну а если Джип встанет не с той ноги, тогда от его проказ спасу нет. Пошепчет над сливками — и бедная служанка за весь день комка масла не собьет. Или обернется треногой табуреткой, сядет на нее крестьянин, а табуретки как не было — растаяла в воздухе. Словом, хоть и был Джип эльфом, походил он как две капли воды на любого ребенка, может, на

того мальчишку, что читает сейчас эти строки, или на девочку из детской песенки: когда он был хороший, он был очень, очень хороший, а когда плохой, то был просто ужасный.

Понятное дело, никому не нравились проказы Джипа. Но долго на него никто не сердился. И все жители Уолгрейва — хозяева, работники, Виль-дровосек, Роберт — дорожный мастер и сам Джип — жили дружно и весело до того злосчастного дня, когда старой ведьме Хаулит надоели вдруг кролики, ягоды и орехи, а пуще того — молоко, которое она воровала у крестьян: доила украдкой коров на пастбище.

— Давненько я не ела жареных эльфов. Ах, как они вкусны с куском свежего ячменного хлеба, — сказала ведьма Хаулит и пнула кота Чернулина.

Три, мети, скреби и мой
И лови мышей!
А не то, ленивый кот,
Прогоню взащей! —

сказала она коту, еще раз пнула его, взяла старый мешок, в который собирала желуди, каштаны и лесные орехи, и пошла к старому вековому дубу, в дупле которого жил Джип.

Подошла, постучала палкой по могучему стволу, изрезанному глубокими морщинами.

— Миленький, хорошенький Джип, — прохрипела она притворно-ласково, — вылезай скорее из дупла. Смотри, я принесла тебе полный мешок вишни, такой сладкой, такой спелой!

— Сладкая, спелая вишня! — воскликнул Джип, распахнул дверцу и радостно выскочил наружу. — Вот так удача! А я сижу у себя в гостинной и думаю: хорошо бы сейчас полакомиться сладкой, спелой вишней. Где она у тебя, добрая Хаулит?

— Да вот она, в мешке, — ответила ведьма и, развязав мешок, сделала в нем совсем маленькую дырочку.

— Не вижу, — заглянул Джип в черное брюхо мешка.

— А ты нагнись и увидишь, — сказала ведьма и пихнула его костлявой рукой в мешок. — Ага! — воскликнула она довольно и завязала потуже мешок, чтобы Джип не выскочил. — Смотри вишневой косточкой не подавись, мой птенчик!

Взвалила мешок с Джипом на плечи и отправилась к себе в покосившийся домик под соломенной крышей на другой конец леса.

Ковыляет ведьма по лесу и вдруг вспомнила, что на пастбище возле мельницы видела она вчера много грибов. «Ах, как вкусно — жареный эльф с грибами», — подумала старуха, бросила мешок с Джипом под большим вязом, а сама пошла на пастбище собирать грибы. Только ведьма ушла, Джип давай кричать, руками-ногами брыкаться. Хочет из мешка выскочить, да ничего не получается: очень крепко мешок завязан. «Хоть бы кто рядом был, выручил бы меня», — подумал бедняжка Джип: он-то сколько раз помогал людям! Вдруг слышит, совсем рядом дерево рубят — да ведь это Виль-дровосек!

— На помощь! — закричал Джип. — На помощь!

Но лесные голуби на вершине вяза гулили так сильно, что не услышал Виль-дровосек криков о помощи. Тук-тук-тук — продолжал он мерно рубить топором.

— На помощь, Виль! — изо всей мочи завопил Джип. — Скорей сюда!

Но пробежал ясноглазый горностай, зашуршали сухие листья, и Виль-дровосек опять ничего не услышал. Тук-тук-тук — продолжал совсем рядом стучать топор.

— На помощь! — в третий раз закричал Джип. — Ох, Виль, помоги!

Услыхал наконец дровосек чей-то тоненький голос. Опустил топор, огляделся.

— Никак это Джип, — сказал он, почесав в затылке. — Да где же это он? Опять, видно, какую-нибудь проказу затеял.

Взялся было за топор, а Джип опять кричит:

— Какие там проказы, Виль! Заманила меня ведьма Хаулит в мешок. Боюсь, зажарит меня сегодня на ужин.

— С нее станется!

Подошел дровосек к мешку, развязал веревку, выскочил на волю Джип, все еще от страха зуб на зуб не попадает. Но увидел могучего дровосека, глотнул свежих лесных запахов и сразу повеселел.

— Спасибо тебе, Виль, что спас меня. Давай теперь набьем мешок ветками и сучками. Пусть ведьма думает, что это я в мешке.

Нарубил Виль шиповника и куманики, набили они полный мешок колючими сучками и крепко-накрепко завязали. Побежал Джип к себе домой, в дупло векового дуба, а Виль опять взялся дрова рубить.

Вернулась ведьма Хаулит с грибами, перекинула мешок через плечо и поежилась: что-то мешок больно колючий.

— Кто бы подумал, что эльфы носят в карманах иголки и булавки, — пробурчала ведьма. — Коли, коли, мой милый! Придем домой, я уж тебе задам!

Пришла старая ведьма домой, пнула кота, а он, бедняга, только-только у огня прикорнул: весь день мыл, чистил, стряпал и убирал. Взяла ведьма метлу и давай колотить мешок. Била, била, пока не уморилась. Развязала мешок, а там колючие сучки. Разозлилась ведьма, что зря старалась; не знает, куда деться с досады; кота хотела вздуть, да тот юркнул в дверь, убежал в лес и спрятался в чаще.

— Джип думает, что перехитрил меня, — пробормотала ведьма. — Ну это мы еще посмотрим!

Наутро встала пораньше, пнула Чернулина, крикнула ему:

Три, мети, скреби и мой
И лови мышей!
А не то, ленивый кот,
Прогоню взащей!

Пнула еще раз, взяла мешок, в который буковые орешки, каштаны и желуди собирала, и отправилась на южную опушку, где жил в вековом дубе Джип. Постучала три раза по морщинистой коре могучего дуба и говорит ласковым голосом:

— Миленький, славненький Джип! Пойди сюда, погляди: я тебе клубники принесла, такой сладкой, такой сочной!

— Сочная, сладкая клубника! — воскликнул Джип, отворил дверцу и выскочил наружу. — Какая удача! А я сижу и думаю, хорошо бы сейчас полакомиться сочной, сладкой клубникой. Где она у тебя, добрая Хаулит?

— Вот она, в мешке, — ответила старуха и приоткрыла мешок.

— Не вижу, — говорит Джип, заглядывая в черное брюхо мешка.

— А ты нагнись и увидишь, — сказала ведьма, толкнула Джипа костлявой рукой, он и полетел прямо в мешок. — Попался! — обрадовалась ведьма и завязала мешок потуже, чтобы Джип не выскочил. — Смотри, мой птенчик, не поперхнись сладкой, сочной клубникой.

Перекинула через плечо мешок с бедным Джипом и отправилась к себе в покосившийся домик на северной опушке леса.

Ковыляет ведьма по лесу и вдруг вспомнила, что возле изгороди у мельницы растет майоран — отличная приправа для жареного эльфа. Бросила мешок под березу и пошла нарвать душистой травы.

Только ведьма ушла, давай Джип в мешке прыгать, брыкаться, хочет на волю выбраться — ничего не выходит: очень крепко завязала ведьма веревку. «Был бы кто рядом, помог бы», — думает бедняга Джип, вспомнив, сколько раз помогал он людям. Вдруг слышит: бьет кто-то киркой камни. Да ведь это Роб — дорожный мастер щебенку колет.

— На помощь! — закричал Джип. — Эй, старина Роб, на помощь!

Но в кроне тонкой березы над головой громко застучал зеленый дятел, и Роб — дорожный мастер ничего не услышал, знай колет камни.

— На помощь! — опять закричал Джип. — Ох, Роб, выручай!

А тут рыжая белка увидела, как мешок по земле прыгает, и недовольно застрекотала. Роб опять не услышал беднягу Джипа.

— На помощь! — в третий раз крикнул Джип. — Роб, пожалуйста, помоги!

Услыхал старина Роб тоненький голосок, бросил кирку на землю и не спеша огляделся кругом.

— Никак это Джип, — сказал он, почесывая в затылке. — Где же это он? Опять какую-нибудь проказу затеял?

Хотел было взяться за свою кирку, а Джип опять кричит:

— Да, да, это я, Джип! Какую проказу! Заманила меня ведьма Хаулит в мешок. Сдается мне, поужинает она сегодня жареным эльфом.

— С нее станется! — сказал Роб, зашагал к мешку и развязал его.

Выскочил оттуда дрожащий Джип, но увидел доброго старого Роба, глотнул свежих лесных запахов и сразу повеселел.

— Спасибо тебе, Роб, что ты меня спас! — воскликнул он. — Давай насыплем полный мешок щебенки. Пусть ведьма Хаулит думает, что это я в мешке.

Роб охотно принес щебенку, насыпали они полный мешок, завязали потуже веревку, и побежал Джип к себе в дупло векового дуба, а старый Роб опять пошел камни крушить.

Вернулась ведьма, подняла мешок, перекинула через плечо и закричала: щебенка тяжелая, острые края в спину врезались.

— Кто бы подумал, что у эльфов такие костлявые бока, — пробурчала она. — Ну, погоди, мой милый, вернемся домой, я тебе косточки-то пересчитаю!

Пришла ведьма Хаулит домой, пнула кота, а он, бедняга, только-только к огню прилег: весь день чистил и мыл, пыль вытирал и пол подметал. Взяла ведьма метлу и давай дубасить мешок с камнями. Била, била, даже пот прошиб. Развязала мешок, а там щепенка. Обозлилась ведьма пуще прежнего, не знает, куда деться с досады. Досталось бы Чернулину на орехи, да юркнул он в дверь, убежал в лес и спрятался в чаще.

— Второй раз плутишка Джип перехитрил меня! — воскликнула ведьма. — Ну уж в третий раз ему это не удастся!

Наутро встала ведьма пораньше, пнула Чернулина и говорит:

Штопай, латки ставь, чини,
Гладь, стирай и шей!
А не то, ленивый кот,
Прогоню взащей!

Пнула кота еще раз, поднялась к себе в спальню и нарядилась бродячей торговкой. Надела длинную черную юбку, серую кофту, надвинула на глаза соломенную шляпу, а на плечи шаль накинула. Потом взяла большой короб со всякой всячиной и повесила себе на грудь. Чего-чего только в этом коробе не было: нитки с иглками, пуговицы, булавки и ленты, брошки, чулки и фартуки, но самым заманчивым были красные сафьяновые сапожки.

В этот раз ведьма Хаулит не пошла к вековому дубу, где жил Джип, а долго блуждала по лесу, пока не услышала звонкую песенку, которую распевал весельчак Джип. Поковыляла ведьма на голос, видит: Джип идет по тропинке, поет и приплясывает. Как всегда, в зеленом кафтанчике под цвет глаз, в красном колпачке на желтых косицах.

— Добрый день, мистер Джип! — воскликнула переодетая ведьма. — Как вы славно поете! Как идет вам зеленый камзолчик, как ладно сидит красный колпачок! А у меня тут есть кое-что интересное для такого франта, как вы. Что вы скажете, мистер Джип, о красных сафьяновых сапожках?

Поднялся на цыпочки Джип, ухватился ручками за край короба и заглянул в него.

— Что-то не могу рассмотреть, — сказал он.

— А вы прыгните в короб, мистер Джип, и рассматривайте сколько душе угодно, — предложила хитрая ведьма.

Прыгнул Джип в короб, уселся поудобнее и стал вертеть красные сапожки.

— Ага, попался! — торжествующе воскликнула ведьма, захлопнула короб и заперла покрепче, чтобы Джип не выскочил. — Вот теперь меряй! Да смотри, чтоб не жали, мой птенчик!

И поковыляла к себе домой на северную опушку леса. Идет, не останавливается, короба из рук не выпускает. Так и пришла домой с коробом, в котором томился бедняга Джип.

— Жареный эльф на ужин! — облизнулась ведьма, пнула мимоходом кота — а он только-только прилег у огня: весь день шил и чинил, штопал и латал, гладил и стирал, — и приказала ему: — Ступай принеси дров, лежебока! Буду печь топить.

Поплелся кот за дровами, принес охапку, бросил у очага, свернулся калачиком и опять задремал.

— Жареный эльф на ужин, — промурлыкала ведьма и опять пнула кота: — Ступай, лежебока, принеси воды из колодца, я пить хочу!

Потащился кот на колодец, набрал воды, налил в кувшин, поставил его на стол, а сам опять свернулся калачиком и спит.

— Жареный эльф на ужин, — прокудахтала старая ведьма и опять пнула кота: — Ступай, нерадивая скотина, испеки мне ячменный хлеб!

Пошел кот на кухню, стал тесто месить. Открыла старуха короб:

— Ну-ка, мой птенчик, пойді сюда!

Вылез маленький Джип из короба, дрожит от страха.

— Все говорят, ты больно умен. Открой дверку, загляни в печку, хороший ли там жар, чтобы тебя испечь.

А сама потирает костлявые руки, хихикает, облизывается.

— Попроси, пусть сама откроет, — шепнул Чернулин Джипу.

— Ты сначала сама покажи, как дверка открывается. Я не умею.

— Кто тебя умником назвал, тот сильно ошибся, — проворчала злая ведьма. — Смотри, это очень просто. — Протянула руку и открыла тяжелую чугунную дверку. — Ну, теперь попробуй, хорош ли жар?

— Пусть сначала сама попробует, — шепнул Чернулин.

— А как попробовать-то? Я не умею, — говорит Джип.

— Вот уж дурень так дурень! — рассердилась ведьма. — Да проще простого. Смотри!

Сложились старуха вдвое, сунула в печь руку, а потом и голову.

— Скорее! — крикнул Чернулин. — Толкай ее что есть силы!

Прыгнул кот со стола, где тесто месил, толкнули они ведьму в огонь, захлопнули поскорей дверцу и заперли на запор.

— От худого мусора хороший жар, — сказал довольный кот и подбросил еще поленьев.

Разгорелся огонь, загудело пламя в трубе и лизнуло солому на крыше. Занялась крыша, а за ней и весь дом.

— Бежим! — закричал кот.

Схватились они за руки и побежали из горящего дома. Скоро от него одни головешки остались.

Пошли Джип с котом через лес на южную опушку, где стоял вековой дуб, и стали там вместе жить. И вся деревня Уолгрейв, Виль-дровосек, Роб — дорожный мастер и, конечно, маленький Джип с котом Чернулином — все-все очень радовались, что нет больше злой ведьмы. И с тех пор все они жили весело и счастливо.

Кэт-шелкунчик

Жили-были когда-то король, королева и королевские дети. Дочку короля звали Энн, а дочку королевы — Кэт. И хотя Энн была много краше дочери королевы, девушки любили друг друга, как родные сестры. Но королева не могла успокоиться, что дочь короля красивее ее собственной дочери, и задумала превратить Энн в дурнушку. А за советом она пошла к птичнице, что жила в долине неподалеку от королевского замка: говорили, будто та знает с нечистой силой.

— Почтенная, — молвила королева, когда вошла к ней в хижину, — слыхала я, будто ты умеешь колдовать. Но я, конечно, этому не верю. И все же, если ты поможешь в одном деле, я дам тебе за каждое яйцо, что ты принесешь на королевскую кухню, золотую монету!

Старуха ни слова не сказала в ответ, только низко поклонилась королеве и ухмыльнулась.

— Моя падчерица, — продолжала королева, — слишком уж хорошеет день ото дня. И совсем загордилась! Так вот, нельзя ли сделать так, чтобы она подурнела, не совсем, а чуть-чуть. Это ей будет хорошим уроком!

— Ничего нет проще, — ответила птичница. — Пришлите ее ко мне завтра утром. Только помните: перед уходом она не должна ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка!

И вот на другое утро, раным-рано, королева говорит принцессе Энн:

— Какая ты бледненькая сегодня! Не пройись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Сходи-ка, милочка, к птичнице, что живет в долине, попроси у нее яиц!

Энн пошла к птичнице, а когда пробежала мимо кухни, увидела на столе горбушку хлеба, взяла ее и съела по дороге. Ведь ушла она из дома до завтрака и ей, конечно, очень хотелось есть.

Пришла она к птичнице и попросила у нее яиц, как было велено. Птичница ей и говорит:

— Подними-ка крышку вот с того горшка и загляни в него!

Девушка так и сделала, но ничего с ней не случилось.

— Ну, ступай домой к своей мачехе, — молвила птичница, — да скажи ей, чтоб покрепче заперала кладовую!

Энн удивилась словам птичницы, но, когда вернулась домой, все в точности передала королеве, и та поняла, что девушка перед уходом что-то съела.

На другое утро королева опять решила попытать счастья.

— Какая ты худенькая! — сказала она принцессе Энн. — Не пройтись ли тебе по свежему воздуху до завтрака? Тогда у тебя будет хороший аппетит.

И опять послала Энн к птичнице, а перед уходом не дала ей ни съесть ни кусочка, ни выпить ни глоточка. Но принцесса повстречала по дороге крестьян, собиравших горох, и ласково заговорила с ними. Крестьяне дали ей горсточку гороха, и она съела его.

Когда она пришла к птичнице, та сказала ей:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Энн подняла крышку, но опять ничего с ней не случилось. Тогда птичница очень рассердилась и сказала:

— Передай своей мачехе, что горшок без огня не закипит!

Что ж, Энн вернулась домой и передала эти слова королеве.

И на третий день королева сама пошла с девушкой к птичнице. На этот раз, только Энн подняла крышку с горшка, как ее хорошенькая головка превратилась в овечью — с торчащими ушами, жесткой шерстью и всем прочим: у птичницы было очень злое сердце, и она переколдовала. Даже королева-мачеха не хотела, чтобы все так получилось. Она была недовольна птичницей и, когда та на другое утро принесла в королевскую кухню свежие яйца, велела прогнать ее. И конечно, не дала ей ни одной золотой монеты!

Все очень горевали, что с принцессой Энн случилось такое несчастье, и особенно ее сестра Кэт. И вот однажды утром, когда все спали, она разбудила Энн, закутала ей голову белой шалью и увела ее из замка.

Так две сестры, Кэт и Энн, пустились искать по свету врача, который вернул бы Энн ее красоту. Они долго бродили, пока не пришли к какому-то замку. Кэт постучала в дверь и сказала фрейлине, которая открыла им:

— Моя сестра очень больна, а на дворе ночь, и нам негде переночевать. Разрешите нам войти!

Фрейлина пошла спросить разрешения у короля, — ведь это оказался королевский замок, — и, когда вернулась, сказала Кэт:

— Король и королева разрешают вам войти, но только при одном условии.

— Я согласна на любые условия! — сказала Кэт: она была смелая девушка.

— Вы должны просидеть всю ночь у постели больного принца, старшего сына нашего короля. Никто не знает, чем он болен. Он не ест, не пьет и день ото дня чахнет. Если вы просидите с ним ночь, король даст вам целый кошель серебра! Но только знайте: все, кто до вас брались сидеть с ним, в ту же ночь исчезали навсегда.

Но Кэт не испугалась и согласилась посидеть у постели больного принца.

До полуночи все шло хорошо. Но только пробило двенадцать, больной принц встал, оделся и спустился по лестнице вниз. Кэт пошла за ним следом, но принц ее как будто не заметил. Он прошел в конюшню, оседлал коня, тихонько подозвал свою собаку и вскочил в седло, а Кэт незаметно уселась позади него.

И они поскакали — принц и Кэт — через зеленый лес. Собака бежала впереди и показывала дорогу. А Кэт рвала на скаку спелые орехи и прятала их в карманы.

Но вот они прискакали наконец к зеленому холму. Тут принц остановил коня и сказал:

— Растворись, зеленый холм, растворишься, откройся! Впусти принца молодого, и собаку, и коня.

— ...и меня, — добавила тихонько Кэт.

И тотчас в зеленом холме растворились невидимые двери, и они въехали внутрь. Принц вошел в роскошный и светлый зал; толпа прекрасных фей окружила его и увела танцевать. А Кэт никто не заметил: она спряталась за дверью и оттуда смотрела на принца. Он танцевал, танцевал, танцевал, пока не упал без сил на мягкое ложе из цветов. Феи принялись обмахивать его своими веерами, и он снова поднялся и пошел танцевать.

Но тут вдруг пропел петух, и принц бросился к своему коню. Кэт вскочила в седло позади него, и они поехали домой.

Наутро, когда встало солнце, в комнату принца вошли король с королевой и придворные. И что же видят: Кэт сидит у огня и щелкает орешки, а принц спокойно спит в своей постели.

— Хорошо ли прошла ночь? — спросили их величества.

— О, конечно, — ответила Кэт. — Я и вторую ночь согласна просидеть у постели больного принца. Если хотите...

Король с королевой очень обрадовались и на этот раз пообещали Кэт целый кошель золота.

Вторая ночь прошла, как и первая. В полночь принц поднялся и поспекал к зеленому холму на бал к феям, а Кэт с ним и опять рвала по дороге орешки.

На этот раз Кэт не глядела на принца, — она и так знала, что он будет танцевать, танцевать и танцевать. Зато она увидела малютку эльфа с серебряной палочкой в руках и вдруг услышала, как одна фея сказала другой:

— Если этой палочкой три раза дотронуться до уродливой сестры Кэт, она снова станет такой же красивой, как была.

Тут Кэт пустила один орешек по полу, и он покатился прямо к маленькому эльфу. Так она пускала орешек за орешком. Малютка эльф бросил серебряную палочку и стал собирать орешки. И ничего удивительного в этом нет: ведь не каждый день удастся малюткам эльфам грызть орешки, а серебряных палочек у них сколько угодно! Кэт подхватила палочку и спрятала ее под плащом.

Но вот, как и в прошлый раз, прокричал петух, и они поехали домой.

Не успела Кэт вернуться, как тут же побежала к Энн и три раза дотронулась до нее серебряной палочкой. И — о чудо! — овечья голова с торчащими ушами, жесткой шерстью и всем прочим снова превратилась в хорошенькую девичью головку. Энн стала даже еще красивее, чем была.

На третью ночь Кэт согласилась стеречь больного принца только при условии, что, если принц поправится, она выйдет за него замуж. Она уже полюбила принца и не хотела с ним расставаться.

Все шло, как и в прошлые две ночи. На этот раз малютка эльф играл с птичкой, и Кэт услышала, как одна фея сказала другой:

— Если больной принц съест три кусочка этой птицы, он снова станет таким же здоровым, как был.

Кэт, недолго думая, пустила один за другим все свои орешки; они покатались к малютке эльфу, и он бросил птичку. А Кэт взяла ее и спрятала под плащом. Тут и петух прокричал, и они с принцем отправились домой.

На этот раз, когда они вернулись, Кэт не стала щелкать орешки, — ведь она отдала их все малютке эльфу, да к тому же у нее нашлось дело поважнее. Она тотчас развела огонь, ощипала птицу и принялась ее жарить. И вскоре в комнате так вкусно запахло жареным, что больной принц проснулся и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось отведать кусочек этой птицы!

Кэт дала ему кусочек, он съел и тут же приподнялся на локте и сказал:

— Ах, как бы мне хотелось съесть еще кусочек!

Кэт дала ему второй кусок. Тогда принц сел на постели и снова попросил:

— Ах, вот бы мне и третий кусочек!

И Кэт дала ему третий кусок, и он встал — здоровый и сильный, сам оделся и сел возле огня. И когда наутро к принцу, как обычно, вошли король с королевой, они увидели: сидят принц и Кэт рядышком и весело болтают. Король и королева так обрадовались, что тут же попросили Кэт обвенчаться с принцем.

А тем временем младший принц встретил в саду Энн и влюбился в нее, — впрочем, так случалось с каждым, кто видел ее милое, хорошенькое личико.

И вот больной принц женился на здоровой принцессе, а здоровый принц — на больной принцессе.

Правда, старший принц и принцесса Энн уже больше не болели, а потому Кэт и принцу больше не надо было ездить в зеленую страну эльфов. Но вы не думайте, что с тех пор феи перестали танцевать! Нет, они каждую ночь танцуют. Только вот с кем? И какого цвета у них платья? И так же ли сладко звучит их музыка? — этого я не могу вам сказать.

Тростниковая шапка

Ну, слушайте! Жил когда-то один богатый человек, и было у него три дочери. Вот задумал он узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Скажи, как ты меня любишь, доченька?

— Как жизнь свою! — отвечает она.

— Это хорошо, — говорит он. И спрашивает среднюю: — А как ты меня любишь, доченька?

— Больше всего на свете! — отвечает она.

— Очень хорошо, — говорит он. И спрашивает младшую: — А как же ты меня любишь, моя голубка?

— Я люблю тебя, как мясо любит соль, — отвечает она.

Ах как отец рассердился!

— Значит, ты меня вовсе не любишь, — говорит он. — А раз так, не смей оставаться в моем доме!

И он тут же прогнал ее прочь и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. И пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не пришла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое красивое платье, и пошла дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она наконец до какого-то дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает она.

— Нет, не нужна, — отвечают ей.

— Мне больше некуда идти, — говорит она. — Жалованья я не прошу, а делать буду что прикажут.

— Что же, — отвечают ей, — если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю грязную работу. А так как она никому не сказала, как ее зовут, все прозвали ее Тростниковая Шапка.

Вот как-то раз по соседству давали большой бал и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. Но Тростниковая Шапка сказала, что очень устала и никуда не пойдет, и осталась дома.

А как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал. И уж поверьте мне, красивей ее никого не было на балу!

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на бал. Он с первого взгляда полюбил Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней.

Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другое утро служанки говорят ей:

— Что вчера было на балу!

— Что? — спрашивает Тростниковая Шапка.

— Знаешь, приехала туда одна молоденькая леди, а уж какая красавица, как разряжена! Наш молодой хозяин глаз с нее не сводил!

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Сегодня вечером опять бал, она, наверное, придет.

Но когда настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что слишком устала и не пойдет со всеми. Однако не успели слуги уйти, как она сбросила с себя тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин ее ждал. И танцевал опять только с ней, и не сводил с нее глаз. Но перед самым концом бала Тростниковая Шапка потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

На другой день служанки говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть на ту леди! Она опять была на балу. А наш молодой хозяин так глаз с нее и не сводил.

— Ну что ж, — говорит Тростниковая Шапка, — я бы не прочь взглянуть на нее.

— Так слушай, сегодня вечером опять бал. Идем с нами! Она наверное уж приедет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала:

— Я очень устала. Если хотите, ступайте одни, а я останусь дома.

Но только они ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой господин был ей несказанно рад. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

И все же перед самым концом бала Тростниковая Шапка опять потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже успела набросить на себя тростниковую накидку и притворилась спящей.

А на другой день служанки ей говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка! Не пошла вчера с нами, и не видать тебе той леди. Балов больше не будет!

— Ах, как жалко! А мне так хотелось ее увидеть! — ответила Тростниковая Шапка.

Так-то вот.

А молодой господин?

Да чего он только не делал, чтобы узнать, куда девалась Тростниковая Шапка, но все напрасно. Куда бы он ни ходил, у кого бы ни спрашивал — никто ничего о ней не знал. И он так затосковал, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Сварите молодому господину овсяную кашу, — приказали поварихе. — А то как бы не умер с тоски по красавице.

Повариха тут же принялась варить кашу. А в это время в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь? — спросила она.

— Кашу для молодого господина, — ответила повариха. — Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю! — попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка сама сварила для молодого господина овсяную кашу. А когда каша была готова, она бросила в нее украдкой кольцо.

Вот отнесли кашу больному. Он съел ее и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите ко мне повариху! — приказал он.

Повариха поднялась к нему.

— Кто варил кашу? — спросил он.

— Я, — соврала она с перепугу.

Но он взглянул на нее и сказал:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее готовил? Тебе за это ничего не будет.

— Коли так, — говорит она, — ее готовила Тростниковая Шапка.

— Позовите ко мне Тростниковую Шапку! — сказал он.

Вот пришла Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу? — спрашивает юноша.

— Я, — отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо? — спрашивает он.

— У того, кто мне дал его! — отвечает она.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую одежду и предстала перед ним в своем красивом платье.

Ну конечно, молодой человек очень быстро поправился, и они решили обвенчаться. Свадьбу хотели справить на славу и гостей создали отовсюду. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. Но она так никому и не призналась, кто же она такая.

И вот перед самой свадьбой она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади!

— Невкусно получится, — заметила повариха.

— Неважно, — сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить, — согласилась повариха.

Настал день свадьбы. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким невкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно за другим все блюда и вдруг разрыдался.

— Что с вами? — спрашивает его молодой хозяин.

— Ах! — отвечал он. — Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит. И она ответила: «Как мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и прогнал ее из дома. А теперь вижу, что она любила меня больше всех. Но ее уж, видно, нет в живых.

— Посмотри, отец, вот она! — воскликнула Тростниковая Шапка, бросилась к отцу и обвила его шею руками.

С тех пор все они зажили счастливо.

Биннори

Жили когда-то в замке близ дивных мельничных плотин Биннори две королевских дочери. И посватался к старшей из них сэр Уильям, и покорила ее сердце, и скрепил свои клятвы кольцом и перчаткой. А потом увидел младшую сестру — златокудрую, с лицом нежным, как цветущая вишня, — и сердце свое отдал ей, а старшую разлюбил. И старшая возненавидела младшую за то, что та отняла у нее любовь сэра Уильяма, и ненависть ее все росла день ото дня, и она все думала да гадала, как бы ей погубить сестру.

И вот в одно тихое светлое утро старшая сестра сказала младшей:

— Пойдем посмотрим, как входят в дивные воды Биннори ладьи нашего отца!

И они взялись за руки и пошли. И когда подошли они к берегу, младшая поднялась на большой камень: хотела увидеть, как будут втягивать на берег ладьи. А старшая сестра шла за ней следом и вдруг обвила ее стан руками и столкнула ее в бурные воды Биннори.

— Ах, сестра, сестра, протяни мне руку! — крикнула младшая принцесса, когда вода понесла ее прочь. — Я отдам тебе половину всего, что есть у меня и что будет!

— О нет, сестра, не подам я тебе руки! Ты умрешь, и земли твои достанутся мне! Позор мне будет, если я дотронусь до той, что разлучила меня с любимым!

— О, сестра, сестра, так протяни мне хоть перчатку, и я верну тебе Уильяма! — кричала принцесса, а поток уносил ее все дальше и дальше.

— Тони! — отвечала жестокая принцесса. — Не коснусь я тебя ни рукой, ни перчаткой! Ты утонешь в дивных водах Биннори, и милый Уильям снова будет моим!

И она вернулась в королевский замок.

А младшую принцессу поток нес все дальше, и она то всплывала наверх, то снова скрывалась в воде, пока наконец река не принесла ее к мельнице. А в это время дочка мельника готовила обед, и понадобилась ей вода. Вот спустилась она к реке, увидела — что-то плывет к плотине, и крикнула:

— Отец! Отец! Скорей опусти створки! Что-то белое — лебедь или русалка — плывет сюда по реке.

И мельник поспешил к плотине и остановил тяжелые, страшные мельничные колеса. А потом отец с дочерью вытащили из воды принцессу и положили ее на берег.

Светлая и прекрасная, лежала она на земле. Жемчуга и самоцветы украшали ее золотые кудри, золотой пояс стягивал ее тонкий стан, золотая бахрома на подоле белой одежды скрывала ее нежные ножки.

Но она не дышала, не дышала...

А пока прекрасная принцесса лежала на берегу, мимо плотин Биннори проходил странник — знаменитый арфист. Он увидел ее прелестное бледное лицо и с тех пор не мог его забыть. Долго странствовал он по свету, а лицо это все стояло перед его глазами.

Много-много дней спустя он вернулся к дивным водам Биннори, но принцесса давно уже спала вечным сном, и он нашел лишь кости ее да золотые кудри. И он сделал из них арфу и поднялся с нею на холм, что стоит над плотинной Биннори, и подошел к замку, где жил король-отец.

В тот вечер король и королева, их сын и дочь, сэр Уильям и весь двор собрались в зале послушать прославленного арфиста. И вот запел арфист, перебирая струны своей арфы, и все — то ликовали и радовались, то плакали и печалились, повинувшись его желанию. И вдруг арфа сама запела тихим и ясным голосом; тогда арфист умолк, и все затаили дыхание.

Вот о чем пела арфа:

О, там сидит мой отец, король,
Биннори, о Биннори;
А с ним сидит королева-мать
Близ дивной плотины Биннори;

Стоит здесь и Хью, мой брат родной,
Биннори, о Биннори;
И верный-неверный Уильям мой,
Близ дивной плотины Биннори.

Диву дались все в зале, а старый арфист рассказал, как однажды увидел он на берегу мертвую принцессу, что утонула близ дивных плотин Биннори, и как сделал из ее костей и золотых волос эту арфу.

И вдруг арфа снова запела громким и ясным голосом:

А вот и сестра, что топила меня
Близ дивной плотины Биннори.

И тут струны лопнули, и арфа умолкла навсегда, навсегда...

Страшный дракон скалы Спиндлстон

Жил когда-то в замке Бамборо король. У него была красавица жена и двое детей. Сына звали Чайлд-Уинд, а дочь Маргарет. И вот Чайлд-Уинд отправился искать счастья, а вскоре после его ухода умерла королева-мать. Король долго и горько плакал по ней, но однажды во время охоты встретил прекрасную леди и так полюбил ее, что решил на ней жениться. И он послал домой известие, что скоро привезет в замок Бамборо новую королеву.

Принцесса Маргарет не рада была узнать, что кто-то займет место ее матери. Но она не роптала и по приказу отца вышла в день его приезда к воротам замка, чтобы встретить мачеху и отдать ей все ключи. Вскоре показался свадебный поезд. Новая королева подошла к принцессе Маргарет, а та низко поклонилась ей и протянула ключи от замка. Зардевшись и опустив глаза долу, принцесса сказала:

— Добро пожаловать, дорогой отец, в ваши чертоги и покои! Добро пожаловать, моя новая мать! Все, что здесь есть, — все ваше! — И она опять протянула ключи королеве.

Один рыцарь из свиты новой королевы воскликнул в восхищенье:

— Право же, краше этой северной принцессы нет никого на свете!

Тут новая королева вспыхнула и громко проговорила:

— Не худо бы вам добавить: «Кроме новой королевы!»

Потом пробормотала вполголоса:

— Скоро исчезнет ее красота...

В ту же ночь королева — а она была знаменитая колдунья — прокралась в подземелье и принялась колдовать. Трижды три раза

произнесла она заклинание, девятью девять раз сотворила волшебный знак и заколдовала принцессу Маргарет. Вот ее заклинание:

Ты станешь отныне ужасным драконом
И не спасешься — так повелю я!
И если твой брат, королевский сын,
Тебе не подарит три поцелуя,
Навеки останешься страшным драконом
И не спасешься — так повелю я!

Вот почему леди Маргарет легла спать прекрасной девушкой, а проснулась страшным драконом. Утром служанки вошли, чтобы одеть ее, и увидели на кровати отвратительное чудовище, свернувшееся кольцом. Дракон вытянулся и пополз к ним навстречу, но они с криком убежали прочь.

А чудовище извивалось и ползло, ползло и извивалось, пока не добралось до скалы Спиндлстон. Оно обвилось вокруг скалы и лежало там, грея на солнце свою ужасную морду.

Вскоре все окрестные жители поневоле узнали о страшном драконе скалы Спиндлстон, — ведь голод заставлял дракона выползать из пещеры и пожирать все, что попадалось ему на пути.

Тогда люди отправились к могущественному волшебнику и спросили его, что им делать. Волшебник посоветовался со своим помощником, заглянул в волшебные книги и объявил:

— Страшный дракон — это принцесса Маргарет! Дракона терзает голод — вот он и пожирает все на своем пути. Отберите для него семь коров и каждый день на закате носите к скале Спиндлстон все молоко от них — все до капли! — и дракон вас больше не тронет. Если же вы хотите, чтобы страшный дракон снова превратился в принцессу Маргарет, а королева, что заколдовала ее, понесла наказание по заслугам, вызовите из-за моря брата принцессы — Чайлд-Уинда.

Так и сделали. Дракону носили молоко от семи коров, и он больше никого не трогал.

Когда до Чайлд-Уинда дошли вести о горькой доле сестры, он торжественно поклялся освободить ее, а жестокой мачехе отомстить, и тридцать три рыцаря Чайлд-Уинда поклялись вместе с ним. И вот они принялись за работу и построили длинный корабль, а киль его сделали из рябинового дерева. Когда же все было готово, они взялись за весла и поплыли прямо к замку Бамборо.

Но не успели они приблизиться к угловой башне замка, как королева-мачеха узнала с помощью колдовства, что против нее что-то замышляют. Созвала всех своих приближенных бесов и сказала:

— Чайлд-Уинд плывет по морю. Так пусть не доберется до суши! Поднимите бурю или разбейте его корабль! Делайте что хотите, только помешайте ему высадиться на берег!

И бесы поспешили навстречу Чайлд-Уинду. Но как увидели они, что киль у корабля рябиновый, — отступили, бессильные. Вот вернулись они к королеве-колдунье, и та сначала ничего не могла придумать. Потом приказала своим воинам сразиться с Чайлд-Уиндом, если он высадится близ замка, а страшного дракона заставила стеречь вход в гавань.

Когда корабль Чайлд-Уинда подошел к гавани, дракон кинулся в море, обвился вокруг корабля и отбросил его от берега.

Трижды приказывал Чайлд-Уинд своим людям грести сильней и не падать духом, но каждый раз страшный дракон отгонял корабль от берега.

Тогда Чайлд-Уинд приказал плыть в обход, а королева-колдунья решила, что он отчаялся и уплыл прочь. Но Чайлд-Уинд обогнул мыс и спокойно причалил к берегу в заливе Балд. Оттуда он и его рыцари с обнаженными мечами и натянутыми луками бросились разить страшного дракона, что мешал им высадиться на берег.

Но в тот миг, когда Чайлд-Уинд ступил на землю, власть королевы-колдуньи над страшным драконом кончилась. И королева вернулась в свои покои одна — ни бесы, ни воины уже не могли ей помочь, и она знала, что час ее пробил.

Когда же Чайлд-Уинд приблизился к страшному дракону, тот и не пытался его сожрать.

Чайлд-Уинд уже занес было над драконом свой меч, как вдруг из страшной пасти чудовища послышался голос его сестры Маргарет:

Оставь свой меч и лук тугой,
Дракона не страшись!
И трижды к чешуе моей
Губами прикоснись.

Чайлд-Уинд так и застыл с мечом в руке. Он не знал, что и думать. А страшный дракон опять проговорил:

Оставь свой меч, склонись ко мне
И трижды поцелуй!
Спеши, пока не умер день,
И чары расколдуй!

И вот Чайлд-Уинд подошел к страшному дракону и поцеловал его. Но дракон как был, так и остался драконом. Чайлд-Уинд поцеловал его еще раз, но с драконом опять ничего не случилось. Тогда Чайлд-Уинд поцеловал чудовище в третий раз. И тут страшный дракон с шипеньем и ревом отпрянул назад, и перед Чайлд-Уиндом предстала его сестра Маргарет.

Чайлд-Уинд закутал сестру в свой плащ и поспешил с нею в замок. Подошел к угловой башне, поднялся в покои королевы-колдуньи и дотронулся до нее веточкой рябины. Не успел он это сделать, как колдунья съежилась, сморщилась и превратилась в огромную, уродливую жабу с дико выпученными глазами. Жаба заквакала, зашипела и запрыгала со ступеньки на ступеньку вниз по лестнице.

С этого дня Чайлд-Уинд стал править королевством вместо своего отца, и все они зажили счастливо.

А возле угловой башни замка Бамборо и сейчас еще появляется мерзкая жаба. Это все она, злая королева-колдунья.

Три головы в колодце

Задолго до времен короля Артура и рыцарей Круглого стола правил Восточной Англией король, который жил вместе со своим двором в Колчестере.

Когда он был в самом расцвете своей славы, умерла его жена — королева. Она оставила ему единственную дочку, лет пятнадцати от роду, такую красивую и добрую, что все ей дивились. Но вот король прослышал об одной очень богатой леди — вдове с единственной дочерью — и решил на ней жениться, хотя леди эта была уродливая, горбатая старуха с крючковатым носом. Да и дочка ее оказалась желтолицей дурнушкой, злой и завистливой — словом, из того же теста, что и мать. Но все равно через несколько недель король в сопровождении всей знати привез свою уродливую невесту во дворец, где их и обвенчали.

И не успела новая королева поселиться во дворце, как восстановила короля против его красавицы дочери своими лживыми наветами. Молодая принцесса увидела, что отец разлюбил ее, и не захотела больше оставаться при дворе. Как-то раз встретила она отца в саду и со слезами на глазах упростила его отпустить ее — сказала, что хочет счастья искать.

Король согласился и приказал жене дать принцессе в дорогу все, что она пожелает. Принцесса пошла к королеве, и та дала ей ломоть черного хлеба и кусок черствого сыра в холщовом мешке да бутылку вина. Жалкое это было приданое для королевской дочери, но принцесса взяла все, что ей дали, поблагодарила и отправилась в путь.

Она шла через рощи, леса и долины и наконец увидела старика, что сидел на камне у входа в пещеру. Старик сказал ей:

— Добрый день, красавица! Куда так спешишь?

— Иду счастья искать, отец мой, — ответила принцесса.

— А что у тебя в мешке и в бутылке?

— В мешке у меня хлеб и сыр, а в бутылке вкусное некрепкое вино.

Не хочешь ли отведать?

— С превеликим удовольствием! — ответил старик.

Девушка выложила всю еду и пригласила старика откусать. Старик позавтракал, поблагодарил ее и сказал:

— Тебе встретится густая изгородь из колючего кустарника. Через нее трудно пробраться. Но ты возьми в руки вот этот прутик, трижды взмахни им и скажи: «Изгородь, изгородь, дай мне пройти», — и она тотчас расступится. Ты пойдешь дальше и увидишь колодец. Сядь на его край. Тут наверх всплывут три золотые головы и заговорят с тобой, а ты сделай все, о чем они тебя попросят.

Принцесса пообещала, что так и сделает, и распрощалась со стариком. Вот подошла она к изгороди, трижды взмахнула прутиком, и живая изгородь расступилась и пропустила ее. Потом принцесса подошла к колодцу, но не успела она присесть на его край, как всплыла золотая голова и запела:

Умой меня, причеши меня
Да на берег положи меня,
Чтоб я обсохла на диво
И тому, кто проходит мимо,
Чтоб я показалась красивой.

— Хорошо, — ответила принцесса.

Взяла голову к себе на колени, расчесала ей волосы серебряным гребнем, потом положила ее на желтый песок.

Тут всплыла вторая голова, а за ней третья, и обе они попросили о том же, что и первая. Принцесса выполнила все их просьбы, потом достала свои припасы и принялась за еду.

А головы тем временем совещались:

— Чем одарить нам эту девушку за ее доброту?

И первая голова сказала:

— Я сделаю ее такой красавицей, что ее полюбит самый могущественный принц на земле.

Вторая сказала:

— А я одарю ее таким нежным голосом, с каким не сравнится и пение соловья.

А третья сказала:

— Мой дар будет не хуже. Она дочь короля, и я сделаю так, что она станет женой величайшего из властителей мира. Вот как я ее осчастливлю.

Наконец принцесса опустила головы обратно в колодец и пошла дальше. Вскоре она встретила молодого короля, что охотился в парке со своей свитой. Принцесса хотела было спрятаться, но король заметил ее, подошел и, когда увидел, как она прекрасна, и услышал ее нежный голос, страстно влюбился в нее и тут же упросил ее стать его женой.

Жених узнал, что она дочь колчестерского короля, и, как только они поженились, решил съездить к тестю. Молодые приехали в колеснице, разукрашенной золотом и самоцветами.

Подивился старый король, когда узнал, как повезло его дочке, а молодой король рассказал ему обо всем, что с ней приключилось. Весь двор радовался счастью принцессы, только злая королева и ее колченогая дочка чуть не лопнули от злости.

Пир, веселье и танцы длились много дней. Наконец молодые уехали домой, захватив с собой приданое, которое отец дал своей родной дочери.

Тут безобразной принцессе взбрело на ум, что раз уж ее сестре так посчастливилось, когда она пошла по свету счастья искать, значит, и ей тоже повезет. Вот объявила она матери, что пойдет счастья своего искать, и ее собрали в дальний путь. Сшили ей богатые наряды, надавали на дорогу и сахару, и миндаля, и сластей; а еще прихватила она с собой громадную бутыл малаги и пошла со своими припасами по той же дороге, что и ее сестра.

Подошла она к пещере, и старик спросил ее:

— Куда спешишь, девушка?

— Тебе какое дело? — ответила она.

— Ну а что у тебя в мешке и в бутылке? — спросил он.

— Кое-что есть, да не про вашу честь, — ответила она.

— А ты не дашь мне немножко? — попросил старик.

— Ни кусочка, ни глоточка, чтоб тебе подавиться!

Старик нахмурился и сказал:

— Ждет тебя горькая доля.

А принцесса побрела дальше и вскоре подошла к живой изгороди. Заметила в изгороди просвет и решила, что проберется на ту сторону. Да не тут-то было: кусты сомкнулись, и колючки впились в тело путницы. Еле пробралась она через чащу. Колючки искололи ее до крови, и она принялась искать воды, чтобы умыться. Огляделась, видит — колодец. Только села на край колодца, как всплыла наверх золотая голова и стала просить:

Умой меня, причеши меня
Да на берег положи меня...

Но не успела умолкнуть, как злая принцесса ударила ее бутылью и сказала:

— Вот тебе вместо умыванья!

Тут всплыла вторая голова, а за ней и третья, но принцесса встретила их не лучше. И тогда головы стали держать совет, какими несчастьями наказать злую принцессу.

Первая голова сказала:

— Пусть лицо ее поразит проказа!

Вторая сказала:

— Пусть голос ее станет таким же скрипучим, как у коростеля!

Третья сказала:

— Пусть она выйдет замуж за бедного деревенского сапожника!

Так-то вот.

А принцесса пошла дальше и пришла наконец в какой-то городок. День был базарный, и на улицах толпилось много народу. Но как только люди увидели безобразное лицо принцессы и услышали ее скрипучий голос, все разбежались; только бедный деревенский сапожник остался.

Незадолго перед тем пришлось ему чинить обувь одному старому отшельнику. А у того денег не было, вот он и дал сапожнику вместо платы баночку с мазью от проказы и склянку с настойкой от скрипучего голоса. Сапожник пожалел девушку, подошел к ней и спросил, кто она такая.

— Я падчерица колчестерского короля, — ответила принцесса.

— Ах вот как, — сказал сапожник. — Ну, а если я тебя вылечу — сделаю так, чтоб и лицо твое и голос стали прежними, — ты за это возьмешь меня в мужья?

— Конечно! — ответила она. — С радостью.

И сапожник в несколько недель вылечил принцессу своими снадобьями. Потом они обвенчались и поехали в колчестерский замок.

Как узнала королева, что дочь ее вышла замуж за какого-то нищего сапожника, до того разозлилась, что повесилась со злости. А старый король обрадовался, что так быстро избавился от нее, и на радостях подарил сапожнику сто фунтов, с тем, правда, чтобы супруги тут же покинули его двор и уехали куда-нибудь подальше, в глушь.

Так они и жили много лет: сапожник чинил сапоги, а жена сучила ему нитки.

Дочь графа Мара

В один прекрасный летний день дочь графа Мара выбежала, приплясывая, из замка в сад. Она бегала, и резвилась, и смеялась, а порою оставалась послушать пение птиц. Но вот она присела в тени зеленого дуба, подняла глаза и увидела высоко на ветке веселого голубка.

— Гуленька-голубок, — позвала она, — спустись ко мне, милый! Я унесу тебя домой, посажу в золотую клетку и буду любить и лелеять больше всех на свете!

Не успела она это сказать, как голубь слетел с ветки, сел ей на плечо и прильнул к ее шее. Она пригладила ему перышки и унесла его домой в свою комнату.

День угас, и настала ночь.

Дочь графа Мара уже собиралась спать, как вдруг, обернувшись, увидела перед собой прекрасного юношу. Она очень удивилась — ведь дверь свою она уже давно заперла. Но она была смелая девушка и спросила:

— Что тебе здесь надо, юноша? Зачем ты пришел и напугал меня? Вот уже несколько часов, как дверь моя на засове. Как же ты сюда проник?

— Тише, тише! — зашептал юноша. — Я тот самый гуленька-голубок, которого ты сманила с дерева.

— Так кто же ты тогда? — спросила она совсем тихо. — И как случилось, что ты превратился в милую, маленькую птичку?

— Меня зовут Флорентин, — ответил юноша. — Мать у меня королева, и даже поважней, чем королева, — она умеет колдовать. Я не

хотел ей подчиняться, вот она и превратила меня в голубя. Однако ночью чары ее рассеиваются, и тогда я опять обращаюсь в человека. Сегодня я перелетел через море, впервые увидел тебя и обрадовался, что я — птица, а потому могу к тебе приблизиться. Но если ты меня не полюбишь, я никогда больше не узнаю счастья!

— А если я полюблю тебя, ты не улетишь, не оставишь меня? — спросила она.

— Никогда, никогда! — ответил принц. — Выходи за меня замуж, и я буду твоим навеки. Днем птицей, а ночью человеком — я всегда буду с тобой.

И вот они тайно обвенчались и счастливо зажили в замке. И никто не ведал, что гуля-голубок ночью превращается в принца Флорентина. Каждый год у них рождалось по сыну, да такому красивому, что и описать невозможно. Но как только мальчик появлялся на свет, принц Флорентин уносил его за море — туда, где жила его мать, королева.

Так пролетело семь лет, и вдруг к ним пришла великая беда. Граф Мар решил выдать дочь замуж за знатного человека, который к ней посватался. Отец принуждал ее согласиться, но она сказала ему:

— Милый отец, я не хочу выходить замуж. Мне так хорошо здесь с моим гуленькой-голубком.

Тогда граф разгневался и в сердцах поклялся:

— Клянусь жизнью, я завтра же сверну шею твоей птице!

Топнул ногой и вышел из комнаты.

— О боже, придется мне улететь! — сказал голубь.

И вот он вспорхнул на подоконник и улетел. И все летел и летел — перелетел через глубокое-преглубокое море, полетел дальше и летел, пока не показался замок его матери.

А в это самое время королева-мать вышла в сад и увидела голубя — он пролетел над ее головой и опустился на крепостную стену замка.

— Скорей сюда, плясуны! — позвала королева. — Пляшите джигу! А вы, вольтыжники, веселей играйте на вольтках. Мой милый Флорентин вернулся! Вернулся ко мне навсегда, — ведь на сей раз он не принес с собой хорошенького мальчика.

— Ах, нет, матушка, — сказал Флорентин, — не надо мне плясунов, не надо вольтыжников! Милую мою жену, мать моих семерых сыновей, завтра выдадут замуж, и день этот для меня будет днем скорби.

— Чем я могу помочь тебе, сын мой? — спросила королева. — Скажи, и я все сделаю, что в моих волшебных силах.

— Так вот, дорогая матушка: тебе служат двадцать четыре плясуна и вольтжика — обрати всех их в серых цапель. Семеро сыновей моих пусть станут семью белыми лебедями, а сам я превращусь в ястреба и буду их вожак.

— Увы, увy, сын мой! Это невозможно! — возразила королева. — Не под силу это моим чарам. Но, быть может, моя наставница, волшебница Остри, скажет, что надо делать.

И королева-мать поспешила к пещере Остри. Вскоре она вышла оттуда, бледная как смерть, с пучком пылающих трав в руках. Она прошептала над травами какие-то заклинания, и вдруг голубь обратился в ястреба, его окружили двадцать четыре серые цапли, а над ними взвилось семь молодых лебедей.

И все они немедленно полетели через глубокое синее море. Море так и металось, так и стонало под ними. Но они все летели и летели и наконец прилетели к замку графа Мара, как раз когда свадебный поезд двинулся в церковь. Впереди ехали вооруженные всадники, за ними друзья жениха и вассалы графа Мара, потом жених, а позади всех бледная и прекрасная дочь графа Мара.

Медленно-медленно под звуки торжественной музыки двигались они, пока не приблизились к деревьям, на которых сидели птицы. И тут Флорентин-ястреб издал крик, и все птицы поднялись в воздух — цапли летели низко, молодые лебеди над ними, а ястреб кружил выше всех.

Свадебные гости дивились на птиц, как вдруг — хлоп! — цапли ринулись вниз и рассеяли всадников. Молодые лебеди окружили невесту, а ястреб кинулся на жениха и привязал его к дереву. Тогда цапли опять слетелись в тесную стаю, и лебеди уложили на спину, как на пуховую перину, свою мать. Потом птицы взвились в небо и понесли невесту к замку принца Флорентина.

Вот как птицы расстроили свадьбу! Такого чуда еще никто не видел.

А свадебные гости?

Им только и оставалось, что глядеть, как прекрасную невесту уносят все дальше и дальше, пока наконец и цапли, и лебеди, и ястреб не скрылись из виду.

Принц Флорентин в тот же самый день доставил дочь графа Мара в замок своей матери, королевы, а та сняла с сына заклятие, и все они зажили счастливо.

Лэмтонский змей

Юный Роберт, сын лорда Лэмтона, очень любил удить рыбу. Пойдет он на берег — неподалеку от замка текла речка Уиер, а в ней водилась крупная жирная рыба, — закинет удочки и сидит весь день, ждет, когда клюнет. Даже про уроки забывал.

Вот раз сидит он на берегу, засмотрелся на воду, как она течет стремительно, и не заметил, что рядом села его сестра Джейн.

— Вот ты где, Роберт! Почему убежал из дома не спросясь? И урок не сделал... Отец рассердился.

— Очень уж сегодня хороший клев. Видишь, сколько я рыбы наловил. Знатная будет уха!

Заглянула Джейн в бадейку, где била хвостами пойманная рыба, и говорит:

— А там еще что-то плавает. Не то рыбка, не то червяк. Правда, смешной? Только очень маленький — ни в суп его, ни на сковородку.

Джейн долго разглядывала незнакомую тварь: тело длинное, круглое, головка плоская и хвостом вертит не переставая.

— Боюсь я его. Ишь какие злые глаза, так и сверкают.

— Глупышка, это ведь всего маленькая змейка, — сказал Роберт и глянул на небо: — А и верно пора домой! Ох и будет мне от отца!

Смотал он удочки, взял бадейку с рыбой, и пошли они домой. Миновали круглый зеленый холм, подошли к старому колодцу. Воду из него давно перестали брать, и мальчишки любили бросать туда камушки. Остановились брат с сестрой у колодца, заглянули в темную глубину. Вдруг Роберт сунул в бадейку руку, вынул змейку и говорит:

— Зачем нести домой всякую мелочь? Пусть плавает. — И бросил ее в темную спокойную воду.

Прошел год, прошел другой. Минуло Роберту пятнадцать лет. А тут собрался лорд Лэмтон на войну. Стал Роберт просить отца, чтобы взял его с собой. Боится отец, не хочет брать сына. Но все-таки упросил его Роберт, и поехали они воевать вместе.

— Не вернутся они домой, — плакала леди Лэмтон, — не видать мне больше ни сына, ни мужа.

Утешает ее Джейн, а у самой слезы так и льются.

Не вернулся лорд Лэмтон, сложил голову в кровавой сече с турками. И поскакал Роберт домой один, пять лет не видал он родной земли.

Долгим был обратный путь, и вот ступил наконец Роберт на английский берег. Поскакал дальше, спешит. Вот уже родные места; стеснилось у него сердце — скоро обнимет матушку с сестрой.

Но что это? Поля окрест лежат голые, черные, вместо деревни — пепелище. Не слышно ни голоса человеческого, ни лая собак. Жутко стало Роберту: вдруг и Лэмтонский замок сгорел? Нет, к счастью, цел его замок. Подъехал Роберт ближе — все окна и двери плотно заперты, трава во дворе по пояс стоит. Въехал Роберт во двор, парадная дверь чуть приоткрылась, и в щелку выглянула сестра. Роберт ее не сразу узнал: выросла Джейн и стала красивой девушкой.

— Ах, Роберт! — воскликнула Джейн и выбежала навстречу. — Наконец-то ты вернулся. Спаси нас, дорогой брат!

— Спасти? От кого? Что тут у вас случилось, милая сестра? А матушка где?

— Матушка не выходит из опочивальни. Если ты не спасешь нас, все мы погибли. — И Джейн спрятала лицо в ладони.

Обнял ее брат, перестала она плакать и говорит:

— Идем на берег, покажу тебе чудовище, страшнее которого нет на свете.

Пошли брат с сестрой по тропинке, что вела к реке Уиер. Вот и зеленый холм, только вершина у него голая, а по склонам борозда бежит, и трава в ней вся как есть содрана. Скоро заблестела на солнце река.

— Смотри, — махнула рукой Джейн.

Глянул Роберт, куда сестра махнула, и вскрикнул от изумления. Посреди реки торчит из воды скала, и обвивает ее черными кольцами чудовище, похожее на громадного змея. Вот оно задрало голову, задышало шумно, из пасти пламя вырвалось.

— Это оно есть хочет, — прошептала Джейн. — Надеюсь, ему хватит молока сегодня. Каждый день мы носим ему молоко от девяти коров. Налакается змей молока и никого не трогает. А не найдется девяти коров — беда! Ползает он по окрестностям, изрыгает из пасти пламя. Что попадется на пути — сжигает дотла. Ты видел, все кругом мертвое — и поля, и деревья. Наша земля больше не может нас прокормить, и многие люди ушли из этих мест. А те, кто остался, умирают голодной смертью.

— Откуда он взялся? — спросил Роберт.

Джейн посмотрела на брата долгим взглядом и говорит:

— Это ведь змей, Роберт, тот самый змей.

— Какой змей?

— Помнишь, мы были маленькие, пошел ты удить рыбу и поймал черную змейку. А потом бросил ее в старый колодец.

— Но ведь она была совсем крошечная, — возразил он.

— Я еще сказала, какие у нее глаза злые. А ты ответил: глупости, это просто маленькая змейка. Потом вы уехали, иду я как-то мимо колодца, заглянула в него, а из темноты на меня кто-то злобные глаза таращит. Вгляделась — на дне колодца большой змей кольцами свился, но я сразу его узнала, по глазам. Потом я часто к этому колодцу подходила. Змей рос и рос. Мне было так страшно, но я никому ничего не говорила. Скоро стало ему в колодце тесно. И вот однажды вылез он оттуда и уполз назад в реку. С тех пор он и не дает нам покоя.

— Недолго ему осталось мучить людей! — воскликнул Роберт. — Я выудил его из реки, я его и порешу.

А змей тем временем скользнул со скалы в воду и поплыл к берегу. Вылез на землю и пополз, извиваясь, к зеленому холму, а как дополз до вершины, обвил склоны своим длинным телом девять раз.

— Как же сражаться с ним на верхушке холма? — растерялся Роберт.

Тут к холму подошли три деревенских парня, бледные от страха, и у каждого в руках по тяжелой бадье.

— Видишь, принесли змею молоко от девяти коров.

Медленно пополз змей с холма.

— Пусть пьет, тут-то я его и убью, — прошептал Роберт.

Подождал он, пока змей опустит голову в ведро, и, неслышно ступая, приблизился к нему. Джейн отошла подальше, боится пальцем пошевелить. А змей пьет и ничего не замечает. Занес над ним Роберт свой булатный меч, ударил изо всех сил и рассек пополам мягкое тело змея.

— Ах, Роберт! — воскликнула Джейн. — Ты убил чудовище!

Но не тут-то было. Из одного змея стало два, и обе половинки так сильно бились на земле, что Роберт поспешно отбежал в сторону. Подползли две половинки друг к дружке, и — о чудо! — змей опять цел-целехонек. Задрал свою ужасную голову и задышал жарким пламенем. Опалились волосы на голове у Роберта, и пришлось ему отступить ни с чем.

На другой день Роберт опять напал на змея. Выждал, когда тот уснет, и разрубил его на три части. Куски тут же срослись, и огнедышащий змей двинулся на храбреца. Отважно сражался Роберт с чудовищем, но пришлось и на этот раз отступить. Хорошо, что живым домой вернулся.

— Все тщетно! — в отчаянии воскликнул Роберт. — Разруби я его хоть на тысячу кусков, они все равно срастутся. Кто может победить такое чудовище!

— Силой тут не возьмешь, — сказала Джейн. — Надо что-то придумать. В деревне осталась одна старуха вещунья, на дальнем конце деревни живет. Может, она что посоветует?

В тот же вечер пошел Роберт к старухе вещунье. Вошел к ней в дом и видит: сидит старуха у очага, один черный кот на плече у нее мурлычет, другой у ног трется. Выслушала старуха Роберта, долго думала, глядя в огонь, и наконец говорит:

Если хочешь нас спасти,
Надо в речке бой вести.

Сказала эти слова и снова умолкла. С тем Роберт и ушел от нее.

— Как же это в речке вести бой? — спросил Роберт сестру. — Течение такое быстрое, да и глубоко на середине. Я там и дна не достану.

— А что, если встать на скалу? Доплыви до нее, пока змей молоко лакает. А как он вернется, сразись с ним и убей.

Послушался Роберт сестру. Пошел утром на берег, а змей лежит посреди реки как ни в чем не бывало, обвил скалу черными кольцами. В полдень развил кольца и поплыл к берегу молоко пить, которое у подножия холма деревенские парни оставили.

Прыгнул Роберт в воду и, не теряя времени, поплыл к скале. Течение быстрое, вода холодная, боится Роберт — не доплыть ему до скалы. Но руки у него сильные, одолел он течение. Вылез на скалу и ждет с бьющимся сердцем возвращения змея.

Вот наконец появилось на берегу длинное черное тело — ползет, извиваясь, к воде спешит. Увидел змей, что скала человеком занята, остановился. Злобные глаза засверкали, из ноздрей огонь вырвался. Нырнул он в реку и поплыл к скале. Тут Роберт обнажил меч, приготовился вступить с чудовищем в бой. А змей не хочет на скалу лезть, знай себе кружит около, да так быстро, что не разберешь, где у него голова, где хвост.

Высунулась вдруг из воды огнедышащая голова, взмахнул Роберт мечом, а змей обвил хвостом его ногу и давай тянуть. «Ну, — думает Роберт, — пришел мой последний час». Поднатужился, махнул мечом да и отсек змею кончик хвоста.

Тут-то и понял Роберт, почему старуха велела в реке со змеем биться. Упал кончик хвоста в воду, и унесла его быстрина, не успев обратно прирасти.

Злобно зашипел змей и ринулся на Роберта, дыша пламенем. А Роберт занес меч с новой силой и давай рубить черное тело змея: отрубит кусок, а течение унесет его, отрубит — опять унесет.

Так и уничтожил Роберт ужасного змея. Вернулись лэмтонцы в свои дома и зажили без страха. Земля скоро опять зазеленела. Только на самой верхушке круглого холма так и осталось голое место — память о змее. С тех пор и зовут люди холм Змеиным. Говорят, еще лет сто назад видны были борозды — следы от девяти колец, которыми змей этот холм обвивал.

Юный Поллард и окландский вепрь

Давно это было, на севере Англии тянулись тогда дремучие леса, бродили в них дикие звери — медведи, барсуки, кабаны, — и встреча с таким зверем не сулила путнику ничего доброго. И вот одной осенью завелся в окрестностях Окландского замка, что в графстве Дарем, свирепый кабан, который навел страх на всю округу.

Был этот вепрь огромен и страшен, на морде у него топорщилась черная щетина, из пасти торчали изогнутые клыки, маленькие глазки злобно рыскали из стороны в сторону, а бегал он так быстро — на коне не утонишься.

Питался вепрь травой, корешками и тем, что растили крестьяне на полях, да не столько съедал, сколько вытаптывал. Он ненавидел всех других тварей, но больше всего ненавидел людей; по вечерам хоронился в кустах, поджидая крестьянина, устало бредущего с поля. Живым от него никто не уходил.

Земля в округе принадлежала богатому и могущественному даремскому епископу, хозяину Окландского замка. Вепрь так застрашал окрестных крестьян, что не выдержали они и написали письмо епископу, слезно умоляя помочь им в беде: даже днем нет спасенья от лютого зверя, а как солнце сядет — и за калитку носа не высунешь.

Согласился епископ, что дело плохо, и обещал по-королевски наградить храбреца, который убьет вепря.

Молодые люди, однако, качали головами. Сколько смелых рыцарей приезжало из южных графств сразиться с вепрем, немало убитых драконов и других чудовищ было на их счету. И что же? Ни один не

вернулся из леса Этерли-дин, в котором было логово вепря. Какой толк в награде, рассуждали местные храбрецы, если некому ее получить?

Нашелся все-таки юноша, которого прельстила обещанная награда. Это был младший сын старинного рода по имени Поллард; ему не маячили ни деньги, ни родовой замок, оставалось надеяться на самого себя.

«Недурно придумано — наградить смельчака по-королевски, — сказал он себе. — Но мертвым награда не нужна. Вепрь убивает не только крестьян — сколько вооруженных рыцарей погибло, сражаясь с ним. Видно, вепрь не только силен, но и хитер. Значит, надо разведать его повадки. И сначала потягаться с ним хитростью. А не выйдет — померяться силой».

Оставил дома юный Поллард меч, коня, доспехи, сунул в карман ломоть хлеба и кусок сыра и пошел в лес Этерли-дин, где хоронился вепрь. Идет, вслушивается в каждый шорох, вглядывается в звериные тропы. Наконец напал на след вепря и много дней крался по его пятам. Ночью зверь петлял по лесам и полям, днем отсыпался в своем логове и ни разу не почувал близости человека.

Прошел месяц, юный Поллард все разузнал о вепре — зверь огромен и свиреп, силен и проворен. К тому же на редкость прожорлив. Ест все подряд, но больше всего любит буковые орешки — они толстым слоем устилали землю в буковых лесах. Вызвал Поллард, где вепрь отсыпается днем — в самой глубине леса, в гуще могучих буков. Нашатавшись вдоволь по окрестностям, вепрь под утро возвращался в свою чащобу, лакомился буковыми орешками и валился спать.

Теперь юный Поллард знал, что ему делать. Взял кривой, как серп, меч, оседлал свою лошадь и поскакал вечером к одинокой ферме, стоявшей у самого леса Этерли-дин; оставил лошадь на соседней ферме и пошел в лес. Он знал, что до рассвета вепрь не вернется, будет рыскать по округе и только под утро явится в Этерли-дин, набьет брюхо буковыми орешками и заснет у себя в логове. Нашел Поллард высокий развесистый бук, что рос в двух шагах от логова вепря, — он еще раньше его приметил. Залез на него, натряс целую гору орешков, чтобы вепрь налопался до отвала и поскорее заснул.

Чуть только забрезжило на востоке, послышалось приближение вепря: сопит, хрюкает, роет носом опавшие листья. Вдруг стало тихо-тихо: зверь учуял приготовленное Поллардом угощение. И сейчас же

раздалось торопливое чавканье, как будто вепрь куда-то очень спешил. Поллард думал, что натряс орешков на целое стадо кабанов, но, видно, у этого вепря брюхо было бездонное — он все ел, ел и никак не мог насытиться. У Полларда затекли ноги, онемела рука, сжимавшая меч, но он не смел шелохнуться: у вепря такое чутье, что малейший шорох мог испортить все дело.

Наконец съеден последний орешек. Зверь хрюкнул от удовольствия и тяжело двинулся к логову, с шумным вздохом улегся на землю, повернулся на бок и зажмурил глаза, разомлев от такой сытной еды.

Дождавшись, когда вепрь как следует разоспится, Поллард осторожно спустился с дерева и, не дыша, пополз к логову — надо убить вепря, пока он спит. Но не тут-то было, зверь и спящий учуял опасность: с ужасающим рыком поднялся он на ноги и ринулся на юношу — тот едва успел отскочить в сторону. Хоть вепря и разморило от еды, все равно это был хитрый и опасный соперник.

Весь день сражались в Этерли-дине Поллард и вепрь, и ни тот, ни другой не могли одержать верх. Вот уже и солнце село, на небе зажглись одна за одной звезды, и юный Поллард стал уставать — вепрь теснил его все дальше и дальше в дебри дремучего леса. Часы на Окландском соборе пробили полночь. Поднапрягся Поллард, собрал все силы и вот уже стал одолевать зверя. Всю ночь при свете звезд длилось единоборство. Только когда первый луч солнца позолотил верхушки деревьев, размахнулся Поллард мечом во всю ширь плеча и убил вепря.

В полном изнеможении, с кровоточащими ранами, нагнулся он над мертвым зверем и еще раз подивился его громадности: да, такое чудище могло причинить еще много бед. Теперь скорее на ферму, вскочить в седло и скакать с хорошей вестью к епископу. Но юный Поллард не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Тяжело вздохнув, он раскрыл зверю пасть, отсек язык и спрятал его в карман; затем доковылял до зарослей папоротника, зарылся в пожухлую зелень, свернулся калачиком и тотчас уснул.

Спал он весь день. Сон его был так крепок, что не пробудило его ни пение птиц в кронах над головой, ни кролики, шуршащие совсем рядом, ни лисица, крававшая мимо на своих бархатных подушечках.

Не слышал он и всадника, который скакал после полудня как раз вдоль этой опушки. Увидев огромного кабана, лежащего неподвижно, он подъехал ближе и спешился.

«Эге, да никак тот самый вепрь, за которого епископ обещал по-королевски наградить», — подумал он. Оглянувшись кругом — никого: видно, вепрь погиб, сражаясь с каким-то другим зверем.

— А почему бы мне не получить награды? Кто узнает, что не я его убил? — сказал он себе.

Отрубил зверю голову, привязал к седлу и, радуясь такой удаче, поскакал в Окландский замок.

Тут вскоре проснулся юный Поллард, потянулся, вскочил на ноги — пора и за наградой ехать. Вот только умыться бы в соседнем ручье. Сделал два шага, вдруг видит — о ужас! — вепрь-то без головы. Поллард чуть сам замертво не упал.

— Было бы мне тут же ехать к епископу, — сокрушался он. — Но ведь я на ногах не держался, шутка ли — весь день и всю ночь биться с диким вепрем. Кто угодно заснул бы. И вот все мои старания, смертельная схватка — все, все зря. Награду вместо меня получит ловкий обманщик. Но может, еще не поздно? Может, я еще успею попасть к епископу и докажу, что я победитель вепря?

И Поллард со всех ног бросился на ферму, где оставил лошадь. Вскочил в седло и стрелой понесся в Окландский замок.

— Мне нужно видеть епископа! — крикнул он страже, преградившей ему путь. — Меня зовут Поллард. Я убил вепря и прискакал за обещанной наградой.

— Может, ты и убил, — отвечает стража, — но только что в замок прискакал незнакомец, и у него к седлу приторочена голова вепря. Так, наверное, все-таки он победитель.

Юный Поллард поднял в ответ такой шум, что стража, спокойствия ради, пропустила его в замок, а мажордом провел в зал церемоний, где епископ во всем своем облачении принимал посетителей. Как раз в этот миг перед ним предстал незнакомец, держащий голову вепря, а приближенные и слуги собрались вокруг и, охая, разглядывали страшные клыки, восхитаясь победителем и завидуя его счастью.

Только что юный Поллард вступил в зал, епископ мановением руки воцарил тишину и, благосклонно глядя на незнакомца, промолвил:

— Храбрый незнакомец, ты освободил наш край от ужасного бедствия и за свою отвагу будешь награжден по-королевски.

— Стойте, ваше преосвященство! — воскликнул Поллард, раскидывая слуг, которые пытались задержать его. — Вепря убил я, а не этот чужеземец.

И Поллард рассказал, как бился с чудовищем весь день и всю ночь, как упал на землю в полном изнеможении и проспал до вечера.

— Возможно, возможно, — с насмешкой проговорил незнакомец. — Тем не менее вепря убил я. И у меня есть доказательство. — Он поднял высоко голову вепря и бросил ее к ногам епископа.

— Голова доказывает только то, что ты ее отрубил, — возразил юный Поллард, сунул руку в карман, достал язык вепря и бросил его на пол рядом с головой. — Вот свидетельство, что я настоящий победитель.

Медленно поглаживая бороду, епископ посмотрел на язык, на голову, потом перевел взгляд с юного Полларда на заезжего гостя. Он был человек мудрый и сразу понял, кто из двух говорит правду.

— Откройте пасть вепрю и посмотрите, есть ли у него язык, — приказал он.

Слуги поспешили выполнить приказание, и незнакомец, зная, кто прав, круто повернулся и чуть не бегом покинул зал. Вскочил во дворе на коня и умчался прочь, только его и видели.

И тогда юный Поллард стал рассказывать, как он целый месяц выслеживал вепря, выведал все его повадки, как придумал убить вепря, когда он уснет, сморенный усталостью и любимой едой.

— Поразительно! — восхищенно воскликнул епископ. — Ты поистине заслужил величайшую награду. Теперь слушай, в чем она состоит. В этот час я всегда ухожу обедать. Возвращайся к концу моей трапезы. Вся земля, что ты объедешь за время, пока я ем, будет твоя.

И епископ подал прислуге знак растворить двери в столовую.

— Сколько времени обедает епископ? — спросил юный Поллард у привратника, выйдя во двор.

— Обычно около часа, — ответил тот, — но я видел восхищение епископа и уверен, что сегодня он продлит трапезу.

— Отлично, — обрадовался юный Поллард, оседлал кобылу и не спеша выехал из ворот замка.

Епископ, как и думал слуга, на сей раз не торопился, и обед растянулся на полтора часа.

— Ну как, юный Поллард уже вернулся? — спросил епископ.

— Вернулся? Мой господин, он ожидает в зале добрых три четверти часа, если не больше.

— В самом деле? — Лицо епископа расплылось в довольной улыбке. — Он, очевидно, столь же скромен, сколько храбр. Я сразу поду-

мал это, только увидел его. Да и то сказать, я ведь знаток человеческого сердца.

Величавой походкой прошествовал епископ обратно в зал церемоний. При виде его юноша упал на одно колено, епископ улыбнулся, милостиво протянул руку, и Поллард поцеловал бриллиантовый перстень, играющий всеми цветами радуги.

— Мне сказали, что ты уже давно ждешь меня. А ведь ты мог бы объехать в два раза больше земли за то время, что я подарил тебе, — любезно проговорил он.

— Знаю, мой господин, — ответил Поллард с тонкой улыбкой.

— Какой необыкновенно скромный юноша, — удивился епископ. — И сколько же земли ты объехал?

— Вокруг вашего замка, ваше преосвященство, — сказал юный Поллард.

Улыбка исчезла с лица епископа.

— Вокруг моего замка? — повторил он.

— Да, ваше преосвященство.

— Вокруг моего замка... — опять повторил епископ.

Не отводя глаз от юного Полларда, он медленно опустился в кресло и, откинув назад голову, вдруг безудержно захохотал. Все придворные и слуги поглядели друг на друга и тоже давай смеяться, покачают головой и опять закатятся.

— Но ведь я должен был сообразить, — сказал наконец епископ, переводя дыхание и вытирая бегущие по щекам слезы, — что человек, сумевший перехитрить вепря, окажется слишком твердым орешком для такого простака, как епископ. — Вздохнув, он устремил взгляд на юного Полларда, стараясь прочесть его мысли: — Так ты, значит, претендуешь на мой замок? — проговорил он задумчиво.

— Его преосвященство дал обещание, — напомнил ему юный Поллард.

— Верно, верно. Но мне кажется, ты не совсем ясно представляешь, что значит владеть замком. Прежде всего в нем круглый год сыро и холодно. Сейчас у тебя нет ревматизма, а поживешь в замке годок-другой, и кости заноют, как у старика. А сколько надо запастись дров, сколько я плачу слугам... — Епископ тяжело вздохнул. — Нет! Младшему отпрыску благородного рода лучше всего иметь собственную землю.

И епископ приказал слуге подать ему карту. Развернув пергамент, он оглядел свои владения.

— Вот, — сказал он, ткнув в карту пальцем, — видишь: отличная земля. Тут и охотничьи угодья, и поля. А на этом бугре можно построить небольшой замок, удобный и теплый, на нынешний манер.

Посмотрел епископ на юного Полларда и опять рассмеялся. И все тоже засмеялись, некоторых даже слеза прошибла. Вот так и выкупил епископ свой замок у юного Полларда. А на фамильном гербе Полларда появилась с тех пор рука, сжимающая кривой, как серп, меч.

Мистер Фокс

Леди Мери была молода. Леди Мери была прекрасна. У нее было два брата, а поклонников — без счету. Но самым храбрым и самым красивым из них был мистер Фокс. Она встретила его, когда жила в охотничьем замке своего отца. Никто не знал, откуда явился мистер Фокс, но он был храбр и очень богат. Из всех своих поклонников леди Мери отличала его одного.

Наконец они решили сочетаться браком, и леди Мери спросила своего жениха, где они будут жить, когда поженятся. Мистер Фокс описал ей свой замок и сказал, где он находится, но — как ни странно — не пригласил ни невесты, ни ее братьев к себе в гости.

И вот однажды, как раз накануне свадьбы, когда мистер Фокс отлучился на день-два «по делам», как он сказал, леди Мери отправилась в его замок одна. Долго бродила она, пока наконец не нашла его. Это и в самом деле был красивый замок, огражденный высокими стенами и глубоким рвом. Леди Мери подошла к воротам и увидела на них надпись:

Дерзай, дерзай...

Ворота были открыты, и она вошла в них, но во дворе не было ни души. Она подошла к двери и на ней опять прочла надпись:

Дерзай, дерзай, но не слишком дерзай...

Леди Мери вошла в зал, потом поднялась по широкой лестнице и остановилась в галерее у двери, на которой было написано:

*Дерзай, дерзай, но не слишком дерзай,
А не то узнаешь горя непочатый край.*

Леди Мери была храбрая девушка. Она бесстрашно открыла дверь, и что же она увидела — скелеты и залитые кровью мертвые тела прекрасных девушек.

И леди Мери решила, что лучше ей поскорее уйти из этого страшного места. Она закрыла дверь, пробежала через галерею и уже собралась спуститься по лестнице, чтобы выйти из зала, как увидела в окно самого мистера Фокса. Он тащил через двор прекрасную девушку.

Леди Мери бросилась вниз и только успела спрятаться за бочкой, как в дом ввалился мистер Фокс с девушкой, видимо потерявшей сознание. Он дотащил свою ношу до того места, где притаилась леди Мери, и тут вдруг заметил на руке девушки сверкающий бриллиантовый перстень. Мистер Фокс попробовал было снять его, но не смог. Тогда он с проклятиями выхватил меч, занес его и отрубил бедной девушке руку. Рука отлетела в сторону и упала прямо на колени леди Мери. Мистер Фокс поискал-поискал ее, но не нашел, а заглянуть за бочку не догадался. Потом он опять подхватил девушку и потащил ее вверх по лестнице, в Кровавую комнату.

Как только леди Мери услышала, что он поднялся по галерее, она тихонько выбралась из замка, вышла за ворота и со всех ног кинулась домой.

А надо сказать, что брачный договор леди Мери и мистера Фокса должны были подписать на другой день.

Вот собрались все домочадцы за праздничным столом. Мистера Фокса усадили против леди Мери. Он взглянул на нее и промолвил:

— Как вы сегодня бледны, дорогая!

— Я плохо спала эту ночь, — ответила она. — Меня мучили страшные сны.

— Плохие сны к добру, — сказал мистер Фокс. — Расскажите нам, что вам снилось. Я буду слушать ваш дивный голос и не замечу, как пройдет час нашего счастья.

— Мне снилось, — начала леди Мери, — будто я вчера утром отправилась в ваш замок. Я нашла его в лесу, за высокими стенами и глубоким рвом. На воротах замка было написано:

Дерзай, дерзай...

— Но ведь это не так, да и не было так, — перебил ее мистер Фокс.

— Я подошла к двери и прочла на ней:

Дерзай, дерзай, но не слишком дерзай...

— Но ведь это не так, да и не было так, — опять перебил ее мистер Фокс.

— Я поднялась по лестнице на галерею. В конце галереи была дверь, а на ней надпись:

*Дерзай, дерзай, но не слишком дерзай,
А не то узнаешь горя непочатый край.*

— Но ведь это не так, да и не было так, — проговорил мистер Фокс.

— А потом... потом я открыла дверь и увидела комнату, где лежали скелеты и окровавленные тела каких-то несчастных женщин!

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — сказал мистер Фокс.

— И еще мне снилось, будто я бросилась бежать по галерее и только успела добежать до лестницы, как увидела вас, мистер Фокс! Вы тащили через двор какую-то бедную девушку, молодую, нарядную и прекрасную.

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — возразил мистер Фокс.

— Я бросилась вниз и только успела спрятаться за бочкой, как вы, мистер Фокс, вошли в зал, волоча девушку за руку. Вы прошли мимо меня, и мне показалось, будто вы старались снять с ее руки бриллиантовый перстень. А когда вам это не удалось, мистер Фокс, мне приснилось, будто вы подняли меч и отрубили бедной девушке руку, чтобы завладеть ее перстнем!

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — закричал мистер Фокс и вскочил с места, кажется, собираясь еще что-то добавить.

Тут леди Мери выхватила из-под плаща отрубленную руку, протянула ее мистеру Фоксу и сказала:

— Нет, это так, и было так! Вот рука, а вот перстень! Ну, что? Не так?

Тогда братья леди Мери и все гости обнажили свои мечи и изрубили мистера Фокса на куски.

Дик Уиттингтон и его кошка

Очень давно, с тех пор прошло уже лет пятьсот, а то и больше, жил в Англии мальчик по имени Дик Уиттингтон. Отец и мать его умерли, когда он был совсем маленьким.

Дик был так мал, что еще не мог работать. Туго приходилось бедняжке. Обедал он скудно, а завтракать часто и вовсе не завтракал. Люди в его деревне были бедные и не могли ему дать ничего, кроме картофельных очисток да изредка черствой корки хлеба.

Но Дик не унывал и чувствовал себя совсем неплохо. Особенно любил он послушать, что говорят фермеры или какие-нибудь заезжие торговцы. Каждое воскресенье Дик приходил к деревенскому трактиру и, примостившись у придорожного столба, стоял и слушал. День бывал базарный, и все заходили в трактир выпить кружку-другую эля, а заодно и обсудить сделку или рассказать новости.

Там Дик и наслушался всяких небылиц про большой город Лондон.

А в те времена, надо вам сказать, деревенские жители полагали, что в Лондоне живут одни знатные господа, которые целыми днями только и делают, что поют да танцуют, и что все улицы в Лондоне вымощены чистым золотом.

И вот раз, когда Дик, как обычно, стоял у придорожного столба, через деревню проезжала большая повозка, запряженная восьмеркой лошадей с бубенчиками. У трактира возчик соскочил с козел, чтобы выпить кружку эля, и Дик, набравшись храбрости, спросил его:

— Куда вы едете?

— В Лондон, куда же еще! — ответил возчик.

— Эх, вот бы мне туда попасть! — вздохнул Дик.

И он рассказал возчику, что у него нет ни отца, ни матери и что ему давно хочется поехать в Лондон, посмотреть на чудеса, про которые он слышал. Ну, возчик был малый добрый и велел ему садиться рядом на козлы.

— А когда в другой раз поеду через вашу деревню, отвезу тебя назад, — сказал он, и они тронулись в путь.

Добрались благополучно до Лондона и покатали по лондонским улицам. Дик не уставал дивиться высоким башням, богатым соборам да церквям. Но ему не терпелось увидеть скорее золотую мостовую. И когда возчик остановился у какой-то гостиницы, Дик соскочил на землю и стал оглядываться по сторонам. Ему казалось: стоит только завернуть за угол, и он сразу увидит мостовую, мощенную золотом.

Но он обегал все улицы, а золота не нашел. Дик устал, и есть захотелось. И вот, измученный, полумертвый от голода, он свалился у дверей мистера Фитцуоррена, богатого купца. Там его заметила кухарка — презлая женщина.

— Что тебе здесь надо, ленивый бродяга? — закричала она на бедного Дика. — Отбою нет от этих нищих! Если ты не уберешься отсюда, я тебя помоями окачу!

Но тут как раз вернулся домой к обеду сам мистер Фитцуоррен. Он увидел у своих дверей грязного и оборванного мальчика и спросил его:

— Почему ты здесь лежишь? Ты ведь большой, мог бы работать. Лентяй, верно?

— Что вы, сэр! — ответил Дик. — Вовсе я не лентяй. Я всей душой рад бы работать, да никого здесь не знаю.

— Бедняга. Ну, вставай! Пойдем со мной.

И он отвел его в свой дом, велел накормить хорошенько и дать ему посильную работу.

Дик совсем счастливо зажил бы в доме этого доброго купца, если бы не злобная кухарка. Она то и дело говорила ему:

— Помни, ты подчиняешься только мне. А ну-ка, живей поворачивайся! Вычисти вертел, отмой противень, разведи огонь, открой трубу, перемой всю посуду, да попроворней, а не то!.. — И она замахивалась на Дика черпаком.

Кроме того, она так привыкла одно сбивать, другое отбивать, что, когда не было мяса для отбивных, она била бедного Дика — по голове

и плечам, половой щеткой и всем, что попадалось ей под руку. В конце концов про дурное ее обращение с Диком узнала мисс Алиса, дочь мистера Фитцуоррена. И Алиса пригрозила кухарке, что прогонит ее, если она не станет к Дик у добрее.

Кухарка стала чуть потише, зато на Дика свалилась новая беда. Кровать Дика стояла на чердаке, а там и в полу, и в стенах было столько дыр, что мыши и крысы просто изводили его по ночам.

Как-то раз Дик вычистил одному господину ботинки, и тот дал ему за это целый пенни. Дик решил купить на эти деньги кошку. На другой день он увидел девочку с кошкой в руках и сказал ей:

— Продай мне кошку за пенни!

— Что ж, берите, господин! — ответила девочка. — Хотя моя кошка стоит дороже: она отлично ловит мышей!

Дик спрятал кошку на чердаке и никогда не забывал приносить ей остатки от своего обеда. Не прошло и нескольких дней, как мыши и крысы перестали его тревожить, и он мог крепко спать по ночам.

Вскоре после этого один из торговых кораблей мистера Фитцуоррена стал готовиться в дальнее плавание. По обычаю, слуги купца могли попытаться счастья вместе с хозяином и послать за море какие-нибудь вещи на продажу или деньги на покупку товара. Однажды купец пригласил всех слуг к себе в кабинет и спросил, что они желают послать.

У всех нашлось чем рискнуть, кроме бедняги Дика. У него не было ни денег, ни вещей.

— Нет у меня ничего, — сказал бедный Дик. — Вот разве что кошка... Я ее недавно купил за пенни у одной девочки.

— Так неси свою кошку! — сказал мистер Фитцуоррен. — Можешь послать ее.

Дик сходил на чердак за кошкой и отдал ее капитану корабля, сказав со вздохом:

— Теперь мыши и крысы опять не дадут мне спать по ночам.

Все посмеялись над необычным «товаром» Дика, одна мисс Алиса пожалела его и дала ему денег на новую кошку.

Это вызвало зависть у злой кухарки. Она стала издеваться над ним хуже прежнего и то и дело колола его злыми словами, насмехаясь, что он послал за море кошку.

— Как думаешь, — говорила она, — дадут за твою кошку столько денег, чтоб хватило на палку — тебя колотить?

В конце концов бедный Дик не вытерпел и решил бежать. Собрал он свои пожитки и рано утром первого ноября тронулся в путь. Дошел он до Холлоуэя, присел там на камень — этот камень и по сей день называется Камнем Уиттингтона — и стал раздумывать, какую дорогу ему выбрать.

И пока он раздумывал, колокола Бау Чёрч — а их в то время было всего шесть — начали звонить, и Дику показалось, будто они говорят ему:

Вернись скорее в Лон-дон,
Уиттингтон!
Дин-дон, дин-дон!
Лорд-мэр Уиттингтон!

«Лорд-мэр — я? — удивился Дик. — Да я что угодно вытерплю, лишь бы стать лорд-мэром и кататься в роскошной карете, когда вырасту большим! Ну что ж, пожалуй, вернусь и даже внимания не стану обращать на колотушки и воркотню кухарки, раз в конце концов мне суждено стать лорд-мэром Лондона».

Дик повернул обратно и, к счастью, успел проникнуть в дом и приняться за работу раньше, чем злая кухарка вошла в кухню.

А теперь последуем за мисс Кошкой к берегам Африки. Корабль с кошкой на борту долго плыл по морю. Наконец ветер пригнал его к той части африканского берега, где жили мавры — народ, англичанам не знакомый. Мавры толпами сбежались посмотреть на моряков, а когда ближе познакомились с ними, охотно принялись раскупать все удивительные вещи, которые привез корабль.

Тогда капитан послал образцы лучших товаров царю этой страны. Царь был так этим доволен, что пригласил капитана и его помощника к себе во дворец. По обычаю той страны, гостей усадили на дорогие ковры. Царь и царица сели на возвышение в конце зала. Но не успели вности кушанья, как в зал ворвались полчища крыс и мышей и вмиг сожрали все яства. Капитан был поражен и спросил:

— Как вы терпите, чтобы какие-то твари бесчинствовали на вашем столе? И часто это случается, ваше величество?

— Увы, — вздохнул царь, — каждый раз, когда вносят еду. Мои советники и ученые уже не раз держали совет по этому делу, но выхода нет! Я бы отдал половину моих богатств, лишь бы избавиться от этих тварей!

— У нас в Англии, — сказал капитан, — в каждом доме есть животное, которое прекрасно ловит мышей и крыс. Его зовут кошка. А разве в вашей стране кошки не водятся?

Царь попросил подробнее описать кошку, но все равно никто из придворных никогда не видел ее. И тогда царь спросил, где же достать это удивительное животное.

— У нас тут есть одна на борту корабля, — сказал капитан: он хорошо знал свое дело и не преминул расписать все достоинства мисс Кошки. — Правда, нам очень не хотелось бы с ней расставаться. Ведь если ее не будет, мыши и крысы, чего доброго, уничтожат все наши товары.

Но царь так просил капитана уступить ему кошку! Он даже пообещал заплатить за нее золотом и драгоценными камнями.

— Ну что же, — молвил капитан, — чтобы услужить вашему величеству, так и быть, я принесу ее.

— Бегите, бегите! — вскричала царица. — Ах, как мне хочется поскорее увидеть это милое животное!

И капитан отправился на корабль. А тем временем для гостей приготовили новый обед. Капитан сунул мисс Кошку под мышку и прибыл во дворец как раз вовремя: весь стол опять был усеян крысами. Как только кошка увидела их, она не стала ждать приглашения — вырвалась из рук капитана и в несколько минут расправилась с этими тварями.

Царь был в восторге, а царица сказала:

— Пусть это чудное животное останется у нас! — И попросила царя: — Дайте за нее капитану, что он хочет!

И царь заключил с капитаном сделку на все товары, какие были на корабле, причем за кошку дал в десять раз больше, чем за все остальное! Вскоре капитан покинул царский дворец и отплыл с попутным ветром в Англию.

После удачного путешествия он благополучно прибыл в Лондон. И вот однажды утром, только мистер Фитцуоррен пришел к себе в контору и сел за письменный стол, чтобы проверить выручку и распределить дела на день, как вдруг кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросил мистер Фитцуоррен.

— Ваш друг, — услышал он в ответ. — Я принес вам хорошие вести о вашем корабле «Единороге».

Купец бросился скорее открывать двери. И кого же он там увидел? Капитана и своего агента с большой шкатулкой под мышкой.

— Ваш корабль благополучно прибыл, — сказал капитан. — А вот список всех сделок, какие мы заключали на своем пути. — И он протянул мистеру Фитцуоррену накладную.

Купец пригласил капитана и агента к столу, велел подать им вина и тогда только начал читать накладную. Он удивился и очень обрадовался огромной выручке, какую привез капитан «Единорога», но когда капитан рассказал ему про небывалую удачу Дика и открыл шкатулку с золотом и драгоценностями, он еще больше изумился.

— Пригласите скорей сюда мистера Уиттингтона! — приказал он слуге.

А Дик в это время чистил в кухне горшки. И как есть, весь в саже, явился к своему господину. Тот предложил ему сесть, обратился к нему на «вы» и назвал его «мистер Уиттингтон», так что бедняга Дик решил, что над ним просто смеются. Но мистер Фитцуоррен рассказал ему, что произошло, и показал шкатулку с его сокровищами.

Дик был на седьмом небе от счастья. Он попросил хозяина принять хоть часть его богатств: ведь он всем обязан был доброте мистера Фитцуоррена.

— Ах нет, что вы! — ответил купец. — Это все ваше! И я не сомневаюсь, что вы прекрасно всем распорядитесь.

Тогда Дик попросил хозяйку, а затем и мисс Алису принять часть его состояния. Но они тоже отказались, уверяя, что от души радуются его удаче. Не мог бедный мальчик оставить все себе одному. Он сделал богатые подарки капитану, его помощнику и всем слугам мистера Фитцуоррена. Даже злой старухе кухарке.

Мистер Фитцуоррен посоветовал Дику послать за хорошим портным и одеться, как подобает джентльмену, и предложил Дику остаться в его доме, пока не найдется для него лучшего.

Уиттингтон умылся, завил волосы, надел шляпу и хороший костюм и стал не менее привлекательным и элегантным, чем любой из молодых людей, бывавших в гостях у мистера Фитцуоррена. И мисс Алиса, которая раньше только жалела его и старалась ему помочь, теперь нашла его подходящим женихом. К этому стоит лишь добавить, что и сам Уиттингтон только и думал о том, как бы угодить мисс Алисе, и беспрестанно делал ей всякие подарки.

Мистер Фитцуоррен вскоре заметил их взаимную любовь и предложил им обвенчаться, на что оба охотно согласились. Был назначен день свадьбы, и в церковь жениха и невесту сопровождали лорд-мэр, свита

олдерменов, шерифы и самые богатые купцы Лондона. После венчания всех пригласили на богатый пир.

История повествует нам, что мистер Уиттингтон и его супруга жили в богатстве и роскоши и были очень счастливы. Ричарда Уиттингтона (теперь его стали величать полным именем) один раз избрали шерифом Лондона и трижды лорд-мэром, а при Генрихе V он удостоился рыцарского звания.

До самого 1780 года можно было видеть фигуру сэра Ричарда Уиттингтона с кошкой в руках, высеченную из камня, над аркой старой Нью-гетской тюрьмы, которую он, видно забыв о своем прошлом, приказал выстроить для нищих и бродяг.

Кто-всех-одолеет

Жил на свете старый король. Он был богатый король. У него даже была своя придворная колдунья, и король очень гордился чудесами, какие могла творить эта колдунья.

И вот однажды король велел отправить во все концы королевства послание с обещанием отдать свою младшую дочь и полкоролевства в придачу тому, кто одолеет королевскую колдунью. Но с условием, что если кто за это возьмется, да не выполнит, тому голову с плеч.

А в этом королевстве жили три брата. Звали их Билл, Том и Джек. Родители их были бедные люди, и вся семья ютилась в убогой хижине, что стояла в самом глухом уголке королевства.

Когда до них долетела королевская весть, все трое братьев решили попытать счастья.

Первым собрался в дорогу старший брат, Билл. Путь был дальний, и мать приготовила ему с собой побольше еды.

И вот Билл покинул родительский дом и шел, пока не встретил седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Билл, — приветствовал его старичок.

— Утро как утро, — ответил Билл.

— Куда путь держишь? — спрашивает седой, сгорбленный старичок.

— А тебе что?

Вот так ответил Билл, и пошел дальше, и добрался наконец до королевского дома, и вызвал к себе короля.

— Ты зачем пришел? — спрашивает его король.

— Да вот хочу попытать — может, сумею одолеть вашу колдунью, — отвечает Билл.

Тогда король говорит:

— Что ж, начнем испытание, — и зовет свою колдунью. — Посмотрим, кто кого одолеет!

— Да тут и смотреть не на что, — говорит Билл, окидывая взглядом сухонькую, маленькую старушонку.

Лучше б он подумал, прежде чем говорить такие дерзости. Тяжелей каменной башни навалилась на него злая колдунья, эта сухонькая, маленькая старушонка. А что тут удивительного? Она была много старше его, ей уж, наверное, стукнуло не одну тысячу лет. Ну и, само собой, колени у бедного Билла подкосились, и он рухнул на землю.

И вот второй брат, Том, собрался в дорогу к королевскому дому. И мать сказала ему:

— Не ходи, Том, вдруг ты тоже не вернешься.

— Нет уж, раз решил, то пойду, — сказал Том.

Мать приготовила ему еды, и он отправился в путь, и тоже повстречал седого, сгорбленного старичка, и дальше с ним случилось все то же самое, потому что он не захотел сказать старичку, куда держит путь. Король так же, как и в тот раз, позвал свою колдунью и сказал Тому: кто кого одолеет, тот и победитель. И еще, если Том хочет, то может выставить вместо себя кого-нибудь другого. Но Том окинул взглядом сухонькую, маленькую старушонку и дерзко выступил вперед. Ну и, само собой, с ним случилось то же, что и со старшим братом.

Настал черед Джеку идти к королевскому замку. И он попросил матушку приготовить ему в дорогу еды. Но матушка сказала:

— Не ходи, Джек, сыночек! Ты единственный у нас остался.

Но Джек сказал, что он должен пойти. Мать так горько плакала, что никакой еды ему в дорогу не приготовила. И он взял с собой лишь сухой хлеб и отправился в путь.

Вскоре он тоже повстречал седого, сгорбленного старичка.

— Доброе утро, Джек, — приветствовал его старичок.

— Доброе утро, батюшка, — говорит Джек, — доброе утро, дядюшка.

— Куда путь держишь, Джек?

— Да вот ищу корабль, который посуху пойдет, дядюшка. Не хочешь ли позавтракать со мной, батюшка?

— Сначала возьми вот эту палку, Джек, — говорит старичок, — и ступай по той самой дороге, какой я пришел сюда. Иди, пока не дойдешь до чистого источника. Опусть в источник эту палку и держи, пока вода в источнике не обратится в вино. На берегу ты найдешь серебряный кувшин и кубок. Дальше сам догадайся, что тебе делать. А к тому времени, как ты вернешься сюда, корабль будет готов.

Что ж, Джек пошел и без труда отыскал чистый источник, опустил в него волшебную палку и держал ее там, пока вода не обратилась в вино. Наполнил серебряный кувшин вином и вернулся к старичку. Они вместе позавтракали сухим хлебом и запили его вином. А корабль на колесах был уже готов, и старичок сказал:

— Садись на этот корабль, Джек, скажи: «Плыви, мой корабль, плыви!» — и корабль поплывет. Да не забудь, ты должен сажать на свой корабль всякого, кого повстречаешь по дороге к королевскому дому. И еще помни: каждого, кто сядет на твой корабль, ты должен спросить, как его зовут.

Вот Джек сел на корабль и сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл. Когда они проплывали через высокие горы, Джек увидел человека, который спиной валил толстые деревья. Джек удивился и спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-одолеет!

— Кто всех одолеет? Конечно ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-одолеет сел на корабль, и дальше они поплыли вместе. Когда они проплывали через зеленый луг, Джек увидел большое стадо и человека, который хватал и ел подряд без разбору и свиней, и овец, и коров.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-съест!

— Кто всех больше съест? Наверное, ты! Садись ко мне на корабль.

Кто-всех-больше-съест сел на корабль, и дальше они поплыли втроем. Когда они спустились в долину, Джек увидел человека, который опустошал подряд все источники и ручьи.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-больше-выпьет!

— Кто всех больше выпьет? Пей себе на здоровье! Хочешь ехать с нами?

Кто-всех-больше-выпьет сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И корабль поплыл дальше. Потом Джек увидел бегущего человека. Сначала человек бежал на одной ноге, потом на другой. Джек спросил:

— Эгей, как тебя зовут?

— Кто-всех-перегонит!

— Кто всех перегонит? Ну, ясное дело, ты! Садись к нам на корабль.

Кто-всех-перегонит тоже сел на корабль, и они поплыли прямо, пока не доплыли до человека, который стоял с ружьем и целился вверх, словно хотел подстрелить зайца в небе.

— Эгей, как тебя зовут? — крикнул Джек.

— Кто-всех-дальше-стреляет!

— Кто всех дальше стреляет? Надеюсь, ты! — говорит Джек. — Поедем с нами!

Меткий стрелок тоже сел на корабль, и Джек сказал:

— Плыви, мой корабль, плыви!

И они поплыли дальше, пока не доплыли до человека, который смотрел вдаль, приложив руку ко лбу.

— Эгей, как тебя зовут? — спросил Джек.

— Кто-всех-дальше-видит!

— Кто всех дальше видит? Наверное, ты! Поедем с нами.

Кто-всех-дальше-видит сел на корабль, и они поплыли дальше, пока не приплыли к королевскому дому. И Джек крикнул:

— Эгей!

Из дома вышел король и спросил:

— Ты зачем пожаловал?

Джек сказал:

— Хочу попытаться счастья — может, сумею одолеть вашу колдунью и завоевать сердце младшей леди принцессы.

— А ты помнишь условие: если ты или твои помощники не одолеют мою колдунью, голова твоя слетит с плеч? — спрашивает король.

— Как же, помню! — ответил Джек.

— Что ж, тогда начнем испытание, — говорит король и зовет свою старую колдунью.

А Джек позвал Кто-всех-одолеет, и первое испытание кончилось вничью, как вы, наверное, и сами догадались.

— Что ж, — говорит король, — а теперь: кто больше съест?

Джек недолго думая позвал своего друга Кто-всех-больше-съест.

Сначала им привели быка, и Кто-всех-больше-съест вмиг его проглотил. Потом двух коров, потом несколько свиней и, наконец, полдюжины овец. Кто-всех-больше-съест мигом проглотил их, пока старая колдунья еще только с быком возилась.

— Молодец, — сказал король. — А вот выпить больше, чем моя колдунья, тебе не удастся!

— Попытаемся, — сказал Джек и позвал своего приятеля Кто-всех-больше-выпьет.

И тот выпил сначала ручей, потом озеро и добрался вскоре до реки. Но королю было жалко реки, и он сказал:

— Все ясно. А кто кого перегонит?

Джек позвал Кто-всех-перегонит, король дал ему и своей колдунье по яичной скорлупе и велел добежать до океана, зачерпнуть соленой воды и вернуться назад. Кто-всех-перегонит добежал, конечно, первым, зачерпнул соленой воды, побежал назад и на полдороге встретил старуху колдунью еще с пустой скорлупой.

— Ох, устала, — сказала колдунья.

— Я тоже, — сказал он.

— Давай посидим отдохнем, — предложила она, — не стоит надрываться ради других.

Они выбрали уютную зеленую лужайку и сели отдохнуть.

— Ты положи голову вот сюда, — говорит старуха, — да поспи часок.

А надо вам сказать, что у старой колдуньи в кармане была такая волшебная косточка, которую стоило подложить спящему под голову, и он не проснулся бы, пока эту косточку опять не забрали бы. И вот колдунья дождалась, когда Кто-всех-перегонит крепко заснул, и сунула ему под голову эту косточку. Потом перелила морскую воду из его скорлупы в свою и побежала назад к королевскому дому.

А Джек уже начал беспокоиться и попросил своего друга Кто-всех-дальше-видит посмотреть, где же Кто-всех-перегонит. Кто-всех-дальше-видит поднес руку к глазам и сразу увидел его.

— Он спит на зеленой лужайке на полдороге отсюда, а под головой у него лежит волшебная косточка. Если ее не убрать, он не проснется.

— Кто-всех-дальше-стреляет! — позвал Джек. — Выстрели и вышиби эту косточку! — попросил он.

Кто-всех-дальше-стреляет выстрелил, вышиб косточку, и Кто-всех-перегонит тут же проснулся. Проснулся, вскочил на ноги, схватил пустую скорлупу, добежал до океана, набрал соленой воды и на полпути назад нагнал старуху колдунью. Он нарочно толкнул ее под руку, и злая колдунья разлила всю соленую морскую воду.

А какой конец у этой истории, вы, наверное, и сами догадались. Джек и младшая принцесса обручились скорей, чем успела вернуться в королевский замок старая колдунья. И когда я уходил от них, они были очень довольны и счастливы.

Том — мальчик с пальчик

Во времена великого короля Артура жил могущественный волшебник по имени Мерлин — самый искусный и всемогущий чародей, какого только видел свет.

Этот знаменитый волшебник умел принимать чей угодно образ, даже зверя или птицы. И вот однажды он отправился путешествовать под видом простого нищего. А когда сильно устал, остановился в доме одного пахаря и попросил у него поесть.

Крестьянин радушно принял волшебника, а жена его, очень добрая женщина, тут же принесла деревянный кувшин с молоком и тарелку грубого темного хлеба.

Мерлина порадовала доброта пахаря и его жены. Но он заметил, что, хотя все в их доме выглядит приветливо и уютно да и еды, судя по всему, довольно, нет в нем счастья. И он спросил их, отчего бы это, и хозяева ответили:

— Нет у нас детей, вот мы и горюем.

А женщина со слезами на глазах добавила:

— Я была бы самой счастливой на свете, если бы только был у меня сын. Будь он даже ростом с палец своего отца, не больше, я бы и то была довольна!

Мерлин представил себе мальчика ростом с пальчик, и это так развеселило его, что он решил исполнить желание доброй женщины. И в самом деле, вскоре у жены пахаря появился сынок, только ростом он был с палец своего отца, не больше!

Сама королева фей пожелала взглянуть на крошечного мальчика. Она влетела в окно, когда мать сидела на постели и любовалась малют-

кой. Фея поцеловала его и дала ему имя Том — мальчик с пальчик. Потом она позвала других фей и приказала им нарядить ее крестного сына. Рубашку ему сшили из тонкой паутины, камзол — из листьев чертополоха. Штанишки смастерили из перышков певчих птиц. На красные чулки пошла кожа спелых яблок. На башмачки — мягкая мышиная кожа, а бантики на них завязывали из длинных ресниц. Вместо шляпы на голову Тому надели дубовый лист: разве плохо? Зимой и летом, в праздник и в будни — вот как славно был Том одет! И мать, и все соседки просто налюбоваться на него не могли.

Том так и остался ростом с большой палец своего отца, а у того пальцы были самые обыкновенные. Зато с годами он превратился в хитрющего мальчишку и выучился всяким проказам. Он очень любил играть с другими мальчиками, особенно в кости. И когда, случалось, проигрывал им все вишневые косточки, то потихоньку забирался к своим соперникам в сумку, набивал косточками свои карманы, а потом незаметно вылезал оттуда и продолжал играть как ни в чем не бывало.

Но вот как-то раз вылезает он, как обычно, с краденными косточками из чужой сумки, а тут его — хват! — поймали с поличным.

— Ага, крошка Томми! — закричал владелец сумки. — Теперь я знаю, кто таскает мои вишневые косточки. Ну, погоди, поплатишься ты за свои воровские проделки!

И с этими словами он посадил Тома в сумку с вишневыми косточками и так встряхнул ее, что косточкам бедного Тома не поздоровилось.

— Выпусти меня! — завопил Том. — Я больше не буду воровать, только выпусти меня!

Мальчишка открыл сумку, и Том очутился на свободе.

И правда, какое-то время после этого он совсем не таскал чужих вишневых косточек.

Том был так мал, что мать часто теряла его из виду, особенно когда была чем-нибудь занята. И вот как-то раз принялась она готовить пудинг. А Тому захотелось посмотреть, как она это делает. Он вскарабкался на край деревянной миски, но поскользнулся и полетел кубарем прямо в тесто. Мать ничего не заметила и выложила Тома вместе с пудингом в салфетку, а потом опустила в чугунок с водой.

Тесто забило Тому в рот, и он не мог закричать. Но вода была горячая, и он стал так брыкаться и вертеться, что мать подумала: «Не иначе как заколдовал кто-то мой пудинг. Наверное, бес вселился в него!»

И она вытряхнула недопеченный пудинг из чугунка прямо за дверь.

А в это время мимо дома проходил бедный лудильщик. Он подобрал пудинг, сунул его в сумку и зашагал дальше. Но тут наконец Том выплюнул все тесто и принялся так громко кричать, что лудильщик до смерти перепугался, бросил пудинг и убежал прочь. Пудинг упал и разломился на куски, а Том выкарабкался из него и, весь в тесте, побежал домой.

Мать очень огорчилась, увидев свое сокровище в столь плачевном виде. Она посадила Тома в чайную чашку и отмыла тесто, потом поцеловала сына и уложила в постель.

Как-то вскоре после приключения с пудингом мать Тома отправилась на луг доить корову и взяла Тома с собой. Дул сильный ветер, она испугалась, как бы Тома не унесло, и привязала его тонким шнурком к чертополоху. А корова увидела на голове у мальчика с пальчик шляпу из дубового листка, захотела им полакомиться и отправила его в рот, вместе с Томом и чертополохом. Том увидел страшные зубы коровы и закричал что было силы:

— Мама, мама!

— Где ты, Томми, мой маленький Томми? — отозвалась мать.

— Здесь, мама! — отвечал он. — Во рту у коровы!

А корова очень удивилась: кто это шумит у нее во рту? Она открыла от удивления рот и выронила Тома. К счастью, мать на лету подхватила Тома в передник, не то он сильно расшибся бы.

А несколько дней спустя отец сделал Тому из ячменной соломинки кнут — скотину погонять. Том побежал с этим кнутом в поле, да поскользнулся и скатился в борозду. Мимо пролетал ворон, подхватил Тома и полетел с ним через море, а над морем вдруг выпустил его из клюва.

И в тот же миг Тома проглотила большущая рыба. Но вскоре эту рыбу поймали и продали на кухню короля Артура. Когда же ее распотрошили, то увидели крошечного мальчика. Все очень удивились, а Том обрадовался, что опять вышел на свободу.

И вот мальчика с пальчик отнесли к самому королю и поставили перед ним на стол. Но он и тут нащелся: снял свою шляпу из дубового листка и низко поклонился королю, королеве, придворным дамам и рыцарям Круглого стола. Королю это так понравилось, что он тут же назначил мальчика с пальчик придворным карликом.

Говорят, что когда король выезжал куда-нибудь верхом, он часто брал Тома с собой. А если начинался ливень, мальчик с пальчик пря-

тался в жилетном кармане его величества и спал там, пока дождь не прекращался.

Однажды король спросил Тома:

— А кто твои родители? Они что ж, такие же малютки, как ты?

— Ой нет, ваше величество! — ответил Том. — Отец и мать у меня самые обыкновенные люди, вроде ваших крестьян. Они не ниже ростом, чем любой из ваших придворных. Только живет у них куда хуже!

— Ну что же, — сказал король (он был щедрый господин и очень любил своего малютку придворного), — можешь пойти в мою сокровищницу — там хранятся все мои деньги — и взять столько монет, сколько ты в силах донести до отчего дома.

Глупышка Том даже запрыгал от радости. Притащил кошелек из мыльного пузыря, и король опустил в него серебряный трехпенсовик!

Нелегко было нашему герою взвалить себе на спину такую ношу! Наконец ему удалось это, и он тронулся в путь. И вот, не встретив никаких препятствий и отдыхая в дороге не более ста раз, он через два дня и две ночи благополучно достиг отцовского дома. Тут мать выбежала ему навстречу и унесла его в дом.

Но вскоре Том опять вернулся ко двору.

Надо сказать, что одежда Тома сильно пострадала и от теста, когда он упал в пудинг, да и в желудке у рыбы. И вот его величество приказал сшить Тому новый костюм, а вместо коня дать ему мышь, чтобы он восседал на ней верхом, как положено рыцарю.

Придворные портные из зеленых стрекозиных крыльев сшили ему камзол. Придворные сапожники обули его в сапожки из цыплячьей кожи. А мечом славному рыцарю Тому послужила золотая булава. Конем — белая мышь.

Конечно, было очень забавно видеть Тома в таком наряде, да еще верхом на мыши, когда он вместе с королем и всей знатью выезжал на охоту. Все так и покатывались со смеху, как только он появлялся на своем лихом скакуне.

Том умел прекрасно держать себя, и это очень нравилось королю. Король приказал сделать для мальчика с пальчик маленькое кресло, и Тому разрешалось сидеть в нем на столе его величества. Король заказал также Тому золотой дворец высотой с ладонь, с дверью шириной в два пальца и подарил ему карету, запряженную шестеркой маленьких мышек. Он возвел мальчика с пальчик в рыцари и приказал величать его сэр Томас.

Но тут королева вознегодовала, что мальчику с пальчик оказывают такие почести, и решила его погубить. Она сказала королю, что маленький рыцарь замышляет против него заговор.

Король тотчас послал за Томом, и бедного мальчика с пальчик заточили в мышеловку. Да на счастье, кошка заметила, что в мышеловке кто-то шевелится, и стала теревить ее лапкой, сломала задвижку и выпустила Тома на свободу. Тут он увидел на земле красивую большую бабочку, подкрался потихоньку и вскочил на нее верхом. Бабочка подняла его в воздух и перелетала с ним от куста к кусту, с дерева на дерево, с одного поля на другое, пока в конце концов не принесла его к дому родителей.

Как же обрадовались отец и мать, когда снова увидели своего мальчика с пальчик! Они стали его уговаривать никуда больше не уезжать от них. Но Тому, как мы знаем, и не хотелось возвращаться ко двору короля Артура, и он с радостью согласился навсегда остаться в родном доме.

Король Иоанн и кентерберийский аббат

В царствование короля Иоанна жил в Кентерберии аббат. Свое аббатство он содержал с большой пышностью. Сто монахов каждый день обедали вместе с ним в трапезной монастыря, и всюду его сопровождали пятьдесят рыцарей в бархатных одеждах, украшенных золотыми цепями.

А надо вам сказать, что король Иоанн просто не терпел, когда кого-нибудь из его подданных почитали больше, чем его самого. И вот он вызвал кентерберийского аббата к себе.

Аббат, а с ним и вся его пышная свита — пятьдесят рыцарей в латах, бархатных плащах и золотых цепях на груди — явились ко двору. Король вышел навстречу аббату и молвил:

— Как чувствуешь себя, святой отец? Слышал я, ты держишь еще более пышный двор, чем я. Это оскорбляет наше королевское достоинство и пахнет изменой.

— Сын мой, — отвечал аббат с низким поклоном, — все, что я трачу, — это приношения благочестивых прихожан нашему аббатству. Я молю вашу светлость не гневаться за то, что я трачу на наше аббатство все деньги, что принадлежат ему.

— Э нет, почтенный прелат! — молвил король. — Все, что находится в нашем славном королевстве английском, все принадлежит только нам. И ты не должен держать столь пышный двор и позорить своего короля! Но я милостив, и, если ты ответишь мне всего на три вопроса, я сохраню тебе и жизнь и богатство.

— Постараюсь, сын мой, — отвечал аббат, — насколько хватит моего бедного разума.

— Скажи мне, — молвил король, — где середина земли? И сколько мне надобно времени, чтобы объехать вокруг света? И наконец, угадай, что я думаю!

— Ваше величество, наверное, шутит, — пробормотал аббат, не зная, как ответить.

— Скоро ты увидишь, что это за шутки, — сказал король. — Если до конца недели не ответишь на все три вопроса, голова твоя распрощается с телом.

И король ушел.

С тяжелым сердцем пустился аббат в дорогу и первым делом заехал в Оксфорд. Он думал найти там ученого мужа, который ответил бы ему на три вопроса короля. Но не нашел и, печальный, поехал в Кентербери, чтобы распрощаться навсегда со своими монахами.

По дороге он встретил пастуха: тот шел в овчарню.

— С приездом, господин аббат! — приветствовал его верный пастух. — Какие новости от нашего доброго короля Иоанна?

— Печальные новости, пастух, печальные, — промолвил аббат и рассказал, как принял его король.

— Не тужите, господин аббат, — сказал пастух. — Случается, что дурак разгадает то, чего не знает умный человек. Вместо вас я поеду в Лондон. Только одолжите мне ваше платье и пышную свиту. На худой конец, я умру вместо вас.

— Что ты, что ты, пастух! — сказал аббат. — Мне не пристало избегать опасности. И потому ты не можешь ехать вместо меня.

— Могу! И поеду, господин аббат. В вашем платье с капюшоном кто меня там узнает?

Что ж, аббат согласился, облачил пастуха в лучшие свои одеяния и отправил его в Лондон. А сам надел простое монашеское платье, закрыл лицо капюшоном и вместе со своею свитой тоже прибыл ко двору короля.

— Добро пожаловать, господин аббат, — сказал король Иоанн пастуху, переодетому в платье аббата. — Я вижу, ты уже смирился со своей судьбой.

— Я готов отвечать вашему величеству, — промолвил пастух.

— Ах так! Ну, вот первый вопрос: где середина земли?

— Здесь! — ответил пастух и ударил по земле епископским посохом. — А если ваше величество не верит, прикажите измерить — и тогда сами убедитесь.

— Святой Валаам! — воскликнул король. — Неглупый ответ! Ты, я вижу, весельчак. А теперь ответь мне на второй вопрос: сколько времени мне надо, чтобы объехать вокруг земли?

— Если ваше величество соизволит подняться вместе с солнцем и последует за ним до следующего восхода, то как раз успеет объехать вокруг земли.

— Святой Иоанн! — засмеялся король. — Я и не знал, что так быстро. Ну, с этим покончено. А теперь третий, и последний, вопрос: что я сейчас думаю?

— Это легко угадать, ваше величество, — ответил пастух. — Ваше величество думает, что перед вами сам кентерберийский аббат, но, как вы сейчас убедитесь, — тут пастух откинул с лица капюшон, — это всего лишь его скромный пастух, и он пришел просить вас простить и его, и святого отца.

Король расхохотался.

— Ловко ты провел меня! Выходит, ты умнее своего господина, и потому я ставлю тебя на его место.

— Ах нет, это невозможно, — возразил пастух. — Я не умею ни читать, ни писать.

— Ну, тогда будешь получать за свой быстрый ум шесть ноблей в неделю. И передай аббату, что я прощаю его!

Ученик чародея

На севере Англии, в графстве Йоркшир, жил некогда великий чародей. Он говорил на всех языках и знал все тайны вселенной. У него была огромная книга с железными застежками и железными уголками в переплете из черной телячьей кожи. Когда чародей хотел читать, он отпирал ее железным ключом. Только он один понимал эту книгу, в которой были собраны тайны темного царства духов.

У этого чародея был ученик. Он прислуживал своему учителю, но ему строго-настрого запрещалось открывать огромную черную книгу или заходить в тайные покои учителя.

И вот как-то раз, когда чародея не было дома, ученик не утерпел и прокрался в его покои. Там он увидел диковинные колбы и тигли, какими пользовался чародей, когда хотел превратить медь в золото и свинец в серебро; и всевидящее зеркало: когда чародей смотрелся в него, он видел все, что делается на свете; и волшебную раковину: стоило чародею приложить к ней ухо, и он слышал все, что хотел слышать.

Однако ученик напрасно возился с колбами и тиглями: ему так и не удалось получить из меди золото, а из свинца — серебро. Тщетно смотрел он в чудесное зеркало: в нем проплывали лишь дым да облака. А в раковине что-то глухо шумело, будто далекая морская волна била о неведомый берег.

«Ничего у меня не выходит, — решил ученик, — потому что я не знаю заклинаний, записанных в книге. А она заперта».

Он обернулся, и — о чудо! — книга лежала незапертой: учитель перед уходом забыл вынуть ключ из замка. Ученик бросился к книге и от-

крыл ее. Слова в ней были написаны красными и черными чернилами. Юноша почти ничего не мог понять. Но он все-таки провел пальцем по какой-то строке и прочел ее вслух. И тут комната вдруг погрузилась во мрак, дом задрожал, громовые раскаты прокатились по всем покоем, и перед учеником чародея появилось ужасное страшилище, изрыгающее огонь, с глазами, словно горящие факелы. Это был сам дьявол Вельзевул, покорный чародею! Юноша нечаянно вызвал его заклинанием.

— Приказывай! — заревел дьявол громовым голосом.

Юноша застыл на месте, его пробирала дрожь, волосы встали у него дыбом.

— Приказывай, или я тебя задушу!

Но юноша не мог говорить. Тогда злой дух схватил его за горло и, обжигая своим огненным дыханием, заревел:

— Приказывай!

— Полей вон тот цветок! — в отчаянии выкрикнул юноша первое, что пришло ему в голову, и показал на герань, что стояла в горшке на полу.

Дух тут же исчез, но через миг вернулся с бочонком воды и вылил всю воду на цветок. Потом опять исчез и снова вернулся с бочонком на спине. И так раз за разом исчезал и возвращался, и все лил и лил воду на герань, пока воды в комнате не набралось по щиколотку.

— Довольно, довольно! — молил юноша.

Но дьявол не слушал его: он все таскал и таскал воду — ведь ученик чародея не знал заклинаний и не умел прогонять духов.

Вот вода поднялась уже парню до колен и продолжала еще прибывать. Дошла ему до пояса. А Вельзевул без передышки все таскал и таскал полные бочонки и поливал герань. Вскоре вода добралась юноше до подбородка, и он вскарабкался на стол. Потом она поднялась до самых окон, забила о стекла, забурилась вокруг ног ученика, залила его по пояс... по грудь... по шею... Напрасно он кричал — злой дух не унимался.

Он и по сей день таскал бы воду, поливал бы герань и, конечно, залил бы весь Йоркшир, да, на счастье, чародей вспомнил, что забыл запереть свою книгу, и вернулся. И в тот самый момент, когда вода уже пузырилась у самого подбородка бедняги ученика, чародей ворвался в свои покои, произнес заклинание и вернул Вельзевула его адскому пламени.

Кошачий король

Давным-давно жили в глуши Шотландии двое братьев. Жили они в очень уединенном месте, за много миль от ближайшей деревни, и прислуживала им старая кухарка. Кроме них троих, в доме не было ни души, если не считать старухиногo кота да охотничьих собак.

Как-то раз осенью старший брат, Элсхендер, решил остаться дома, и младший, Фергюс, пошел на охоту один. Он отправился далеко в горы, туда, где охотился с братом накануне, и обещал вернуться домой до захода солнца.

Но день кончился давно, пора было сесть за ужин, а Фергюс все не возвращался. Элсхендер забеспокоился — никогда еще не приходилось ему ждать брата так долго.

Наконец Фергюс вернулся, задумчивый, промокший, усталый, и не захотел рассказывать, почему он так запоздал. Но вот после ужина, когда братья сидели с трубками у камина, в котором, весело потрескивая, горел торф, и собаки лежали у их ног, а черный кот старухи, полускрыв глазки, расположился на коврикe между ними, Фергюс словно очнулся и рассказал брату о том, что с ним приключилось.

— Ты, наверное, удивляешься, почему я так поздно вернулся? — сказал он. — Ну, слушай! Я сегодня видел такие чудеса, что даже не знаю, как тебе и рассказать про них. Я шел, как и собирался, по нашей вчерашней дороге. Но когда настала пора возвращаться домой, горы заволокло таким густым туманом, что я сбился с пути. Долго я блуждал, сам не знаю где, как вдруг увидел огонек. Я скорее пошел на него. Но только я приблизился к нему, как перестал его видеть и оказался возле какого-то

толстого старого дуба. Я влез на дерево, чтобы легче было отыскать этот огонек, и вдруг вижу подо мной в стволе дупло, а в дупле что-то вроде церкви, и там кого-то хоронят. Я слышал пение, видел гроб и факелы. И знаешь, кто нес факелы? Но нет, ты мне все равно не поверишь!..

Элсхендер принялся уговаривать брата продолжать рассказ. Он даже подбросил торфа в камин, чтоб огонь запылал ярче, и младший брат повеселел. Собаки мирно дремали, а черный кот поднял голову и, казалось, слушал так же внимательно, как сам Элсхендер. Братья даже невольно взглянули на него.

— Поверь мне, — продолжал Фергюс, — все, что я скажу, истинная правда. Гроб и факелы несли коты, а на крышке гроба были нарисованы корона и скипетр!

Больше он ничего не успел добавить, ибо черный кот вскочил и крикнул:

— О небо! Значит, старый Питер преставился и теперь я — кошачий король!

Тут кот прыгнул в камин и пропал навсегда...

Мистер Уксус

Мистер и миссис Уксус жили в уксусной бутылке. Вот раз мистер Уксус отлучился из дому, а миссис Уксус принялась усердно подметать пол. Она была очень хорошая хозяйка! Но вдруг она как-то неловко стукнула половицей по стене, и весь дом — дзынь-дзынь! — разбился вдребезги.

Миссис Уксус сама не своя бросилась навстречу мужу.

— Мистер Уксус, мистер Уксус! — вскричала она, как только увидела его. — Мы разорены, совсем разорены! Я разбила наш дом. Он лопнул, разлетелся на мелкие кусочки!

— Ну-ну, дорогая, — сказал мистер Уксус, — давай лучше подумаем, что нам теперь делать. Смотри-ка, дверь цела! Недаром говорят: «У кого дверь, у того и дом». Вот я взвалю ее себе на спину, и мы пойдем с тобой по свету счастья искать.

И они пошли. Шли-шли целый день, а к ночи добрались до дремучего леса. Оба просто из сил выбились, и мистер Уксус сказал:

— Сейчас я влезу на дерево, милая, и втащу туда дверь, а ты лезь за мной!

Так они и сделали. Влезли на дерево, втащили дверь и тут же крепко заснули. Среди ночи мистера Уксуса разбудили чьи-то голоса. Глянул он вниз, и у него душа ушла в пятки от страха. Под деревом собралась целая шайка воров. Воры делили свою добычу.

— Смотри, Джек! — сказал один. — Вот тебе пять фунтов. А тебе, Билл, десять. Ну а тебе, Боб, три фунта.

Мистер Уксус не мог больше слушать — так жутко ему стало. Его даже затрясло от страха, да так, что дверь тоже затряслась и свалилась

прямо на головы ворам. Те бросились наутек. А мистер Уксус не смел пошевелинуться, пока совсем не рассвело. Но вот он наконец слез с дерева и поднял дверь. И что же он увидел под нею? Целую кучу золотых гиней!

— Скорей слезай, миссис Уксус! — закричал он. — Скорей слезай! Мы разбогатели! Ах, да слезай же скорее!

Миссис Уксус поспешила слезть с дерева и, как увидела деньги, так и запрыгала от радости.

— Теперь, милый мой, — сказала она, — я научу тебя, что делать. Тут недалеко в городе ярмарка. Поди туда и купи корову. Сорока гиней с лихвой хватит, еще останется. Я умею делать сыр и сбивать масло. Ты станешь продавать их на базаре, и мы с тобой заживем на славу!

Мистер Уксус с радостью согласился, взял деньги и отправился в город. Добрался до ярмарки и долго ходил взад-вперед, пока наконец не увидел, что продается отменная рыжая корова.

Судя по всему, корова эта давала много молока, да и вообще была очень хороша.

«Эх, вот бы мне эту корову! — подумал мистер Уксус. — Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

И он сказал, что даст за корову все свои сорок гиней. Продавец ответил, что сорок гиней — это, конечно, невелики деньги, но он, так и быть, уступит ради старого знакомства. Сторговались. Мистер Уксус получил корову и принялся водить ее туда-сюда, своей покупкой хвастаться.

Немного погодя повстречался ему волынщик. Он играл на волынке — «туидл-дам, туидл-дам». За ним толпой бежали ребятишки, и деньги так и сыпались в его карманы.

«Эх, — подумал мистер Уксус, — вот бы мне такую волынку! Тогда счастливей меня никого бы на свете не было! Ну и разбогател бы я!»

И он подошел к волынщику.

— Что за волынка у тебя, дружище! — сказал мистер Уксус. — Чудо! Должно быть, она тебе уйму денег приносит?

— Да уж что и говорить, — ответил волынщик, — кучу денег загребая. Волынка хоть куда!

— Вот бы мне такую! — воскликнул мистер Уксус.

— Что ж, — сказал волынщик, — могу ее уступить ради старого знакомства. Получай волынку вот за эту рыжую корову!

— По рукам! — обрадовался мистер Уксус.

Так отменную рыжую корову отдали за волынку. Мистер Уксус опять стал прохаживаться взад-вперед со своей покупкой. Но как он ни старался сыграть на волынке хоть самую простую песню, ничего у него не выходило. Ну и конечно, не заработал ни пенса, а мальчишки бежали за ним, улюлюкая, хохоча и забрасывая его грязью.

Бедный мистер Уксус решил, что пора домой, да и руки у него совсем заоченели. И вот, когда он уже выходил из города, повстречался ему человек в теплых перчатках.

«Ох, до чего у меня руки замерзли! — подумал мистер Уксус. — Вот бы мне такие перчатки! Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

Он подошел к человеку и сказал:

— Ну и перчатки у тебя, дружище! Хороши!

— Еще бы! Ноябрь на дворе, а в них рукам так тепло, что теплей и быть не может.

— Эх, — вздохнул мистер Уксус, — вот бы мне такие!

— А сколько ты за них дашь? — спросил человек. — Пожалуй, я не прочь обменять их на вот эту волынку ради старого знакомства.

— Ладно! — воскликнул мистер Уксус.

Надел перчатки и поплелся домой рад-радешенек.

Шел-шел, совсем из сил выбился и вдруг встретил человека с толстой палкой в руках.

«Вот бы мне эту палку! — подумал мистер Уксус. — Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

И он сказал человеку:

— Что за палка у тебя, дружище! Редкостная!

— Палка хорошая, — отозвался человек. — Немало миль я с ней прошагал, и была она мне верным спутником. Но раз она тебе так приглянулась, я, пожалуй, готов отдать ее вот за эти перчатки. Ради старого знакомства, конечно.

Руки у мистера Уксуса уже согрелись, зато ноги его до того устали, что он с радостью согласился на обмен.

Вот дотащился мистер Уксус до того леса, где оставил жену, и вдруг слышит:

— Мистер Уксус, а мистер Уксус! — это попугай окликнул его с дерева. — Эх ты, дурачина, болван, простак! Пошел на ярмарку, все свои денежки за одну корову выложил. Мало того — корову на волынку променял. А волынка и десятой части твоих денег не стоила, да и к тому

же играть на ней ты не умеешь. Ну и простофиля! Не успел заполучить волынку, как обменял ее на перчатки. А они вчетверо дешевле стоили. Получил перчатки, обменял их на какую-то дрянную палку. Было у тебя сорок гиней, а теперь ни коровы, ни волынки, ни перчаток, — нечем похвастать: только эта дрянная палка осталась! Да ты в любой живой изгороди мог бы срезать такую! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Попугай все хохотал и хохотал, так что мистер Уксус наконец расвирипел и запустил в него своей палкой. Палка застряла в ветвях, и вот вернулся мистер Уксус в лес к жене без денег, без коровы, без волынки, без перчаток и даже без палки. И жена тут же принялась его колотить, да так, что чуть кости ему не переломала.

Крошечка

Жила-была крошечная старушонка. Жила она в крошечной деревеньке, в крошечном домике. Как-то раз надела крошечная старушонка крошечную шляпку и вышла из своего крошечного домика крошечку погулять. Крошечку прошла крошечная старушонка и оказалась у крошечной калиточки. Открыла она крошечную калиточку и попала на крошечное кладбище. Пошла крошечная старушонка по крошечному кладбищу, видит — на крошечной могилке крошечная косточка. Вот и говорит крошечная старушонка своей крошечной особе:

— Сварю-ка я себе из этой крошечной косточки крошечку супа на крошечный ужин.

Положила крошечная старушонка крошечную косточку в свой крошечный карманчик и побрела к своему крошечному домику.

А когда крошечная старушонка вернулась в свой крошечный домик, она почувствовала себя крошечку усталой. Спрятала она крошечную косточку в крошечный буфетик и взобралась по крошечной лесенке на свою крошечную кроватку.

Но не успела крошечная старушонка крошечку поспать, как из крошечного буфетика послышался крошечный голосок:

Отдай мою кость!

Крошечная старушонка крошечку испугалась, спрятала свою крошечную головку под крошечные простынки и опять заснула.

Английские сказки

Но не успела крошечная старушонка еще крошечку поспать, как снова послышался из крошечного буфетика крошечный голосок, только уже крошечку громче:

Отдай мою кость!

Крошечная старушонка испугалась крошечку больше и крошечку дальше спрятала под крошечные простынки свою крошечную головку.

Но не успела она еще крошечку поспать, как крошечный голосок из крошечного буфетика снова раздался крошечку громче:

Отдай мою кость!

Крошечная старушонка испугалась еще крошечку больше, но все-таки высунула из-под крошечных простынок свою крошечную головку и что есть силы крикнула крошечным голосочком:

БЕРИ!

Три медведя

Жили-были три медведя. Жили они все вместе в лесу, в своем собственном доме. Один из них был маленький-малюсенький крошка медвежонок, другой — средний медведь, а третий — большой-здоровенный медведище. У каждого был свой горшок для овсяной каши: у маленького-малюсенького крошки медвежонка маленький горшочек, у среднего медведя средний горшок, у большого-здоровенного медведища большущий горшочище. Каждый медведь сидел в своем кресле: маленький-малюсенький крошка медвежонок в маленьком креслице, средний медведь в среднем кресле, а большой-здоровенный медведище в большущем креслице. И спали они каждый на своей кровати: маленький-малюсенький крошка медвежонок на маленькой кроватке, средний медведь на средней кровати, большой-здоровенный медведище на большущей кровати.

Как-то раз сварили себе медведи на завтрак овсяную кашу, выложили ее в горшки, а сами пошли погулять по лесу: каше-то ведь простыть надо было; не то стали бы они ее есть горячую, она бы им весь рот обожгла.

А пока они гуляли по лесу, к дому подошла маленькая старушонка. Не очень-то она была хорошая, эта старушонка! Сначала она заглянула в окошко, потом — в замочную скважину: увидела, что в доме никого нет, и подняла щеколду. Дверь была не заперта. Да медведи ее никогда и не запирали — они были добрые медведи: сами никого не обижали и себе не ждали обиды.

Вот маленькая старушонка открыла дверь и вошла. И как же она обрадовалась, когда увидела на столе кашу! Будь она хорошей старушонкой, она, конечно, дождалась бы медведей, а те, наверное, угостили бы

ее завтраком. Ведь они были хорошие медведи, грубоватые, правда, как и все медведи, зато добродушные и гостеприимные. Но старушка была нехорошая, бессовестная и без спроса принялась за еду.

Сперва она попробовала каши из горшочища большого-здоровенного медведища, но каша показалась ей слишком горячей, и старушонка сказала: «Дрянь!» Потом отведала каши из горшочка среднего медведя, но его каша показалась ей совсем остывшей, и старушонка опять сказала: «Дрянь!» Тогда принялась она за кашу маленького-малюсенького крошки медвежонка. Эта каша оказалась не горячей, не холодной, а в самый раз и так понравилась маленькой старушонке, что она принялась уплетать ее за обе щеки и очистила весь горшочек до доньшка. Однако противная старушонка и эту кашу обозвала скверным словом: очень уж мал был горшочек, не хватило старушонке каши.

Потом старушонка села в креслице большого-здоровенного медведища, но оно показалось ей чересчур жестким. Она пересела в кресло среднего медведя, но оно показалось ей чересчур мягким. Наконец плюхнулась в креслице маленького-малюсенького крошки медвежонка, и оно показалось ей не жестким, не мягким, а в самый раз. Вот уселась она в это креслице — сидела, сидела, пока не продавила сиденья, и — шлеп! — прямо на пол. Поднялась противная старушонка и обозвала креслице бранным словом.

Тогда старушонка побежала наверх в спальню, где спали все три медведя. Сперва легла она на кроватицу большого-здоровенного медведища, но та показалась ей слишком высокой в головах. Потом легла на кровать среднего медведя, но эта показалась ей слишком высокой в ногах. Наконец легла на кроватку маленького-малюсенького крошки медвежонка, и кроватка оказалась не слишком высокой ни в головах, ни в ногах, а — в самый раз. Вот укрылась старушонка потеплее и заснула крепким сном.

А к тому времени медведи решили, что каша уже поостыла, и вернулись домой завтракать. Глянул большой-здоровенный медведище на свой горшочище, видит, в каше ложка: там ее старушонка оставила. И взревел медведище своим громким, грубым, страшным голосом:

КТО-ТО МОЮ КАШУ ЕЛ!

Средний медведь тоже глянул на свой горшок, видит: и в его каше ложка.

Ложки-то у медведей были деревянные, — а будь они серебряные, противная старушонка наверняка бы их прикарманила.

И сказал средний медведь своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО МОЮ КАШУ ЕЛ!

А маленький-малюсенький крошка медвежонок глянул на свой горшочек, видит: в горшочке ложка, а каши и след простыл. И пропищал он тоненьким-тонюсеньким тихим голосом:

КТО-ТО МОЮ КАШУ ЕЛ И ВСЮ ЕЕ СЪЕЛ!

Тут медведи догадались, что кто-то забрался к ним в дом и съел всю кашу маленького-малюсенького крошки медвежонка. И принялись искать вора по всем углам. Вот большой-здоровенный медведище заметил, что твердая подушка криво лежит в его креслице — ее старушонка сдвинула, когда вскочила с места. И взревел большой-здоровенный медведище своим громким, грубым, страшным голосом:

КТО-ТО В МОЕМ КРЕСЛИЩЕ СИДЕЛ!

Мягкую подушку среднего медведя старушонка примяла. И средний медведь сказал своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО В МОЕМ КРЕСЛЕ СИДЕЛ!

А что сделала старушонка с креслицем маленького-малюсенького крошки медвежонка, вы уже знаете. И пропищал маленький-малюсенький крошка медвежонок своим тоненьким-тонюсеньким тихим голосом:

КТО-ТО В МОЕМ КРЕСЛИЩЕ СИДЕЛ И СИДЕНЬЕ ПРОДАВИЛ!

Надо искать дальше, решили медведи и поднялись вверх в спальню. Увидел большой-здоровенный медведище, что подушка его не на месте — ее старушонка сдвинула, — и взревел своим громким, грубым, страшным голосом:

КТО-ТО НА МОЕЙ КРОВАТИЩЕ СПАЛ!

Увидел средний медведь, что валик его не на месте — это старушонка его передвинула, — и сказал своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО НА МОЕЙ КРОВАТИ СПАЛ!

А маленький-малюсенький крошка медвежонок подошел к своей кроватке, видит: валик на месте, подушка тоже на месте, а на подушке — безобразная, чумазая голова маленькой старушонки. Вот она-то уж никак не на месте: незачем было противной старушонке забираться к медведям!

И пропищал маленький-малюсенький крошка медвежонок своим тоненьким-тонюсеньким тихим голосом:

КТО-ТО НА МОЕЙ КРОВАТКЕ СПАЛ И СЕЙЧАС СПИТ!

Маленькая старушонка слышала сквозь сон громкий, грубый, страшный голос большого-здоровенного медведища, но спала так крепко, что ей почудилось, будто это ветер шумит или гром гремит. Слышала она и не громкий, и не тихий, а средний голос среднего медведя, но ей почудилось, будто это кто-то во сне бормочет. А как услышала она тоненький-тонюсенький голосок маленького-малюсенького крошки медвежонка, до того звонкий, до того пронзительный, — сразу проснулась. Открыла глаза, видит: стоят у самой кровати три медведя. Она вскочила и бросилась к окну.

Окно было как раз открыто — ведь наши три медведя, как и все хорошие, чистоплотные медведи, всегда проветривали спальню по утрам. Ну, маленькая старушонка и выпрыгнула вон; а уж свернула ли она себе шею, или заблудилась в лесу, или же выбралась из леса, но ее забрал констебль и отвел в исправительный дом за бродяжничество, — этого я не могу вам сказать. Только все три медведя никогда больше ее не видели.

Сорочье гнездо

Давным-давно, предавно,
 Когда свиньи пили вино,
 А мартышки жевали табак,
 А куры его клевали
 И от этого жесткими стали,
 А утки крикали: крик-крик-крик...

Птицы со всего света слетелись к сороке и попросили ее научить их вить гнезда.

Ведь сорока искуснее всех вьет гнездо!

Вот собрала она птиц вокруг себя и начала показывать им, что да как надо делать. Прежде всего она взяла немного грязи и слепила круглую лепешку.

— Ах вот как это делается... — сказал серый дрозд и полетел прочь.

С тех пор серые дрозды так и вьют свои гнезда.

Затем сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепешки.

— Теперь я все понял, — сказал черный дрозд и полетел прочь.

Так черные дрозды и поныне вьют свои гнезда.

Потом сорока положила на веточки еще одну лепешку из грязи.

— Все ясно, — сказала мудрая сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить лучших гнезд.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Поэтому и до нынешнего дня воробьи вьют свои гнезда вот так неряшливо.

Что ж, а госпожа сорока раздобыла перышек и тряпочек и уютно выложила ими все гнездышко.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле, у скворцов очень уютные гнезда.

Так все и шло: послушают-послушают птицы, до конца не дослушают и улетают одна за другой.

А между тем госпожа сорока все работала и работала, не глядя ни на кого.

Все птицы уже разлетелись. И вот осталась одна-единственная птичка — горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и внимания не обращала на то, что делала сорока, и лишь без толку твердила:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

В конце концов сорока услышала это — как раз когда укладывала поперек гнезда веточку — и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица продолжала твердить:

— Мало двух, мало дву-у-ух...

Сорока рассердилась и сказала:

— Хватит и одной, говорю же тебе!

А горлица опять свое:

— Мало двух, мало дву-у-ух!

Тут сорока огляделась по сторонам и видит — рядом никого, кроме глупой горлицы. Сильно разгневалась сорока и улетела прочь. И в другой раз уж не захотела учить птиц, как вить гнезда.

Потому-то разные птицы и вьют свои гнезда по-разному.

Шотландские сказки

Томас Стихотворец

Деревня Эрсилдун расположена у подножия Элдонских холмов.

В XIII веке в этой деревне жил некий Томас Лермонт. Он любил книги, стихи, музыку, а больше всего — природу; любил бродить по полям и лесам и наблюдать зверей и птиц. И он играл на лютне.

Как-то раз в солнечный майский день Томас запер свой дом, вышел из Эрсилдуна с лютней и отправился бродить по лесу. Этот лес рос по берегам небольшого ручья Хантлиберн, что течет с Элдонских холмов.

Утро было ясное, свежее. Деревья покрылись молодой листвой, а земля под деревьями — пышным ковром мхов. На лужайках цвели желтые первоцветы и звездочки анемон тянулись к утреннему небу. Громко пели певчие птички, сотни насекомых летали вокруг, купаясь в лучах солнца.

Томас присел отдохнуть под большим тенистым деревом. Он лениво перебирал струны лютни и смотрел на лес. В его темную чащу вели извилистые тропинки под зелеными сводами.

И вдруг послышался отдаленный звон бубенчиков и колокольчиков, потом — топот копыт, и Томас с удивлением увидел, как по лесной тропинке верхом на сером коне к нему приближается всадница, такая прекрасная, какой он в жизни не видывал.

Она была в охотничьем платье из блестящего зеленого шелка цвета молодой травы и в бархатном зеленом плаще. Ее длинные золотистые волосы рассыпались по спине, а венец из драгоценных камней сверкал на солнце.

Конь легко ступал между деревьями. Седло на нем было из слоновой кости с ярко-алым чепраком, подпругой из крученого шелка и хрустальными стремянами. Золототканые поводья были украшены серебряными бубенчиками, а с каждой пряди конской гривы свешивались серебряные колокольчики. Это их звон слышал Томас, перед тем как к нему подъехала всадница.

Должно быть, она выехала на охоту — через плечо у нее висели охотничий рог, лук и колчан со стрелами, и она вела на своре семь борзых. Семь гончих бежали рядом с ее конем.

Всадница негромко напевала старинную шотландскую песню. Она была так прекрасна, так роскошно одета и держалась так царственно-величаво, что Томас сорвал с себя шапку и хотел уже пасть на колени: он подумал, что перед ним сама Святая Дева.

Но красавица угадала его мысли и остановила его.

— Я не Святая Дева, — сказала она, — не Царица Небесная. Правда, я королева, но царствую я не на небе и не на земле, а в Стране Фей. И я приехала тебя навестить, Томас Лермонт из Эрсилдуна.

Красавица сказала правду — с этого мига Томаса словно околдовали. Он знал, как опасно смертным встречаться с феями, но был так заворожен красотой дивной всадницы, что совсем позабыл об осторожности и благоразумии.

Всадница улыбнулась и протянула Томасу руку, чтобы он помог ей спешиться. Он повиновался, затем поводьями привязал коня к терновому кусту, а красавицу усадил под деревом. Зачарованный ее неземной красотой, он не отрывал глаз от бледного прекрасного лица.

— Поиграй мне на лютне, Томас, — сказала королева фей. — Хорошо послушать музыку в зеленой тени.

И Томас взял свою лютню и заиграл. Никогда еще струны ее не рождали таких веселых звуков.

Когда же лютня умолкла, королева фей похвалила Томаса за игру.

— Я хочу вознаградить тебя, Томас, — проговорила она. — Можешь просить у меня чего хочешь.

Осмелев, Томас взял ее белые руки в свои и сказал:

— Позволь мне поцеловать тебя в губы, прекрасная королева!

Королева фей рук не отняла, но улыбнулась и молвила:

— Если ты поцелуешь меня в губы, Томас, ты с того мига будешь в моей власти. Придется тебе тогда прослужить мне семь долгих лет, а уж к добру это будет или к худу — кто знает?

— Что такое семь лет! — воскликнул Томас. — Если они — расплата за поцелуй, пускай! Я расплачусь охотно.

И он прикоснулся губами к губам королевы фей.

Но как только их губы слились, Томас с ужасом увидел, что и лицо красавицы, и ее наряд странным образом начали изменяться, словно по волшебству. Ее зеленое платье и зеленый плащ полиняли, потом стали серыми, как пепел. Ее длинные золотистые волосы потускнели, потом стали совсем седыми. Ее прекрасное юное лицо увяло, потом покрылось морщинами и стало старым-престарым. Томас смотрел на нее, не помня себя от удивления. А королева фей расхохоталась.

— Теперь мною не залюбуешься, правда, Томас? — насмешливо проговорила она. — Но что поделаешь! Ты предался мне, Томас, ты обещал служить мне семь долгих лет. Тот, кто поцелует королеву фей, должен последовать за нею в ее страну и там служить ей, пока не кончится срок.

Бедный Томас упал перед ней на колени и стал просить пощады. Но королева фей была неумолима. Она лишь смеялась ему в лицо. Потом подвела к нему своего серого в яблоках коня.

— Нет, нет, — только и говорила она на все мольбы Томаса. — Ты просил у меня поцелуя, теперь плати за него. Не мешкай! Садись на коня ко мне за спину. Нам пора в путь!

И Томас сел, вздыхая и стenea от ужаса, к ней за спину, а она пустила вскачь своего серого коня.

Быстрее ветра мчались они все дальше и дальше, то по зеленым полянам, то по холмам, покрытым вереском. И вот наконец впереди показалась пустыня. Голая, сухая, унылая, она простиралась перед ними до самого края земли.

«Неужто придется нам ехать по этой пустыне?» — со страхом подумал Томас. — Разве может смертный живым добраться до ее конца?»

Тут всадница натянула поводья. Серый конь остановился на всем скаку и стал как вкопанный.

— Слезай, Томас, — сказала королева фей, посмотрев на своего спутника через плечо. — Приляг на землю, положи голову ко мне на колени, а я покажу тебе тайное — то, чего не могут видеть глаза смертных.

Томас соскочил с коня и прилег на землю. Королева фей села подле него, и он положил голову к ней на колени. А когда опять посмотрел на пустыню, которая лежала впереди, увидел, что многое там переменялось. По пустыне теперь тянулись три дороги, и все они были разные.

Одна дорога была широкая, ровная, гладкая. Она вела прямо вперед, через пески пустыни, и тот, кто пошел бы по ней, никогда бы не заблудился.

Другая дорога ничуть не походила на первую. Она была узкая, извилистая, длинная. С одной стороны ее окаймляла живая изгородь из терна, с другой — из шиповника. Их колючие кусты были так высоки, а усаженные шипами ветки разрослись и так переплелись друг с другом, что почти невозможно было продраться сквозь эту чащу.

Третья дорога была непохожа на первые две. Очень красивая, она вилась по горному склону среди густого вереска, папоротника и золотисто-желтого дрока, маня к себе путника.

— Теперь послушай меня, — сказала Томасу королева фей, — и ты узнаешь, куда ведут эти три дороги. Первая дорога, как видишь, широкая и ровная. Идти по ней легко, и многие охотно выберут этот путь. Но хоть он и легок, а ведет ко злу, и те, что его изберут, век будут жалеть о своем выборе. Это — Путь Греха... Что до второй, узкой дороги, ее преграждают колючие ветви терна и шиповника. Лишь немногим захочется хотя бы только спросить, куда она ведет. Но если спросят и услышат ответ, их, быть может, и повлечет на эту дорогу. Это Путь Праведности... Ну а третья дорога, — та, что красиво вьется вверх по горному склону среди пышного папоротника, — третья ведет неведомо куда. То есть это смертные не знают — куда, а я скажу тебе, Томас, что ведет она в Страну Фей. И по ней мы и поедем.

Тут королева фей поднялась и подошла к своему коню, а он уже бил копытом о землю и дергал головой — так ему не терпелось поскорее вернуться домой, в Страну Фей.

— Теперь слушай меня, Томас, — молвила королева фей. — Когда мы с тобой приедем в мою страну, не говори там ни с кем, кроме меня, если хочешь вернуться домой, в Эрсилдун, через семь лет. Ибо смертный, попавший к нам, должен замкнуть себе уста, а не то придется ему остаться у нас навеки. И если ты, Томас, молвишь лишнее слово в моих владениях, ты утратишь свое счастье и будешь обречен вечно блуждать по пустыне, что простирается между миром смертных и миром фей.

Королева фей снова села в седло и приказала Томасу сесть к ней за спину. И вот они помчались по красивой дороге, что вилась по горному склону.

Но дорога эта была не такой уж приветливой и веселой, какой казалась издали. Вскоре она спустилась в узкое ущелье и спускалась все

ниже и ниже, так что чудилось, будто она ведет в недра земли. В ущелье царил полумрак, а воздух был холодный и тяжелый. Где-то с шумом низвергался поток, и немного погодя серый конь вступил в него. И вот вода, холодная, ледяная, замочила Томасу ступни, потом поднялась до колен. И увидел он, что вода эта — темно-алая. Как Томас потом узнал, здесь текла вся кровь, когда-либо пролитая на земле.

Мрак в ущелье сгустился. Конь пробирался вперед в непроглядной тьме, и Томасу стало так страшно, что он чуть не лишился чувств и не упал с коня в алую воду. Пришлось ему крепко уцепиться за пепельно-серый плащ королевы фей, чтобы удержаться в седле.

Но вот мрак стал постепенно рассеиваться, и серый конь вышел из ущелья на яркое солнце. Томас приободрился, поднял голову и увидел, что теперь они едут по прекрасному плодовому саду. Яблоки, груши, финики, фиги, виноград зрели здесь в изобилии. Томасу так хотелось есть и пить и он так ослабел, что уже протянул было руку к ближайшему дереву, чтобы сорвать с него сочный плод. Но королева фей повернулась и остановила его.

— Здесь тебе ничего нельзя есть, — сказала она. — Если ты до чего-нибудь дотронешься, придется тебе остаться в Стране Фей навсегда. Но скоро я сама сорву и дам тебе яблоко.

Немного погодя они подъехали к крошечной яблоньке, усеянной красными плодами. Королева фей наклонилась, сорвала яблоко и подала его своему спутнику.

— Это яблоко я могу тебе дать и даю с радостью, — молвила она, — потому что это Яблоко Правды. Тот, кто его съест, будет всю жизнь говорить только правду. Ложь никогда не слетит с его уст.

Томас взял и съел яблоко, и в этот миг на него снизошел Дар Правдивости. Вот почему люди потом прозвали его «Томас Правдолюбец».

Путь их уже оканчивался. Теперь серый конь бежал по какой-то волшебной стране, озаренной нездешним светом. И вскоре впереди на вершине холма возник великолепный замок.

— Вот мой дом, — с гордостью промолвила королева фей и показала рукой на замок. — Там обитают мой супруг и его придворные. Но должна сказать, что нрав у моего супруга вспыльчивый. Он гневается, когда видит меня с каким-нибудь красивым незнакомцем. Поэтому прошу тебя, и ради меня, и ради тебя самого, не отвечай ни слова тому, кто вздумает с тобой заговорить. Если же меня спросят, кто ты, я скажу, что ты лишен дара речи. Так ты останешься незамеченным в толпе.

Тут королева фей поднесла к губам свой охотничий рог и громко, пронзительно затрубила. И в этот миг она снова изменилась. Куда девались ее серые, как пепел, одежды, ее седые космы и морщины! Она опять предстала перед Томасом юная и прекрасная, в зеленом охотничьем платье и плаще, с золотистыми волосами, распушенными по плечам.

Переменился и Томас. Его грубое домотканое платье превратилось в одежду из тонкого сукна, а ноги оказались обутыми в атласные туфли.

Как только королева фей затрубила в рог, раздались ответные звуки тысячи невидимых труб, распахнулись двери замка на холме, и король эльфов быстро вышел навстречу своей супруге в сопровождении придворных дам, рыцарей, пажей и менестрелей. Их было так много, что когда Томас соскочил с коня и смешался с толпой, ему нетрудно было пройти в замок незамеченным.

Все обитатели замка, видимо, очень обрадовались возвращению своей королевы. Они потянулись за ней в большой зал, а она милостиво беседовала с ними и протягивала им руку для поцелуя. Потом она вместе с мужем взошла на помост в глубине зала. На этом помосте стояло два трона. Король с королевой сели и стали смотреть на празднество, тут же начавшееся в зале.

А бедный Томас остался в стороне. Он чувствовал себя здесь чужим и одиноким, но, как замороженный, неотрывно смотрел на невиданное зрелище.

В одной части зала придворные дамы танцевали с рыцарями; в другой — охотники вносили и бросали на пол оленей с ветвистыми рогами, должно быть, недавно убитых на охоте. Сюда же приходили повара, свеживали оленей, отрезали от туш куски мяса и уносили их на кухню.

И так все это было странно и непривычно для Томаса, что он не замечал времени — все стоял и смотрел, смотрел, не отрывая глаз и не говоря ни слова.

Трое суток феи не покидали зала, а Томас смотрел на них. Но вот королева фей вдруг встала с трона, спустилась с помоста и, пройдя по всему залу, подошла к Томасу.

— Пора нам уезжать, Томас, — сказала она, — если только ты хочешь снова увидеть свой родной Эрсилдун.

Томас удивленно посмотрел на нее.

— Ты говорила, что я должен служить тебе семь долгих лет, госпожа моя, — воскликнул он, — а я пробыл здесь только три дня!

Королева фей улыбнулась.

— В Стране Фей время идет быстро, друг мой, — молвила она. — Ты думаешь, что пробыл здесь только три дня, но на самом деле прошло семь лет с тех пор, как мы с тобой встретились. А теперь тебе время нас покинуть. Мне и хотелось бы, чтобы ты побыл здесь подольше, но я не смею тебя удерживать, и — ради твоего же блага. Ибо каждые семь лет к нам из Царства Тьмы приходит Дух Зла и уносит с собой одного из моих подданных, кого сам выберет. А ты — красивый юноша, и я боюсь, как бы он не выбрал тебя. Я не хочу, чтобы ты попал в беду, и потому нынче же вечером увезу тебя на твою родину.

Тут к замку подвели серого коня. Королева фей и Томас сели на него и тронулись в обратный путь.

И вот они снова подъехали к ручью Хантли-берн, что течет с Элдонских холмов.

Королева фей стала прощаться с Томасом Лермонтом. Он попросил ее дать ему что-нибудь такое, что он смог бы показать людям. А то ведь они не поверят, что он действительно побывал в Стране Фей.

— Я уже одарила тебя Даром Правдивости, — отозвалась она. — Теперь я одарю тебя Даром Прорицания и Даром Стихотворства. Ты сможешь предсказывать будущее и сочинять прекрасные стихи. Но, кроме этих невидимых даров, я подарю тебе нечто такое, что смертные смогут увидеть собственными глазами. Я подарю тебе арфу, сделанную в Стране Фей.

Она немного помолчала, потом заговорила снова:

— Теперь ты вернешься домой. Но сначала выслушай меня, Томас. Придет время, когда я снова позову тебя к себе, и, где бы ты тогда ни был, ты должен будешь откликнуться на мой зов. Я пошлю за тобой двух посланцев, и ты сразу узнаешь, что они не из вашего мира... А теперь до свидания, друг мой! Настанет день, когда я тебя позову.

Томас заглянул в темные глаза королевы фей и понял, что приворожен ею навек. И он с радостью обещал подчиниться ее приказу — откликнуться, когда она его позовет. Но вдруг его одолела дремота, и он крепко уснул.

Проснулся он в густой тени могучего дерева, что росло на берегу Хантли-берна. Он вскочил на ноги и стал растерянно вглядываться в лесные тропинки. Но они были безлюдны. Напрасно он ждал, что опять послышится звон серебряных бубенчиков и колокольчиков. Все было тихо. И тут ему показалось, что он никогда не жил в Стране Фей, а все, что помнил про нее, просто приснилось ему в этот летний вечер.

Однако вместо его лютни под деревом лежала арфа из Страны Фей. «Когда-нибудь я туда вернусь!» — воскликнул он, взял арфу в руки и пошел домой, в Эрсилдун. Ему очень хотелось узнать, что там произошло за семь лет.

Как только он вошел в деревню, какая-то старушка громко вскрикнула в ужасе: она подумала, что он воскрес из мертвых. Ведь все в деревне считали Томаса Лермонта пропавшим без вести.

Вскоре жители Эрсилдуна перестали удивляться тому, что Томас вернулся. Но им пришлось удивиться снова, когда он стал рассказывать о том, как побывал в Стране Фей. Дети окружали его и взбирались к нему на колени, чтобы послушать о волшебной стране, а старики качали головами и шепотом вспоминали, что Томас Лермонт не первый, кого увлекла за собой королева фей. Но сколько бы Томас ни рассказывал про свои приключения, он умалчивал о том, что обещал вернуться в Страну Фей, когда его позовут два незнакомых посланца.

Каждый день он ожидал, что в нем проявятся дары королевы Фей. Он уже не мог произнести ни слова лжи. Однако Дар Прорицания и Дар Стихотворства в нем еще не пробудились.

Но вот как-то раз все жители деревни собрались вместе, чтобы подумать, как им избежать беды. Во всей округе тогда начался падеж скота от чумы, и жители Эрсилдуна боялись за свои стада.

И тут какая-то невидимая сила заставила Томаса Лермонта вскочить на ноги. Слова сами собой полились из его уст, и он предсказал, что в Эрсилдуне и его окрестностях ни одна скотина не заболит чумой. Пока он говорил, лицо у него было такое вдохновенное, что деревенские жители смотрели на него с благоговейным трепетом и, как ни странно, поверили ему сразу.

Томас сказал правду — ни одно животное в деревне не заболело чумой.

С тех пор Томас Лермонт начал пророчествовать, и нередко — в стихах. Люди легко запоминали его стихи и передавали их из уст в уста. Предсказания Томаса сбывались, и молва о нем пронеслась по всей Шотландии.

Вот некоторые из его пророчеств.

Он предсказал битву при Баннокберне таким двустишием:

В Бредском ручье тогда
Алой станет вода.

И в самом деле: в страшный день этой битвы воды Баннокберна покраснели от крови побежденных англичан.

Томас Лермонт предсказал также объединение Англии и Шотландии под властью того, кто был сыном французской королевы, но в чьих жилах текла кровь шотландца Брюса:

Когда королева французов сына родит,
Британию он от морей до морей покорит,
Потомкам его подчинятся шотландец и бритт.

Это произошло в 1603 году, когда король Яков, сын Марии, королевы Шотландской, стал королем Англии и Шотландии.

Одно из своих замечательных предсказаний Томас Лермонт произнес 18 марта 1285 года, когда царствовал Александр III, один из самых славных и мудрых королей Шотландии. В этот день за Томасом послал граф Марч и спросил его:

— Какая погода будет завтра?

— Завтра перед полднем забушует буря, какой еще не видывала Шотландия, — ответил Томас.

Наутро день выдался тихий и ясный. Граф снова послал за Томасом.

— Ты предсказывал, что сегодня будет буря. Почему же ее нет? — с упреком спросил он.

— Полдень еще не настал, — спокойно ответил Томас.

И вдруг в комнату ворвался человек с криком: «Король умер!» Оказалось, что король ехал верхом по крутой горной дороге, упал с коня и расшибся насмерть.

— Вот теперь в Шотландии забушует великая буря, — сказал Томас Лермонт.

Действительно, когда разнеслась скорбная весть, все стали оплакивать доброго короля. А потом в стране настало смутное время, и продолжалось оно много лет.

В другой раз Томас предсказал:

Пока акации дерево стоит,
Эрсилдун земли свои сохранит.

Так оно и было. В тот год, когда акация, что росла в Эрсилдуне, рухнула на землю, все тамошние торговцы разорились, и селение вскоре лишилось последнего клочка общинной земли.

А два предсказания Томаса еще не исполнились. Одно из них гласит:

Когда Коровы Гаури на сушу перейдут,
Тогда не за горами будет Страшный суд.

Надо сказать, что «Коровы Гаури» — это два валуна. Они стоят в узком заливе Тэй, ниже границы прилива, близ Айвергаури. Говорят, будто они приближаются к суше со скоростью один дюйм в год.

Другое предсказание:

Йорк был, Лондон есть, Эдинбург станет
Лучшим из трех, когда время настанет.

Не мудрено, что слава о Томасе Стихотворце разлетелась по всей Шотландии. К нему стали съезжаться богатые лорды и графы. Они щедро вознаграждали Томаса за его прорицания и дивились его необычайному дару.

Сам он тоже ездил по всей стране и встречался со многими людьми, но Эрсилдуна не покинул. На деньги, полученные в награду за предсказания, Томас Лермонт построил в Эрсилдуне замок и жил там много лет.

Однако, как ни был Томас богат и славен, он не чувствовал себя вполне счастливым. Люди читали в его глазах какую-то странную тоску. Казалось, он не мог позабыть о неземном мире фей.

Так прошло четырнадцать лет. Началась война между Англией и Шотландией, и наступил день, когда шотландское войско стало на отдых на берегах реки Твид, неподалеку от Эрсилдунского замка.

Томас Лермонт каждый год задавал большой пир в своем замке и сзывал на него окрестных жителей. Вот и теперь он задал пир и пригласил на него всех полководцев шотландского воинства.

Этот пир люди помнили долго.

Волынщики играли на волынках, гости лихо плясали и веселились до упаду, зал оглашали ликующие клики. Столы ломились от яств, и пенистый эль рекой лился в чары. И вот наконец Томас Стихотворец, владелец Эрсилдунского замка, заиграл на своей неземной арфе.

Гости, затаив дыхание, слушали эти волшебные звуки. Но вдруг в зал вбежал слуга, и лицо у него было такое, что Томас сразу же поднялся с места. Наступила полная тишина, и вбежавший сказал:

— Господин мой, я сейчас видел нечто весьма странное. Два белоснежных оленя, самец и самка, вышли из дальнего леса и сейчас идут по улице.

Это и вправду была странная новость. Ведь ни один зверь из тех, что водились в дальнем лесу, за холмом, ни разу не отважился выйти из-под деревьев хотя бы на опушку. Да и кто когда видел белоснежных оленей?

Гости во главе с хозяином вышли из замка и увидели при лунном свете, что к ним идут два оленя — самка и самец. Не пугаясь собравшейся толпы, они медленно приближались. И Томас понял, что животные эти — не из мира смертных.

— Это зов, — тихо молвил он, — зов королевы фей. Долго я его ждал и наконец услышал!

Счастье наполнило его душу. Он отделился от толпы и пошел навстречу оленям. И как только он к ним приблизился, они остановились, словно приветствуя его.

И вот люди увидели, как Томас пошел по улице в сторону леса с одним оленем по правую руку и с другим по левую. Вскоре все трое подошли к крутому берегу разлившейся речки Лидер и скрылись в ее бурлящих водах.

Так Томас Лермонт Стихотворец навеки покинул Эрсилдун.

Его долго искали, но не нашли. И люди по сей день верят, что белоснежные олени были посланы королевой фей за Томасом и он вместе с ними ушел в Страну Фей.

Кенонби Дик и Томас из Эрсилдуна

Много лет назад жил-был один барышник, торговец лошадьми. Он жил на юге Шотландии, близ границы с Англией, неподалеку от Лонгтауна. Звали его Кенонби Дик. Он всю жизнь разъезжал по стране с табунами. На одной ярмарке покупал лошадей, на другой продавал и наживал на этом немалые деньги.

Человек он был не робкого десятка, и напугать его было нелегко. Люди даже говорили, что уж если Кенонби Дик на что-то не отважился, так на это никто не решится.

Как-то раз вечером он возвращался домой с ярмарки и вел за собой в поводу пару лошадей, — продать их ему не удалось. И вот случилось

ему проехать по Боуденской пустоши, что лежит к западу от Элдонских холмов. Как все знают, об этих холмах не раз упоминал Томас Лермонт Стихотворец в своих самых известных пророчествах. А еще говорят, будто там покоятся король Артур и его рыцари. Покоятся они под тремя холмами в ожидании таинственного зова, который должен их пробудить.

Но барышник, конечно, не думал ни о короле Артуре с его рыцарями, ни о Томасе Стихотворце — ему до них не было никакого дела. Он ехал шагом, вспоминая о том, как утром торговал на ярмарке, и раздумывая, кому бы сбыть своих непроданных лошадей.

Но вдруг он отвлекся от своих мыслей — навстречу ему шел почтенный седовласый старец в старинной одежде. И так неожиданно он появился, словно из-под земли вырос.

Когда они поравнялись, старец, к великому удивлению Кенонби Дика, спросил, за сколько он согласится продать своих двух лошадей.

Хитрый барышник, оглядев старца, смекнул, что он человек не бедный, и в надежде на выгодную сделку назвал высокую цену.

Старец начал с ним торговаться, но вскоре понял, что это бесполезно. Кенонби Дик ни разу в жизни не поддался на уговоры покупателей и не уступил лошади дешевле той цены, какую назначил сам. Наконец старец согласился купить обеих лошадей. Он порылся в кармане своих штанов, скроенных как-то по-чуждому, вынул кошель, набитый золотом, и принялся отсчитывать деньги.

Тут Кенонби Дик удивился еще больше — старец протянул ему золотые монеты, но не такие, какие тогда были в ходу, а очень старинные. На одних было выбито изображение единорога, на других — голова короля в шапке. Таких монет теперь не принимали, но они все же были вычеканены из чистого золота, и барышник взял их охотно. К тому же он продал старцу лошадей вдвое дороже, чем они стоили. «Нет, на этой сделке я ничего не потеряю», — подумал он.

Наконец они расстались, и на прощанье старец поручил Дику привести ему еще лошадей, таких же хороших и за ту же цену, но с одним условием: Дик должен всякий раз приводить лошадей на это же самое место и обязательно поздно вечером, когда совсем стемнеет. Приезжать он должен один, без спутников.

Шло время, и барышник думал, что наконец-то ему попался покладистый покупатель. Всякий раз, как ему случалось купить хорошую лошадь, он приводил ее поздно вечером на Боуденскую пустошь, когда

было уже совсем темно. Тут к нему навстречу выходил седовласый незнакомец, покупал лошадь и платил за нее старинными золотыми монетами.

Пожалуй, барышник и до сего дня продавал бы лошадей старцу, если бы сам не оплошал.

Кенонби Дик любил выпить. Его постоянные покупатели это знали и всегда ставили ему угощение. Но старец ни разу его не угостил. Он только платил деньги и уводил купленных лошадей.

И вот как-то раз Дику пуще прежнего захотелось выпить. А он догадывался, что таинственный покупатель живет где-то поблизости, — ведь он вечно бродит по горам, когда все люди спят. И вот, продав лошадь старцу, Кенонби Дик намекнул, что не худо бы, мол, «пойти нам к тебе домой и маленько подкрепиться».

— Только смельчак отважится проситься ко мне в гости, — отозвался на это старец. — Но коли хочешь, пойдем со мной. Только помни: если ты оробеешь, потом весь век будешь каяться, что пошел.

На это Кенонби Дик только расхохотался.

— Да я еще ни разу в жизни не сбобел, — вскричал он, — и черт меня подери, если я чего-нибудь испугаюсь теперь! Показывай дорогу, старик! Я пойду за тобой следом.

Старец, не ответив ни слова, начал подниматься по узкой тропинке на пригорок довольно странного вида. Издали он напоминал зайца, и потому люди прозвали его Заячьим холмом.

Говорили, будто на этом пригорке собираются ведьмы, и ночью никто не решался проходить мимо него. Но Кенонби Дик не боялся ведьм и смело шагал в гору вслед за своим проводником. Впрочем, надо сказать, что он немного смутился, когда старец вдруг повернул ко входу в какую-то пещеру. Это тем более удивило барышника, что раньше он не видел никакой пещеры на этом склоне.

Он остановился и в недоумении оглянулся кругом, спрашивая себя, куда же ведет его старец. А тот с упрёком посмотрел на него.

— Можешь повернуть назад, — сказал старец. — Я тебя предупреждал, что ты пускаешься в очень опасный путь, навстречу тягчайшему испытанию твоей смелости.

В голосе его звучала насмешка, и это задело Дика за живое.

— А кто говорит, что мне страшно? — возразил он. — Просто я хотел запомнить это место, чтобы в другой раз найти пещеру.

Незнакомец только пожал плечами.

— Найдешь, если пожелаешь прийти сюда опять, — сказал он.

И он вошел в пещеру, а Дик следовал за ним по пятам.

Первые два-три шага они сделали в непроглядной тьме, и барышник, пожалуй, отстал бы от своего проводника, если бы тот не протянул ему руку. Но вскоре впереди забрезжил слабый свет. Он становился все ярче и ярче, и наконец спутники очутились в огромном подземелье. Его тускло освещали пылающие факелы, вставленные в щели каменных стен. Света хватало лишь на то, чтобы различить окружающие предметы, но они отбрасывали на пол такие темные тени, что чудилось, будто от них еще больше сгущается полумрак, царивший в обширной пещере.

Всего удивительней было то, что вдоль одной из стен здесь тянулся длинный ряд денников, точь-в-точь как в конюшне, и в каждом деннике стоял вороной конь, взнузданный и под седлом, словно готовый к бою. А на соломе у ног каждого коня лежал его хозяин — могучий рыцарь в черных как уголь доспехах, с обнаженным мечом в руке, защищенной железной наручью.

Но ни один конь не шевелился, ни одна цепь не гремела. Рыцари и кони были одинаково безмолвны и недвижны. Казалось, будто их околдовали и превратили в изваяния из черного мрамора.

В этих безжизненных, оцепенелых конях и людях и в этом гнетущем безмолвии было что-то до того жуткое, что, как ни смел был Кенонби Дик, мужество ему изменило и колени его задрожали.

Однако он последовал за старцем в дальний конец подземелья. Там стоял стол старинной работы, а на нем лежали сверкающий меч и рядом — охотничий рог, украшенный диковинными узорами.

Когда они подошли к столу, старец повернулся к Кенонби Дику и торжественно проговорил:

— Ты, наверное, слышал, добрый человек, про Томаса Лермонта из Эрсилдуна. Люди прозвали его «Томас Стихотворец». Он одно время жил у королевы Страны Фей и получил от нее Дар Правдивости и Дар Прорицания.

Кенонби Дик только кивнул — язык прилип у него к гортани и сердце упало, когда он услышал имя прославленного прорицателя. Ведь он знал, что если судьба свела его с Томасом Стихотворцем, значит, не миновать ему встречи с грозными Силами Тьмы.

— Я, говорящий с тобою, и есть тот самый Томас Лермонт из Эрсилдуна, — продолжал седовласый старец. — А следовать сюда за мной

я позволил тебе потому, что хотел узнать, из какого ты теста вылеплен. Вот перед тобой лежат рог и меч. Тот, кто затрубит в этот рог или обнажит этот меч, станет, если только не испугается, королем всей Британии. Так сказал я, Томас Стихотворец, а ты знаешь, что с уст моих не может слететь ложь. Что до тебя, все зависит от твоей храбрости. И задача твоя будет легкой или тяжелой смотря по тому, что ты возьмешь в руку раньше — меч или рог.

Надо сказать, что Кенонби Дик больше привык орудовать кулаками, чем играть на музыкальных инструментах, поэтому он сначала решил было взять меч. Думал: «Что бы ни случилось, а в руке у меня будет чем защищаться». Но только он протянул руку к мечу, как ему пришло в голову, что если пещера полна духов — в чем он не сомневался, — то они примут это как вызов на бой и всем скопом кинутся на него.

И вот он дрожащей рукой взял рог и затрубил, но до того тихо, что трубные звуки вряд ли донеслись до другого конца пещеры.

Однако в ней сразу же началось такое, что содрогнулся бы и храбрейший из храбрых. По огромному подземелью прокатились раскаты грома; зачарованные рыцари и их кони внезапно пробудились от своего колдовского сна. Рыцари вскочили на ноги, схватили свои мечи и угрожающе размахивали ими, а огромные вороные кони били копытами об пол, фыркали и грызли удила, словно стремясь вырваться из денников. В пещере, где лишь минуту назад царил безмолвие, поднялся дикий шум и переполох.

Теперь пришла пора Кенонби Дику показать, что он храбрец, и если бы это ему удалось, жизнь его пошла бы иным путем.

Но он потерял мужество и тем упустил свое счастье. Рыцари смотрели на него так грозно, что он в ужасе выронил рог и нерешительно потянулся к мечу.

Но он даже не дотронулся до него — чей-то таинственный голос зазвучал в подземелье, и послышались следующие слова:

Погибнет трус, который сгоряча

Хватает рог, не обнажив меча!

И Дик не успел опомниться, как в пещеру ворвался резкий холодный вихрь, подхватил его, понес к узкому проходу и вышвырнул вон на каменную осыпь.

Кенонби Дик покатился вниз по осыпи, и наутро пастухи нашли его под горой, уже почти бездыханного. Сил у него хватило лишь на то, чтобы рассказать им, какое страшное приключение привело его к гибели.

Серебряная дудочка Маккримонса

Эйн Ог Маккримонс сидел на холме возле своего дома в Борререге, что на западе острова Скай. Сидел, сидел да так тяжело вздохнул, что трава полегла у его ног. Уже назначили день, когда в замке Данвеган состоится состязание волынщиков, где выберут лучшего из лучших, чтобы объявить его наследным волынщиком Маклеода из рода Маклеод.

Эйн тоже играл на волынке, да только не очень хорошо, и даже мечтать не мог, чтобы участвовать в состязании. Потому-то он и вздохнул. Его вздох услышала фея и пожалела Эйна Ога Маккримонса.

Она подлетела к нему и спросила, отчего он так печален. А когда он рассказал отчего, она молвила:

— Я слышала, как ты играешь, и нахожу, что совсем недурно. К тому же ты красив и нравишься мне. Я хочу тебе помочь.

Эйн прекрасно знал, что феям ничего не стоит превратить прозрачную воду источника в лучшее вино, или вы ткать из паутины пушистый шотландский плед, или заставить простую тростниковую дудочку исполнить нежную колыбельную.

Словом, Эйн понял, что настала решающая минута в его жизни.

Он с чувством поблагодарил фею; оставалось только ждать, что дальше будет. Фея протянула ему серебряную дудочку с круглыми дырками для пальцев.

— Вот, возьми, — сказала она Эйну. — Вставь ее в свою волынку, и стоит тебе прикоснуться к ней пальцами, она послушно исполнит сладчайшую музыку. И твоим сыновьям она будет повиноваться, как тебе, и сыновьям твоих сыновей, и их сыновьям, и так всем продолжателям рода Маккримонсов. Только помни: к этой серебряной дудочке вы должны относиться бережно и с любовью, потому что она не простая, а волшебная. Если случится, что кто-нибудь из Маккримонсов обидит или оскорбит ее чем-нибудь, ваш род навсегда потеряет свой музыкальный дар.

Эйн Ог взял волшебную дудочку и поспешил в Данвеган. Там уже собрались все знаменитые волынщики горной Шотландии. Они один за другим исполняли на своих волынках те же мелодии, что играли их отцы и деды. И каждый новый волынщик, казалось, играет еще с большим мастерством, чем предыдущий.

Когда подошла очередь Эйна Ога, он вставил волшебную дудочку в свою волынку и заиграл.

Все слушали затаив дыхание. Никогда еще им не приходилось слушать такого волынщика.

И волынка была волшебная, и музыка лилась волшебная.

Сомнений не оставалось — вот кто достоин быть наследным волынщиком Маклеода из рода Маклеод.

Так все решили, и все так и вышло.

Судьи все как один заявили, что еще никогда не случалось им слушать такого волшебного музыканта.

С того дня Маккримонсы с острова Скай, поколение за поколением, оставались знаменитыми волынщиками и композиторами. Они основали в родном Борререге школу волынщиков, в которую стекались ученики со всех концов Шотландии и Ирландии.

Курс обучения в этой школе был не маленький: семь лет, чтобы стать просто волынщиком. Прослыть же хорошим волынщиком мог только тот, у кого в роду уже сменилось семь поколений волынщиков.

Прошли века, а Маккримонсы так и оставались волынщиками у Маклеодов, пока не настал день, который оказался роковым в их славной истории.

Глава рода Маклеод возвращался с соседнего острова Расей домой. Место волынщика было на носу его галеры, и занимал его один из Маккримонсов.

День выдался ветреный, и на море была сильная качка. Легкое судно так и швыряло вверх и вниз, вверх и вниз на вспененных волнах.

— Сыграй нам, Маккримонс, чтобы поднять наш дух, — попросил Маклеод.

Маккримонс прикоснулся пальцами к серебряной дудочке. Однако сильная качка мешала ему играть, пальцы то и дело соскальзывали, когда галеру бросало туда и сюда.

Буря разыгралась нешуточная. Накатившая волна обдала Маккримонса с ног до головы, брызги затуманили ему глаза, и он невольно взял несколько фальшивых нот.

Еще ни один волынщик из рода Маккримонсов не брал фальшивых нот на волшебной волынке!

И вот этот несчастный бросил в сердцах свою волынку, забыв о наказе доброй феи, подарившей серебряную дудочку Эйну Огу, хотя отец не раз рассказывал ему эту историю.

— Ах, эта жалкая дудка! — воскликнул он в злую минуту. — Разве можно выжать из нее хоть одну правильную ноту!

Не успел он сказать это, как уже пожалел о своих словах. Про себя он знал, что они несправедливы.

Да было поздно.

Серебряная дудочка выскользнула из его рук и упала за борт в бушующее зеленое море.

Волшебные чары распались.

Ни сам Маккримонс, ни его сын, ни сын его сына не могли уже больше так хорошо играть на волынке. И слава знаменитой школы Маккримонсов вскоре угасла, а сама школа пришла в упадок.

Феи Мерлиновой скалы

Лет двести назад жил-был некий бедный человек. Он работал батраком на одной ферме в Ланеркшире, был там, как говорится, на побегушках — выполнял разные поручения и делал все, что прикажут.

Как-то раз хозяин послал его копать торф на торфянике. А надо вам сказать, что в конце этого торфяника высилась скала, очень странная на вид. Ее прозвали «Мерлинова скала». Так ее называли потому, что в ней, по преданию, когда-то давным-давно жил знаменитый волшебник Мерлин.

Вот батрак пришел на торфяник и с великим усердием принялся за работу. Он долго копал торф на участке по соседству с Мерлиновой скалой и уже накопил целую кучу, как вдруг вздрогнул от неожиданности — перед ним стояла такая крошечная женщина, какой он в жизни не видывал, — фута в два ростом, не больше. Она была в зеленом платье и красных чулках, а ее длинные желтые волосы не были перевязаны ни лентой, ни тесемкой и рассыпались по плечам.

Женщина была такая маленькая да такая ладненькая, что батрак, не помня себя от удивления, перестал работать и, воткнув заступ в торф, смотрел на нее во все глаза. Но он удивился еще больше, когда женщина подняла крошечный пальчик и проговорила:

— Что бы ты сказал, если бы я послала своего мужа снять кровлю с твоего дома, а? Вы, люди, воображаете, что вам все дозволено! — Она топнула крошечной ножкой и строгим голосом приказала батраку: — Сейчас же положи торф на место, а не то после будешь каяться!

Бедняк не раз слышал много всяких рассказов про фей и про то, как они мстят своим обидчикам. Он задрожал от страха и принялся перекладывать торф обратно. Каждый кусок он клал на то самое место, откуда взял его, так что все его труды пропали даром.

Но вот он с этим покончил и огляделся в поисках своей диковинной собеседницы. А ее и след простыл. Как и куда она скрылась, он не заметил. Батрак вскинул заступ на плечо, вернулся на ферму и доложил хозяину обо всем, что с ним приключилось. А потом сказал, что лучше, мол, копать торф на другом конце торфяника.

Но хозяин только расхохотался. Сам он не верил ни в духов, ни в фей, ни в эльфов — словом, ни во что волшебное, и ему пришлось не по нраву, что его батрак верит во всякую чепуху. И вот он решил образумить его. Приказал батраку тотчас же запрячь лошадь в повозку, поехать на торфяник и забрать оттуда весь выкопанный торф, а как вернется на ферму, разложить торф во дворе для просушки.

Не хотелось батраку выполнять приказ хозяина, а делать нечего — пришлось. Но неделя проходила за неделей, а ничего плохого с ним не случилось, и он наконец успокоился. Он даже начал думать, что маленькая женщина ему просто привиделась и, значит, хозяин его оказался прав.

Прошла зима, прошла весна, прошло лето, и вот снова наступила осень, и ровно год прошел с того дня, когда батрак копал торф у Мерлиновой скалы.

В тот день батрак ушел с фермы после захода солнца и направился к себе домой. В награду за усердную работу хозяин дал ему небольшой кувшин молока, и батрак нес его своей жене.

На душе у него было весело, и он бодро шагал, напевая песню. Но как только он подошел к Мерлиновой скале, его сморила неодолимая усталость. Глаза у него слипались, как перед сном, а ноги стали тяжелыми, как свинец.

«Дай-ка я тут посижу, отдохну немного, — подумал он. — Нынче дорога домой кажется мне что-то уж очень длинной». И вот он сел в траву под скалой и вскоре заснул глубоким, тяжелым сном.

Проснулся он уже около полуночи. Над Мерлиновой скалой взошел месяц. Батрак протер глаза и увидел, что вокруг него вихрем вьется огромный хоровод фей. Они пели, плясали, смеялись, показывали на батрака крошечными пальчиками, грозили ему маленькими кулачками и все кружили и кружили вокруг него при свете месяца.

Не помня себя от удивления, батрак поднялся на ноги и попытался было уйти прочь — подальше от фей. Не тут-то было! В какую бы сторону он ни ступал, феи мчались за ним и не выпускали его из своего заколдованного круга. Так что батрак никак не мог вырваться на свободу.

Но вот они перестали плясать, подвели к нему самую хорошенькую и нарядную фею и закричали с пронзительным смехом:

— Попляши, человек, попляши с нами! Попляши, и тебе никогда уже не захочется покинуть нас! А это твоя пара!

Бедный батрак не умел плясать. Он смущенно упирался и отмахивался от нарядной феи. Но она ухватила его за руки и повлекла за собой. И вот будто колдовское зелье проникло в его жилы. Еще миг, и он уже скакал, кружился, скользил по воздуху и кланялся, словно всю жизнь только и делал, что плясал. Но что всего страннее — он начисто позабыл про свой дом и семью. Ему было так хорошо, что у него пропало всякое желание убежать от фей.

Всю ночь кружился веселый хоровод. Маленькие феи плясали как безумные, и батрак плясал в их заколдованном кругу. Но вдруг над торфяником прозвучало громкое «ку-ка-ре-ку». Это петух на ферме во все горло пропел свое приветствие заре.

Веселье прекратилось мгновенно. Хоровод распался. Феи с тревожными криками сгрудились в кучку и устремились к Мерлиновой скале, увлекая за собой батрака. А как только они долетели до скалы, в ней сама собой открылась дверь, которой батрак никогда раньше не замечал. И не успели феи проникнуть в скалу, как дверь с шумом захлопнулась.

Она вела в огромный зал. Он был тускло освещен тоненькими свечками и заставлен крошечными ложами. Феи так устали от плясок, что сразу же улеглись спать на свои ложа, а батрак сел на обломок камня в углу и подумал: «А что же дальше будет?»

Но, должно быть, его околдовали. Когда феи проснулись и принялись хлопотать по хозяйству, батрак с любопытством приглядывался к ним. А о том, чтобы с ними расстаться, он и не помышлял. Феи занимались не только хозяйством, а и другими, довольно-таки странными дела-

ми, — батрак такого в жизни не видывал, — но, как вы позже узнаете, про это ему запретили рассказывать.

И вот уже под вечер кто-то дотронулся до его локтя. Батрак вздрогнул и, обернувшись, увидел ту самую крошечную женщину в зеленом платье и красных чулках, что год назад бранила его, когда он копал торф.

— В прошлом году ты снял торф с крыши моего дома, — сказала она, — но на ней опять вырос торфяной настил и покрылся травой. Поэтому можешь вернуться домой. За то, что ты натворил, тебя покарала. Но теперь срок твоего наказания кончился, а он ведь немалый был. Только сперва поклянись, что не будешь рассказывать людям про то, что видел, пока жил среди нас.

Батрак с радостью согласился и торжественно поклялся молчать. Тогда дверь открыли, и батрак вышел из скалы на вольный воздух.

Его кувшин с молоком стоял в траве, там, куда он его поставил перед тем, как заснуть. Казалось, будто фермер дал ему этот кувшин только вчера вечером.

Но когда батрак вернулся домой, он узнал, что это не так. Жена в испуге смотрела на него, как на привидение, а дети выросли и, видимо, даже не узнавали отца — устались на него, словно на чужого человека. Да и не мудрено — ведь он расстался с ними, когда они были совсем маленькими.

— Где же ты пропадал все эти долгие, долгие годы? — вскричала жена батрака, когда опомнилась и наконец поверила, что он и вправду ее муж, а не призрак. — Как у тебя хватило духу покинуть меня и детей?

И тут батрак все понял: те сутки, что он провел в Мерлиновой скале, равнялись семи годам жизни среди людей.

Вот как жестоко покарал его «маленький народец» — феи!

Рыцарь-эльф

Есть в одном глухом углу Шотландии безлюдная пустошь — поросший вереском торфяник. Говорят, будто в стародавние времена там блуждал некий рыцарь из мира эльфов и духов. Люди видели его редко, примерно раз в семь лет, но во всей округе его боялись. Ведь бывали случаи, что отважится человек пойти по этой пустоши и пропадет без вести. Сколько бы его ни искали, как бы внимательно ни осматривали чуть не каждый

дьюм земли, ни следа его не находили. И вот люди, дрожа от ужаса, возвращались домой после бесплодных поисков, покачивали головами и говорили, что пропавший, должно быть, в плену у страшного рыцаря-эльфа.

Пустошь всегда была безлюдна, потому что никто не смел на нее ступить, а тем менее поселиться там. И вот на пустоши стали водиться дикие звери. Они спокойно делали себе норы и логовища, зная, что смертные охотники их не потревожат.

Неподалеку от этой пустоши жили два молодых человека — граф Сент-Клер и граф Грегори. Они очень дружили — вместе катались верхом, вместе охотились, а порой и сражались рядом.

Оба они очень любили охоту. И вот граф Грегори как-то раз предложил другу поохотиться на пустоши, несмотря на то что там, по слухам, бродил рыцарь-эльф.

— Я в него почти не верю, — воскликнул он со смехом. — По-моему, все рассказы про него — просто бабьи сказки, какими малых ребят пугают, чтобы они не бегали по вересковым зарослям. Ведь ребенку там и заблудиться недолго. Жаль, что такие богатые охотничьи угодья пропадают зря, и нечего нам, бородатым мужчинам, прислушиваться ко всяким небылицам.

Но граф Сент-Клер даже не улыбнулся на эти слова.

— С нечистой силой шутки плохи, — возразил он. — И это вовсе не сказки, что иные путники шли по пустоши, а потом пропадали без вести. Но ты правду сказал — жаль, что такие охотничьи угодья пропадают зря из-за какого-то рыцаря-эльфа. Подумать только — ведь он считает эту землю своей и берет с нас, смертных, пошлину, если мы посмеем ступить на нее. Впрочем, я слышал, что от рыцаря можно уберечься, стоит только надеть на себя знак Святой Троицы — трилистник. Поэтому давай привяжем себе к руке по трилистнику. Тогда бояться нам будет нечего.

Сэр Грегори громко расхохотался.

— Ты что, за младенца меня считаешь? — сказал он. — За ребенка, что сначала пугается каких-то дурацких басен, а потом верит, что листок клевера может его защитить? Нет, нет, сам носи этот знак, если хочешь, а я полагаюсь только на свой добрый лук и стрелы.

Но граф Сент-Клер поступил по-своему. Он не забыл, что говорила ему мать, когда он малым ребенком сидел у нее на коленях. А говорила она, что тому, кто носит на себе трилистник, нечего бояться злых чар, все равно чьих — колдуна или ведьмы, эльфа или демона.

И вот он пошел на луг, сорвал листок клевера и привязал его шелковым шарфом к руке. Потом сел на коня и вместе с графом Грегори поехал на безлюдную, глухую пустошь.

Прошло несколько часов. Все у друзей шло хорошо, и в пылу охоты они даже забыли о своих опасениях. И вдруг оба натянули поводья, придержали коней и стали тревожно всматриваться в даль.

Какой-то незнакомый всадник пересек им дорогу, и друзьям захотелось узнать, кто он такой и откуда взялся.

— Кто бы он ни был, но, клянусь, едет он быстро, — сказал граф Грегори. — Я-то думал, что ни один конь на свете не обскочит моего скакуна. Но теперь вижу, что конь этого всадника раз в семь резвее моего. Давай поедem за ним и узнаем, откуда он явился.

— Сохрани тебя бог гнаться за ним! — воскликнул граф Сент-Клер. — Ведь это сам рыцарь-эльф! Разве не видишь ты, что он не по земле едет, а по воздуху летит? Хотя сначала и кажется, будто скачет он на простом коне, но на самом деле его несут чьи-то могучие крылья. И крылья эти хлопают по воздуху, словно птичьи. Да как же можно за ним угнаться? Черный день настанет для тебя, если ты попытаешься его нагнать.

Но граф Сент-Клер забыл, что сам-то он носит на себе талисман, который позволяет ему видеть вещи такими, какие они на самом деле. А у графа Грегори такого талисмана нет, и потому глаза его не различают того, что заметил его друг. Поэтому он и удивился и встревожился, когда граф Грегори резко проговорил:

— Ты прямо помешался на рыцаре-эльфе! А мне так кажется, что этот всадник просто какой-то благородный рыцарь, — одет он в зеленую одежду, едет на крупном вороном коне. Я люблю смелых наездников, и потому мне хочется узнать его имя и звание. Так что я буду гнаться за ним хотя бы до края света.

И, не добавив ни слова, граф Грегори прищипил коня и поскакал в ту сторону, куда мчался таинственный всадник. А граф Сент-Клер остался один на пустоши. Пальцы его невольно потянулись к трилистнику, и с дрожащих уст слетели слова молитвы.

Он понял, что друг его уже заколдован. И граф Сент-Клер решил следовать за ним, если нужно, хоть на край света, и постараться расколдовать его.

Между тем граф Грегори все скакал и скакал вперед, следуя за рыцарем в зеленой одежде. Скакал он и по торфяникам, поросшим вереском,

и через ручьи, и по мхам, и наконец заехал в такую глушь, куда никогда в жизни не заглядывал. Здесь дул холодный ветер, словно прилетевший с ледников, а на увядшей траве лежал толстым слоем иней. И здесь его ждало такое зрелище, от какого любой смертный отшатнулся бы в ужасе.

Он увидел начертанный на земле огромный круг. Трава внутри этого круга была ничуть не похожа на увядшую, мерзлую траву на пустоши. Она была зеленая, пышная, сочная, и на ней плясали сотни легких, как тени, эльфов и фей в широких, прозрачных, тускло-голубых одеждах, что развевались по ветру, словно змеистые клочья тумана.

Духи то кричали и пели, то махали руками над головой, то, как безумные, метались из стороны в сторону. Когда же они увидели графа Грегори — а он остановил коня у черты круга, — они принялись манить его к себе костлявыми пальцами.

— Иди сюда, иди сюда! — кричали они. — Иди, попляши с нами, а потом мы выпьем за твоё здоровье из круговой чаши нашего повелителя.

Как ни странно, но чары, сковавшие молодого графа, были до того сильны, что он, хоть и страшно ему было, не мог не пойти на зов эльфов. Он бросил поводья на шею коня и уже хотел было шагнуть внутрь круга. Но тут один старый седой эльф отделился от своих собратьев и подошел к нему. Должно быть, он не посмел выйти из заколдованного круга — остановился у самого его края. Потом наклонился и, делая вид, что хочет что-то поднять с земли, проговорил хриплым шепотом:

— Я не знаю, кто ты и откуда ты приехал, сэр рыцарь. Но если жизнь тебе дорога, берегись входить в круг и веселиться с нами. А не то погибнешь.

Но граф Грегори только рассмеялся.

— Я дал себе слово догнать рыцаря в зеленом, — сказал он, — и я сдержу это слово, даже если суждено мне провалиться в преисподнюю.

И он переступил через черту круга и очутился в самой гуще пляшущих духов.

Тут все они закричали еще пронзительней, запели еще громче, закружились еще быстрее, чем раньше. А потом вдруг умолкли все сразу, и толпа разделилась, освободив проход в середине. И вот духи знаками приказали графу идти по этому проходу.

Он тотчас же пошел и вскоре приблизился к самой середине заколдованного круга. Там за столом из красного мрамора сидел тот самый

рыцарь в одежде, зеленой как трава, за которым граф Грегори гнался так долго. Перед рыцарем на столе стояла дивная чаша из цельного изумруда, украшенная кроваво-красными рубинами.

Чаша эта была наполнена вересковой брагой, и брага пенилась, чуть не переливаясь через край. Рыцарь-эльф взял в руки чашу и с величавым поклоном подал ее графу Грегори. А тот вдруг почувствовал сильную жажду. Поднес чашу к губам и стал пить.

Он пил, а брага в чаше не убывала. Она по-прежнему была полна до краев. И тут впервые сердце у графа Грегори дрогнуло, и он пожалел, что пустился в столь опасный путь.

Но жалеть было уже поздно. Он почувствовал, что все тело его цепенеет, а по лицу расплзается мертвенная бледность. Не успев даже крикнуть о помощи, он выронил чашу из ослабевших рук и как подкошенный рухнул на землю, к ногам повелителя эльфов.

Тут толпа духов испустила громкий крик торжества. Ведь нет для них большей радости, чем заманить неосторожного смертного в свой круг и так его заколдовать, чтобы он на долгие годы остался с ними.

Но вскоре их ликующие крики поутихли. Духи стали что-то бормотать и шептать друг другу с испуганными лицами — их острый слух уловил шум, вселивший страх в их сердца. То был шум человеческих шагов, таких решительных и уверенных, что духи сразу догадались: пришел, кто бы он ни был, свободен от злых чар. А если так, значит, он может им повредить и отнять у них пленника.

Опасения их оправдались. Это храбрый граф Сент-Клер приблизился к ним без страха и колебаний, ибо он нес на себе священный знак.

Едва он увидел заколдованный круг, как решил сразу же переступить магическую черту. Но тут старенький седой эльф, что незадолго перед тем говорил с графом Грегори, остановил его.

— Ох, горе, горе! — шептал он, и скорбью веяло от его сморщенного личика. — Неужто ты, как и спутник твой, приехал уплатить дань повелителю эльфов годами своей жизни? Слушай, если есть у тебя жена и дитя, заклинаю тебя всем, что для тебя священо, уезжай отсюда, пока не поздно.

— А кто ты такой и откуда взялся? — спросил граф, ласково глядя на эльфа.

— Я оттуда, откуда ты сам явился, — печально ответил эльф. — Я, как и ты, когда-то был смертным человеком. Но я пошел на эту

колдовскую пустошь, а повелитель эльфов явился мне в обличии прекрасного рыцаря. Он показался мне таким храбрым, благородным и великодушным, что я последовал за ним и выпил его вересковой браги. И вот теперь я обречен прозябать здесь семь долгих лет. А твой друг, сэр граф, тоже отведал этого проклятого напитка и теперь замертво лежит у ног нашего повелителя. Правда, он проснется, но проснется таким, каким стал я, и, так же как я, станет рабом эльфов.

— Неужели я не смогу помочь ему раньше, чем он превратится в эльфа? — горячо воскликнул граф Сент-Клер. — Я не боюсь чар жестокого рыцаря, что взял его в плен, ибо я ношу знак того, кто сильнее его. Скорей говори, человечек, что я должен делать, — время не ждет!

— Ты можешь кое-что сделать, сэр граф, — молвил эльф, — но это очень опасно. А если потерпишь неудачу, тебя не спасет даже сила священного знака.

— Что же я должен сделать? — нетерпеливо повторил граф.

— Ты должен недвижно стоять и ждать на морозе и холодном ветру, пока не займется заря и в святой церкви не зазвонят к утрене, — ответил старенький эльф. — А тогда медленно обойди весь заколдованный круг девять раз. Потом смело перешагни через черту и подойди к столу из красного мрамора, за которым сидит повелитель эльфов. На этом столе ты увидишь изумрудную чашу. Она украшена рубинами и наполнена вересковой брагой. Возьми эту чашу и унеси. Но все это время не говори ни слова. Ведь та заколдованная земля, на которой мы пляшем, только смертным кажется твердой. На самом деле тут выбкое болото, трясина, а под нею огромное подземное озеро. В том озере живет страшное чудовище. Если ты на этом болоте вымолвишь хоть слово, ты провалишься и погибнешь в подземных водах.

Тут седой эльф сделал шаг назад и вернулся в толпу других эльфов. А граф Сент-Клер остался один за чертой заколдованного круга. И там он, дрожа от холода, недвижно простоял всю долгую ночь.

Но вот серая полоска рассвета забрезжила над вершинами гор, и ему почудилось, будто эльфы начинают съезжаться и таять. Когда же над пустошью разнесся тихий колокольный звон, граф Сент-Клер начал обходить заколдованный круг. Раз за разом он обходил круг, несмотря на то что в толпе эльфов поднялся громкий гневный говор, похожий на отдаленные раскаты грома. Сама земля под его ногами как будто тряслась и вздымалась, словно пытается стряхнуть с себя незваного гостя.

Но сила священного знака на его руке помогла ему уцелеть.

И вот он девять раз обошел круг, потом смело переступил через черту и устремился к середине круга. И каково же было его удивление, когда он увидел, что все эльфы, которые здесь плясали, теперь замерзли и лежат на земле, словно маленькие сосульки! Они так густо усеяли землю, что ему едва удавалось не наступить на них.

Когда же он подошел к мраморному столу, волосы его стали дыбом. За столом сидел повелитель эльфов. Он тоже оцепенел и замерз, как и его подданные, а у его ног лежал окоченелый граф Грегори.

Да и все здесь было недвижно, кроме двух черных, как уголь, воронов. Они сидели на концах стола, словно сторожа изумрудную чашу, били крыльями и хрипло каркали.

Граф Сент-Клер взял в руки драгоценную чашу, и тут вороны поднялись в воздух и стали кружить над его головой. Они яростно каркали, угрожая выбить у него из рук чашу своими когтистыми лапами. Тогда замерзшие эльфы и сам их могущественный повелитель зашевелились во сне и приподнялись, словно решив схватить дерзкого пришельца. Но сила трилистника помешала им. Если бы не этот священный знак, не спаслись бы графу Сент-Клеру.

Но вот он пошел обратно с чашей в руке, и его оглушил зловеющий шум. Вороны каркали, полузамерзшие эльфы визжали, а из-под земли доносились шумные вздохи страшного чудовища. Оно затаилось в своем подземном озере и жаждало добычи.

Однако храбрый граф Сент-Клер ни на что не обращал внимания. Он решительно шел вперед, веря в силу священного трилистника, и сила эта оградила его от всех опасностей.

Как только умолк колокольный звон, граф Сент-Клер снова ступил на твердую землю, за черту заколдованного круга, и далеко отшвырнул от себя колдовскую чашу эльфов.

И вдруг все замерзшие эльфы пропали вместе со своим повелителем и его мраморным столом, и никого не осталось на пышной траве, кроме графа Грегори. А он медленно пробудился от своего колдовского сна, потянулся и поднялся на ноги, дрожа всем телом. Он растерянно оглядывался кругом и, должно быть, не помнил, как сюда попал.

Тут подбежал граф Сент-Клер. Он обнял друга и не выпускал из своих объятий, пока тот не пришел в себя и горячая кровь не потекла по его жилам.

Потом друзья подошли к тому месту, куда граф Сент-Клер швырнул волшебную чашу. Но там они вместо нее нашли только маленький обломок базальта. На нем была ямка, а в ней капелька росы.

Паж и серебряный кубок

Жил-был когда-то один мальчик. Он служил пажом в богатом замке. Мальчик он был послушный, и все в замке его любили — и знатный граф, его господин, которому он прислуживал, став на одно колено, и тучный старик дворецкий, у которого был на побегушках.

Замок стоял на краю утеса, над морем. Стены у него были толстые, и на той его стороне, что выходила на море, в стене была небольшая дверца. Она вела на узкую лестницу, а лестница спускалась по обрыву к воде. По ее ступенькам можно было сойти на берег и солнечным летним утром искупаться в искрящемся море.

Вокруг замка раскинулись цветники, сады, лужайки, а за ними обширная, поросшая вереском пустошь простиралась до отдаленной горной цепи.

Маленький паж любил гулять по этой пустоши в свободное время. Там он бегал сколько хотел, гонялся за шмелями, ловил бабочек, разыскивал птичьи гнезда. Старик дворецкий охотно отпускал пажа гулять — он знал, что здоровому мальчику полезно порезвиться на свежем воздухе. Но перед тем, как отпустить пажа, старик всегда предостерегал его:

— Только смотри, малыш, не забудь моего наказа: гулять гуляй, но держись подальше от Бугра Фей. Ведь с «маленьким народцем» надо держать ухо востро!

Бугром Фей он называл небольшой зеленый холмик, что возвышался ярдах в двадцати от садовой калитки. Люди говорили, что в этом холмике обитают феи и они наказывают каждого, кто дерзнет приблизиться к их жилищу. Поэтому деревенские жители за полмиля обходили холмик даже днем — так они боялись подойти к нему слишком близко и прогнать «маленький народец». А ночью люди и вовсе не ходили по пустоши. Ведь всем известно, что по ночам феи вылетают из своей обители, а дверь в нее остается открытой настежь. Вот и может случиться, что какой-нибудь незадачливый смертный оплошает и попадет через эту дверь к феям.

Но мальчик-паж был смельчак. Он не только не боялся фей, но прямо-таки жаждал увидеть их обитель. Ему не терпелось узнать, какие они, эти феи!

И вот как-то раз ночью, когда все спали, мальчик тихонько выбрался из замка. Открыл дверцу в стене, сбежал с каменной лестницы к морю, потом поднялся на вересковую пустошь и устремился прямо к Бугру Фей.

К великому его удовольствию, оказалось, что люди правду говорили: верхушка Бугра Фей была как ножом срезана, а изнутри лился свет.

Сердце у мальчика забилося — так ему было любопытно узнать, что там внутри! Он собрался с духом, взбежал на холмик и прыгнул в отверстие.

И вот он очутился в огромном зале, освещенном бесчисленными крошечными свечками. Тут за блестящим, словно лаком покрытым, столом сидело множество фей, эльфов, гномов. Одеты они были кто в зеленые, кто в желтые, кто в розовые платья. У других одежды были голубые, лиловые, ярко-алые — словом, всех цветов радуги.

Мальчик-паж, стоя в темном углу, дивился на фей и думал: «Сколько их тут, этих малюток! Как странно, что живут они по соседству с людьми, а люди ничего про них не знают!» И вдруг кто-то — мальчик не заметил, кто именно, — провозгласил:

— Несите кубок!

Тотчас два маленьких эльфа-пажа в ярко-алых ливреях кинулись от стола к крошечному стенному шкафу в скале. Потом вернулись, сгибаясь под тяжестью великолепного серебряного кубка, богато разукрашенного снаружи и позолоченного внутри.

Они поставили кубок на середину стола, а все феи захлопали в ладошки и закричали от радости. Потом они по очереди стали пить из кубка. Но сколько бы они ни пили, вино в кубке не убывало. Он все время оставался полным до краев, хотя никто его не доливал. А вино в кубке все время менялось, как по волшебству. Каждый, кто сидел за столом, по очереди брал в руки кубок и говорил, какого вина ему хочется ответить. И кубок мгновенно наполнялся этим самым вином.

«Хорошо бы унести этот кубок домой! — подумал мальчик-паж. — А то никто ведь не поверит, что я здесь побывал. Надо мне что-нибудь взять отсюда — доказать, что я тут был». И он стал ждать удобного случая.

Вскоре феи его заметили. Но они ничуть на него не разгневались за то, что он прокрался в их жилище. Они даже как будто обрадовались ему и пригласили его сесть за стол.

Однако мало-помалу они принялись грубить и дерзить своему незваному гостю. Они насмехались над мальчиком за то, что он служит у простых смертных. Говорили, что им известно все, что делается в замке, и вышучивали старого дворецкого. А ведь мальчик его горячо любил. Высмеивали они и пищу, которую мальчик ел в замке, говорили, что она годится только для животных. А когда эльфы-пажи в ярко-алых ливреях ставили на стол какое-нибудь новое кушанье, феи подвигали блюдо к мальчику и потчевали его:

— Попробуй! В замке тебе такого не придется отведать.

Наконец мальчик не выдержал их насмешек. К тому же ведь он решил унести кубок, и пора было это сделать. Он вскочил и поднял кубок, крепко сжав его ножку обеими руками.

— За ваше здоровье выпью воды! — крикнул он.

И рубиново-красное вино в кубке мгновенно превратилось в чистую холодную воду.

Мальчик поднес кубок к губам, но пить не стал, а одним рывком выплеснул всю воду на свечи. Зал сразу погрузился в непроглядную тьму, а мальчик, крепко держа в руках драгоценный кубок, бросился к верхнему отверстию и выскочил из Бугра Фей на свет звезд. Выскочил он как раз вовремя, едва успел, ибо в тот же миг бугор с грохотом развалился у него за спиной.

И вот мальчик-паж бросился бежать со всех ног по росистой пустоши, а вся толпа фей пустилась за ним в погоню.

Феи точно взбесились от ярости. Мальчик слышал их пронзительные, гневные крики и хорошо понимал, что, если его догонят, пощады не жди. Сердце у него упало. Как ни быстро он бежал, но где же ему было тягаться с феями! А они уже нагоняли его. Казалось, еще немного, и он погибнет.

Но вдруг во мраке зазвучал чей-то таинственный голос:

Коль хочешь к замку путь найти,
На берегу ищи пути.

То был голос одного несчастного смертного. Он когда-то попал в плен к феям и не хотел, чтобы смелого мальчика постигла та же участь. Но в тот час мальчик-паж этого еще не знал.

Однако он помнил, что феи не смогут тронуть человека, если он ступит на прибрежный мокрый песок.

И вот паж свернул в сторону и побежал к берегу. Ноги его увязали в сухом песке, он тяжело дышал и уже думал, что вот-вот упадет без сил. Но все-таки бежал.

А феи нагоняли его, и те, что мчались впереди, уже готовы были его схватить. Но тут мальчик-паж ступил на мокрый твердый песок, с которого только что схлынули морские волны, и понял, что спасся.

Ведь феи не могли здесь и шагу ступить. Они стояли на сухом песке и громко кричали в досаде и ярости, а мальчик-паж, с драгоценным кубком в руках, мчался по кромке берега. Он быстро взбежал по ступеням каменной лестницы и скрылся за дверцей в толстой стене.

Прошло много лет. Мальчик-паж сам стал почтенным дворецким и учил маленьких пажей прислуживать. А драгоценный кубок, свидетель его приключения, хранился в замке.

Кузнец и феи

В Конисгалле на острове Айлей жил когда-то кузнец по имени Алесдер Мак-Иккерн, а по прозвищу Алесдер Сильная Рука. Жил он поблизости от своей кузницы в каменной хижине. Жена его умерла от родов и оставила ему единственного сына Нейла. Нейл был юноша смирный, невысокий, с задумчивыми глазами. Он хорошо помогал отцу в кузнице и обещал стать искусным мастером. Соседи советовали Алесдеру лучше смотреть за сыном, пока он не станет взрослым. Ведь «маленький народец» охотнее всего похищает таких юношей, как он. Феи уносят их в Страну Света и уже не отпускают, заставляя плясать, пока несчастные не допляшутся до смерти.

Алесдер послушался совета соседей и стал каждый вечер вывешивать над дверью своего домика ветку рябины. Ведь рябина — надежная защита от чар «маленького народа».

Но вот однажды пришлось Алесдеру уйти по делу. Он собирался вернуться домой только на другой день и перед уходом наказал сыну:

— Смотри не забудь нынче вечером повесить ветку рябины перед входной дверью, а не то «маленький народец» затащит тебя к себе.

Нейл, кивнув, сказал, что не забудет, и Алесдер Сильная Рука ушел.

После его ухода Нейл подмел пол в комнате, подоил козу, покормил кур, потом завернул в тряпицу полдюжины лепешек из овсяной муки да кусок козьего сыра и ушел в горы. Там он любил бродить, чувствуя, как гнется под ногами упругий вереск, и слушать журчанье ручейков, что стекают с горного склона.

Зашел он в тот день далеко. Брел себе да брел, проголодавшись, закусывал овсяными лепешками и козьим сыром, а когда уже стемнело, вернулся домой, еле волоча ноги. Бросился на свою кровать в углу и сразу же заснул. Про наказ отца он совсем позабыл и не повесил над дверью ветки рябины.

На другой день кузнец вернулся домой, и что же он увидел? Входная дверь открыта настежь, огонь в очаге не горит, пол не подметен, коза не доена, петух и куры не кормлены. Он стал громко звать сына — хотел спросить, почему тот сидел сложа руки. И вдруг в углу, где стояла кровать Нейла, зазвучал слабый, тонкий и какой-то странный голосок:

— Я здесь, отец, — еще не встал с постели. Заболел я... Придется мне лежать, пока не поправлюсь.

Алесдер очень встревожился, а когда подошел к кровати, ужаснулся — сына его узнать нельзя было! Он лежал под одеялом бледный, худалый. Лицо его пожелтело, покрылось морщинами — словом, казалось, что это не юноша, а старичок.

Так Нейл пролежал несколько дней, и лучше ему не становилось, хотя он ел, как обжора, — ел целый день напролет, без передышки, и все никак насытиться не мог.

Алесдер не знал, что делать. Но как-то раз к нему зашел один старец, что слыл человеком мудрым и многознающим. Кузнец обрадовался гостю, надеясь, что тот разберется в болезни Нейла. И он стал рассказывать старцу, какая напасть приключилась с юношей, а тот внимательно слушал и временами кивал головой. Наконец Алесдер закончил свой рассказ и вместе с гостем осмотрел Нейла. Потом оба они вышли из дома, и старец сказал:

— Ты спрашиваешь меня, чем хворает твой сын, а я скажу тебе, что это вовсе не твой сын. Нейла подменили. Его похитил «маленький народец», когда тебя не было дома, а вместо него оставил подменщика.

Кузнец смотрел на старца в отчаянии.

— Ох, что же делать? — спросил он. — И неужто мне больше никогда не видать своего сына?

— Я скажу тебе, что ты должен сделать, — ответил старец. — Но сначала надо узнать наверное, что на кровати твоего сына и впрямь подменщик лежит... Иди домой и набери столько пустых яичных скорлупок, сколько найдешь. Осторожно разложи их на виду у подменщика, налей в скорлупки воды, а потом бери их в руки одну за другой и неси с таким видом, словно они очень тяжелые. А когда подойдешь к очагу, опять-таки как можно осторожнее разложи их перед огнем.

Алесдер решил послушаться старца и вернулся домой. Там он в точности выполнил его совет. И вдруг с кровати в углу до него донесся скрипучий смех и пронзительный голосок того, кого кузнец принимал за своего сына:

— Мне уже восемьсот лет стукнуло, но такого я в жизни не видывал!

Алесдер сейчас же пошел к старцу, и тот сказал:

— Ну, больше сомневаться нечего — твоего сына подменили. Теперь ты как можно скорее отделайся от подменщика, а потом я тебя научу, как разыскать сына. Разведи жаркий огонь перед кроватью подменщика. Он спросит тебя: «Зачем это?» А ты скажи: «Сейчас увидишь!» И тут хватай его и бросай в огонь. Он тогда улетит в дымовую дыру в крыше.

Кузнец опять вернулся домой и сделал так, как советовал старец. Он развел огонь перед кроватью подменщика, и тот спросил пронзительным, тонким голоском:

— Зачем это?

— Сейчас увидишь! — ответил кузнец.

Схватил подменщика и бросил его в огонь. Подменщик пронзительно взвизгнул, подпрыгнул на своих желтых ножках и вместе с дымом вылетел прямо через дыру в крыше. Тут его и след простыл.

— А теперь что мне делать? — спросил Алесдер старца. — Надо мне немедленно отыскать сына.

— Сына твоего феи затащили вон в тот округлый зеленый бугор, — ответил старец и показал пальцем на поросший травой холмик за домом кузнеца. — Там внутри они и живут. В ночь следующего полнолуния бугор откроется, и тогда ступай туда искать сына. Возьми с собой Священное Писание, кинжал и петуха и войди в бугор. Ты услышишь пение и веселый шум, увидишь пляски и ослепительный свет. А чтобы бугор за тобой не замкнулся, воткни свой кинжал в землю у входа — феи ведь не смеют коснуться холодной стали, что выкована людскими руками. Потом

ступай вперед смело и без всякого страха — святая книга охранит тебя от всех опасностей. Скоро ты войдешь в просторную палату и в ее конце увидишь, как сын твой работает за наковальней. «Маленький народец» станет тебя расспрашивать, а ты скажи, что пришел за своим сыном и без него не уйдешь.

Затем старец простился с кузнецом, а тот поблагодарил его и пожелал ему счастья.

Надо сказать, что Алесдер был не только силач, но и храбрец, и он с нетерпением ждал, когда ему можно будет пойти на поиски Нейла. Луна была на ущербе. Каждый день она уменьшалась, потом исчезла, потом появилась опять. И когда наконец настало полнолуние, кузнец вышел из дома и зашагал к зеленому бугру на горном склоне. Кинжал в ножнах висел у него на поясе, за пазухой он нес святую книгу, а под мышкой — крепко спящего петуха.

Вскоре Алесдер подошел к бугру, и ему почудилось, будто оттуда доносится негромкое пение и веселый шум. Он стал ждать у подножия бугра, а пение звучало все громче и громче, и вдруг бугор открылся, и оттуда брызнул яркий свет. Алесдер вскочил, выхватил кинжал из ножен и, дрожа, воткнул его в землю у входа в Страну Фей, как ему и наказывал старец. Потом смело пошел на яркий свет. Святую книгу он крепко прижимал к груди, а петуха нес под мышкой левой руки.

И вот он увидел толпу фей и их колдовские пляски, опасные для людей. Ведь смертный, если он попадет к феям, поневоле будет плясать с ними до упаду, пока вдруг не очутится на холодном горном склоне, дряхлый, одинокий.

Увидел кузнец и своего сына. Бледный, с безумными глазами, Нейл ковал что-то на волшебной наковальне, посреди толпы фей в зеленых одеждах.

А феи, как только заметили незваного гостя, толпой бросились к нему, чтобы узнать, как это смертный посмел ворваться в их владения. Но ни одна не могла приблизиться к Алесдеру и зачаровать его — кузнеца охраняла святая книга. И вот он посмотрел на сына и крикнул:

— Расколдуйте моего сына и отпустите домой к своим!

Нейл услышал голос Алесдера и вздрогнул. Он узнал отца и шагнул к нему, протянув руки. Но феи только расхохотались зловещим хохотом. Они словно издевались над надеждами кузнеца вернуть сына.

И в этот миг — ведь время в мире фей бежит быстрее, чем в мире смертных, — над горным склоном забрезжил рассвет, а петух под мыш-

кой у Алесдера зашевелился, проснулся, и красный его гребешок стал торчком. Петух вытянул шею и громко закукарекал, приветствуя наступающий день.

А феи боялись петушиного крика. Для них он звучит как приказ затвориться в своей обители — ведь они не смеют держать ее открытой при дневном свете. «Маленький народец» пришел в замешательство, и смех его затих. Феи принялись толкать Алесдера и Нейла к выходу, требуя, чтобы кузнец поскорее вытащил из земли свой кинжал — им надо было замкнуть бугор и скрыть свою обитель от людских глаз. Но как только Алесдер взял свой кинжал и бугор закрылся за ним и его сыном, чей-то нечеловеческий голос крикнул:

— Твой сын будет немым, пока не рассеет моих чар! Пусть падет на него проклятие фей!

И вот кузнец с сыном снова очутились на знакомом горном склоне. Они гляделись при свете зари в невысокую траву, но так и не могли найти того места, где был вход в Страну Света.

Потом они вернулись домой, и Алесдер снова стал раздувать мехи в кузнице, а сын помогал ему. Но великое горе постигло кузнеца: с тех пор как Нейл вырвался из плена в Стране Фей, уста его замкнулись и он не мог вымолвить ни слова. Так сбылось предсказание фей. И Нейл уже думал, что до конца дней своих останется немым, — ведь он не знал, как рассеять колдовство.

Но вот прошел один год и один день с тех пор, как Нейл вернулся домой. Алесдер тогда ковал новый палаш для вождя своего клана, а Нейл помогал отцу. Он держал над огнем раскаленный докрасна стальной палаш, стараясь, чтобы клинок вышел острым и хорошо закаленным. И все это время он молчал.

Но когда Алесдер уже заканчивал работу, Нейл вдруг вспомнил о своем недолгом плене в Стране Фей. Он вспомнил, какая там была наковальня и как искры рассыпались от нее во все стороны; вспомнил, как искусно ковали свои блестящие мечи кузнецы-эльфы и как они чарами закаляли клинки, чтобы их волшебное оружие никогда не подводило своего хозяина. И тут, к удивлению Алесдера, Нейл взялся сам доковать палаш для вождя. И палаш вышел точно таким, какие ковали себе феи. А Нейл, закончив все, отступил на шаг и с торжеством посмотрел на отца.

— Этот палаш никогда не подведет того, кто возьмет его в руки! — сказал он.

То были первые слова, какие он произнес за один год и один день. Ведь, к счастью, он сделал как раз то самое, что требовалось для того, чтобы расколдовать себя: выковал волшебное оружие и тем рассеял чары фей.

С того часа он совсем позабыл о Стране Света и со временем заменил отца, сделавшись лучшим кузнецом во всем своем клане. А вождь клана ценил выкованный им волшебный палаш превыше всех своих сокровищ, ибо палаш этот никогда не подводил хозяина в бою, но приносил великие победы ему и славу всему клану.

Там Лин

Прекрасная Дженет жила в замке своего отца, славного графа Марча.

Вместе с другими девушками она проводила дни в высокой башне замка — они там шили и вышивали шелковые одеяния. Только Дженет не очень внимательно следила, чтобы шов у нее получался прямой и ровный. Она больше любила глядеть в окошко.

А за окном виднелись деревья Картехогского леса, куда девушкам из замка ходить строго-настрого запрещалось. В этом лесу, как говорили, охотились рыцари королевы эльфов, и горе той девушке, которая пошла бы туда гулять и повстречала одного из них!

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день шитье было отброшено в сторону, иглолка очутилась на полу, а сама девушка в зеленом лесу.

Гуляя по лесу, Дженет увидела на поляне белого коня, привязанного к дереву. Конь был белее молока, а сбруя на нем сверкала чистым золотом. Дженет пошла дальше и пришла к поляне, усыпанной розами. Не успела она сорвать один цветок, как вдруг перед ней словно из-под земли вырос юноша.

— Зачем ты сорвала белую розу, прекрасная Дженет? — спросил он. — Кто тебе позволил? И как ты посмела прийти в Картехогский лес без моего разрешения?

— Где хочу, там и рву цветы! — ответила Дженет. — А просить у тебя разрешения и не подумаю.

Услышав такой дерзкий ответ, юноша рассмеялся, отчего все семь колокольчиков на его поясе весело зазвенели. Потом сорвал красную розу и, протянув ее Дженет, сказал:

— Не сердись, я пошутил. Для такой красивой девушки я бы не пожалел даже всех роз Картехогского леса!

Весь день Дженет и Там Лин (так звали юношу) гуляли по лесу и танцевали на лужайках под волшебную музыку и нежное пение.

Но вот Дженет заметила, что солнце клонится к закату, и поняла, что пора домой, если она хочет попасть в замок до того, как отец заметит ее отсутствие.

Бедная Дженет так спешила, что почти всю дорогу бежала и очень устала. Когда она, бледная и усталая, вошла в большие ворота замка, придворные дамы, игравшие во дворе перед замком в мяч, спросили ее:

— Что такое увидела ты в лесу, прекрасная Дженет, отчего так устала и побледнела?

Но Дженет им ничего не ответила.

На другой день придворные дамы играли в большом зале в шахматы, а девушки сидели опять в башне и шили. Но Дженет осталась одна. Она смотрела и думала: хорошо бы сейчас гулять в лесу с молодым рыцарем, танцевать под волшебную музыку и слушать нежное пение...

Задумавшись, она не заметила, как к ней подошел старый лорд, друг ее отца, славного графа Марча.

— Отчего ты грустишь, прекрасная Дженет? — спросил он. — Сдается мне, ты вчера побывала в зеленой стране эльфов. Если только наш граф узнает об этом, нам всем несдобровать.

— Ах, оставьте меня в покое! — рассердилась Дженет.

В ответе ее звучала дерзость, а сердцем она чувствовала, что старый лорд прав: Там Лин был не простой смертный, а рыцарь королевы эльфов. И горе той девушке, что полюбит рыцаря из волшебной страны эльфов. Так говорили все.

Но Дженет не хотела этого слушать. И в один прекрасный день опять убежала в лес. Долго она блуждала среди деревьев, но ни белого коня, ни его молодого хозяина так и не встретила. Она хотела идти уж домой и сорвала зеленую ветку — чтобы унести ее с собой на память, — как вдруг перед ней словно из-под земли вырос Там Лин.

— Скажи мне, скажи скорей, Там Лин, кто ты? — спросила Дженет.

— Я страж этого леса! — ответил юноша.

— Значит, ты и вправду рыцарь королевы эльфов? — печально сказала Дженет.

— Так меня называют, — ответил Там Лин, — но я родился и вырос среди людей. Меня воспитывал мой дедушка граф Роксбургский, потому что родители мои умерли, когда я был еще ребенком. С тех пор я жил в его замке. Однажды во время охоты вот в этом самом лесу с севера налетел страшный ветер. Граф Роксбургский со своей свитой поскакал домой, а меня одолел какой-то странный сон, и я упал с коня. Проснулся я уже в стране эльфов — это их королева нарочно наслала на нас злой северный ветер, чтобы унести меня к зеленым холмам, в Страну Вечной Юности.

Вспомнив про зеленые холмы, Там Лин замолк, опустил голову и о чем-то задумался. Потом опять заговорил с грустью:

— И с тех пор на мне заклинание королевы эльфов: днем я должен сторожить Картехогский лес, а ночью возвращаться в страну эльфов. Там всегда весело и тепло. Я там в большом почете. Но если бы ты знала, Дженет, как мне хочется разрушить волшебные чары и вернуться к людям!

— Я помогу тебе! — воскликнула Дженет, но тут же добавила тихо: — Если ты хочешь.

Там Лин нежно взял ее руку в свои и вот что сказал:

— Есть только одна ночь в году, когда можно разрушить злые чары королевы эльфов, — это ночь на первое ноября, в канун праздника всех святых. На эту ночь все эльфы и их королева покидают свои зеленые холмы. И я еду с ними. Сегодня как раз такая ночь. Но освободить меня не легко. Отважишься ли ты на это, милая Дженет?

В ответ Дженет лишь спросила, что она должна сделать. И Там Лин сказал:

— Когда пробьет полночь, жди меня у перекрестка четырех дорог. Сначала ты увидишь рыцарей королевы эльфов на вороных конях. Пропусти их и не сходи с места. Потом проскачут всадники на буланых конях. Ты пропусти их. И наконец появятся четыре всадника на белых конях. Я буду среди них. Чтобы ты узнала меня, я сниму с одной руки перчатку. Ты подойди к моему коню, возьми его за золотую уздечку и вырви повод из моих рук. Как только ты отнимешь у меня повод, я упаду с коня, и королева эльфов воскликнет: «Верного Там Лина похитили!» Вот тогда будет самое трудное. Ты должна обнять меня крепко и не отпускать, что бы со мной ни делали, в кого бы меня ни превращали. Только так можно снять с меня заклинание и победить королеву эльфов.

Страшно было бедной Дженет оставаться одной ночью в лесу. Но она помнила, что сказал ей Там Лин, и исполнила все, как он просил. Она

схватила его белого коня за золотую уздечку и вырвала повод из его рук, и, когда он упал на землю, она обняла его крепко-крепко.

— Верного Там Лина похитили! — воскликнула королева эльфов.

Но Дженет не испугалась и только еще крепче обняла его. Тогда королева, прошептав заклинание, превратила Там Лина в зеленую ящерицу. Дженет прижала ящерицу к сердцу, но тут ящерица превратилась в холодную змею, которая обвилась вокруг ее шеи. Дженет смело схватила змею, тогда змея обернулась в брусочек раскаленного железа. Из глаз Дженет полились слезы, ей было так больно, но Там Лина она все равно из рук не выпустила.

И королева эльфов тогда поняла, что Там Лин потерян для нее навсегда. Она вернула ему его прежний облик и сказала:

— Прощай, Там Лин! Прощай! Лучшего рыцаря потеряла страна эльфов. Если бы знала я вчера то, что узнала сегодня, я бы превратила твое нежное сердце в камень!

И с этими словами королева эльфов исчезла в зеленом лесу. А прекрасная Дженет взяла Там Лина за руку и отвела в замок своего отца, славного графа Марча.

Волынщик из Кейла

Есть в Кинтайре огромная пещера. Темный вход в нее зияет меж утесами скалистого берега, как широко разинутая пасть. В старину пещера эта была обителью фей.

Ходил слух, что в пещере много узких, извилистых подземных ходов и тянутся они далеко в глубь страны. Где-то на перепутье этих подземных дорог находится огромный зал. Там при свете бесчисленных волшебных свечек под звуки волшебной музыки бесчисленных музыкантов-эльфов пляшут и пируют феи во главе со своей королевой. И там они судят смертных, что дерзнули проникнуть в их владения.

Но почти никто не отваживался войти в огромную пещеру. Все жители западного побережья Шотландии хорошо знали, какие опасности и наваждения грозят смертному, что вступит во владения фей.

В Кейле жил некогда один смелый волынщик по имени Алесдер. Слава о его игре распространилась по всему Кинтайру. Когда соседи его после дневной работы собирались вместе, Алесдер играл им на своей волынке плясовые наигрыши, да так весело, что все в пляс пускались.

А то вдруг начнет старинную песню — из тех, что играли еще его деды и прадеды, — и люди тогда слушают молча. По кругу ходит чаша с пенистым элем, а пламя очага, куда с молитвой подкладывают торф, озаряет все вокруг ярким светом.

Тут же всегда сидел песик волынщика, маленький фокстерьер. Песик и его хозяин крепко любили друг друга и никогда не расставались.

И вот как-то раз вечером, когда веселье было в разгаре, Алесдер, не раз хлебнув из круговой чаши, развеселился и, когда доиграл какую-то песню, сказал друзьям:

— А теперь я сыграю вам еще одну песню. Она не хуже тех, какие играют сами феи в большой пещере на взморье.

Он снова взял свою волынку и уже хотел было начать, но фермеры его остановили. Все они знали, что феи гnevаются на смертных, вздумавших потягаться с ними в их искусстве, и считали, что негоже Алесдеру так бахвалиться. Волынщик только было начал играть, как его прервал фермер Айен Мак-Гроу.

— Ох, Алесдер, — сказал он, — лучше отступись! Что правда, то правда, — ты самый искусный волынщик во всем Кинтайре, но все мы знаем, что феи в большой пещере умеют играть так, как нам и не снилось. Игрой своей они могут оторвать ребенка от матери и мужчину от его любимой.

Волынщик на это только улыбнулся и гордо возразил:

— Ну, Айен Мак-Гроу, ты сказал, что хотел сказать, а я с тобой поспорю. Бьюсь об заклад, что этой же ночью я прогуляюсь со своей волынкой по всем подземным ходам в большой пещере, а потом вернусь на свет божий. Все это время я буду играть на волынке, но ничего плохого со мной не случится. А в обители фей никому не сыграть такой красивой песни, как, например, вот эта.

Соседи только ахнули от его дерзких слов, а волынщик опять приложил к губам трубку волынки и заиграл развеселую «Песню без названия». Ни один из собравшихся в жизни своей не слышивал такого красивого и веселого напева.

Тем временем феи пировали и веселились в своем огромном зале. И вот услышали они, как бахвалится Алесдер, и разгневались на дерзкого волынщика из Кейла. Тогда нездешняя музыка бесчисленных музыкантов-эльфов зазвучала еще более громко и дико, а пламя бесчисленных свечек затрепетало. И сама королева фей приготовилась зачаровать могучими чарами смелого волынщика, как только он вступит в ее владения.

Должно быть, песик волынщика все это почуял — он ошетинился и глухо заворчал, когда Алесдер покинул веселое сборище и направился к утесам, продолжая играть «Песню без названия». Но песик так любил хозяина, что не захотел отстать и побежал за ним следом. Он догнал Алесдера, когда тот уже подошел ко входу в большую пещеру.

Соседи тоже провожали Алесдера, но шли они поодаль. И вот волынщик в шапке набекрень бесстрашно вступил во тьму пещеры, и его клетчатая юбочка развевалась при каждом шаге. Верный песик бежал за ним по пятам.

Соседи глядели им вслед, всматривались во мрак пещеры и долго еще слушали веселые, звонкие звуки волынки. И многие говорили, покачивая головами:

— Ох, не видать нам больше нашего храброго волынщика из Кейла!

Немного погодя веселая музыка внезапно перешла в душераздирающий визг и сразу же оборвалась. Потом, гулко отдаваясь от каменных стен, по извилистым подземным ходам раскатился зловеющий нечеловеческий хохот и долетел до выхода из пещеры. И вдруг наступила тишина.

Соседи все еще недвижно стояли, дрожа от страха за своего чудесного волынщика, как вдруг, скуля и хромя, из пещеры выбежал его фокстерьер. Трудно было узнать бедного песика! Он весь облез — ни шерстинки не осталось у него на теле — и со всех ног мчался, сам не зная куда, выкатив глаза от ужаса, словно за ним гнались зеленые собаки фей.

Но хозяин его так и не вышел из пещеры. Соседи ждали Алесдера, пока заря не занялась над морем. Они звали его, приложив руки ко рту. Но никто уже никогда больше не видел волынщика из Кейла.

Ни один человек во всем Кинтайре не отважился ступить в темную пещеру и отправиться на его поиски. Ведь все слышали зловеющий хохот фей, а об этом хохоте никто даже вспомнить не может без того, чтобы по спине его не поползли мурашки.

Но на этом еще не кончается рассказ о волынщике из Кейла. Как-то раз вечером Айен Мак-Гроу и его жена сидели у огня на своей ферме, что стояла в нескольких милях от взморья. И вдруг жена фермера наклонилась и приложила ухо к каменной плите, что лежала перед очагом.

— Ты слышишь, хозяин, как на волынке играют? — спросила она мужа.

Фермер тоже прислушался и диву дался. Ведь и он, и жена его слышали «Песню без названия» и догадались, что это играет Алесдер, навеки обреченный феями блуждать по подземным ходам, что протянулись далеко в глубь страны.

Фермер с женой все прислушивались, а песня постепенно замирала. И вдруг послышался жалобный голос самого волыньщика:

Мне уж не выйти на вольный свет,
Я бродить обречен, и спасенья мне нет!
О, горе мое неизбывное!..

В наши дни говорят, будто еще живы люди, что слышали игру волыньщика, когда проходили по тому месту, где некогда стояла ферма Айена Мак-Проу. И всякий раз в звуки песни врывается этот крик отчаяния.

Фаркуэр Мак-Нейл

Жил-был когда-то юноша по имени Фаркуэр Мак-Нейл. Однажды пришлось ему переменить работу и поступить на новое место. В первый же вечер хозяйка велела ему сходить на гору к соседу и попросить у него сито. Ее сито продырявилось, а ей надо было просеять муку.

Фаркуэр охотно согласился и собрался в путь. Хозяйка объяснила ему, по какой тропинке надо идти, и сказала, что найти дом соседа нетрудно — в окне у него будет гореть свет.

Вскоре Фаркуэр заметил, что невдалеке, слева от тропинки, что-то светится, и подумал, что это — у соседа в окне. Он успел позабыть, что хозяйка велела ему идти прямо по тропинке в гору, и свернул влево, в ту сторону, где горел свет.

Ему казалось, что он уже подходит к дому соседа, как вдруг он споткнулся, упал, провалился сквозь землю и полетел вниз. Долго он летел так, пока наконец не шлепнулся прямо в гостиную фей. А она была глубоко под землей.

В гостиной собралось множество фей, и все они занимались разными делами.

У самого входа, а вернее, под той дырой, сквозь которую провалился Фаркуэр, две маленькие старенькие феи в черных передниках и белых

чепчиках усердно мололи зерно на ручной мельнице из двух плоских жерновов. Две другие феи помоложе в голубых с разводами платьях и белых косынках брали смолотую муку и месили из нее тесто на пышки. Потом клали пышки на сковороду и пекли их на огне очага. Очаг был в углу, и в нем нежарко горел торф.

А в самой середине просторной комнаты большая толпа фей, эльфов и духов лихо плясала под звуки крошечной волынки. На волынке играл маленький смуглый гном. Он сидел на каменном выступе высоко над толпой.

Когда Фаркуэр внезапно появился среди фей, все они замерли и в испуге усталились на него. Но как только увидели, что он не расшибся, важно поклонились ему и попросили его присесть. А потом как ни в чем не бывало опять принялись кто играть и плясать, а кто хлопотать по хозяйству.

Но Фаркуэр и сам любил поплясать, так что ему ничуть не хотелось сидеть одному в стороне от веселых плясуней. И он попросил фей позволить ему потанцевать с ними.

Они как будто удивились его просьбе, но все-таки уважили ее. И вот Фаркуэр пустился в пляс и плясал так же весело, как сами феи.

Но тут с ним произошла странная перемена. Он забыл, откуда и куда он шел, забыл свой родной дом, забыл всю свою прошлую жизнь. Он знал только, что хочет остаться у фей навсегда.

И он остался у них. Ведь он уже был заколдован и потому уподобился им. Ночью он мог невидимкой бродить по земле, пить росу с травы, высасывать нектар из цветов. И все это он проделывал так ловко и бесшумно, как будто родился эльфом.

Время шло, и как-то раз вечером Фаркуэр вылетел вместе с толпой веселых друзей в большое путешествие. Вылетели они рано, потому что собирались погостить у Того-кто-живет-на-луне, а вернуться домой им надо было до первых петухов.

Все обошлось бы хорошо, если бы Фаркуэр смотрел, куда он летит. Но он слишком пылко ухаживал за юной феей, летевшей рядом с ним, вот и не увидел дома, что стоял у него на пути. Налетел на дымовую трубу и застрял в соломенной кровле.

Спутники его ничего не заметили и весело умчались вдаль, так что Фаркуэру пришлось выпутываться самому. Вот он стал выбираться из соломы и ненароком заглянул в широкую трубу. Видит — внизу, в кухне сидит красивая молодая женщина и нянчит румяного ребенка.

Надо сказать, что, когда Фаркуэр был человеком, он очень любил детей. И тут у него невольно сорвалось с языка доброе пожелание этому ребенку.

— Да хранит тебя бог! — сказал он, глядя на мать и дитя.

Он и не подозревал, к чему это приведет. Но едва он успел проговорить доброе пожелание, как чары, что над ним тяготели, рассеялись, и он вновь стал таким, каким был раньше.

Фаркуэр тотчас же вспомнил и всех своих близких на родине, и свою новую хозяйку, что, должно быть, ждет не дожидается сита. Ему казалось, что прошло уже несколько недель, с тех пор как он отправился за этим ситом. И он поспешил вернуться на ферму.

Пока он туда шел, все вокруг было ему в диковинку. Лес вырос там, где раньше никакого леса не было; каменные ограды стояли там, где раньше не было никаких оград. Как ни странно, он не смог отыскать дорогу на ферму и, хуже того, не нашел даже своего отчего дома. Там, где стоял его дом, Фаркуэр увидел только густые заросли крапивы.

В смущении он начал искать кого-нибудь, кто мог бы объяснить ему, что все это значит. Наконец он увидел старика, что покрывал соломой крышу одного домика.

Старик был такой тощий и седой, что Фаркуэр издали даже принял его за клочок тумана, и только когда подошел поближе, увидел, что это человек. Фаркуэр подумал, что такой дряхлый старик, наверное, глуховат, и потому подошел вплотную к стене дома и громким голосом спросил:

— Ты не знаешь, куда подевались все мои друзья и родные и что случилось с домом моего отца?

Старик выслушал его и покачал головой.

— О твоём отце я и не слыхивал, — ответил он не спеша. — Но, может, мой отец и расскажет тебе что-нибудь про него.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, очень удивленный. — Да разве твой отец еще жив?

— Жив, — ответил старик, посмеиваясь. — Войдя в дом, увидишь его в кресле у камелька.

Фаркуэр вошел в дом и увидел там другого старца. Этот был до того тощий, сморщенный, сгорбленный, что на вид ему было лет сто, не меньше. Слабыми руками он вил веревки, какими закрепляют солому на крыше.

— Ты не можешь рассказать мне хоть что-нибудь про моих родных и про мой отчий дом? — спросил его Фаркуэр, хоть и сомневался, что такой древний старец способен вымолвить слово.

— Я-то не могу, — прошамкал старец, — а вот мой отец, он, пожалуй, сможет.

— Твой отец! — воскликнул Фаркуэр, не помня себя от удивления. — Да ведь он, наверное, давным-давно умер!

Старец с мудрой усмешкой покачал головой.

— Погляди туда, — сказал он и показал скрюченным пальцем на кожаную сумку, что висела на столбике деревянной кровати в углу.

Фаркуэр подошел к кровати и чуть не до смерти испугался — из сумки выглянул крошечный старичок со сморщенным личиком и в красном колпачке. Он совсем съежился и высох, такой он был старый.

— Вынь его, он тебя не тронет, — сказал старец, что сидел у огня, и захихикал.

Фаркуэр осторожно взял крошечного старичка большим и указательным пальцами, вынул его из сумки и посадил на ладонь своей левой руки. Старичок так ссохся от старости, что походил на мощи.

— Может, хоть ты знаешь, что случилось с моим отчим домом и куда подевались мои родные? — в третий раз спросил Фаркуэр; но он уже не надеялся получить ответ.

— Все они умерли задолго до того, как я родился, — пропищал крошечный старичок. — Сам я никого из них не видал, но слышал, как про них мой отец говаривал.

— Так, значит, я старше тебя! — вскричал Фаркуэр, ошеломленный.

И это его так сразило, что кости его внезапно рассыпались в прах, и он рухнул на пол кучей серой пыли.

Знамя фей в Данвегане

Тысячу с лишком лет замок Данвеган, что стоит на западном побережье острова Свай, был родовым замком Мак-Лаудов из Мак-Лауда. В древности многие вожди этого рода, выйдя в море из залива Лок-Данвеган с войнами своего клана, водили их в походы против своих наследственных врагов, Мак-Доналдов из Эйга, незаконных «Властителей островов». И пожалуй, драгоценнейшим сокровищем клана Мак-Лауд было его знамя фей. Оно переходило от поколения к поколению, и о нем рассказывают известное предание.

Некогда вождем клана Мак-Лауд был Малколм. В один из дней, когда в водах Лок-Данвегана отражалось летнее небо, а вереск покрывал горные склоны лиловым ковром, Малколм взял в жены красавицу фею. Он счастливо женился с нею в своем замке, Данвегане, построенном из серого камня. Но феи не могут найти полное счастье среди людей. И когда жена Малколма родила ему сына, она затосковала по своим родным, да так, что тоска эта превозмогла ее любовь к мужу-смертному.

Малколм был не в силах видеть, как тоскует его возлюбленная жена. И он взялся сам проводить ее на тропинку, что вела в Страну Фей. И вот фея подошла к колыбели своего ребенка, ласково простилась с ним и пошла с мужем к заливу, чтобы переправиться через него и уйти по этой тропинке на родину.

Это было в ясный летний день. В такой же точно день Малколм привез в свой замок жену-фею, но теперь даже светлые воды залива казались ему темными и мутными — так тяжело было у него на душе.

Наконец их лодка доплыла до места. Малколм взял жену на руки, перенес ее на берег и осторожно опустил на землю. Потом немного проводил ее по тропинке. Но когда они подошли к гряде серых камней, прозванных Мостом Фей, жена попросила его не ходить дальше и пошла по тропинке одна. Она ни разу не оглянулась, и Малколм навеки расстался со своей красавицей женой.

В тот вечер в замке задали пир в большом зале — праздновали рождение сына Малколма. Ведь мальчик впоследствии должен был заступить место отца и стать вождем клана Мак-Лауд.

Как ни тяжело было на душе у Малколма, пришлось ему через силу принять участие в общем веселье и ликовании, — пир был задан по исстари заведенному обычаю. Да и сам Малколм гордился сыном, которому в будущем предстояло стать главой рода Мак-Лаудов из Мак-Лауда.

Весь клан собрался в большом зале и пировал при свете сотни факелов. Слуги сновали по залу, разнося блюда с сочной олениной и флаги, полные доброго золотистого эля. И всю ночь мужчины из клана Мак-Криммон, наследственные волынщики клана Мак-Лауд, играли на своих звучных волынках веселые песни для гостей Малколма.

А в башенке, вдали от шумного зала, младенец, виновник всего этого ликования, спокойно спал в своей колыбели. Сон его сторожила няня. Это была молоденькая, хорошенькая девушка. Она сидела у колыбели,

а сама только и думала: как сейчас, должно быть, весело на пиру и какое вкусное подают угощение! И ей очень хотелось побыть среди шумных гостей. А когда высоко взошла луна и осветила уединенную башенку, девушке до смерти захотелось хоть одним глазком поглядеть на веселье в зале. Она взглянула на ребенка и убедилась, что он спокойно спит. И вот она тихонько встала и, осторожно ступая на цыпочках, пошла по усталому тростником полу к двери.

Потом она быстро побежала по залитым лунным светом извилинам коридорам, спустилась с винтовой лестницы и вошла в большой зал, где громко звучали волынки.

Девушка немного посидела в самом конце зала, с жадным любопытством оглядываясь по сторонам, а когда вдоволь насмотрелась на празднество, поднялась, чтобы вернуться в башенку. И тут сердце у нее забилося от страха — в этот миг сам Малколм встал со своего места за главным столом и посмотрел в ее сторону.

«Ох, черен был тот час, когда я оставила ребенка одного! — подумала няня. — Теперь Малколм прогневется на меня!»

Однако Малколм хоть и увидел девушку, но не рассердился, — он подумал, что с его сыном осталась другая служанка. И вот он окликнул няню ласковым голосом и велел ей вынести ребенка гостям — он хотел показать своему клану его будущего вождя.

Няня вздохнула свободно и ушла, горячо надеясь, что с ребенком не случилось ничего плохого, пока ее при нем не было.

А надо сказать, что, когда ребенок остался один в башенке, он некоторое время спокойно спал. Но вот за окном со зловещим криком пролетела сова, и он проснулся в испуге. Никто не пришел успокоить его и покачать. Он громко заплакал, и плач его отдавался от стен пустой комнаты.

Ни один человек не услышал его криков. Но они какими-то неведомыми путями донеслись до его матери-феи, туда, где она пребывала среди своих.

Сын, хоть и рожденный на земле, был ей дорог, и она поспешила в башенку, чтобы утешить его, пока никого поблизости не было. Она уже не имела права взять его на руки. Но зато прикрыла его сияющим неземным покрывалом из шелка, зеленого как трава. Оно было соткано так искусно, как люди ткать не умеют, и вышито крапинками, но не простыми, а особенными — их называют «крапинками эльфов».

Как только фея прикрыла ребенка шелковым покрывалом, он перестал плакать — словно это сама мать обняла его. Потом улыбнулся и заснул. А фея, увидев, что сын ее успокоился, отлетела от колыбели и исчезла.

Встревоженная няня очень обрадовалась, когда вошла в башенку и убедилась, что ее питомец спит. Но тут она увидела на нем покрывало и поняла, что к ребенку прилетали феи. Об этом она догадалась потому, что покрывало было зеленого цвета — того самого оттенка, какой облюбовали феи. Да и вышито оно было «крапинками эльфов». Но ребенок лежал здоровый и невредимый — феи его не подменили, — и няня совсем успокоилась. Только пообещала себе никогда больше не оставлять его одного.

Она завернула ребенка в покрывало фей, взяла его на руки и, повиная приказу Малколма, понесла в большой зал.

И вот когда она уже подходила к залу, позади нее в коридорах слышались звуки неземной музыки. Они наполняли весь воздух, они как бы оведали ребенка на руках у няни и наконец заглушили волюнки Мак-Криммонов. Волюнки умолкли, и в большом зале воцарилась тишина.

И сам Мак-Лауд, и все его родичи молча сидели и слушали, как феи пели сладостными голосами. А пели они предсказание, которое не будет забыто, пока на земле останется хоть один Мак-Лауд.

В своей пророческой песне они возвещали, что зеленое покрывало ребенка — это знамя фей. Оно даровано феями клану Мак-Лауд. И пока в Шотландии не забудется это славное имя, знамя останется в клане. Оно трижды спасет клан в години великих бедствий. Однако развешивать его допускается лишь в час грозной опасности, но отнюдь не по пустячному поводу.

И Малколм, и весь его клан, и няня с ребенком на руках недвижно и молча слушали пение фей. Но вскоре оно стало более тихим и печальным. Теперь феи предсказывали, какое проклятие падет на клан Мак-Лауд, если кто-нибудь не оценит по достоинству дара фей и развернет знамя тогда, когда в этом не будет крайней нужды.

Если же случится такое, то, когда б это ни случилось, на клан обрушатся три несчастья: наследник Мак-Лауда из Мак-Лауда, вождя клана, вскоре умрет; гряда скал под названием Три Девы перейдет во владение одного из Кембеллов; когда же рыжая лисица принесет лисенят в одной из башенок замка, слава Мак-Лаудов померкнет; они лишатся многих своих земель, а в семействе вождя не хватит мужчин-гребцов, чтобы плыть по заливу Лок-Данвеган.

Итак, феи принесли свой дар и сказали, какое проклятие с ним связано. И вот их голоса растаяли, словно туман в горах, и не слышно было больше ни звука.

Тогда Малколм встал с места и взял в руки знамя фей. Он осторожно разгладил зеленую ткань и приказал положить ее в чугунный ларец искусной работы. Отныне, сказал он, этот ларец будут нести впереди клана всякий раз, как он выступит в поход. И еще Малколм завещал, чтобы никто, кроме самого вождя, Мак-Лауда из Мак-Лауда, не смел вынимать из ларца и развешивать знамя.

Но вот пришло Малколму время покинуть этот мир. Потом умер и сын его. Поколения сменялись поколениями, а в клане бережно хранили волшебное знамя и ни разу его не развернули, пока однажды Мак-Доналды, собрав огромное войско, не выступили против Мак-Лаудов.

В те годы все еще полыхала древняя вражда между этими двумя кланами, хотя они давно породнились между собой — ведь многие Мак-Лауды заключали браки с Мак-Доналдами. Бытовала даже такая поговорка: «Мак-Лауды и Мак-Доналды то надевают друг другу кольцо на палец, то вонзают нож в сердце».

Но на сей раз Мак-Доналды твердо решили навсегда сбить спесь с Мак-Лаудов. Они высадились в Уотернише, двинулись к Трампену и разграбили там церковь.

Тогда вождь Мак-Лаудов переплыл на ладье залив Лок-Данвеган и повел свой клан в поход против Мак-Доналдов. У Трамлена разыгралась долгая и жестокая битва. И вскоре стало ясно, что Мак-Лаудов потеснили и придется им отступить. Все поняли, что одними лишь ножами и палашами обуздать захватчиков не удастся.

И вот тогда-то вождь Мак-Лаудов приказал подать ему чугунный ларец с волшебным знаменем. Он отомкнул замок и вынул из ларца кусок тонкого зеленого шелка, веря, что не попусту прибегает к помощи фей. Знамя подняли на длинном древке в самой гуще сражения. И весь клан с благоговейным трепетом смотрел, как оно, развернувшись, реяло высоко в воздухе.

И сразу же счастье изменило Мак-Доналдам. Им почудилось, будто к Мак-Лаудам подошло подкрепление, так что силы их внезапно возросли. Мак-Доналды дрогнули и отступили, а Мак-Лауды пустились за ними в погоню, и этот день стал для них днем победы.

Так люди впервые прибегли к знамени фэй и убедились в его могуществе.

Во второй раз знамя развернули по другой причине. Снова клану грозила опасность, но не враги подняли против него свои ножи и палаши. Начался падеж скота от чумы, и у клана не осталось ни одного здорового животного. Туго пришлось Мак-Лаудам — ведь они жили главным образом своими стадами и от скота зависело их благополучие.

Вождь Мак-Лаудов знал, в какую беду попали его родичи, как мало скота осталось на пастбищах, и понял, что не вернуть ему богатства своему клану, если он не прибегнет к помощи неземных сил. И вот он вынул знамя фэй из ларца и, подобно предку своему, сказал:

— Не попусту прибегаю я к помощи нездешних сил!

Знамя развернули, подняли на древке, и оно реяло над обреченной землей. С того часа ни одно животное не заболело чумой, и многие из тех, что захворали раньше, выздоровели.

Так силу знамени испытали во второй раз и снова убедились в его могуществе.

Шло время, и волшебное знамя фэй переходило от поколения к поколению. Но вот в 1799 году некий Бьюкенен поступил на службу к Мак-Лауду из Мак-Лауда. Как и все, он слышал предание о знамени фэй, знал и о проклятии, что было с ним связано. Но он был человек недоверчивый и не желал принимать на веру подобные выдумки. Он говорил, что знамя — просто лоскут гнилого шелка, а предание — рассказы, из тех, что старухи нашептывают друг другу.

И вот однажды, пользуясь тем, что вождь был в отъезде, Бьюкенен решил испытать силу знамени, чтобы навсегда отучить людей от подобных суеверий. В ближней деревне жил кузнец-англичанин, и Бьюкенен приказал ему взломать чугунный ларец — ведь ключ от него всегда хранил у себя сам вождь. Когда крышку ларца подняли, Бьюкенен вынул легкую зеленую ткань и помахал ею. Поистине, он по вздорному поводу вызвал нездешние силы!

Все, кто верил в проклятие фэй, ничуть не удивились тому, что произошло потом, — они говорили, что беды было не миновать.

А произошло вот что. Наследник вождя вскоре погиб при взрыве военного корабля «Шарлотта», а скалы Три Девы перешли во владение Энгаса Кембелла из Иснея. Затем, как и было предсказано феями в древности, ручная лисица лейтенанта Маклейна, гостившего тогда в Данвегане, принесла лисенят в западной башне замка. В это время род Мак-

Лаудов уже стал захудалым, и большая часть его земель была продана. Правда, клан постепенно вернул свое богатство, но слава его померкла навеки, и вскоре в семье самого вождя осталось только три Мак-Лауда, а значит, в ней уже не хватало гребцов, чтобы плыть в четырехвесельной ладье по заливу Лок-Данвеган.

В наши дни волшебное знамя фэй хранится в стеклянном ящике в замке Данвеган, и те, что знают его странную историю, дивятся на этот почти истлевший кусок старинного шелка, темный от времени. Впрочем, на нем еще можно различить вышитые «крапинки эльфов».

Фея и котел

Островок Сандрей, один из Внешних Гебридских островов, расположен к югу от острова Барры, и его омывает безбрежный Атлантический океан. Вокруг островка кипят волны с белыми гребешками, а на берегу всегда дует соленый резкий ветер. Над островком, пронзительно крича, проносятся морские птицы: чайки с жалобными голосами и устрицеды, что, выпитив грудь и распластав крылья белым крестом, летают с криком: «Би-глик! Би-глик! Би-глик!» (Осторожней! Осторожней! Осторожней!).

На этом островке когда-то жил один пастух. Жену его звали Мэриред. Она дружила с одной «мирной женщиной», как в старину называли фэй. (А еще племя фэй называли: «добрые соседи» и «маленький народец».)

Эта фея была крошечная женщина с остреньким личиком, блестящими глазками и смуглой кожей орехового цвета. Жила она в зеленом, поросшем травой холмике, что возвышался неподалеку от дома пастуха. Каждый день фея семеняла по тропинке к его дому, сразу же входила в комнату и, подойдя к очагу, где горел торф, снимала с огня и уносила с собой большой черный котел. Все это она проделывала молча, а перед самым ее уходом Мэриред ей говорила:

В гори кузнец насыплет углей
И чугун раскалит докрасна.
Надо котел, полный костей,
Ко мне принести дотемна.

Вечером фея возвращалась и оставляла на пороге дома котел, полный вкусных мозговых косточек.

И вот как-то раз пришлось Мэриред отправиться на остров Барру, в его главный город — Каслбей. Утром перед отъездом она сказала мужу:

— Когда придет «мирная женщина», скажи ей, что я уехала в Каслбей. А она пусть возьмет котел, как всегда берет.

Потом Мэриред уехала, а муж ее, оставшись один в доме, принялся крутить жгут из стеблей вереска. Немного погодя он услышал чьи-то легкие шаги, поднял голову и увидел, что к дому подходит «мирная женщина». И тут ему почему-то стало жутко. Он вспомнил вдруг все рассказы о том, как феи заколдовывают людей, вскочил с места и, как только «мирная женщина» подошла к порогу, захлопнул дверь.

Надо сказать, что «маленький народец» очень вспыльчив и легко обижается. Блестящие глазки феи засверкали гневом — так ее рассердила грубость пастуха. Она ступила ножкой на выступ под окном, а оттуда вскарабкалась на крышу. Потом наклонилась над дымовым отверстием и что-то крикнула. Это был зловеющий, пронзительный крик.

Пастух в ужасе прижался к двери и вдруг увидел, как большой черный котел подпрыгнул раз, потом еще раз и... вылетел в дымоход. Но там его сейчас же ухватила чья-то сухонькая смуглая ручонка.

Не скоро осмелился пастух открыть дверь своего дома, а когда открыл, феи уже не было.

В тот же вечер Мэриред вернулась с корзинкой, полной свежей сельди, и первым делом спросила мужа, почему котел не вернулся на свое место в очаге.

— Ведь «мирная женщина» всегда возвращала его засветло, — добавила она. — Неужто позабыла? Не похоже это на нее.

Тут муж рассказал ей про все, что с ним приключилось, пока она была в отъезде, а когда досказал, Мэриред крепко выругала его за глупость.

Потом она встала, взяла фонарь и побежала к зеленому холму, где жила фея. Светила луна, и при ее свете Мэриред отыскала свой котел. Он стоял у подножия холмика и, как всегда, был полон вкусных мозговых костей. Мэриред подняла котел и уже повернулась, чтобы идти домой, как вдруг чей-то нечеловеческий голос крикнул:

Молчунья-жена, молчунья-жена,
Что к нам пришла из дремучих лесов,
И ты, что стоишь на вершине холма,
Пустите по следу злых, яростных псов!

И тут с вершины холмика донесся дикий визг. Кто-то темный, что там стоял, спустил со своры двух лежащих у его ног заколдованных псов. С громким протяжным лаем псы сбежали с холмика. Хвосты их были закручены над зелеными спинами, языки вывалились и болтались между острыми клыками.

Мэриред услышала, что кто-то за нею гонится, оглянулась и пустилась бежать, не помня себя от страха. Она знала, что псы фей могут догнать и растерзать все живое, что встретят на своем пути. Но как ни быстро она бежала, зеленые псы стали ее нагонять — она уже чувствовала, как их дыхание обжигает ей пятки, и подумала: «Еще миг, и они схватят меня зубами за щиколотки!»

И тут Мэриред вспомнила про кости в котле и догадалась, как ей спастись. Она сунула руку в котел и на бегу стала бросать на землю кости, перекидывая их через плечо.

Псы фей жадно хватили кости, и Мэриред обрадовалась, когда они немного отстали. Наконец она увидела свой дом и вскоре подбежала к двери. Но вдруг услышала, что псы опять ее догоняют, и в отчаянии крикнула мужу из последних сил:

— Впусти меня!

А как только ворвалась в дом, рухнула на пол за порогом. Муж тотчас захлопнул за нею дверь. И тут они услышали, как псы фей свирепо царапают когтями дверь и яростно воют.

Всю ночь Мэриред с мужем просидели, дрожа от страха, — спать и не ложились. Когда же утром наконец отважились выглянуть за дверь, увидели, что она с наружной стороны вся исцарапана когтями зеленых псов и обожжена их огненным дыханием.

С тех пор «мирная женщина» больше не приходила за котлом, а Мэриред и ее муж всю свою жизнь боялись попасться на глаза своим «добрым соседям» — феям.

Фея и фермерша

Расскажу вам про одну бедную молодую вдову, что жила в усадьбе Киттларампит. Но в каком именно краю Шотландии была эта усадьба, никто не знает. Говорят, будто она находилась где-то поблизости от Спорной Земли, что, как всем известно, примыкает к границе между

Англией и Шотландией. Там вечно рыскали разбойники. Шотландцы грабили англичан, англичане — шотландцев.

Так или иначе, но молодую хозяйку Киттлармпита можно было пожалеть. Муж ее пропал без вести, и никто не знал, куда он девался. Как-то раз он ушел на ярмарку и не вернулся. И хотя все думали, что он умер, но не знали, как и почему. Одни говорили, что он нанялся в солдаты и погиб на войне, другие — что его увели вербовщики и посадили на какой-то корабль, а потом бедняга утонул в море.

Не мудрено, что люди жалели молодую вдову. Ведь она осталась одна с малым сынишкой на руках, а времена были трудные, и бедняжке приходилось туго. Она очень любила своего малыша и, чтобы заработать денег на еду и одежду для него и себя, целый день возилась со своей коровой, свиньями и курами.

Как-то раз она встала спозаранку и пошла кормить свиней. Уже близился тот день, когда она платила аренду за свою маленькую ферму, и вот она решила отвести на рынок самую лучшую свою свинью. Свинья была большая, жирная, и молодая хозяйка Киттлармпита думала, что ей, пожалуй, хватит на уплату аренды тех денег, что она выручит за эту свинью. На сердце у нее было легко, и она весело напевала песенку, когда шла по двору с ведром в одной руке и ребенком на другой.

Но песенка ее быстро перешла в горький плач. Едва она ступила в свиной хлев, как увидела, что ее лучшая откормленная свинья повалилась навзничь и лежит, закрыв глаза и задрав ноги, — вот-вот издохнет.

— Ох, что мне делать, что делать? — запричитала бедняжка и опустилась на большой камень, прижав к груди ребенка; она и не заметила, что уронила ведро, поило для свиней растеклось по земле, и к нему бросились куры. — Мужа я потеряла, одна осталась... А теперь вот издохнет моя лучшая свинья — чем я буду платить за ферму?

Надо вам сказать, что усадьба Киттлармпит стояла на полугоре. За усадьбой рос большой еловый лес, а перед нею горный склон круто спускался в долину.

И вот бедняжка поплакала-поплакала, потом вытерла глаза и стала смотреть перед собой. И кого же она увидела? В гору к усадьбе поднималась старуха, на вид — знатная леди. Платье у нее было зеленое, передник белый, а чепчик черный, бархатный. Поверх чепчика она надела шляпу с полями и высокой остроконечной тульей — такую, какие носят женщины в Уэльсе. Старуха поднималась очень медленно, опираясь на длинный посох, и немножко припадала на ногу, словно хромая.

Увидела ее молодая вдова и подумала, что это, наверное, какая-то благородная леди. А значит, нужно встать и сделать ей реверанс. Так она и поступила.

— Сударыня, — молвила она, глотая слезы, — добро пожаловать в усадьбу Киттлармпит! Хотя надо сознаться, что хозяйка ее — самая несчастная женщина на свете.

— Вздор! — отозвалась на это старуха, да таким резким голосом, что молодая женщина вздрогнула и крепче прижала к себе ребенка. — Нечего тебе приbedняться! Правда, ты потеряла мужа, но в битве при Шайрмуре убитых было видимо-невидимо. А свинья твоя, сдается мне, вот-вот издохнет... Но этому горю я, пожалуй, могу помочь. Только сначала скажи, что ты мне дашь, если я ее вылечу.

— Все, чего вы только пожелаете, ваша милость!

Молодая вдова до того обрадовалась, что и не подумала, как неосторожно делать такие посулы.

— Прекрасно, — отозвалась старуха и, ни слова больше не вымолвив, пошла прямо в свиной хлев.

Там она немного постояла и поглядела на больную свинью. Все это время она раскачивалась из стороны в сторону и что-то бормотала. Но молодая вдова почти ничего не могла понять. Только расслышала, как старуха прошептала:

Туда-сюда,

Святая вода.

Но вот старуха вынула из кармана крошечную склянку с какой-то жидкостью, с виду похожей на льняное масло, выгащила пробку и окунула в склянку свой длинный тонкий палец. Потом дотронулась этим пальцем до рыла, ушей и закрученного хвостика свиньи. И свинья тотчас же вскочила, радостно хрюкнула и побежала к корыту посмотреть, нет ли там поила.

У хозяйки Киттлармпита прямо гора с плеч свалилась. «Ну, теперь заплачу за аренду!» — подумала она. Бедняжка так обрадовалась, что кинулась было целовать подол зеленого платья своей диковинной гостью, но та ее остановила.

— Нет, нет, — еще резче, чем раньше, проговорила старуха. — Мне твоя благодарность ни к чему. Но ты помнишь, как мы с тобой торговались? Я свое дело сделала — вылечила свинью; теперь твой черед. Дай мне то, чего я желаю, — сына своего дай!

Бедная вдова жалобно вскрикнула. Она уже догадалась, что старуха в зеленом платье — фея, да к тому же — злая фея. А не то она не стала бы отнимать ребенка у матери. Но просить и молить о пощаде было уже поздно. Фея, жестокая и непреклонная, стояла на своем.

— Ты обещала дать мне то, чего я пожелаю, — говорила она. — Я пожелаю взять твоего сына, и сына твоего я получу. Так что нечего хныкать — толку все равно не будет. Но кое-что я тебе скажу — я знаю, тебе это все равно не поможет. По закону Страны Фей, я не могу взять у тебя ребенка раньше, чем на третий день после нынешнего. А если ты к этому времени узнаешь, как меня зовут, я и тогда не смогу его забрать. Но ты не сможешь узнать мое имя — в этом я уверена... Итак, я приду за ребенком через два дня на третий.

Тут фея обогнула свиной хлев и скрылась из виду, а бедная молодая мать замертво упала на землю.

Весь этот день и весь следующий она просидела у себя на кухне — все плакала и крепко прижимала ребенка к груди. Но в канун того дня, когда фея должна была вернуться, бедняжке захотелось пойти подышать свежим воздухом. И вот она пошла погулять в еловый лес, что рос за усадьбой.

А в этом лесу была заброшенная каменоломня и на ее дне — родничок с прозрачной чистой водой. Молодая вдова шла по краю каменоломни, как вдруг до нее донеслось жужжание прялки и чье-то пение. Сначала она не могла понять, откуда доносятся эти звуки, потом догадалась, что со дна каменоломни.

Тогда молодая мать положила ребенка под ближнее дерево, потом осторожно раздвинула кусты, на коленях подползла к самому краю каменоломни и заглянула в нее. И тут она прямо глазам своим не поверила. Ведь там внизу, на самом дне, у родника сидела злая фея в своем зеленом платье и высокой войлочной шляпе и быстро-быстро пряла на маленькой прялке. А пела она вот что:

Хозяйка этого дома не знает,

Что Уйппети Стури меня прозывают.

Молодая мать чуть не вскрикнула от радости — ведь она узнала тайну феи и поняла, что теперь ее ребенок спасен. Но она боялась, как бы жестокая старуха не заметила ее и не околдовала злыми чарами. И вот она тихонько поползла обратно к ребенку, взяла его на руки и побежала

по лесу домой. Она смеялась, и пела, и подбрасывала в воздух сынишку, и вообще так ликовала, что, если бы ее кто-нибудь встретил, наверное, подумал бы, что она помешалась.

Надо сказать, что в девушках молодая вдова была веселая. Да и теперь была бы веселой, если бы не довелось ей хлебнуть столько горя в замужестве. А горе ее и состарило, и образумило раньше времени. Но теперь она подумала: «Надо мне сначала немножко подразнить фею, а потом уже сказать, что я узнала ее имя».

На другой день она в назначенный час вышла из дому с ребенком на руках и опять села на большой камень. А как только увидела, что старуха поднимается к усадьбе по горному склону, смяла свой чистый чепчик, исцарапала себе лицо и горько зарыдала, — словом, притворилась, что не помнит себя от горя.

Однако злая фея не обратила на это внимания. Она подошла вплотную к молодой женщине и проговорила резким непреклонным голосом:

— Хозяйка Китттрампита, ты знаешь, зачем я пришла! Давай ребенка!

Тут молодая мать сделала вид, что пришла в полное отчаяние. Она упала на колени перед злой старухой и взмолилась:

— О милостивая госпожа, пощадите моего младенца! Вместо него лучше возьмите свинью!

— В тех краях, откуда я пришла, мы в ветчине не нуждаемся, — отрезала фея. — Давай-ка мальчишку, и я уйду. Некогда мне тут с тобой болтать!

— О дорогая леди, — плакалась молодая хозяйка Китттрампита, — если уж не хотите свиньи, возьмите меня вместо моего бедного малыша!

Фея удивленно посмотрела на нее и сделала шаг назад.

— Ты что — с ума сошла, женщина? — надменно воскликнула она. — Как ты смеешь мне предлагать себя? Да кому ты нужна, такая безобразная, красноглазая замарашка?

Надо сказать, что молодая хозяйка Китттрампита не была красавицей, да никогда и не считала себя красивой. Но слова феи так ее рассердили, что она не утерпела и сказала:

— Вы правы, прекрасная госпожа. Надо мне было самой догадаться, что такая, как я, не достойна даже завязать шнурки на башмаках высокородной и всесильной принцессы Уйппети Стури!

Ну, будь в этом дворе зарыт громадный запас пороха и взорвись он внезапно у самых ног злой феи, она и то не смогла бы подпрыгнуть так высоко, как подпрыгнула в этот миг.

А когда фея вновь коснулась ногами земли, она тотчас повернулась и побежала вниз по склону, визжа от злости и досады. Ни дать ни взять «сова, за которой ведьмы гонятся», как сказано в одной старинной книге.

Сказки про чудищ

Морег и Водяной Конь

Когда наступают теплые дни и папоротник темнеет под летним солнцем, горцы-фермеры, по древнему обычаю, ведут стада в горы, на летние пастбища. Там они отпирают двери своих летних хижин и живут в них, пока не придет пора возвращаться домой.

Много лет назад жил-был один фермер по имени Доналд Мак-Греггор. Его летник стоял в глухом месте, на склоне горы, у подножия которой лежало большое озеро. Хижина у Доналда Мак-Греггора была маленькая, белая, и вокруг нее простирались поросли вереска, а внизу, под горой, росла пышная трава. Там было богатое пастбище для его скота. Однако люди не завидовали Мак-Греггору. Больше того, они с осуждением покачивали головами и говорили ему, что напрасно он построил себе хижину в таком месте. А по вечерам, когда уже темнело, ни один человек не отваживался даже ступить на тропку, что к ней вела. Ведь все знали, что в глубинах большого озера обитает страшное чудище — Водяной Конь — и оно рыщет по окрестным горам.

Никто не знал, какое оно, это чудище. Те, кому случалось увидеть, как страшилище поднимается из темных вод озера, умерли от страха и ничего не смогли рассказать про него. Когда же чудище рыскало по горам, оно принимало разные обличья и являлось то в виде старухи, то в виде черного ворона, то в виде лисицы с хитрыми глазами. А в своем настоящем виде оно появлялось, только когда подкрадывалось к добыче, чтобы схватить ее и безжалостно растерзать.

Ходили слухи, что Водяной Конь громаден и черен, что на чудовищной его голове торчат два острых сатанинских рога, а когда он мчится по вереску, его не догонит и ветер.

Много ходило рассказов про это страшилище, и каждый год оно губило новые жертвы. Но, наперекор всему, Доналд Мак-Грегор не слушал соседей, когда они говорили, что опасно-де жить так близко от озера. Ему советовали перенести его летник на другой берег того ручья, что протекал неподалеку. Ведь известно было, что Водяной Конь не может перешагнуть через текучую воду, а значит, ему недоступна вся местность за ручьем. Но на все уговоры Доналд Мак-Грегор отвечал, что хочет пасти свой скот на самом лучшем пастбище, а самое лучшее пастбище как раз на берегу озера.

— Что до Водяного Коня, — говорил он, — то я поверю в него не раньше, чем встречусь с ним.

Когда же ему напоминали о злополучных жертвах чудища, он возражал:

— Если эти люди пропали без вести, значит, они слишком загостились у соседей. Возвращались домой под хмельком, споткнулись где-нибудь в темноте, ну и свалились в пропасть.

Но в конце концов пришлось ему признать, что он был неправ, и вот как это случилось.

У Доналда Мак-Грегора была дочь Морег, и отец нежно любил ее. Каждый год она уходила вместе с ним на летние пастбища и все длинные светлые дни просиживала у порога хижины за прялкой. Когда же наступали сумерки и лиловые тени на вереске сгущались, девушка спускалась на берег озера и сзывала свое стадо. Она босиком бежала с горы, уговаривая себя, что бояться нечего, — ведь отец не раз говорил ей, что ничего страшного тут нет. Но все-таки дрожь пробегала у нее по телу, когда она смотрела на темные воды озера, лизавшие травянистые берега, и опасливо вглядывалась в тени прибрежных рябин. Но домой она всегда возвращалась благополучно. А днем все ее страхи пропадали. Она даже пела песни, когда сидела на солнышке за прялкой.

Как-то раз ясным утром, когда Морег беззаботно вертела колесо своей прялки, перед нею вдруг возникло что-то темное и заслонило от нее солнце. Девушка оборвала песню и вскрикнула.

— Я не хотел тебя пугать! — послышался ласковый голос.

Морег подняла глаза и увидела, что перед нею стоит молодой человек, высокий, красивый, широкоплечий и, должно быть, очень сильный.

Но он казался каким-то странным. Волосы и одежда у него были темные и такие мокрые, что с них вода капала.

— Как это ты ухитрился так вымокнуть? — спросила его Морег. — Ведь на небе — ни облачка!

— Да вот шел я по берегу одного озера, высоко в горах, — недолго думая, отвечал молодой человек, — поскользнулся и упал в воду. Ничего, на солнышке я скоро обсохну.

Он сел на землю у ног Морег и принялся болтать с нею, да так весело, что она даже перестала прясть. Однако, несмотря на его любезное обхождение, и ласковые речи, и нежные взгляды, было в нем что-то странное, и Морег это чувствовала, но старалась об этом не думать.

Но вот солнце озарило голову молодого человека, и он запустил руки в свои мокрые кудри.

— Положи голову ко мне на колени, — сказала Морег, — я приглажу тебе волосы.

Молодой человек положил голову на колени Морег, и она принялась осторожно расчесывать гребенкой его темные кудри. Но вдруг замерла в ужасе.

Она увидела, что между зубьев гребенки застряли тонкие зеленые водоросли и тина. Они были ей хорошо знакомы — точно такие же водоросли и тина запутывались в сетях ее отца, когда он ловил рыбу в большом озере под горой. И вот теперь они оказались в волосах незнакомца.

«Полно, да разве он человек? — подумала Морег. — Нет, это страшный Водяной Конь. Вышел из подводного логова и прикинулся молодым красавцем, чтобы зачаровать и погубить меня».

Тут Водяной Конь заметил ужас в глазах девушки. А Морег со страшным криком столкнула с колен темнокудрую голову, вскочила, опрокинув прялку, и бросилась бежать. Не помня себя она бежала вниз по крутому склону, а за нею, страшная при свете солнца, гналась огромная тень. И тень эта была темнее самых глубоких вод большого озера.

Но Морег оказалась счастливей других жертв Водяного Коня. Ему не удалось догнать девушку — она успела добежать до ручейка, что журчал близ озера. И как только перепрыгнула через текучую воду, опасность миновала.

С тех пор ни один человек не переступал порога белой хижины, что стояла на горном склоне, над колдовским озером. Не заходил в нее

и сам хозяин — Доналд Мак-Грегор. Он так напугался, когда дочь его чуть не погибла, что с того дня уже не высмеивал рассказов про Водяного Коня.

А развалины белой хижины до сих пор стоят в чаще кудрявого папоротника.

Ассипатл и Владыка Морской Змей

Давным-давно жил-был на севере Шотландии один зажиточный фермер. У него было семеро сыновей и одна дочь. И младшему сыну люди дали очень странное прозвище — его прозвали Ассипатл, что значит «Тот, кто валяется в золе».

Пожалуй, Ассипатл заслужил эту кличку. Мальчишка он был ленивый — не хотел работать на ферме, как работали его братья. Целый день где-то носился, оборванный, нечесаный, и на уме у него были только тролли да великаны, эльфы да гномы.

В длинные летние дни, когда припекало солнце, когда пчелы жужжали, навевая дремоту, и даже крошечные насекомые двигались, словно во сне, мальчик укладывался на кучу золы во дворе фермы. Там он лежал часами, пересыпал золу между пальцами, как песок на морском берегу, грелся на солнышке и сам себе рассказывал сказки.

А братья его тем временем усердно работали в поле. Они показывали пальцами на Ассипатла, смеялись над ним и говорили друг другу, что люди недаром прозвали его «Тот, кто валяется в золе». Совсем никудышный малый!

Когда старшие братья возвращались домой с работы, они гоняли младшего по поручениям и дразнили его, а мать заставляла его подметать полы, носить торф из торфяной кучи и воду из колодца и вообще выполнять такую работу, за какую никто другой не хотел браться.

Тяжело жилось Ассипатлу. Частенько ему приходилось бы совсем туго, если бы не сестра. Она его очень любила и терпеливо слушала его рассказы. И она никогда не смеялась над ним, не говорила, как братья, что он «все врет».

Но вот пришла беда. По крайней мере — для несчастного Ассипатла.

У короля той страны, где жила семья фермера, была только одна дочь — принцесса Джемделавли. Отец горячо любил ее и ни в чем ей

не отказывал. Случилось так, что принцессе Джемделавли понадобилась прислужница. Однажды принцесса ехала верхом мимо фермы и увидела сестру Ассипатла, когда та стояла у калитки. Девушка понравилась принцессе, и она попросила отца взять ее в услужение.

Король согласился сразу — он выполнял все желания дочери. Вскоре на ферму примчался вестник и передал фермеру приказание короля отпустить дочь во дворец.

Фермер очень обрадовался, что дочери его выпало такое счастье. Обрадовались и мать ее, и шестеро братьев — словом, все домочадцы, кроме Ассипатла. А он с грустью смотрел вслед сестре, когда та уезжала верхом на коне, гордясь своим новым нарядом и башмачками. Эти башмачки отец сам ей сшил из коровьей кожи, чтобы она носила их, когда приедет во дворец и начнет служить принцессе, — дома-то она всегда бегала босиком.

Шло время, и вот однажды королевский гонец проскакал во весь опор по стране со страшной вестью. Накануне вечером какие-то рыбки, что выехали на лодках в море, завидели издали Местера Стуруорма, а все знают, что это — самый большой, самый главный и самый прославленный из всех Морских Змеев. В Писании он назван Левиафаном, и живи он в наши дни, хвост его протянулся бы до Исландии, в то время как морда касалась бы Нордкапа.

Рыбаки видели, как страшное чудовище повернуло морду к берегу и то и дело открывало пасть и злое зевало. Оно словно хотело показать, что проголодалось и, если его не накормят, оно погубит всех на земле — человека и зверя, птицу и ползучих тварей.

Все знали, что дыхание Змея отравлено ядом и как огнем опаляет все, на что он дышит. Вдумай это страшное чудовище поднять голову и дохнуть губительным паром на сушу, цветущая страна через несколько недель превратилась бы в пустыню.

Когда разнеслась эта весть, люди помертвели от ужаса — ведь они знали, какая великая беда им грозит. Король созвал всех своих советников и попросил их придумать, как помочь горю.

Целых три дня совещались эти важные бородатые мужи. Многое они предложили, много мудрых суждений высказали, но — увы! — так и не смогли придумать, как прогнать Морского Змея.

Наконец к вечеру третьего дня, когда все уже перестали надеяться на спасение, дверь в палату совещаний открылась, и вошла королева.

Надо сказать, что королева была вторая жена короля. В народе ее не любили, потому что она была женщина надменная и резкая. Падчерицу свою, принцессу Джемделавли, она ненавидела, а с мужем своим, королем, беседовала гораздо реже, чем с одним знаменитым волшебником, которого все боялись.

Степенные советники неодобрительно посмотрели на королеву, когда она смело вошла в палату совещаний, стала у трона и заговорила громким голосом:

— Вы думаете, старейшины, что вы храбры и сильны и способны защищать народ. Может, и так, когда вам приходится бороться со смертными. Но тот враг, что теперь угрожает нашей стране, вам не по плечу. Перед ним ваше оружие все равно что солома. Не силою рук можно его победить, а колдовством. Итак, выслушайте мои слова, хоть я и женщина. Посовещуйтесь с великим волшебником. От него ничто не скрыто. Он знает все тайны земли, воздуха и моря.

Ни королю, ни его приближенным этот совет не понравился. Волшебника они ненавидели. И к тому же им было известно, что королева в его власти. Но ведь сами они ничего не могли придумать и не знали, где искать помощи. Вот и пришлось им волей-неволей послушаться королевы и послать за колдуном.

Когда же он явился на зов и сел среди них, им стало не по себе. Это был длинный, тощий, страшный человек; борода его свисала до колен, волосы окутывали его, словно плащом, а лицо у него было блее извести. Казалось, он боялся солнца и всю жизнь просидел в темноте.

Советники и король смотрели на него косо. Но ведь никто другой не мог им помочь. Поэтому они рассказали ему все и попросили у него совета и помощи. Колдун холодно ответил, что подумает, а завтра снова придет в палату совещаний и скажет, что надо делать.

На другой день он пришел и подал такой совет, что волосы у всех стали дыбом от ужаса.

— Только одним можно умиловить Великого Змея и спасти страну, — сказал волшебник. — Надо каждую субботу бросать ему на съедение семерых молодых девушек, самых красивых. Попробуйте сделать это два-три раза, и если Морской Змей не смилуетсЯ и не уплывет прочь, тогда придется прибегнуть к другому, уже последнему средству. Но оно так ужасно, что пока не стоит о нем говорить, чтобы не пугать людей раньше времени.

Что было делать королю и советникам? Они и ненавидели волшебника, и боялись его. Но как ни тяжело им было, пришлось его послушаться. И король поневоле издал жестокий указ.

И вот каждую субботу королевские слуги хватали семерых прекрасных, ни в чем не повинных девушек, приносили их на берег, связанных по рукам и ногам, и оставляли одних на утесе, что вдавался в море. Чудовище протягивало свой длинный раздвоенный язык и слизывало девушек себе в пасть, а народ в ужасе смотрел на это с вершины высокого холма. Вернее — мужчины смотрели с каменными лицами, а женщины закрывались передниками и громко рыдали.

— Неужто нет никакого другого средства? — кричали они. — Неужто нельзя спасти страну как-нибудь иначе?

Но мужчины только стонали и качали головой.

— Нет другого средства, — говорили они, — нет!

И вот как-то раз негодующий детский голос прозвучал в толпе:

— Разве нет среди вас взрослого мужчины, готового сразиться с чудовищем, убить его и спасти жизнь девушкам? Если нет, за это возьмусь я. Я не боюсь Местера Стуруорма.

Это крикнул мальчик Ассипатл, и все удивленно оглянулись на него. А он смотрел на громадного Морского Змея, гневно сжав кулаки, и его большие голубые глаза сверкали, полные жалости и возмущения.

— Бедный малый с ума сошел! Разум у него помутился от этого зрелища, — перешептывались люди.

Они окружили мальчика, чтобы приласкать его и успокоить, но тут подошел старший брат Ассипатла и отвесил ему оплеуху.

— Тебе сразаться с Морским Змеем! — презрительно крикнул он. — Как бы не так! Ступай домой, заройся в свою золу и перестань болтать чушь.

Он схватил Ассипатла и потащил к братьям, и потом все они пошли домой.

Но Ассипатл все время твердил, что убьет Морского Змея, а старшие братья до того рассердились на «хвастунишку», что принялись бросать в него камнями, и мальчику пришлось спасаться бегством.

В тот же вечер шестеро братьев молотили рожь в риге, Ассипатл, как всегда, лежал в золе и думал свою думу, пока не пришла его мать и не приказала ему сбежать к братьям и позвать их ужинать.

Ассипатл встал — он ведь был довольно послушный сын. Но едва он вошел в ригу, братья бросились на него, в отместку за то, что он убежал

от них днем, сшибли его с ног и так завалили соломой, что, не приди сам фермер узнать, почему они так замешкались, Ассипатл, пожалуй, задохнулся бы.

За ужином мать стала бранить старших сыновей. Она говорила, что только трусы набрасываются всем скопом на того, кто моложе и меньше их. Тут Ассипатл перестал есть овсянку, поднял глаза и сказал:

— Не огорчайся, мать! Я сам не хотел с ними драться. А захотел бы, так всех бы отколотил.

— Почему ж ты не попробовал? — закричали братья.

— Потому что не хочу попусту тратить силы. Они мне понадобятся, когда я пойду сражаться с громадиной Змеем, — спокойно ответил Ассипатл.

Тут уж все его родные захохотали пуще прежнего.

А время все шло. Каждую субботу семерых девушек бросали чудищу на съедение. И наконец в народе заговорили, что пора с этим покончить, а не то в стране не останется ни одной девушки.

Король опять созвал своих старейшин. Они долго совещались и решили, что надо еще раз послать за волшебником и спросить у него, какое другое, последнее, средство он знает.

— Что бы это ни было, — говорили старейшины, — хуже, чем мы поступаем теперь, поступить нельзя.

Но они не знали, чем грозит новое средство.

Надо сказать, что жестокая королева ненавидела свою падчерицу, принцессу Джемделавли, и злому волшебнику это было известно. Знал он и то, что королева не прочь совсем избавиться от падчерицы; вот он и придумал, как ему угодить королеве. Он явился на совещание, притворяясь очень огорченным, и сказал, что остается сделать только одно: отдать принцессу Джемделавли Морскому Змею. Тогда уж он наверное уплывет.

Как только он это сказал, зловещая тишина наступила в палате совещаний. Все закрыли себе лица руками, потому что никто не решался взглянуть на короля.

Король нежно любил свою дочь и берег ее как зеницу ока. Но он был справедлив и понимал, что нельзя щадить свое родное дитя, когда заставляешь других отцов жертвовать дочерьми ради спасения родины.

Он пошел к принцессе и поговорил с нею. Потом вернулся к старейшинам и дрожащим голосом объявил, что и он сам, и его дочь готовы на жертву.

— Она мое единственное детище, — сказал король, — она последняя в нашем роду. Однако оба мы полагаем, что ей нужно отдать жизнь ради спасения родной страны.

Соленые слезы потекли по щекам суровых бородатых мужей, когда они выслушали короля. Ведь все они знали, как ему дорога принцесса Джемделавли. Однако они нашли, что слова короля — это мудрые слова и что решение он принял верное и справедливое. Конечно, лучше погибнуть одной девушке, хоть она и королевской крови, чем толпам других девушек погибать неделя за неделей и — без всякой пользы.

Тяжело вздыхали советники. И вот престарелый законник, глава Королевского совета, встал, чтобы произнести смертный приговор принцессе. Но он еще не успел вымолвить ни слова, как вдруг выступил вперед королевский оруженосец.

— Природа учит нас, что у каждого гада есть хвост, — сказал он. — Сейчас наш законник произнесет приговор, а приговор этот — поистине ядовитый гад. Значит, у него должен быть хвост. И вот какой хвост: если Владыка Морской Змей поглотит принцессу, но не удалится немедленно, следует угостить его уже не девушкой, нежной и юной, а вот этим тощим, жестким, старым колдуном!

Не успел он это сказать, как раздались столь громкие возгласы одобрения, что злой волшебник весь съежился и его бледное лицо помертвело.

И вот приговор произнесли, но было решено, что его приведут в исполнение только через три недели, чтобы за это время король разослал своих послов во все соседние королевства. Послы должны были объявить, что любой храбрец, который сможет прогнать чудище и спасти принцессу, получит ее в жены. А в приданое за нею ему дадут все королевство и, кроме того, прославленный королевский меч, что в древности принадлежал скандинавскому богу Одину.

Этим мечом Один сражался и побеждал всех своих врагов. Меч назывался Сиккерснеппер, что значит «верноразящий», и ни один человек не мог устоять против него.

Слухи об этих решениях разнеслись по всей стране, и каждый человек в ней оплакивал принцессу Джемделавли — ведь ей грозила такая страшная гибель! Оплакивали ее и фермер, отец Ассипатла, и его жена, и шестеро их сыновей — словом, все домочадцы, кроме самого Ассипатла. А он сидел на куче золы и молчал.

Когда же в соседних королевствах узнали про воззвание короля, все молодые храбрецы востреплились. Им казалось, что убить морское

чудище не так уж трудно, а прекрасную жену, цветущее королевство и добрый меч найдешь не каждый день.

И вот тридцать шесть воинов прибыли в королевский дворец, и каждый твердо надеялся получить обещанную награду.

Но король послал их всех посмотреть на громадного Змея, что лежал в море, разевая необъятную пасть. И когда воины увидели его, двенадцать человек из них внезапно занемогли, а двенадцать так испугались, что пустились бежать без оглядки и ни разу не остановились, пока не добрались до своих родных мест. Итак, лишь двенадцать из тридцати шести храбрецов вернулись в королевский дворец, но и эти до того приуныли, когда поняли, какой подвиг взялись совершить, что храбрости их как не бывало. Ни один даже не попытался убить Морского Змея.

Три недели прошли медленно. И вот наступил вечер накануне того дня, когда должны были принести в жертву принцессу. В тот вечер король решил хоть немного развлечь своих гостей и устроил торжественный ужин.

Невеселый это был пир — все только и думали о том, какое страшное дело должно свершиться завтра, и никто не мог ни есть, ни пить.

А когда ужин кончился и все отошли ко сну, кроме короля и его старого оруженосца, король вернулся в главный зал и медленно взошел на свой трон, стоявший на высоком помосте. Этот трон был непохож на теперешние: это был просто огромный ларь, и в нем король хранил все самые дорогие свои сокровища.

Дрожащими руками отодвинул старый король железные засовы, поднял крышку ларя и вынул чудесный меч Верноразящий, тот, что некогда принадлежал богу Одину.

Преданный оруженосец когда-то бился плечом к плечу с королем в сотнях битв и теперь смотрел на него с великим состраданием.

— Зачем ты вынул свой меч? — тихо спросил он. — Ведь для тебя дни битв миновали. Ты доблестно сражался, господин мой, когда рука твоя была сильной и верной. Но когда воину восемь десятков лет да еще шестнадцать, как исполнилось тебе, пора ему посылать в бой других людей, помоложе.

Старый король в гневе повернулся к нему, и глаза его загорелись, как в былые дни.

— Замолчи! — крикнул он. — Не то я подниму свой меч на тебя. Неужто ты думаешь, что я отдам на съедение чудищу свою единственную дочь, а сам и пальцем не пошевелишу, чтобы ее спасти, когда никто

другой за это не берется? Говорю тебе, нет, — клянусь на этом мече, — и он скрестил большие пальцы обеих рук на Верноразящем, — что и меч и я, мы погибнем, прежде чем хоть волос упадет с головы моей дочери. Итак, ступай, мой старый товарищ, прикажи приготовить мою ладью, поставить на ней паруса и повернуть ее носом к морю. Я сам пойду сражаться с Морским Змеем. А если я не вернусь, поручаю тебе защищать мою возлюбленную дочь. Гибель моя, может статься, спасет жизнь ей.

В тот вечер на ферме родителей Ассипатла люди улеглись спать рано, — наутро все домочадцы собирались подняться на вершину холма у моря, чтобы увидеть, как Морской Змей поглотит принцессу. Все, кроме Ассипатла: его решили оставить дома стеречь гусей.

Мальчик так огорчился, что не мог спать, — ведь он задумал большое дело! Он ворочался с боку на бок в своем углу на куче золы и вдруг услышал, как его родители разговаривают, лежа на своей широкой кровати. Ассипатл прислушался и понял, что они ссорятся.

— До холма над морем очень уж далеко, — говорила мать Ассипатла. — Боюсь, что пешком мне туда не добраться. Лучше останусь дома.

— Ну нет, — возразил отец. — С какой стати тебе сидеть дома, когда там вся округа соберется? Садись в седло ко мне за спину. Поедем вместе на моей доброй кобыле Быстроножке.

— Не хочется мне, чтобы ты беспокоился — брал меня с собой, — сказала его жена. — А потому не хочется, что, по-моему, ты меня уже не любишь так, как любил раньше.

— Да ты помешалась! — в досаде крикнул фермер. — Почему ты думаешь, что я тебя разлюбил?

— Потому что ты перестал рассказывать мне свои тайны, — ответила фермерша. — Да вот, недалеко ходить, возьмем хоть эту самую Быстроножку. Целых пять лет я умоляла тебя сказать мне, почему, когда ты сам едешь на ней верхом, она летит быстрее ветра, а если кто другой на нее сядет, она тащится, словно убогая старая кляча.

Фермер рассмеялся.

— Я не потому скрывал это от тебя, хозяйка, что мало тебя любил, — сказал он, — а потому, что мало тебе доверял. Ведь бабий язык болтает без удержу, а я не хотел, чтобы другие люди узнали про мою тайну. Но уж если это тебя огорчает, я, так и быть, скажу тебе все... Слушай! Когда я хочу остановить Быстроножку, я один раз хлопаю ее по левому боку. Когда хочу, чтобы она бежала, как бегут другие лошади, я два раза

хлопаю ее по правому боку. А уж когда мне нужно, чтоб она летела как ветер, я свищу в гусиное горлышко. Но ведь я не знаю, когда мне понадобится, чтобы она летела как ветер, и потому всегда ношу с собой гусиное горлышко в левом кармане куртки.

— Значит, вот как ты управляешься с этой лошастью, — сказала фермерша, очень довольная, — и вот куда у нас деваются гусиные горлышки! Ну и хитрец же ты, хозяин! А теперь, когда я про все узнала, можно мне и заснуть.

Ассипатл уже перестал ворочаться с боку на бок в золе. Он тихо сидел в своем уголке, и щеки у него горели, а глаза сверкали.

Мальчик понял, что наконец-то пришел его час.

Он терпеливо ждал, пока не догадался по дыханию родителей, что они заснули. Потом подкрался к отцовской одежде, вытащил гусиное горлышко из кармана куртки и бесшумно выскользнул из дому. А как только выбежал во двор, стрелой помчался на конюшню, оседлал и взнуздal Быстроножку, закинул поводья ей на шею и вывел ее за ворота.

Добрая кобылка не привыкла к Ассипатлу. Она становилась на дыбы, лягалась, рвалась вперед. Но мальчик вспомнил про слова отца и хлопнул ее по левому боку. Быстроножка тотчас стала как вкопанная. Ассипатл вскочил на нее, хлопнул ее два раза по правому боку, и добрая лошадь с громким ржанием побежала рысью.

Топот ее копыт в ночной тишине поднял на ноги весь дом. Фермер и шестеро его сыновей, спотыкаясь, помчались вниз по лестнице, в тревоге крича друг другу, что кто-то, должно быть, увел Быстроножку.

Фермер первый добрался до двери, и когда увидел при свете звезд, как убегает его любимая лошадь, заорал во весь голос:

— Вор! Вор! Держи вора! Тпру, Быстроножка, тпру!

Быстроножка услышала голос хозяина и сразу остановилась. «Ну, я пропал!» — подумал Ассипатл. Ведь он знал, что его отец и братья бегают быстро и вот-вот подбегут к нему. А Быстроножка — ни с места! Но, к счастью, он вспомнил про гусиное горлышко. Вынул его из кармана и свистнул. Резвая кобыла тотчас же рванулась вперед, помчалась быстро, как ветер, и одним скачком перемахнула через холм. Погоня и десятка шагов пробежать не успела, как осталась далеко позади.

Заря уже занималась, когда мальчик увидел море. Там, впереди, на волнах лежало громадное чудовище, и Ассипатл знал, что должен его убить, — затем он и примчался сюда издалека. Всякий сказал бы, что

глупо даже мечтать об этом. Ведь Ассипатл был щуплый, безоружный юнец, а Владыка Морской Змей был так велик, что, как говорили люди, длина его равнялась четверти земной окружности. Язык его был раздвоен на конце и походил на вилы. И этими вилами он мог ухватить все, что хотел, сунуть себе в пасть и сожрать. Однако Ассипатл не испугался — под его лохмотьями билось сердце героя.

«Ну, брат, теперь берегись! — сказал он себе. — Не хватает силы — выручит хитрость».

Ассипатл соскочил с Быстроножки, привязал добрую лошадь к дереву, а сам пошел пешком, внимательно глядя по сторонам. И вот он заметил на опушке леса небольшой домик.

Дверь его была не заперта. Мальчик вошел и увидел, что старуха хозяйка крепко спит на кровати. Он не стал ее беспокоить, сам снял с полки чугунок и внимательно осмотрел его.

«Это мне пригодится, — подумал он, — а старушка, наверное, не рассердится, когда узнает, что я взял чугунок, чтобы спасти жизнь принцессе».

Потом он вытащил из очага кусок рдеющего торфа, сунул его в чугунок и пошел своей дорогой.

В море, у самого берега, он увидел королевскую ладью. Она была уже под парусами, и нос ее был повернут в сторону Владыки Морского Змея. Ладью сторожил лодочник.

— Какое холодное утро! — сказал ему Ассипатл. — Неужто ты тут не замерз? Хочешь, пойди на берег, пробегись и согрейся, а я сяду в ладью и буду ее сторожить, пока ты не вернешься.

— Как бы не так! — возразил лодочник. — А что скажет король, если он сейчас придет? Увидит, что я оставил его славную ладью под охраной такого сопляка, как ты, а сам греюсь на песочке, и что тогда будет? Пожалуй, голову снесут!

— Как хочешь, — небрежно бросил Ассипатл и принялся что-то искать на берегу среди камней. — А я пока поищу хороших ракушек и зажарю их себе на завтрак.

И вот мальчик набрал ракушек, а потом начал рыть ямку в песке, чтобы положить туда рдеющий торф. Лодочник с завистью смотрел на него: ему тоже захотелось есть.

Но вдруг Ассипатл закричал и запрыгал:

— Золото, золото! Клянусь богом Тором, кто бы подумал, что здесь найдется золото?!

Тут уж лодочник не выдержал — позабыл и про короля, и про свою голову. Выскочил из ладьи, отпихнул Ассипатла и стал торопливо рыться в песке.

Тогда Ассипатл схватил свой чугунок, вскочил в ладью, оттолкнул ее от берега и успел проплыть по морю полмили, прежде чем лодочник понял, как его одурачили. Ведь он, конечно, не нашел никакого золота.

Лодочник очень рассердился, а старый король рассердился еще больше, когда вместе с придворными спустился на берег. В руке у него был славный меч Верноразящий — ведь он все еще лелеял несбыточную надежду, что ему, слабому, дряхлому старику, удастся победить чудище и спасти дочь.

Но теперь, когда ладья уплыла, даже эта надежда угасла. Королю оставалось только стоять на берегу среди все прибывающей толпы подданных и ждать, что будет. И вот что было.

Ассипатл медленно плыл по морю, не отрывая глаз от Морского Змея. Вскоре он заметил, что страшное чудище время от времени зевает, словно ждет не дождется кормежки. И всякий раз, как оно зевало, громадный поток воды устремлялся ему в глотку, затем снова выливался наружу через огромные жабры.

И вот храбрый мальчик спустил парус и направил нос ладьи прямо к пасти чудища. Как только оно зевнуло опять, ладью вместе с мальчиком втянуло в пасть, и они провалились через глотку Морского Змея в его темную утробу. Ладья плыла там все дальше и дальше, но вскоре вода стала убывать и выливаться из громадных жабр Змея. Наконец ладья как бы стала на мель. Тут Ассипатл выскочил из нее с чугуном в руках и побежал на поиски.

Немного погодя он добрался до печени чудища. А он знал, что в рыбьей печени много жира. Мальчик прокопал в ней дырку и сунул туда рдеющий торф.

Какой тут вспыхнул пожар! Ассипатл едва успел вовремя вскочить в ладью — у Морского Змея начались такие судороги, что он отрыгнул ладью, и ее выбросило прямо на сушу целую и невредимую.

На море поднялось такое волнение, что и королю, и его дочери (она к тому времени уже сошла на берег, одетая, как невеста, в белое платье), и всем придворным, и всем деревенским жителям пришлось искать убежище на вершине холма. С этого безопасного места они теперь смотрели на море, ожидая, что будет дальше.

А Владыка Морской Змей заметался во все стороны, извиваясь и корчась. Он высунул из воды свою отвратительную голову, а язык его взметнулся и с такой силой ударил по земле, что прорыл в ней огромную трещину. В эту трещину хлынуло море, и оно образовало кривой пролив, который теперь отделяет Данию от Швеции и Норвегии.

Потом у чудища выпало несколько зубов. Они не потонули, но образовали острова, которые теперь называются Оркнейскими островами. Немного погодя у чудища выпало еще несколько зубов, и они тоже превратились в острова. Их мы теперь называем Шетландскими островами.

Затем Змей свернулся в комок и издох. Этот комок превратился в остров Исландию. В недрах его все еще горит огонь — тот самый огонь, который когда-то зажег Ассипатл куском рдеющего торфа. Вот почему в этой холодной стране иные горы извергают пламя.

Когда все наконец поняли, что Владыка Морской Змей действительно мертв, король, не помня себя от радости, обнял Ассипатла, поцеловал его и назвал своим сыном. Он снял с себя королевскую мантию, надел на мальчика и опоясал его своим добрым мечом Верноразящим. Затем позволил дочь, принцессу Джемделавли, вложил ее руку в руку Ассипатла и объявил, что, когда придет время, она станет женой этого героя, и он будет правителем всего королевства.

Тут все сели на коней, причем Ассипатл ехал верхом на Быстроножке рядом с принцессой, и, счастливые, вернулись в королевский дворец.

Но как только они подъехали к воротам, навстречу им выбежала прислужница, сестра Ассипатла. Она попросила принцессу наклониться и прошептала ей что-то на ухо.

Лицо у принцессы потемнело; она повернула назад свою лошадь, поскакала к отцу — он вместе с придворными ехал позади — и передала ему слова прислужницы. Лицо короля тоже потемнело, как грозовая туча.

Вот что оказалось: жестокая королева обрадовалась, что навсегда избавилась от падчерицы, и все утро миловалась со злым волшебником, благо старый король уехал.

— Его надо тотчас же казнить! — воскликнул король. — Нет ему прощения!

— Трудно будет найти его, ваше величество, — сказала прислужница. — Вот уже час, как он бежал вместе с королевой на самых резвых конях, какие только нашлись в конюшне.

— А я догоню его! — крикнул Ассипатл и быстрее ветра помчался за беглецами на своей доброй кобыле Быстроножке.

Вскоре он их почти догнал, выхватил свой меч и громко приказал им остановиться.

Они услышали крик, обернулись и расхохотались, увидев, что это всего лишь тот мальчик, что всегда валяется в золе.

— Дерзкий мальчишка! Я его проучу! — крикнул волшебник и ринулся навстречу Ассипатлу.

Он никогда не был воином, но знал, что обычное оружие не может повредить его заколдованному телу, и ничего не боялся.

Но он не знал, что Ассипатл держит в руке тот самый меч, каким великий бог Один победил всех своих врагов. Мальчик одним ударом меча сразил волшебника, и тот мертвый свалился с коня.

Тут подъехали придворные. Они тоже пустились в погоню, но лошади у них были не такие резвые, как Быстроножка. Придворные схватили за повод коня королевы и отвели его вместе со всадницей ко дворцу.

Королеву привели в совет, судили и повелели заточить ее в высокой башне. Там она и протомилась до конца своих дней.

Когда Ассипатл стал взрослым, он женился на принцессе Джемде-лави, и множество гостей пировало и веселилось на их свадьбе. Когда же старый король умер, молодые заступили его место и долгие годы правили королевством.

Сказки про великанов

Принц и дочь великана

Давным-давно, когда на земле еще не перевелись великаны, в Тетертауне правил король, и был у него сын Айен. Как-то раз королевич пошел на охоту. Вдруг видит — на дереве змея. Подкралась к ворону и вот-вот укусит его. Айен схватил свою пращу, запустил в змею камнем, и она мертвая свалилась на землю. А ворон в тот же миг превратился в красивого юношу с черными блестящими волосами и темными глазами. Он с благодарностью посмотрел на своего спасителя и сказал:

— Тысячу раз благодарю тебя, королевич, за то, что ты меня расколдовал и я из ворона стал опять человеком. Вот возьми этот узелок и ступай своей дорогой. — Тут юноша протянул Айену какой-то предмет с острыми углами, завернутый в тряпку. — Но помни: узелок развяжи только там, где тебе больше всего хотелось бы жить.

И юноша скрылся из виду за гребнем горы.

Королевич пошел домой, но ему не терпелось узнать, какой подарок он получил. Узелок был очень тяжелый, и когда Айен подошел к густому темному лесу, что рос за несколько миль от его отчего дома, он решил присесть и отдохнуть.

«Ну теперь уж наверное ничего страшного не случится, если я только загляну в узелок и посмотрю, что там такое», — подумал королевич.

Не утерпел и развязал узелок. И вдруг перед Айеном возник огромный замок, какого он в жизни не видывал. Башенки замка

вздymались выше самых высоких деревьев, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады.

Айен прямо залюбовался этим замком. Но вдруг сообразил, какую глупость сделал, что не поборол любопытства.

«Надо мне было подождать до той красивой зеленой ложины, что напротив нашего дома, — сокрушался он. — Ведь больше всего мне хотелось бы жить там. Эх, если б можно было опять завернуть замок в тряпку и отнести туда!»

И вдруг слышались чьи-то шаги, да такие тяжелые, что даже деревья в лесу закачались. Ветви их трепетали, земля тряслась, и вот уже вдали показался громадный великан с огненно-рыжими волосами и бородой.

— Напрасно ты построил себе дом здесь, королевич, — заревел он. — Ведь эта земля моя!

— А мне вовсе и не хочется, чтобы дом мой стоял здесь, — молвил Айен. — Да только не могу я опять завернуть его в тряпку и унести.

Тут великан ухмыльнулся в свою рыжую бороду и сказал:

— Какую награду дашь ты мне, королевич, если я сам заверну твой замок в тряпку?

— А какой награды ты просишь? — спросил Айен.

— Отдай мне своего первенца, когда ему исполнится семь лет, — ответил великан.

У Айена пока не было ни жены, ни детей, и он охотно согласился.

— Только-то? — сказал он. — Пожалуйста! Первенца моего ты получишь.

Великан тотчас схватил замок вместе с пышными цветниками и зелеными садами и завернул все это в тряпку, а королевич взял узелок и отправился домой.

Как только Айен дошел до красивой зеленой ложины, что была перед его отчим домом и где ему так хотелось жить, он тотчас развязал узелок. И вот в ложине возник замок, а вокруг него раскинулись пышные цветники и зеленые сады. Айен очень обрадовался. Распахнул огромную дверь замка и вошел в большой зал. В зале стояла красивая девушка с ясными глазами. Она улыбнулась Айену и сказала:

— Подойди ко мне, королевич! Все здесь к твоим услугам, если ты согласен жениться на мне сегодня же вечером.

Королевич был рад жениться на такой красавице. Их тут же обвенчали, и они мирно и счастливо зажили в своем новом замке, а когда

старый король скончался, Айен стал правителем Тетертауна. Вскоре у королевской четы родился сын, но Айен и думать позабыл о своем опрометчивом обещании великану.

Прошло семь лет и один день. И вдруг деревья в зеленых садах закачались, земля затряслась, и великан с огненно-рыжими волосами и бородой подошел к замку требовать своей награды.

Королева выглянула в окошко, увидела великана и спросила короля: — Милый мой муж, что ему здесь нужно, этому страшному рыжему великану?

— Горе мне! — ответил Айен. — Он пришел за нашим первенцем.

И, сокрушенный, он поведал жене про свою встречу с великаном семь лет назад.

— Позволь мне уладить дело, — сказала королева. — Я придумала, как помочь горю.

Между тем великан ревел все громче, требуя обещанного, и Айен крикнул ему в ответ:

— Сейчас пришлю тебе своего сына. Мать одевает его в дорогу.

А королева приказала привести сынишку повара. Он был ровесник маленького принца, и она решила отдать великану этого мальчика вместо своего сына. Ведь она думала, что великана обмануть не трудно.

Она одела сынишку повара в платье принца и отвела к великану. Великан ушел вместе с мальчиком, но еще не успел далеко отойти, как подумал: «А вдруг этот мальчишка вовсе не маленький принц?» И вот он отломил от орехового куста толстый прут, подал его сыну повара и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутком, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит им собак и кошек, что подбираются к мясу на королевской кухне, — ответил мальчик.

Так великан узнал, что этот мальчик не королевский сын, и в страшном гневе повернул обратно к замку. Король с королевой увидели великана и догадались, что им не удалось его обмануть. Но королева все-таки не сдалась. Она позвала сынишку дворецкого, тоже семилетнего мальчика. Пока великан нетерпеливо ждал на дворе, королева одела сынишку дворецкого в платье принца и отослала его великану вместо своего сына.

Великан увел мальчика, но еще не успел отойти далеко, как снова решил узнать, правда ли ему отдали маленького принца, а не кого-то другого. Он опять отломил прут от орехового куста, подал его мальчику и спросил:

— Что сделает твой отец с этим прутом, если возьмет его в руки?

— Должно быть, отгонит кошек и собак, если те близко подойдут к королевским бутылкам и стаканам, — ответил сын дворецкого.

Так великан узнал, что и этот мальчик не королевский сын, и повернул назад к замку в еще более страшном гневе.

— Давайте мне своего сына! — заревел он, да так громко, что затряслись самые высокие башенки. — А если и на сей раз не отдадите — камня на камне не останется от вашего замка!

Делать нечего. Как ни горько было королеве, она знала, что в третий раз ей великана не перехитрить.

В это время маленький принц играл со своим щенком во дворе. Королева, заливаясь слезами, позвала его и отвела к великану. А тот, как завидел мальчика, сразу узнал, что он королевский сын — очень уж он был красивый и держался гордо.

Вместе они прошли длинный путь от королевского замка до великанова дома. Дом этот стоял на берегу озера с темной водой. Здесь принца радушно встретили, и здесь он остался жить.

Проходили годы, принц вырос, стал сильным, красивым юношей.

Как-то раз утром он пошел в горы на охоту, а когда возвращался, услышал, подходя к дому, тихое пение. Он поднял голову и увидел в самом верхнем окошке красивую девушку с золотисто-рыжими волосами.

— Прекрасная девушка, кто ты? — спросил он, и в душе его сразу вспыхнула любовь к ней.

— Я младшая дочь великана, — ответила она, — и часто на тебя любовалась, когда ты проходил по дому моего отца.

Принц, недолго думая, признался ей в любви, и дочь великана ответила, что для нее нет большей радости, чем стать его женой.

— Но слушай внимательно, что я тебе скажу. От этого зависит наше будущее счастье, — молвила она. — Завтра отец предложит тебе жениться на одной из моих двух старших сестер. А ты откажись и скажи, что хочешь жениться на его младшей дочери. Отец разгневется, но я дело улажу, и все будет хорошо.

И правда, на другой же день великан позвал принца и предложил ему выбрать себе в жены одну из его двух старших дочерей. Но принц не забыл наказа красавицы и сказал великану:

— Я хочу жениться на твоей младшей дочери.

Великан страшно разгневался — ведь младшая дочь была его самым дорогим сокровищем, и он прочил ее за могущественного короля,

что правил соседним королевством. И он сразу придумал, как отомстить принцу за столь дерзкую просьбу.

— Многого ты просишь, принц, — сказал он и хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду. — Такое сокровище, как моя младшая дочь, даром не получишь. Если хочешь на ней жениться, сперва сделай три дела, какие я тебе поручу. А не сумеешь, потеряешь не только мою дочь, но и самую жизнь свою. Ну, что скажешь? Согласен ты рискнуть жизнью ради своей прихоти?

— Охотно, — ответил принц. — Ведь без этой прихоти, как ты говоришь, жизнь моя будет все равно что потухший очаг.

На другой день великан ушел на охоту, а перед уходом задал принцу первую задачу — велел ему вычистить громадный хлев во дворе. В этом хлеву стояло сто коров, и его не чистили семь лет.

— Я вернусь вечером, — сказал великан. — К тому времени хлев у тебя должен быть таким чистым, что покати по нему золотое яблоко — из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится. А не вычистишь, уж я попыю твоей кровушки!

Принц выслушал эти слова, и сердце у него упало. Однако наутро он встал рано, пошел в хлев и принялся за работу, хоть и видел, что ее не закончить. Но как только великан вышел из дому и скрылся за горами, младшая его дочь прибежала к принцу и стала его утешать.

— Не горюй! — говорит. — Я же тебе сказала, что все будет хорошо. И не тревожься! Приляг вон там за дверью, под тенистым деревом, и спи себе.

Принц послушался. Лег под тенистым деревом и, хоть и был неспокоен, крепко заснул. Проснулся он уже в сумерках. Посмотрел — девушки и след простыл. Но хлев был вычищен, да так хорошо, что покати по нему золотое яблоко — и оно из конца в конец прокатится, ни за что не зацепится.

Немного погодя великан вернулся, увидел, что принц выполнил первое его поручение, и в досаде нахмурил свои рыжие лохматые брови.

— Как тебе это удалось, не знаю, — говорит. — Но раз дело сделано, придется мне задать тебе вторую задачу. — И он приказал принцу: — Завтра покрой этот хлев кровлей из птичьих перьев. Все они должны быть разных цветов — так, чтобы даже двух одинаковых не было. На это уйдет тысяча тысяч разных птиц. А не сумеешь, я, как вернусь, вволю попыю твоей кровушки.

Наутро солнце взошло рано, а принц еще раньше взял лук и стрелы и отправился на торфяные болота, чтобы настрелять птиц и набрать перьев для кровли. Но он не надеялся на удачу. Да ему и не повезло — к полудню он подстрелил только двух черных дроздов, но перья у них были одинакового цвета. И вдруг к нему подошла младшая дочь великана и говорит:

— Не горюй! Я же тебе говорила, что все будет хорошо. И не тревожься. Приляг вон там на душистый вереск и спи себе.

Принц послушался, хоть и подумал, что как проснется он, так ему и конец придет. Он лег на вереск и заснул крепким сном. Когда он проснулся, сумерки уже спускались на болото, а великановой дочери и след простыл. Тогда принц вернулся домой и прямо диву дался, увидев, что хлев уже покрыт кровлей из птичьих перьев. Тысяча тысяч разных перьев сверкало там, отливая всеми цветами радуги. Тысяча тысяч разных птиц ушло на эту кровлю.

Великан увидел, что и второе его поручение выполнено, и разгневался пуще прежнего.

— Как ты сделал это, не знаю, — сказал он. — Но раз уж дело сделано, придется задать тебе третью задачу. Завтра принеси мне к обеду пять сорочьих яиц, что лежат в гнезде на верхушке ели у озера. Принесишь — я в тот же вечер задам пышный свадебный пир.

Наутро принц пошел к озеру, когда предрассветный туман еще лежал на воде. Ель была такая могучая, что верхние ее ветви упирались в облака. Высоко-высоко на этих ветвях виднелся маленький комочек — сорочье гнездо. От земли до нижних ветвей ели было футов пятьсот.

Как ни старался принц забраться на дерево по стволу — не смог. Только выбился из сил да ободрал себе руки о шершавую кору. В полдень он все еще стоял на земле под деревом и в отчаянии глядел на свои окровавленные ладони, как вдруг к нему подбежала младшая дочь великана. Но на этот раз она не велела принцу ложиться спать.

Она один за другим обломала свои пальчики и понатыкала их в щели на стволе дерева, так, чтобы принцу было за что ухватиться руками и на что ступить ногой. И вот принц начал карабкаться на ель — быстро, как только мог. Наконец добрался до самой верхушки и стал на тонкий гибкий сук. А сук прогнулся под его тяжестью — вот-вот переломится. Но принц уже протянул руку к сорочьему гнезду.

— Ох, скорей, скорей! — крикнула ему снизу дочь великана. — Отец домой идет! Его дыхание мне спину жжет!

Принц быстро схватил гнездо и поспешил спуститься на землю с пятью сорочьими яйцами, целыми и невредимыми. По дороге он вынимал из щелей пальчики девушки, но так торопился, что позабыл на верхушке дерева мизинчик с ее левой руки.

— Ну, теперь скорей снеси яйца моему отцу, — сказала дочь великана. — И нынче же вечером я стану твоей женой, если только ты сумеешь узнать меня. Отец прикажет мне и сестрам одеться одинаково и закрыть лицо плотными покрывалами. И вот когда свадебный пир кончится, отец скажет тебе: «Ступай к своей жене, королевский сын!» А ты выбери из нас троих ту, что без мизинчика на левой руке.

Принц обрадовался, что все три дела уже сделаны, и поспешил отнести великану пять сорочьих яиц. Увидел их великан и пришел в страшную ярость, но постарался ее скрыть и велел готовиться к пышному свадебному пиру. А принцу сказал:

— Нынче вечером получишь, чего желал. Если только... — и он хитро ухмыльнулся в свою рыжую бороду, — если только ты узнаешь свою невесту.

И вот когда в зале отпировали и блюда с мясом были опорожнены, а сосуды, полные эля, осушены, великан повел принца в небольшую комнату, где их ждали все три великановы дочери. Они были одеты совершенно одинаково в длинные платья из белоснежной шерстяной ткани, а лица их были закрыты плотными покрывалами, так что рассмотреть их было невозможно.

— Ну, королевский сын, теперь подойди к своей жене, — сказал великан.

Принц подошел к трем девушкам и, не колеблясь, стал рядом с той, у которой не было мизинца на левой руке. Тут великан увидел, что все его козни не привели ни к чему — принц добился-таки его младшей дочери. И великан так разгневался, как еще никогда не гневался. Но пока что делать было нечего. Пришлось ему позволить молодым удалиться в брачный покой.

Как только принц и дочь великана остались одни, она сказала:

— Смотри не засни, а не то погибнешь! Надо нам бежать, пока отец тебя не убил.

И вот она взяла яблоко и разрежала его на девять ломтиков. Два ломтика она положила в изголовье кровати, два — в ногах. Потом вывела принца из дома и положила два ломтика яблока у первой двери и два у второй. Последний ломтик она оставила за воротами, что вели во двор.

Затем молодые пошли в конюшню, сняли путы с молодой сивой кобылицы, сели на нее верхом и помчались прочь на крыльях ветра.

А великан думал, что молодые все еще в брачном покое. Немного погодя он крикнул им:

— Вы спите?

И два ломтика яблока, что лежали в изголовье кровати, ответили:

— Нет еще!

Великану не терпелось, чтобы молодые поскорее заснули, — тогда он пошел бы в их спальню и убил бы принца. И вот он опять крикнул:

— Вы спите?

И два ломтика в ногах кровати ответили:

— Нет еще!

В третий раз великану ответили те два ломтика, что лежали у первой двери, а в четвертый раз — те, что лежали у второй. Тут великан заподозрил неладное и нахмурился.

— Должно быть, вы сбежать хотите, — сказал он.

Наконец он в пятый раз спросил:

— Вы спите? — и ломтик яблока, что остался за воротами, ответил:

— Нет еще! — но голосок у него был такой тихий, что великан сразу обо всем догадался. Он вскочил на ноги и заревел:

— Вы сбежали!

Тут он ринулся вон из дома в страшном гневе на дочь за то, что она его обманула, и погнался за беглецами. А те все летели вперед на сивой кобылице.

Наутро, чуть забрезжило, дочь великана сказала мужу:

— Слышишь, как земля дрожит? Это отец нас нагоняет — его дыхание мне спину жжет.

— Ох! Что же нам делать? — вскричал принц. — Как нам от него спастись?

— Сунь руку в ухо сивой кобылице, — сказала дочь великана, — и что найдешь там, то брось назад, да так, чтобы это упало поперек дороги отцу.

Принц сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вынул оттуда сучок с колючками. Он бросил сучок назад через плечо, и на дороге выросли и разрослись на двадцать миль заросли терновника, такие густые, что даже маленький зверек ласка и тот не мог бы пробраться сквозь эту непроходимую чащу.

Как увидел великан преграду на своем пути, выругался страшным ругательством.

— Все равно нагоню! — зарычал он и быстро повернул домой, чтобы взять свой острый топор и нож, каким сучья обрезают.

Вскоре он вернулся и быстро прорубил себе дорогу в чаще. И вот в полдень, когда солнце высоко стояло на небе, дочь великана снова крикнула мужу:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

И она опять велела принцу сунуть пальцы в ухо сивой кобылице и потом бросить на дорогу то, что он оттуда вынет. На сей раз принц вынул обломок серого камня и бросил его назад через плечо. И как только камешек упал на дорогу, позади беглецов выросли отвесные скалы и загроздили равнину на двадцать миль в длину и двадцать в ширину.

Великан увидел перед собой эти неприступные горы и заревел:

— Меня не остановишь! Все равно нагоню!

Он бегом бросился назад, и земля тряслась под его ногами. А как прибежал домой, схватил свой толстенный лом и громадную кирку. Уже темнело, когда он наконец пробил себе дорогу в скалах. Но вот взмохла луна, и дочь великана крикнула мужу в третий раз:

— Отец нагоняет! Его дыхание мне спину жжет!

Принц не стал дожидаться ее приказа — сам в третий раз сунул пальцы в ухо сивой кобылице и вытащил маленький пузырек с водой. И едва он бросил его назад через плечо, бездонное озеро в двадцать миль длиной и двадцать шириной разлилось позади беглецов. А великан гнался за ними до того быстро, что не смог остановиться, когда озеро вдруг разлилось у его ног. Полетел вниз головой прямо в темную воду и утонул. И ни дочь его, ни принц и никто другой на свете никогда уже больше его не видели.

Верная сивая кобылица перешла на ровную рысь. Луна поднялась высоко и осветила все вокруг. И тут принц вдруг узнал свои родные места.

— Гляди! Мы подъезжаем к моему отчому дому! — сказал он молодой жене. — Вот те самые поля, где я играл ребенком.

И он возрадовался великой радостью, что наконец-то вернулся на родину.

Немного погодя они подъехали к старому каменному колодцу и спешили, чтобы немного отдохнуть. Когда же принц встал и собрался ехать домой, дочь великана сказала:

— Лучше поезжай к отцу один и подготовь его к моему приходу. А я подожду тебя здесь.

Принц согласился, и, когда он вскочил в седло, жена стала ему наказыывать:

— Милый мой, не позволяй никому — ни человеку, ни зверю — дотронуться до тебя губами, пока ты далеко от меня. А если позволишь, найдет на тебя помрачение и ты навсегда меня позабудишь.

— Да разве могу я тебя позабыть! — возразил принц. Но все-таки обещал выполнить наказ жены.

Он ускакал и вскоре подъехал к своему богатому отчому дому, что стоял в красивой зеленой долине. И хотя принцу было только семь лет, когда за ним пришел великан, он сразу вспомнил и эти высокие башенки, и пышные цветники, и зеленые сады, что окружали замок. Он оставил во дворе свою сивую кобылицу и вошел в огромный зал. Родители его сидели за главным столом и, когда увидели перед собой красивого стройного юношу, узнали в нем своего сына. Они бросились его обнимать, но принц помнил наказ жены и отстранился, когда родители попытались поцеловать его в щеку.

Ему очень хотелось поскорее вернуться за женой, и он сразу же принялся рассказывать родителям про все, что с ним приключилось. Но вдруг зашуршал камыш, которым был устлан пол, и стройная борзая собака с радостным лаем выскочила из-под стола. Это была собака принца, и с ней он играл, когда она была малым щенком.

Собака бросилась к принцу и ткнулась мордой прямо ему в губы, а он не успел ей помешать. И вот горе! Принц сразу же забыл дочь великана. Отец стал было просить сына продолжать рассказ.

— Ты начал говорить нам про одну прекрасную девушку, сын мой, — молвил король.

Но принц даже не понял отца, — только посмотрел на него и сказал:

— Про какую девушку? Никакой девушки я не встречал, отец мой.

Между тем дочь великана ждала его там, где он с нею расстался, — у старого каменного колодца. Время шло, а принц все не возвращался, и она поняла, что случилось то, чего она так боялась: он ее позабыл.

Поблизости не было никакого человеческого жилья, и дочь великана влезла на дерево, что росло у колодца. Она опасалась, как бы на нее не напали волки, и решила там подождать, пока кто-нибудь не подойдет.

Не успела она усесться на суку с развилиной, как послышались чьи-то шаги, и к колодцу подошла старая женщина с ведром в руке. Это была же-

на сапожника, что жил неподалеку, и он послал ее по воду. Старуха наклонилась над колодцем, чтобы опустить в него ведро, и вдруг отшатнулась, словно в испуге, — она увидела, что в воде отражается прекрасное женское лицо. Это было лицо великановой дочери, но жена сапожника была придурковата и подумала, что это ее собственное лицо отразилось в воде.

— Ох, да какая же я красавица! — вскричала она и погладила свои морщинистые щеки. — Да разве пристало таким красоткам, как я, носить воду для какого-то никудышного, неуклюжего, старого мужлана-сапожника!

Она бросила свое ведро и ушла домой. А бедный сапожник прямо диву дался, когда его жена вернулась домой без ведра, да еще прихорашиваться стала. Он пожал плечами и сам пошел по воду, а когда подошел к колодцу, дочь великана окликнула его с дерева и спросила, нельзя ли ей где-нибудь переночевать. Сапожник, как только увидел ее прекрасное лицо, сразу догадался, что это ее отражение старуха приняла за свое.

Он пригласил красавицу переночевать в его доме и отвел ее туда. Тут жена сапожника уразумела, что ошиблась, и сама над собой посмеялась. Старики уговорили гостью пожить у них, пока она сама не решит, куда ей идти. А дочь великана все это время обдумывала, как ей вернуть мужа.

Как-то раз старый сапожник пришел домой в большом волнении.

— В королевском замке скоро будут играть свадьбу, — сказал он. — И мне заказали обувь для жениха и всех домочадцев.

Дочь великана спросила его, кто женится, и сапожник ответил:

— Сам молодой принц женится на дочери какого-то богатого лорда.

С того дня по всей округе только и разговоров было, что о пышной свадьбе в королевском замке. И когда настал день этой свадьбы, дочь великана наконец придумала, что ей делать.

Перед самым венчанием король задал пир на весь мир. Пригласили всех, кто жил в окрестностях замка. На пир пошел и сапожник с женой. Пошла с ними и дочь великана. Их усадили за один из тех длинных столов, что были накрыты в большом зале, и они стали пить и есть досыта и веселиться всласть.

Многие гости заметили дочь великана. Они говорили между собой про ее красоту и спрашивали, кто она такая. Принц сидел с невестой и всей родней за главным столом, и он тоже заметил красавицу с золотисто-рыжими волосами. Тут что-то промелькнуло у него в голове, но сразу же позабылось. И вот когда веселье было в самом разгаре, король

предложил гостям выпить за здоровье и счастье его сына. Все гости поднялись и пожелали счастья прекрасному юному принцу.

Дочь великана тоже подняла кубок, чтобы выпить за счастье своего мужа, но еще не успела поднести его к губам, как вдруг в кубке вспыхнуло и взвилось яркое пламя. Все в огромном зале примолкли, когда увидели это чудо. Но вот из пламени вылетели два голубя. У первого голубя крылья светились золотым светом и грудка была как расплавленное золото. У другого голубя перья сияли, словно кованое серебро. Обе птицы вместе сделали круг в воздухе и опустились на главный стол прямо против принца. Он глядел на них и дивился. И тут голуби заговорили с ним человеческим голосом.

— О королевский сын, — сказал золотой голубь, — ты помнишь, кто вычистил хлев во дворе великана и кто рассеял твою тревогу?

— О сын короля, — сказал серебряный голубь, — или ты забыл, как тот хлев покрывали кровлей из перьев тысяч птиц?

А потом они заговорили вместе:

— О королевич, или ты не помнишь, как для тебя добыли сорочьи яйца, что лежали в гнезде на верхушке ели у озера? Когда ты доставал их, твоя верная возлюбленная потеряла свой мизинчик, и нет у нее этого мизинчика до сих пор.

Тут принц вскочил и схватился за голову. Он вспомнил, какие задачи задавал ему великан и кто выполнял эти задачи. Вспомнил он и прекрасную девушку, что стала его женой.

И вот он оглядел все длинные столы в зале и встретился глазами с дочерью великана. С криком радости он подбежал к ней и взял ее за руку. Так наконец к ним вернулось счастье.

Свадебные гости пировали много дней, и если еще не кончили, значит, и сейчас пируют.

Великан Дреглин Хогни

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

— Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам, а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань — думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам. Во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный, страшный великан Дреглин Хогни. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

— А что, конь твой лягается? — спросил он наконец грубым, резким голосом.

— Еще как лягается-то! — ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

— Я умею объезжать коней, — сказал великан, — и я помогу тебе объездить твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше.

И так грозно он говорил, что юноша не посмел послушаться — пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

— А что, пес твой кусается?

— Еще как кусается-то! — ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

— Я умею приручать самых диких собак на свете, — сказал великан. — Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку. Потом великан задал юноше третий вопрос:

— А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

— Еще как клюется-то! — ответил он. — Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он заклюет всех, кто ему под клюв попадет.

— Больше не будет клеваться, — мрачно проговорил великан. — Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга замертво повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшне оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

— Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали

огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать на поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к замку. Но он был малый смекалистый, и ему не по нраву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый стол, а пуще всего — сам хозяин, великан Дреглин Хогни. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

— Что это шипит? — подозрительно спросил великан.

— Да это вода капает из сырого полена, — спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни, а собака проснулась и вскочила с места, а сокол — он сидел на плече у хозяина — взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих братьев. Они лежали рядом, холодные и словно

каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра — столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот зажили они в замке счастливо, да и по сей день так живут.

Лод, сын фермера

Жил-был когда-то фермер, и был у него сын Лод, парень сильный, ладный, да и с головой на плечах. Как-то раз отец велел ему отнести большую миску овсянки работникам, что копали торф. Но по дороге Лод нечаянно вывалил на землю овсянку, так что работники остались без ужина и, когда вечером вернулись домой, пожаловались фермеру. Тот выругал Лода на чем свет стоит и выгнал из дома, приговаривая:

— Броди вот теперь по дорогам, сам ищи свой путь, а я тебя больше кормить не стану.

— Ну что же, уйду немедля, — отозвался Лод. — Ничего я у тебя не прошу, только дай мне железную дубинку — было бы мне чем защищаться, пока буду бродяжить.

— Дубинку ты получишь, — сказал фермер.

Пошел в кузницу и сковал дубинку в полпуда без малого.

— Вот тебе добрая дубинка, — говорит.

Лод взял дубинку, погнул ее и сломал.

— Скуй мне другую дубинку, — говорит, — такую, чтоб мне по силе была.

Отец вернулся в кузницу и сковал другую железную дубинку — в пуд весом без малого.

— Ну, уж эта-то дубинка тебе по силе будет, — говорит.

Но Лод опять погнул дубинку раз, погнул два, да и разломил ее надвое.

— Нет, не по силе мне и эта дубинка, — говорит. — Скуй другую, покрепче, попрочней.

Тогда фермер сковал третью дубинку в полтора пуда с лишком.

— Крепче этой дубинки во всем свете не сыщешь, — говорит.

Лод три раза гнул новую дубинку и на третий раз согнул ее чуть не пополам.

— Ну что ж, придется мне ее взять, — сказал он отцу. Потом положил дубинку на колено и разогнул. — Хватит уж докучать тебе!

И вот он простился с отцом и ушел из родного дома.

Немного погодя подошел он к дворцу одного короля и попросился к нему на службу.

— Что ты умеешь делать? — спросил его король.

— Я хороший пастух, — ответил Лод. — Сызмальства привык скот пасти.

— Ну, значит, повезло мне нынче, — отозвался король. — Ведь у меня что ни день — скотина пропадает, и никак я не могу найти хорошего пастуха, такого, что сумел бы ее устеречь. Хочешь мне послужить?

— Что ж, послужу, если ты мне такое жалованье положишь, какое мне требуется. А требуется мне вот что: десять гиней в год, да полмеры овсяной крупы в неделю, да столько молока, сколько нужно, чтоб из этой крупы кашу варить. Ем я только два раза в день: утром завтракаю, вечером ужинаю. Еще отведи мне хижину, чтоб мне в ней одному жить, и выдай большой котел и постель.

— Трудновато мне будет платить тебе такое большое жалованье, — сказал король. — Но ведь нужен мне пастух не простой; так и быть, найму тебя на полгода, а там видно будет.

Лод нанялся в пастухи к королю и стал пасти его стадо.

На другой день встал он спозаранку, сунул под мышку свою крепкую железную дубинку и погнал стадо на пастбище. Прошло сколько-то времени, и вот подошел он со стадом к месту, где рос колючий кустарник, и принялся собирать сушняк для костра. А скот пасся поблизости на холмистой пустоши. Но Лод еще не успел набрать сушняку, как вдруг ближний холм затрясся под чьей-то тяжелой поступью, и появился громадный, страшный великан.

— Ты что делаешь, коротышка? — заревел великан.

— Ох, добрый сэр, — взмолился Лод, — не пугайте меня! Ведь я всякого пустяка боюсь. Я тут просто сушняк для костра собираю. А еще стадо пасу. Может, вы за скотиной пришли? Так берите ее, только меня не трогайте.

Великан схватил самую тучную корову в стаде и связал ей все четыре ноги вересковыми жгутами.

— Эй, ты, поди сюда, помоги мне корову на спину взвалить! — крикнул он Лоду.

— Ох, боюсь! Страшно мне к вам подойти, — отозвался Лод.

— Иди! Я тебя не трону, — сказал великан.

Тогда Лод подошел к великану и посоветовал ему:

— Да вы просуньте свою голову ей между ног, а я зайду сзади и взвалю корову вам на плечи.

Великан послушался, просунул голову между коровьими ногами, а Лод зашел сзади да как хватит его дубинкой — убил наповал. Тут Лод первым делом развязал ноги корове, потом отрезал голову великану и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерна из старой дерновой ограды, чтоб не видать было.

День прошел спокойно, а вечером Лод вернулся домой и привел с собой все стадо в целости и сохранности. Король вышел ему навстречу и диву дался.

— Как? Да ты все стадо привел в целости! — говорит.

— Привел, — ответил Лод. — А как же иначе?

Он не стал рассказывать королю про то, что с ним приключилось в этот день: решил, что лучше помалкивать.

На другой день Лод опять встал спозаранку и повел стадо на пастбище. И опять, как только подошел он к кустарнику на холме, принялся собирать сушняк для костра. Недолго пришлось ему этим заниматься — на вершине холма появился великан, и был он еще больше, чем вчерашний.

— Что ты тут делаешь, коротышка? — заревел он.

— Собираю сушняк для костра, добрый сэр, — ответил Лод. — Только не пугайте меня — ведь я всякого пустяка боюсь.

— А ты, случаем, не видел тут вчера человека с меня ростом? — спросил великан, нахмутив брови. — У моей матери младшенький пропал.

— Не видал я никого, — ответил Лод. — Да вчера меня тут и не было... А вы, может, корову у меня взять желаете? Так берите самую большую и хорошую и ступайте своей дорогой.

Великан отбил от стада лучшую корову (ту самую, что накануне отбил его брат, — не повезло ей, бедняге!) и связал ей ноги вересковыми жгутами. Потом крикнул Лоду:

— Поди сюда, помоги мне эту скотину на спину взвалить!

— Ох, нет! — отозвался Лод. — Боюсь я вас!

— Не бойся! Я тебя не трону, — сказал великан.

Затем дело пошло по-вчерашнему: не успел великан послушаться Лода — просунуть голову меж коровьих ног, — как Лод хватил его своей крепкой дубинкой, отрезал ему голову и повесил ее на дерево среди зеленой листвы. А тело забросал кусками дерновой ограды, так, чтобы никто, проходя мимо, его не заметил.

В тот вечер король опять вышел навстречу Лоду и опять диву дался, когда увидел, что стадо его возвращается в целости и сохранности.

— Говори, как ты провел день на холме, — приказал он. — Уж наверное увидел что-нибудь новенькое — найдется о чем порассказать.

— Нечего мне рассказывать. Там только и есть что вереск, да кусты, да торфяной мох, а про них тебе рассказывать незачем — это для тебя не новость, — ответил Лод. Он решил помалкивать про свои приключения.

— Ну, — сказал король, — ты, как видно, хороший пастух, да и везет тебе. В жизни у меня не было пастуха, что приводил бы домой все стадо в целости и сохранности. Одному тебе удастся.

Третий день прошел так же, как первый и второй: не успел Лод забраться в чащу кустарника на склоне холма, как третий великан пришел воровать скот. Был он еще громадней, чем его братья, но Лод одолел и его, так что теперь уже целых три головы висели на дереве среди зеленой листвы и три мертвых тела лежали, прикрытые дерном.

— Не может быть, чтобы нечего тебе было порассказать мне нынче, — сказал Лоду король, когда под вечер вышел ему навстречу.

— А почему не может? — спросил Лод. — Рассказал бы я тебе про ручей, что течет по торфу, про рябину и поросли дикой горчицы, да ведь это тебе не занимательно будет.

— Поистине, такого пастуха, как ты, во всей нашей стране не найдется, — молвил король, — и ты с лихвой стоишь своего жалованья.

На другой день Лод проснулся и подумал: «Ну, что меня ждет сегодня? Неужто опять явится великан? Да побольше тех троих? Нет, не может быть!»

И вот он снова повел свое стадо на пастбище, а сам забрался в чащу кустарника и принялся собирать сушняк для костра. Немного погодя над холмом подул ветер, да такой сильный, что сорвал всю листву с деревьев. Но то был не ветер, то отдувалась великанша, громадная старая ведьма.

Огромными шагами она подошла к Лоду и показала на него пальцем, похожим на коготь.

— Так вот ты где, негодяй, подлец, коротышка несчастный! — заорала она. — Ты моих трех красавцев сынов убил! Ну уж теперь ты за это заплатишься!

Тут она бросилась на Лода и обхватила его руками, а он обхватил ее тоже, и стали они бороться. По земле, по камням катались, кровью залитые, торфом измазанные, вцепившись друг в друга мертвой хваткой. Старая ведьма была до того сильная, до того крепкая, что Лод не раз уж и с жизнью прощался, не раз думал: «Эх, враг мой близко, а друзья далеко!» Но вот он понатужился, приподнял великаншу и переломил ей ноги и руки. Потом прижал ее к земле.

— Ну, карлица, какой дашь выкуп, если я избавлю тебя от мучений? — спросил он.

— Выкуп большой, не малый, — ответила она слабым голосом. — Вон там, у входа в ту пещеру, зарыты сундук с серебром и сундук с золотом.

— Моими будут, — сказал Лод. — А теперь я избавлю тебя от мучений.

Отрезал ей голову и повесил ее рядом с головами трех великанов, а тело бросил у дерновой ограды.

В тот вечер король остановил его на дороге и спросил:

— Неужто с тобой и нынче ничего не приключилось, пока ты скот пас?

— Холмы стоят, как стояли, зеленый пышный папоротник растет, как рос, кроншнепы летают в небе, как летали всегда, — ответил Лод. — Не могу я рассказать тебе ничего занимательного.

— Ну, — молвил король, — ты просто чудо, а не человек! Эх, что бы тебе раньше наняться ко мне в пастухи! Я тогда бы и горя не знал.

Следующий день прошел спокойно — в первый раз с тех пор, как Лод начал пасти королевский скот, ничто его не потревожило. Но когда вечером он возвращался домой, его немало удивило, что король не вышел ему навстречу спросить, как прошел день. Вот пришел Лод во дворец и услышал, что все там плачут и стонут: оказалось, что королевской дочери грозит страшная судьба.

Лоду рассказали, что в тот самый день громадный великан о трех головах (ведь в те времена там было полным-полно великанов!) спустился с гор ко дворцу и пригрозил убить всех людей до одного, если ему не

отдадут королевны. Потом он ушел, но поклялся вернуться и выполнить свою угрозу, если королевны не приведут к нему в пещеру в тот же вечер. С великой скорбью решил король отдать ему дочь, чтобы спасти свой народ. Королевну уже готовились увести, как вдруг в последний миг косоглазый рыжеволосый повар короля вызвался проводить ее до пещеры в надежде получить за это хорошую награду.

— Я убью великана, — сказал он королю. — Но в награду выдайте королевну за меня.

Не хотелось королю брать в зятя своего косоногого поваря, но делать нечего, согласился. И вот повар с королевной отправились вместе к пещере великана незадолго перед тем, как Лод вернулся с холма.

Надо сказать, что Лод полюбил королевну, как только увидел ее, а увидел он королевну в окне дворца в первый же день своей службы у короля. И теперь, едва он услышал, в какой она страшной опасности, тотчас сам отправился к пещере великана. Под мышкой он нес свою крепкую железную дубинку — последнюю из тех трех, что сковал для него отец.

И вот он подошел к пещере и увидел королевну. Она, вся дрожа, стояла у входа, а косоный рыжий повар спрятался за камнем — он был трус, каких мало.

— Ах! — вздохнула королевна, когда увидела Лода. — Зачем ты пришел сюда? Мало того, что великан заберет меня, ведь он тебя убьет!

— Ну, что до этого, — возразил Лод, — так ведь он через себя не перепрыгнет, а я уже бивал таких, как он.

Тут из пещеры донесся страшный шум, и появился сам великан — громадное чудовище в звериных шкурах с тремя безобразными головами на толстой шее. В пещере была непроглядная тьма, и когда великан вышел на свет божий, он невольно зажмурился. А Лод, не будь промах, в тот же миг бросился на него и снес ему все три головы. Тут великану конец пришел. Но Лод ударил его с такой силой, что сам не удержался на ногах и ободрал себе руку. Тогда королевна оторвала лоскут от своего платья и перевязала его рану. Она себя не помнила от радости, что спаслась, и сразу же полюбила своего спасителя. И вот она стала просить Лода:

— Вернись со мной во дворец и потребуй, чтобы меня отдали тебе в жены!

Но Лод устал до смерти: ведь он весь день пас скот, а потом ему пришлось отшагать всю длинную дорогу до пещеры великана. И он сказал

королевне, что сначала немножко поспит, а потом уже пойдет с нею во дворец. Лег на траву и закрыл глаза.

Все это время косоый рыжий повар прятался за камнем, но как только увидел, что Лод заснул, вышел из засады, подобрал все три головы великана, а королевну схватил за руку и потащил за собой. Она изо всех сил старалась вырваться и звала на помощь Лода. Но он спал беспробудным сном, и ей волей-неволей пришлось вернуться во дворец вместе с поваром. Там повар показал королю великановы головы и сказал:

— Ну, королевну я спас. Теперь выполняй свое обещание — выдай ее за меня!

Король поневоле согласился и назначил день свадьбы.

Пир задали на славу, и когда гости собрались, король оглянулся вокруг, чтобы узнать, все ли его домочадцы в сборе. И вдруг нахмурился.

— Одного человека не хватает, — сказал он. — Где мой пастух?

— Вот я! — раздался голос за дверью, и на пороге появился Лод.

Он гневно впился глазами в негодяя повара, сидевшего на жениховском месте, и тот побледнел от страха.

— Отец мой, от великана меня избавил этот человек, а вовсе не повар, — молвила королевна. — Я знала, что он придет спасти меня от такого жениха, как уже спас от великана.

— Чем ты докажешь, что это он тебя спас? — спросил король.

Тут королевна встала и подошла к Лоду. А у него рука все еще была перевязана лоскутком от ее платья.

— Смотри — он поранил себе руку, когда снес великану головы, — молвила она и показала отцу то место на своем платье, от которого оторвала лоскут.

Тогда король ей поверил. Он выгнал из своей страны косоого рыжего повара, а Лода, фермерского сына, повенчали с королевной, к общей радости и ликованию. И если последний день свадебного пиршества был не самым лучшим днем, то, уж во всяком случае, и не самым худшим из всех этих праздничных дней.

Когда торжества окончились, Лод привел жену и тестя на то место, где он пас скот, и показал им головы трех великанов и великанши, что висели на дереве. Наконец-то король узнал о том, что приключилось с Лодом в первые дни его службы.

Потом они вырыли сундук с серебром и сундук с золотом, что были зарыты у входа в ближнюю пещеру, и до конца дней своих жили не тужили. И если они не умерли, то, значит, еще живы.

Отважный охотник Финлей

В далекие-далекие времена в диких горах на самом севере Шотландии жил со своей юной сестрой отважный охотник по имени Финлей.

Каждое утро Финлей уходил с собаками на охоту — за благородным оленем, за куропаткой или за горным зайцем, а сестру оставлял дома. И каждый раз, уходя из дому, он наказывал ей поддерживать огонь в очаге и не открывать окошко, что смотрит на север.

Там на севере, за снежной вершиной горы, в глубокой пещере жили злые великаны. Эти великаны очень любили холодный северный ветер и терпеть не могли жаркий огонь в очаге.

Самой злой и хитрой в семье великанов была старая Кэйллик.

Ходил слух, что в горной пещере великанов хранятся огромные сокровища и даже волшебные предметы, однако никто еще не отважился подняться за ними туда.

А надо вам сказать, что сестра Финлея была очень безрассудная девушка. Ей никогда не приходилось видеть не только самих великанов, но даже их следов. А что она не могла увидеть собственными глазами, в то она не хотела верить. И потому, уходя из дому, она даже не думала подбросить торфа в огонь, а если дымил очаг, она, нимало не смущаясь, открывала настежь окошко, глядящее на север, чтобы выпустить дым.

И однажды она сделала и то и другое — как раз что брат просил ее не делать: она открыла окно на север и забыла подбросить торфа в огонь, и очаг погас. А выйдя из дома, она увидела на приступке незнакомого красивого юношу. Он ласково приветствовал ее, заговорил о том о сем, и в конце концов она пригласила его зайти в дом.

А надо вам сказать, что этот красивый юноша был не кто иной, как младший из великанов, живших в той самой пещере. А чтобы его не узнали, он принял облик человека. Он попросил девушку дать обещание, что она не скажет брату, кто приходил к ней.

Глупая девушка — лучше бы она не соглашалась на это! Но она поспешила дать юноше обещание. А ему только того и надо было. Теперь он мог так околдовать ее, чтобы она влюбилась в него без памяти.

Он совсем заговорил бедняжку, и наконец она даже согласилась покинуть дом брата и бежать с незнакомым юношей. Хуже того: он взял с нее клятву, что, если брат помешает ей и вступит с ним в бой, она не станет помогать родному брату.

С этим молодой великан покинул дом Финлея.

Настал вечер. Усталый Финлей возвращался после охоты с собаками домой и, не заметив как, забрел в незнакомую ложбину. Его это тем более удивило, что он считал, будто хорошо знает все ложбины и ложбинки в своих горах. Там, в тени рябин и елей, возле прозрачного ручья он увидел хижину. За хижинкой вверх по склону холма тянулось вспаханное поле. На нем уже зеленели всходы, хотя весна в этих суровых горных краях только-только начиналась.

Финлей приказал собакам лежать смирно и ждать, а сам подошел к хижине и постучал в дверь. Ему открыла хорошенькая девушка, и он увидел в хижине старушку.

— Здравствуй, Финлей! — сказала старушка.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — удивился Финлей. — И откуда вы взялись здесь, в наших горах, и ты, и эта хорошенькая девушка, и ваш дом, и рябины, и все такое прочее?

— Зови меня просто Доброй Волшебницей, — сказала старушка. — Эта девушка — моя дочка. Мы здесь, чтобы спасти тебя, Финлей! Хоть ты и отважный охотник, но, случается, и отважного не мешает предупредить об опасности. Знаешь ли ты, что сегодня в твоём доме побывал младший из великанов? И твоя сестра пригласила его в дом, и ему удалось опутать ее злыми чарами. Завтра он придет опять, чтобы убить тебя заколдованным голубым мечом.

— Мне горько слышать это! — сказал Финлей.

— Только ни о чем не спрашивай сестру, — предупредила старушка. — Помни, она теперь во власти злых чар.

Финлей вернулся с собаками домой и ни о чем не спросил сестру.

Наутро он, как всегда, собрался на охоту, но далеко не ушел, а спрятался. И как только на дороге показался великан — ну, тот самый, что притворился красивым юношей и опутал злыми чарами сестру Финлея, — он напустил на него своих собак. Великан так удивился, что даже забыл о волшебном голубом мече, которым хотел убить Финлея.

Да на беду, собаки подняли громкий лай, и девушка вышла из дома посмотреть, что случилось. Тут великан схватил ее за руку, и они убежали.

Финлей остался один.

Но он знал, что это ненадолго. Скоро к нему в гости пожелают великаны, чтобы отомстить за своего младшего брата. Он заложил дверь поленом, потом подбросил побольше торфа в очаг, и вскоре среди хижины уже пылал яркий огонь. Но все равно Финлея пробирала дрожь.

Вдруг он услышал страшный шум, словно гром в горах. Это посыпались большие камни из-под ног великана, спускавшегося с горы.

Великан подошел к дому Финлея и закричал-зарычал-заревел:

— Фи! Фо! Фу! Кто посмел закрыть дверь? Стыд и позор тому, кто не пускает усталого путника в дом!

И он надавил плечом на дверь, вышиб ее и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. Он стоял под прикрытием пылающего очага с луком и стрелами наготове. И как только великан ворвался в хижину, он выпустил первую стрелу. Но она лишь ранила великана. Он взревел от боли и бросился на Финлея.

Неизвестно, что случилось бы с отважным Финлеем, если бы не его верные псы. Они накинулись на великана, и пока он от них отбивался, Финлей успел выпустить из лука вторую стрелу и убил чудовище.

Утром Финлей поспешил в знакомую ложбину к Доброй Волшебнице, прихватив с собой голову великана.

— Ты храбрый юноша! — похвалила его старушка. — Как это тебе удалось?

И Финлей рассказал ей все, как было: как собаки помогли ему одолеть страшного великана.

— Ну, эта битва еще не битва, — сказала Добрая Волшебница. — Битва будет впереди. Береги своих собак!

И эту ночь Финлей был в хижине один, ведь сестра его убежала с молодым великаном. Посреди ночи он опять услышал страшный шум, словно раскаты грома в горах, и даже еще страшней, чем накануне. Опять по склону горы покатались тяжелые камни, и раздался громкий стук в дверь хижины.

— Фи! Фо! Фу! — заревел-зарычал великан. — Ты убил моего сына, но меня тебе не убить!

И великан вышиб дверь и ворвался в хижину. Но Финлей его уже ждал. В свете очага он увидел, что этот великан о пяти головах, одна страшней другой. Разгорелась жаркая битва, и несдобровать бы Финлею, если бы не его верные псы. Они хватили и кусали великана, и, пока он от них отбивался, Финлей выхватил свой меч и вонзил его чудовищу прямо в сердце.

А утром Финлей опять пошел к Доброй Волшебнице и сказал ей:

— Мне опять помогли собаки. Без них был бы конец!

— Нет, — сказала старушка, — эта битва еще не битва. Битва будет впереди! Слушай меня внимательно, отважный охотник. Сегодня

ночью к тебе придет сама старая Кэйллих, чтобы отомстить за мужа и за старшего сына. Но она придет без шума и грома, а тихо и незаметно. Она заговорит с тобой сладким голосом и попросит впустить ее в дом. Но помни: она придет, чтобы отнять у тебя жизнь! Поступай точно, как я скажу тебе, и все кончится хорошо.

И Добрая Волшебница научила отважного Финлея, что ему следует делать, а чего не следует.

Когда пришла ночь, Финлей опять сидел в хижине один и прислушивался к тишине. В очаге горел жаркий огонь. Собаки лежали рядом и грелись.

Вдруг раздался легкий шорох, словно мертвый лист зашуршал на ветру, и Финлей услышал за дверью слабый, дрожащий голос:

— Впустите усталую бедную старушку погреться у очага! Откройте дверь!

Финлей крикнул ей:

— Я впусти тебя в дом, старая, если ты пообещаешь вести себя тихо и никому не причинишь в моем доме вреда.

Старуха пообещала.

И Финлей выпустил ее в дом. Она и в самом деле оказалась совсем дряхлой, сгорбленной старушонкой. Поклонившись Финлею, она села возле очага с одной стороны, а он — с другой. Собаки беспокойно сновали по хижине, скаля зубы и глухо ворча.

— Какие страшные у тебя собаки! — дрожащим голосом прошамкала старушонка. — Лучше уж привяжи их!

— Собаки никогда не тронут добрую старую женщину, — сказал Финлей.

— Привяжи их, очень прошу тебя. Я так боюсь злых собак!

— Да мне нечем и привязать их, — сказал он.

— Я дам тебе три волоса с моей головы. Они такие крепкие, что можно сплести из них якорную цепь для большого корабля.

Финлей взял три волоса и притворился, что привязывает собак. На самом же деле он просто приказал им сидеть смирно в углу.

— Ты уже привязал их? — спросила старуха.

— Сама видишь, как они смирно лежат, — ответил он.

Старуха посмотрела на собак и успокоилась. Не говоря больше ни слова, они продолжали сидеть у очага, и Финлею вдруг показалось, что старуха начала расти...

— Что с тобой? — спросил он. — Ты как будто растешь?

— Ну что ты! — сказала старуха. — Это холодная ночь виновата. Я замерзла и сжалась в комок, а сейчас отогрелась у твоего очага.

Они опять помолчали. Финлей не спускал глаз со старухи и наконец сказал:

— Ну конечно, ты растешь на глазах! И не отпирайся!

Старуха нахмурилась и сказала сердито:

— Да, расту! А ты убил моего мужа и моего старшего сына!

С этими словами она вскочила и уперлась головой в потолок, так что хижина вся затряслась. Финлей тоже вскочил на ноги, но великанша успела схватить его за волосы. Хорошо еще, что она не могла нарушить свое обещание и напасть на него в его доме. Но она потащила его за порог. Тогда псы вскочили со своих мест и бросились на нее.

Финлей не на жизнь, а на смерть схватился с великаншей. Они катались по земле, дубася друг друга, и, конечно, она одолела бы Финлея, если бы не собаки. Они хватали и кусали ее, и потому Финлею удалось повергнуть ее на землю и приставить к горлу меч.

Тут она как будто смирилась и стала сулить отважному охотнику любые богатства, только бы он отпустил ее.

— Я отдам тебе все сокровища из нашей пещеры! — говорила великанша.

— Нет! — отвечал охотник.

— Ты получишь заколдованный меч, который разит без промаха человека и зверя!

— Нет! — отвечал охотник.

— Я дам тебе волшебную палочку, которая может превратить каменный столб в славного воина и славного воина в каменный столб!

— Нет! — ответил охотник и вонзил свой меч великанше прямо в сердце.

Так велела ему Добрая Волшебница.

Потом он приложил красный мох, сфагнум, к своим ранам и наутро был уже здоров. Он отправился к хижине Доброй Волшебницы и рассказал ей все, как было: как собаки помогли ему одолеть старую Кэйллих.

— Теперь ты герой, Финлей! — сказала Добрая Волшебница. — Вот это была битва так битва! — И она погладила собак.

— Скажи, — спросил Финлей Добрую Волшебницу, — а как раздобыть сокровища великанов и заколдованный меч, разящий без промаха?

— Сегодня ночью мы с дочкой так и так собирались пойти в пещеру великанов, чтобы забрать у них мою волшебную палочку, — сказала Добрая Волшебница. — Если хочешь, можешь пойти вместе с нами.

Отважный Финлей с радостью согласился. И когда вышла луна, все трое пустились в путь к пещере великанов. Добрая Волшебница велела дочке и Финлею набрать побольше сухого вереска. Этот вереск она сложила у входа в пещеру и разожгла костер.

— Великаны не любят огня, — сказала она, — и мы их выкурим из пещеры.

Так оно все и вышло. Дым от горящего вереска пошел в пещеру, и вскоре оттуда высунулась голова молодого великана. Глаза у него слезились от дыма, он чихал и совсем задышался.

— Только не стреляй в него! — крикнула Финлею Добрая Волшебница, увидев, что он целится в великана из лука. — Я лучше превращу его в каменный столб, как только найду свою волшебную палочку.

Но молодой великан уже смекнул, в чем дело. Вернувшись в пещеру, он схватил за руку сестру Финлея и выскочил с нею из пещеры. Потом что было силы дунул на огонь и, укрывшись за дымовой завесой, исчез из глаз...

Не прошло и недели, как Финлей женился на хорошенькой дочке Добрай Волшебницы. Они зажили вполне счастливо. Нужды они не знали — ведь все сокровища великанов достались им. И бояться никого не боялись — ведь их охраняли верные псы Финлея.

Пригласил

В старину на острове Русэй правили король и королева, и было у них три дочери. Не успели девочки немного подрасти, как их отец, король, умер, и власть в королевстве перешла к его дальнему родственнику. Он всю жизнь ненавидел королевскую семью и теперь знать не хотел ни вдовствующей королевы, ни ее дочерей.

Туго им пришлось. Жили они все в крошечном домике и сами занимались хозяйством. Перед домиком у них был огород, а зади — небольшой лужок. Была у них и корова. Они пасли ее на лугу и, кроме того, кормили капустой, что росла на огороде. Всем известно, что если коров кормят капустой, они дают много молока.

Как-то раз женщины заметили, что кто-то приходит по ночам и ворует капусту. Это их очень беспокоило — ведь они знали, что если у них не хватит капусты для коровы, то не хватит и молока на продажу.

И вот старшая принцесса сказала, что вынесет наружу трехногую скамейку, завернется в одеяло и просидит на огороде всю ночь, чтобы подстеречь вора. Так она и сделала, хотя было очень холодно и очень темно.

Вначале она думала, что старания ее пропадут даром — час проходил за часом, а никто не появлялся. Но перед рассветом, когда часы пробили два, с луга, позади дома, послышались осторожные шаги. Кажалось, будто какой-то очень тяжелый человек старается ступать как можно мягче. И вдруг огромный великан перешагнул прямо через забор в огород.

В одной руке он нес громадную корзину, в другой у него был широкий острый нож. Великан тотчас же принялся срезать кочаны капусты и бросать их в корзину.

Принцесса была девушка неробкого десятка. Хоть и не ждала она, что вор окажется великаном, собралась с духом и громко крикнула ему:

— Кто тебе позволил срезать наши кочаны? Перестань сейчас же и убирайся прочь!

Но великан по-прежнему срезал кочаны, не обращая на нее никакого внимания.

— Слышишь, что я говорю? — в гневе закричала девушка.

Она ведь была принцесса и привыкла повелевать.

— Замолчи, а не то я и тебя заберу с собой, — хмуро проговорил великан и принялся уминать капусту в корзине.

— Попробуй только! — сказала принцесса, вскочила со скамейки и топнула ногой.

Она очень рассердилась и совсем позабыла, что она-то слабая девушка, а он огромный, могучий великан.

Тут великан, словно играючи, схватил девушку за руку и за ногу, кинул ее в корзину поверх капусты и унес.

Вот он добрался до дому, — а дом у него был огромный и стоял в глуши, на торфянике, — сбросил девушку на пол и сказал:

— Теперь ты станешь моей служанкой, будешь вести мое хозяйство и делать все, что я прикажу. У меня есть корова, и ты ее каждый день води на пастбище, к холму за болотом. Видишь этот мешок с шерстью? Когда отведешь корову, приходи домой и принимайся за работу, как хорошая

хозяйка: растрепли шерсть, расчеши ее и спряди столько пряжи, чтобы тебе хватило сшить кусок хорошего толстого сукна мне на одежду. Я на целый день уйду из дому; а ты смотри, чтобы все у тебя было сделано к моему приходу. И еще свари мне большой котел овсянки на ужин.

Бедная принцесса приуныла — ведь дома она не привыкла к такой тяжелой работе, да к тому же ей помогали сестры. Но великан на нее и не взглянул. Как только занялась заря, он приказал девушке приняться за работу и удалился.

И вот принцесса осталась одна в доме. Когда великан ушел, она повела корову на пастбище. Долго ей пришлось брести по торфянику до холма и обратно. Она прямо из сил выбилась и, когда вернулась домой, решила: «Подожду возиться с шерстью, сначала сварю себе овсянку», да так и сделала. Но как только села за стол, дверь открылась, и в комнату ввалилась целая толпа маленьких-маленьких человечков — гномов Пири.

Принцесса в жизни не видывала таких карликов — ни один из них не доходил ей до икр. Одеты они были в платья всех цветов радуги: красные и голубые, зеленые и желтые, оранжевые и лиловые. А волосы у них были желтые, как солома, и взлохмаченные.

Гномы смеялись и болтали друг с другом, вскакивали на скамеечки для ног, оттуда — на стулья и, наконец, — на стол. А на столе все они сгрудились вокруг миски, из которой принцесса ела овсянку.

— Есть хотим! Есть хотим! — кричали они тонкими, пронзительными голосками. — Оставь немножко овсянки для народца Пири.

Но принцессе тоже хотелось есть, к тому же она устала, и гномы ей быстро надоели. Она покачала головой и нетерпеливо отмахнулась от них ложкой.

— Самой мне не хватит, не хватит и вам;

Идите прочь, ни крошки не дам! —

резко сказала она, и гномы Пири тотчас же исчезли, к великому ее удовольствию. Ведь ей было не очень-то приятно, когда они все толпились на столе, уставившись на нее.

Она спокойно доела овсянку, потом вынула шерсть из мешка и принялась ее расчесывать. Но шерсть была как заколдованная: она вилась, закручивалась, обматывалась вокруг пальцев. Принцесса, как ни старалась, ничего не могла с ней поделать.

И вот великан пришел домой. Видит — девушка сидит в слезах, вся шерсть перепуталась, а овсянка, что варилась в котле ему на ужин, пригорела и почернела, как уголь.

Ну и разозлился же он! И орал, и ногами топал, и ругался. В сердцах схватил девушку за ноги и отколотил ее до крови. Потом отнес в хлев и бросил на насест, к курам. Принцесса, правда, не умерла от побоев, но была так оглушена, так избита, что лежала без движения и только глядела вниз, на спины коров.

Время шло. А на огороде у королевы капуста убывала по-прежнему. И вот средняя принцесса сказала, что пойдет сторожить огород, как ходила старшая, — завернется в одеяло и просидит всю ночь на трехногий скамеечке, чтобы узнать, куда девается капуста.

Так она и сделала, и с ней приключилось то же, что и со старшей сестрой. Великан пришел с корзиной и унес девушку к себе домой. А там он приказал ей ходить за коровой, убирать дом, варить ему овсянку и прясть шерсть. Желтоволосые гномы Пири явились к ужину и попросили принцессу угостить их, а она отказала. Потом принялась расчесывать шерсть, но не сумела с ней справиться. А великан рассердился, выругал девушку, отколотил и бросил полумертвую на насест к старшей сестре и курам.

Тогда младшая принцесса решила просидеть всю ночь на огороде. Ей не так хотелось увидеть, куда девается капуста, как не терпелось узнать, что случилось с сестрами.

Великан вскоре пришел и унес ее тоже, но она ничуть не огорчилась; напротив — обрадовалась. Она была смелая и любящая девушка и надеялась, что теперь, может быть, узнает, где ее сестры и живы они или умерли. Да она и не сомневалась, что у нее хватит ума перехитрить великана — дай только срок, а пока надо терпеть и глядеть в оба. И вот она, очень довольная и веселая, тихонько лежала в корзине на кочанах капусты, но зорко смотрела по сторонам, чтобы запомнить дорогу.

Наконец великан принес ее к себе на кухню и велел ей приниматься за работу. Но она не приуныла, как приуныли ее сестры, а весело кивнула головой и сказала, что все сделает вовремя.

И вот она повела корову на пастбище по торфянику и всю дорогу пела песни, а весь обратный путь бежала бегом — ей хотелось, чтобы осталось побольше времени на работу. А еще она собиралась тайком от великана обыскать весь его дом.

Но прежде чем приняться за работу, она, как и сестры, сварила себе овсянку. И как только она села завтракать, толпа маленьких желтоволосых гномов Пири проникла в комнату. Они влезли на стол и устались на девушку.

— Есть хотим! Есть хотим! — кричали они. — Оставь немножко овсянки для народа Пири.

— С удовольствием, — добродушно ответила принцесса. — Только найдите себе маленькие плошки, и я угощу вас овсянкой. Ведь если я поставлю вам большие миски, вы сами в овсянке увязнете.

Тут гномы Пири захохотали, да так, что соломенно-желтые вихры рассыпались у них по личикам. Они сейчас же соскочили со стола на пол и выбежали из дому, но скоро вернулись все вместе. В руках они держали чашечки колокольчиков и наперстянки и блюдца из лепестков первоцвета и анемоны. Принцесса положила по ложечке овсянки в каждое блюдце и налила по капле молока в каждую чашечку. Тут гномы принялись уплетать овсянку маленькими травяными ложечками — они принесли эти ложечки с собой в карманах. И ели они, как хорошо воспитанные люди. Насытившись, все они закричали: «Спасибо, спасибо!» — и выбежали из кухни.

Когда принцесса осталась одна, она обошла весь дом в поисках сестер, но так и не смогла их найти.

«Ничего, скоро я их разыщу, — подумала она. — Завтра поищу в хлеву и в сараях на дворе, а пока примусь за работу».

Она вернулась в кухню и взяла мешок с шерстью, из которой великан приказал соткать сукно.

Но как только она вынула шерсть, дверь опять открылась и вошел желтоволосый мальчик Пири. Он был точь-в-точь такой, как другие гномы Пири, что ели овсянку принцессы, только повыше ростом и одет в очень красивое платье из бархата, зеленого как трава. Он смело прошел на середину кухни, осмотрелся и сказал:

— Нет ли у тебя работы для меня? Я умею чесать и пряхть шерсть и ткать из нее хорошее толстое сукно.

— Работы у меня хватит для каждого, кто попросит, — ответила принцесса, — да только нет денег, чтобы за нее заплатить. А на свете мало кто согласится работать задаром.

— Платы мне не нужно, — сказал гном. — Я только попрошу тебя потрудиться узнать, как меня зовут. Лишь немногие знают мое имя, и многие хотят его узнать. Ну а если ты не сможешь узнать мое имя, тебе придется отдать мне вместо платы половину сукна.

Принцесса подумала, что узнать имя мальчика-гнома, наверное, не трудно, и согласилась. Она сложила всю шерсть обратно в мешок и отдала его гному, а тот перекинул мешок через плечо и ушел.

Как только он вышел, принцесса подбежала к двери, чтобы посмотреть, в какую сторону он пойдет, — она хотела пойти за ним следом, узнать, где он живет, и расспросить у соседей, как его зовут.

Но, к ее большому огорчению, гнома и след простыл. Она смотрела и туда и сюда — вертела головой во все стороны, но нигде его не было видно. Тут она стала беспокоиться. «Что я буду делать, — думала она, — когда вернется великан и узнает, что я отдала всю его шерсть какому-то незнакомому человечку, а сама даже не спросила, как его зовут?»

Часы проходили, а девушка так и не могла придумать, как ей узнать имя мальчика-гнома или хотя бы откуда он пришел. Она поняла, что сделала большую ошибку, и ей стало очень страшно.

Но вот сумерки начали сгущаться, и вдруг кто-то постучал в дверь. Принцесса открыла ее и увидела за порогом старушку. Старушка попросилась переночевать.

Принцесса была очень добрая девушка и охотно пустила бы в дом бедную старушку, но не посмела — побоялась, как бы великан не рассердился. Она сказала старушке, что не смеет пустить ее переночевать, потому что сама она в этом доме не хозяйка, а простая служанка. Но она все-таки усадила гостью на скамью у дверей, принесла ей хлеба и молока и дала воды помыть усталые ноги.

Принцесса была такая хорошенькая, такая милая и добрая девушка и она до того огорчилась, когда ей пришлось отказать старушке в ночлеге, что та благословила ее и принялась утешать.

— Не заботься обо мне, — сказала старушка. — Вечер теплый, сухой. Ты меня накормила, и теперь я посижу на дворе, а потом посплю где-нибудь у сарая.

И вот старушка доела хлеб, допила молоко и немного погодя легла спать у подножия зеленого холмика, что возвышался над торфяником, недалеко от хлева.

Но не успела она улечься, как почувствовала, что земля под ней все теплеет и теплеет. Наконец земля стала такой горячей, что пришлось старушке вскарабкаться на холмик, чтобы подышать свежим воздухом.

Она уже почти дошла до вершины, как вдруг откуда-то из-под земли послышался голос. Кто-то говорил:

Трепли, трепли, растрепывай;
 Чеши, чеши, расчесывай;
 Пряди, пряди, попрядивай;
 Пириглуп, Пириглуп, Пириглуп —
 Вот как все меня зовут.

Наконец старушка поднялась на холмик и тут заметила в земле трещину. Из трещины лился свет. Старушка припала к ней глазом, и что же она увидела? Глубоко внизу, в ярко освещенной комнате собрались все гномы Пири. Они сидели кружком и работали с великим усердием.

Одни трепали шерсть, другие ее расчесывали, третьи пряли, то и дело облизывая себе пальцы, чтобы ссучить нить потоньше, а четвертые ткали из пряжи сукно.

По кругу все время ходил желтоволосый мальчик Пири. Он хлопал хлыстиком и понукал остальных работать побыстрее.

«Вот так чудеса! Дивные дела тут творятся! — подумала старушка и поспешила спуститься с холмика. — Надо мне сейчас же пойти и рассказать про все, что я видела, доброй девушке в том доме. Кто знает, а вдруг это ей пригодится? Когда народец Пири держится поблизости, лучше быть начеку».

И вот она вернулась в дом и рассказала принцессе про все, что видела и слышала. Принцесса так обрадовалась, что, как ни страшно ей было рассердить великана, она позволила старушке переночевать на сеновале.

Вскоре после того, как старушка ушла спать, дверь открылась, и появился мальчик Пири с кусками сукна на плече.

— Вот твое сукно, — сказал он с хитрой улыбкой. — Я положу его к тебе на полку, как только ты назовешь мое имя.

Принцесса была веселого нрава и решила немножко подразнить гнома. Она стала называть разные имена, одно за другим, и всякий раз притворялась уверенной, что назвала настоящее. А мальчик Пири прыгал от радости и покатывался со смеху. Ведь он думал, что она ни за что не догадается, как его зовут, и половина сукна достанется ему.

Но в конце концов принцессе надоело шутить, и она сказала со смехом:

— Ты не знаешь, человечек, кого зовут Пириглупом?

Тут он понял, что она все-таки узнала, как его зовут люди, и так рассердился, что в досаде свалил на пол все сукно в кучу и выбежал вон, хлопнув дверью.

Тем временем великан спускался с холма. Уже темнело, и вдруг он с удивлением увидел, что навстречу ему идет народец Пири. Гномы медленно поднимались на холм, повесив головы, и, как видно, до того утомились, что еле ноги передвигали. Глаза у них были мутные и словно незрячие, а губы так отвисли и скривились, что бедняги стали настоящими уродцами-губошлепами.

Великан спросил, что с ними, а они ответили:

— Мы целый день работали на своего хозяина и совсем из сил выбились. А губы у нас так отвисли потому, что мы то и дело смачивали себе пальцы слюной, чтобы ссучить нить потоньше.

— А я-то всегда уважал женщин, что умеют прясть! — сказал великан. — Хотел, чтоб хозяйка моего дома была хорошей пряхой. Но теперь передумал. Сейчас у меня живет хозяйка, да такая красота! И мне вовсе не хочется, чтобы она стала уродиной. А сядет за прялку, испортит себе личико.

И он поспешил домой, опасаясь, как бы алые губки его новой служанки тоже не отвисли, как у гномов.

Но он вздохнул с облегчением, когда увидел, что служанка его стоит у стола все такая же хорошенькая, как раньше, а перед нею лежит целая куча сукна.

— Ты прилежная девушка, — сказал великан, очень довольный. — В награду за твою усердную работу я верну тебе сестер.

Тут он пошел в хлев, снял обеих принцесс с насеста, принес их в дом и положил на ларь.

Младшая принцесса чуть не вскрикнула, когда увидела, как избиты ее сестры, — на них живого места не было. Но она была осторожна — прикусила язычок и только принялась мазать их раны целебной мазью и делать им перевязки. Мало-помалу старшие сестры ожили и, когда великан ушел спать, рассказали младшей про все, что с ними приключилось.

— Я отомщу ему за его жестокость, — сказала младшая принцесса, и так решительно, что сестры поняли: она говорит не на ветер.

И вот наутро, пока великан еще не встал с постели, младшая принцесса притащила его корзину, уложила в нее старшую сестру и покрыла ее всеми шелковыми занавесками и коврами, какие были в доме, а сверху набросала травы. Когда же великан спустился в кухню, девушка вежливо попросила его оказать ей одну услугу.

Великан был очень доволен ею — ведь он думал, что это она сама наткала столько сукна, — и согласился исполнить ее просьбу.

— Отнеси эту корзину травы моей матери, а то ей нечем кормить корову, — сказала принцесса. — Ты ведь крадешь капусту с нашего огорода, так эта трава будет взамен капусты.

Как ни странно, великан послушался и отнес корзину королеве.

На следующее утро младшая принцесса положила свою среднюю сестру в другую корзину, покрыла ее всеми скатертями и салфетками, какие нашлись в доме, а сверху набросала травы. По ее просьбе великан отнес королеве и эту корзину, да и не мудрено, что отнес, — ведь он уже начал привязываться к своей служанке.

На третий день младшая принцесса сказала великану:

— Я кончу всю домашнюю работу, а потом надолго уйду гулять и, может быть, не вернусь к тому времени, когда ты вечером придешь домой. Но я заранее наберу корзину травы, а ты, пожалуйста, отнеси корзину ко мне домой, как относил вчера и третьего дня.

Великан обещал исполнить ее просьбу и, как всегда, ушел на целый день.

После обеда принцесса обошла весь дом, собрала все кружева, серебро и драгоценности, какие могла найти, и снесла их к корзине. Потом вышла из дому, накосила охапку травы и свалила ее на пол, рядом с вещами.

А когда все приготовила, влезла в корзину, положила поверх себя вещи и прикрыла их травой. Очень трудно это было сделать, ведь сама-то она лежала на дне корзины. И все-таки ей это удалось. А потом она лежала совсем тихо и ждала, что будет.

Вскоре пришел великан, поднял корзину и понес ее старой королеве.

Никого как будто не было дома, поэтому великан поставил корзину у входа и повернулся, чтобы уйти. Но младшая принцесса заранее научила старших, что им надо делать. Они принесли огромный котел кипятку в комнату под крышей, а когда услышали шаги великана, открыли окно и вылили весь кипяток прямехонько ему на голову. Тут великану и конец пришел.

Черный Бык Норроуэзский

В старину, много веков назад, жила-была одна вдовствующая королева, и было у нее три дочери. Королева была такая бедная, что ей с дочерьми часто даже есть было нечего.

И вот старшая принцесса надумала идти по свету счастье свое искать, и мать согласилась ее отпустить.

— Лучше уж на чужой стороне работать, чем дома с голоду помирать, — говорила она.

Неподалеку от их замка жила старуха птичница. Она слыла колдуньей, и говорили, будто она может предсказывать будущее. Вот королева и послала к ней старшую принцессу спросить, в какую из четырех стран света ей лучше пойти счастье свое искать.

Птичница жалела королеву и ее красавиц дочерей и была рада подать им добрый совет.

— Тебе незачем идти далеко, милочка, — сказала она старшей принцессе. — Дойди только до задней двери моего дома и выгляни из нее.

Принцесса побежала по сеним к задней двери старухино дома, и что же она увидела? Великолепная карета, запряженная шестеркой буланых лошадей, катила по дороге.

Девушка всполошилась и побежала назад в кухню рассказать птичнице про карету.

— Хорошо, отлично! — сказала ей старуха, очень довольная. — Вот ты и увидела свое счастье! Эта карета приехала за тобой.

И правда, карета остановилась у ворот замка, и средняя принцесса уже побежала к птичнице сказать сестре, чтобы та поскорее возвращалась домой, — ведь карета за ней приехала!

Не помня себя от радости, старшая принцесса поспешила домой и простилась с матерью и сестрами. Потом села в карету, и лошади помчали ее вдаль.

Говорят, будто эта карета направилась ко дворцу могущественного и богатого принца и он женился на старшей принцессе.

Несколько недель спустя средняя принцесса решила, по примеру сестры, пойти к птичнице и спросить, в какую сторону ей пойти счастья своего поискать. И конечно, она в глубине души надеялась, что с нею случится то же, что случилось со старшей ее сестрой.

Так оно и вышло. Старуха птичница велела ей выглянуть за дверь ее дома, что выходила на задний двор. Принцесса выглянула и увидела, что к их замку подъезжает карета, запряженная шестеркой. Она рассказала про это старухе, а та ласково улыбнулась и велела ей бежать домой, потому что она уже нашла свое счастье. Ну, принцесса побежала домой, села в карету и уехала.

Младшей принцессе тоже захотелось попытать счастья. Веселая, полная надежд, она в тот же вечер побежала к колдунье.

Старуха велела младшей принцессе подойти к задней двери, и та пошла. Она думала, что третья карета, запряженная шестеркой, вот-вот подкатит к воротам замка.

Но не тут-то было! Никакой кареты она не увидела. Никто не ехал по дороге. Младшая принцесса в досаде побежала к птичнице и сказала, что кареты нет.

— Ну, значит, счастье твое придет к тебе не сегодня, — молвила старуха. — Подожди до завтра.

Младшая принцесса вернулась домой и на другой день опять пошла к птичнице. Но и на этот раз надежды ее не сбылись. Как она ни всматривалась в даль, никакой кареты не появлялось. А вот на третий день... Что же она увидела на третий день? По дороге, свирепо дергая головой, с ревом мчался громадный черный бык.

Принцесса очень испугалась, захлопнула дверь и побежала к птичнице сказать, что к дому бежит страшный, свирепый бык.

— Ох, милочка, — воскликнула старуха, всплеснув руками, — кто бы мог подумать, что счастьем твоим будет Черный Бык Норроуэйский!

Услышала это бедная принцесса и побледнела. Ведь она пошла искать свое счастье, но никак не ожидала, что оно окажется таким страшным.

— Да разве этот бык может быть моим счастьем! — вскричала она в ужасе. — Не могу же я уйти с быком!

— Придется, — спокойно молвила птичница. — Ты выглянула за дверь моего дома, чтобы найти свое счастье. Значит, раз уж счастье твое пришло, придется тебе его взять.

Принцесса в слезах побежала к матери. Она твердила, что не хочет никуда уходить из дому. Но королева-мать сказала ей то же, что говорила птичница. И вот, когда громадный черный бык подошел к воротам замка, пришлось принцессе сесть к нему на спину. Пока она садилась, он стоял смирно, а как только села, сразу пустился вскачь. Бедная принцесса крепко ухватилась за его рога, а сама плакала и дрожала от страха.

Бык все бежал и бежал, а несчастная девушка наконец совсем ослабела от страха и голода, так что едва держалась на его спине. Она боялась, что вот-вот выпустит из рук рога и свалится на землю. Но бык вдруг чуть-чуть повернул к ней свою огромную голову и проговорил удивительно ласковым и приветливым человеческим голосом:

— Скушай то, что у меня в правом ухе лежит, и выпей то, что у меня в левом ухе. Это тебя подкрепит.

Принцесса сунула дрожащую руку в правое ухо быка и вынула оттуда ломоть хлеба с мясом. Она съела хлеб с мясом, и ей полегчало. Потом сунула руку в левое ухо быка и вытащила маленькую склянку с вином. Выпила вино, и силы чудом вернулись к ней.

Долго бежал бык. Принцесса уже подумывала, что скоро будет Край Света. Но вот впереди показался великолепный замок.

— Тут мы переночуем, — сказал Черный Бык Норроуэйский. — Это дом одного из моих братьев.

Принцесса очень удивилась, но ничего не ответила — слишком уж она устала. А бык пробежал по двору замка и боднул рогами парадную дверь.

Дверь тотчас открыл слуга в роскошной ливрее. Он очень почтительно приветствовал быка и помог принцессе спешиться. Потом проводил ее в богато убранный зал, где ее встретили сам владелец замка с супругой и их гости. А Черный Бык Норроуэйский ушел ночевать на лужайку в парк, что раскинулся вокруг замка.

Владелец замка и его супруга приняли принцессу очень радушно. Накормили ее ужином и проводили в богато убранную спальню, где все стены были увешаны зеркалами в золотых рамах.

Наутро, когда Черный Бык Норроуэйский подбежал к парадной двери, владелец замка и его супруга подарили принцессе крупное красивое яблоко и сказали:

— Положи его в карман и бережно храни. Не трогай этого яблока, пока не попадешь в большую беду — такую, что хуже и быть не может. А тогда разломи яблоко, и оно вызовет тебя из беды.

Принцесса положила яблоко в карман, потом ее посадили на спину к быку, и он снова тронулся в путь.

Весь день они провели в дороге, а вечером впереди показался другой замок, еще выше и богаче, чем первый.

— Тут мы переночуем, — сказал принцессе Черный Бык Норроуэйский. — Здесь живет другой мой брат.

Эту ночь принцесса провела в роскошной спальне, где стены были сплошь увешаны шелковыми тканями. Владелец этого замка и его супруга тоже встретили принцессу приветливо и всячески старались ей угодить.

А наутро они на прощанье подарили ей огромную грушу, какой принцесса в жизни не видывала, и сказали, что разломить ее она должна лишь тогда, когда попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. И как только она разломит грушу, та вызовет ее из беды.

Третий день прошел так же, как и второй. Много-много миль пробежал Черный Бык Норроуэйский с принцессой на спине, а когда зашло солнце, впереди показался замок, еще более роскошный, чем первые два.

Этим замком владел младший брат Черного Быка, и здесь принцесса переночевала. А бык опять ушел на всю ночь в парк. На этот раз принцесса получила перед отъездом чудесную большую сливу с наказом разломить ее, только если принцесса попадет в большую беду, такую, что хуже и быть не может. А тогда пусть разломит сливу, и та вызовет ее из беды.

Однако четвертый день выдался непохожим на первые три. Вечером принцесса не увидела никакого замка. К тому времени, когда тени на земле стали удлиняться, бык вошел в темное глубокое ущелье, такое мрачное, такое жуткое, что у бедной принцессы сердце захолонуло.

Перед тем как войти в ущелье, Черный Бык Норроуэйский остановился и сказал:

— Тут тебе придется спешиться, госпожа моя. В этом ущелье я буду сражаться не на жизнь, а на смерть. Биться я буду один, и никто не должен мне помогать. Темное, мрачное ущелье, что лежит перед нами, — это логово Духа Тьмы. Он творит много зла в нашем мире. Я хочу с ним

сразиться и победить его и надеюсь, что смогу. А ты сядь вот на этот камень и не шевели ни рукой, ни ногой, ни языком, пока я не вернусь. Если только чуть шевельнешься, попадешь под власть Злого Духа, что обитает в этом ущелье.

— Но как же я узнаю, что с тобой случилось, если мне нельзя ни говорить, ни шевелиться? — в тревоге спросила принцесса.

За эти четыре дня она уже успела привыкнуть к огромному Черному Быку.

— Ты узнаешь это, когда оглянешься кругом, — ответил Черный Бык. — Если все вокруг тебя посинеет, знай, что я победил Злого Духа. Если же все покраснеет, знай, что Злой Дух одолел меня.

И тут Черный Бык Норроуэйский отошел от нее и вскоре скрылся в темной глубине ущелья. А принцесса села на камень и сидела неподвижно — старалась даже пальчиком не пошевелить, до того она боялась, как бы не настигло ее неведомое несчастье.

Так она просидела с добрый час. И вдруг все вокруг нее начало менять свой цвет — сначала стало серым, потом лазурным, словно само небо спустилось на землю.

«Черный Бык победил! Какой молодец!» — подумала принцесса и от радости пересела поудобнее и скрестила ноги. Но вот горе! Сразу же на нее пали злые чары, и она стала невидимой для принца Норроуэйского.

Ведь Черный Бык на самом деле был человеком. Его звали Черный Рыцарь, принц Норроуэйский. Когда-то его заколдовали и обратили в черного быка. А теперь он победил Злого Духа, снова стал человеком и уже бежал по ущелью к принцессе, чтобы показаться ей в настоящем виде. Ведь он ее полюбил и хотел на ней жениться.

Но он не увидел принцессы. Долго-долго искал он ее, да так и не нашел. А она в это время с нетерпением ждала его на камне и дожидаться не могла. Она тоже его не видела, как он не видел ее.

И так она все сидела и сидела и наконец до того утомилась и до того ей стало страшно и одиноко, что она расплакалась, и плакала, пока не уснула. А когда утром проснулась, поняла, что сколько ни сиди на камне, толку не будет. И вот она встала и пошла куда глаза глядят.

И она все шла и шла, пока дорога не уперлась в огромную стеклянную гору. Принцесса много раз пыталась подняться на эту гору, но не могла. Гора была такая скользкая, что стоило путнице вскарабкаться на несколько футов, как она сейчас же опять соскальзывала вниз.

Тогда она решила обойти гору в надежде отыскать тропинку на вершину. Но гора была такая большая, а принцесса так устала, что потеряла всякую надежду и совсем приуныла. Она плелась, еле передвигая ноги и проливая слезы, и уже боялась, что скоро совсем выбьется из сил. И тогда останется ей только лечь и умереть.

Но вот около полудня она подошла к какому-то домику. Близ него была кузница, и старик кузнец работал у наковальни.

Принцесса вошла и спросила его, нет ли тут где-нибудь тропинки на вершину стеклянной горы. Кузнец отложил свой молот, посмотрел на нее и покачал головой.

— Нет, девушка, — сказал он, — через стеклянную гору дороги нет. Правда, ее можно обойти, но это нелегко — сотни миль отшагать придется. Да если кто и попытается обойти эту гору, все равно заблудится. Подняться на вершину горы можно, но только в железных башмаках.

— А где достать железные башмаки? — спросила принцесса. — Ты бы не мог мне сковать такие, добрый человек? Я охотно за них заплачу.

Но тут она вдруг вспомнила, что денег у нее нет.

— Эти башмаки не продаются за серебро, — ответил старик. — Их можно получить только в награду за свою работу. Я один умею ковать такие башмаки, да и кую для тех, кто согласен мне послужить.

— А как долго мне придется служить, чтобы ты сковал мне железные башмаки? — спросила принцесса.

— Семь лет, — ответил старик кузнец. — Ведь это башмаки не простые, а волшебные. И семь — тоже волшебное число.

Делать нечего, пришлось принцессе наняться к старику кузнецу. Семь долгих лет она ему служила — стряпала, шила, штопала, стирала, убирала дом. Когда же срок ее службы кончился, старик кузнец сковал ей железные башмаки. Принцесса надела их и поднялась на стеклянную гору. И так легко ей было подниматься, словно гора поросла свежей травой.

Вот принцесса добралась до вершины горы, потом спустилась в долину и направилась к первому же дому. В нем жила старуха прачка со своей единственной дочерью. Принцесса подошла к ее двери, постучалась и попросилась переночевать.

Прачка, безобразная старуха с хитрым и злым лицом, сказала, что пустит ее переночевать, но только если она сумеет выстирать белый плащ Черного Рыцаря Норроуэйского. В нем Черный Рыцарь сражался не на жизнь, а на смерть, и плащ весь покрыт пятнами крови.

— Вчера я целый день старалась отстирать этот плащ, — говорила старуха, — но все без толку. Вечером вынула его из корыта, а пятна как были, так и остались. Может, тебе, девушка, удастся его отмыть. Очень уж мне хочется угодить Черному Рыцарю Норроуэйскому, ведь он — богатый и могущественный властитель.

— А что, Черный Бык Норроуэйский — это не его бык? — спросила принцесса.

Старуха подозрительно посмотрела на нее.

— Черный Бык — это и есть сам Черный Рыцарь, — ответила она. — Когда-то Черного Рыцаря заколдовали — обратили в Черного Быка. И чтобы снова стать человеком, он должен был вызвать на бой и победить могучего Злого Духа, что жил в темном ущелье. Ну, он сразился со Злым Духом и победил его и опять стал человеком. Вот только ходит слух, будто на него иногда помрачение находит — все говорит про какую-то девушку. Будто он хотел взять ее в жены, да потерял. Но кто она такая, никому не известно. Впрочем, тебе это ни к чему, ты ведь здесь чужая, — добавила прачка, словно пожалев, что сказала лишнее. — Некогда мне с тобой болтать! Хочешь попытаться отмыть плащ, оставайся ночевать, а нет — ступай своей дорогой.

Принцесса, конечно, сказала, что постарается выстирать плащ. И вот не успела она положить плащ в воду, как все пятна на нем исчезли, словно по волшебству, и он стал чистым и белым, как новый.

Старуха прачка обрадовалась, но тут же ее взяло сомнение. Ей показалось, что между Черным Рыцарем и этой девушкой есть какая-то таинственная связь. Ведь сама она, прачка, да и дочь ее, как только ни старались, как ни выбивались из сил, не сумели отмыть плащ. А эта девушка отстирала его сразу.

Черный Рыцарь должен был в тот же вечер прийти к прачке за своим плащом. И вот она надумала сказать ему, что плащ выстирала ее дочь. И старуха посоветовала принцессе поскорее лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть. Принцесса послушалась и уже крепко спала в чулане, когда Черный Рыцарь Норроуэйский пришел к прачке за своим белым плащом.

Надо сказать, что все последние семь лет, с тех самых пор, как он бился в ущелье с Духом Зла, он многих женщин просил выстирать ему плащ. Но ни одна не смогла его отмыть. Тем временем одна вещунья предсказала ему, что та, кто отмоет добела этот плащ, станет его женой, кто бы она ни была — красавица или уродина, старуха или молодая девушка. И жена эта будет ему любящей и верной помощницей.

И вот Черный Рыцарь пришел к прачке и получил обратно свой плащ, белый, как первый снег. Когда же ему сказали, что это дочь прачки отстирала плащ, он решил обвенчаться с ней на другой же день.

Наутро принцесса проснулась и узнала, что Черный Рыцарь пришел сюда, пока она спала, получил плащ и сегодня же обвенчается с дочерью прачки. Тут бедная принцесса чуть не помешалась от горя. Она подумала, что никогда уже ей не свидеться с Черным Рыцарем. Но вдруг вспомнила про яблоко, которое получила семь долгих лет назад и все это время носила с собой.

«Хуже той беды, в какую я попала теперь, быть не может», — подумала она. Взяла яблоко и разломила его. И что же в нем оказалось? Такие драгоценные самоцветы, каких она в жизни не видывала. Тут принцесса сразу придумала, что ей делать, — вынула из яблока драгоценные камни, высыпала их в свой платок и понесла к прачке.

— Смотри! — сказала она. — Я богаче, чем ты думала. Если хочешь, все эти камни будут твоими.

— А что для этого надо сделать? — спросила старуха.

Она никогда не видела таких драгоценных камней, и глаза у нее загорелись.

— Только отложи на один день свадьбу своей дочери, — ответила принцесса, — и позволь мне нынешней ночью посидеть в спальне Черного Рыцаря, пока он будет спать. Мне давно хочется на него поглядеть.

К ее удивлению, прачка согласилась — очень уж ей хотелось получить самоцветы и разбогатеть. А в просьбе принцессы она не видела ничего опасного для себя и своей дочери. Но она все-таки решила опоить Черного Рыцаря сонным зельем, так, чтобы он за всю ночь ни разу не проснулся и не увидел девушки.

И вот прачка взяла самоцветы и убрала их в свой сундук, а свадьбу дочери отложила на один день.

Вечером принцесса вошла в спальню Черного Рыцаря, когда он уже спал. Всю долгую ночь просидела она у его ложа и всю ночь пела песню в надежде, что он проснется и услышит ее. Она пела:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

Она снова и снова пела эту песню, и сердце у нее разрывалось, но он ничего не слышал и даже не шевелился, потому что выпил сонное зелье старой прачки.

На другой день принцесса разломила грушу в надежде, что она может ей лучше, чем помогло яблоко. Но в груше она опять нашла только самоцветы, правда, еще более крупные, чем те, что были в яблоке. Делать нечего. Пришлось ей отнести и эти самоцветы старой прачке.

— Отложи свадьбу еще на один день, — попросила принцесса старуху, — а мне позволь просидеть и эту ночь в спальне Черного Рыцаря.

Прачка согласилась. «Эдак я разбогатею быстро», — подумала она и заперла самоцветы в сундук.

Но все было напрасно! Принцесса всю ночь сидела у ложа Черного Рыцаря и, с нежностью глядя на него, пела:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня? —

а он лежал неподвижный, как камень, и ничего не слышал.

Наутро принцесса уже почти потеряла надежду. «У меня осталась только слива, и уж если она не поможет, так ничто мне не поможет», — думала она. Дрожащими пальцами она разломила сливу и нашла в ней самоцветы, еще более редкие и драгоценные, чем те, что были в яблоке и груше. Принцесса побежала к прачке и высыпала ей самоцветы на колени.

— Бери! — сказала она. — Только отложи свадьбу еще на один день и позволь мне посидеть в спальне принца еще одну ночь.

Прачка, хоть и очень удивленная, опять согласилась.

А Черному Рыцарю уже надоело ждать свадьбы, и в тот день он поехал на охоту вместе со своими слугами. По дороге слуги стали говорить между собой о том, что их так поразило в прошлые две ночи. Наконец один старик охотник подъехал к Черному Рыцарю и сказал:

— Господин мой, нам очень хотелось бы знать, кто это всю ночь так чудесно поет в твоей спальне?

— Кто поет? — повторил принц Норроуэйский. — Да никто не поет! В спальне моей тихо, как в могиле, а сам я, с тех пор как поселился в этом доме, сплю как убитый и даже во сне ничего не вижу.

Старый охотник покачал головой.

— Нынче вечером, господин мой, — сказал он, — не пей того напитка, что подает тебе прачка. Тогда и ты услышишь то, что слышали все прочие.

В другое время Черный Рыцарь лишь посмеялся бы над такими бреднями, но в этот день слова старика запали ему в душу, и он послушался совета.

И вот настал вечер. Старуха прачка опять что-то подмешала в чашку эля и принесла сонное зелье Черному Рыцарю. Но он только чуть пригубил и сказал, что питье недостаточно сладко. Старуха пошла в кухню за медом, чтобы подсластить эль. А Черный Рыцарь в это время быстро встал с постели и вылил питье в окошко. Когда же старуха вернулась, он сказал, что уже выпил всю чашку.

И в ту ночь он не заснул. Он услышал, как принцесса вошла в спальню и как она запела свою жалобную песню:

Семь долгих лет я служила ради тебя,
На стеклянную гору всходила ради тебя
И белый твой плащ отмыла ради тебя,
Что же ты не проснешься, не поглядишь на меня?

А когда услышал, вспомнил все. Он вскочил, обнял и поцеловал принцессу и попросил ее рассказать про все, что с нею приключилось с тех пор, как они расстались. Принцесса рассказала, и тогда принц так рассердился на старуху прачку и ее обманщицу-дочь, что выгнал их из своих владений. Потом он женился на принцессе, и они всю жизнь жили счастливо.

Ведьма из Файфа

Давным-давно жили-были в королевстве Файф старик и старуха. Старик был человек смирный, кроткий, а старуха — ветреная, пустая бабенка. Так что иные их соседи даже косились на нее и говорили, будто она ведьма. Да и сам ее муж этого побаивался, потому что она, как ни странно, повадилась убегать из дому. Как только, бывало, на дворе станет темнеть, старуха словно сгинет, да так за всю ночь и не вернется домой. А утром придет бледная, усталая, будто ходила куда-то далеко или на тяжелой работе надрывалась.

Муж попытался было проследить, куда она ходит и что делает, да не смог. Она всякий раз ухитрялась выскочить за дверь, когда он в другую сторону смотрел. А как выскочит, так ее и след простыл. Никак не мог старик за ней уследить.

Наконец стало ему невтерпеж, и однажды он спросил ее напрямик: «Скажи, ведьма ты или нет?» А как услышал ответ, так у него вся кровь застыла. Ведь жена-то его, недолго думая, ответила без обиняков, что да, она и вправду ведьма, и если он обещает никому про это не говорить, она в другой раз расскажет ему, где пропадала. Ну, старик обещал, что никому ничего не разболтает. Очень уж ему хотелось узнать, где шляется его старуха.

Ждать ему пришлось недолго. Через неделю родился молодой месяц, а всем известно, что в новолуние-то ведьмы как раз и любят блуждать невесть где. И вот в первую же ночь новолуния старуха пропала. Вернулась она на рассвете.

Старик спросил у нее, где она была. А старуха залилась смехом и тут же рассказала ему про все, что с ней приключилось.

Оказывается, она встретила со своими четырьмя подругами у старой церкви, что на пустоши стоит. Там они сели верхом кто на лавровые ветки, кто на пучки болиголова, и те тотчас превратились в коней. Ведьмы помчались по горам и долам быстрее ветра и стали там гоняться за лисицами, ласками и совами. Потом переплыли реку Форт и поднялись на гору Бен-Ломонд. Там они спешили и принялись пить пиво, что варилося не в человеческой пивоварне. Пили они это пиво из роговых чаш, тоже не людьми сделанных.

А потом из-под громадного обомшелого камня выскочил малюсенький человечек с крошечной волынкой под мышкой и принялся играть, да так весело, что даже форели и те выплеснулись из озера под горой, а горностаи выбежали из своих норок. Откуда-то слетелись вороны и цапли, расселись в темноте на деревьях и тоже стали слушать. А ведьмы — те в пляс пустились и до того доплясались, что от усталости едва могли усидеть на своих конях, когда пришла им пора возвращаться. Уехать пришлось рановато, чтобы попасть домой до первых петухов.

Старик слушал старуху молча, только головой покачивал. А когда она кончила рассказывать, промолвил:

— На что тебе нужны все эти танцы-плясы? Сидела бы лучше дома! Дома-то поспокойней будет.

Но вот снова настало новолуние, и старуха опять пропала на всю ночь. А когда наутро вернулась, рассказала мужу, что на сей раз ее подруги — и она с ними — уселись в раковины и поплыли в них, как в лодках, по бурному морю. Плыли они, пока не пристали к берегам Норвегии. Там они сели верхом на невидимых коней, детищ ветра, помчались на них по горам, и ущельям, и ледникам и наконец прибыли в Лапландию. Она была вся покрыта снегом.

Там эльфы, и феи, и морские девы Севера пировали с колдунами, домовыми, духами, и на пир этот явились даже сами охотники-призраки, а их ни один смертный не видел.

Ведьмы из Файфа тоже пировали со всеми прочими. Они ели, пили, плясали, пели, и — самое главное — узнали от тамошней нечистой силы некие волшебные слова, или, по-другому сказать, наговор. Стоит только прошептать эти слова, как сразу взвоньешься в воздух, а потом перед тобой отомкнутся все замки и запоры, так что куда хочешь, туда и входи. Затем ведьмы из Файфа вернулись домой очень довольные.

Старик на это только проворчал:

— На что тебе нужно шляться в такие места? Лежала бы лучше дома, в своей постели, теплей было бы.

Но после того как старуха в третий раз пропала на всю ночь, ее рассказы заделали старика за живое.

На этот раз она встретила с подругами в доме одной ведьмы, что жила по соседству. Они прослышали, что у карлайлского епископа есть винный погреб, а в том погребе хранится отменное вино. Ну, ведьмам и захотелось отведать этого вина, и вот как они до него добрались: ступит ведьма на крюк в камине — тот крюк, на какой котел вешают, когда хлебу варят, — прошепчет наговор, какому научилась от эльфов в Лапландии, и... вот чудеса! Вылетит в трубу, точь-в-точь как дым вылетает. Ну, потом они все полетели по воздуху, словно клочья облаков, и вмиг домчались до дворца епископа в Карлайле.

Там все замки и запоры отомкнулись перед ними сами собой. Ведьмы проникли в винный погреб, отведали епископского винца и до первых петухов вернулись в Файф — совсем трезвые, степенные старушки — хмеля ни в одном глазу.

Как услышал про это старик, даже со стула вскочил, — ведь он больше всего на свете любил хорошее вино, а такое ему не часто доводилось пить.

— Ну, такой женой, как ты, гордиться можно, право слово! — вскричал старик. — Скажи-ка мне этот наговор, старуха, и я тоже туда слетаю — хочется мне попробовать епископского винца.

Но старуха только головой покачала.

— Нет, нет! Не могу, — говорит. — Тебе скажи — ты другим перескажешь, а тогда весь свет вверх тормашками полетит. Все свою работу побросают и полетят по миру шляться, в чужие дела нос совать да к чужим лакомствам подбираться. Так что ты уж лучше сиди смирно, старик. Хватит с тебя того, что ты уже знаешь.

Как ни уламывал старик жену, как ни улещал, не захотела она открыть ему свою тайну.

Но он был старик хитрый, а вино епископа не давало ему покою. И вот он ночь за ночью стал прятаться в доме той старухи, где его жена с подругами своими встречалась. Долго ему пришлось их караулить, но наконец он дождался-таки своего часа.

Как-то раз вечером все пять подруг собрались в этом доме. Старухи тихонько болтали, хихикали, вспоминали про все, что с ними приключилось в Лапландии. Немного погодя они подбежали к камину. И вот —

станет ведьма на стул, потом ступит на крюк, черный от сажи, пробормочет волшебные слова и... ну и чудеса! Старик еще дух перевести не успеет, а ведьмы уж и след простыл! Выпорхнула в трубу. И так все ведьмы улетели одна за другой.

«Ну, это и я могу!» — подумал старик. Ступил на крюк, прошептал наговор, вылетел в трубу и понесся по воздуху вслед за пятерыми ведьмами — ни дать ни взять заправский колдун.

Ведьмы, когда летят, не оглядываются, потому они и не заметили, что старик следом за ними несется.

Но вот вся орава подлетела к дворцу епископа в Карлайле и спустилась в погреб. И тут только ведьмы увидели, что старик тоже прилетел сюда вслед за ними. Это им не очень-то понравилось. Но делать нечего! Пришлось им угощаться вместе.

И вот все они стали пробовать вино то из одной бочки, то из другой. Но ведьмы отпивали из каждой только по глоточку, лишнего не пили. Уж такие они были старухи, что никогда разума не теряли — помнили, что раз они должны вернуться домой до первых петухов, значит, надо, чтобы в голове не мутилось, и нельзя напиваться до бесчувствия.

Но старик был не такой разумный, как они. Он все пил да пил епископское вино, и, наконец, его одолела дремота. Он лег на пол и крепко заснул.

Увидела это его старуха и надумала его проучить, — в другой раз, мол, не будет соваться, куда не следует. И когда ведьмам настала пора убираться восвояси, старуха не стала будить мужа и улетела с подругами.

А старик спокойно проспал в погребе до утра. Но вот двое епископских слуг спустились в погреб, чтобы нацедить вина для своего хозяина, и в темноте чуть не упали, наткнувшись на спящего старика. Они очень удивились, да и не мудрено — ведь дверь в погреб была заперта на замок, и они ее сами отперли.

Тут слуги выволокли старика на свет божий и принялись его трясти и колотить, а когда наконец разбудили, стали спрашивать, как он сюда попал.

Бедняга до того напугался, а голова у него так закружилась, что он только и смог, что пробормотать:

— Я из Файфа... на полночном ветре прилетел...

Как услышали слуги эти слова, закричали: «Колдун! Колдун!» — и потащили старика к епископу. А надо сказать, что в те времена епис-

копы до смерти боялись колдунов и ведьм. Ну, карлайльский епископ и приказал сжечь старика живым.

Бедный старик как услышал свой приговор, так от души пожалел, что не остался дома, в своей постели, а погнался за епископским вином. Но жалея не жалея — толку мало!

И вот слуги вытащили старика во двор, обмотали его цепью и привязали эту цепь к толстому железному столбу. А вокруг столба сложили большой костер и подожгли дрова.

Вскоре первый язычок пламени пробился между поленьями, и старик подумал: «Ну, теперь мне конец!» Ведь он начисто позабыл, что жена у него — ведьма.

Но когда пламя уже принялось лизать стариковы штаны, в воздухе что-то затрепыхалось, зашелестело, и вдруг большая серая птица с распростертыми крыльями появилась в небе, камнем упала во двор и села на плечо к старику. В клюве серая птица держала красный ночной колпачок. И вот надела она колпачок старику на голову, что-то свирепо каркнула и улетела. А старику ее карканье показалось краше самой прекрасной песни. Ведь это не простая птица каркнула, это его жена наговор ему шепнула.

Как услышал он ее шепот, подпрыгнул от радости и громко выкрикнул волшебные слова. Тут цепи с него свалились — и он взвился в воздух.

Люди, что собрались на площади, прямо онемели от удивления. А старик и не подумал проститься с жителями Карлайла — он летел все выше и выше, прямехонько в королевство Файф, и вскоре прилетел домой, целый и невредимый.

И он уже больше никогда не старался выпытывать женины тайны. Оставил ее в покое, — пусть, мол, делает что хочет.

Сэр Майкл Скотт

Сэр Майкл Скотт из Балвери был самым великим магом, или, как еще говорят, волшебником, каких только знала Шотландия.

Рассказывают, что верными слугами его были духи преисподней, причем одного из них подарил Скотту сам Сатана в обмен на его тень. И с тех пор сэр Майкл и вправду перестал отбрасывать тень.

Даже вороной скакун сэра Майкла был не простой, а волшебный.

Случилось однажды, что король Шотландии Александр III послал сэра Майкла ко двору французского короля с важным поручением: добиться кое-каких уступок, на которые король Франции не хотел соглашаться.

— Я бы посоветовал вашему величеству пересмотреть ваши требования, — строго сказал сэр Майкл французскому королю.

Но король Франции ничего не знал о великой силе сэра Майкла Скотта и нисколько не испугался угрозы, прозвучавшей в его голосе. Он только покачал головой.

— Даю вам несколько минут на раздумье, пока мой вороной конь не ударит трижды копытом у ворот вашего замка, — сказал сэр Майкл.

Король и его приближенные так и прыснули со смеху от слов этого заморского выскочки. Однако смех их потонул в громком эхе — это вороной конь сэра Майкла ударил копытом по каменной мостовой перед воротами замка.

И тут же в ответ зазвонили колокола по всей Франции. Большие колокола громко бухали, маленькие тоненько перезванивались. Честные

люди, разбуженные колокольным звоном, повскакали со своих постелей, разбойники с большой дороги все попрятались, а пирующие, не успевшие пригубить вино, так и застыли с кубками в руках. Даже птицы попадали из своих гнезд. Все разговоры в стране смолкли: невозможно было слышать ни слова в таком звоне и грохоте.

Колокола перестали звонить, только когда вороной конь сэра Майкла во второй раз ударил копытом по каменной мостовой.

От второго удара попадали высокие башни королевского замка.

— Довольно! — вскричал король. — Я передумал! Скажи своему господину, что я на все согласен.

В ответ сэр Майкл низко поклонился французскому королю, чтобы спрятать торжествующую улыбку на своих губах.

Что и говорить, король Александр имел все основания быть тысячу и тысячу раз благодарным своему посланнику.

И вообще, лучше было не сердить сэра Майкла Скотта. Он умел доставлять большие неприятности тем, кто чем-либо раздосадовал его или вызвал его гнев, в чем однажды на собственном опыте убедилась жена одного фермера.

Случилось как-то, что, охотясь в лесу, сэр Майкл вдруг почувствовал сильный голод и, увидев невдалеке фермерскую хижину, отправил своего слугу попросить для себя кусок хлеба.

Слуга постучался в дверь и, когда хозяйка открыла ему, попросил у нее ломоть хлеба для своего хозяина.

— Нет у меня хлеба, — грубо ответила фермерша.

Слуга принялся и явственно услышал запах свежего хлеба, а заглянув в дверь, увидел пылающий очаг и железные сковороды, на которых пекут хлеб.

С этим он и вернулся к сэру Майклу.

— Хозяйка говорит, что нет у нее хлеба, — сообщил он, — но она неправду говорит. Когда она отворила мне дверь, я сразу услышал запах свежего хлеба.

Сэра Майкла Скотта очень разгневало такое сообщение. Он вытащил из кармана костяшку, или, как еще называют в тех местах, чертов палец, и велел своему слуге вернуться в хижину и незаметно спрятать эту штуку в щель за дверной притолокой.

Не успел слуга выполнить приказ своего господина, как волшебные чары уже начали действовать. Как раз в эту минуту фермерша наклонилась над очагом, чтобы снять с огня последние хлебы, и вдруг ни с того

ни с сего ей ужасно захотелось плясать. Она закружилась по кухне, при-
топывая и разводя руками, и при этом еще запела:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

А муж фермерши с самого утра работал в поле. И вот он подумал:
чего это жена так долго не несет ему обед? Стояла самая жаркая пора —
сбор урожая, фермер устал и проголодался. Его помощнику дочка давно
уже принесла кувшин с пивом и хлеб, а фермерша все не шла. И фермер
попросил девушку, чтобы на обратном пути домой она заглянула к его
жене и напомнила про обед.

Девушка вернулась в деревню и постучала в дверь фермерской хижи-
ны, но никто ей не ответил, хотя она слышала там шум и топот. Судя по
всему, фермерша была в приподнятом настроении, потому что она весело
распевала во весь голос.

— Послушай-ка, хозяйка! — крикнула девушка. — Твой муж просил
узнать, не забыла ли ты про обед. И велел тебе поскорей нести его в поле!

Шум и пение в хижине продолжались, но ответа девушка так и не
получила. А потому она сама открыла дверь и вошла в кухню. Не успе-
ла она переступить через порог хижины, как ее тоже охватило желание
поплясать, и она вместе с фермерской женой закружилась в бурном шот-
ландском флине.

Прошел час, но ни девушки с каким-нибудь известием, ни жены
с обедом фермер так и не дождался и решил сам пойти узнать, что стряс-
лось. Подойдя к дому, он не вошел сразу в кухню, а сначала заглянул
в окно.

Что же он увидел?

Его жена вместе с девушкой как безумные скакали по кухне.

— Хватит дурака валять! — закричал фермер. — Где мой обед?
Сейчас не время веселиться.

Он в сердцах распахнул дверь и шагнул на кухню. Но не успел он
опомниться, как уже плясал вместе с двумя женщинами, стараясь лишь
не отставать от них и не сбиваться с такта. Таким образом, вместо соло,
а потом дуэта теперь в хижине уже отплясывало бурное трио.

Негостеприимная фермерша осипшим голосом продолжала петь:

С чем слуга сэра Майкла пришел,
С тем и ушел, с тем и ушел...

Весь этот день сэр Майкл Скотт охотился в лесу, а когда спустились
сумерки, слуга напомнил ему:

— Интересно, как она там пляшет, эта фермерша?

— Ты, верно, хотел сказать, как они там пляшут, эта славная трои-
ца? — поправил его сэр Майкл, у которого был свой способ узнавать,
где что делается. — Что ж, думаю, она уже получила свое. Теперь мо-
жешь вернуться и вынуть чертов палец из-за дверной рамы.

Слуга выполнил все в точности, вытащил чертов палец из-за прито-
локи, и пляшущая тройца тут же упала без сил на пол и проспала, одни
говорят — семь дней, а другие — целую неделю.

Как Майкл Скотт в Рим ходил

Вот вам еще одна история про Майкла Скотта, знаменитого волшебника, который прославился своими чудесами; того самого, что расколол пополам Эддонские горы. По старинному обычаю, принятому среди просвещенных и благочестивых людей Шотландии, каждый год в Рим к папе римскому отправляли посланника, чтобы тот узнал у его святейшества, на какое точно число падает первый день Масленицы.

Людам было очень важно знать точный день, потому что от этого зависело, когда справлять все остальные церковные праздники в году. Сразу после Масленицы шел Великий пост, а через семь недель наступала Пасха. И так далее, один праздник за другим в течение всех двенадцати месяцев.

Случилось однажды, что эта честь идти в Рим выпала на долю Майкла Скотта. А так как он в это время был слишком занят, то совершенно запамятовал, какое святое дело ему поручили, и протянул со своим путешествием до самого Сретенья, то есть до последнего праздника перед масленой.

Нельзя было терять ни секунды. Если бы кому-нибудь из простых смертных предложили совершить путешествие в Рим и обратно за такой ничтожный срок, он бы ответил, что только безумный на это согласится, а он еще в здравом уме. Но для Майкла Скотта это было сущим пустяком.

Он встал пораньше и отправился на зеленый лужок, где паслись волшебные скакуны: во лбу у каждого горела белая звезда, а большущие глаза их блестели почище золота.

— С какой скоростью ты можешь мчаться? — спросил Майкл Скотт у первого скакуна на зеленой лужайке.

— Со скоростью ветра!

— Не подойдет, — сказал Майкл и задал тот же вопрос второму скакуну.

— Быстрее ветра! — ответил тот.

— Для меня это медленно! — сказал Майкл.

— А я лечу как мартовский вихрь! — сказал третий скакун.

— Слишком медленно! — сказал Майкл и подошел к последнему скакуну. — Ну, а ты быстро бегаешь? — спросил он его.

— Быстрее, чем хорошенькая девушка меняет возлюбленных! — ответил скакун.

— Вот это мне подходит! — обрадовался Майкл и без лишних слов вскочил на коня, и они отправились в Рим.

Они летели как на крыльях через сушу и моря. Цок-цок, цок-цок, только искры летели из-под копыт — по белым гребням волн, по снежным вершинам гор, по зеленым холмам. Цок-цок, цок-цок! Быстрее времени! И вот уже серые скалы и бурные моря остались позади, и Майкл Скотт на золотых крыльях раннего утра опустился на площадь перед дворцом папы в Риме.

Не мешкая Майкл передал папе весточку, что некий шотландец ожидает его у дверей, и папа римский тут же принял его в своем приемном зале.

— Я посланец верных тебе шотландцев, которые просили узнать, пока еще не миновало Сретенье, когда в этот год начнется Масленица, — сказал ему Майкл.

— Ты поздно вато пришел, — сказал папа. — Теперь тебе никак не успеть вернуться в Шотландию до того, как пройдет Сретенье.

— О, у меня еще уйма времени, — возразил Майкл. — Всего несколько минут назад я был в моей родной Шотландии. И вот я здесь. Стало быть, и назад вернусь так же быстро.

— «Всего несколько минут назад!»! — воскликнул папа римский. — Никогда не поверю! Чем ты это докажешь?

Тут Майкл и протянул папе свой берет, который он снял из почтения к его святейшеству.

— Видите снег на нем? — говорит он. — Это снег с шотландских гор, где еще стоит зима.

— Тогда это просто чудо! — воскликнул папа. — И хотя я не верю в чудеса, я все-таки дам тебе ответ на вопрос, за которым ты сюда пришел.

Масленица всегда начинается в первый понедельник первого лунного месяца по весне.

Майкл был просто в восторге от такого ответа. Раньше посланцы приносили из Рима только один ответ: Масленица в этот год начнется точно в такой-то день. А Майклу удалось узнать секрет, как папа определяет этот день, — вот удача!

— Благодарю вас, ваше святейшество, — сказал Майкл и тут же отправился восвояси.

Вскочив на волшебного скакуна, он добрался до Шотландии так же быстро, как из Шотландии в Рим, и сообщил свою новость землякам.

РЫЖИЙ ЭТТИН

Жила-была на свете вдова, возделывала клочок земли, да и тот не свой, а чужой, и растила двух сыновей. И вот настало время отправить сыновей искать по свету счастья.

Как-то раз мать велела старшему сыну взять кувшин и принести воды из источника: она захотела замесить тесто, чтобы испечь сыну на дорогу пирог. Пирог мог получиться большой или маленький — смотря по тому, сколько воды принес бы сын. А кроме этого пирога, ей нечего было дать ему с собой.

Отправился юноша с кувшином к колодцу и набрал воды. Но кувшин оказался с трещиной, и почти вся вода вытекла, прежде чем он вернулся домой. Вот пирог и получился совсем маленький.

На прощанье мать спросила сына:

— Может, возьмешь только половину пирога? Тогда получишь мое благословение в придачу. А если возьмешь целый, я тебя прокляну.

Сын подумал, что идти ему придется далеко, а где и как доставать еду, неизвестно, и ответил, что хочет получить целый пирог. Пусть даже с материнским проклятьем в придачу, а там будь что будет. И мать дала ему целый пирог и прокляла его.

Тогда он отозвал в сторону младшего брата, отдал ему свой нож и попросил хранить его.

— Каждое утро смотри на него, — наказал он брату. — Если клинок будет чистый, значит, я жив-здоров. А если он потускнеет и заржавеет, знай, что я попал в беду.

И вот отправился старший брат счастья по свету искать. Шел он весь день и еще день, а к концу третьего дня увидел пастуха, который пас стадо овец. Юноша подошел к пастуху и спросил, чьи это овцы. Пастух ответил:

— Откуда ты, юноша, что не знаешь, кто владелец этих земель? — И поведал ему:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Еще не знают, кто герой,
Но час его придет,
И Эттина Кровавого
Недрогнувшей рукой
С земли ирландской без помех
Он смело уберет.

И еще пастух сказал юноше, что скоро ему повстречаются такие звери, каких он в жизни не видывал, — так пусть остерегается их!

Пошел юноша дальше и вскоре увидел стадо страшных двухголовых зверей с четырьмя рогами на каждой голове. Он насмерть перепугался и со всех ног кинулся бежать. И как же он обрадовался, когда добежал наконец до замка на невысоком холме!

Ворота замка были открыты. Юноша бросился во двор, потом в комнаты и увидел старую женщину у очага. Он спросил ее, нельзя ли ему здесь переночевать, — ведь он долго шел пешком и очень устал.

Старуха ответила, что переночевать он может, но лучше ему не оставаться здесь — ведь это замок Рыжего Эттина, страшного трехголового чудовища, которое не щадит никого, кто попадет ему в лапы.

Юноша хотел было уйти, да побоялся зверей, что бродили вокруг замка, и упросил старуху спрятать его хорошенько и не выдавать Рыжему Эттину. «Только бы как-нибудь переночевать, — думал он, — а утром, может, удастся ускользнуть от зверей». Но едва он успел спрятаться в укромном местечке, как вернулся домой страшный Эттин. И только вошел, тут же заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец, —
Тут придет тебе конец.

Эттин сразу нашел бедного юношу и вытащил его из тайника. А потом сказал, что пощадит его, если тот разгадает три загадки. И вот первая голова чудовища спросила:

— У чего нет конца?

Юноша не сумел ответить.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

Но юноша и тут не сумел ответить.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый живого несет. Отгадай, что это?

Но юноша опять не отгадал. Тогда Рыжий Эттин схватил деревянный молоток, ударил им юношу по голове, и тот превратился в каменный столб.

А наутро его младший брат достал нож, взглянул на него и опечалился — весь клинок побурел от ржавчины. Тогда он сказал матери, что пора и ему отправляться в путь. Мать попросила его взять кувшин и сходить к колодцу за водой, чтобы замесить тесто и испечь для него пирог. И вот, когда сын нес воду домой, над его головой пролетел ворон и каркнул:

— Погляди на кувшин! Вода вытекает.

Юноша был сметлив, увидел, что вода и впрямь вытекает, поднял кусочек глины и замазал трещины. Домой он принес столько воды, что хватило на большой пирог.

На прощанье мать сказала сыну, что если он хочет получить ее благословение в придачу, то пусть берет только половину пирога. И сын решил, что лучше взять половину, но с материнским благословением, чем целый, но с проклятьем.

Вот отправился младший брат в путь и уже забрел далеко, как вдруг повстречалась ему старушка. Она попросила у него кусочек пирога, и он ответил:

— На, ешь на здоровье! — и отломил ей кусок.

Старушка дала ему за это волшебную палочку и сказала, что палочка ему пригодится, если он будет правильно с ней обращаться. Старушка эта была фея. Она предсказала юноше все, что с ним случится, и научила его, что надо делать, а потом сразу исчезла.

Юноша все шел и шел, пока не увидел старика, который пас овец, а когда спросил его, чьи это овцы, услышал в ответ:

Кровавый, страшный Эттин,
Эттин из Ирландии
Увез к себе на север
Дочь короля Шотландии.
Играть и петь ей не дает,
За смех хвостатой плеткой бьет.
Он угрожает ей мечом,
Лишь поведет она плечом.

Как Юлий Цезарь, он бесстрашен,
Но трехголовый лик его
Уродлив и ужасен.
Однако пробил час, и наконец
Эттину Кровавому
На радость всем придет конец.
Привет тебе, герой.
Как победишь злодея ты,
Владей его землей!

Наконец юноша подошел к тому месту, где паслись рогатые чудовища. Но он не остановился, не побежал прочь, а смело прошел среди них — так научила его добрая фея. Один зверь с ревом ринулся было на юношу, разинув пасть, чтобы его сожрать. Но юноша ударил зверя волшебной палочкой, и в тот же миг чудовище мертвым упало к его ногам.

И вот юноша дошел до замка Рыжего Эттина, постучал в дверь, и его впустили. У огня сидела старуха. Она рассказала юноше о том, что случилось с его старшим братом, но юноша не испугался.

Вскоре вернулся Эттин и заревел:

Я не слеп, я не глуп,
Дух британца чую тут.
Выходи, коли храбрец, —
Тут придет тебе конец.

Эттин увидел юношу, велел ему подойти поближе и сказал, что загадает ему три загадки.

Вот первая голова Рыжего Эттина спросила:

— У чего нет конца?

— У кольца, — ответил юноша.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

— Мост, — сразу ответил он.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый несет живого. Отгадай, что это?

И юноша не задумываясь сказал:

— Корабль в море, а на корабле люди.

Услышал Эттин его ответы и понял, что пришел конец его власти. А юноша поднял топор и снес чудовищу все три головы. Потом попросил старуху показать ему, где спрятана дочь короля Шотландии, и старуха повела его в верхние покои.

Она открывала перед ним одну дверь за другой, и из каждой комнаты выходили красавицы. Все они были пленницы Рыжего Эттина, и среди них оказалась королевская дочь.

Наконец старуха отвела юношу в подземелье, где стоял каменный столб. Юноша прикоснулся к нему своей палочкой, и брат его ожил.

Пленницы радовались и благодарили своего освободителя. На другой день все они, радуясь и веселясь, отправились к самому королю, и он выдал свою дочь за младшего брата, а старшему тоже нашел знатную невесту, и братья жили счастливо до конца своих дней и свою старушку мать тоже не забывали.

Фэрн-дэнский брауни

Некогда в Шотландии водилось много брауни. Брауни — они вроде домовых, но живут не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-нибудь поблизости от людского жилья. Много рассказывают сказок про брауни из Бодсбека и брауни из Бледнока, но самая лучшая — это сказка про брауни из Фэрн-Дэна.

Фэрн-Дэн значит «Папоротниковый лог». Так называлась одна ферма, потому что стояла она в конце лога, где буйно росли папоротники. По этому логу надо было пройти, чтобы попасть на ферму.

Ходили слухи, будто в логу живет брауни. Днем он не появлялся, а по ночам люди иногда видели, как он бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Но он никогда никому не вредил.

Ведь все брауни, если их не обижают, не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь тем, кто нуждается в помощи. Фермер, хозяин Фэрн-Дэна, частенько говаривал, что прямо не знает, как он обошелся бы без своего брауни. Ведь если на ферме была спешная работа, скажем, если надо было обмолотить и провеять рожь, или ссыпать зерно в мешки, или собрать репу, или выстирать белье, сбить масло, выполоть огород, — на помощь приходил брауни. Хозяевам фермы стоило только, отходя ко сну, распахнуть дверь в амбар, или в молочную, или в сарайчик, куда складывали репу, да поставить на порог чашку с парным молоком — брауни на ужин, и когда они наутро просыпались, чашка оказывалась пустой, а все работы на ферме законченными. И все было сделано даже лучше, чем сделали бы люди.

Все знали, какой этот брауни кроткий и незлобивый, но все почему-то боялись его. Когда люди возвращались домой из церкви или с базара, они даже ночью делали крюк мили в две, только бы не проходить по логу — так им было страшно увидеть брауни даже издали.

Впрочем, страшились его не все. Жена фермера сама была такая добрая и приветливая, что не боялась ничего на свете. Когда ей надо было поставить за порог чашку молока, брауни на ужин, она наливала в нее самое густое, жирное молоко да еще подбавляла к нему полную ложку сливок.

— Брауни на нас усердно работает, — говаривала она, — а жалования не просит. Значит, мы должны угощать его как можно лучше.

И вот однажды вечером фермерша внезапно захворала, да так тяжело, что все боялись, как бы она не умерла. Муж ее очень встревожился, да и слуги тоже, — ведь она была добрая хозяйка, и они любили ее, как мать родную. Но все они были люди молодые, в болезнях ничего не понимали и потому говорили, что надо бы вызвать опытную старуху лекарку, что жила в семи милях от фермы на другом берегу реки.

Но кому за ней съездить? Вот вопрос! Близились полночь, тьма была кромешная, путь к дому лекарки пролегал через лог, а там, чего доброго, можно было встретить брауни, которого все боялись.

И никто на ферме не знал, что тот, кого все они так опасаются, стоит сейчас за кухонной дверью.

Это был крошечный волосатый уродец с длинной бородой, красными веками, широкими плоскими ступнями — точь-в-точь жабьи лапы — и длинными-предлинными руками, доходившими до земли, даже если он стоял прямо.

Брауни в тревоге прислушивался к разговору на кухне. В тот вечер он, как всегда, вышел из потаенной норы в логу, чтобы узнать, нет ли работы на ферме, и выпить свою чашку молока. И тут он увидел, что входная дверь дома не заперта, а в окнах горит свет, и догадался, что на ферме что-то неладно. Ведь в этот поздний час там всегда было темно и тихо. Ну, он и прокрался на крыльцо разузнать, что случилось. И вот он узнал из разговора слуг, что фермерша занемогла. Тут сердце у него упало — ведь фермершу он крепко любил, потому что она всегда была добра к нему. И он очень рассердился, когда понял, что эти трусы не смеют съездить за лекаrkой, потому что боятся его, брауни.

— Дураки, олухи, болваны! — забормотал он и топнул широкой безобразной ногой. — Словно я брошусь их кусать, как только встречу! Эх, если б они только знали, как я стараюсь не попадаться им на глаза,

они бы не мололи такого вздора. Но мешкать нельзя. Эдак хозяйюшка и помереть может. Придется, видно, мне самому за лекаркой ехать.

Тут брауни поднял руку, снял с гвоздя темный плащ фермера и накинул его себе на голову. Он хорошенько закутал в плащ свое нескладное тело, потом побежал на конюшню, а там оседлал и взнуздal самую резвую из лошадей. Потом повел лошадь к двери и вскарабкался к ней на спину.

— Ну, коли ты всегда бегаешь быстро, так сейчас беги еще быстрее! — сказал он.

И лошадь словно поняла его. Она тихонько заржала, запрядала ушами, потом ринулась во тьму, как стрела, пущенная из лука. Никогда еще она не бежала так быстро, и вскоре брауни остановил ее у домика старухи лекарки.

Она крепко спала. Но брауни забарабанил в окно, и тут же в окне показался белый ночной чепец. Старуха прижалась лицом к стеклу.

— Кто там? — спросила она.

Брауни наклонился и проговорил своим глухим басом:

— Скорей собирайся, тетюшка! Надо спасти жизнь хозяйке Фэрн-Дэна. На ферме ее некому лечить, там одни только дуры-служанки.

— Но как же я туда попаду? — с беспокойством спросила старуха. — За мной прислали повозку?

— Нет, повозки не прислали, — ответил брауни. — Садись ко мне за спину и крепко держись за меня. Я тебя доведу до Фэрн-Дэна целой и невредимой.

Он не просто говорил, а приказывал, и старуха не посмела ослушаться. К тому же в молодости она не раз так ездила верхом, за спиной у какого-нибудь всадника. Она оделась и вышла из дому. Потом стала на камень, что лежал у порога, влезла на лошадь и села, крепко обхватив незнакомца в темном плаще.

Они ни словом не перемолвились, пока не подъехали к логу. Тут старухе стало жутко.

— Как думаете, нам здесь не встретится брауни? — робко спросила она. — Не хочется мне его видеть! Люди говорят, что встреча с ним — не к добру.

Спутник ее рассмеялся каким-то странным смехом.

— Не беспокойся и не болтай вздора, — сказал он. — Ты боишься встретить уродца. Но ничего безобразней того, кто сейчас сидит с тобой на лошади, ты не увидишь. За это я ручаюсь!

— Ну тогда все хорошо и ладно! — отозвалась старуха со вздохом облегчения. — Хотя я и не видела вашего лица, но знаю, что вы человек добрый, раз вы так успокаиваете бедную старушку.

Больше она ни слова не вымолвила, пока они не проехали по всему логу и лошадь не вбежала во двор фермы. Тут всадник спешился, протянул свои сильные длинные руки и осторожно ссадил старуху. И вдруг с него соскользнул плащ, и старуха увидела, что спутник ее — уродец с коротким широким туловищем и безобразными руками и ногами.

— Да кто же вы такой? — спросила она, вглядываясь ему в лицо при свете занявшейся зари. — Почему у вас глаза как плошки? И что у вас за ступни? Больно уж они велики! Да и на жабьи лапы смахивают.

Маленький уродец рассмеялся.

— Я много миль прошагал пешком в молодые годы. А говорят, кто много ходит, у того ступни расшлепаны, — ответил он. — Но ты, тетюшка, не трать времени на болтовню. Ступай в дом. А если кто тебя спросит, как ты добралась сюда так быстро, скажи, что люди, мол, за мной не приехали, ну и пришлось мне сидеть за спиной у брауни из Фэрн-Дэна!

Я-сам!

Жил на свете мальчик по имени Перси. И, как все мальчики и девочки, он ни за что не хотел вовремя ложиться спать.

Хижина, где он жил с матерью, была небольшая, из грубого камня, какого много в тех местах, и стояла как раз на границе между Англией и Шотландией. И хотя они были люди бедные, по вечерам, когда в очаге ярко горел торф и приветливо мигала свеча, их дом казался на редкость уютным.

Перси очень любил греться у огня и слушать старинные сказки, какие ему рассказывала мама, или же просто дремать, любуясь причудливыми тенями от пылающего очага. Наконец мать говорила:

— Ну, Перси, пора спать!

Но Перси всегда казалось, что еще слишком рано, и он спорил с ней и препирался, прежде чем уйти, а стоило ему лечь в свою деревянную кровать и положить голову на подушку, как он тут же засыпал крепким сном.

И вот как-то вечером Перси так долго спорил с мамой, что у нее лопнуло терпение, и, взяв свечу, она ушла спать, оставив его одного возле пылающего очага.

— Сиди, сиди тут один у огня! — уходя, сказала она Перси. — Вот придет старая злая фея и утащит тебя за то, что мать не слушаешься!

«Подумаешь! Не боюсь я злых старых фей!» — подумал Перси и остался греться у огня.

А в те далекие времена в каждой фермерской усадьбе, в каждой хижине водился свой малютка брауни, который каждую ночь спускался по каминной трубе и наводил в доме порядок, начищал все и отмывал.

Мама Перси оставляла ему у двери целый кувшинчик козьих сливок — в благодарность за его работу, — и утром кувшинчик всегда оказывался пустым.

Эти малютки брауни были добродушными и приветливыми домовыми, только уж очень легко они обижались чуть что. И горе той хозяйке, которая забывала оставить им кувшинчик со сливками! На другое утро все в ее доме бывало перевернуто вверх дном, мало того — обидевшись, брауни больше и носу к ней не казали.

А вот брауни, который приходил помогать маме Перси, всегда-всегда находил кувшинчик со сливками и потому ни разу не ушел из их дома, не прибрав все хорошенько, пока Перси и его мама крепко спали. Но у него была очень злая и сердитая мать. Эта старая злая фея терпеть не могла людей. О ней-то и вспомнила мама Перси, уходя спать.

Сначала Перси был очень доволен, что настоял на своем и остался греться у огня. Но когда огонь начал постепенно угасать, ему сделалось как-то не по себе и захотелось скорее в теплую постель. Он уж собрался было встать и уйти, как вдруг услышал шорох и шуршанье в каминной трубе, и тут же в комнату прыгнул маленький брауни.

Перси от неожиданности вздрогнул, а брауни очень удивился, застав Перси еще не в постели. Уставившись на длинноногого брауни с острыми ушками, Перси спросил:

— Как тебя зовут?

— Сам! — ответил брауни, скорчив смешную рожицу. — А тебя?

Перси решил, что брауни пошутил, и захотел его перехитрить.

— Я-сам! — ответил он.

— Лови меня, Я-сам! — крикнул брауни и отскочил в сторону.

Перси и брауни принялись играть у огня. Брауни был очень проворный и шустрый бесенок: он так ловко перепрыгивал с деревянного буфета на стол — ну точно кошка, и скакал, и кувыркался по комнате. Перси глаз не мог от него оторвать.

Но вот огонь в очаге почти совсем погас, и Перси взял кочергу, чтобы помешать торф, да, на беду, один горящий уголек упал прямо на ногу малютке брауни. И бедняжка брауни так громко завопил, что старая фея услышала его и крикнула в каминную трубу:

— Кто тебя обидел? Вот я сейчас спущусь вниз, тогда ему не поздоровится!

Испугавшись, Перси шмыгнул за дверь в соседнюю комнату, где стояла его деревянная кровать, и забрался с головой под одеяло.

— Это Я-сам! — ответил брауни.

— Тогда чего же ты вопишь и мешаешь мне спать? — рассердилась старая злая фея. — Сам себя и ругай!

И следом за этим из трубы высунулась длинная, костлявая рука с острыми когтями, схватила за шиворот малютку брауни и подняла его вверх.

Наутро мама Перси нашла кувшинчик со сливками на том же месте у двери, где она оставила его накануне. И больше малютка брауни в ее доме не появлялся. Но хоть она и огорчилась, что потеряла своего маленького помощника, зато была очень довольна, что с этого вечера ей больше не приходилось дважды напоминать Перси, что пора идти спать.

Крошка-лепешка

Вам парни расскажут, как девушек милых
Манили они под окошко.
А я расскажу вам хорошую сказку
Про вкусную крошку-лепешку.

Жили-были старик и старуха. Домик у них был маленький, уютный, на берегу ручья стоял. Люди они были ласковые и веселые, на жизнь им хватало, но работы тоже хватало. Кроме домика и огорода, были у них две сытые коровы, пять кур с петухом, старая кошка и два котенка. Старик смотрел за коровами и курами да в огороде копался, а старуха пряла с утра до ночи.

Вот раз утром, после завтрака, старуха подумала, что надо бы испечь овсяную лепешку на ужин. Взяла доску, на какой тесто раскатывают, да сковородку с ручкой и замесила тесто на две добрые лепешки. А когда они испеклись, положила их перед огнем, чтобы подрумянились хорошенько.

Пока они подрумянивались, старик пришел из хлева и сел в кресло передохнуть. Видит — лепешки лежат. И они показались ему до того вкусными, что он взял одну, разломил пополам и стал жевать.

Как увидела это другая лепешка, тут же решила, что не даст себя съесть. Соскочила на пол и быстро-быстро перекатилась через всю кухню к двери. Старуха увидела, что лепешка из дому катится, и погналась за ней во всю прыть с веретеном в одной руке и пряслицем в другой.

Но старуха была дряхлая, а крошка-лепешка молоденькая. Катилась она куда быстрее, чем бежала старуха, и вот уже пропала из виду за холмом позади дома.

И она все катилась, и катилась, и катилась, пока не подкатилась к большому дому с новой кровлей. Дверь его была открыта. Крошка-лепешка вкатилась в дом и подкатилась к очагу, а в нем яркий огонь горел.

В доме этом жил портной. Он сидел, скрестив ноги, на большом столе у окна, а рядом с ним сидели оба его подмастерья. Все они усердно шили, а жена портного примостилась у окна и чесала лен.

Как завидели все трое портных, что по полу лепешка катится, испугались до смерти. Соскочили со стола и спрятались за спиной у хозяйки. А она им говорит:

— Ну и трусы! Да ведь это просто крошечка-лепешечка. Поднимите ее и разделите между собой. А я вам молочка принесу — лепешку запить.

И она вскочила с места со льном и чесалкой в руках. Тут портной забрал свои большие ножницы, один подмастерье схватил железную мерку, другой — блюдечко с булавками, и все трое погнались за крошкой-лепешкой. Но она от них увернулась и закружилась перед огнем. Потом выскочила за дверь и покатила по дороге. За ней выскочил портной с ножницами — хотел ее догнать и разрезать пополам, да не сумел. Лепешка катилась быстрее, чем он бежал, и пришлось ему вернуться домой ни с чем.

А лепешка все катилась и катилась, пока не докатилась до маленького домика у дороги. Там сидел ткач за своим станком, а его жена сидела рядом и шерстяные нитки на клубок наматывала. Крошка-лепешка прокатилась мимо ткача. Он вздрогнул и спрашивает жену:

— Глянь-ка, Тибби, это что такое?

А жена обрадовалась, вскочила с места и отвечает:

— Ох, да это крошечка-лепешечка! Откуда она взялась?

— Не важно откуда, Тибби! — говорит ткач. — Хватай ее скорей, жена, хватай!

Да не так-то легко было поймать крошку-лепешку! Жена ткача в нее клубком бросила, ткач старался загнать ее в угол и ударить челноком. Но не вышло их дело — лепешка увертывалась, вертелась, металась туда-сюда как одержимая и наконец выскочила за дверь и покатила вниз с холма. А жена ткача поглядела ей вслед и говорит:

— Ну ни дать ни взять шалая корова или овца, когда ей тавро поставят...

И вот крошка-лепешка подкатилась к другому дому. Тут хозяйка масло сбивала. Маслобойка у нее уже была полна до краев, но на доньшке кувшина сливки еще оставались. Хозяйка увидела крошку-лепешку и говорит:

— Катись-ка сюда, лепешечка! Вовремя прикатила! Я как раз проголодалась. Сейчас лепешкой со сливками закушу.

Крошка-лепешка вмиг закатилась за маслобойку. Хозяйка кинулась за ней, но впопыхах чуть маслобойку не опрокинула. Пока ее подхватила да пока на место поставила, крошки-лепешки и след простыл. Выкатилась за дверь и скатилась с холма к мельнице.

Мельник тогда просеивал муку в дежу, а как завидел крошку-лепешку, выпрямился.

— Видать, у людей еды хватает, — говорит. — Ишь лепешки-то ихние без призора шляются... Эх, хороши лепешки с сыром! Катись-ка сюда, лепешечка, переночуй у меня!

Но крошке-лепешке вовсе не хотелось попасть к мельнику в зубы. Она повернулась и выкатилась из мельницы. А мельник за ней и гнаться не стал — у него и без того хлопот полон рот был.

И вот крошка-лепешка покатила прочь. Катилась-катилась и наконец подкатилась к кузнице. Заглянула в дверь, поглядеть, что в кузнице творится.

Кузнец у наковальни стоял, ковал гвозди для подков. Но хоть и был он занят делом, а крошку-лепешку заметил.

— Люблю пропустить стаканчик эля, — говорит, — да румяной лепешечкой закусить. Ну-ка, катись сюда! Добро пожаловать!

Как услышала крошка-лепешка про эль, тотчас повернулась и быстро-быстро выкатилась из кузницы. Кузнец в досаде схватил свой молот и — за ней. А как понял, что лепешки ему не догнать, бросил в нее своим тяжеленным молотом, но не попал.

Потом крошка-лепешка подкатилась к одной ферме. Тут за усадьбой были сложены большие кучи торфа. Лепешка вкатилась в дом и покатила к очагу. В этом доме хозяин разостлал лен по всему полу и молотил его железным прутком. А хозяйка чесала тот лен, что уже был обмолочен. Фермер увидел лепешку и прямо диву дался.

— Эй, Дженет, гляди! — кричит жене. — К нам лепешка прикатилась. Должно быть, превкусная! Половину съем я.

— А другую половину я, — говорит хозяйка. — Прихлопни ее своим прутком, Сэнди, да поживей. А не то она за дверь выскочит!

Но не тут-то было! Крошка-лепешка перекувыркнулась и закатилась за сундук. Тут Дженет рассердилась на мужа.

— Эх ты, недотепа! — кричит. — Такого пустяка и то сделать не сумел!

Бросила в лепешку своей чесалкой, но тоже не попала. Крошка-лепешка опять перекувыркнулась и выкатилась из дому.

Теперь она покати́лась по берегу ручья и наконец подкатилась к небольшому домику, что стоял на вересковой пустоши. Тут хозяйка варила в котле овсянку на ужин, а муж ее у очага сидел и вил соломенные жгуты — корову привязывать. Завидела хозяйка лепешку и крикнула мужу:

— Ох, Джок! Сюда, сюда! Ты все просил испечь тебе лепешку на ужин! Так скорей помоги ее поймать!

— Сейчас, сейчас! — говорит Джок. Вскочил с места и подбежал к жене. — Да где же она? Не вижу!

— Вон там, хозяин, там, под тем стулом! Ты забегай с той стороны, а я с этой!

Джок побежал в темный угол, да второпях споткнулся о стул и грохнулся на пол, а крошка-лепешка перепрыгнула через него и, ухмыльнувшись, скрылась за дверью.

Тут она сначала покати́лась по пустоши, поросшей дроком, потом — вверх по холму. И когда перевалила через него, подкатилась к хижине пастуха, что стояла на другом склоне холма.

Пастух и все его домочадцы сидели за столом — овсяную кашу ели. А хозяйка выскребывала ложкой донышко чутунка. Завидела она лепешку и даже ложки до рта не донесла.

— Спаси нас и сохрани! — кричит. — Глядите! Крошка-лепешка прикатила, у нашего огонька погреться хочет.

А муж ей на это кричит:

— Захлопни дверь и лови ее! Сейчас мы ее поймает! Овсянку лепешкой закусим!

Но крошка-лепешка не стала дожидаться, пока дверь захлопнут. Повернулась и — наутек, а пастух и его жена и детишки погнались за ней с ложками в руках. Вскоре пастух понял, что не догнать ему лепешки. Бросил в нее своей шапкой и чуть не попал. Но крошка-лепешка опять увернулась и немного погодя подкатилась к другому дому, где люди уже спать ложились.

Хозяин раздевался, а хозяйка заботливо выметала золу из очага.

— Это что? Лепешка? — вскричал хозяин. — Чего лучше! За ужином-то я не наелся досыта — миска с похлебкой не больно велика была.

А жена ему на это:

— Так лови лепешку! И я бы кусочек съела. Скорей! Скорей! Брось на нее куртку, а не то укатится!

Хозяин бросил свою куртку на крошку-лепешку и чуть ее не раздавил. Она уже едва дышала, бедняжка, вся потом обливалась, но все-таки ухитрилась выпутаться из куртки и выкатилась за дверь.

И опять она покати́лась прочь, а хозяин со всех ног погнался за ней — даже куртки надеть не успел. Уже темнело, а он все гнался да гнался за крошкой-лепешкой и по полям, и между стогами, и по порослям дрока, но вдруг потерял ее из виду. Без куртки ему холодно стало, и он скоро вернулся домой.

А бедная крошка-лепешка подумала: не спрятаться ли ей под дроковым кустиком да не пролежать ли там до утра? Но уже совсем стемнело, и она не разглядела лисьей норы, что была рядом. И вот крошка-лепешка скатилась прямехонько в лисью нору. А лиса ей очень обрадовалась — она уже два дня ничего не ела.

— Добро пожаловать! — крикнула лиса и схватила лепешку зубами.

Ну, тут беденькой крошке-лепешке и конец пришел.

Вот как оно бывает в жизни: люди думали, что крошка-лепешка сейчас попадет им в руки. А досталась она лисе.

Сказки про тюленей

Мак-Кодрам Тюлений

Давным-давно, еще до того, как первые мореходы пустились в плавание, стремясь увидеть земли, что лежат за морем, под волнами мирно и счастливо жили морской король и морская королева. У них было много красивых детей. Стройные, кареглазые, дети день-деньской играли с веселыми морскими барашками и плавали в зарослях пурпурных водорослей, что растут на дне океана. Они любили петь и, куда бы ни плыли, пели песни, похожие на плеск волн.

Но вот великое горе пришло к морскому королю и его беззаботным детям. Морская королева захворала, умерла, и родные с глубокой скорбью похоронили ее в коралловой пещере. А когда она скончалась, некому стало присматривать за детьми моря, расчесывать их длинные волосы и убаюкивать их ласковым пением.

Морской король с грустью глядел на своих нечесаных детей, на их волосы, перепутанные, как водоросли. Он слышал, как по ночам дети не спят и мечутся на ложах, и думал, что надо ему снова жениться — найти жену, чтобы заботилась о его семье.

А надо сказать, что в дремучем лесу на дне моря жила морская ведьма. Ее-то король и взял в жены, хоть и не питал к ней любви, ибо сердце его было погребено в коралловой пещере, где покоилась мертвая королева.

Ведьме очень хотелось стать морской королевой и править обширным морским королевством. Она согласилась выйти за короля и заменить

мать его детям. Но она оказалась плохой мачехой. Глядя на стройных, кареглазых детей моря, она завидовала их красоте и злилась, сознавая, что на них приятней смотреть, чем на нее.

И вот она вернулась в свой дремучий лес на дне моря и там набрала ядовитых желтых ягод морского винограда. Из этих ягод она сварила зелье и заклала его страшным заклятием. Она пожелала, чтобы дети моря утратили свою стройность и красоту и превратились в тюленей; чтобы они вечно плавали в море тюленями и только раз в году могли вновь принимать свой прежний вид, и то лишь на сутки — от заката солнца до следующего заката.

Злые чары ее пали на детей моря, когда те играли с веселыми морскими барашками и плавали в чаще пурпурных водорослей, что растут на дне океана. И вот тела их распухли и утратили стройность, тонкие руки превратились в неуклюжие ласты, светлая кожа покрылась шелковистой шкуркой, у одних — серой, у других — черной или золотисто-коричневой. Но их нежные карие глаза не изменились. И голоса они не потеряли — по-прежнему могли петь свои любимые песни.

Когда их отец узнал, что с ними случилось, он разгневался на злую морскую ведьму и навеки заточил ее в чащу дремучего леса на дне моря. Но расколдовать своих детей он не мог.

И вот тюлени, что когда-то были детьми моря, запели жалобную песню. Они печалились, что не придется им больше жить у отца, там, где раньше им было так привольно, что уже не вернуть им своего счастья. И старый морской король со скорбью смотрел на своих детей, когда они уплывали вдаль.

Долго, очень долго плавали тюлени по морям. Раз в году они на закате солнца отыскивали где-нибудь на берегу такое место, куда не заглядывают люди, а найдя его, сбрасывали с себя шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые — и принимали свой прежний вид. Но недолго могли они играть и резвиться на берегу. На другой же день, как только заходило солнце, они снова облекались в свои шкурки и уплывали в море.

Люди говорят, что впервые тюлени появились у Западных островов как тайные посланцы скандинавских викингов. Так это или нет, но тюлени и правда полюбили туманные западные берега Гебридских островов. И даже в наши дни можно видеть тюленей у острова Льюис, у острова Роны, прозванного Тюленьим островом, а также в проливе Харрис. До жителей Гебридских островов дошел слух о судьбе детей моря, и все

знали, что раз в году можно увидеть, как они резвятся на взморье целые сутки — от одного заката солнца до другого.

И вот что случилось с одним рыбаком, Родриком Мак-Кодрамом из клана Доналд. Он жил на острове Бернерери, одном из Внешних Гебридских островов. Как-то раз он шел по взморью к своей лодке, как вдруг до него донеслись голоса — кто-то пел среди больших камней, разбросанных по берегу. Рыбак осторожно подошел к камням, выглянул из-за них и увидел детей моря, что спешили наиграться вволю, пока не зайдет солнце. Они резвились, и длинные волосы их развевались по ветру, а глаза сияли от радости.

Но рыбак смотрел на них недолго. Он знал, что тюлени боятся людей, и хотел было уже повернуть назад, как вдруг заметил сваленные в кучу шелковистые шкурки — серые, черные и золотисто-коричневые. Шкурки лежали на камне, там, где дети моря сбросили их с себя. Рыбак поднял одну золотисто-коричневую шкурку, самую шелковистую и блестящую, и подумал, что не худо было бы ее унести. И вот он взял шкурку, принес ее домой и спрятал в щель над притолокой входной двери.

Под вечер Родрик сел у очага и принялся чинить невод. И вдруг вскоре после захода солнца услышал какие-то странные жалобные звуки — чудилось, будто кто-то плачет за стеной. Рыбак выглянул за дверь. Перед ним стояла такая красавица, каких он в жизни не видывал, — стройная, с нежными карими глазами. Она была нагая, но золотисто-каштановые густые волосы, как плащом, прикрывали ее белое тело с головы до ног.

— О смертный, помоги мне, помоги! — взмолилась она. — Я — несчастная дочь моря. Я потеряла свою шелковистую тюленью шкурку и, пока не найду ее, не смогу вернуться к своим братьям и сестрам.

Родрик пригласил ее войти в дом и укутал своим пледом. Он сразу догадался, что это — та самая морская дева, чью шкурку он утром взял на берегу. Ему стоило только протянуть руку к притолоке и достать спрятанную там тюленью шкурку, и морская дева смогла бы снова уплыть в море к своим братьям и сестрам. Но Родрик смотрел на красавицу, что сидела у его очага, и думал: «Нет, надо мне оставить ее у себя. Эта прекрасная дева-тюлень избавит меня от одиночества, внесет радость в мой дом, и как тогда будет хороша жизнь!» И он сказал:

— Я не могу помочь тебе отыскать твою шелковистую тюленью шкурку. Должно быть, какой-то человек нашел ее на берегу и украл.

Сейчас он, наверное, уже далеко. А ты останься здесь, будь моей женой, и я стану почитать тебя и любить всю жизнь.

Дочь морского короля подняла на него глаза, полные скорби.

— Что ж, — молвила она, — если мою шелковистую шкурку и вправду украли и найти ее невозможно, значит, выбора у меня нет. Придется жить у тебя и стать твоей женой. Ты принял меня так ласково, как никто больше не примет, а одной блуждать в мире смертных мне страшно.

Тут она вспомнила всю свою жизнь в море, куда уже не надеялась вернуться, и тяжело вздохнула.

— А как хотелось бы мне навек остаться с моими братьями и сестрами! — добавила она. — Ведь они будут ждать и звать меня по имени, но не дождутся...

Сердце у рыбака заныло, так ему стало жаль этой опечаленной девушки. Но он был до того очарован ее красотой и нежностью, что уже знал: никогда он не сможет ее отпустить.

Долгие годы жили Родрик Мак-Кодрам и его прекрасная жена в домике на взморье. У них родилось много детей, и у всех детей волосы были золотисто-каштановые, а голоса нежные и певучие. И люди, что жили на этом уединенном острове, теперь называли рыбака Родрик Мак-Кодрам Тюлений, потому что он взял в жены деву-тюленя. А детей его называли «дети Мак-Кодрама Тюленьего».

Но за все это время дочь морского короля так и не избыла своего великого горя. Часто она бродила по берегу, прислушиваясь к шуму моря и плеску волн. Порой она даже видела своих братьев и сестер, когда они плыли вдоль берега, а порой слышала, как они зовут ее, свою давно потерянную сестру. И она всем сердцем жаждала вернуться к ним.

И вот однажды Родрик собрался на рыбную ловлю и ласково простился с женой и детьми. Но пока он шел к своей лодке, заяц перебежал ему дорогу. Родрик знал, что это не к добру, и заколебался — не вернуться ли домой? Но посмотрел на небо и подумал: «Уж если нынче быть худу, так только от непогоды. А мне не впервой бороться с бурей на море». И он пошел своей дорогой.

Но он еще не успел далеко уйти в море, как вдруг и правда поднялся сильный ветер. Он свистел над морем, свистел и вокруг дома, где рыбак оставил жену и детей. Младший сынишка Родрика вышел на берег. Он приложил к уху раковину, чтобы послушать шум прибоя, но мать окликнула его и велела ему идти домой. Как только мальчик ступил за порог,

ветер подул с такой силой, что дверь домика с грохотом захлопнулась, а земляная кровля затряслась. И тут из щели над притолокой выпала шелковистая тюленья шкурка. Это ее когда-то запрятал Родрик, и принадлежала она его прекрасной жене.

Ни словом не осудила она того, кто столько долгих лет держал ее у себя насильно. Только сбросила с себя одежду и прижала к груди тюленью шкурку. Потом сказала детям: «Прощайте!» — и пошла к морю, туда, где играли на волнах белые барашки. А там она надела свою золотисто-коричневую шкурку, бросилась в воду и поплыла.

Только раз она оглянулась на домик, где хоть и жила против воли, но все же познала маленькое счастье. Шумел прибой, на сушу катились волны Атлантического океана, и пена их окаймляла берег. За этой пенной каймой стояли несчастные дети рыбака. Дочь морского короля видела их, но зов моря громче звучал у нее в душе, чем плач ее детей, рожденных на земле. И она плыла все дальше и дальше и пела от радости и счастья.

Когда Родрик Мак-Кодрам вернулся домой с рыбной ловли, он увидел, что входная дверь распахнута настежь, а дом опустел. Не встретила хозяйина заботливая жена, не приветствовало его веселое пламя торфа в очаге. Страх обуял Родрика, и он протянул руку к притолоке. Но тюленьей шкурки там уже не было, и рыбак понял, что его красавица жена вернулась в море. Тяжко стало ему, когда дети со слезами рассказали, как мать только молвила им: «Прощайте!» — и покинула их одних на берегу.

— Черен был тот час, когда шел я к своей лодке и заяц перебежал мне дорогу! — сокрушался Родрик. — И ветер тогда был сильный, и рыба ловилась плохо, а теперь обрушилось на меня великое горе...

Он так и не смог забыть свою красавицу жену и тосковал по ней до конца жизни. А дети его помнили, что их матерью была женщина-тюлень. Поэтому ни сыновья Родрика Мак-Кодрама, ни внуки его никогда не охотились на тюленей. И потомков их стали называть Мак-Кодрамы Тюленьи.

Охотник и морской житель

По соседству с домом Джона О'Грута, что, как всем известно, стоит на крайнем севере Шотландии, жил когда-то один охотник. Он поселился в маленьком домике на берегу моря и зарабатывал охотой на тюленей и продажей их шкур — ведь тюлений мех ценится очень дорого.

Охотник этот нажил немало денег, потому что в те времена тюлени нередко подплывали к берегу большими стадами. Морские звери выползали на сушу неподалеку от его домика, укладывались среди больших камней и грелись на солнышке, так что охотник без труда скрадывал и убивал их.

Были среди тюленей какие-то особенно крупные животные. Люди называли их «чалыми». Поговаривали, будто они вовсе не тюлени, но «морские жители и жительницы» и будто приплывают они сюда со своей далекой родины, что находится в глубинах моря. А в тюленей они превращаются для того, чтобы, проплыв под водой, выходить на сушу и дышать воздухом земли.

Охотник слушал эти рассказы и только посмеивался. Он говорил, что на крупных тюленей охотиться выгоднее — ведь шкуры у них больше и стоят они дороже.

И вот как-то раз на охоте он вонзил свой нож в очень крупного тюленя. И то ли удар был недостаточно сильный, то ли по другой причине, но тюлень с громким криком боли соскользнул с камня в море и скрылся под водой вместе с ножом охотника.

Охотник очень досадовал на свою неудачу, да к тому же и нож его пропал. Хмурый, он побрел домой обедать. И вдруг на дороге ему повстречался всадник. Всадник был такой дородный, такой странный с виду и сидел на таком огромном вороном коне, что охотник прямо диву дался. Он остановился и во все глаза смотрел на всадника, гадая, кто бы это мог быть и откуда такой взялся.

Всадник тоже остановил коня и спросил охотника, чем тот занимается. А когда услышал его ответ, тотчас заказал ему большую партию тюленьих шкур. Охотник сначала обрадовался, потому что заказ был очень крупный и сулил много денег. Но ему тут же пришлось огорчиться, так как всадник велел доставить шкуры в тот же вечер.

— Никак не могу, — сказал охотник. — Тюлени не выйдут на берег раньше завтрашнего утра.

— А хочешь, я отвезу тебя в такое место, где тюленей сколько угодно? — молвил всадник. — Садись на коня ко мне за спину, и поедем!

Охотник согласился и сел на коня позади всадника. А тот тронул поводья, и огромный вороной конь помчался так быстро, что охотнику было трудно на нем усидеть.

Они все мчались и мчались с быстротой ветра и наконец выехали на самый край высокого утеса, что отвесно обрывался в море. Здесь таинственный всадник круто осадил коня.

— Слезай! — коротко приказал он охотнику.

Тот соскочил с коня и осторожно заглянул с обрыва вниз, — ему хотелось узнать, правда ли, что здесь на прибрежных камнях лежат тюлени.

Но никаких тюленей и даже никаких камней внизу не было. Только море плескалось, омывая подножие скалистой стены.

— А где же тюлени? — спросил охотник в тревоге. Он уже пожалел, что сдуру пустился в путь с каким-то незнакомцем.

— Сейчас увидишь, — ответил незнакомец, бросив поводья на шею коня.

Охотнику стало очень страшно. Он уже чуял беду и знал, что в таком безлюдном месте некого звать на помощь.

Страх его оказался не напрасным. Незнакомец положил ему руку на плечо, и в тот же миг охотник полетел с утеса прямо в море. Тут он решил, что настал его последний час, и даже успел подумать: «За что? Я же ни в чем не виновен!»

Но, к великому своему удивлению, он вдруг почувствовал, что с ним происходит что-то странное: вместо того чтобы захлебнуться, он дышал легко и свободно. А спутник его очутился рядом с ним и опускался в морские глубины так же быстро, как мчался на коне по суше.

Они погружались все глубже и глубже и наконец подплыли к огромной стрельчатой двери из розовых кораллов, сверху донизу усаженной раковинками. Дверь открылась сама собой, и они вошли в просторный зал. Стены его были из перламутра, а пол, гладкий и твердый, — из желтого морского песка.

В зале собралась большая толпа, но не людей, а громадных тюленей. Охотник повернулся к своему спутнику — хотел спросить, что все это значит, и... обомлел, увидев, что тот превратился в тюленя. Еще больше он испугался, когда посмотрел на себя в большое стенное зеркало. Он увидел, что уже потерял всякое сходство с человеком и стал тюленем с красивым коричневым мехом.

«Ох, горе мне! — подумал охотник. — Этот коварный незнакомец ни за что ни про что околдовал меня злыми чарами, и придется мне до конца моих дней жить в зверином обличье».

Сначала ни один тюлень с ним не заговаривал. Все они как будто были в большом горе. Одни тюлени медленно двигались по залу, ведя негромкую, невеселую беседу. Другие лежали на песчаном полу, очень печальные. Крупные слезы капали у них из глаз, и тюлени вытирали их мягкими лапами.

Но вот они, видимо, заметили охотника и стали о чем-то перешептываться, а его спутник отошел от него и скрылся за дверью в конце зала. Вскоре он вернулся с большим ножом в руке.

— Видел ты этот нож раньше? — спросил он и протянул нож несчастному охотнику.

Тот с ужасом узнал свой охотничий нож. Это его он утром вонзил в большого тюленя, и раненое животное скрылось с ним в глубине моря.

Тогда охотник повалился в ноги своему спутнику и стал просить пощады. Он догадался, что обитатели пещеры на дне моря разгневались на него за то, что он ранил их сородича. Они сумели каким-то таинственным образом захватить его в плен и увлечь в свое подводное жилище, а теперь убьют из мести.

Но тюлени его не убили. Они столпились вокруг охотника и принялись тереться носами о его мех, чтобы показать, что они на него не гnevаются. Они даже просили его не тревожиться, уверяя, что ничего плохого с ним не случится. А они на всю жизнь станут его друзьями, если только он выполнит их просьбу.

— Скажите, чего вам от меня надо, и я сделаю все, что в моих силах, — проговорил охотник.

— Следуй за мной, — ответил его спутник и повел его к двери в ту комнату, куда ходил за ножом.

Охотник вошел вслед за ним в небольшую комнату и увидел в ней огромного коричневого тюленя. Он лежал на подстилке из бледно-розовых водорослей, и в боку у него зияла рана.

— Это мой отец, — сказал охотнику его спутник. — Нынче утром ты ранил его, приняв за простого тюленя, из тех, что обитают в море. Но он не тюлень, а «морской житель». Он обладает даром речи и разумом, как и вы, смертные. Я привел тебя сюда, чтобы ты перевязал его рану. Ведь один ты можешь его исцелить.

Тут охотник только подивился в душе — до чего милостивыми оказались эти странные существа, которых он так тяжело, хоть и невольно, обидел.

— Я не лекарь, — сказал он, — но постараюсь как можно лучше перевязать рану и жалею, что это я ее нанес.

Он подошел к ложу раненого морского жителя, наклонился над ним и очень осторожно и ловко промыл и перевязал рану.

И вот одно лишь прикосновение его рук исцелило раненого, как по волшебству. Не успел охотник закончить свою работу, как рана затянулась,

заросла и остался только шрам. Старый тюлень встал с ложа таким же здоровым, каким был раньше.

Тут в подводном дворце началось великое ликование. Тюлени смеялись, болтали, обнимали друг друга. Они толпились вокруг своего исцеленного сородича, терлись носами о его нос и всячески выражали свою радость по поводу его выздоровления.

Все это время охотник стоял один в углу и думал невеселые думы. Хотя он и знал теперь, что его не убьют, но не хотелось ему всю жизнь провести в глубине океана в обличье тюленя.

И вот к нему подошел его спутник и сказал:

— Теперь ты волен вернуться домой к жене и детям. Я провожу тебя к ним, но только с одним условием.

— С каким? — быстро спросил охотник, не помня себя от радости, что скоро вернется на сушу к своей семье.

— Ты должен дать клятву, что никогда больше не тронешь ни одного тюленя.

— С радостью поклянусь! — ответил охотник.

Правда, он знал, что отныне лишится заработка, но надеялся найти себе другое занятие, когда вновь станет человеком.

Охотник поднял правый ласт и произнес торжественную клятву, а тюлени столпились вокруг него как свидетели. И когда он умолк, по подводным залам прошелестел вздох облегчения — ведь звери знали, что он самый лучший охотник на всем Северном побережье.

Затем охотник простился с обитателями подводного дворца и вместе со своим спутником снова прошел через коралловую дверь.

И вот они стали подниматься все выше и выше, а сумрачная зеленая вода вокруг них все светлела и светлела. Наконец они выплыли на свет солнца и увидели землю.

Одним огромным прыжком они взлетели на утес, где, мирно пощипывая траву, их ждал все тот же громадный вороной конь.

И как только спутники выскочили из воды, с них спало тюленьё обличье, и они вновь приняли свой прежний вид: один стал простым охотником, другой дородным джентльменом в дорогой одежде для верховой езды.

— Садись ко мне за спину! — приказал он охотнику и вскочил в седло.

Охотник послушался и тотчас крепко уцепился за куртку всадника — он ведь не забыл, что на пути к утесу чуть не свалился с коня.

Всадник тронул поводья, конь поскакал во весь опор, и вскоре охотник, здоровый и невредимый, спешил перед калиткой своего сада.

Он протянул было руку, чтобы попрощаться со спутником, но тот вложил в эту руку кошель, набитый золотом.

— Ты сделал свое дело, мы должны сделать наше, — сказал он. — Пусть не говорят люди, что мы отняли у честного человека заработок и ничем его не возместили. Возьми кошель! Проживешь безбедно до конца дней своих.

И вдруг он исчез. Удивленный охотник отнес кошель к себе домой, высыпал золото на стол и увидел, что спутник его сказал правду: золота было так много, что охотник сразу сделался богачом.

Приключения Айена Дирека и рыже-бурого лиса

Когда мир наш был гораздо моложе, чем теперь, жил на свете королевич по имени Айен Дирек, что значит Айен Прямодушный. Он был хороший охотник и как-то раз пошел бродить по горам с луком и стрелами. Вдруг видит: летит птица, да такая красивая, каких он в жизни не встречал. Это был Синий сокол. Айен мигом пустил в него стрелу, но сокол летел быстрее стрелы, и только одно его синее перо упало на землю. Королевич поднял перо и, когда вернулся домой, показал его своей мачехе-королеве.

А королева была колдунья и, как увидела синее перо, догадалась, что оно не от простой птицы. И вот захотелось королеве-колдунье получить эту птицу, и она приказала Айену добыть Синего сокола во что бы то ни стало и как бы это ни было опасно и трудно. Ведь пасынка она втайне ненавидела.

— Ступай найди мне эту птицу, — велела она Айену Диреку. — Без нее не возвращайся!

Айен боялся ее колдовской силы и пошел выполнять ее приказание — искать Синего сокола.

И вот он поднялся на горный склон, туда, где видел сокола, но как ни всматривался в даль, чудесной птицы нигде не было видно. Немного погодя стемнело, и певчие птички, что гнезятся в живых изгородях, принялись летать над кустами. Они перепархивали с куста на куст и садились на ветви терновника — всё ночлега себе искали.

Наконец настала ночь, темная, непроглядная. Айен сел под деревом и развел костер, чтобы погреться. Он уже собирался лечь да выспаться

хорошенько, как вдруг что-то рядом с ним зашуршало, и в свете костра появился рыже-бурый лис. Он нес в зубах баранью ногу и овечью голову.

— Плохо в такую ночь под открытым небом, правда, королевич? — сказал лис Айену.

— Что правда, то правда, — согласился Айен. — Но я ищу Синего сокола для своей мачехи-королевы и, пока не найду его, не посмею домой вернуться.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и молвил:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься.

Затем они вместе поужинали бараньей ногой и овечьей головой — ведь Айен был голоден, как отощавшая выпь. За едой лис сказал ему, что Синим соколом владеет огромный великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

— Ступай к этому великану, — сказал лис, — и попросись к нему на службу. Скажи, что умеешь ухаживать за всякими птицами. Он тогда поставит тебя смотреть за всеми своими ястребами и соколами, а среди них будет и та птица, что тебе нужна. Потом дождись дня, когда великан уйдет из дому, а тогда забирай Синего сокола и беги прочь. Это сделать нетрудно. Только помни одно: когда будешь выбегать из великанова дома, смотри, чтобы Синий сокол не задел там за что-нибудь даже кончиком одного своего синего перышка. А заденет — худо тебе будет.

Айен поблагодарил лиса за совет, и потом оба они всю ночь проспали под деревом. На заре лис показал Айену дорогу к великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

Далеко было до зубчатой стены леса, что виднелась впереди, на самом краю земли, а до великанова дома — еще дальше. Но когда солнце стало закатываться, Айен Дирек наконец добрался до места. Он постучал в огромную дверь, и ее открыл сам великан — такой страшный, что Айен чуть не бросился наутек.

— Что тебе от меня надобно, королевич? — заревело страшилище.

— Хочу тебе послужить, — ответил Айен. — Я хорошо умею ходить за всякими птицами, так, может, и пригожусь тебе.

— Ну, коли так, нынче для меня счастливый день, — молвил великан. Распахнул дверь и пригласил Айена войти в дом. — Хорошо, что ты пришел: мне как раз нужен сокольный — смотреть за моими ястребами и соколами.

Так Айен Дирек стал служить великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках. И он, конечно, нашел среди прочих птиц Синего сокола, за которым послала его мачеха.

Великан скоро увидел, что Айен хорошо ухаживает за птицами, и стал оставлять его одного в доме, когда сам уходил на охоту. И вот как-то раз, когда великан ушел, Айен решил бежать.

Он подождал, пока земля перестала трястись под тяжелой поступью великана, и осторожно снял Синего сокола с жердочки. Айен помнил совет лиса и нес птицу так бережно, словно она была из тонкого стекла. Но вот беда! Не успел он открыть дверь, как Синий сокол до того обрадовался яркому свету дня, что широко распахнул крылья и задел кончиком одного своего синего перышка за дверной косяк. А косяк заскрипел, да так громко, что скрип его и за сотню миль слышали.

Айену некогда было даже подумать, что делать дальше, потому что земля сразу же затряслась, и великан сбежал с горы.

— Ты что же это — Синего сокола украсть вздумал! — заревел он своими громовыми пятью голосами. — Бежишь с тем, что не твое?

— Прости меня! — взмолился Айен. — Это все моя мачеха-королева! Она приказала мне добыть ей Синего сокола. Без него не велела и домой возвращаться.

Тут великан поглядел на Айена, и все его пять пар глаз загорелись коварным огнем.

— Я отдам тебе Синего сокола, — сказал он, — если ты принесешь мне Белый меч-светоносец. А мечом тем владеют дьюрредские Большие Женщины.

Айен обещал выполнить приказ великана и легкими шагами пустился в путь. А великан прислонился к дверному косяку и все хохотал и хохотал, да так раскатисто, что чудилось, будто это гром гремит. Ведь он думал, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Много миль прошагал Айен Дирек, и ни разу он не давал отдыха ногам, но так и не встретил того, кто мог бы ему сказать, как найти дьюрредских Больших Женщин. Когда стемнело, он развел костер под могучим деревом и только было собрался лечь да хорошенько выспаться, как вдруг рядом с ним опять что-то зашуршало. И кто же выступил из темноты на свет костра, как не его старый приятель, рыже-бурый лис!

— Не удалось тебе, значит, унести Синего сокола из великанова дома, — молвил он.

— В том-то и горе, что не удалось, — отозвался Айен. — Но великан обещал отдать мне сокола, если я принесу ему Белый меч-светоносец. А мечом тем владеют какие-то дьюрредские Большие Женщины.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и сказал:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься.

Потом они опять поужинали вместе, и за едой лис сказал Айену, что Дьюрред — это остров. Он лежит посреди моря, и там живут три сестры-великанши по прозвищу Большие Женщины.

— Ступай туда, — сказал лис, — и просись к ним на службу. Скажи, что ты мастер чистить сталь и железо, медь и олово — умеешь до блеска их начищать. Большие Женщины поставят тебя смотреть за их оружием, и там ты найдешь тот меч, какой тебе нужен. Потом дождись того дня, когда хозяйки твои уйдут из дома, забирай меч и беги. Это дело нетрудное. Только не забудь того, что я тебе в прошлый раз говорил. Когда будешь бежать из дома с мечом в руках, смотри не задень обо что-нибудь даже самым его острием. А заденешь — худо тебе будет.

На заре Айен с лисом подошли к морскому берегу, и тут лис сказал:

— Я обернусь лодкой и отвезу тебя на остров Дьюрред.

И вот он мигом обернулся узкой рыже-бурой лодкой, а Айен сел на весла и греб, пока лодка не подплыла к скалистому острову, что лежал среди моря. Как только лодка пристала к берегу, лис принял свой настоящий вид.

— Будь счастлив, королевич, — сказал он Айену, перед тем как тот тронулся в путь к дому Больших Женщин. — В тот день, когда ты убежишь, я буду ждать тебя здесь, чтобы опять перевезти через море.

До дома великанш было недалеко, а когда Айен постучался в огромную дверь, ее открыли все три сестры. Одна была высокая, как ель, другая черная, как грозозная туча, а третья безобразная, как смертный грех.

— Что тебе от нас надобно, королевич? — закаркали они.

— Хочу вам послужить, — ответил Айен. — Я мастер чистить сталь и железо, медь и олово, — умею до блеска их начищать. Может, я вам пригожусь.

— Ну, коли так, нынче для нас счастливый день! — вскричали сестры. Они широко распахнули дверь и пригласили его войти в дом. — Хорошо, что ты пришел! Нам как раз нужен оружейник — держать в порядке наши мечи и секиры.

Так Айен Дирек стал служить дьурредским великаншам и, конечно, нашел среди их оружия тот самый Белый меч-светоносец, какой пожелал иметь великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках.

Три сестры скоро увидели, что Айен умело чистит их оружие. Теперь они оставляли его одного дома, когда сами куда-нибудь уходили. И вот как-то раз, когда хозяйки ушли, Айен решил бежать.

Как только высокая сестра, черная сестра и безобразная сестра ушли на другой берег острова, Айен осторожно взял Белый меч-светоносец с того места, где он лежал. Он не забыл про совет лиса и нес меч очень бережно. Но вот беда! Он еще не успел выйти за дверь, как задел острием меча за притолоку, а та закричала, да так громко, что скрип ее за сотню миль слышен был. Все три сестры тотчас же помчались домой во весь дух.

— Ты что ж это — наш Белый меч-светоносец украсть хочешь? — завопили они. — Бежишь с тем, что не твое?

— Простите меня! — взмолился Айен. — Это все великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках! Он приказал мне добыть ему этот меч. Не добуду, он не отдаст мне своего Синего сокола. А без Синего сокола я не смею вернуться домой к своей мачехе-королеве.

Тут все три великанши поглядели на Айена, и глаза их загорелись коварным огнем.

— Мы отдадим тебе наш Белый меч-светоносец, — сказали они, — если ты добудешь нам Золото-гнедую кобылицу. А владеет этой кобылицей король Эрина.

Айен обещал выполнить их приказ и ушел с надеждой в сердце. А все три великанши бросились друг другу на шею. Они хохотали до упаду и безобразно кудахтали — ведь они думали, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Но вот Айен спустился на берег моря под скалистые обрывы и там увидел лиса. Тот ждал его, как обещал.

— Значит, не удалось тебе унести Белый меч-светоносец из дома дьурредских Больших Женщин.

Так приветствовал он Айена.

— В том-то и горе, что не удалось, — отозвался Айен. — Не добыть мне этого меча, пока я не приведу на остров Дьурред Золото-гнедую кобылицу. А владеет ею король Эрина.

Тут лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами и молвил:

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься. Эрин — это большой остров. Лежит он еще дальше посреди моря. Я обернусь баркой и свезу тебя туда. Как доберемся до Эрина, пойдешь в королевский дворец и попроси короля нанять тебя в конюхи. Среди его лошадей ты найдешь ту, какую ищешь. А ночью, когда все заснут, беги с Золото-гнедой кобылицей. Это дело нетрудное. Только еще раз скажу: будешь бежать, смотри, чтобы кобылица ничего не задела на конном дворе ни гривой, ни мордой, ни хвостом — словом, ничем, кроме копыт. А заде-нет — худо тебе будет, как ты уже испытал, на свою беду.

И тут лис без лишних слов обернулся баркой с рыже-бурыми парусами и перевез Айена через море к берегам зеленого острова Эрин, как в старину называли Ирландию. Потом лис опять принял свой настоящий вид и сказал:

— Будь счастлив, королевич! В тот день, когда ты убежишь, я буду ждать здесь, чтобы перевезти тебя назад через море.

И вот Айен зашагал по зеленой земле и скоро подошел к королевскому замку. Он постучал в огромную дверь, и открыл ее сам король Эрина, величавый человек в богатом одеянии.

— Что тебе от меня надобно, чужестранец? — спросил король.

— Хочу тебе послужить. Найми меня в конюхи, — ответил Айен.

— Ну, коли так, нынче для меня счастливый день, — сказал король. — Хорошо, что ты пришел! Мне как раз нужен новый конюх.

Айен Дирек стал служить на конюшне у ирландского короля. И он, конечно, нашел среди королевских лошадей ту самую Золото-гнедую кобылицу, какую пожелали иметь дьурредские великанши.

Вскоре Айен решил, что пора ему бежать. И вот как-то раз ночью, когда все в замке спали, он прокрался в конюшню и отвязал Золото-гнедую кобылицу. Айен помнил совет лиса и очень бережно вел кобылицу к воротам конного двора, чтобы там вскочить на нее и бежать. Но вот беда! Он еще не успел выйти за ворота, как молодая кобылица задела одним волоском своего хвоста за воротный столб. А столб закричал, да так громко, что скрип этот во всем Эрине слышен был.

Тотчас сбежалась вся королевская дворня и во главе с самим королем бросилась к конюшне.

— Ты что ж это — хочешь украсть мою Золото-гнедую кобылицу? — в гневе закричал король. — Бежишь с тем, что не твое?

— Прости меня! — взмолился Айен. — Это все дьурредские великанши! Они велели мне добыть им твою кобылицу. Не добуду — они не

отдадут мне своего Белого меч-светоносца. А если я не принесу Белый меч-светоносец великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках, он не отдаст мне своего Синего сокола. Ну, а без Синего сокола мне домой не вернуться — не посмею я показаться на глаза своей мачехе-королеве.

Тут король Эрина лукаво поглядел на Айена.

— Я отдам тебе свою Золото-гнедую кобылицу, — сказал он, — но только если ты привезешь мне дочь французского короля. Я слышал, что краше ее нет девушки на свете, и хочу на ней жениться.

Айен обещал выполнить желание короля и ушел радостный. А король Эрина расхохотался до слез. Ведь он думал, что Айену Диреку никогда в жизни не справиться с этой задачей.

Вот Айен дошел до морского берега и увидел лиса. Тот ждал его, как обещал.

— Ох, не говори мне, что не удалось тебе увести Золото-гнедую кобылицу из конюшни короля Эрина!

Так приветствовал он Айена.

— В том-то и горе, что не удалось! — молвил Айен. — Не добыть мне Золото-гнедой кобылицы, пока я не привезу королю Эрина дочери французского короля.

Лис покосился на Айена своими хитрыми лисьими глазами.

— Трудная у тебя задача, но постарайся — справишься. Я обернусь кораблем и отвезу тебя к берегам Франции. Эта страна лежит еще дальше, за морем. А когда мы попадем во Францию, ты подойди к королевскому дворцу и попроси помощи. Скажешь, что корабль твой лежит разбитый на берегу. Тогда король и королева выйдут с дочерью посмотреть на твой корабль. А прочее я уж сам сделаю, и все уладится.

Тут лис немедленно обернулся красивым остроносым кораблем и перевез Айена по морю к берегам Франции. Как только они причалили, Айен пошел к королевскому дворцу и постучал в огромную дверь. Ее открыл сам французский король, видный чернобородый мужчина.

— Что тебе от меня надобно, чужестранец? — спросил король.

— Ох, ваше величество, мой корабль лежит разбитый у самого берега, — сказал Айен, — и я пришел просить у вас помощи.

— Я приду взглянуть на твой корабль, — молвил король и велел своей супруге и дочери идти с ним на берег.

Ну, Айен, как увидел дочку французского короля, сразу подумал, что в жизни он не встречал такой красавицы. Правду сказал король

Эрина, что краше ее нет девушки на свете. Волосы у королевны были длинные, черные, глаза синие-синие, а лицо очень приветливое.

И вот французский король с женой и дочерью пошли вместе с Айеном на берег и, когда увидели корабль, подивились, что он такой большой. Меж тем Айен Дирек стоял и думал: «Что же теперь делать дальше?» Но вдруг с корабля донеслись звуки дивной музыки. Тут королевна в восторге захлопала в ладоши.

— Проводи меня на свой корабль, — сказала она Айену. — Мне хочется посмотреть на музыкантов.

— С радостью провожу, — ответил Айен.

Король с королевой улыбнулись, а он взял королевну за белую ручку и повел ее на корабль. Но пока они осматривали богато убранные каюты, поднялся попутный ветер, надул паруса, и корабль понесся по морю. Вот Айен с королевной поднялись на палубу, видят — они уже в открытом море. Вокруг, куда ни глянь, нигде ни кусочка земли.

— О, горе мне! — застонала королевна. — Ты меня похитил! Разлучил с отцом и матерью!

— Прости меня! — молвил Айен. — Это все король Эрина! Он велел мне привезти тебя к нему. Хочет взять тебя в жены.

И Айен рассказал королевне про все, что с ним приключилось. Сказал также, что не смеет вернуться домой к своей мачехе-королеве без Синего сокола, который живет у великана о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках. Когда же кончил рассказывать, королевна вздохнула и ласково вскинула на него свои синие-синие глаза.

— Благородный Айен, — промолвила она, — я охотнее выйду за тебя, чем за сотню ирландских королей.

Горько стало от этих слов Айену, потому что в сердце его вспыхнула великая любовь к королевне, и тяжело ему было думать о разлуке с нею.

Но верный лис помог ему и в этой беде. Не успели они высадиться на зеленый берег Эрина, как лис опять принял свой настоящий вид и сказал Айену, как ему перехитрить короля Эрина, да так, чтобы не разлучаться с королевной.

— Я обернусь красивой женщиной, — сказал лис. — Королевна пусть останется на берегу, а ты отведи меня к королю Эрина и скажи, что я — дочь французского короля. — И лис добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королевна осталась на берегу, а лис вместе с Айеном тронулись в путь по зеленой земле Эрина. Лис уже успел обернуться красавицей

с бледным тонким лицом и темно-рыжими кудрями. Они пришли в королевский замок, и их принял сам король Эрина. Он был очень удивлен, что конюх его вернулся.

— Ну, король Эрина, — сказал Айен, — я привез тебе дочь французского короля в жены. А где Золото-гнедая кобылица? Ведь ты обещал отдать ее мне, когда я выполню твой приказ.

— Молодец, конюх! — сказал король.

Он велел оседлать Золото-гнедую кобылицу золотым седлом, взнуздать ее серебряной уздечкой и вывести из конюшни.

— Бери мою Золото-гнедую кобылицу, — сказал король Эрина Айену, — и ступай себе своей дорогой.

Айен вскочил на кобылицу и помчался к морскому берегу, где его ждала королевна.

Тем временем король Эрина захотел было поцеловать свою невесту, но не успел он обнять ее, как она превратилась в рыже-бурого лиса, а лис прокусил ему руку до кости и умчался к морю.

На берегу лис обернулся баркой с рыже-бурыми парусами, и та понесла Айена, и королевну, и кобылицу по морю к острову Дьюрред.

— А теперь, — сказал Айену лис, когда они высадились на остров, — я скажу тебе, как перехитрить дьюрредских Больших Женщин и оставить у себя Золото-гнедую кобылицу. Королевна с кобылицей пусть обождут на берегу, я обернусь породистой лошастью, а ты отведи меня к великаншам и скажи, что я та самая кобылица, за какой они тебя посылали. — И лис добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королевна и Золото-гнедая кобылица остались ждать на морском берегу. Меж тем Айен направился к дому дьюрредских великанш, и с ним рядом шел лис в обличье породистой лошади. Диву дались сестры, когда увидели, что их слуга вернулся.

— Ну, сестры, — сказал Айен, — я привел вам Золото-гнедую кобылицу короля Эрина, как вы мне приказывали. А где же Белый меч-светоносец? Ведь вы обещали отдать его мне, когда я выполню ваш приказ.

— Молодец, оружейник! — сказали великанши, и та, что была ростом с ель, взяла меч с того места, где он лежал, и вручила его Айену.

— Бери наш Белый меч-светоносец, — сказали сестры, — и ступай себе своей дорогой.

Айен пошел назад, к берегу моря. На ходу он размахивал чудесным мечом и чувствовал, как подрагивает его гибкий клинок.

Великаншам не терпелось прокатиться на своей новой кобылице. Но каждой из них хотелось первой сесть на нее. И вот они вскочили к ней на спину все враз, так что пришлось им друг к дружке на плечи вскарабкаться. А лис, как только почуял их на своей спине, пустился вскачь к морю, домчался до самого края обрыва и вдруг стал как вкопанный — копытами в торф зарылся, а голову опустил. Тут все три великанши — и высокая, и черная, и безобразная — попадали с его спины вниз головой и шлепнулись в море. Там они и по сей день лежат.

А лис принял свой настоящий вид и прибежал к тем, что ждали его на берегу. Потом обернулся узкой рыже-бурой лодкой и повез Айена, королевну, кобылицу и меч по морю к берегам той страны, где когда-то начал свой путь Айен Дирек.

— Ну, вот и кончилось наше плавание, — сказал лис Айену. — А теперь я тебя научу, как перехитрить великана о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках и оставить у себя Белый меч-светоносец. Королевна пусть подождет здесь с Золото-гнедой кобылицей и Белым мечом-светоносцем. Я обернусь сверкающим мечом, а ты отнеси меня к великану и скажи, что это, мол, тот самый меч, за каким он тебя посылал. — И лис опять добавил с хитрой усмешкой: — А уж как мне оттуда сбежать, я сам придумаю и потом догоню тебя.

И вот королевна осталась на берегу, с Золото-гнедой кобылицей и Белым мечом-светоносцем. Меж тем Айен пошел к дому великана. В руках он держал лиса, только лис был теперь в обличье сверкающего меча. Подивился великан о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках, когда завидел своего сокольника.

— Ну, великан, — сказал Айен, — по твоему приказанию я принес тебе от дьюрредских великанш Белый меч-светоносец. А где же Синий сокол? Ведь ты обещал отдать его мне, когда я выполню твой приказ.

— Молодец, сокольник! — сказал великан.

Принес Синего сокола, посадил его в корзину и отдал Айену.

— Бери моего Синего сокола, — говорит, — и ступай себе своей дорогой.

Айен отправился на морской берег, туда, где ждала его королевна. По дороге он все поглядывал на корзину — ведь между ее ивовыми прутьями виднелись синие перья, и Айен радовался великой радостью, что ему удалось добыть чудесную птицу. Много ему довелось вытерпеть из-за нее, и наконец-то она ему досталась.

А великану о пяти головах, пяти горбах и пяти глотках не терпелось поскорей испытать свой новый меч. Он рассекал мечом воздух и рубил острым клинком направо и налево — словно с врагом своим сражался. Но тут меч вдруг изогнулся в воздухе и одним махом отрубил великану все его пять голов. Потом лис в последний раз принял свой настоящий вид и побежал к Айену и королевне.

— Ну, — сказал он Айену, — теперь твои приключения подходят к концу. Осталось тебе только рассеять злые чары твоей мачехи-королевы. Вот что тебе надо сделать. Сядь на Золото-гнедую кобылицу, а королевну посади к себе за спину. В правую руку возьми Белый меч-светоносец и поверни его плоской стороной к себе. А Синего сокола посади себе на плечо. Так держи путь домой. Скоро ты встретишь на дороге свою мачеху. Она попытается заколдовать тебя смертоносным взглядом, так, чтобы ты упал с кобылицы и превратился в охапку хвороста. Но ведь к ней будет обращено острое лезвие твоего меча, и злые чары рассеются.

Айен послушался лиса. Он поехал домой на Золото-гнедой кобылице, с королевной за спиной и Синим соколом на плече, а в правой руке он держал Белый меч-светоносец плоской стороной к себе.

Долго он был в пути — миновал столько гор и долин, что даже сведущему человеку их не перечесть, и наконец подъехал к отцовскому двору.

Тут королева выглянула из окна и увидела, что Айен спускается с горы. Черная ненависть к пасынку вспыхнула в ее сердце, и она выбежала во двор и бросилась за ворота навстречу всаднику.

И вот как только Айен подъехал поближе, королева впиалась в него своими смертоносными глазами. Не будь у Айена его чудесного меча, он тут же упал бы с кобылицы, как и предсказывал лис. Но острое лезвие его меча было обращено к королеве, поэтому ее злые чары принесли гибель ей самой. Не Айен, а она рухнула на землю и превратилась в охапку хвороста.

Тут Айен торжественно вступил в отцовский дворец рука об руку с королевной и рассказал королю про все, что с ним приключилось. Король женил его на королевне и задал пышный свадебный пир. А охапку хвороста, что валялась за воротами, приказал сжечь на костре.

И вот Айен Дирек начал новую жизнь, удачливую и счастливую, да так и жил до конца дней своих. Жена у него была такая красавица, что краше ее во всем свете не сыщешь. На конюшне у него стояла Золото-

гнедая кобылица, такая резвая, что резвей ее во всем свете не было: ведь она могла обогнать один ветер и догнать другой. На стене в его доме висел неотразимый Белый меч-светоносец; на охоту Айен брал с собой Синего сокола, а это была такая птица, какой еще свет не видывал.

Но Айен не забывал, что счастьем этим он обязан своему старому другу, лису. И вот он сказал ему:

— Пока ты жив, мои охотники не тронут ни тебя, ни сородичей твоих.

Но лис только усмехнулся в ответ.

— Обо мне и моих сородичах ты не беспокойся, — сказал он. — Все мы сами умеем о себе заботиться.

И лис гордо поднял свой рыжий хвост трубой и убежал в горы.

Вот и сказка вся.

Предание о замке Илен-Донен

И на Шотландском нагорье, и на Гебридских островах издревле соблюдают такой обычай: когда ребенка отнимут от груди и впервые дадут ему пить из сосуда, этим сосудом должен быть череп ворона. Тогда ребенок, по поверью, будет обладать сверхъестественными дарами — ведь ворон слышит самой мудрой из птиц.

Давным-давно жил-был в Кинтейле вождь одного клана. И вот ему захотелось узнать, есть ли хоть доля правды в этом поверье. Когда его маленького сына Шемаса отняли от груди и впервые собирались напоить коровьим молоком, отец велел налить молоко в легкий и хрупкий череп ворона.

Однако еще долго казалось, что у мальчика нет никаких особенных дарований. Он играл и лепетал, как и все другие дети, и так же, как они, был то своенравным, то послушным.

Но как-то раз отец увидел Шемаса под яблоней. Мальчик сидел, глядя вверх, на ее ветви, и что-то бормотал, но бормотанье его не походило на человеческую речь. Вождь подошел поближе, и тут раздался шум и трепыханье крыльев — целая стая птичек улетела в испуге.

— Эх, отец, зачем ты их распугал! — сказал Шемас. — Ведь птички рассказывали мне про теплые края, куда они улетают, когда мы тут зимой дрожим от холода. Рассказывали они и про безбрежное синее море, что целый день лежит под солнцем, спокойное, тихое, не бросает на берег серые волны, как наше море.

— Но как они могли тебе рассказать про это, сын мой? — удивился вождь. — Ведь птицы не говорят по-нашему.

— А я понимаю их и могу говорить с ними, — сказал Шемас, — их язык я знаю, как свой родной.

Так вождь убедился, что сын его одарен знанием птичьего языка. Справедливо было древнее поверье о черепе ворона!

Проходили годы, а Шемас не терял своего дара. Выезжая на охоту, он беседовал с соколом, что сидел у него на руке; гуляя по берегу моря, он слушал рассказы морских птиц о кораблях, плывущих по океану, а малые пташки, что подлетали к его отчому дому, сообщали ему обо всем, что видели в окрестностях. Шемас отличался от других не только своим даром — он рос юношей умным и храбрым, и весь клан считал, что со временем он станет достойным преемником своего отца.

Но в один черный день случилось так, что гнев старого вождя обратился на Шемаса и заставил юношу в скорби покинуть родину.

В тот вечер он прислуживал отцу за столом. И вот старик вдруг показал рукой на закопченные стропила. На этих стропилах бесчисленные птицы с незапамятных времен вили гнезда.

— Скажи, сын мой, о чем сегодня щебечут скворцы? — спросил Шемаса вождь. — В жизни я не слыхивал, чтобы они так шумели.

Шемас опустил глаза и ответил:

— Я бы тебе сказал, отец, да боюсь, что ты рассердишься.

Не мудрено, что старика обуяло любопытство, и Шемасу волей-неволей пришлось сказать ему правду:

— Скворцы говорят, что когда-нибудь мы с тобой поменяемся местами: ты, отец, будешь мне прислуживать за столом в этой самой палате.

Услышал вождь ответ Шемаса и разгневался. Подумал, что сын хочет восстать против него и получить наследство раньше времени.

— Изменник! — крикнул старик и швырнул об пол свой кубок. — Так, значит, ты предашь родного отца? Уходи из моего дома! Простись со своими родичами и больше не показывайся мне на глаза!

Как ни убеждал Шемас отца в своей сыновней любви и верности, а пришлось ему проститься с родными и покинуть отчий дом. Он ушел из Кинтейла как нищий, в чем был, а когда добрался до берега моря, подумал:

«Весь мир лежит передо мной за океаном. Сяду на какой-нибудь корабль и поплыву по синему морю к тем солнечным странам, про какие рассказывали мне птицы».

Случилось так, что как раз в тот день один корабль уходил в заморские страны, и Шемасу удалось на него наняться. И вот корабль

поплыл по морю, то спокойному, то бурному, и наконец причалил к берегам Франции. Здесь Шемас решил высадиться и дальше идти пешком. В путь он тронулся легким шагом, готовый к любым приключениям.

Немного погодя он подошел к огромному парку, где в зеленой траве росли лилии. Вдали высились золоченые башенки, и Шемас догадался, что там королевский дворец. Он подошел к огромным воротам и услышал стук топоров и визг пил. Оказалось, что толпа дровосеков рубит тополевую рощу перед дворцом. Но это еще не все: к своему великому удивлению, Шемас увидел, что все небо вокруг дворца кишит птицами — маленькими бурными воробьями. Они кричали без умолку, да так пронзительно, что ему пришлось даже уши себе заткнуть.

Тут к нему подошел слуга и сказал:

— Затыкай, затыкай себе уши, странник! Все равно будешь слышать этот нестерпимый гомон. Нам покоя нет от птичьего щебета и чириканья, и не только здесь, в парке, но и в самом дворце. Прямо рехнуться впору! Король не знает, что делать, как избавиться от этой напасти.

И тут Шемас подумал: «А ведь я, пожалуй, смогу помочь королю в беде!» И он попросил слугу провести его к королю.

Слуга повел Шемаса по длинным галереям, где тучи воробьев бились крылышками о стены; повел по террасам, где придворные дамы не могли расслышать друг дружку из-за неумолчного птичьего гомона; повел через палату с колоннами, где воробьи, рассевшись по всем карнизам и выступам, заглушали речи важных королевских советников.

Наконец слуга привел Шемаса в небольшую комнату, где король сидел один. Окна здесь были закрыты наглухо, за дверью на страже стоял часовой. Но несмотря на эти предосторожности, один прыткий воробей ухитрился-таки влететь в комнату утром, когда королева пришла поздороваться со своим супругом. Воробей сидел на подлокотнике кресла, а король смотрел на него в глубоком отчаянии, опершись подбородком на руку.

— Позвольте вам доложить, сэр, — начал Шемас, — что я, пожалуй, смогу избавить вас от этой пернатой беды, что свалилась на ваш дворец.

Лицо у короля посветлело, и луч надежды блеснул в его глазах.

— Если ты говоришь правду, — молвил он, — получишь большую награду и заслужишь мою вечную благодарность. Но почему ты думаешь, что сумеешь помочь моей беде?

Тогда Шемас поведал королю о своем даре — сказал, что умеет говорить с птицами на их языке.

— Если птицы на вас так ополчились, сэр, — молвил он, — и подняли такой шум, значит, этому есть какая-то причина.

Тут он повернулся к птичке, что сидела на кресле короля, и заговорил с нею на ее языке. Это было то же диковинное бормотанье, какое услышал старый вождь, когда увидел сына под яблоней. Но вот Шемас умолк, а воробей перелетел на его протянутую руку и возбужденно защебетал в ответ. Король, конечно, ничего не мог разобрать в его щебете, а Шемас, тот, видимо, прекрасно все понял. Он повернулся к королю и сказал:

— Так вот, сэр, загадка эта совсем простая. Вы рассердили воробьев, когда приказали срубить тополя перед дворцом. Ведь птички гнездились на их ветвях, а теперь боятся остаться бездомными. Но если вы прикажете дровосекам прекратить рубку, птички обещают больше вас не беспокоить.

Тут король встал, распахнул дверь и отдал какой-то приказ часовому. И тотчас же шесть герольдов затрубили в шесть серебряных труб и объявили, что отныне ни одно дерево, ни один куст, ни одна ветка, ни один сучок в дворцовом парке не будут срублены. А еще король поклялся своей густой бородой и всеми французскими святыми, что, если птицы перестанут его тревожить, Шемас получит большую награду.

И вот как только все топоры перестали стучать, из длинных галерей, с террас, где сидели придворные дамы, из палаты с колоннами, где совещались королевские советники, из каждого угла и закоулка во дворце начали вылетать стаи воробьев. Пролетев над золочеными башенками, они устремлялись к тополям, чтобы снова вить на них свои гнезда. С того часа и до последних дней французского короля его уже не тревожил ни один воробей.

И король, верный своему слову, щедро вознаграждал Шемаса за услугу: подарил ему длинную галеру, полностью снаряженную и с командой, и, кроме того, дал много золота.

На этом добром новом корабле Шемас опять поплыл по морю в поисках приключений. Он побывал в странах, где живут темнокожие люди, и там, где золото лежит прямо на земле, словно камни на горах, но никто на него не обращает внимания. Плавал Шемас и между прекрасными островами, на которые еще не ступала нога человека. И куда бы он ни приехал, всюду он приобретал и богатство и знания. Но во всех этих дальних странах Шемас часто вспоминал родные горы и горные озера и поросшие вереском склоны Кинтейла. Он странствовал десять лет и

больше уже не мог противиться своему великому желанию вернуться домой и вновь увидеть родных.

И вот наконец его роскошная галера с золоченым носом пробралась сквозь туман меж Гебридскими островами и бросила якорь в узком проливе между островом Тотегом и одним скалистым островком.

Родичи Шемаса и члены его клана, увидев большой корабль, стали дивиться его великолепию и спрашивать друг друга: кто же этот богатый иноземец, что прибыл в их страну? Новость передали старику вождю, что когда-то выгнал из дому родного сына, и он пошел на берег, чтобы приветствовать незнакомого мореплавателя и оказать ему гостеприимство. Но он не узнал в этом красивом чужестранце родного сына и общелся с ним как с важным заморским гостем. А Шемас решил открыться не сразу, но во время пира, который задали в его честь.

По обычаю тех времен, хозяин дома должен был сам прислуживать за столом почетному гостю. Шемаса посадили за главный стол, и старый вождь принес ему вина. Старик стал перед ним на одно колено и протянул ему кубок с вином, и тут Шемас воскликнул:

— Отец мой, неужто ты меня забыл? Ведь я твой родной сын! Ты в гневе выгнал меня из дому, когда услышал пророчество птиц. Теперь их предсказание исполнилось: ты прислуживаешь мне за своим собственным столом. Отец, прими меня, как своего сына! Я снова клянусь, что у меня и в мыслях не было изменять тебе. Ничего дурного я против тебя не замышлял.

Тут старик вскочил с радостным криком и бросился обнимать сына. При всех собравшихся в палате он назначил Шемаса своим преемником и наследником, и все в клане возликовали.

Когда же Шемас рассказал о своих путешествиях, слава о нем разлетелась повсюду и дошла до самого шотландского короля. В те времена на жителей западного побережья Шотландии часто нападали скандинавы, и король искал верного человека, чтобы поручить ему охрану подступов к Кинтейлу. Он призвал Шемаса ко двору и, убедившись, что он одарен великой мудростью, приказал ему построить замок на скалистом островке Илен-Донен напротив острова Тотегга. Этот замок стал сторожевой крепостью и твердыней, ограждавшей Шотландию от скандинавских захватчиков.

Дети короля Эйлла

Давным-давно у подножия обледенелых холмов в густой тени деревьев произошло сражение между королем Эйлла и друидами. И когда битва кончилась, король Эйлла вместе со своими воинами лежал мертвый на земле, а друиды расхаживали по его дворцу и распевали свои дикие победные песни. И вдруг они заметили обоих детей короля Эйлла: мальчик и девочка сидели, скорчившись, у огромной двери. Их подняли и с торжествующими криками потащили к предводителям.

— Девочку мы возьмем себе, — решили друиды. — И пусть все знают, что отныне она принадлежит нам.

Тогда одна из их женщин прикоснулась к пленнице. И вот белая кожа девочки стала зеленой, как трава.

Но друиды еще не решили, что им делать с сыном короля Эйлла. А он вдруг вырвался из их рук и побежал с быстротой оленя, которого травят. Мальчик бежал, пока не поднялся на вершину горы Бен-Глойн, что значит «Стеклянная гора». На ее ледяной вершине он и заснул в ту ночь. Но пока он спал, один друид нашел его и заколдовал — обратил в борзого пса, а потом увел обратно во дворец. Однако он не лишил королевича дара речи.

Друиды, собираясь покинуть дворец короля Эйлла, оставили в нем королевну, чтобы она смотрела за своим братом. К тому же она отказывалась повиноваться их женщинам, и те были рады отделаться от нее.

— Зеленая девочка и борзой пес будут жить вместе в доме отца своего, — изрек предводитель друидов. — Мы их заколдовали, и наши могучие чары не рассеются, пока не произойдут два события. Если

какая-нибудь женщина по доброй воле согласится остаться здесь на всю жизнь и не покидать борзого пса, королевич снова примет свой прежний вид. А если королевну поцелует принц, кожа ее снова станет такой же белой, какой была раньше.

Королевна стояла у входа во дворец, обвив зеленой рукой шею борзого пса, а предводитель друидов широким жестом показал на двор, устланный костями павших в великой битве. И перед тем, как навсегда уйти отсюда, он произнес еще одно пророчество:

— Кости отца вашего и воинов его останутся здесь, и высушит их солнце, и дожди отмоют их добела, и будут они лежать, непогребенные, пока дети детей ваших не предадут их земле.

Много лет брат и сестра жили одни в отчем доме. И пока вокруг него за воротами все пышней и пышней разрастался папоротник, отроческие годы королевских детей миновали. Зеленокожая королевна, высокая и стройная, бродила по опустевшим покоям, и зеленые волосы рассыпались у нее по плечам. За ней по пятам ходил поджарый борзой пес с человеческими глазами. Он обладал даром речи, и в душе у него жили мечты, свойственные юным людям.

И вот когда брат и сестра стали уже взрослыми, сосед их покойного отца, король Эрби, выступил в дальний поход с тремя сотнями воинов. Но не успели они углубиться в горы, как с неба спустился густой белый туман, и король сбился с тропы. Он в замешательстве пробирался вперед ощупью, тщетно стараясь отыскать тропу и не потерять из виду своих спутников.

— Держитесь ближе ко мне! — крикнул он.

Из непроглядной тьмы ему откликнулось только сто человек.

Король все брел и брел вперед и вот различил справа от себя слабое поблескивание тихого горного озера и крикнул снова:

— Держитесь ближе ко мне!

На этот раз отозвались только двадцать воинов.

Он выхватил из ножен палаш, словно желая расцечь им туман, и опять пошел вперед. А когда различил слева от себя чуть видные очертания могучей ели, крикнул в третий раз:

— Держитесь ближе ко мне!

Но теперь откликнулись лишь трое воинов.

Наконец он забрел по колено в густую чащу папоротника и в последний раз позвал своих воинов. Но теперь уже никто не откликнулся на его зов, и он понял, что остался один.

С палашом в руке он стоял, не двигаясь с места, пока туман не поднялся над горами и рваными клочьями не поплыл по синему небу. И тут путник увидел перед собой дворец короля Эйлпа. Буйный папоротник рос в щелях его ветхих стен, довершая их разрушение.

Король Эрби опасливо приблизился к воротам, которых никто не охранял, и вошел в безлюдный двор. Он по-прежнему был устлан костями тех, что пали в бою много лет назад. Кости эти уже высохли на солнце, и дожди отмыли их добела. «Страшная, должно быть, битва разыгралась здесь когда-то!» — подумал король Эрби и направился ко входу во дворец, но по дороге нечаянно задел ногой череп. Это был череп самого короля Эйлпа, и он покатился по двору и пересек его из конца в конец.

И тут из огромной двери вдруг выскочил свирепый борзой пес. Он в бешенстве бросился на короля Эрби и сшиб его на землю — вот-вот в горло вцепится. Нежданное нападение ужаснуло короля, но он был поражен еще больше, когда из собачьей пасти с острыми клыками послышался человеческий голос.

— Ты осквернил кости моего отца! — зарычал пес. — Ты топтал ногами тех, что обречены лежать непогребенными, пока их не предадут земле дети наших детей!

— Пощади меня! — взмолился король Эрби в ужасе. — Кто бы ты ни был, о пес с человеческим голосом, пощади меня!

И тут из дворца донесся звонкий девичий голосок:

— Пощади этого незнакомца, брат! Кто знает, а может, он нас расколдует?

Борзой пес отскочил в сторону, и король, пошатываясь, поднялся на ноги. И тут он увидел, что по двору к нему идет стройная девушка с ярко-зелеными волосами и кожей.

— Где я? — спросил король в страхе. — И кто вы такие, странные вы создания?

— Это дворец короля Эйлпа. Он был убит в сражении с нашими врагами — друидами, — ответила королевна. — А мы — несчастные дети короля Эйлпа.

Тогда заговорил борзой пес.

— Как тебя зовут, незнакомец? — спросил он.

— Я король Эрби, — ответил тот. — У меня тоже есть сын и дочь, и они будут оплакивать меня всю жизнь, если я не вернусь к ним.

Тут хитроумный замысел пришел в голову королевичу. Он отозвал сестру в сторону и сказал ей:

— Мы должны заманить сюда дочь этого короля. Я постараюсь уговорить ее остаться со мной на всю жизнь — и тогда снова стану человеком. И кто знает — а вдруг ее брат расколдует тебя? Ведь он — принц, и его поцелуй может рассеять чары друидов.

— Хорошо придумал! — сказала сестра. — Но как это сделать? Ведь женщина должна остаться с тобой, не зная, что ты королевич. А принц должен поцеловать меня, не ведая, что меня заколдовали друиды. И мы не должны верить своей тайны королю Эрби.

— Верно, сестра, — молвил королевич. — Так давай скажем королю, что убьем его только через год. Пусть он пока уйдет в свое королевство и за это время подготовит сына себе в преемники. Ты пойдешь с королем и приведешь к нам его дочь. Она послужит залогом того, что отец ее вернется к нам через год. Так мы заманим принцессу к себе, а прочее уж зависит от нас самих. Если постигнет нас неудача, придется нам до конца своих дней жить в скорбном одиночестве.

И вот они сказали королю Эрби, что отпускают его на год, но с тем условием, чтобы дочь его прожила этот год у них. Королю волей-неволей пришлось согласиться. Потом он вместе с дочерью короля Эйла пустился в путь по бездорожным порослям папоротника, и путники не отдыхали ни днем, ни ночью, пока не дошли до королевского дворца.

Вскоре борзой пес, поджидавший сестру у ворот, увидел, как она спускается с холма, а с нею идет молодая принцесса — идет, робея, но из гордости не выдавая своего страха. Это была Ойгринг, дочь короля Эрби. А сын короля Эйла, как только взглянул на нее, подумал, что краше ее нет девушки на свете.

Брат и сестра приняли Ойгринг как почетную гостью, и вскоре ее ненависть и недоверие к странным хозяевам сменились удивлением. Она не понимала, как могут этот борзой пес с кроткими глазами и эта зеленая девушка, что так ласкова с нею, грозить смертью ее отцу. Она умоляла их пощадить короля Эрби, но они не внимали ее мольбам.

— Вы скрываете от меня какую-то тайну, — сказала наконец Ойгринг. — Я знаю, что вы не жестокие.

И вот настала весна, и зацвели колокольчики; настало лето, и чибисы стали бороздить небо; настала осень, и гроздь красных ягод запылала на ветвях рябины. Королю Эрби близилась пора вернуться к детям короля Эйла.

— Как хорошо тут, в горах! — воскликнула как-то раз осенью Ойгринг.

Сердце у королевича забилося от радости. Но девушка не произнесла тех слов, которые он жаждал услышать. Когда же выпал первый снег, королевич сказал ей:

— Ты скоро покинешь нас, Ойгринг! Завтра твой отец придет сюда, а ты вернешься к своим.

— Вернусь, но — одна! — горестно воскликнула Ойгринг. — О, не отпускай меня одну! Умоляю тебя, пощади моего отца! — Она помолчала, потом тихо добавила: — А уж если не хочешь отпустить нас обоих, отпусти только отца, а меня оставь здесь навсегда или убей меня вместо него.

И радостно и недоверчиво смотрели на нее дети короля Эйла.

— Ты и вправду согласна остаться здесь на всю жизнь? — спрашивали они.

— Да, — ответила Ойгринг. — Чтобы спасти жизнь отцу.

И как только она проговорила эти слова, чары друидов рассеялись. Сын короля Эйла сбросил с себя обличье пса и принял свой прежний вид. Перед Ойгринг стоял юный королевич.

— Не бойся за отца, — сказал он с улыбкой. — У меня и в мыслях не было убить его.

Затем он рассказал принцессе о том, как его заколдовали, а его сестра обняла их обоих своими зелеными руками и расплакалась от радости.

Тут во двор вошел король Эрби и, увидев их, изумился. Ему открыли тайну, и он снова отправился на родину, чтобы привести своего сына на свадебный пир: Ойгринг и сын короля Эйла уже собирались обвенчаться.

В полдень следующего дня король Эрби и его сын верхом на резвых кобылицах показались на горном склоне. Их встретили с радостью. Печалилась только дочь короля Эйла. Ведь она с первого же взгляда всем сердцем полюбила юного принца. А он от нее отшатнулся — не понравилась ему ее длинные зеленые волосы и зеленая кожа.

— Нет, не дожидаться мне от него поцелуя — так и останусь заколдованной, — сказала она брату, и слезы потекли по ее зеленым щекам.

— Не отчаивайся! — молвил он. — Принеси кубок желтой браги, что сварена из меда диких пчел. В старину говорили, что это волшебная брага. Кто знает, а вдруг она склонит сердце принца к тебе.

Сестра послушалась его совета и поднесла сыну короля Эрби кубок солнечной медовой браги.

— Попробуй! Она пахнет вереском, — сказала девушка. — Она напомнит тебе о благословенном летнем тепле.

Принц взял кубок из ее рук и поднес к губам. И вот едва он пригубил медовый напиток, как глаза его, словно по волшебству, увидели королевну в ее прежнем прекрасном облике, и показалось ему, что не сравнится с нею никакая другая девушка. Он поставил на стол кубок, обнял королевну и поцеловал ее. И в тот же миг злые чары друидов рассеялись, и дочь короля Эйлла снова стала красавицей.

В тот день задали два свадебных пира вместо одного. Ойгринг и сын короля Эйлла остались во дворце и были счастливы там весь свой век. А дочь короля Эйлла отбыла вместе с королем Эрби и его сыном в их королевство. И они тоже обрели счастье на всю жизнь.

А со временем исполнилось и третье предсказание друидов: дети детей короля Эйлла собрали со двора кости воинов, давным-давно павших в бою, и наконец предали их земле.

Сказания о фейнах

Древние фейны

Шотландия — родина многих героев, но больше всех прославился Финн Мак Кул. Жил он в седую старину, и древние сказители передавали рассказы о его великих подвигах из поколения в поколение.

Финн Мак Кул был вождем отряда в девять тысяч воинов, получившего прозвище «Воинство фейнов» (или — фиэна). Они воевали и в Эрине, и в Альбе — как некогда называли Ирландию и Шотландию, и, пожалуй, нет в этих двух странах ни клочка земли на равнине, ни горного склона, что не хранил бы памяти о деяниях Финна.

Воинство фейнов образовалось в те времена, когда локленеки (как в древности называли норвежцев, да и других скандинавов) осаждали берега Эрина и Альбы. Король Эрина тогда созвал совет, чтобы обдумать, как ему одолеть своих врагов.

И вот ему посоветовали выбрать самых сильных людей в стране — полсотни мужчин и полсотни женщин — и переженить их, с тем чтобы их сыновья составили непобедимое воинство для борьбы с иноземными пришельцами.

Так народилось поколение могучих воинов. Они всегда рвались в бой и под предводительством Финна прогнали скандинавов. А потом защищали родину от других вражеских нападений, в мирное же время охотились.

Могучий Финн был все же не самым сильным из своих девяти тысяч воинов. Но его почитали за мудрость, великодушие, покровительство слабым и беззащитным и незапятнанную честь. Есть поговорка: «Друга

в беде ни разу Финн не покинул» — и воинство фейнов во всем полагалось на него.

Один зуб у Финна был не простой, а волшебный. Он служил ему неоценимым советчиком и помогал предводительствовать фейнами. Сверхчеловечески мудрым становился Финн, когда нажимал на этот зуб указательным пальцем.

У вождя было два сына: Осгар и Оссиан. Осгару дали прозвище Вождь Людей, и он совершил немало подвигов, достойных своего великого отца. Финн за всю свою жизнь прослезился лишь раз. Это было, когда умер Осгар.

Оссиан был бардом фейнов. Последний в роде, он жил еще долго после того, как все фейны покинули наш мир. Дряхлый, слепой горемыка, он бродил по стране, оплакивая в своих песнях бывшее величие фейнов.

Русый Дирмед, по прозвищу Крепкий Щит, тоже был одним из великих героев, что сражались в рядах Воинства фейнов. Он приходился Финну племянником — был сыном его сестры-близнеца и, как говорят, родоначальником клана Кембелл. В память об охоте Дирмеда в Кинтейлском лесу герб этого клана увенчан изображением кабана с грозными клыками.

Конен, псарь Финна, был самым свирепым из фейнов. Каждый волос на его голове обладал силой взрослого мужа. Страшны были вспышки его дикой ярости, и Финн, опасаясь, как бы он сгоряча не поранил других воинов, приказал остричь его наголо и не давать его волосам отрастать.

Голл был самым сильным из всех фейнов. По преданию, он мог съесть за обедом целых семь оленей.

Колайт, он же Тинмен, был самым быстроногим из бегунов. Когда он бежал во всю прыть, людям чудилось, будто это три человека бегут, — так стремительно он мчался вперед.

Вот какими были славнейшие герои фейнов. А теперь мы расскажем, какие подвиги они совершали в рядах легендарного воинства.

Путешествие Финна в Локлен

Отгнав скандинавов, Финн со своими воинами отправился на охоту в горы. И вдруг к ним подошел какой-то юноша и приветствовал их. По его слову можно было догадаться, что он чужеземец.

— Откуда ты пришел и что тебе нужно от нас? — спросил Финн, а пес Брэн, лежавший у его ног, впился глазами в незнакомца.

Брэн был громадный пес, черный, с желтыми лапами, белым брюхом и рыжими острыми ушами, всегда настороженными. Лучшей охотничьей собаки свет не видывал.

— Я пришел сюда издалека искать себе хозяина, — ответил незнакомец.

— А мне как раз нужен слуга, — молвил Финн. — Какой платы ты просишь за год и еще один день службы?

— Мне не много надо, — ответил юноша, — а вернее, лишь одно: когда пройдет год и еще один день, ты пойдешь со мной вместе на пир и ночной праздник во дворец короля Локлена¹. Но пойдешь ты один — не возьмешь с собой ни собаки, ни человека, ни теленка, ни ребенка, а также — никакого оружия.

Финн с такой силой хлопнул юношу по плечу, что тот покатился с горного склона.

— Согласен! — сказал ему Финн. — Просьбу твою я выполню, потому что чую — тут пахнет приключениями. Послужи мне год и еще один день, и я пойду с тобой в Локлен, как ты просишь.

И вот юноша верой и правдой служил Финну год и еще один день. А когда срок его службы кончился, пошел к Финну и напомнил ему о его обещании. Тогда Финн собрал все девять тысяч воинов-фейнов в своем жилище и сказал:

— Придется мне теперь сдержать мое обещание этому молодцу. Когда вернусь, не знаю. Но если не вернусь через год и один день, знайте, что локленки меня убили. Если это случится, пусть те, что не отточат мечей своих, натянут тетиву на луки и приготовятся к великой битве на побережье Локлена — к отмщению за мою смерть.

Финн уже ступил за порог, как вдруг его окликнул шут и сказал:

— О Финн, вождь людей, послушай мой совет, — ведь головы шут-тов нередко питают мудрость королей.

— А что ты посоветуешь? — спросил Финн.

— Вот что. Возьми с собой золотую цепь Брэна. Цепь — не собака, не человек, не теленок, не ребенок и не оружие, однако она может тебе пригодиться.

— Возьму, — сказал Финн.

¹ Локлен — название Скандинавии.

И он снял с Брэна цепь и положил в карман. Потом простился со своими домочадцами и пошел вслед за юношей, что прослужил ему год и один день.

Финн ходил быстро, но скоро увидел, что юноша идет еще быстрее и поспевать за ним нелегко. Они шагали по горам и долам, по болотам и горным склонам, поросшим папоротником, переправлялись через реки и озера. Иной раз юноша скрывался из виду в расщелине скалы, но Финн обходил гору и встречал спутника у другой расщелины. Так они и шагали, пока не кончился их путь и не подошли они к дворцу короля Локлена.

Черный и мрачный, стоял дворец над морем, а море пенилось и с ревом билось о прибрежные скалы. Финна утомило путешествие, и он с нетерпением ожидал обещанного пира. Войдя во дворец, он сел в кресло передохнуть.

Но не позвали Финна Мак Кула на пир в тот день. Король Локлена и его угрюмые воины стали совещаться, какую из позорных казней лучше избрать для Финна. Ибо он, войдя во дворец, стал их пленником и теперь уже понял, что пощады от них ждать нечего.

— Давайте повесим его! — сказал один советчик.

— Сжечь его живым! — крикнул другой.

— Утопить в самом глубоком озере! — заревел третий.

Потом один воин, самый свирепый с виду, поднялся и сказал:

— Есть еще более позорная смерть, и ей мы и предадим Финна Мак Кула. Отведем его в Большое ущелье, где живет страшный Серый Пес, и он разорвет Финна на куски. Какой позор будет для фейнов, когда их вождя растерзает паршивая собака! Нет большего позора!

Тут все захлопали в ладоши, и раздались громкие крики одобрения. Ведь нельзя было придумать более жестокой и страшной казни, чем смерть от клыков чудовищного Серого Пса. Этот пес много лет бродил по Большому ущелью и пожирал всех, кто попадался ему на пути.

И вот все собравшиеся немедленно встали, вышли с Финном из дворца и отвели его в ущелье. А там оставили одного в тумане среди зарослей черного терновника и зубчатых скал. Лай страшного пса с острыми клыками уже доносился издали.

Что было делать Финну? Спастись бегством? Остаться на месте? И то и другое грозило ему гибелью. Побег он назад — его убьют враги; останься на месте — растерзает пес. И Финн решил, что лучше уж погибнуть от Серого Пса, чем от руки вероломных локленцев.

Он стоял недвижно и прислушивался ко все более громкому вою пса, готовясь встретить смерть, как подобает герою.

И вдруг он различил в тумане, что Серый Пес приближается. Как ни храбр был Финн, колени его задрожали и все тело затрепетало от страха. Пес был такой же огромный, как Брэн, и щетина на спине у него стояла дыбом, словно наконечники копий. В разинутой пасти между острыми клыками висел красный язык. Пес громко фыркал, и его дыхание опаляло все на три мили вокруг. Кожа у Финна стала морщиться от этого страшного жара.

И вдруг Финн вспомнил, что, по совету шута, взял с собой золотую цепь Брэна. Наконец-то в душе его затеплилась надежда. Он вынул из кармана цепь и стал махать ею перед собой. И тут, словно по волшебству, Серый Пес замер, притих, умолк и даже принялся вилять хвостом. Потом он подошел к Финну и стал облизывать его с головы до ног, пока не исцелились все места, обожженные его огненным дыханием. И вот Финн надел Серому Псу на шею цепь Брэна и повел его по ущелью. Пес послушно шел рядом с ним.

В нижнем конце ущелья был небольшой домик. Здесь жила одна старуха со своим мужем. Она как раз стояла на пороге, когда Финн проходил мимо с Серым Псом. Старуха, не помня себя от удивления, вбежала в дом, заахала, замахала руками.

— Что такое? Что ты увидела? — спросил ее муж.

— По ущелью идет богатырь, да такой красавец, каких свет не видывал, — ответила старуха. — И ведет на золотом поводке страшного Серого Пса.

— Ну, это по силам лишь одному человеку на свете — Финну Мак Кулу. А поводок — это золотая цепь Брэна, — молвил старик; потом встал, вышел из дома и поздоровался с Финном, а тот рассказал ему про все, что случилось в Большом ущелье.

Супруги позвали Финна к себе, и старик сказал:

— Серый Пес потому присмирел, что узнал золотую цепь твоего Брэна. Ведь они родные братья — родились в одном помете. Брэн будет верен тебе до конца своих дней, и так же верен будет Серый Пес — теперь ты его хозяин.

Финн подивился, что ему столь счастливо удалось спастись от гибели, и похвалил старика за мудрость. Старик и старуха были рады видеть у себя Финна и пригласили его погостить у них, сколько он сам пожелает.

Финну хорошо жилось у гостеприимных хозяев в домике близ Большого ущелья. Он и не заметил, как прошел год и один день с тех пор, как он покинул Воинство фейнов и ушел в Локлен.

Но вот как-то раз старуха поднялась на пригорок неподалеку от дома и увидела внизу на берегу моря необычное зрелище. Она быстро вернулась домой, выпучив глаза от удивления.

— На берегу какие-то великаны-воины, и нет им числа! — вскричала она. — Начальник у них рыжеволосый богатырь, да такой, что навряд ли его можно одолеть в бою.

Финн даже подскочил от радости.

— Это все мои возлюбленные братья! — воскликнул он. — А рыжий воин — это мой сын Осгар. Пойду им навстречу!

И он ринулся на берег, а Серый Пес выскочил из-за очага и побежал за ним. Фейны увидели, что их вождь идет целый и невредимый, и так громко закричали от радости, что клики их разнеслись по всему Локлену. Радостной была встреча Финна с его воинами, и так же радостно встретились Брэн и его брат, Серый Пес.

— Мы отточили свои мечи, натянули тетивы на луки и пришли сюда отомстить за твою смерть, отец, — сказал Осгар. — Ведь прошел уже год и еще один день с тех пор, как ты нас покинул, и мы думали, что ты убит.

— Нет, сын мой, я выжил, — сказал Финн, — но не по милости локленеков.

И он рассказал своим воинам, как вероломно с ним поступили король Локлена и его люди.

Тут Финн и все Воинство фейнов обнажили мечи, вынули стрелы из колчанов и жестоко отомстили скандинавам. Весь берег покраснел от их крови, и громкие стоны заглушили шум прибоя.

А когда битва кончилась, фейны вернулись на родину и там задали пир на весь мир, чтобы отпраздновать свою победу.

И с того дня Серый Пес стал жить вместе с собаками фейнов.

Смерть Дирмеда

Однажды Финн задумал жениться. Многие прекрасные женщины с радостью вышли бы за него замуж. Но он решил выбрать не просто красавицу, а девушку умную и смышленную. А чтобы узнать, умна ли, смышлена ли невеста, Финн придумал шесть вопросов и всякий раз задавал их

женщине, когда приезжал к ней на смотрины. И он объявил: женой его будет та, что сумеет ответить на все вопросы.

У графа Аллина была дочь Грэн. Темноволосая, ясноглазая, она по всей округе славилась своей красотой. Она-то и ответила Финну на его шесть вопросов, когда он приехал к ее отцу.

— Что изобильней травы? — спросил ее Финн.

— Роса, — ответила Грэн, — потому что на каждой былинке лежит много капель росы.

— Что белее снега? — спросил Финн.

— Правда, — ответила Грэн.

— Что чернее ворона? — спросил он.

— Смерть, — ответила она.

— Что краснее крови?

— Лицо достойного человека, когда ему нечем угостить неожиданных гостей.

— Что острее меча?

— Упрек врага.

— А что быстрее ветра?

— Мысли женщины, что летят от одного мужчины к другому, — ответила Грэн.

И на все эти вопросы она ответила сразу — ни на миг не призадумалась.

Тогда Финн взял ее руки в свои.

— Поистине, Грэн, — сказал Финн, — ты самая прекрасная и самая смышленная из женщин. Хочешь стать моей женой?

— Стать женой Финна Мак Кула — это самая великая честь, какая только может выпасть мне на долю, — ответила она.

И вот в замке графа Аллина в огромной палате задали пышный пир. И все девять тысяч героев Воинства фейнов пришли на свадьбу, чтобы отпраздновать бракосочетание своего великого вождя.

Балки дрожали, и кровля тряслась от раскатов их хохота, и стены содрогались, когда воины чокались винными кубками. Пир и веселье продолжались семь дней.

В числе собравшихся там девяти тысяч воинов был Дирмед, племянник Финна, третий после Финна и Осгара в ряду славнейших героев Воинства. Тут надо сказать, что Русский Дирмед был самый красивый юноша из всех фейнов, а на левой скуле у него была родинка, и не простая, а волшебная. Стоило любой женщине только взглянуть на нее одним глазком,

и она без памяти влюблялась в Дирмеда. Поэтому он всегда закрывал чем-нибудь эту родинку.

И вот когда свадебный пир был в самом разгаре, две белые собаки Грэн, что лежали у ее кресла, подрались из-за кости, брошенной на пол. Дирмед выскочил из-за стола и кинулся их разнимать. Вот с каких пуш-тяков начались в тот день все его горести!

Пока он, стоя на коленях, разнимал собак, повязка соскользнула с его левой скулы. Грэн увидела родинку и в тот же миг полюбила Дирмеда.

«Финн — мудрый и могучий вождь, — подумала она. — И он оказал мне великую честь. Но Дирмед — прекраснейший из мужчин, и в глазах его сияет юность. И люблю я Дирмеда!»

А позже, когда Финн уже отяжелел от вина и дремал в кресле, повесив голову на грудь, Грэн наклонилась к Дирмеду и сказала, что любит его.

— Бежим отсюда вместе! — умоляла она его. — Возьми меня с собой, и нынче же ночью уйдем туда, где Финн никогда нас не найдет.

Дивная красота Грэн обворожила Дирмеда не меньше, чем девушку зачаровала его родинка. Но хотя просьба ее была для него великим соблазном, он поклялся, что ни за что на свете не изменит Финну и не похитит у него невесту.

— Неужто ты хочешь, чтобы я стал самым бесчестным из фейнов? — спросил он.

— Заклинаю тебя, бежим отсюда вместе! — ответила Грэн.

Когда она это сказала, Дирмед глубоко вздохнул. Ибо в те далекие времена был такой обычай: когда женщина заклинала мужчину выполнить ее просьбу, мужчина обязан был повиноваться. Однако Дирмед все же попытался уклониться от этого и сохранить верность Финну.

— О Грэн, — сказал он, — на тяжкую судьбу ты меня обрекаешь! Я увезу тебя, как ты этого требуешь, но лишь с одним условием: я возьму тебя с собой не из дома и не со двора; ты явишься ко мне не верхом на коне и не пешком. И если ты не придумаешь, как все это можно сделать, мы останемся здесь.

Тут он встал из-за стола и ушел ночевать в соседний дом.

А наутро Грэн уже появилась под окнами этого дома вместе со своими двумя белыми собаками. И она окликнула Дирмеда:

— Дирмед, выходи! Посмотри сам, выполнила я твои условия или нет!

Дирмед встал и увидел, что все его условия она выполнила. Грэн не стояла на земле и не сидела на коне, но сидела верхом на козле. И находилась она не в доме и не во дворе, а на самом пороге — в проеме входной двери.

— Поистине, Финн был прав, когда сказал, что ты не только самая прекрасная, но и самая смышленная из женщин, — молвил Дирмед. — Так что пора нам в путь! Боюсь, однако, что, куда бы мы ни убежали, нет на свете места, где Финн не найдет нас. Стоит ему лишь нажать указательным пальцем на свой зуб мудрости, и он сразу узнает, где мы скрываемся. Гнев его будет ужасен, и он не успокоится, пока мщение не падет на мою голову.

Тут Грэн соскочила с козла, и влюбленные, захватив с собой обеих ее белых собак, быстро ушли вдаль.

Они не давали отдыха ногам, пока множество зеленых гор и долин не легло между ними и замком графа Аллина. И вот наконец дошли до чудесных мест на полуострове Кинтайр.

Но как ни быстро они бежали, еще быстрее гнался за ними Финн. Ибо когда ему доложили, что Дирмед ушел с его невестой, он нажал указательным пальцем на свой зуб мудрости и тотчас узнал, что беглецы уже скрылись в Кинтейлском лесу. Тогда Финн вместе со всем Воинством фейнов ушел из Аллина и поспешил на полуостров Кинтайр. Всех их подгонял яростный гнев Финна.

— Дирмед был мне дороже всего на свете, и никогда бы я не подумал, что он может так меня оскорбить! — в бешенстве говорил Финн, и жилы вздувались на его шее.

Наконец фейны поднялись на вершину горы, что возвышается над бескрайним Кинтейлским лесом. Тут Финн отстегнул свой охотничий рог и громко затрубил, и эти трубные звуки разнеслись по всему полуострову.

Надо сказать, что каждый воин из Воинства фейнов давал клятву откликаться на охотничий зов Финна. И вот Дирмед услышал трубные звуки и понял, что придется ему на них пойти.

— Ничего не поделаешь, возлюбленная моя, — сказал он Грэн. — Я поклялся откликаться на охотничий зов и должен теперь пойти к Финну.

Грэн увидела, что он твердо решил идти, и молвила:

— Я пойду с тобою, возлюбленный мой. И если Финн готовит смерть тебе, то пусть она станет и моей смертью.

Они встали и явились к Финну на вершину высокой горы. С Финном были Осгар и Оссиан и самые славные герои из его воинства, а верный пес Брэн лежал у его ног. Когда Финн увидел, как Дирмед и Грэн поднимаются к нему, взявшись за руки, гнев в его сердце немного ослабел.

«Молод Дирмед для смерти! — подумал он, но тут же вспомнил, как оскорбил его племянник, и ревность запылала в нем с новой силой. — Но умереть он должен!» — решил Финн.

Однако он был не в силах сам убить Дирмеда своим мечом и придумал отмщение иного рода.

В Кинтейлском лесу жила старуха по имени Малла Али, что значит «Седая Бровь». Она держала стадо свиней, и вожаком стада был страшный кабан. На него охотились многие храбрецы, но ни один не вернулся с охоты — с такой яростью он на них нападал. И Финн задумал послать Дирмеда поохотиться на этого кабана. Вот каким образом решил он предать смерти племянника и утолить свою жажду мести.

Он приветствовал Дирмеда и приказал ему пойти убить кабана. Дирмед знал, что ему грозит неминуемая гибель, и попрощался с Осгаром и Оссианом, со своими родичами и друзьями своей юности. Он молча простился и с Финном. А под конец подошел к прекрасной Грэн и сказал ей: «Прощай!» Потом взял свое копье, сошел с горы в лес и скрылся из виду в густой чаще.

Вскоре люди на вершине горы догадались, что Дирмед нашел кабана — до них донесся шум борьбы охотника со зверем. Они услышали, как трещит и ломается подлесок, как фыркает взбешенный кабан. И вдруг наступила тишина. А потом послышался ликующий крик человека. Дирмед убил кабана.

Финн и его сыновья бросились в лес и там нашли Дирмеда, целого и невредимого. Он отдыхал рядом с тушей кабана. Черная кровь сочилась из сотни ран, нанесенных копьем охотника.

— Недаром люди прозвали тебя Крепкий Щит, Дирмед, — сказал Финн племяннику.

Хоть Финн и похвалил Дирмеда, в нем кипела злоба, — ведь замысел его не удался. Но Финн знал, что на спине у этого кабана растут ядовитые щетинки. Один лишь укол такой щетинки может убить человека. И вот он позвал Дирмеда и сказал:

— Измерь свою добычу, племянник. Пройди по спине кабана и скажи, сколько ступней будет от его рыла до хвоста.

Дирмед, не чуя беды, встал и босиком прошел по спине кабана от рыла до хвоста, как велел ему Финн. Но, по счастью, ни одна ядовитая щетинка не попала ему под ногу.

— Шестнадцать ступней! — объявил он. — Измерено точно.

— Измерь еще раз, может быть, ты ошибся, — приказал ему Финн.

И Дирмед опять ступил на широкую спину кабана. Но на полпути ядовитая щетинка уколола его в родимое пятно на правой пятке. Смертоносный яд проник в тело Дирмеда, и он замертво упал на землю.

Тогда Финна стала терзать совесть.

— Дирмед! Что может тебя исцелить? — крикнул он.

И Дирмед ответил слабым голосом:

— Глоток воды из ладоней Финна.

Финн тотчас пошел к ручью, что протекал под деревьями, сложил руки ковшиком и зачерпнул немного воды. Но вдруг вспомнил, какой гнев обуял его, когда Дирмед бежал с Грэн, подошел к Дирмеду и растопырил пальцы. Вода пролилась на землю.

Однако Финн еще раз пошел к ручью, опять сложил руки ковшиком и зачерпнул полную горсть воды. Но душа его раздиралась на части: то в нем вспыхивала давняя любовь к Дирмеду, то яростный гнев на него за его вероломство. И Финн снова пролил драгоценную воду. Когда же он в третий раз подошел к племяннику, Дирмед был уже мертв.

— Я убил единственного сына своей сестры, убил из-за женщины, что меня больше не любит! — горевал Финн. — Тот, кто был третьим в ряду самых доблестных героев Воинства фейнов, пал от моей руки.

Тогда Осгар, Оссиан, могучий Голл, псарь Конен — все те, что росли с Дирмедом и вместе с ним проводили свои молодые годы, стали горько оплакивать его. А когда Грэн узнала, что Дирмед скончался и она осталась одна, дух ее сломился, и она тоже умерла с горя.

Дирмеда и Грэн с почестями похоронили вместе на берегу озера Лок-Дайк, у его серых тихих вод. Их тела положили не в гроб, но в длинную ладью Дирмеда и рядом с ним положили его острый меч, его знаменитый щит и все то, что ему принадлежало. А в ногах Грэн лежали ее белые собаки. Как только умерла их хозяйка и они тоже остались одни, обе они издохли.

Потом над могилой насыпали огромный курган, и он до сего дня носит название Дирмен Дирмед.

Как Финн добыл себе меч

После смерти Дирмеда Финн покинул Кинтайр и стал охотиться на острове Айлей. Как-то раз, когда Финн шел по горному склону, размахивая своим длинным копьем, ему повстречался какой-то широкоплечий, темнотлицый незнакомец. Он вприпрыжку бежал навстречу Финну по траве, и у него был всего один глаз, да и тот — на лбу.

— Финн Мак Кул, вождь людей, хочешь пойти со мной в мою кузницу? — спросил он звонким голосом.

— А ты, кузнец, видать, не из смертных, — молвил Финн. — Однако я все же пойду с тобой. Показывай дорогу!

Тут кузнец-эльф дико расхохотался, и хохот его как гром раскатился по горам.

— Следуй за мной, если можешь, Финн Мак Кул! — крикнул он и тотчас понесся с быстротой штормового ветра.

Финн помчался следом за ним.

Они бежали по косогорам, одним махом перескакивали через пустынные ущелья и, едва коснувшись правой ногой дна долины, левой уже ступали на ее дальний склон. Трава на горах волновалась — так быстро они неслись, и ни разу Финн не отстал и не замедлил стремительного бега.

Наконец они подбежали к каменной хижине. В нее вела каменистая тропка. Тут кузнец-эльф повернулся и потряс руку Финну.

— Ходим мы одинаково быстро, — сказал он. — Вот моя кузница! Войдем в нее и скуем меч тебе по руке.

Они вошли в хижину, где их радушно приняла дочь кузнеца. И пока Финн раздувал огонь, кузнец взял большой железный брус и принялся ковать меч, достойный героя.

Финн все еще раздувал мехи, и пот лился с его лба от страшного жара, а кузнец прикрепил к клинку двойную рукоять и доканчивал свою работу. И тут дочь кузнеца подошла к Финну и шепнула:

— Твой меч почти готов, Финн. Скоро отец повернется к тебе и спросит: «Что еще осталось сделать?» А ты ответь: «Мечу не хватает только пустяка». Потом выхвати у него из рук меч и вонзи в его тело. Так меч закалится его кровью и станет лучшим мечом на свете.

Финн послушался ее совета. Немного погодя кузнец-эльф и правда повернулся к нему и спросил:

— Ну, Финн, меч твой почти готов. Что еще осталось сделать?

А Финн подскочил, схватил меч обеими руками и острым клинком перерубил кузнецу хребет и ребра. Потом наступил ногой на его тело, вытащил меч и ушел из кузницы к своим людям.

И вот, закаленный кровью кузнеца-эльфа, огромный двуручный меч и в самом деле стал лучшим из всех мечей на свете — всегда разил метко и ничего целым не оставлял.

Меч этот называли Мак-ан-Лайн, и Финн никогда с ним не расставался.

Как покарали Конена

Несчастливый год выдался для фейнов — им не везло на охоте. Настал голод. Мясо сошло с их костей, и скулы выпятились на их лицах. Тогда, отчаявшись найти дичь на острове Айлей, они вернулись в Арднамеркан, где остались их жены, чтобы поохотиться там.

Диву дались все девять тысяч воинов, когда увидели, что жены их стали толстыми и упитанными — в такой-то голодный год! Более того — женщины похорошели вдвое против прежнего и ничуть не жаловались на голод.

Фейны много говорили между собой об этом чуде, и наконец Финн сказал:

— Позор нам, охотникам и кормильцам, что жены наши умеют добывать пищу, а мы нет! Не надо унижаться — не будем просить их открыть нам эту тайну. Но пусть один из нас останется здесь и все разузнает без их ведома. А мы завтра уйдем охотиться на остров Скай.

Потом он повернулся к псарю Конену и сказал:

— Раскрой для нас эту тайну, Конен, и, когда мы вернемся, поведай нам, что узнаешь.

Конен охотно согласился, и, когда наутро все воины отправились на остров Скай, он остался. Влез на дерево, уселся на суку и, спрятавшись в листве, стал следить за женщинами.

Вскоре женщины вышли добывать себе пищу на завтрак. Конен увидел, как они рассыпались по горным склонам и собирают корни вереска, листья папоротника и сладкие побеги орешника. Все собранное они потом сложили в огромный котел и разожгли под ним огонь. И вскоре от их варева пошли вкуснейшие запахи. Они защекотали

ноздри Конену, так что он даже чихнул, да с такой силой, что не удержался на суку и со страшным грохотом хлопнулся на землю прямо в толпу женщин.

Они сразу догадались, что он спрятался, чтобы за ними следить, и очень рассердились на него.

— Если бы наши мужья поменьше гордились и чванились и сами попросили бы нас открыть им нашу тайну, мы с радостью открыли бы ее, — говорили они. — Но они, словно воры, захотели ее выкрасть.

Однако женщины боялись бешеных вспышек Конена, и особенно теперь: ведь, как уже было сказано, каждый волос на его голове обладал силой взрослого мужчины, а с тех пор, как начался голод, Конена не стригли. Поэтому женщины не стали его упрекать и даже покормили своим варевом.

Но когда Конен после еды лег отдохнуть, такой сытый, каким не был уже много дней, женщины начали перешептываться и вскоре придумали, как его наказать за любопытство.

Они вбили в землю два кола по обеим сторонам его головы и обмотали колья его длинными волосами. Потом женщины отошли в сторону и все враз громко закричали и застонали.

Конен тотчас проснулся от этого гама и, решив спросонья, что подходят враги или что женщины попали в беду, вскочил на ноги, не успев даже открыть глаза.

И тут он громко взревел — ведь волосы его были так туго привязаны к кольям, что, внезапно вскочив, он вырвал их вместе с кожей, и кровь заструилась по его плечам. Конен обезумел от боли, рассвирепел и, бросившись на женщин, загнал их в маленькую хижину и запер. Потом сложил у двери огромный костер из хвороста и валежника и поджег его. Он хотел, чтобы его мучительницы задохнулись в дыму.

Но когда пламя стало лизать нижний слой хвороста, один из воинов, что охотились на острове Скай, остановился на горном склоне и стал смотреть на узкий пролив между островом и побережьем Арднамёркана.

— Что это за столб дыма там поднялся? — сказал он. — Должно быть, женщины наши в опасности!

Тут все фейны в тревоге бросили охотиться и помчались спасать своих жен. Одним махом они перенеслись с горного склона на берег острова, а там воткнули свои длинные копья в землю и перепрыгнули через пролив.

Один воин тогда погиб. Он не удержал в руках своего копья, упал, и воды навеки сомкнулись над ним. Этого воина звали Мак-ан-Рэдин, и с тех пор пролив между островом Скай и Арднамёрканом называется Кол-Рэдин, или Кайл-Рэй.

Но прочие воины с самим Финном во главе переправились благополучно. Они поспешили к хижине, где Конен запер их жен, затушили его костер, затоптали ногами тлеющий валежник и голыми руками растаскали в стороны горящий хворост.

Женщины выбежали из хижины; слезы радости текли по их щекам. Финн выслушал их рассказ, потом повернулся к Конену и объявил, какую кару он должен понести.

— Ты повинен смерти, бешеный Конен, — изрек он. — Этой кары требует справедливость.

Конен пал на колени перед Финном, а другие воины молча стояли вокруг.

— Раз уж я приговорен к смерти, могучий Финн, — воскликнул Конен, — даруй мне последнюю милость: пусть мне снесут голову твоим острым мечом Мак-ан-Лайном, что разит метко — ударит, ничего целым не оставит. И пусть смертельный удар мне нанесет мой родной сын Гарб. И голова моя перед казнью пусть будет лежать на твоей ляжке, Финн.

Финн согласился. И вот юный Гарб, хоть и с великим ужасом, приготовился выполнить желание отца. Тогда Финн взял семь толстых звериных шкур, семь вязанок хвороста и семь пластов серой древесной коры и обязал всем этим свою ляжку, чтобы защитить ее от острого лезвия Мак-ан-Лайна.

И когда все это было сделано, Конен подошел и положил голову на ляжку Финна, а Гарб взял в руки громадный двуручный меч. Сталь сверкнула в воздухе, низверглась со свистом и отделила голову Конена от тела одним точным ударом. И хотя ляжка Финна была защищена трижды семью покрывами, кровь брызнула из его жил и потекла по вереску.

Гарб взглянул на отрубленную голову своего отца, громко вскрикнул и лишился рассудка.

— Где же фейны? Где мои собраты? — кричал он, никого не узнавая. — Должны же они отомстить за смерть Конена!

Воины поняли, что Гарб помешался, и сказали ему, что все Воинство фейнов опустилось на дно моря. Тогда Гарб, громко взывая к Финну, побежал к берегу, бросился в воду и утонул.

Вскоре после этого стрелы фейнов снова стали попадать в оленей, а их охотничьи копья — пронзать вепрей, так что великий их голод пришел к концу.

Зеленый остров

Куда же девались фейны, когда они завершили свои ратные подвиги и покинули землю? Одни говорят, будто Финн и все его воинство пали в великом бою и умерли, как подобает умирать смертным. Ведь один холм в Пертшире называют Сил-Финн, что значит Могила Финна. А в Гленарки, в графстве Инвернесс, другой холм, с виду похожий на ладью, по слухам, насыпан над братской могилой всех его воинов.

Другие говорят, что Финн не умер, но все еще живет на некоем зеленом острове. Остров этот где-то на дальнем западе, на самом краю света. Он называется Илен-на-Хойг — Остров Вечной Юности. Там растут волшебные яблоки и в животворных источниках течет всеисцеляющая вода. Блажен тот, кому посчастливится попасть в этот кельтский рай, в эту Страну Света, Страну Исполненных Желаний. Ибо как только человек ступит на ее берег, к нему возвращается юность. Он снова становится таким, каким был в двадцать лет: тело его выпрямляется, седина исчезает, а морщины разглаживаются.

Есть предание, что один человек некогда ступил на этот волшебный берег. Он жил на Джуре — одном из Внутренних Гебридских островов, и звали его Энгас Мак-Грегор. У него была небольшая парусная лодка, и он перевозил грузы с острова на остров и с островов на побережье Шотландии.

Как-то раз он стоял на пристани в Гриноке, и тут к нему подошел человек громадного роста. Таких богатырей Энгас в жизни не видывал. Человек был на три головы выше обычных людей, и грудь его прикрывала ярко-рыжая борода. Он хлопнул Энгаса по плечу и сказал:

— Говорят, у тебя есть лодка и ты перевозишь грузы на острова и на материк. Мне нужно доставить мясо на один остров западнее Айлея. Можешь ты перевезти туда меня и мой груз?

Они сторговались, и великан перенес свой груз в лодку Энгаса. Лодочник только покачал головой, когда увидел огромные говяжьи и бараньи туши, что заполнили его суденышко.

«Пожалуй, этого хватит на прокорм целого войска горцев», — подумал он.

Когда все было готово, Энгас поднял паруса и поплыл в ту сторону, куда ему указал наниматель. Они вышли из устья реки Клайд, миновали Арран, обогнули мыс Кинтайр и вошли в пролив Айлей. И тут на море пал густой туман. Энгас правил рулем вслепую, стараясь держать курс на запад и повиноваться указаниям великана. Два дня они не видели ни земли, ни неба, и Энгас в недоумении спрашивал себя, где же они находятся.

«Должно быть, мы уже миновали самые дальние из Внешних Гебридских островов», — думал он.

На третий день туман рассеялся, и Энгас понял, что лодка его приближается к берегу какого-то острова, которого он никогда не видел. Серое спокойное море омывало остров, и лодочнику он показался каким-то зеленым раем, сулящим отдых и покой.

— Вот и кончается наш путь, — сказал его рослый спутник.

Но Энгас понимал, что они еще не очень скоро доберутся до берега, и потому сошел в каюту и прилег, чтобы немножко поспать. Разбудили его слабые толчки лодки о берег. Он поднялся на палубу и увидел, что лодка его покачивается на волнах. Груза на ней уже нет, а великана и след простыл.

Когда лодочник с ним договаривался, тот обещал заплатить за перевозку, когда они прибудут на место. А теперь Энгас понял, что наниматель хочет его обмануть, и решил отыскать его во что бы то ни стало.

Он вышел из лодки и пошел вброд к травянистому берегу. И как только он ступил на остров, с него словно свалилось какое-то бремя. Все следы старости покинули его тело, и ему почудилось, будто он снова стал двадцатилетним юношей. Он диву давался, до чего ему было легко ходить; щупал себе лоб и чувствовал, что морщин как не бывало.

«Видать, попал я на Илен-на-Хойг — Остров Вечной Юности», — догадался он.

И он догадался также, что великан, сидевший в его лодке, — это один из фейнов.

«В наши дни уже нет таких силачей, — думал Энгас. — И значит, Остров Вечной Юности — это то же самое, что Остров Героев».

Тем не менее Энгас твердо решил получить с фейна плату за перевозку. И вот он отправился бродить по острову. Вскоре он подошел к дому,

построенному из огромных камней. Входная дверь его была в двадцать футов высотой и двадцать шириной.

Энгас вошел в дом и очутился в обширном зале. Здесь в тяжелом кресле сидел громадный старец с бородой до колен. На лице его лежала мрачная печать тысячи битв, в которых он когда-то сражался, а в глазах жила вечная скорбь о тех, что пали в бою, сражаясь рядом с ним. Это был сам Финн Мак Кул. Он повернулся и заметил Энгаса.

— Чего тебе здесь надо? — спросил он и поднял свою огромную руку. — Впрочем, сначала выпей, потом скажешь.

И он подал Энгасу огромный кубок, полный золотистого меда. Кубок был такой тяжелый, что Энгас лишь с великим трудом поднял его обеими руками и поднес к губам. А когда осушил его, сел и рассказал Финну про все, что с ним приключилось.

Тогда Финн спросил:

— Скажи мне, житель острова Джурры, если тот рослый человек, что тебе не заплатил, сейчас придет сюда, ты сможешь его узнать?

— Смогу, — ответил Энгас.

Финн громовым голосом кликнул клич, и в зал стали входить его герои. Руки и ноги у них были словно древесные стволы, и когда они шли, пол трясся под ними. Среди них Энгас увидел того человека, которого привез сюда из Гринока. Узнать его было нетрудно по ярко-рыжей бороде.

— Вот этот человек! — сказал Энгас Финну.

Финн приказал великану уплатить Энгасу сполна, и тот уплатил, хоть и очень неохотно. Затем Финн отпустил Энгаса, но когда тот вышел из дома, великан догнал его, схватил за плечо и вырвал у него правый глаз.

— Сделай я это раньше, ты бы меня не узнал! — сказал он.

Страдая от острой боли и обливаясь кровью, что лилась из глазницы, Энгас все же кое-как доплелся до берега. Великан шагал за ним следом. Когда же они добрались до места, где Энгас поставил на якорь свою лодку, великан приказал ему отрясти с ног прах острова — весь до последней пылинки.

Затем Энгас сел в свою лодку, поднял паруса и поплыл домой. Он видел, как Зеленый остров мало-помалу исчезает в тумане, подымавшемся над водой. А когда остров совсем скрылся из виду, бремя прожитых лет снова легло на плечи Энгаса.

Итак, поездка на Остров Вечной Юности принесла ему только потерю правого глаза.

Сон фейнов в Великой скале

Однако другое предание гласит, что Финн Мак Кул покоится вместе со своими товарищами по оружию и охоте в одной огромной скале на острове Скай. И, веря этому преданию, люди говорят, что великий герой и его воины в некое время воспрянут ото сна во всем блеске своего прежнего могущества. Это будет, когда случится одно из следующих двух событий.

Если кто-нибудь войдет в Великую скалу и трижды протрубит в деревянную трубу, что лежит рядом с Финном, или же если никто на земле в течение суток не заговорит про славу фейнов — то фейны тогда проснутся.

Однако пробудятся не все, что некогда сражались и охотились вместе с Финном. Ведь Осгар пал в бою, а Оссиан еще в юности был разлучен со своими родичами и вернулся на родину лишь через много лет, уже после того, как фейны покинули наш мир. Весь остаток своей жизни этот слепой старец прожил в одиночестве. Не проснутся также ни Русский Дирмед, ни Конен, чья бешеная душа привела его к гибели.

Скалу, в которой покоятся фейны, называют также Скалой Кузнеца, и вот почему.

Жил когда-то на острове Скай один кузнец. Он услышал предание о Великой скале и решил попытаться войти в нее и разбудить фейнов.

Однажды он пошел в горы и бродил там, пока не добрался до скалы. И он отыскал в ней проход, что вел в самые ее недра. В глубине скалы проход расширился, и кузнец скоро попал в огромную пещеру. Ее стены и потолок терялись во мгле.

И там, в этом странном полусвете, кузнец различил множество людей огромного роста, распростертых на полу. То были фейны. Тысячелетний сон сковал их вежды. Руки и ноги у них были как древесные стволы, а лица застыли, суровые и мрачные. Рядом с ними лежали их шлемы и оружие; их огромные щиты; их копья, длиной с молодую сосну; их мечи, чей блеск еще не потускнел.

Самый крупный из фейнов покоился в середине пещеры, и у его раскрытой ладони лежал огромный деревянный жезл, просверленный по всей длине, от одного конца до другого. И кузнец догадался, что великан этот — сам Финн Мак Кул, а полый жезл у его ладони — деревянная труба.

Долго стоял кузнец в оцепенении, потрясенный тем, что увидел могучих героев. Ведь про их великие подвиги он слышал еще в детстве от старых сказителей, а их имена знал, как имена своих родных.

И он решил: раз уж он забрался так далеко, надо ему попытаться выполнить то, зачем он сюда пришел. Он представил себе, как эти великие люди вернутся на землю во всем блеске своей славы, и наклонился, чтобы поднять деревянную трубу.

У себя на родине кузнец считался силачом, однако ему удалось только приподнять один конец трубы. А Финн — тот подносил ее к губам двумя пальцами и трубил в нее, когда грозила смертельная опасность. Тогда эти трубные звуки доносились до всех семи границ земли и даже до края света.

И вот кузнец, собрав все свои силы, дунул в трубу. Раздались трубные звуки, да такие громкие, что стены пещеры дрогнули и земля затряслась под ногами кузнеца.

А великаны шевельнулись во сне, и трепет пробежал по их телам с головы до ног. Быть может, громовый клич, который они некогда слышали, пробудил в них какие-то смутные воспоминания и погнал кровь по их жилам.

Кузнец опять глубоко втянул в себя воздух и затрубил во второй раз. И тут все фейны повернулись на другой бок и приподнялись, опираясь на локти. А кузнец с ужасом увидел, как глаза их приоткрываются.

— Ох! Что я наделал! — воскликнул он.

И его обуял такой дикий страх, что он выпустил из рук деревянную трубу и ринулся вон из пещеры. Он бежал по проходу, что вел на свет божий, и его преследовали звуки множества голосов. Великаны кричали в глубоком горе:

— Нам хуже, чем было до твоего прихода! Нам хуже, чем было до твоего прихода!

Но кузнец ни разу не оглянулся. Он выскочил на горный склон и бежал, не останавливаясь, пока не добрался до своего дома. Там он крепко запер за собой дверь и дал себе обет никогда больше не поддаваться таким искушениям, как то, что привело его к Великой скале.

Легенда о Макбете

Году так в 1033-м Шотландией правил добрый старый король Дункан. У него было два сына — Малькольм и Дональдбейн. В ту пору Шотландия страдала от набегов воинственных датчан. Датские воины, высадившись на британском берегу, крушили все, что ни попадет под руку. Сжигали дома и замки, даже церкви, забирали награбленное, садились снова на свои парусные ладьи и улетали прочь.

И вот в который раз многочисленный флот датчан причалил к берегам Шотландии и высадился в окрестностях Файфа. Против чужеземцев шотландцы собрали могучую армию, но, так как король Дункан был уже слишком стар и сыновья его слишком юны, армию повел, по велению короля, его ближайший родственник Макбет.

Макбет был сыном тана гламисского. Тана — значит владельца земель в Гламиссе. Макбета все считали храбрым воином. Во главе армии шотландцев, вместе с верным Банко, таном лохаберским, он дал отпор датчанам. Шотландцы выиграли великую битву, они разбили датчан и заставили их отступить к своим ладьям, бросив раненых и не похоронив убитых.

Прогнав датчан, Макбет с победоносной армией вернулся на север Шотландии в Форрес.

Поговаривали, что в Форресе жили три вещуньи — три старухи, умевшие колдовать и предсказывать судьбу. Даже такие бесстрашные воины, как Макбет, верили тогда в колдуний.

Три вещуньи скоронились на болоте у дороги и стали поджидать Макбета. Когда он появился во главе своей армии, первая вещунья не побоялась, вышла к нему и сказала:

— Привет тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан гламисский!

За ней вышла вторая вещунья и сказала:

— Привет тебе, Макбет, привет тебе, о славный тан кавдорский!

А третья вещунья вышла и воскликнула:

— Привет Макбету, которому грядет стать королем Шотландии!

Не успел Макбет прийти в себя от изумления, как появился на коне гонец, который сообщил, что отец Макбета скончался. А значит, Макбет и в самом деле стал теперь таном гламисским.

Вслед за первым гонцом вскоре появился и второй. Он принес добрые вести от короля Дункана. Король благодарил Макбета за победу и сообщал, что тан кавдорский восстал против него, и потому все его земли теперь принадлежат победителю Макбету. А значит, Макбет отныне стал и таном кавдорским.

Выходит, уже два предсказания старых колдуний сбылись. И Макбет задумался, что предпринять, чтобы сбылось и третье, — как стать королем.

А надо вам сказать, что у Макбета была жена, женщина коварная и очень честолюбивая. Она воспользовалась своей властью над ним и уговорами, укорами и угрозами заставила его поверить, что он овладеет короной, если убьет старого, доброго короля. Макбет очень долго сопротивлялся ее уговорам. Ему совсем не хотелось убивать старого короля, своего доброго друга. Но чего не добьется коварная, честолюбивая женщина! Да к тому же предсказание вещуньи... И Макбет уступил. И замыслил, как убить короля.

Он пригласил короля Дункана к себе в гости, в свой замок близ Инвернесса. Вместе с женой он радушно принял короля и всю его свиту, устроив им пышный пир.

Уже глубокой ночью королю захотелось покинуть пирующих и уйти спать. Макбет проводил его в роскошные покои, приготовленные заранее.

В те далекие, дикие времена был обычай, что у дверей опочивальни, где спит король, несли стражу два бравых воина. Леди Макбет знала, кто назначен стражами в ту ночь, и заранее напоила их вином, в которое подмешала снотворное зелье. И когда король удалился в свои покои и лег спать, стражники тут же свалились в мертвом сне у его дверей. Теперь их не добудилась бы даже военная труба.

Всю эту ночь шумела буря, но ни вой ветра, ни удары грома не нарушили сон короля, потому что он был уже стар и слишком устал после долгой дороги и богатого пира.

Само собой, и стражники не пробудились.

Только один Макбет не ложился, сон не шел к нему. Его терзали сомнения, стоило ли затевать столь опасную игру. Ведь если королю суждено умереть, все должно свершиться в эту же ночь. Леди Макбет была рядом.

— Стыдитесь, — говорила она, — вас тревожит не совесть, а трусость! Будьте мужчиной! Если мужество вам изменило, я, слабая женщина, сама свершу это.

Макбет не мог больше слушать позорящие его речи и направился длинными переходами замка в покои короля.

Он выхватил из ножен кинжалы, висевшие на поясе спящих стражников, и, ворвавшись в покои короля, всадил их прямо в сердце старого Дункана. После этого Макбет вложил обгащенные кровью клинки в руки воинов и вымазал им лицо кровью, чтоб все подумали, что это они убили доброго короля.

Наутро в большом зале замка собрались все знатные лорды и дворяне, входившие в свиту короля. И оба его сына — Малькольм и Дональдбейн. Ожидая выхода Дункана, они толковали о страшной буре, что бушевала ночью.

— Вы слышали, как завывал ветер? Словно запели все черти ада.

— Метались тени, скрипели ставни, а где-то недалеко ухала сова.

— И лаяли собаки. А кони короля Дункана вырвались на волю и перегрызали друг друга. Верно, взбесились.

— Не к добру это.

— Не к добру...

Король все не выходил из своих покоев, и встревоженные вельможи послали к нему одного из знатных дворян. Со всем почтением приблизился он к покоям короля, раскрыл двери, и — о ужас! — перед ним лежал Дункан, мертв и неподвижен. А рядом — два стражника с кровавыми кинжалами в руках.

Забил тревожно колокол, горестные стенания огласили покои замка, когда вельможи и друзья увидели содеянное зло. Казалось, более всех был разгневан сам хозяин замка, Макбет. Никто не успел опомниться, как он своим мечом пронзил спящих стражников.

— Всем ясно, что они убийцы! — воскликнул он. — И заслужили кару.

Но сыновьям Дункана, Малькольму и Дональдбейну, показалось странным это убийство. И они поспешили покинуть зловещий замок

Макбета в Инвернесе. Дональбейн направился в Ирландию, а Малькольм ко двору английского короля, чтобы попросить у него поддержки и восстановить закон, по которому он, Малькольм, должен наследовать трон своего отца Дункана.

Макбет стал королем шотландским, как и предсказывали вещуньи. Казалось, все сбылось, но он не знал ни радости, ни счастья. Покоя не давали ему навязчивые думы о своем злодеянии. Страх проник в душу: а что, если такой же честолюбец, как он, и с ним поступит точно так же?

Но кто?

Растревоженная совесть не молчала, и подозрение пало на Банко. Банко, вот кто теперь опасен! — решил Макбет и подослал к нему убийцу.

Но и это не принесло ему ни счастья, ни покоя. Он заметил, что кое-кто стал подозревать его. И он боялся, что кто-то отомстит ему. А нет, тогда Малькольм найдет поддержку у короля английского и пойдет на него войной.

И вот Макбет решил снова отправиться в Форрес к вещуньям. Разве не они заронили в нем мечту стать королем Шотландии? Ему не терпелось узнать свою судьбу и дальше.

— Ты непобедим и не отдашь корону, пока зеленый лес, зовут его Бирнамским, не придет сам в неприступный замок Дунсинеин, — поведали вещуньи.

В Дунсинеине теперь обычно держал свой двор Макбет. А Бирнамский лес был в добрых двенадцати милях от Дунсинеина.

«Сказки, бред — деревья сами по себе не ходят, — успокаивал себя Макбет. — Я в замке в полной безопасности».

И все-таки после ночной встречи с колдуньями Макбет велел укрепить свой замок на холме у Дунсинеина. А посему заставил знать свою и благородных танов прислать ему камней и бревен, которые на холм должны были поднять могучие воны.

Среди благородных танов, которым приказал Макбет доставить в замок Дунсинеин камни, бревна и все такое прочее, был Макдуф из Файфа. Макбет давно подозревал, что, если когда-нибудь в Шотландию прибудет принц Малькольм с подмогой от короля английского, Макдуф его поддержит. И Макбет боялся и ненавидел Макдуфа за это.

В замке Дунсинеин собрались все таны, все шотландские дворяне — так повелел Макбет. Среди них и тан файфский, отважный Мак-

дуф, который в другое время старался быть при дворе Макбета как можно реже.

Однажды, в ясный день, король Макбет выехал со свитой за укрепления замка поглядеть, как справляются воны со своим грузом. Он увидел, что многие с трудом тащат наверх камень и бревна — слишком тяжела ноша, слишком знойный день и слишком крут подъем.

И тут Макбет заметил, что одна пара волов так выбилась из сил, что опустилась на землю отдохнуть. Король впал в ярость и потребовал узнать, кто посмел прислать ему таких ленивых волов, которые не желают на него работать. Ответ был:

— Владелец их Макдуф, тан файфский.

— Пусть тогда тан файфский сам, — сказал король в великом гневе, — вместо своих ленивых волов впряжется в повозку с драгоценным грузом.

В свите короля был друг Макдуфа. Незаметно он ушел с холма и поспешил к Макдуфу. Тот находился в зале замка, где шли приготовления к обеду. Услышав, что сказал король, Макдуф сразу понял, что медлить нельзя.

Попрощавшись с другом и прихватив со стола один круглый хлеб, Макдуф покликнул своих коней и слуг и поскакал скорее в родной Файф. Он спешил туда добраться до того, как Макбет придет к обеду в свой замок.

Кони Макдуфа летели быстрее ветра. Но вот беда! — он так спешил убраться поскорей из замка коварного Макбета, что не успел взять с собою денег. И когда он прискакал к большой переправе через реку Тэй, ему нечем было заплатить лодочнику. Что ж, лодочник согласился взять круглый хлеб за переправу.

И с тех пор эта переправа так и зовется Хлебная.

Наконец Макдуф прибыл в свой замок Кенновой неподалеку от Файфа. Первым делом он обнял жену и своих детей, потом велел стражникам закрыть ворота замка, поднять разводной мост и не впускать к себе ни короля Макбета, ни кого другого из его свиты. Затем направился в небольшую гавань рядом с замком и велел побыстрее оснастить парусник. Попрощавшись с женой и дав ей строгие наказания, Макдуф готов был к бегству от Макбета.

Но Макбет и сам не медлил. Со своими воинами он был у ворот замка Кенновой раньше, чем Макдуф успел отплыть. Король призвал леди Макдуф открыть ему ворота и выдать мужа. Однако леди Макдуф,

будучи женщиной не только храброй, но и мудрой, постаралась найти столько извинений и предлогов, что их хватило слугам-морякам, чтобы выйти в море.

Только тогда она поднялась на стену замка и смело заявила королю:

— Ты видишь в море белоснежный парус? То мой муж, Макдуф, плывет к королю Англии. Ты не увидишь его, пока он не вернется с принцем Малькольмом, чтобы свергнуть тебя с трона и предать смерти. Злишься и беснуешься, но тебе так и не удастся наложить воловье ярмо на шею благородного Макдуфа, тана фэйфского.

И в самом деле, Макдуф благополучно доплыл до английских берегов и явился ко двору короля, чтобы присоединиться к свите принца Малькольма, сына доброго Дункана. Он убедил принца, что шотландцы уже устали от жестокости Макбета и будут только рады примкнуть к рядам Малькольма, если он поспешит вернуться в родные места. Не мешкая король английский дал армию отважных воинов, которых повел великий Сивард, граф Нортумберленский, чтобы помочь Малькольму, наследнику убитого Дункана, вернуть себе корону.

И все случилось так, как предсказал Макдуф. Таны Шотландии и прочие дворяне оставили Макбета и перешли к Малькольму и Макдуфу. Макбет остался лишь с небольшой свитой тех, кто поклялся не покидать его. И заперся в укрепленном замке Дунсинейн. Он не пал духом и не страшился ничего, веря в предсказание вещуньи.

Наконец армия Малькольма и Макдуфа вступила в Бирнамский лес. Наутро по велению Макдуфа каждый воин отломил себе большую ветку дерева и под ее прикрытием двинулся на Дунсинейн. Ветки скрывали воинов, и враг не мог увидеть, какая армия, большая или маленькая, движется на замок.

Макбету сообщили, что противник расположился лагерем в лесу. Но и тогда сердце его не дрогнуло, он считал, что остается в безопасности. Однако ближе к полудню часовой, стоявший на крепостной стене, заметил, что на замок Дунсинейн плавно, не спеша идет сам Бирнамский лес. Он бросился с известием к королю. Грозный Макбет сначала не хотел этому верить и даже пригрозил повесить испуганного вестника.

Он сам поднялся на крепостной вал и, увидев то, что он увидел, понял, что пробил его час.

Но храбрость и отвага не покинули его. С горсткой таких же храбрых он вышел за ворота замка и кинулся навстречу судьбе. Он погиб в сражении, скрестив мечи с самим Макдуфом.

На трон Шотландии взошел Малькольм. Он правил долго и успешно. Макдуфа он щедро наградил и повелел, что отныне Макдуф и все его потомки всегда будут идти во главе шотландской армии — большая честь. И будут возлагать корону на будущих шотландских королей — честь и доверие.

Валлийские сказки

Пещера короля Артура

В глухой валлийской деревушке жил молодой человек по имени Эван. Зарабатывал он на пропитание тем, что помогал деревенскому пекарю. Но пекарь очень мало ему платил.

И решил Эван покинуть родную деревню и пойти в Лондон — там-то он наверняка разбогатеет.

Ранним утром попрощался он с пекарем и пустился в дорогу. Был у него с собой каравай еще теплого хлеба да несколько шиллингов в кармане. Шел он все утро, шел ходко, устал, проголодался и сел поесть хлеба в тени большой скалы у дороги. У самого подножия скалы рос молодой орех; срезал Эван с него крепкую, ровную ветку для посоха и пошел дальше.

С посохом идти стало легче. Шагает Эван по дороге, весело насвистывает и дошагал наконец до Лондона. Вошел через городские ворота, каких много вокруг Лондона, и сразу двинулся к реке. Стоит на берегу, глазеет на корабли и лодки. Подходит к нему старичок, маленький, сгорбленный, с густой белой бородой почти до пояса.

Остановился и смотрит пристально на него.

Дивится парень, что это старик вздумал его разглядывать, и решил с ним заговорить.

— По-моему, Лондон — очень хороший город, — сказал он.

— Есть такие, кто так думает, есть, — ответил старик, покачивая головой. — А тебя что привело в этот очень хороший город?

— Я иду счастье искать. В Лондоне, говорят, можно разбогатеть.

Повернулся старик и вперился в него взглядом. Да так странно смотрит, Эвану даже не по себе стало. Помолчал старичок немного и говорит:

— Если хочешь разбогатеть, зачем так далеко шел. Возвращайся к тому месту, где эту палку срезал, что у тебя в руке.

— Палку? А палка тут при чем?

— Палка при чем? Ты где ее взял?

— А тебе какое дело? — буркнул Эван и пошел было прочь: старик-то, верно, спятил.

— А такое, — медленно произнес старик, — что спрятаны в том месте груды золота и серебра, чаши и блюда всякие, самоцветами выложенные.

— Золото, самоцветы! И я могу их найти?

— Можешь, конечно, если вернешься туда, где срезал палку. Помнишь ореховый куст?

— Что растет у подножия высокой скалы? Помню.

— Это не простая скала. Про короля Артура слыхал?

— Конечно, слыхал. Многие рассказывают о великом короле и его рыцарях. Жили они когда-то в Уэльсе, да давно умерли.

— Не умерли, а спят. Уже сотни лет спят они в недрах этой скалы. А вокруг них — несметные сокровища.

У Эвана даже глаза полезли на лоб.

— Вот бы добраться до этих сокровищ! Скажи скорее, добрый старик, может ли простой смертный войти в ту скалу, где спит король Артур со своими рыцарями?

Старик ответил еще медленнее:

— Может-то может, но не так это просто. Пожалуй, я сам пойду с тобой. Без меня тебе ни за что до сокровищ не добраться.

Обратная дорога в Уэльс показалась Эвану очень долгой. Старик шел молча, не отвечая на расспросы, так что Эван больше ничего не узнал.

Пришли наконец на место, где Эван остановился первый раз по пути в Лондон.

— Вот он, куст, — сказал Эван и показал старику молодой орех. — Видишь, срез еще свежий. Здесь я и срезал палку.

Поглядел он на скалу — гладкая, ни щели, ни трещины.

— Ступай за мной, — приказал старик. — И делай все точно, как я велю, не то будет худо. Дело это опасное.

Раздвинул он ореховый куст, а там — расщелина. Вошли в нее и очутились в узком проходе. Посредине растопырился огромный серебряный колокол, на длинной цепи подвешен.

— Осторожно, — предупредил старик. — Смотри не задень.

Проскользнули благополучно; узкий ход привел их в огромную залу. У Эвана даже дух захватило — такое странное открылось зрелище.

Зала была полна спящих рыцарей; в блестящих доспехах, опоясанные мечами, сидели они вокруг длинного стола и, казалось, были погружены в глубокий сон. Одни спали, уронив голову на стол, другие — откинувшись на спинку стула, два или три рыцаря почивали прямо на полу; в зале ясно слышалось их мерное дыхание. Эван стал высматривать среди них короля Артура; во главе стола в большом кресле с высокой спинкой восседал рыцарь, у которого и во сне был королевский вид. На столе поблескивали золотые кубки, чаши, на мечах переливались изумруды и рубины.

— Можно, я возьму что-нибудь? — прошептал Эван.

— Нет, нет! К этим сокровищам нельзя прикасаться. Они должны оставаться здесь, покуда король Артур спит. Но взгляни, — махнул рукой старик, — здесь есть еще кое-что. Это ты можешь взять.

И Эван увидел целую гору золотых и серебряных монет. Он так и ринулся к ним, но старик удержал его:

— Рыцари сейчас спят, но могут проснуться. И тогда тебе несдобровать. Пойдем обратно — смотри не задень колокол. Услышат рыцари, проснутся, и живым не выйдешь.

— Не бойся, не задену.

— Не заденешь, если жадность не одолеет. А заденешь — загудит колокол, разбудит рыцарей, и они спросят: «Уже день?» — ты им бесстрашно отвечай: «Спите, еще ночь». И они опять погрузятся в сон. А теперь прощай. Пора мне. Смотри не забывай, что я тебе сказал.

И старик исчез, как будто его и не было. Эван не мог понять, куда он делся, но не стал ломать голову — чего зря время терять?

Приблизился он к груде монет, взял пригоршню, полюбовался. Набил карманы — больше сыпать было некуда, — почерпнул еще две пригоршни и с досадой отвернулся: груда золота и не уменьшилась.

Пошел он назад через зал, оглядывается на спящих рыцарей: боится выронить хоть монету, боится споткнуться и упасть, а пуще всего сокрушается, что так мало захватил золотых монет.

Наконец вышел из зала, рыцари все продолжали спать. Двинулся, осторожно ступая мимо колокола, тут одна монетка возьми и выскользнь сквозь пальцы. Эван нагнулся за ней и задел плечом колокол.

Глубокий, чистый звук наполнил пещеру. Два рыцаря подняли головы. Эван с ужасом увидел, как они медленно поднимаются со своих стульев.

— Уже день? — спросил один сонным голосом.

— Спите, еще ночь, — быстро промолвил Эван.

Рыцари сейчас же опустились на стулья, и веки у них опять смежились.

Гул колокола затих, Эван слышал только мерное дыхание спящих рыцарей и громкий стук собственного сердца. Наконец добрался он до выхода из пещеры и не помня себя выскочил наружу. Разжал ладони, и на землю упали тяжелые круглые монеты. Вывернул карманы и как завороченный смотрел на рассыпанное золото.

— Вот оно, богатство! Здесь столько, что хватит жить в довольстве до конца дней.

Выстроил Эван на золото короля Артура большой, крепкий дом и стал жить припеваючи, не отказывая себе ни в чем. Золото быстро таяло, но он утешал себя тем, что всегда может вернуться в пещеру короля Артура и набрать золота сколько душе угодно.

Прошло года три; половины монет не стало, и Эвану все чаще мерещилась золотая гора у ног короля Артура.

— Ах, как мало золота взял я тогда! — попрекал он себя. — Но ведь некуда было сыпать, кроме карманов. Надо вернуться туда с целым мешком, нет, даже с двумя мешками.

Так манила его пещера короля Артура, что решил он не ждать, пока иссякнет все золото. Сел утром на коня, взял с собой два больших мешка, много всякой снеди и поскакал к той скале. Скачет он на вороном коне и вспоминает тот дальний день, когда отправился пешком в Лондон на поиски счастья: был у него с собой каравай еще теплого хлеба да несколько шиллингов в кармане.

Прискакал он к скале, нашел вход в расщелину, осторожно, бочком проскользнул мимо колокола и опять очутился в огромном зале. Там все было как три года назад. Король Артур и его рыцари все так же спали богатырским сном, а гора золота и серебра ничуть не уменьшилась.

Сунул Эван руку в эту гору тяжелых холодных монет и стал горстями сыпать их в свои мешки. Вот счастье-то — богаче его теперь никого не будет во всем свете. Наконец наполнил мешки, а они такие тяжелые, что от пола не оторвешь, — волоком тащить и то трудно. Делать, однако,

нечего — выволок Эван мешки из зала, присел на минутку отдохнуть, отдышаться не может.

Вдруг почудилось ему — один рыцарь шевельнулся.

«Скорей надо ноги отсюда уносить», — подумал Эван. И опять поволок мешки. Осталось только колокол миновать. Так и этак пытался Эван просунуться и задел все-таки одним мешком серебряный колокол.

Громко загудел колокол, сильнее, чем в прошлый раз. Казалось, вся скала наполнилась гулом. Сразу десять рыцарей подняли головы.

— Уже день? — вскричали они.

— Нет, нет, — закричал Эван, — еще не день!

Позабыл от страха, какие слова надо сказать.

Бросились на него рыцари и давай бить. Били, били, ни одной целой косточки не оставили. А потом взяли и выбросили из пещеры. Сколько времени Эван лежал без сознания, не помнит. Очнулся, рад, что жив остался, сел кое-как на коня и поскакал домой.

С тех пор и стала у него одна нога короче другой. Скоро все деньги вышли, и пришлось ему опять браться за работу. Никогда больше не навещался Эван в пещеру короля Артура. Мирно спят в ней рыцари и по сей день, а вместе с ними спят их несметные сокровища.

Предсказание судьбы

Так хотел сам король Килис, чтобы жена его была такого же знатного рода, что и он сам.

И вот он женился на принцессе Голайсид. Все были довольны и с нетерпением ждали, чтобы у них родились дети. Лучше, если сын, наследник.

И сын родился. Его нарекли Килух; он приходился двоюродным братом королю Артуру.

Но королева Голайсид тяжело заболела и, чувствуя, что скоро умрет, позвала к себе мужа, могущественного короля, и сказала:

— Скоро я умру, и ты захочешь снова жениться. И все твои ценности и богатства окажутся в руках новой жены, я это знаю. Так не дай совершиться злему делу — пусть у нашего сына будет все, что ему принадлежит по праву! Исполни только мою просьбу, и я спокойно умру.

— С охотой выполню любую твою просьбу! — сказал король.

— Обещай, что не женишься до тех пор, пока на моей могиле не вырастет красный шиповник.

— Обещаю, — сказал король, впрочем, без всякой охоты.

Королева позвала к себе служителя при кладбище и наказала ему так тщательно пропалывать и подметать ее могилу, чтобы ни травинки, ни цветочка не выросло на ней.

С этим она спокойно умерла.

Семь лет служитель беспрекословно выполнял наказ королевы. Напрасно король каждое утро посылал слуг на кладбище — посмотреть, не вырос ли на ее могиле красный шиповник. Увы, всякий раз он получал один ответ: «Нет еще!»

Но вот служитель церкви состарился и обленился. Постепенно он совсем забросил могилу королевы. И однажды, когда король возвращался с охоты домой и проезжал мимо кладбища, он увидел, что на могиле королевы вырос какой-то куст. Он подъехал ближе, оказалось — это шиповник.

Красный шиповник!

И в скором времени король снова женился. Желену он взял из знатного рода. Она была вдовой короля Догеда, от которого у нее осталась одна-единственная дочка.

Конечно, все королевские ценности и богатства оказались в руках у новой королевы. Все, кроме одного: королевского сына, Килуха. О нем она и не слыхала, никто не считал нужным поведать ей об этом королевском сокровище. А что в этом такого удивительного?

Но в один прекрасный день, гуляя по королевским угодьям, королева набрела на жалкую хижину. Она вошла и увидела у огня сгорбленную старуху. Поговорив о том о сем, королева спросила у нее:

— А что, были у нашего короля дети от прежней королевы?

— Нет, детей не было, — прошептала старуха.

— Какая я несчастная женщина! — воскликнула королева. — Вышла замуж за человека, у которого даже детей не было!

— Детей не было, а сын есть, — сказала тогда старуха, пожалев королеву. — Принц Килух!

Рассерженная королева поспешила в замок к своему мужу, королю, за ответом.

— Почему вы скрыли от меня принца Килуха?

Потому-то и потому-то, сказал король и пообещал больше так не делать.

В тот же день принца Килуха позвали к королеве.

— Какой красивый у меня пасынок! — сказала королева. — И уже не мальчик. Пора тебе подумать о женитьбе. — Тут она поманила к себе свою родную дочку. — А вот и достойная невеста для любого принца!

Но принц покачал головой:

— Я еще слишком молод, чтобы выбирать себе жену. Боюсь, мне придется отказаться от вашей дочки.

Королева ужасно разгневалась и пригрозила:

— Если ты не женишься на моей дочке, я найшу на тебя злую судьбу. Вот мое предсказание: если ты не женишься на моей дочке, то и вовсе не женишься, пока не найдешь Олвен, дочь Великана-из-Великанов.

Не успели с уст королевы слететь эти слова, как в сердце принца Килуха зажглась любовь к незнакомой ему Олвен. Он даже изменился в лице, и его отец, король, обеспокоившись, спросил:

— Сын, сын мой, отчего ты краснеешь и бледнеешь, бледнеешь и краснеешь, что с тобой?

— Я краснею и бледнею от предсказаний моей мачехи, — ответил Килух. — Как я завоюю сердце юной Олвен, если не знаю даже, где ее найти? Может, вы знаете, отец?

— Увы, нет, мой сын, — отвечал король. — А то, конечно, поведал бы тебе. Я и слыхом не слыхал об этой девушке. Но утешся: у тебя есть двоюродный брат — славный король Артур. Ступай же в Камелот к королю Артуру, позволь ему остричь твои волосы в знак верности и послушания, и тогда он исполнит любую твою просьбу. В присутствии отважных рыцарей и златокудрых жен нашего острова ты расскажешь ему про Олвен и про все остальное.

— Что ж, коли другого не остается, сделаем так, — сказал юный Килух. — Зачем ехать завтра, если можно поехать сегодня. Прощайте!

И, обнявшись с отцом, оказав ему все почести, приличествующие королю, юный Килух покинул отцовский замок и отправился ко двору своего брата Артура.

При дворе короля Артура

Под ним был резвый скакун, четырехлеток, с седой гривой, звонкими копытами и золотой уздечкой. Седло блестело золотом и драгоценными камнями. В одной руке — два острых копья с серебряными наконечниками. На поясе — боевой топорик, которым он рассекал ветер быстрее, чем падает в июньский вечер капля росы со стебля наземь. На боку — широкий золотой меч с золотой рукоятью. За плечами — круглый щит с золотым орнаментом и с шишкой из слоновой кости.

Впереди бежали две рыжие с белым брюхом борзые в широких золотых ошейниках, охватывающих шею от плеча до ушей. Они летели перед ним, словно белогрудые чайки.

Со спины юноши свисал атласный пурпурный плащ; по углам его красовалось четыре золотых яблока, каждое дорожке ста коров, не меньше. А чулки из золотых чешуек и стремяна обошлись, наверное, по триста коров каждое.

Конь так плавно стелился по земле, что на голове Килуха ни один волосок не шелохнулся за все время пути от отцовского дома до ворот замка короля Артура в Камелоте. Лишь комья земли летели из-под копыт скакуна, словно черные ласточки над зеленым полем.

Достигнув ворот замка, Килух крикнул:

— Эй, есть тут привратник?

— Есть! Но лучше уходи, откуда пришел! — был грубый ответ.

— Как звать тебя, чтобы я знал и помнил, кто мой обидчик? — рассердился Килух.

— Глулайд Мертвая Хватка, привратник короля Артура в каждый первый день января.

— Раз ты на сегодня королевский привратник, так открывай мне ворота замка!

— Не открою!

— Почему?

— Уже вонзен нож в сочное мясо, налито вино в кубки и полно гостей в замке Артура. Если ты сын законного короля одного из наших владений или мастер, желающий показать свое ремесло, я открою ворота, а нет — уходи! Вон видишь постоялый двор? Там ты найдешь мясо для своих собак и овес для лошадей, а для себя наперченные отбивные, пенистое пиво и подходящих собеседников. Можешь прийти завтра, в три часа пополудни, когда откроют ворота замка, чтобы выпустить сегодняшних гостей.

— Это мне не подходит, — сказал Килух. — Лучше отвори ворота, не то я ослаблю и короля Артура, и тебя, его привратника. Я издам три таких страшных клича здесь у ворот, что земля от ужаса содрогнется.

— Ори себе на здоровье, — сказал спокойно Глулайд Мертвая Хватка, привратник. — Все равно тебе не войти в ворота, пока не спрошу разрешения у Артура.

И Глулайд вошел в пиршественную залу.

Король Артур спросил его:

— Ты с вестями от ворот нашего замка?

— Да, господин. Я прожил уже две трети жизни, ты тоже. Мы были вместе в походах, в сражениях, на охоте и на пирах. И я пойду за тобой до

конца, каков бы ни был этот конец. Много красивых мужей мы повидали, мой король, но не такого, какой стоит сейчас у твоих ворот.

— Такпусти его в замок! — сказал Артур. — Ему поднесут вина в золотом кубке и подадут жареного барашка. Какой стыд оставлять на ветру под дождем столь прекрасного мужа! Ты согласен со мною, Кай?

— Клянусь рукою друга, — отвечал Упрямый Кай, что сидел за столом рядом с Артуром, — даже ради столь прекрасного мужа не следует нарушать придворные обычаи и порядки, коли вы спрашиваете моего совета.

— Ты не совсем прав, Кай, — укорил его Артур. — Надо великодушней встречать достойных мужей. Чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет наша слава.

И Глулайд пошел отворять ворота.

Не слезая с коня, Килух въехал по ступеням замка прямо в пиршественную залу и опустил поводья перед троном короля Артура.

— Приветствую тебя, мой король и повелитель! — сказал он.

— Я рад тебе! — ответил Артур. — Прошу отведать нашей еды и выслушать певцов, а завтра, когда я кончу раздавать дары, готов служить тебе.

— Благодарю тебя за гостеприимство, но не затем приехал я к тебе, мой король, — гордо ответил Килух. — А с великой просьбой!

— Скажи — какой! — молвил Артур. — И она будет исполнена, не сомневайся. Разве сомневаешься ты, что ветер сушит, дождь мочит, солнце восходит и заходит, море разливается, а земля простирается? Но только если твоя просьба в согласье с нашей честью!

— Я прошу постриженья! — сказал Килух.

— Твоя просьба исполнится, — пообещал Артур. — Ты делаешься мне все более мил. Чую сердцем, ты мне родня. — И, взяв золотой гребень и ножницы, украшенные серебром, Артур срезал золотые кудри Килуха. — А теперь, — спросил король, — скажи мне, кто ты? — И, услышав ответ, воскликнул: — Так, значит, ты мой двоюродный брат! Любые дары проси у меня, все, что хочешь, я с радостью тебе отдам.

И Килух сказал:

— Я прошу в жены Олвен, дочь Великана-из-Великанов. Предсказаньем судьбы только ее могу я взять себе в жены. Потому я и пришел к тебе с этой просьбой, выслушай меня в присутствии всех славных рыцарей и нежных дам Британского острова.

И Килух назвал подряд всех славных рыцарей и всех прекрасных дам и королей Британского острова, но если бы мы захотели повторять за ним, вы слушали бы нас с вечера и до утра, с утра и до вечера и утомились бы.

Когда он кончил, Артур сказал:

— Отважный принц, я слыхом не слыхал о юной Олвен и ее родителях. Однако без промедленья разошлю за ней гонцов во все концы земли.

Трудно сказать, где только не побывали гонцы короля Артура, но через год они вернулись в Камелот, зная не больше, чем в тот день, когда его покидали.

— И знать не знаем, и не верим, что есть на свете такая девушка, поверь нам, господин, — сказали они.

— Ты слышишь, принц? — спросил Артур.

— Такое слышать я не хочу и не желаю! — ответил Килух. — Все получают от тебя, что просят, один я остаюсь ни с чем. Если я покину твой замок без Олвен, мой господин, обещанье твое останется невыполненным и честь твоя пострадает.

Но тут вступил в разговор Кай, сидевший по правую руку от короля Артура.

— Ты неправ, принц, — сказал Кай, — что бранишь Артура. Лучше садись на коня и сам поезжай искать Олвен. Я и мои друзья будем тебе помощниками, и, пока ты сам не скажешь, что такой девушки нет на свете, или пока мы ее не отыщем, мы тебя не покинем!

Король Артур его одобрил.

Первым на это дело он и вызвал Кая Упрямого.

Отец Кая сказал однажды о своем сыне: «Если он пошел в меня, у него будет холодное сердце. И сила его будет в упрямстве».

Кай славился тем, что умел сдерживать под водой дыхание целых девять дней и ночей. Раны, какие наносил он врагам, не мог исцелить ни один врачеватель. Когда он хотел, он становился выше самого высокого дерева, а в самый сильный дождь любая вещь, что держал он в руке, оставалась сухой — оттого, что всегда в нем горел огонь гнева. Он был лучшим слугою королю Артуру и первым бойцом в сраженье.

Вторым король Артур вызвал Бедуйра Прекрасного. Славен Бедуйр был тем, что, хотя была у него только одна рука, сражался он за тронх. Когда он пускал копьё, оно с одного раза наносило десять ударов.

Третьим Король Артур вызвал Кинтулига.

Кинтулиг был таким же хорошим проводником в чужой, незнакомой стране, как в своей родной, и потому все звали его Кинтулиг Проводник.

Четвертым король вызвал Гурира Переводчика. Гурир понимал все языки не только людей, но зверей, птиц и рыб.

Пятым Артур вызвал своего племянника Гавейна, ибо Гавейн Быстрый еще ни разу не возвращался домой, не добившись успеха. Он был первым ходоком и лучшим наездником среди рыцарей короля Артура.

И последним Артур вызвал Мену, который умел говорить заклинания и делать себя и других невидимыми.

И вот, снарядившись, оседлав коней, запасаюсь едой и оружием, с благословенья доброго короля Артура, под воркотню привратника, которая казалась им милее звона серебряных колокольчиков, Килух и его верные рыцари отправились на трудные поиски.

Поиски Олвен

Они долго бродили по стране, объездили все леса и пустоши острова, пока наконец не оказались на широкой равнине без конца и без края, на которой стояла огромнейшая крепость.

Но не так-то легко было добраться до этой крепости. Рыцари ехали и скакали весь день, а крепость стояла все так же далеко, где-то там впереди на бескрайней равнине.

И второй день скакали они по равнине, прищипывая своих коней, но крепость казалась все такой же далекой.

Лишь на третий день они приблизились к крепости настолько, что сумели различить огромное стадо овец, пасшихся на лугу перед стенами крепости. Овец было не счесть, а посреди широкой равнины на зеленом кургане стоял пастух в кожаном платье.

Только главным сторожем стада был не сам пастух, а преогромный мастиф, ростом с девятигодовалого жеребца. Этот пес славился лютый свирепостью, из пасти его вырывалось такое горячее дыхание, что сжигало дотла все деревья и кусты вокруг. Но он был очень умен, и вдвоем с пастухом они ни разу не потеряли ни одной овцы, ни одного ягненка из всего этого несметного стада.

— Гурир, — сказал Кай, — ты наш переводчик. Пойди перекинься словечком с тем пастухом.

— Ты же знаешь, Кай, — отвечал Гурир, — мой первый долг всюду следовать за тобой.

— Что ж, значит, пойдем вместе, — сказал Кай.

— Да вы не бойтесь... — начал было Мену.

— Нам бояться? — возмутился Кай.

— Ну да, не бойтесь, я скажу заклинанье, чтобы мастиф вас не увидел и не учуял.

— Если считаешь нужным, говори, — с презрением молвил Кай, однако в душе был рад-радехонек, что им удастся обмануть страшного пса.

Час или два шли они через поле, пока не достигли зеленого кургана. Они громко приветствовали пастуха, на что в ответ он только кивнул им.

— Как видно, дела твои идут неплохо, — сказал Кай, показав рукой на несметное стадо овец, сбившихся вокруг зеленого кургана.

— Чтoб у тебя они шли не лучше, — ответил пастух, предоставив Каю и его спутникам самим решать, как толковать такой ответ.

— Чьи же это овцы? — спросил Гавейн Храбрый.

— Откуда вы взялись, такие невежды? — удивился пастух. — Каждый ребенок здесь знает, что это овцы Великана-из-Великанов, а там вон — его крепость!

— Мы так и думали, — нашелся что ответить Гавейн. — А кто ты сам, дружище?

— Я его пастух, Сгилди Быстроногий. Но вы бы не увидели меня здесь в этом жалком платье, если бы не потерпел я урона от Великана-из-Великанов. Теперь скажите: откуда вы? Кто вы такие, что мой пес вас не учуял и не поднял тревогу?

— Мы посланцы короля Артура! — гордо объявил Кай. — И пришли сюда за Олвен, дочкой Великана-из-Великанов.

Пастух так и присвистнул, а мастиф тут же вскочил, услышав свист хозяина.

— О ней и не мечтайте! — воскликнул пастух. — О чем угодно, только не о ней.

— Но почему же? — удивился Килух. — Что плохого в том, что мы хотим увидеть дочку великана — Олвен?

— Многие приходили сюда за тем же, мой юный друг, однако я еще не видел, чтобы хоть один из них живым ушел отсюда. И жизнь свою здесь оставлял, и Олвен! Однако если глаза мне правду говорят, —

приглядевшись к принцу, сказал Сгилди, — ты Килух, сын Килиса и Голайсид, его первой королевы, а значит, мой родной племянник!

И Сгилди сошел с холма, чтобы прижать к сердцу юного героя.

— Ты должен непременно повидать мою жену, твою тетю! Пойдем к нам, она тебе во всем поможет. Только помни: ты должен остерегаться ее родственных объятий, ибо нет сильнее ее женщины на свете.

— На свете нет женщины, которой бы я испугался! — ответил безрассудный Килух. — Веди нас, пастух!

— Посмотрим, посмотрим, — заметил Сгилди.

И, приказав псу стеречь стадо, Сгилди повел посланцев короля Артура к воротам своего полуразрушенного дома.

Услышав шум, жена Сгилди выбежала им навстречу.

— Чую, чую сердцем, — воскликнула она, — идет ко мне кто-то родной и дорогой!

— Вот он, — сказал ее муж, указывая на Кая.

И она бросилась к Каю с распростертыми объятиями. Хорошо, что Кай оказался проворнее и успел подsunуть вместо себя здоровенное полено! В тот же миг полено оказалось на земле, раскрошенное в щепки.

— Послушай, женщина, — сказал ей Кай, — ведь если бы ты не полено, а меня так крепко обняла, никогда бы больше мне не знать никаких нежных объятий.

И он покачал головой, радуясь и ужасаясь одновременно.

— Полезный урок, — как бы про себя заметил пастух.

Потом он отвел всех в дом и угостил чем бог послал. А жена пастуха открыла большой каменный сундук, стоявший возле очага, и оттуда вылез красивый светловолосый юноша.

— Это единственный мой сын, оставшийся в живых, — горько посетовала она. — Остальных убил Великан-из-Великанов. Их было двадцать три... Но я боюсь потерять и последнего.

— Отпусти его с нами! — сказал решительный Кай.

И все верные рыцари в один голос крикнули:

— С нами!

А Кай добавил:

— И знай: если суждено ему умереть, то не раньше моей собственной смерти!

Так они сидели, пили и ели, пока женщина не спросила:

— Что же вас привело сюда? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мы пришли сюда за Олвен, прекрасной дочкой Великана-из-Великанов.

— Да ну? — И она присвистнула точно, как ее муж, пастух. — Радайтесь, что вас из крепости Великана никто не видел, и возвращайтесь, пока все целы-живы, ко двору Артура.

— Не увидев Олвен, мы не уйдем отсюда! — поклялся Кай.

— А увидев, тоже не побегим! — добавил Килух. — Она когда-нибудь приходит сюда, в ваш дом?

— Каждую субботу. Она приходит сюда мыть голову.

— А если послать за ней, она придет сейчас?

Жена пастуха кивнула.

— Поклянитесь, что не обидите ее, тогда я позову, — сказала она.

— Клянемся! — сказали все.

Тут же послали за Олвен, и она пришла — в шелковых алых одеждах, пылавших словно пламя. На шее девушки висело золотое ожерелье, украшенное рубинами и жемчугами. Волосы ее отливали золотом ярче златоцветы, а кожа у нее была белее морской пены. Нежнее лепестков болотной лилии были ее пальцы и ладони, а глаза — яснее соколиных. Грудь и шея — белее лебединой, щеки же — ярче пунцовой наперстянки.

Она вошла в дом и села между Килухом и Сгилди. Тут Килух в первый раз ее увидел, однако ему показалось, что он знает Олвен давно-давно. И он сказал девушке:

— Ты моя давнишняя любовь! Пойдем со мной!

Но Олвен покачала головой.

— Нет, это не принесет нам счастья, — сказала она. — Мой отец взял с меня клятву, что я не покину его без его доброго согласия. Есть предсказанье, что жить ему только до моей свадьбы. Лучше поступи иначе. Пойди к нему и попроси моей руки. И какое бы задание он ни дал тебе, обещай исполнить. Когда он получит от тебя, что попросит, ты получишь Олвен! А нет, так вряд ли вам теперь уйти отсюда живыми.

Верные рыцари поклялись исполнить все, как она сказала, и с этим Олвен ушла.

Следом за ней поднялись и они. Мену прочел заклинанье, и они невидимыми обошли стражу у девяти ворот крепости. Ни один пес на них даже не тявкнул. Они вошли в большой зал замка и громко приветствовали Великана-из-Великанов.

— Да знаете ли вы, — взревел Великан, — куда вы попали?

— Знаем, куда и зачем. Мы пришли за твоей дочкой Олвен, чтобы взять ее в жены Килуху, сыну Килиса.

— Я вас не вижу, — сказал Великан. — Где эти негодяи, мои слуги? Покорные слуги тут же явились.

— Подопри те вилами мои тяжелые веки, — приказал Великан-из-Великанов, — чтобы я увидел будущего моего зятя, мужа моей дочки Олвен.

Все было исполнено. Вилы длиною с высокие деревья подняли тяжелые веки Великана. Он оглядел всех рыцарей и сказал:

— Приходите завтра. Тогда узнаете мой ответ.

Они повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил каменное копье с отравленным железным наконечником и пустил им вдогонку. Но Бедуйр успел схватить копье единственной рукой и отправить его обратно. Копье пронзило великану колено, самую чашечку.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Как теперь я стану взбираться в гору? Это отравленное железо жжет, словно осиное жало. Будь проклят тот кузнец, что ковал его, а вместе с ним и его наковальня!

Эту ночь рыцари провели в доме Сгилди, а утром, разодевшись, с богатыми гребнями в волосах, торжественно вступили в большой зал замка Великана.

— Великан-из-Великанов, — сказали они, — отдай нам твою дочь Олвен, а взамен возьми выкуп. Иначе смерть тебе и гибель!

— Нет, нет и нет! — взревел он. — Еще живы ее четыре прапрабабушки и четыре прапрадедушки. Без них я не могу ничего решить. Приходите завтра! Тогда узнаете мой ответ.

Рыцари повернулись, чтобы уйти, и тут Великан-из-Великанов схватил второе свое копье с отравленным наконечником и пустил им вдогонку. Но Мену на всем лету схватил его и отправил обратно. Копье пронзило грудь Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, будущий зять мой! Теперь у меня все будет болеть внутри, как же я стану пить и есть? Это отравленное железо жжет, словно змеиное жало. Будь проклят кузнечный горн, в котором его ковали!

И на третий день пришли рыцари в замок Великана.

— Больше не запускай в нас копьем, Великан-из-Великанов! — предупредили они. — Не то узнаешь боль и обиду, встретишь смерть и гибель.

— Куда подевались все мои слуги? — взревел Великан. — Несите скорее вилы, поднимите мои тяжелые веки, чтобы я мог наглядеться на будущего моего зятя.

Все было исполнено. Великан посмотрел на Килуху и опять сказал:

— Приходи завтра! Тогда узнаешь мой ответ.

И рыцари повернули, чтобы уйти, но тут Великан-из-Великанов схватил свое третье копье и пустил им вдогонку. А Килух на всем лету подхватил его и отправил обратно. Отравленное копье пронзило глаз Великана.

— Ох, ох, ох! — взвыл Великан-из-Великанов. — Будь ты проклят, мой будущий зять! Уж не думаешь ли ты, что от этого я буду лучше видеть? Теперь я обречен на вечную головную боль, да и глаза, чего доброго, станут на ветру слезиться. Хуже зубов бешеной собаки жжет это отравленное копье. Будь проклят и кузнец, и его наковальня, и горн, где его ковали!

На четвертый день пришли рыцари в замок снова.

— Где он, что хочет отнять у меня дочь Олвен? — заревел Великан. — Поднимите мои тяжелые веки, я хочу его видеть... Ага, это ты?

— Я, Килух, сын Килиса и Голайсид.

— А ты обещаешь выполнить все мои просьбы? — сказал Великан-из-Великанов.

— Обещаю!

— Обещать-то легко! — сказал Великан. — Но знай, ты получишь мою дочь, только когда исполнишь все мои просьбы и задания.

— Назови их! — сказал Килух. — И все они будут исполнены.

— Видишь там чащи лесные? — спросил Килуха Великан-из-Великанов. — Ты должен вырвать с корнем все деревья и сжечь их, а землю вспахать и засеять пшеницей, чтобы можно было вволю напечь хлеба тебе и моей дочке на свадьбу — и все это за один день!

— Для меня сделать такое проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, хлеб к свадьбе будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне золотой рог Лира Свиного, сына Лириона, чтобы обносить вином гостей на твоей свадьбе.

— Достать рог для меня проще простого! — сказал Килух. — Хотя ты, наверное, думаешь, что труднее трудного.

— Ладно, значит, можно считать, рог у нас будет, зато другое тебя погубит! Принеси мне корзину-самобранку Гвидена Длинного, что

правит Подводным королевством. Пусть соберутся у нас все люди земли и еще трижды девять, всем хватит еды из этой корзины.

— И корзина у тебя будет, для меня это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, корзина у нас будет, зато другое тебя погубит! Когда я впервые встретил мать Олвен, я посадил девять зернышек льна вон на той равнине, но что с ними случилось, никто не знает. Найди зерна, посади их снова в землю, чтобы они проросли и дали побеги, собери лен и сотки из него белую фату своей невесте на свадьбу.

— Фата у нее будет, это проще простого! — сказал Килух.

— Ладно, значит, можно считать, фата у нее будет, зато другое тебя погубит! К вашей свадьбе мне должны расчесать бороду, сам видишь — вся она спуталась и стоит колом.

Да только расчесать ее можно не простым гребнем. А спрятан тот гребень меж ушей дикого кабана Турх Труйта.

Да только Турх Труйта не найти тебе, пока не поймаешь двух псов — Анеда и Этлема, что мчатся быстрее ветра и добычи своей еще ни разу не упускали.

Да только не поймать Анеда и Этлема никому, кроме охотника Килдира Дикого, что в девять раз сильнее самого дикого зверя в горах.

Да только не найти тебе охотника Килдира Дикого, пока не найдешь Гвина, сына Низы, которому Бог поручил стеречь демонов Того Света, чтобы спасти Этот Свет от гибели.

Да только если и найдешь ты Турх Труйта, не одолеешь его простым мечом, а только мечом Великана Урнаха.

Да только никому не отнять меч у Великана Урнаха, кроме самого великого короля Артура.

Да только не станет помогать тебе славный король Артур, владыка и правитель нашего острова. Хватает у него дел и без этого.

Теперь скажи, мой будущий зять, не отпала у тебя охота выполнять мои задания?

— На коней! — вместо ответа крикнул своим рыцарям Килух. — Поскачем прямо к моему брату Артуру. Он поможет достать все, что ты хочешь, и я возьму твою дочь Олвен в жены и твою жизнь в придачу!

При этих словах Великан-из-Великанов оттолкнул вилы, чтобы тяжелые веки закрыли ему глаза в знак того, что разговор их окончен, и Килух со своими верными рыцарями покинул его замок.

Конец Великана-из-Великанов и свадьба Олвен

Нелегко было выполнить все задания Великана-из-Великанов и достать все дары, какие он назвал Килуху. Да только еще труднее рассказать про то, как славному королю Артуру и его рыцарям удалось это сделать.

— Задания все выполнены? — спросил Артур, когда гребень Турх Труйта был наконец в его руках.

— Все!

— Дары все собраны?

— Все!

— Тогда в путь, мой милый брат Килух! — воскликнул славный король. — И ты получишь свою невесту, как обещал я тебе в тот день, когда срезал твои золотые кудри.

И, прихватив с собою драгоценные дары, Килух отправился в путь вместе с Гору, сыном Сгилди, и всеми верными рыцарями, которые желали только зла и мести жестокому Великану-из-Великанов.

— Мы пришли, чтобы расчесать тебе бороду. Ты готов к этому, Великан-из-Великанов?

— Где эти негодяи, мои слуги? — заревел Великан-из-Великанов. — Подоприте вилами мои веки, чтобы я увидел все дары и сокровища, какие я потребовал с моего зятя, будь он трижды проклят!

Все ему показали и расчесали гребнем Турх Труйта бороду, и Килух спросил:

— Ты доволен?

— Доволен!

— Теперь Олвен моя?

— Твоя! Да только была бы на то моя воля, ты бы ее не получил. Благодарю за все своего двоюродного брата короля Артура! И забирай мою дочку Олвен и мою жизнь в придачу!

Тут Гору, сын Сгилди, схватил Великана-из-Великанов за волосы и оттащил на зеленый курган и там отрубил ему голову, отомстив этим за своих загубленных братьев.

В тот же день Килух женился на Олвен, дочери Великана-из-Великанов.

Так сбылось предсказание злой мачехи принца Килуха.

Как Тристан нашел Изольду

После охоты на кабана Турх Труйта и прочих важных событий на острове Британском настали мир и покой. Король Артур отдыхал от славных подвигов и ратных дел, когда до него дошла весть, что Тристан, сын Тралуха, и Изольда — Лебединая Шея, жена Марка, сына Майрхьона, убежали на Север, в дубовые рощи Келидонские, как какие-нибудь безродные изгнанники.

Вместо крыши над головой у них густые ветви деревьев, вместо мягкой постели — зеленые листья. На завтрак, на обед и на ужин у них дичь лесная, а винный погреб — прозрачный ручей. Но нет для них ничего дороже их нежной любви, и год им кажется неделей, а неделя — вечным летом.

Следом за вестниками Марк и сам поспешил к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Мой господин, — сказал Марк королю, — мне неизвестно, на чьей ты стороне, но вспомни, что я тебе ближе по родству, чем Тристан, ибо я сын твоей сестры, а следовательно, твой родной племянник. И стало быть, мне, а не ему пристало ждать от тебя помощи. Я оскорблен и требую отмщения! Выполни свой долг, мой повелитель!

— Это нетрудно сделать! — сказал король Артур. — Однако следует помнить, что Тристан — один из трех самых славных героев нашего острова.

— Мой господин, — возразил Марк, — этот позор пятнает не только мою честь, но и твою. Тристан — твой рыцарь, так неужто ты хочешь, чтобы все говорили, будто он выказывает тебе пренебрежение?

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал Артур.

В тот же день он созвал своих рыцарей, и они поскакали вместе с Марком на Север. Темной ночью они окружили со всех четырех сторон дубовые Келидонские рощи.

Тристан сладко спал, обнимая свою Изольду, и ничего не слышал. А Изольда, как все женщины, была беспокойней и услышала лязг оружия и шепот бойцов, прятавшихся за каждым кустом, за каждым деревом. Она так задрожала в объятьях Тристана, что он проснулся.

Проснулся и спросил:

— Моя милая госпожа, отчего ты дрожишь, ведь я рядом с тобой?

— Не за себя я боюсь, — отвечала Изольда, — но за тебя. Я слышу голоса со всех сторон. Наверное, эти люди пришли, чтобы тебя погубить.

— Разве ты не знаешь, моя госпожа, — громко сказал Тристан, — что судьбой предначертана смерть всякому, кто прольет хоть каплю моей крови? А кроме того, среди этих людей много моих верных друзей — и честный Кай, и свирепый Бедуир, и обходительный Гвалхмай, и мои названные братья, которые, как и я, служат нашему королю Артуру.

И Тристан с нежной заботой спрятал Изольду в дупле старого дуба, а вечнозеленые листья плюща, падуба и растущего рядом тиса надежно укрыли ее от чужих глаз. Потом он взял в руки свой молнии подобный меч, надел на спину щит, подобный тяжелой грозовой туче, и кинулся туда, откуда громче раздавались голоса и лязг оружия.

Ветви раздвинулись, и перед Тристаном предстал сам Марк, окруженный своими рыцарями.

— Достойный муж, — сказал ему Тристан, — мы, кажется, с тобою в ссоре. Бери свой меч, и мы сейчас решим, кто прав, кто виноват.

Не тут-то было. Марк кликнул своих людей и велел им схватить Тристана, связать и доставить ко двору короля Артура. Но рыцари возмущались.

— Позор на наши бороды, — сказали они, — если мы станем биться за господина, который сам отказался от битвы!

И они опять отпустили Тристана с миром.

И опять пришел Марк к королю Артуру с жалобой на Тристана.

— Что ж, — сказал Артур, — я так и думал, что это случится. Остается одно: наслать на Тристана наших лучших арфистов, чтобы смягчить его сердце. А следом отправить к нему поэтов и менестрелей,

чтобы от их похвал и славословий Тристан сменил гнев на милость. Вот тогда мы с ним и поговорим.

Так и сделали.

Когда чудесные звуки арфы наполнили Келидонские рощи, и смолкли птицы, и замерли деревья, заслушавшись, сердце Тристана смягчилось.

Он кликнул музыкантов и щедро наградил их золотом и серебром.

Следом за арфами Тристан услышал прекраснейших поэтов и менестрелей. Их песни и слова пленили Тристана и Изольду.

Тристан снял с шеи золотую цепь, украшенную рубинами и жемчугами, и подарил ее главному певцу-поэту, а остальных щедро наградил золотом и серебром.

Так был укрощен этот гнев, так пробудились в нем восторг и восхищение. И тогда перед ним предстал Гвалхмай с посланием от короля Артура.

Речи Гвалхмайя были столь обходительны, что Тристан им внял и поехал следом за Гвалхмайем ко двору короля.

Тристан и Марк поклялись хранить мир, пока справедливый королевский суд не рассудит их, — так повелел король Артур.

Но сначала Артур с каждым из них завел беседу, чтобы спросить, не откажется ли тот или другой от леди Изольды по своей воле. Нет, ни тот, ни другой отказываться не хотели.

И тогда король Артур сказал им свое последнее слово:

— Пока зеленеют на деревьях листья, Изольда будет принадлежать одному из вас, а когда опадут листья — другому. Первым выбирать будет Марк, сын Майрхьона!

— Благодарю тебя, господин мой, — обрадовался Марк. — Выбрать нетрудно!

И он сказал, что пусть Изольда будет ему женой, когда нет листьев на деревьях: ведь зимой время тянется дольше, дни короче, зато ночи длинней.

Король Артур поехал со своими рыцарями в Келидонские рощи и сообщил Изольде свое решение и выбор Марка.

— Мой господин и повелитель! — воскликнула Изольда. — Благослови Господь твой справедливый суд!

— Как так? — удивился король.

В ответ Изольда пропела:

Три дерева в нашем растут лесу:

Плющ, падуб и красный тис.

Листвы не теряют они зимой —

Теперь Тристан навсегда будет мой!

Вот как Марк потерял, а Тристан нашел свою Изольду.

Дева Озера

легенда

Давно-давно жил в горном Уэльсе юноша, сын вдовы. Как-то раз погнал он коров и овец своей матушки вниз к озеру, где росла высокая и сочная трава. Правда, день выдался неудачный. Вершины гор с утра окутались густым туманом. Но когда он спустился к самому озеру, все вдруг озарилось ярким светом. Однако, приглядевшись внимательнее, юноша увидел, что это не солнце осветило все вокруг, а прекрасная дева, что сидела посреди озера на маленьком островке и расчесывала свои золотые волосы. Ее золотое платье так и сверкало, так и горело, разбрасывая вокруг яркие лучи.

Не подумав, что он делает, юноша вытащил из кармана ломоть черствого ячменного хлеба с сыром, который мать дала ему с собой на обед, и протянул его прекрасной деве, окликнув ее при этом. Дева обернулась, увидела его, поднялась и, словно по мягкой траве, пошла к нему прямо по воде.

Подойдя к самому берегу, она внимательно оглядела хлеб и сыр, которые он ей протягивал, и сказала, покачив головой:

— Черств твой хлеб, слишком черств! Таким хлебом тебе не накормить меня.

Юноша все продолжал протягивать к ней руку с хлебом, но дева уже исчезла.

Вернувшись домой, он все рассказал матери и добавил, что умрет от горя, если не сделает прекрасную деву своей женой. И на другой день мать дала ему в дорогу совсем мягкий, только что испеченный хлеб с сыром — ведь черствый ячменный хлеб девушке не понравился, так, может быть, этот ей покажется лучше?

Юноша долго ждал на берегу, не спуская глаз с озера. И наконец, словно опять заиграло яркое солнце, появилась на озере прекрасная дева с золотыми волосами и озарила все вокруг ярким светом.

На этот раз она показалась юноше еще прекраснее.

Он протянул ей хлеб с сыром и позвал ее, и сказал, что хочет на ней жениться и умрет, если она отвергнет его любовь. Дева подошла к нему и внимательно оглядела, что было у него в руках, но, покачив головой, тихо сказала:

— Не пропечен твой хлеб! Не пойду за тебя!

И сколько юноша ни просил, ни умолял, она опять исчезла.

Он вернулся домой таким несчастным, что сразу бросился на кровать и не хотел вставать. Но когда мать спросила его, что случилось, он все ей рассказал.

И вот матушка раздула пожарче огонь в очаге и на этот раз уж испекла не черствую ячменную лепешку и не сырой хлеб, а хрустящую, пышную булку.

На другой день юноша опять погнал стадо к озеру. Долго ждал он у озера, опершись о палку. Все утро светило солнце, но воды озера оставались спокойны. Прошел день. Когда же начало смеркаться, юноша совсем приуныл. Он уж не надеялся увидеть опять свою прекрасную деву.

Грустный и печальный, он собрал всех коров и овец, чтобы гнать их назад домой, и бросил последний прощальный взгляд на озеро, как вдруг, к своему великому удивлению, увидел на воде — нет, не прекрасную деву, а прекрасных черных, гладких коров, которые, словно по мягкой траве, шли прямо по озеру.

Он так и застыл на месте: не могли коровы прийти сюда одни! Наверное, вслед за ними появится и их прекрасная хозяйка.

И вот появилась дева озера, на этот раз еще прекрасней, чем раньше. Юноша сам пошел ей навстречу и протянул хрустящую, пышную булку с сыром. Она взяла булку и, когда юноша снова попросил ее стать его женой, сказала, что согласна, но должна спросить разрешения у своего отца.

Юноша очень обрадовался, но прекрасная дева тут же исчезла. Он не знал, что же ему делать, и звал ее, и хотел даже прыгнуть в воду, чтобы искать ее на дне озера. Однако не успел он ступить в воду, как из озера появилась его прекрасная дева, на этот раз вместе с величественным старцем.

— Если ты обещаешь быть добрым и верным мужем моей дочери, — сказал он, — я согласен отдать ее тебе в жены. И даже дам тебе хорошее приданое. Ты получишь столько коров и столько овец, сколько она сумеет насчитать зараз, не переводя дыхания. Но помни: если ты будешь несправедлив к ней или если ты, пусть даже случайно, заденешь ее чем-нибудь железным, она вернется в родное озеро. И все коровы и овцы уйдут следом за ней.

Юноша с радостью на все согласился. И старик соединил их руки.

— А теперь пора подумать о приданом, — сказал старик и велел дочке считать, не переводя дыхания.

— Раз, два, три, четыре, пять... раз, два, три, четыре, пять... — начала она считать и успела так насчитать семь раз.

И тут же из озера появилось тридцать пять тонкорунных овец...

Во второй раз дева озера насчитала пятнадцать. И тут же из озера вышло четырнадцать черных, гладких коров и один белолобый красавец бык.

Все стадо послушно вышло на берег и последовало за юношей и его невестой к его дому. Молодые люди жили очень счастливо. Ни у кого во всем Уэльсе не было такого сладкого молока и такого вкусного масла, какое давали их волшебные коровы. А что до овец, то вряд ли у кого-нибудь была лучшая шерсть для пряжи, чем у них. Так что можете сами догадаться, как осторожен был муж, когда держал в руках что-нибудь из железа, чтобы — не дай бог! — не коснуться им нечаянно своей любимой жены.

Шли годы; у них родилось три сына. Сыновья выросли и стали юношами, столь же умными, сколь красивыми. К тому времени отец превратился уже в седого, сгорбленного старика. Но он не горевал, ведь у него было три удачных сына, которые помогали ему во всем, и их ферма с волшебными коровами и овцами по-прежнему процветала.

А прекрасная мать трех сыновей, его жена, оставалась все такой же молодой и красивой, какой была когда-то давно-давно, когда он впервые увидел ее.

И вот однажды была объявлена большая ярмарка, на которую со всех концов страны сгоняли на продажу скот. Оставив трех сыновей дома следить за фермой, муж и жена решили тоже отправиться туда. Они вышли вместе из дому и поднялись в горы, чтобы поймать там двух пони — на них они бы скорее добрались до ярмарки.

А надо вам сказать, что пони паслись как раз на том склоне горы, который спускался к самому озеру, где когда-то юноша увидел прекрасную деву озера.

Жена, словно молодая девушка, легко взбежала по склону горы и сразу поймала за гриву одного пони. Но держать пони за гриву было неудобно, и она крикнула своему старику мужу, чтобы он кинул ей повод.

И муж, не думая, что делает, кинул ей вместо повода уздечку. Ах, какая беда — одной железной скобой уздечка задела ее по руке! Жена грустно поглядела на него и отвернулась. Не сказав мужу ни слова, она отпустила пони и запела тихим, печальным голосом:

Милые мои Чернушки,
Пеструшки, Веснушки,
Вострушки
И ты, Белолобый,
Седой, удалой,
Домой! Домой! Домой!

Поднялся ветер, небо пожелтело, загремел гром. Но она все пела:

И вы, мои белые,
И вы, мои серые,
Бросайте теплые хлевы
И спешите за мной
Домой! Домой! Домой!

Коровы, которые были привязаны в стойлах, вышли из коровника и спустились вниз к озеру. И четыре серых быка вместе с плугами спустились к воде. И овцы с ягнятами тоже сбежались к озеру.

А через миг на берегу не осталось ни стада, ни прекрасной жены — все скрылось в водах озера.

Муж вернулся домой, плача горькими слезами. Он позвал своих сыновей и рассказал им, что случилось. До этого дня юноши не знали, кем была их прекрасная мать, и когда они услышали всю историю, они как могли принялись утешать отца.

— Не печалься, дорогой отец, — говорили они. — Вот увидишь, наша матушка нас не оставит.

Они и сами верили в это, а потому каждый вечер все трое спускались к берегу озера и ждали. Много-много вечеров... Но воды озера оставались спокойны, лишь легкий ветерок иногда вызывал на них мелкую рябь.

И вот однажды ночью, когда светила полная луна, а три брата, как всегда, сидели на берегу озера, она всплыла наверх — такая же прекрасная, как когда-то, когда была Девой Озера.

Она вышла на берег, приблизилась к своим сыновьям, нежно поздоровалась с ними и сказала, что любит их по-прежнему. И попросила их хорошенько запомнить все, что она им сейчас скажет, и тогда очень скоро они прославятся и станут великими людьми.

Она повела их за собой по берегу озера и дальше в горы, показала им все целебные травы и сказала, как они называются и какие болезни лечивают. И очанку, которая помогает больным глазам, и пиретрум — от злой лихорадки, и подорожник — залечивать раны, и много других трав. Она сказала, когда какую траву собирать, как их смешивать и варить и какие при этом говорить заклинания.

Все трое внимательно слушали ее и постарались все запомнить. И правда, очень скоро они стали самыми мудрыми и прославленными врачевателями во всем Уэльсе. А когда состарились, передали свое искусство сыновьям и внукам.

Долгие годы, не одну сотню лет, из близка и далека приходили больные к их детям, внукам и правнукам, чтобы они излечили их болезни с помощью искусства, которому научила своих сыновей прекрасная Дева Озера.

Солнце Лланфабона

легенда

В доброе старое время Лланавонская церковь славилась своим большим серебряным колоколом, звон которого разносился по всей стране. Однако милее всех этот перезвон был лопухим жителям Лланфабона. И они задумали украсть или, как они сами потом говорили, одолжить у своих добрых соседей лланавонцев их серебряный голос радости и печали.

А проделать это надо было за одну ночь, не то при первых же лучах солнца глазастые жители Лланавона их бы заметили и пустились бы в погоню.

И вот глухой ночью лопухие, косолапые лланфабонцы прокрались в Лланавон, сняли с колокольни большой колокол — только сначала обмотали его звонкий язык бархатом, обложили соломой да сверху еще обернули его красными фланелевыми рубашками, какие надевают на ночь все мужчины в Уэльсе, — и отправились с драгоценной ношей к себе, в родной Лланфабон.

Они шли тихо-тихо, лишь постукивали о камни их деревянные башмаки да тяжелые посохи, из-под которых летели в темноту яркие искры. Все хранили молчание, и колокол, само собой, тоже.

Но как раз когда они переходили вброд речку Таф, из-за туч выплыла полная луна, и с перепугу лопухие, косолапые лланфабонцы приняли ее за солнце. Руки у них задрожали, они выронили колокол, и он потонул в реке. Так никто больше и не услышал звонкий голос большого серебряного колокола из Лланавона.

Потом уж лопухим, косолапым, горбоносым лланфабонцам пришлось во всем признаться своим соседям.

Вот с тех пор глазастые жители Лланавона и называют луну солнцем Лланфабона.

Кэдуладер и козы

Жил в горах Уэльса пастух по имени Кэдуладер. У него было большое стадо горных коз. Самую красивую его козу звали Дженни.

Ни у одной козы не было такой гладкой, шелковистой шубы, как у Дженни, потому что каждую пятницу и субботу сами фен расчесывали и приглаживали ее шерсть. И в воскресенье, когда Кэдуладер пригонял своих коз домой, лучше Дженни не было козы в целом стаде.

Если ж говорить об уме, то Кэдуладер считал, что умней Дженни он не встречал никого, не только среди коз, но и среди людей. Поэтому и удивляться нечего, что он души в ней не чаял, да и она платила ему тем же.

Но, как говорится, всему приходит конец. Дженни, видно, тоже так думала и потому в один прекрасный день показала своему хозяину хвост да усккала в горы.

Кэдуладер кинулся за ней в погоню. Он карабкался вверх по крутым горным тропам и звал ее сначала нежно и ласково, потом с угрозами, а затем уж у него совсем не стало духу звать ее, и он лишь кое-как поспевал за козой.

Горы в этих местах крутые, тропы обрывистые, и только Кэдуладер готов был схватить козу за хвост — хоп! — Дженни перескакивала на другую скалу. Хоп! — и она уже на соседнем утесе, а Кэдуладер опять в дураках.

Дженни словно дразнила его, и это еще больше злило Кэдуладера. И уж конечно, от синяков, какие он набивал себе, стучаясь об острые камни, настроение у него лучше не становилось. А горные ручьи и во-

допады, обдававшие его холодными брызгами, и совсем выводили его из себя.

В конце концов Кэдуладер очутился на узком уступе отвесной скалы. Напротив возвышалась такая же крутая скала, а между ними лежала бездна.

Прямо перед ним стояла Дженни и вызывающе глядела на него. По ее насмешливому взгляду Кэдуладер понял, что сделай он еще хоть полшага — она перемахнет через бездну и оставит его с носом, тогда уж навсегда.

— Ну, Дженни, — с трудом переводя дыхание, сказал Кэдуладер, — я бы еще мог простить тебе синяки и шишки, но вот то, что ты дурачишь меня, я никогда тебе не прощу!

Коза отпрыгнула от него в сторону, и он, не подумав, что делает, бросил в нее камнем. Дженни громко вскрикнула и упала вниз на выступ скалы.

Кэдуладер бросился на то место, где она лежала. От его гнева и злости не осталось и следа. Их сменили жалость и горе. Дженни часто дышала и, когда он дотронулся до нее, подняла голову и лизнула ему руку.

— Что я наделал! — воскликнул в отчаянии Кэдуладер.

Из глаз его брызнули слезы. Он сел рядом с Дженни и положил ее голову к себе на колени. Вскоре стемнело, но он все сидел там и гладил и целовал ее шерсть, прислушиваясь к ее тихому дыханию.

Неожиданно из-за гор выплыла яркая полная луна. Она осветила все вокруг, и тут, к своему изумлению, Кэдуладер вдруг увидел, что Дженни из козы превратилась в прекрасную девушку с длинными шелковистыми волосами и нежными карими глазами. Она уже не казалась умирающей, а, наоборот, довольной, словно кошка, налакавшаяся сливок.

Он очень удивился — а как же мог он не удивиться? — когда она вдруг заговорила с ним человеческим голосом.

— Мой милый Кэдуладер, — сказала она со вздохом, — неужели я поймала тебя наконец?

Кэдуладеру стало как-то не по себе, он совсем не хотел, чтобы кто-нибудь поймал его, да еще таким нелепым образом. К тому же он никак не мог решить, называть ли ее по-прежнему Дженни, и чувствовал себя ужасно неловко. Поэтому он даже обрадовался, когда она встала и, взяв его за руку, повлекла за собой в горы.

Но вот что было странно и даже как-то не очень приятно: рука у Дженни была как рука и кожа мягкая, нежная, а все-таки ему казалось,

что он держит не руку, а копыто. Да еще в голосе ее, хотя она говорила с ним очень нежно, пожалуй даже слишком нежно, нет-нет да и проскальзывало козлиное «бе-е-е!», от чего у него мурашки по спине забегали.

«Все ясно, — сказал он себе, глядя на ее белые ножки, скачущие по скалам, — я попал в дурное место. А впереди, наверное, будет еще хуже».

Очень скоро он убедился, что правильно угадал. Они с Дженни очутились на широком плато, расположенном на самой вершине горы, и тут же их окружило несчетное стадо горных коз. Кэдуладер в жизни своей не видел таких рогов и бород и не слышал такого блеяния.

Однако Дженни спокойно провела его сквозь стадо, отвечая направо и налево то по-козьи, то по-человечьи. Наконец они остановились перед самым большим и самым старым козлом. Дженни низко поклонилась ему, словно королю.

— Это и есть тот человек? — спросил Козел-король.

— Тот самый, — ответила она.

— Да-а, я ожидал лучшего, — сказал король. — Для человека и то он выглядит довольно жалко.

— После он будет выглядеть лучше, — уверила Дженни короля.

«После чего?» — удивился Кэдуладер, хотя вопрос этот оставил при себе.

— Ну как, — спросил Козел-король, глядя на него красными глазами (вернее, глазами с красными ободками), — согласен ты вступить в нашу компанию?

«Ах вот почему она сказала, что после я буду выглядеть лучше! — подумал Кэдуладер. — После того, значит, как меня превратят в козла».

— Никак нет, ваше величество! — одним духом выпалил он. — Я не хочу превратиться в козла и вообще не хочу больше иметь ничего общего с козами!

— Не хочешь стать козлом? — взревел Козел-король. — Ах ты жалкое создание! Да это мы, хозяева земли, не желаем иметь ничего общего с ничтожными людьми вроде тебя!

И с этими словами Козел-король одним ударом могучих рогов сбросил Кэдуладера со скалы.

Уже настало утро, когда Кэдуладер очнулся и обнаружил, что лежит под высокой скалой головой в кустах, а ногами в болоте. Ярко светило

солнце, в небе носились птицы, но Кэдуладеру хотелось одного — скорей домой!

Стоит ли говорить, что свою Дженни он больше в глаза не видывал. Да это и не имело такого уж значения, потому что с того дня у него совсем пропал интерес к козам. Он распродал свое стадо и вместо коз купил овец. Так что если бы мы захотели рассказать вам новую историю про Кэдуладера — но не бойтесь, мы не хотим! — ее бы пришлось, наверное, назвать: Кэдуладер и овцы.

Лопата земли

На самой границе горного Уэльса жил некогда старей, злой великан. И уж не знаю почему, но он просто терпеть не мог мэра и всех жителей города Шрусбери. Долго он ломал себе голову, как бы им посильнее досадить, и наконец не придумал ничего лучше, как бросить полную лопату земли в реку Северн, чтобы ее запрудить.

«Ха, ха! — думал великан Рёкин (так его звали — вполне приличное имя для старого и злого великана). — Пусть речка выйдет из берегов и затопит весь город вместе с мэром и всеми жителями. Весь-весь!»

И вот это низкое создание в один прекрасный день отправилось в город Шрусбери с полной лопатой земли.

Не знаю уж, как так случилось, что по дороге он заблудился и пришел не к Шрусбери, а к Веллингтону. Уже вечерело, и великану хотелось скорей добраться до места, потому что ноша была тяжелая и он совсем из сил выбился.

Совсем недалеко от города великан встретил сапожника с большим мешком на спине, в котором были старые башмаки да сапоги. Этот сапожник возвращался домой в Веллингтон, где была его лавка, а шел он из Шрусбери, где и набрал все эти башмаки и сапоги для починки.

— Послушай! — окликнул его великан Рёкин. — Далеко еще до Шрусбери?

— До Шрусбери? — переспросил сапожник, запрокидывая голову и глядя вверх. Выше, выше, пока где-то уже совсем высоко он наконец не разглядел то, что было великановой головой, и она ему совсем не по-

навивалась. Поэтому вместо ответа он спросил: — А что тебе там нужно, я имею в виду в Шрусбери?

— Видишь эту лопату земли? — спрашивает великан, и при этом голос его задрожал от злобы. — Я собираюсь бросить ее в Северн, чтобы река вышла из берегов и затопила весь Шрусбери: и мэра, и жителей, всех, всех!

Сапожнику такая затея пришлась не по душе.

«Ничего себе — затопить Шрусбери! — подумал он. — Вместе с мэром и всеми жителями. Ну нет, не выйдет!»

Так он подумал. Но на самом-то деле что мог поделывать какой-то ничтожный сапожник с настоящим великаном?

Он опустил на землю мешок, поскреб в затылке и говорит:

— Так, значит, Шрусбери? До него еще порядком! Сегодня тебе туда никак не добраться. Да и завтра, пожалуй, тоже.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает великан.

— Да я как раз иду из Шрусбери, — говорит сапожник и развязывает при этом свой мешок, чтобы великан увидел, что у него там. — Это очень далеко, поверь мне. Видишь, сколько башмаков и сапог я износил, пока шел оттуда?

— О горе мне! — вздохнул великан, и от его вздоха даже горы задрожали. — Тогда лучше я не пойду туда. Я и так совсем из сил выбился. Чтобы еще хоть немного тащить эту тяжеленную лопату с землей, нет уж!

— Если б немного! — подхватил сапожник. — Но туда еще идти и идти!

— Раз так, — говорит великан, — тогда мне, пожалуй, умнее всего сбросить эту землю прямо здесь и вернуться домой.

Сапожник промолчал: он боялся, как бы великан не разгадал его хитрость. Но великан так устал, да и вообще-то был глуповат, что ничего даже не заподозрил. Он опрокинул лопату с землей на том месте, где стоял, вычистил о край лопаты свои сапоги и зашагал прочь в валлийские горы. И больше о нем в Шрусбери не было ни слуху ни духу.

А если вы не верите, что все так и случилось, ступайте по дороге из Шрусбери в Веллингтон и, не доходя до города, сами увидите на том месте, где великан опрокинул лопату земли, высокий холм, который так и называется Рёкин, а рядом холмик поменьше — из той земли, которую великан счистил со своих сапог.

Содержание

ИРЛАНДСКИЕ СКАЗКИ	5
Черный вор (Кони короля Конала) (Перевод Н. Шерешевской)	7
Три заколдованные девушки	10
Тринадцать заколдованных котов	12
Вероломный ученик	14
Три людоеда	16
Про короля, про святого и про гусыню (Перевод Н. Шерешевской)	20
Поле ромашек (Перевод Н. Шерешевской)	24
Надменная принцесса (Перевод Н. Шерешевской)	28
Зачарованный Геройд Ярла (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	32
Белая форель (конгская легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	35
Нокграфтонская легенда (Перевод Н. Шерешевской)	38
Души в клетках (Перевод Н. Шерешевской)	44
Господин и слуга (Перевод Н. Шерешевской)	57
Дурное место (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	64
Душа-бабочка (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	72
Мунахар и Манахар (Перевод Н. Шерешевской)	78
Ленивая красавица и ее тетушки (Перевод Н. Шерешевской)	82
Графиня Кэтлин О'Шей (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	87
Воляндик и пак (Перевод Н. Шерешевской)	91
Озеро исцеления (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	94
Завороженный пудинг (Перевод Н. Шерешевской)	100

Сказки о мудрых женах (Перевод Н. Шерешевской)	113
Строитель Гоб	113
Умная жена	116
Жена Гоба	119
Сказки о Темном Патрике (Перевод Н. Шерешевской)	123
Ученый Фиоргал	123
Почтенный лорд-мэр и почтеннейший хозяин трактира	130
Повелитель ворон	133
Ученые Мангрета	137
Сказки о Рафтери (Перевод Н. Шерешевской)	143
Воскрешение Рафтери	143
Как удалось перехитрить самого Рафтери	148
Сказания о Кухулине (Перевод Н. Шерешевской)	150
Бой Кухулина с Ферднадом	150
Мудрая Унах	158
Мудрость Кормака (Перевод Н. Шерешевской)	164
АНГЛИЙСКИЕ СКАЗКИ	167
Источник-на-краю-света (Перевод Н. Шерешевской)	169
Дочка пекаря (Перевод Н. Шерешевской)	174
Волшебный рог (Перевод Н. Шерешевской)	176
Ночная погоня (Перевод Н. Шерешевской)	178
Три желания (Перевод Н. Шерешевской)	181
Черри из Зеннора (Перевод Н. Шерешевской)	183
Волшебная мазь (Перевод Н. Шерешевской)	188
Джек и бобовый стебель (Перевод Н. Шерешевской)	191
Джек — Победитель Великанов (Перевод Н. Шерешевской)	198
Малышка Том и великан Денбрас (Перевод Н. Шерешевской)	207
Моли Ваппи (Перевод Н. Шерешевской)	212
Воду заперли (Перевод Н. Шерешевской)	216
Домовой из Хилтона (Перевод Н. Шерешевской)	219
Джип и ведьма из Уолгрейва (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	221
Кэт-щелкунчик (Перевод Н. Шерешевской)	229
Тростниковая шапка (Перевод Н. Шерешевской)	234
Биннори (Перевод Н. Шерешевской)	238
Страшный дракон скалы Спиндлстон (Перевод Н. Шерешевской)	241
Три головы в колоде (Перевод Н. Шерешевской)	245
Дочь графа Мара (Перевод Н. Шерешевской)	250

Лэмтонский змей (Перевод М. Литвиновой)	253
Юный Поллард и окландский вепрь (Перевод Н. Шерешевской)	258
Мистер Фокс (Перевод Н. Шерешевской)	265
Дик Уиттингтон и его кошка (Перевод Н. Шерешевской)	269
Кто-всех-одолеет (Перевод Н. Шерешевской)	276
Том — мальчик с пальчик (Перевод Н. Шерешевской)	282
Король Иоанн и кентерберийский аббат (Перевод Н. Шерешевской)	287
Ученик чародея (Перевод Н. Шерешевской)	290
Кошачий король (Перевод Н. Шерешевской)	292
Мистер Укус (Перевод Н. Шерешевской)	294
Крошечка (Перевод Н. Шерешевской)	298
Три медведя (Перевод Н. Шерешевской)	300
Сорочье гнездо (Перевод Н. Шерешевской)	304
ШОТЛАНДСКИЕ СКАЗКИ	307
Сказки о фяхх и эльфах	309
Томас Стихотворец (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	309
Кенонби Дик и Томас из Эрсилдуна (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	319
Серебряная дудочка Маккримонса (Перевод Н. Шерешевской)	324
Феи Мерлиновой скалы (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	326
Рыцарь-эльф (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	329
Паж и серебряный кубок (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	336
Кузнец и феи (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	339
Там Лин (Перевод Н. Шерешевской)	344
Волынщик из Кейла (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	347
Фаркуэр Мак-Нейл (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	350
Знамя фей в Данвегане (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	353
Фея и котел (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	359
Фея и фермерша (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	361
Сказки про чудищ (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	367
Морег и Водяной Конь	367
Ассипатл и Владыка Морской Змей	370
Сказки про великанов	383
Принц и дочь великана (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	383
Великан Дреглин Хогни (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	394
Лод, сын фермера (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	398
Отважный охотник Финлей (Перевод Н. Шерешевской)	405

Пириглуп (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	410
Черный Бык Норроуэйский (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	419
Ведьма из Файфа (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	429
Сэр Майкл Скотт (Перевод Н. Шерешевской)	434
Как Майкл Скотт в Рим ходил (Перевод Н. Шерешевской)	438
Рыжий Эттин (Перевод Н. Шерешевской)	441
Фэрн-дэнский брауни (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	446
Я-сам! (Перевод Н. Шерешевской)	450
Крошка-лепешка (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	453
Сказки про тюленей (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	458
Мак-Кодрам Тюлений	458
Охотник и морской житель	462
Приключения Айена Дирека и рыже-бурого лиса (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	468
Предание о замке Илен-Донен (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	480
Дети короля Эйла (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	485
Сказания о фейнах (Перевод М. Клягиной-Кондратьевой)	491
Древние фейны	491
Путешествие Финна в Локлен	492
Смерть Дирмеда	496
Как Финн добыл себе меч	502
Как покарали Конена	503
Зеленый остров	506
Сон фейнов в Великой скале	509
Легенда о Макбете (Перевод Н. Шерешевской)	511
ВАЛЛИЙСКИЕ СКАЗКИ	519
Пещера короля Артура (Перевод М. Литвиновой)	521
Поиски Олвен (Перевод Н. Шерешевской)	526
Предсказание судьбы	526
При дворе короля Артура	528
Поиски Олвен	532
Конец Великана-из-Великанов и свадьба Олвен	539
Как Тристан нашел Изольду (Перевод Н. Шерешевской)	540
Дева Озера (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	544
Солнце Лланфабона (легенда) (Перевод Н. Шерешевской)	549
Кэдуладер и козы (Перевод Н. Шерешевской)	550
Лопата земли (Перевод Н. Шерешевской)	554